

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

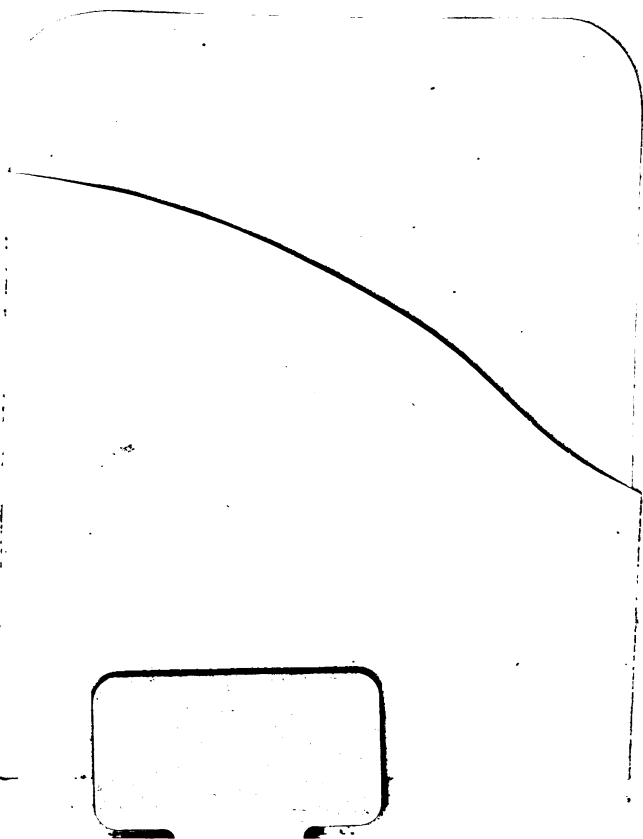
Мы также просим Вас о следующем.

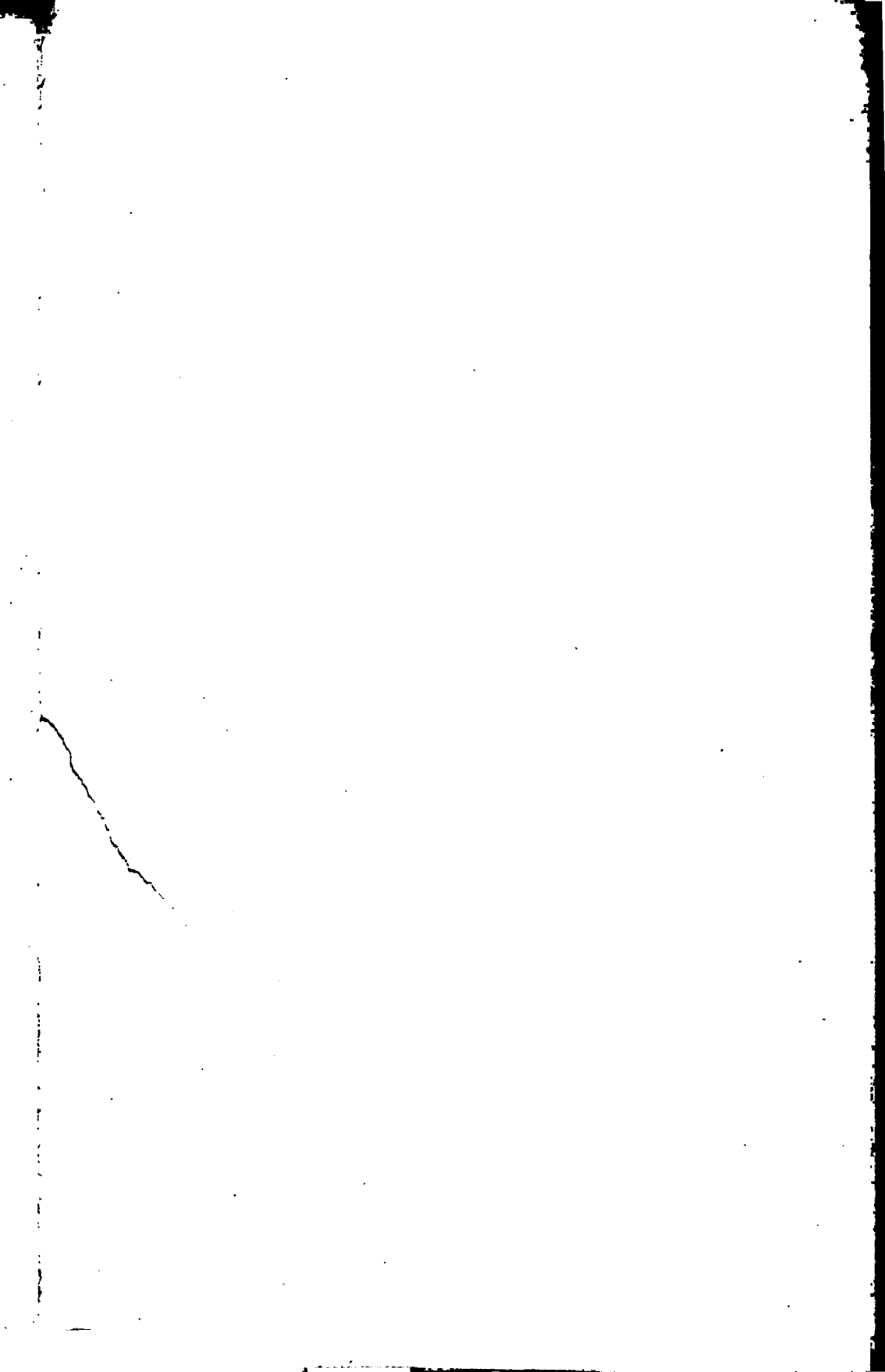
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P8aw 620.5 (1955)

МАЙ.

1907.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 5.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. НА ОГОНЕКЪ. Разсказъ В. І. Дмитріевой.
2. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДЕЗЕРТИРА.
Окончаніе. Виктора Шпанца.
3. * * * Стихотвореніе Г. Галиной.
4. ШАГЪ НА МѢСТѢ. Картинки казацкой мобилизаціи Ѳ. Крюкова.
5. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИДЕЙ ДЕКАБРИСТОВЪ. I—V. В. Семеvскаго.
6. ГОСПОДИНЪ и Г-ЖА МОЛОХЪ. Романъ. Переводъ съ французскаго С. Б. Окончаніе Марселя Прево.
7. * * * Стихотвореніе А. Чумаченко.
8. НАВСТРѢЧУ НОВОЙ ЖИЗНИ. Романъ. Переводъ съ англійскаго Б. Н. Никитенко и М. А. Шишмаревой. Окончаніе (Въ приложеніи) Р. Уайтинга.
9. ПОЭМА ИБСЕНА И СКАЗКА ГАУПТМАНА о побѣдномъ пораженіи А. Е. Рѣдько.
10. ЖИЗНЬ МОЛОДЫХЪ ДЕМОКРАТІЙ. Діонео.
11. ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ И СОЦІАЛИЗМА Н. Е. Кудрина.
12. ДЕПУТАТЫ ВТОРОЙ ДУМЫ. Очерки и наброски. Продолженіе. Тана.

(См. 2-ую стр. обложки).

13. КЪ БОРЬБѢ СЪ ПЕЧАТЬЮ А. Петрищева.
14. ОБЛЕТѢЛИ ЦВѢТЫ, ДОГОРѢЛИ
ОГНИ С. Елпатьевского.
15. СЛУЧАЙНЫЯ ЗАМѢТКИ: Полковникъ
Думбадзе — ялтинскій уѣздный «гене-
ралъ-губернаторъ». S. — О томъ же
предметѣ. О. Б. А.— Слова министровъ
и комментарий «Новаго Времени».
А. Петрищева. — Господа дуэлянты. В. Кор.
16. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. Аграрный
законопроектъ с.-р. А. В. Пышехонова.
17. НОВЫЯ КНИГИ:
Георгій Чулковъ „Тайга“.—Николай Рудин-
скій. Записки земскаго врача.—В. В. Сипов-
скій. Исторія литературы, какъ наука. —
Письма темныхъ людей.—Карлъ Бюхеръ.
Возникновеніе народнаго хозяйства.—Сло-
варь для всѣхъ. — А. С. Пругавинъ. Мона-
стырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектант-
ствомъ.— Новыя книги, поступившія въ ре-
дакцію
18. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦИИ.
19. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крест. въ разныхъ губ.: че-
резъ д-ра Николаи—5 р.; отъ Суркова—1 р. 20 к., Иванова—3 р.,
Шмакова—1 р., Новодережкина—1 р., Журавскаго—1 р., Кра-
сикова—50 коп., Львова—50 к., Тирскихъ—30 к., Кашелунова—
30 к., Зайцева—30 к., Авдюшева—50 к., Васильева—50 к., N. N.—
4 р. 90 к., изъ Тулуна; отъ X.—1 р. 16 к.; отъ N—10 р.; отъ
Л. Адовой, изъ Полоцка—5 р.; отъ фельдшерки В. Агрико-
лянской—5 р.; отъ М. Виноградовой—3 р.; отъ Натъ и Нины—
3 р.; отъ Е. Львовой—3 р.; отъ Е. Пылаковой, изъ Бала-
клавы—10 р.; отъ чиновъ инород. управл. Ставропольской
губ.—6 р. 08 к.; отъ А. Липкина, изъ Конска—10 р.; за III и
IV/07 г., отъ X. X. и N.—5 р. 40 к.; отъ Бондарева—60 к.; отъ
чиновъ IV землеустроит. партіи въ Алтайскомъ округѣ—86 р.
75 к.; отъ Е. Кутузова, изъ Корсакова 5 р.; отъ учащихся Бе-
резниковскаго училища—5 р.; отъ Ф. Л., изъ Читы—5 р.; отъ
А. С. Н.—10 р.; отъ В. Турковскаго, изъ Баку—10 р.; отъ
N. N. и Я.—12 р.; отъ Е. Верекундовой, изъ Новаго Буга—

(См. 3 ю стр. обложки).

МАЙ.

1907.

РУССКОЕ ПОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 5.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
РУССКОЙ ИСТОРИИ
С.-П. С.-П.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.

1907.

ИЗДАНИЕ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, ул. Спасской и Васковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписнымъ деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при выслѣхъ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 коп.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 15 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятые рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. На огонекъ. Разсказъ <i>В. И. Дмитріевой</i>	1— 21
2. Изъ воспоминаній дезертира. <i>Виктора Шпанца</i> . Окончаніе	22— 45
3. * * * Стихотвореніе <i>Г. Галиной</i>	45
4. Шагъ на мѣстѣ. Картинки казацкой мобилизаціи. <i>Θ. Крюкова</i>	46—106
5. Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ. <i>В. Семевского</i> . I—V.	107—152
6. Господинъ и г-жа Молохъ. Романъ <i>Марселя Прево</i> . Переводъ съ французскаго <i>С. Б.</i> Окончаніе	153—175
7. * * * Стихотвореніе <i>А. Чумаченко</i>	176
8. Навстрѣчу новой жизни. Романъ <i>Р. Уайтинга</i> . Пе- реводъ съ англійскаго <i>Б. Н. Никитенко</i> и <i>М. А.</i> <i>Шишмаревой</i> . Окончаніе (Въ приложеніи)	161—184
9. Поэма <i>Ибсена</i> и снэзза <i>Гауптмана</i> о побѣдномъ по- раженіи. <i>А. Е. Рѣдько</i>	1— 29
10. Жизнь молодыхъ демократій. <i>Діонео</i>	29— 56
11. Тридцать лѣтъ рабочаго движенія и социализма. <i>Н. Е. Кудрина</i>	57— 90
12. Депутаты второй Думы. Очерки и наброски. <i>Тана</i> . Продолженіе	90—108
13. Къ борьбѣ съ печатью. <i>А. Петрищева</i>	108—139
14. Облетѣли цвѣты, догорѣли огни. <i>С. Елпатьевского</i>	139—158
15. Случайныя замѣтки: Полковникъ <i>Думбадзе</i> —ялтин- скій уѣздный „генераль-губернаторъ“. <i>С.</i> —О томъ	

- же предметъ. *О. Б. А.*—Слова министровъ и ком-
ментаріи «Новаго Времени». *А. Петрищева.*—
Господа дуэлянты. *В. Кор.* 158—186
16. На очередныя темы. Аграрный законопроектъ с.-р.
А. В. Пышехонова. 187—200
17. Новыя книги:
Георгій Чулковъ „Тайга“.—Николай Рудинскій. Записки
земскаго врача.—В. В. Сяповскій. Исторія литературы,
какъ наука.—Письма темныхъ людей.—Карлъ Бюхеръ.
Возникновеніе народнаго хозяйства.—Словарь для всѣхъ.—
А. С. Пругавинъ. Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ
сектантствомъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 210—228
18. Отчетъ конторы редакціи.
19. Объявленія.
-

НА ОГОНЕКЪ.

Разсказъ.

Мы выѣхали со станціи часовъ около восьми вечера и не успѣли еще отѣхать версты три, какъ маленькій снѣжокъ, нехотя порхавшій въ воздухъ, внезапно сталъ падать крупными хлопьями, закрутился, загустился, и началась настоящая степная мятель. Все слилось въ одну общую бѣлую муть, и среди этой мути безпомощно болтались только однѣ наши сани, запряженныя парой плохонькихъ почтовыхъ лошадеенокъ. Ни впереди, ни позади, ни съ боковъ ничего не было видно, кромѣ холодной, крутящейся, снѣжной пучины, которая съ упрямой настойчивостью втягивала насъ въ себя, слѣпила глаза, перехватывала дыханіе. Я едва различала сквозь снѣгъ фигуру моего ямщика и только по раскатамъ саней и по жалобному треньканью колокольчика догадывалась, что мы еще ѣдемъ; по временамъ же мнѣ начинало казаться, что нѣтъ ни ямщика, ни лошадей, ни колокольчика, и я совершенно одна въ чистомъ полѣ, и никогда больше не увижу ни свѣта, ни солнца, ни людей...

Ямщикъ сначала довольно бодро посвистывалъ и покрикивалъ на лошадей, но чѣмъ дальше мы погружались въ снѣжную пучину, тѣмъ онъ становился все сосредоточнѣе и, наконецъ, совсѣмъ замолчалъ. Слышался только тихій шорохъ падающаго снѣга,—какъ будто кто-то смѣялся затаеннымъ, шипящимъ смѣхомъ,—да устало дребезжалъ колокольчикъ. Но вотъ и онъ вдругъ отрывисто вскрикнулъ и умолкъ; сани наши накренились на бокъ и съ размаху уперлись въ какой-то бугоръ. Мы стояли.

— Что такое?—спросила я, съ трудомъ отдирая отъ лица засыпанный снѣгомъ платокъ.

Ямщикъ ничего не отвѣчалъ и, спрыгнувъ съ облучка, началъ тыкать кнутовищемъ въ снѣгъ около саней.

— Сбились, что ли?—продолжала я, стараясь кричать какъ можно громче.

Ямщикъ подошелъ ко мнѣ.

— Дорогу замело! Не знаю, гдѣ ѣдемъ!

— Какъ же теперь быть-то?

— Да ужъ я и не знаю, какъ быть... Пойти въ поискать.

Онъ было повернулся, но я его остановила.

— Куда же идти? Не надо. Все равно теперь не найдешь дороги.

— И то не найдешь,—согласился ямщикъ.—Вѣдь ишь ты... крутитъ, собаки ее заѣшь! Кабы знать, не ѣздить бы... А теперича и назадъ ходу нѣту.

— Ну, что же дѣлать. Ты уже не ходи искать-то. Заблудишься еще.

Ямщикъ постоялъ, потыкалъ еще кнутовищемъ въ снѣгъ, походилъ около лошадей и, что-то бурча, снова влѣзъ на облучекъ. Снѣгъ крутился, и слышался затаенный, шипящій смѣхъ мятели.

Мы тронулись, но черезъ нѣсколько минутъ снова врѣзались въ сугробъ и остановились.

— Ахъ, чтобъ тебѣ, окаянному!—выругался ямщикъ. Ну, незадача! И завсегда мнѣ такая незадача! Другіе ѣздятъ, песь ихъ загрызи,—словно по бархату катятся, а вотъ какъ я поѣду, такъ оно и...

Онъ опять слѣзъ и съ сердитымъ ворчаньемъ принялся возиться вокругъ лошадей. Мнѣ казалось, что онъ сердится не только на мятель и на свою незадачу, но также и на меня, и я попробовала его утѣшить.

— Ничего!—сказала я.—Можетъ, какъ нибудь переждемъ. Слава Богу, теперь тепло,—авось не замерзнемъ.

Но ямщикъ не удостоилъ меня отвѣтомъ и съ рѣшительнымъ видомъ взгромоздился на свое мѣсто. Очевидно, онъ что-то надумалъ.

— Но, саврасенькіе, трогай! Съ Господомъ, милые... вытягивай!—крикнулъ онъ на лошадей. Потомъ обернулся ко мнѣ и сказалъ, понизивъ голосъ, какъ будто сообщалъ какую-то очень важную тайну:

— Теперича одно остается—пустить лошадей на волю Божію... можетъ, онѣ и вызволятъ. Лошадь—она тварь сурьевная... Она знаетъ!

Мы снова погрузились въ крутящуюся муть. Лошади шли съ большимъ трудомъ, увязая по колѣни въ рыхломъ, мягкомъ снѣгу; колокольчикъ тихонько вздыхалъ и плакалъ. Сани наши едва тащились, то зарываясь въ сугробъ, то съ рѣжущимъ скрипомъ полозьевъ волочась по голой землѣ. Часто лошади останавливались, и тогда сквозь шипѣнье мятели слышалось ихъ тяжелое дыханье, прерываемое нетерпѣливымъ звяканьемъ колокольчика. Это онѣ мотали голо-

вами, какъ будто совѣщались между собою, потомъ, постоявъ и подумавъ, трогались съ мѣста и шли неизвѣстно куда. Ямщикъ предоставилъ имъ полную свободу и только изрѣдка ободрялъ возгласами.

Не знаю, сколько времени длилось наше блужданье среди снѣговъ, потому что подъ убаюкивающее пѣніе мятеля меня начала одолѣвать дремота, и бывали минуты, когда я совершенно теряла сознание дѣйствительности. Долгій путь, безсонныя ночи въ вагонѣ, потрясающія впечатлѣнія послѣднихъ дней утомили мой мозгъ до крайности и, несмотря на неудобство положенія, по временамъ я впадала въ полное забытье и переносилась въ другой, далекій міръ. Мнѣ снились широкія улицы, ликующая толпа народа, красныя знамена, торжествующіе раскаты пѣсенъ свободы... потомъ выстрѣлы, крики злобы и отчаянія, свистъ пуль и нагаекъ, свирѣпыя лица убійцъ, окровавленные трупы... И кто-то тихонько плакалъ и стоналъ: „я иду... я иду-иду-иду“...

Въ одну изъ такихъ минутъ забытья этотъ скорбный плачъ вдругъ прекратился, и, съ усиленіемъ открывъ глаза, я поняла, что замолчалъ нашъ колокольчикъ. Мы опять стояли. Ямщика не было на козлахъ. Я окликнула его,—онъ не отзывался. „Ну, теперь уже конецъ!“ — подумала я и не почувствовала ни тревоги, ни сожалѣнія. Слипались глаза, и страшно хотѣлось спать.

Мятель все также смѣялась таинственнымъ, шепчущимъ смѣхомъ; лошади мотали головами, и печально вскрикивалъ колокольчикъ: „Я иду“!

„Ну, что же, конецъ, такъ конецъ!“ — опять подумала я, закрывая глаза, но въ ту же минуту гдѣ-то совсѣмъ близко зашуршали по снѣгу мягкіе шаги, и изъ бѣлой мглы вынырнуло мохнатое бѣлое чудовище.

— Ну, барыня, куда-й-то пріѣхали!—веселымъ голосомъ сказало чудовище.—Ужъ куда, не знаю, а пріѣхать пріѣхали!

— А что?—соннымъ голосомъ спросила я.

— Да лошади прямо въ ометъ воткнулись. Вы поглядите-ка!

Я поглядѣла. Дѣйствительно, сквозь снѣжную мглу мерещилось что-то большое, темное, и слышно было, какъ лошади аппетитно похрустывали сѣномъ.

— Я ужъ тутъ охаживалъ!—продолжалъ ямщикъ, обивая рукавицей снѣгъ съ тулупа. — Гумно — не гумно: не то одонья стоятъ, не то ометы. Какъ-никакъ, а все къ жилью ближе. Что жъ, ѣхать, что-ль, дальше-то?

— Что-жъ, поѣдемъ.

— Ну, сахарные мои, трогай!—съ нѣжностью обратился

ямщикъ къ лошадямъ. — Выручайте, конфеточки вы мои мармеладныя! Ахъ, и лошади! Я говорилъ, онѣ вызволятъ! Сурьезная скотина, дѣловая, не то что какая корова лопухая! Что корова? Корова—энта глупая: ей, дуравъ рогатой, только бы жвачка была, болѣ ничего, собаки ее задави. А лошадь—нѣтъ! Лошадь не такая! Она больше человѣка понимаетъ, вотъ она какая. Ахъ, и милая животная!

Онъ говорилъ безъ умолку, и слова у него такъ и сыпались, точно горохъ.

Послѣ жуткихъ впечатлѣній одинокаго скитанія по полю въ мятель, послѣ пережитыхъ тревогъ и страховъ онъ, видимо, впалъ въ возбужденное состояніе и на радостяхъ готовъ былъ обнять весь свѣтъ.

Однако, лошади совсѣмъ не раздѣляли восторговъ ямщика и очень неохотно разстались съ гостепріимнымъ стогомъ сѣна. Опять мы заколесили по сугробамъ, безпрестанно натываясь не то на стога, не то на скирды, и только черезъ полчаса выѣхали на ровное мѣсто. Лошади пошли ходѣе, и сани перестали кувыркаться изъ ухаба въ ухабъ.

— Дорога!—восторженно воскликнулъ ямщикъ.—И, ей-Богу же, дорога!.. А вонъ и огонекъ свѣтится..

— Гдѣ?

— Да вонъ, на лѣвой рукѣ то. Слава тебѣ, Царица Небесная; ужъ и не чаялъ-не гадалъ вольный свѣтъ увидѣть... Вотъ мы теперича на огонекъ-то и поѣдемъ. Эхъ, вы, кредитныя, живѣе дѣлайте! Сейчасъ грѣться будемъ!

Я изо всѣхъ силъ старалась разглядѣть огонекъ, на который указывалъ ямщикъ, и въ самомъ дѣлѣ увидѣла, наконецъ, тусклую желтую точку, едва-едва мерцавшую въ снѣжномъ вихрѣ. Иногда она исчезала, и тогда казалось, что мы опять крутимся въ пустынной степи, далекіе отъ всего живого. Вверху что-то гудѣло и стонало. Поднимался вѣтеръ. Начinalи зябнуть руки и ноги; клонило ко сну. „Я иду, я иду“... выговаривалъ колокольчикъ... И снова предомно развернулись широкія улицы, заколыхались красныя знамена, и въ ушахъ гремѣли твердыя, какъ желѣзо, гулкія, какъ удары молота, слова: „впередъ... впередъ... впередъ“!

Кракъ!.. Мы съ трескомъ ударились въ какую-то стѣну, сани подпрыгнули и остановились. Огромный, мутный, желтый глазъ подозрительно и сурово глянулъ на насъ сквозь густую снѣжную пелену.

— Приѣхали!...—бормоталъ ямщикъ.—Ну ка-сь, Господи благослови...

Онъ спрыгнулъ съ саней, суетливо подбѣжалъ къ мутному желтому глазу и сталъ стучать кнутовищемъ въ стекло.

— Хозявушки! А, хозявушки! Отворитесь-ка, родименькіе! Хозявушки!

Глазъ смотрѣлъ по прежнему сурово и недружелюбно и не давалъ никакого отвѣта.

— Ахъ ты, Господи!—восклицалъ ямщикъ, перебѣгая съ одного мѣста на другое и постукивая кнутомъ.—Что же это они, дрыхнуть, что ли? Пустите, милые, обогрѣться!.. Эй, хозявы! Вотъ вѣдь народъ какой, собаки ихъ загрызи,—ни привѣту, ни отвѣту... Хоть издыхай тутъ... Православные!.. Отопритесь, миленькіе... Черти проклятые, чтобы вамъ ни дна, ни покрышки...

Удары частой дробью сыпались въ стѣны и окна, проклятія перемежались съ ласковыми и нѣжными словами, наконецъ, гдѣ-то въ глубинѣ избы гулко хлопнула дверь, и въ свистъ и шипѣніе вьюги врѣзался сердитый мужской голосъ:

— Кто тамъ?

— Пустите обогрѣться, люди добрые!—умильно просилъ ямщикъ.—Заплутались... совсѣмъ замерзли... Не дайте погибнуть душѣ христіанской...

— Не пушаемъ!—рѣзко отвѣчалъ сердитый голосъ.—Важайте на вѣзжій дворъ... а мы не пушаемъ.

— Господи-батюшка!—возопилъ ямщикъ.—Да гдѣ его искать-то, вѣзжій дворъ? Ты погляди, что на дворѣ дѣлается,—не токмо дворъ, самого себя не видишь. Пусты, сахарный... барыня заплатитъ!

— Барыня? Да вы кто такіе?

— Проѣзжіе мы. Со станціи. Въ Покатиловку ѣдемъ.

— Вона! Въ Покатиловку... Да это совсѣмъ въ другую сторону. Кто васъ знаетъ, кто вы такіе!

— Говорю тебѣ, барыня... А я подрядился ее въ Покатиловку отвезти, да вотъ, видишь,—съ дороги сбились и сами не знаемъ, куда заѣхали.

Дверь опять хлопнула, сердитый голосъ умолкъ. Ямщикъ въ отчаяніи взмахнулъ руками и плюнулъ.

— Ушелъ, анаема! Ахъ, разорви тебя собаки! Чтобы тебѣ и въ гробу-то покою не было, окаянному, когда издохнешь!..

Но проклятія замерли у него на языкѣ, потому что хозяинъ вернулся съ фонаремъ въ рукахъ и подошелъ къ санямъ. Высоко поднявъ фонарь надъ головою, онъ заглянулъ мнѣ въ лицо, потомъ повернулся къ ямщику и сказалъ:

— Идите... А лошадей заворачивай во дворъ,—сейчасъ ворота отворю.

Они принялись хлопотать около лошадей, а я, еле двигая затекшими отъ долгаго сидѣнья ногами, вошла въ избу.

Изба была маленькая, тѣсная, въ одно оконце, но поражала какою-то странной мертвенною пустотою и отчужденностью, какъ будто изъ нея только что выпесли покойника. На полу, на лавкахъ ни соринки; нигдѣ ни донца, ни прялки, никакихъ слѣдовъ обычной бабьей работы; на голыхъ стѣнахъ ни одной лубочной картинки, какъ можно встрѣтить въ самой бѣдной крестьянской избѣ, — одинъ образа, безъ фольги, безъ всякихъ украшеній, сумрачно чернѣли въ переднемъ углу. Отъ большой печи съ широкимъ устьемъ вѣяло холодомъ. И мертвая тишина, и безлюдье... Только гдѣ-то наверху, подъ самымъ потолкомъ, слышалось сонное дыханье. На столѣ коптила крошечная лампочка безъ стекла, и вокругъ нея суетливо бѣгалъ тощій, голодный тараканъ въ тщетныхъ поискахъ чего-нибудь съѣдобнаго. Иногда онъ останавливался и сердито шевелилъ усиками, какъ будто хотѣлъ сказать: „Каково? Даже пожрать нечего! Ну, ужъ и хозяева“... потомъ опять принимался суетиться и, наконецъ, не найдя ничего подходящаго, юркнулъ подъ столъ. Лампочка коптила. За окномъ шуршала мятель. Въ печи что-то ухало и дребезжало. И жуткая тоска наплывала изъ холодныхъ, непріютныхъ угловъ, леденящимъ ознобомъ обволакивая сердце...

Въ сѣняхъ зашумѣли, затоптали, и въ избу, всѣ залѣпленные снѣгомъ, вошли хозяинъ и ямщикъ.

— Ну, вотъ и мы! — громко и весело заговорилъ ямщикъ, снимая шапку и крестясь на образа. — Еще здравствуйте! Ну, ужъ и погодка, забодай ее коза! Не чаялъ и живымъ быть...

Онъ шумно обивалъ валенки у порога, стряхивалъ съ себя снѣгъ и, казалось, наполнилъ собою всю тѣсную, молчаливую избенку. Его плутоватыя глаза блестѣли и смѣялись; смѣялось молодое раскраснѣвшееся отъ вѣтру лицо, смѣялась бѣлая, забавная борода, похожая на желтый пухъ молодыхъ гусенятъ. На него пріятно и весело было смотрѣть, и на сердцѣ у меня немножко отлегло. Хозяинъ молча раздѣвался у печи.

— Эко добро-то! — продолжалъ ямщикъ, отряхнувшись и присаживаясь у печи, на примостѣ. — Теперича только бы еще чайку горяченькаго... въ самый бы разъ! Лучше и не надо!..

— Ну, ужъ этого у насъ нѣту! — отозвался хозяинъ. — На счетъ этого не взыщите. Не то, что чаю, — хлѣба-то и то...

Ямщикъ сконфузился.

— Да я нешто взаправду? — смущенно проговорилъ онъ. — Какой тамъ чай... собаки его затрави... Тутъ, не то что чай, — радъ мѣсту... А вотъ покурить — покуримъ!

Онъ досталъ изъ кармана огромный кисетъ и сталъ

вертѣтъ цыгарку, а хозяинъ подошелъ къ столу, прибавилъ въ лампѣ огня и сѣлъ напротивъ меня.

— А вы что-жь не разбираетесь?—спросилъ онъ.—Просушились бы покудова. Оно, положимъ, у насъ не джое тепло, а всетаки...

Онъ не договорилъ и, какъ будто занятый какой-то другой мыслью, опустилъ голову на грудь и задумался. Я уже замѣтила у него эту манеру не договаривать словъ и внимательно на него посматрѣла. Ему на видъ было лѣтъ 40, и въ густыхъ темныхъ волосахъ его вмѣстѣ съ каплями растаявшаго снѣга блестѣла сѣдина. Отъ худобы всѣ кости лица рѣзко проступали сквозь кожу, и отъ этого лицо его имѣло жесткую опредѣленность, какъ будто было высѣчено изъ камня. И, вообще, во всей его фигурѣ, въ движеніяхъ, даже въ голосѣ было что-то твердое, законченное и глубоко сосредоточенное... Мнѣ вспомнились каменные лица Васнецовскихъ святыхъ съ ихъ крѣпко сжатыми губами, не умѣющими улыбаться, съ огромными неподвижными глазами, изъ которыхъ на васъ глядитъ великая вселенская скорбь.

Я стала „разбираться“ и безъ шубы и платка сразу почувствовала, что въ избѣ, дѣйствительно, „не джое тепло“. Изъ-подъ пола дуло; отъ стѣнъ шла холодная, пронзительная сырость. Хозяинъ молчалъ, уставившись въ полъ, а ямщикъ затыгивался, плевалъ, и снова затыгивался и говорилъ—говорилъ, видимо, желая излить всѣ свои впечатлѣнія и мало заботясь о томъ, слушаютъ его или нѣтъ.

— Ну-ну, и оказія!.. Диви бы, дорога была незнаткая, а то вѣдь я ее, какъ свой карманъ, знаю, вѣрное слово! Господи Боже мой, да я одного земскаго по ней возилъ разовъ пятнадцать, зарѣжь ее собаки! Ну, кабы не лошади, ка-аюкъ бы намъ съ вами, барыня, ей-Богу! Лежали бы теперича гдѣ-ни-то, кабытъ мерзлыя кочерыжки... Такъ и вертѣтъ, такъ и крутитъ, псы ее обдери! А онѣ, милныя, прямо на гумно вперлись. Гляжу,—и огонекъ мельтехается... Ну, мы на огонекъ-то и того...

При послѣднихъ словахъ его хозяинъ поднялъ голову и посматрѣлъ на ямщика съ страннымъ вниманіемъ.

— На огонекъ, говоришь?—спросилъ онъ.

— На огонекъ!

— Н-да!.. На огонекъ!..—повторилъ хозяинъ съ такимъ видомъ, какъ будто придавалъ этому слову какое-то особое значеніе, и сухое лицо его дрогнуло отъ сдержанной усмѣшки.

— Да какъ же! Тутъ, братъ, приперло, не знаешь, какому Богу молиться... И сипитъ, и евиститъ, зги не видно, ну, думаю, отгулялся Ёгорка на бѣломъ свѣтѣ! Какъ глядь, онъ

и мельтехается, и мельтехается... Ахъ ты, Господи, думаю, вотъ добрые люди-то, ночь на дворѣ, а они не спать...

— А кто теперича спить? — отрывисто вымолвилъ хозяинъ. — Теперича никому не до сну... Будя! Выспались... Подыматься надоть.

На лицѣ ямщика выразилось наивное удивленіе, но онъ ничего не сказалъ на слова хозяина и, докуривъ цыгарку, продолжалъ:

— А тутъ опять горе: подѣхали, стучимся, не отзываются. Ну ужъ и опарашилъ ты меня, хозяинъ! Пущать не хотѣлъ, а?

— Да вѣдь... какъ пущать-то? Кто васъ знаетъ, какіе вы такіе... Теперича всякіе народы ѣздютъ... тоже пущать-то...

— Какіе народы? — съ любопытствомъ спросилъ ямщикъ.

— Да мало ли!.. Я слышу, съ колокольцами... А съ колокольцами, извѣстно, кто ѣздітъ... Становой, урядникъ...

— Аль ты ихъ не любишь? — спросилъ ямщикъ, и плутоватая усмѣшка заиграла у него на губахъ.

— А ты скажи, кто ихъ любитъ? — жестко отвѣтилъ хозяинъ и, помолчавъ, добавилъ: — Оттого и не пушалъ. Думаю себѣ: хоть сдохни не дворѣ, а въ избу не допущу.

— Оно точно! — согласился ямщикъ. — Отъ этихъ добра не жди!

— Какое добро? Погибель... Все одно, какъ гады въ болотѣ: облѣпили и сосутъ! Ты погляди, какой народъ сталъ? Отъ вѣтру качаемся... Все отъ нихъ, отъ гадовъ. А тутъ еще... Мало своихъ... Казачья нагнали...

— У-у! — воскликнулъ ямщикъ и покрутилъ головой. — Казаки эти — бѣда!..

— Вотъ то-то и оно! — продолжалъ хозяинъ, выбрасывая каждое слово свое съ такимъ напряженіемъ, какъ будто оно было тяжелымъ камнемъ. — Взялъ бы я ихъ всѣхъ... связалъ въ одно, вотъ какъ снопы вяжутъ... да и зажегъ! Гори!.. — съ мрачной энергіей отчеканилъ онъ.

Въ эту минуту въ печи что-то сердито ухнуло, и вслѣдъ затѣмъ намъ всѣмъ послышалось, что въ наружную стѣну посыпались мелкіе удары.

Мы вздрогнули.

— Кабыть стучать... — робко проговорилъ ямщикъ.

Хозяинъ вышелъ. Ямщикъ проводилъ его недоумѣвающимъ взглядомъ и задумчиво почесалъ въ затылкѣ.

— А хозяинъ-то нашъ чтой-то... у-ухъ какой! — шепотомъ сказалъ онъ мнѣ, боязливо косясь на печь.

— А что?

— Сурьезный мужикъ...

Онъ не договорилъ. Вернулся хозяинъ и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Никого нѣту. Вѣтеръ,—спокойно сказалъ онъ.

— Мететь?—спросилъ ямщикъ.

— Мететь... Да вы, можетъ, спать ляжете? — обратился онъ ко мнѣ.

Но у меня сонъ совершенно прошелъ, и я отклонила предложеніе хозяина. Ямщикъ тоже отказался и съ растеряннымъ видомъ началъ вертѣть новую цыгарку. Хозяинъ пристально смотрѣлъ на меня, и въ его впалыхъ, неподвижныхъ глазахъ я увидѣла ту же неотвязчивую мысль, которая, казалось мнѣ, владѣла его душой.

— Вы изъ какихъ же мѣстовъ ѣдете? — спросилъ онъ, наконецъ.

Я сказала.

— Вонъ откуда! Стало быть, пошла машина-то?

— Ходить.

— Стало быть, прикончили забастовку-то? Такъ... Значить, сила не взяла. А мы, было, думали...

Тайная мысль, глядѣвшая на меня изъ его глазъ, становилась все навязчивѣе, и я испытывала мучительное безпокойство оттого, что вдругъ она вырвется наружу и завладѣетъ моей душой такъ же, какъ завладѣла душой этого окаменѣвшаго въ скорби своей человѣка.

— Ну, что-жъ, какъ въ вашихъ мѣстахъ? Слышать что-нибудь хорошенькое?—снова началъ хозяинъ.

Я коротко передала ему то, что видѣла и слышала въ эти послѣдніе дни. Лицо его не дрогнуло, только глаза стали глубже и темнѣе.

— Такъ!..—тяжело вымолвилъ онъ.—Видно, вездѣ одно и то же. Одинъ жерновъ, да вся сила въ ѣмъ: сколько зерна ни сыпь, все перемелеть.

— Ну, не толкуй! — вставилъ ямщикъ, обслюнивая свернутую цыгарку.—Бываетъ, и жерновъ объ зерно перетирается.

— Перетирается, вѣрно... Да не скоро! Сколько ему еще пудовъ стрескать надо? Тыщи!.. Можетъ, миллионы!

— А ты сыпь поболь! —шутливо замѣтилъ ямщикъ.—А то, коли зерно не беретъ, засыпь ему камней, да похрушше, живо треснетъ, прямо на двѣ половины! Зерно—вещія нѣжная, ну, а супротивъ камней ему, чорту, не устоять!

И, довольный своимъ остроуміемъ, онъ засмѣялся, обнаживъ вмѣстѣ съ зубами крѣпкія, розовыя десна.

Но хозяинъ ничего не отвѣчалъ на его шутку и, одержимый все тою же тяжелой мыслью, продолжалъ свои разспросы.

— Что-жъ, по машинѣ то все солдатъ, небось, везуть?

— Везутъ. Вчера цѣлый поѣздъ обогнали на одной станціи.

— И казаки ѣдутъ?

— И казаки.

По лицу хозяина проползла сумрачная тѣнь.

— Все, стало быть, на усмиренье... Да кто они такіе—эти казаки? Говорятъ, нашей вѣры... А мнѣ сумнительно.

— Почему?

— Да такъ. Кабы нашей вѣры были, не пошли бы на своихъ.

— А солдаты! Тоже нашей вѣры, а умиряютъ же.

— Ну, солдаты — нѣтъ! — возразилъ хозяинъ медленно, обдумывая каждое слово.—Солдаты... какой онъ ни на есть, а кровь-то въ ѣмъ всетаки наша, расейская. Съ казаками не сравнять. Ты погляди на него... сытый онъ, налитой весь, а глаза у него пустые... Какъ у звѣря. Нѣту у него понятія въ глазахъ!

— Въ родѣ какъ у волка!—серьезно сказалъ ямщикъ.

— Да... не нашей они вѣры! Никакъ я не думаю, чтобы они наши были. Нѣту въ нихъ Бога, души человѣчѣй нѣту! Волки они и есть... и всѣ дѣла ихнія—волчьи... А съ волка они что дѣлаютъ, а?

При послѣднихъ словахъ онъ поднялъ голову и впился мнѣ въ глаза неподвижнымъ, загадочнымъ взглядомъ, какъ бы ожидая возраженія. Но я молчала. Тощій тараканъ появился снова, озабоченно побѣгалъ по столу, остановился, понюхалъ что-то и тѣмъ же порядкомъ скрылся.

— Нѣтъ, а я что думаю...—продолжалъ хозяинъ, видимо, отвѣчая на свои собственные мысли, не дававшія ему покою.—Я думаю, и у звѣря понятіе есть. Пусто у него въ брюхѣ—онъ бросается; нажрался—лежитъ. Сытый онъ никого зря не тронетъ. А *эти*... они не разбираютъ. Бабы, дѣвки, ребята малые, имъ все одно, лишь бы человѣчиной пахло... Нагадять, натопчутъ, настервятничаютъ,—и чѣмъ ни поганѣ, то имъ слаще. Старухъ насильничаютъ... а? Да у него самого-то, у подлеца, есть мать, аль нѣтъ?

— Тьфу ты! — плюнулъ ямщикъ, и его дѣтское лицо болѣзненно передернулось.—И слушать-то греботно... задерни ихъ собаки!

Я посмотрѣла на хозяина. Глаза у него стали огромные, тусклые, и изъ нихъ на меня глядѣлъ черный ужасъ.

— У кума мово, Евдокима... бабка была...—хриплымъ шепотомъ вымолвилъ онъ.—Годовъ 70 ей было. Богомольная старуха... всѣ святія мѣста исходила. Бывалыча, какъ тебѣ на весну солнышко заиграетъ, такъ она сумку за спину, въ лапотки обуется, бадикъ въ руки—и пошла. Гдѣ-

гдѣ ни была: и въ Кіевѣ, и въ Воронежѣ, и въ Соловецкихъ, а домой возвратится, сколько этой святости принесетъ, все село одѣлать. Кому поясокъ отъ угодника, кому образокъ, кому просвирку... Мое, говорить, дѣло такое: работать стара стала, такъ хоша помолюсь за міръ крещеный. Ну... и что-жъ ты думаешь? Сволокли съ печи нашу богомольницу—испоганили... удавилась. Какъ, говорить, я теперича передъ святыми иконами въ церкви стоять буду?

Онъ помолчалъ и съ ужасающимъ спокойствіемъ добавилъ:

— А у меня надъсь тоже... сына забили.

Затаенная мысль вышла, наконецъ, наружу и огромной сумрачной тѣнью наполнила избу. Мнѣ почудилось, будто чья-то костлявая рука проникла въ мою грудь и сжала сердце холодными когтистыми пальцами.

— О, Господи!—громко вздохнулъ ямщикъ.

— Какъ забили?—шепотомъ спросила я.

— Да такъ... нагайками.

Съ печи слышались тихіе, всхлипывающіе звуки, точно дождь шелъ, мелкій, тоскливый, осенній дождь... У хозяина дрогнуло лицо.

— Ну, будя тебѣ!—сказалъ онъ, обернувшись къ печи и пояснилъ:—Баба моя... все плачетъ. Какъ вспомнить, такъ и... Одинъ сынъ-то былъ... Слышишь, будя!

Всхлипывающіе звуки замолкли, въ избѣ водворилось молчаніе. Мятель выла и стучалась въ окно и въ стѣны. Мужикъ сидѣлъ, не подымая головы; лицо его было сурово и строго, какъ застывшее лицо мертвеца. Потомъ онъ снова началъ выбрасывать изъ себя тяжелыя, каменные слова.

— Восемнадцатый годъ ему шелъ. Дотошный былъ парень. Все на станцію бѣгалъ за газетами. Бывало, погода-непогода—бѣжить! Много онъ ихъ таскалъ оттуда, газетъ-то. Прѣзжіе кидали. Наберетъ цѣлую вязанку, сейчасъ на улицу, къ мужикамъ,—и читаетъ. Народу-то со всего села соберется. Дуже ловко читалъ... покойникъ...

— За что же его забили?—спросилъ ямщикъ.

— А забили за манифестъ...

— За манифестъ?

— За него... Долго онъ его добивался,—любопытствовалъ. Къ попу сколько разовъ бѣгалъ; ну, попу говорить: погоди, малый, еще объявлять не приказано; вотъ прикажутъ—въ церкви вычитывать стану. Не унялся онъ этимъ и дневалъ, и ночевалъ на станціи, газетъ домогался. А газетъ нѣту, машина стала. Сколько изъ этого горя было! Грѣшный человекъ, серчалъ я на него: и что тебѣ, говорю,

эти газеты? Былъ бы хлѣбъ, а газетами сытъ не будешь. Нѣтъ, не слухалъ... Ну, подѣ конецъ добился. Прибѣгъ одна со станціи — бѣлый весь, какъ рубаха, а самъ дрожмя-дрожить. Радуйся, говоритъ, народъ православный! Земля и воля!.. По селу гомонъ пошелъ... Собрались съ пяти деревень и старые, и малые. Въ колокола звонили. Подняли его, сына-то, на руки: читай! Хорошо читалъ... Плакали всѣ. Кричатъ: слобода!.. Теперича всѣ равны, всѣ братья!..

Мужикъ немного запнулся и договорилъ почти шепотомъ:

— Ну, и запороли... Всѣ хряшки перебили... Глаза выстегали... Мясо-то съ костей лохмотьями слѣзало... Кубыть, баранья шуба...

Съ печи опять полился тихій, надрывистый плачъ. Розовое лицо ямщика побѣлѣло, глаза разсѣянно моргали.

— О, Господи!—повторилъ онъ и перекрестился.

— Да, будя тебѣ, говорятъ!—крикнулъ хозяинъ.—Чего тамъ... скундѣть-то... зря это. Богъ далъ, Богъ и взялъ. Юва-то многострадальнаго забыла? Читалъ онъ намъ про него, малый-то...—обратился онъ ко мнѣ.—Кубыть чуялъ... у насъ вонъ еще дѣвчонки остались, а у Юва многострадальнаго всѣ лютой смертью сгибли. И то не роптался. Ну, мы... Нѣтъ, я этого не могу. По совѣсти сказать, душа моя этого не примааетъ. Да вѣдь оно какъ? Пожалуй, насъ съ Ювомъ-то и равнять нельзя. Съ нимъ завсегда Богъ былъ, а мы вотъ... одни!.. Не видимъ мы около себя Бога... Можетъ, оно и возропчешь. Я вотъ теперича въ церкву пересталъ совсѣмъ ходить. Не могу молиться!.. Стою передъ образами, а мнѣ все Евдокимова бабка представляется... Ну, казни виноватыхъ, а ее то, думаю, за что? Она 70 лѣтъ прожила—козявки не раздавила, а ей, за ея молитвы, такое надруганіе... Думаю—думаю, возьму и выйду изъ церквы... потому, рука на крестъ не подымается. Гляжу на образъ, а вижу, кубыть оттудова на меня кто-то языкомъ дразнится. Попъ Евангеліе святое читаетъ, а у меня въ ушахъ свистъ и слова похабныя... Всѣ свои мысли я растерялъ и ничего теперича не знаю: есть Богъ, али нѣту его совсѣмъ, не то молиться, не то взять топоръ, да всѣмъ глотки порѣзать? Ужаснулся я!..

За стѣной взметнулся вѣтеръ, и мнѣ почудилось, будто въ залѣпленное снѣгомъ окно кто-то заглянулъ. Но хозяинъ ничего не видѣлъ и, уставившись въ полъ, глухимъ, окаменѣлымъ голосомъ продолжалъ рассказывать страшную повѣсть ужаснувшейся души.

— Мужики мы... Простые, сѣрые. Жили въ ямѣ, про-

свѣту никакого не видѣли. Ковыряли землю и глядѣли въ землю. А всетаки надѣялись... отъ Бога да отъ царя милости ждали. Думали,—коли не намъ, такъ хошь дѣтямъ нашимъ... А тутъ, какъ пошли бунты-то эти,—насъ словно оглоблей по лбу... Эхъ, думаемъ, нешто супроть Бога пойдешь? Богъ, батюшка, самъ знаетъ, что кому надо,—самъ терпѣль, и намъ велѣль... Вотъ те и Богъ.. Гдѣ онъ былъ, когда Евдокимову бабку-то съ печи сволокли? Стало быть, не было его? Аль ему это нужно было? Никакъ не пойму... Такъ вотъ теперича сижу и думаю, сижу и думаю, и никакой вѣры у меня ни къ чему нѣту... Сердце скупѣлось. Одно смутненье... На какой трактъ идтить—не знаю. Вотъ гляжу на людей и вижу, кубыть у нихъ когти на рукахъ растутъ. Синіе, да длинные... а изъ-подъ когтей кровь капаетъ. И такая дума въ головѣ: коли вы силомъ, такъ и я силомъ... Будя, намолились до удавки! Чѣмъ петли-то дожидаться, бери топоръ.

— Барыня... А барыня!—тихонько окликнулъ меня ямщикъ.

Я посмотрѣла на него. Бѣдный парень былъ самъ не свой и дѣлалъ мнѣ какіе-то таинственные знаки, показывая глазами на хозяина и тыкая себя пальцемъ въ лобъ. Но въ эту минуту хозяинъ поднялъ голову, и ямщикъ замеръ въ величайшемъ смятеніи.

— А давно это у васъ случилось?—спросила я, желая отвлечь хозяина отъ мрачныхъ безднъ, куда заглядывала его разстроенная мысль.

— Чего? Усмиренье-то? Да когда? Опосля Филипповокъ, кажись. Заговѣлись мы, какъ онъ манифестъ-то этотъ принесъ. А тутъ въ скорости и казаковъ пригнали.

— За чтеніе манифеста?

— А за что же больше-то? Больше ничего и не было, окромя какъ читали. Никакого бунту не было. Радовались всѣ... думали, взаправду—земля и воля. Ну, извѣстно, народъ собрался, шумѣли. Ребята „ура“ кричали. А ему сейчасъ въ голову и вдарило: дескать, бунтъ. Онъ нарочнаго на станцію, да въ губерню телеграмму...

— Кто?

— Да баринъ нашъ, Гордѣевъ.

— Гордѣевъ?—воскликнулъ ямщикъ, оживившись.—Такъ это, стало быть, село-то ваше—Гордѣевка? Ну, это я знаю! Господи, да какъ же не знать? И барина-то знаю, сколько разовъ къ нему акцизнаго возилъ. Домъ у него богатѣющій,—тамъ сады, тамъ ранжереи всякія, тамъ чего только нѣту! Богатый баринъ!

— Богатый!—съ угрюмой усмѣшкой подтвердилъ хо-

заяинъ.—Вотъ оно, богатство-то, это самое, и совѣсть у него, какъ червякъ, выточило. Души въ ѣмъ нѣту,—пустой онъ весь... замѣсто души-то дупло у него, какъ въ гниломъ деревѣ... Много горя мы отъ него нахлебались, а такого и не чаяли. Какъ донесъ онъ, стало быть, въ губерню, что у насъ бунтъ, сейчасъ полсотни казаковъ пригнали. Самъ набольшій слѣдомъ прѣхалъ, собрали сходъ. Мы этого ничего не понимали, пошли, какъ на праздникъ; думали, объявка насчетъ земли будетъ. Анъ вышелъ подвохъ... Перваго сына мово выхватили, а потомъ и зачали чесать направо и налево. Чистый адъ былъ!.. Бабы, ребята ревуть, падаютъ, землю грызутъ... Пришли въ бѣлыхъ рубахахъ, а домой вернулись въ красныхъ... Что дѣлали, Господи Боже мой! Изъ двора во дворъ ходили, сундуки ломали, одежду, птицу, овцу,—все тапили на барскій дворъ, дѣлили, рѣзали, жрали. Свистъ, пѣсни, гагайканье... вспомнить жутко...

Отъ внутренней дрожи хозяинъ повелъ плечами и продолжалъ:

— Они и теперича у него стоятъ... человекъ съ двадцать. Каждый день имъ по коровѣ рѣжутъ. Нешто ихъ хлѣбомъ укормишь? Народъ сытый, здоровый... ему наше ѣжево мужицкое не въ пользу. Ну, и каждый день корова, да вина по ковшу на брата. Распедрился баринъ-то... на широкую руку! Когда мы съ голоду сдыхали, небось, ему, бывало, отрубей жалко на крестьянскую душу дать, а теперича казаковъ на убой откармливаютъ, — ничего не жалко. Истинно, на убой!..—повторилъ онъ, и странный смѣхъ, похожій на скрежетъ ржаваго желѣза, неожиданно вырвался изъ его пересохшаго горла.

Съ печи что-то грузно свалилось на полъ, послышался тягучій стонъ, и въ мутно-желтомъ свѣтѣ лампочки обрисовалась высокая фигура съ распухшимъ темнымъ лицомъ, надъ которымъ виднѣлись сѣдые космы волосъ. Обратившій къ образамъ, она подняла обѣ руки кверху и заголосила:

— Матушка! Заступница! Царь небесный! Разрази ты ихъ, лиходѣевъ, молоньей огненной! Изсуши—развѣй по бѣлу свѣту чернымъ вихоремъ! Чтобъ глаза у нихъ полопались, да черва утробу выѣла заживо... Нехай чего просятъ—не допросятся, нехай смерти ждуть, да не дождутся, а и мать родная чтобы увидѣла, да не признала, отъ дитя свою рожонаго отказалась!..

Она выла и кричала, царапая воздухъ скрюченными пальцами, и въ груди у нея что-то хрипѣло и перекатывалось, и страшныя проклятія ея метались по избѣ, какъ черныя птицы, несущія на крыльяхъ своихъ злобу и месть.

На палатахъ кто-то завозился, послышался испуганный дѣтскій шепотъ.

— О Господи!—съ ужасомъ пробормоталъ ямщикъ.

— Баба, молчи!—сурово сказалъ хозяинъ. —Думаешь, услышитъ, что-ль?.. Не услышитъ, небось...

Баба какъ-то сразу сгасла, какъ потушенная свѣчка, и неслышно исчезла на печи. Хозяинъ поглядѣлъ ей вслѣдъ и съ кривой усмѣшкой сказалъ:

— Видали, какая? Подумаешь, сто лѣтъ прожила... а ей еще и сорока годовъ нѣту...

И, поведя плечами, какъ бы отъ внезапнаго озноба, прибавилъ утѣшительно:

— Ну, да какую ни то развязку, а сдѣлать надоть! Ты, братъ, вѣрно давеча сказалъ: и зерно жерновъ перетираетъ,—сыпь только поболѣ... Насыпемъ! Ужъ кто-нибудь одинъ: либо мы, либо они, а вмѣстѣ намъ житья нѣту!

Опять за окномъ что-то метнулось, и теперь я уже ясно увидѣла, какъ къ стеклу приникло чье-то лицо.

— Хозяинъ,—сказала я.—Кто-то въ окно глядитъ.

Хозяинъ вздрогнулъ и быстро обернулся къ окну, но тамъ уже никого не было, за то въ стѣну посыпался частый, drobный стукъ.

— Ага!—вполголоса воскликнулъ мужикъ и торопливо вышелъ въ сѣни.

Стукъ прекратился. Ямщикъ, весь блѣдный, съ расширенными отъ страха глазами, всталъ съ лавки и подошелъ ко мнѣ.

— Ой, барыня!—прошепталъ онъ.—Куда-й-то мы съ вами заѣхали? Что-й-то неладно здѣсь... и хозяинъ какой-то... Кубыть не въ своемъ умѣ. Аль ужъ поѣхать намъ, что ли?

— Да куда-же мы поѣдемъ? Вѣдь мететь!

— Да кто его знаетъ... Кубыть потише стало. Выдтить-бы на дворъ, поглядѣть, да боюсь... Ужъ лучше бы въ полѣ ночевать, —страшно здѣсь что-й-то. Гордѣевскіе мужики отчаянные, я ихъ знаю! Въ ихъ дѣла не суйся... придержи, да и концовъ не найдешь. Оголодали они...

Дверь широко распахнулась,—ямщикъ едва успѣлъ отскочить отъ меня. Но хозяинъ дома и не взглянулъ на насъ. Онъ поспѣшно стащилъ съ полаты полушубокъ, натянулъ его на плечи и подошелъ къ печи.

— Марья!—отрывисто вымолвилъ онъ.—Брось шапку мнѣ...

Баба кинула ему шапку и спустила ноги съ печи. Хозяинъ взялся за скобку двери.

— А топоръ-то?—закричала баба.—Куда ты безъ топора-то?

— Да гдѣ онъ?

— Погоди, сейчасъ...

Она спрыгнула съ печи, порылась подъ примостомъ, достала топоръ и сунула его въ руки мужику.

— На вотъ... Да коль возьми... Аль нѣтъ, коль-то я сама возьму... Охъ, родимые мои, да куда-жъ это я его засунула?..

— Да тебѣ-то чего? Аль идтить хочешь? Сиди дома!

— Сиди? Выдумалъ!.. Ну, что-же это за наказанье, куда онъ, чумовой, дѣлся?

Она съ безумной поспѣшностью лазила подъ лавками, наворачивала на ноги какое-то тряпье, что-то роняла, подымала и торопилась-торопилась... Они совсѣмъ забыли о насъ, какъ будто насъ и не было въ избѣ.

— Что-жъ, скоро ты?—сердито крикнулъ хозяинъ.

— Постой, постой... сейчасъ... Вотъ онъ!—бормотала баба, вытаскивая изъ-подъ лавки огромный заостренный коль.

— А, ну тебя въ болото!—сказалъ хозяинъ и вышелъ въ сѣни. Баба, на ходу впихивая руки въ рукава полушубка и волоча за собою коль, бросилась за нимъ.

На полатяхъ снова завозились; двѣ босыя маленькія ножки свѣсились внизъ, и плаксивый дѣтскій голосъ протянулъ:

— Мамка, куды-ы? И я съ тобо-о-й!..

— Цыть, каторжная!..—прикрикнула мать и съ проклятіями захлопнула за собою дверь. Коль прогремѣлъ по сѣнямъ, что-то упало, и наступила тишина.

Ребенокъ жалобно захныкалъ, но другой дѣтскій голосъ строго остановилъ его: „Нишквн! Вотъ онъ-те, казакъ-то, задастъ!“—и дитя притихло. Босыя ножки юркнули обратно на полати, и слышно было только, какъ одинъ дѣтскій голосокъ протяжно шепталъ: „да вѣдь ее убьютъ тама“!.. а другой быстро-быстро и ласково рассказывалъ что-то нѣжное, успокоительное... Потомъ оба замолчали.

Мы остались одни. Мятель какъ будто стихла, въ печи перестало ухать, и въ избѣ стало тихо, какъ въ могилѣ. Керосинъ въ лампочкѣ выгорѣлъ, и она медленно угасала. Огонекъ изо всѣхъ силъ боролся съ одолѣвавшею его тьмой и судорожно бился въ горѣлкѣ, то совсѣмъ задыхаясь, то снова ярко вспыхивая зеленоватымъ язычкомъ. Наконецъ, онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, взвился кверху, освѣтивъ на прощанье черные углы, и умеръ. Изба погрузилась въ мракъ и сдѣлалась похожа на глубокую, сырую яму. Только оконце, забитое снѣгомъ, чуть-чуть бѣлѣлось въ потемкахъ, напоминая застывшій глазъ мертвеца.

— Барыня, а барыня!—шепотомъ позвалъ меня ямщикъ. — Вы спите?

— Нѣтъ, не сплю.

— Что-же это такое, а? Куда это они побѣгли? Ну, хозяйева, обдери ихъ собаки... Лучше бы намъ въ ометахъ ночевать. Аль ѣхать, что-ль, отъ грѣха?

— Да что-же, поѣдемъ. Ступай, погляди, мететь или нѣтъ?

— О, Господи!—шумно вздохнулъ ямщикъ.—Да какъ же я пойду-то? Я что-й-то боюсь... Шуты ихъ знаютъ, что у нихъ тамъ такое, а я пойду одинъ на чужой дворъ? Да заѣшь ихъ собаки!.. Я еще не сбѣсился.

— Ну, пойдёмъ вмѣстѣ,—предложила я и ощупью стала пробираться къ двери. Но ямщикъ вцѣпился въ меня и не пускалъ.

— Да что это вы, барыня? Да вы сбѣсились? Да какъ это вы пойдете? Гордѣевскіе мужики... я ихъ знаю! Голодные они... какъ собаки... а голодный мужикъ—хуже волка! Кто ихъ знаетъ, какія у нихъ тамъ дѣла? Поди-ка сунься,—оглаушать чѣмъ ни попадя по башкѣ, да вотъ тебѣ и все...

Вдругъ въ черную тишину избы влились какіе-то стонущіе звуки, и могильный мракъ задрожалъ и заплакалъ.

— Что это такое?—прошептала я, чувствуя приливъ безотчетной тоски и страха.

— Гдѣ?—заикаясь, спросилъ ямщикъ.

— Слышишь?.. Кричатъ...

Мы стали слушать. Тягучій гулъ лился непрерывной струей, и, чудилось, тамъ, за стѣнами избы, кто-то большой и сильный одиноко рыдалъ среди глухой, безразсвѣтной ночи. А занесенное снѣгомъ оконце по прежнему смотрѣло на насъ тусклымъ, мертвымъ взглядомъ.

Я подбѣжала къ нему и, дыша на стекло, силилась всмотрѣться въ то, что совершалось на улицѣ. Но сквозь густыя хлопья снѣга, прилипшія къ стеклу, ничего не было видно; безумный вопль—одинъ носился въ холодной тѣмѣ, и она содрогалась отъ ужаса и боли, повторяя на всѣ лады: „а-а! а-а! а-а!..“

— Набать!—дико закричалъ мужикъ.—Ей-Богу, набать!.. Это они барыня!..—И онъ ринулся вонъ изъ избы, со всего размаху хлопнувъ дверью.

На полатяхъ залепетали испуганные, сонные голоса, и слышался громкій плачь. „Мамка! Мамка!“ кричалъ ребенокъ.

— Ш-ш!..—зашипѣли на него.—Чего ты, дурочка? Мамка сейчасъ придетъ... Спи, а то казакъ нагайкой запор...

„Казакъ“ подѣйствовалъ, и ребенокъ замолчалъ, давась слезами и тихонько всхлипывая.

— Не плачь, дурочка... — нашептывалъ ему другой пугливый голосокъ.—Услышите, бѣда будя!.. Плетки у нихъ дли-н-ныя, ремне-евыя... застегаютъ до смерти, какъ Ванюшку...

Я ходила взадъ и впередъ по избѣ, потирая окоченѣвшія

не столько отъ холода, сколько отъ волненія руки. Сердце у меня колотилось такъ сильно, что, мнѣ кажется, я сама слышала его громкій стукъ. По временамъ я подходила къ оконцу и вглядывалась въ бѣлый налетъ снѣга, стараясь что-нибудь увидѣть. Мысли вихремъ мчались въ головѣ; воображеніе рисовало чудовищныя картины... Какая драма происходила тамъ, за стѣнами этой, похороненной въ снѣгахъ, избѣ? Гдѣ ея хозяйка? Что выгнало ихъ изъ тепла и затишья въ угрюмую тьму холодной, вьюжной ночи? Можетъ быть, тамъ уже льется кровь, и кто-нибудь прощается съ жизнью, подъ страшнымъ мужицкимъ топоромъ, отточеннымъ голодомъ и местью?..

Въ сѣняхъ затоптали, въ избу ворвался ямщикъ и задышающимъ голосомъ самъ воскликнулъ:

— Барыня! Ёдемъ! Ничего, можно... Разгуливается погода-то! Такъ, чутокъ порошокъ, да это ничего, теперича не заблудимъ. Одѣвайтесь скорѣе, а я закладывать побѣгу!

Онъ ушелъ. Я разыскала въ потемкахъ свою одежду и стала закутываться. Сердце у меня ныло... Мнѣ не хотѣлось покидать эту убогую избу, гдѣ билась и токовала проснувшаяся крестьянская душа, не находя своего настоящего „тракту“, гдѣ на полатахъ, подъ грозный гулъ набата, сиротливо жались другъ къ другу ребятишки и вмѣсто розовыхъ сказокъ дѣтства шептали о казакахъ и нагайкахъ... Но надс было ѣхать: меня ждали другія дѣла, другіе люди. Я одѣлась, положила на столъ деньги за ночлегъ и вышла.

На дворѣ было бѣло отъ выпавшаго снѣга. Начинало морозить. Мятель стихла, но небо еще было затянуто мрачной мутью, изрѣдка ронявшей на земь одинокія снѣжинки. Смутно виднѣлись очертанія избъ, но нигдѣ ни огонька, ни звука, ни души живой. И среди этого жуткаго безлюдья только ревѣлъ, стоналъ и рыдалъ набатъ.

Ямщикъ уже выѣхалъ за ворота и возился около лошадей, ворча и жалуясь на свою несчастную долю.

— Собачья жисть! Ни тебѣ дня, ни тебѣ ночи—возишь, возишь, такъ и помрешь, возимши!.. И завсегда мнѣ такъ-то: другіе ѣздютъ—и не плутаютъ, и въ село хорошее попадутъ, а я завсегда, словно чортъ въ лужу, задеривася собаки... Ишь ты! На огонекъ заѣхали, погрѣться!.. Вотъ те и огонекъ! Вотъ те и погрѣлись!..

— Ну что, готово?—спросила я.

— Готово-то готово... А что, барыня, колоколець-то намъ никакъ подвязать отъ грѣха?

— Что-жъ, подвяжи.

— То-то, и я думаю подвязать. А то не ровень часъ, за становаго примутъ али за урядника,—накладутъ въ горбъ

за милую душу... А то еще и коломъ погладать... У нихъ это просто... Видали, баба-то какая?.. Отъ этой живой не уйдешь!..

— А гдѣ же горить? Не видать?

— Да кто его знаетъ... Я, признаться, и не глядѣлъ. Не найде это дѣло... Ну ихъ въ болото! Намъ только бы выѣхать поскорѣе. Готово, садитесь!

Я сѣла, и мы тронулись. Однако не успѣли проѣхать саженой сто, какъ вдругъ изъ сумрака вынырнула какая-то длинная, темная фигура и перегородила намъ дорогу. Еще дальше появилась другая фигура, потомъ третья, и мы очутились въ плѣну.

— Стой! Кто такіе?—послышался хриповатый окрикъ.

— Мы, дяденька, проѣзжіе!—зайскивающе отвѣчаль ямщикъ, сдерживая лошадей.—Со станціи ѣхали въ Покатиловку, да сбились, вотъ и плутаемъ ночнымъ дѣломъ... Прямо, бѣда!

„Дяденька“ подошелъ ближе и останоился около саней, пытливо всматриваясь въ меня. Въ рукахъ у него было что-то длинное,—не то вилы, не то громадный колъ.

— Много васъ тутъ плутаетъ...—пробурчалъ онъ.—Кого везешь-то?

— Акушерку!—вдохновенно совралъ ямщикъ.

— Акушерку-у?—протянулъ „дяденька“ недовѣрчиво.—Чія-такая?

— Чія-чія? Извѣстно, земская! Въ Покатиловку везу, къ больному, да, небось, ужъ и больной-то померъ, царство ему небесное,—всю ночь плутаемъ!

„Дяденька“ подумалъ немного и сказалъ уже болѣе добродушно:

— Ну, ладно... ѣзжай съ Богомъ!..

Ямщикъ ударилъ по лошадамъ, и мы понеслись, какъ бѣшеные, оставивъ позади себя и ряды безмолвныхъ изъбъ, и темныя фигуры грозныхъ сторожей, вооруженныхъ вилами и колыями. Звуки набата летѣли намъ въ догонку.

Мы мчались долго, не оглядываясь назадъ и не говоря ни слова. Только когда миновали околицу и вокругъ насъ розостлалась гладкая, бѣлая пустыня, ямщикъ останоилъ хрипѣвшихъ отъ бѣшенаго бѣга лошадей и, снявъ шапку, перекрестился.

— Слава тебѣ, Господи, выбрались!—съ облегченіемъ произнесъ онъ.—Ну и дѣла! Я ужъ такъ и думалъ,—пропадай моя телѣга, всѣ четыре колеса!.. Вилы-то у него—видали? Такъ я и думалъ: возьметъ онъ эти самыя вилы, да сначала меня на нихъ вздѣнетъ, а потомъ и васъ... Остервенился народъ!.. Спасибо, я про акушерку-то вспомнилъ!

— А зачѣмъ ты сказалъ, что я акушерка?

— Да какъ же! Этихъ они не тронуть... Акушерка, дохтуръ,—этихъ они ни за что не обидятъ! Мужикъ тоже понимаетъ, кто ему въ пользу, а кто—во вредъ...

Къ ямщику вернулось хорошее расположение духа, и онъ, видимо, намѣревался завести обстоятельный разговоръ на тему о мужицкихъ друзьяхъ и недругахъ. Пустивъ лошадей идти шагомъ, онъ, не торопясь, свернулъ цыгарку, закурилъ и—только что повернулся ко мнѣ, чтобы удобнѣе было бесѣдовать, какъ вдругъ весь осылъ и ахнулъ...

— Глянька-ся! Глянька-ся!..

Я поглядѣла назадъ. Въ сумрачной глуби ночного неба, словно гигантскій факель, стоялъ багровый столбъ огня и дыма.

— Это усадьба!..—сказалъ ямщикъ дрожащимъ голосомъ.— Она самая... Прощай, теперича, гордѣевскій баринъ! Здорово полыхаетъ...

Огненный столбъ взвивался все выше и выше, и бѣлая пустыня стала наливаться горячимъ румянцемъ. Хмурое небо, пухлые сугробы, крупы лошадей, лицо ямщика—все отсвѣчивало кровавымъ налетомъ, все казалось страннымъ и страшнымъ. Изрѣдка съ той стороны набѣгалъ вѣтеръ, и тогда въ мертвую тишину полей падали заглушенные, рыдающіе вопли. Тамъ все еще били въ набать.

Нѣсколько минутъ мы молча ѣхали среди этого страшнаго багрянца, не отрывая глазъ отъ огненного столба, колыхавшагося въ черномъ небѣ. Иногда лошади останавливались, косились по сторонамъ и, прядая ушами, тревожно храпѣли.

— Ловко горить...—со вздохомъ сказалъ ямщикъ.—И что тамъ теперича дѣлается—и-и-и!.. Дѣло ночное—живымъ не выскочишь... Казаки-то, небось... Народъ сытый, пьяный,—гдѣ легъ, тамъ и заснулъ... А просыпаться на томъ свѣтѣ приведется! Стр-расть!

— А, можетъ, еще потушатъ?—нерѣшительно замѣтила я.

— Потуша-атъ?—повторилъ ямщикъ, и въ голосѣ его мнѣ почудилось что-то злорадно-насмѣшливое.—Да нешто они дадутъ тушить? Ка-акъ же!.. Видали вы ихъ, какіе они? Баба-то?.. Да ей попадись, она глотку перегрызетъ и кровь пить стантъ... Нѣтъ, не потушатъ. Все сожгутъ до капельки, ни синь-пороха не оставятъ. И ранжереи, и винный заводъ, и рыгу—все ианичтожатъ... Одного хлѣба у него, небось, сколько тыщъ пудовъ. Господи, добра то добра-то что пропадетъ!—плачущимъ голосомъ добавилъ онъ и, подобравъ возжи, крикнулъ на лошадей:—Ну, голуби, заснули? Вмазывай!..

Лошади встрепенулись и подхватили. Дорога пошла

подъ гору, сани летѣли, какъ пухъ, и скоро багровый свѣтъ поблѣднѣлъ, сталъ таять и слился съ бѣлой мутью ночи. Когда я оглянулась, огненного столба уже не было видно, и только широкое мутно-розовое зарево волновалось на небѣ. Я долго смотрѣла на него, и мнѣ чудилось, что это какой-то свирѣпый призракъ подымается надъ русскою землею и медленно расправляетъ свои красныя крылья.

Спустившись въ ложбину, лошади опять пошли шагомъ; ямщикъ поднялъ голову и сталъ смотрѣть на пламенѣющую даль.

— Заведеніе огромное, дня три дымить будетъ,—въ раздумьи говорилъ онъ.—Хорошо жили, весело!.. Видаль я, какъ акцизнаго туда возилъ. Бывало, лѣтомъ, поглядишь... хорошо! Всѣ окна настѣжъ, музыка играетъ—органъ, что ли... галдарея во весь домъ,—господа сидятъ, либо чай пьютъ, либо кушаютъ. И цѣльный день такъ-то, безъ передыху... сыто жили, въ свое удовольствіе. А вотъ теперича въ одну минуту — ничего нѣту... Огонь-то что дѣлаетъ, а?

— Ничего, вѣдь у нихъ, навѣрное, все застраховано. Опять построятся.

— Да это, конечно...—нехотя вымолвилъ ямщикъ.—Дѣло господское,—построиться недолго... А всетаки безпокойство... Мужикъ—дуракъ; онъ этого не понимаетъ. Тутъ люди старались, наживали, можетъ, навѣкъ строили, а онъ съ дурьей головой экую махину на вѣтеръ пускаетъ... Э-э... да вонъ еще?—перебилъ онъ самъ себя, приподымаясь на облучкѣ.

— А что?

— Да пожаръ... Вонъ, во-онъ!.. Поглядите-ка!

Онъ показалъ кнутомъ направо. Тамъ маячило смутное, но широкое розовое пятно. Точно луна всходила.

— Каждый день жгутъ, каждый день!—продолжалъ ямщикъ взволнованно.—Надусь я дохтура возилъ, такъ въ четырехъ мѣстахъ краснѣлось. Ажно ѣхать жутко... Это, смотри, не Воропаевскіе ли хутора горятъ. А можетъ, князя Хмѣлевскаго сахарные заводы... Тамъ тоже лѣтось усмиренье было...

Онъ помолчалъ, глядя на переливы далекихъ пожарищъ, потомъ вдругъ не то заплакалъ, не то захохоталъ и воскликнулъ:

— Горитъ Рассея!.. Горитъ наша матушка! Вѣрно хозяинъ-то давеча сказалъ: ужъ кому-нибудь одному, а что-нибудь изъ этого будетъ... Ну, валай, ребяташки,—ѣхать свѣтло, теперича не заблудимъ...

В. І. Дмитриева.

Изъ воепоминаній дезертира.

VI.

Годъ въ Лондонѣ. На первикъ поракъ.

Было уже совсѣмъ темно, когда насъ спустили на берегъ. Думая, что теперь мы уже совершенно свободны, мы хотѣли взять извозчика и поѣхать по имѣвшемуся у насъ адресу, но не тутъ-то было: оказалось, что агентская власть еще надъ нами не кончилась, и что намъ предстоитъ въ своемъ родѣ смотрѣ. Для этого насъ ввели въ какой-то дворъ, здѣсь построили всѣхъ, какъ солдатъ, и затѣмъ, отдѣливъ отъ насъ ѣдущихъ дальше, потребовали отъ каждого изъ насъ, имѣвшаго что-либо въ рукахъ, по 6 пенсовъ, т. е. по 24 коп.

При этомъ получился такой курьезъ: у одного, кромѣ «тфилимъ» *), ничего съ собой не было. Эти тфилимъ были настолько велики, что въ карманъ не лѣзли, и онъ принужденъ былъ держать ихъ въ рукахъ. Этого было достаточно, чтобы съ него содрали 6 пенсовъ. Покончивъ съ этимъ, у насъ спросили, кому куда нужно, и дали намъ провожатыхъ. Я сказалъ, что мы съ Ц... сами найдемъ дорогу, но мнѣ на это отвѣтили, что обязаны насъ отвести. Пришлось пойти съ провожатыми. Улицы, по которымъ мы шли, были узкія, грязныя и, благодаря сильному туману и фабричной копоти, казались почти совсѣмъ не освѣщенными. Разнаго возраста, разныхъ національностей, люди какъ-то особенно хмуро, не глядя другъ на друга, торопливо проходили въ разныя стороны. Пересѣкая улицы, по крышамъ домовъ порой съ грохотомъ проносились поѣзда, и кое-гдѣ навстрѣчу попадался извозчикъ. Когда мы переходили одну изъ центральныхъ улицъ знаменитаго своей бѣднотой и грязью Уайтчепла, то видѣли, какъ группа ребятъ подъ звуки шарманки отплясывала какой-то танецъ. Странно было видѣть въ этой обстановкѣ живыя личики дѣтей, усердно шлепающихъ своими маленькими ножками о липкую грязь мостовой.

*) Молитвенныя принадлежности.

Потомъ опять начались узкія, мрачныя улицы съ безконечно длинными зданіями красно-коричневаго цвѣта. Дворы этихъ домовъ были устроены прямо съ панели и на одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи, что придавало всей улицѣ видъ тюремнаго коридора.—Вотъ здѣсь,—сказалъ нашъ провожатый, остановившись передъ дверьми № 42 въ одной изъ такихъ улицъ. И, ударивъ два раза кольцомъ, прикрѣпленнымъ къ дверямъ, слегка кивнулъ намъ головой и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, быстро исчезъ въ темнотѣ.

Дверь открыла полная дѣвушка, съ чернымъ, какъ у негрятки, лицомъ.—Кого вамъ нужно?—спросила она по еврейски, съ нѣмецкимъ акцентомъ, при чемъ загородила собой лѣстницу. Начался допросъ: отъ кого письмо, откуда сами и т. д. Затѣмъ нѣсколько секундъ колебанія и, наконецъ, отвѣтъ, что нашъ знакомый здѣсь не живетъ, и что только иногда бываетъ. Однимъ словомъ, было ясно, что мы не желательны, и намъ пришлось уйти. Но едва мы успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ та же черная дѣвушка догнала насъ и попросила зайти. Квартира, занимаемая этой дѣвушкой съ ея старушкой-матерью, состояла изъ одной только комнаты или, вѣрнѣе сказать, кухни, такъ какъ тутъ же была печь, гдѣ въ это время варился ужинъ. Оказалось, что тотъ, къ кому мы имѣли письмо, былъ женихомъ вернувшей насъ дѣвушки и жилъ тутъ же у нихъ. Самъ или Соломонъ, какъ звали ея жениха, работалъ на шапочной фабрикѣ и вскорѣ послѣ нашего прихода вернулся домой. Сначала онъ на насъ посмотрѣлъ довольно холодно, какъ бы говоря: и зачѣмъ васъ сюда принесло, безъ васъ тошно,—но потомъ, когда узналъ, что мы отъ его родственника изъ Берлина, быстро перемѣнился, и всѣ разомъ начали угощать насъ ужиномъ. Оказалось, что кузена своего онъ прямо боготворитъ, хотя совершенно не понимаетъ, и поэтому думаетъ, что разъ тотъ просилъ его принять въ насъ участіе—значить, мы этого стоимъ.

Тутъ, впрочемъ, я долженъ сказать, что гостепріимство это не было столь безкорыстнымъ, какъ часто встрѣчается у насъ, и въ тотъ же вечеръ, когда хозяинъ помогалъ намъ устроиться на квартирѣ, онъ, между прочимъ, напомнилъ намъ, что его будущая теща—женщина небогатая, и что мы хорошо сдѣлаемъ, если заплатимъ ей за ужинъ.

Комната или, вѣрнѣе, кровать, такъ какъ комнатой хозяева продолжали по старому пользоваться, была нами нанята въ той же улицѣ, гдѣ жилъ Самъ, за 6 шиллинговъ въ недѣлю.

Хозяева квартиры были тоже невольные выходцы изъ Россіи. У себя на родинѣ, гдѣ-то въ Литвѣ, они имѣли порядочное хозяйство, заключавшееся въ постояломъ дворѣ и мелочной лавочкѣ. Жилось имъ тамъ довольно недурно, но вотъ въ одинъ несчастный день въ мѣстечкѣ разразился еврейскій погромъ, и въ результатъ изъ зажиточныхъ людей они превратились въ нищихъ. Но этого мало: желѣзнымъ ломомъ громили пробили старику въ

трехъ мѣстахъ голову, и теперь онъ совершенно лишенъ памяти, лишенъ обонянiя и, будучи глупъ, какъ двухлѣтній ребенокъ, боится выйти одинъ на улицу, такъ какъ ему вѣчно кажется, что въ него бросаютъ камнями и со всѣхъ сторонъ окружаетъ его буйствующая толпа. Существуютъ они на то, что получаютъ отъ своихъ сыновей, живущихъ здѣсь уже нѣсколько лѣтъ, и старушка, очень добрая женщина, нянчится съ нимъ, какъ съ ребенкомъ. На другой день, по совѣту Сэма и при его помощи, мы купили себѣ по кепи, и мое пальто было нѣсколько передѣлано на англійскій ладъ. — «Главное, чтобы не походить на гринера», — наставительно говорилъ намъ Самъ и всячески старался измѣнить нашу внѣшность. Сдѣлавшись такимъ образомъ похожими немного на мистеровъ, мы начали подумывать о заработкѣ. Конечно, мы не ѣхали искать себѣ счастья и, будучи еще въ Берлинѣ, по разсказамъ знали уже, что и въ Лондонѣ нашему брату живется не легко, но все же то, что мы нашли здѣсь, превзошло всѣ наши ожиданiя.

Мы пріѣхали, какъ разъ, въ такое время, когда десятки тысячъ безработныхъ съ черными флагами ходили по городу, устраивая свои «голодные демонстраціи», во время которыхъ собирали себѣ на пропитаніе. Жутко было смотрѣть въ эти хмурые, блѣдныя лица, и, видя это огромное скопище голодныхъ людей, я мысленно собиралъ всѣхъ голодныхъ Россiи, и мозгъ мой застывалъ отъ ужаса. Да, времячко было не легкое! Тѣмъ не менѣе, мнѣ повезло, и я нашелъ скоро работу. При помощи все того же Сэма я поступилъ на ту шапочную фабрику, гдѣ работалъ онъ самъ. Поступилъ я туда сначала чернорабочимъ, но на слѣдующій же день меня поставили къ столу, и очень скоро я сдѣлался закройщикомъ.

Съ поступленіемъ на эту фабрику я попалъ въ круговоротъ, и съ этого дня началась для меня новая жизнь съ новыми лишениями и страшной тоской по родинѣ.

Фабрика, куда я поступилъ на работу, была довольно обширная, народу тамъ работало не менѣе двухъ тысячъ, и изъ нихъ развѣ только десятая часть англичанъ: остальные почти всѣ русскіе, и лишь небольшая часть румынъ, галиційцевъ и австрійцевъ.

Работали тамъ съ 8 утра до 7 вечера и получали: мужчины отъ 10 до 30 шиллинговъ въ недѣлю, а женщины отъ 4 до 10—11. Какъ живутъ эти женщины на свое жалованье, для меня до сихъ поръ остается загадкой, такъ какъ, получая на первыхъ порахъ 10 шиллинговъ, я буквально голодалъ. Не говоря уже о томъ, что мой обѣдъ почти всегда состоялъ изъ одного чая съ хлѣбомъ или какой-нибудь бурды, у меня часто въ четвергъ или пятницу кончались деньги, и я до получки оставался на пищѣ святого Антонiя. Въ такіе дни я вмѣсто столовой уходилъ въ библіотеку и

тамъ все обѣденное время проводилъ за чтеніемъ русскихъ газетъ. Очень маленькая и довольно грязная библіотека всегда была переполнена людьми. Да не подумаетъ читатель, что жажда чтенія, желаніе узнать, что новаго принесли газеты и журналы, въ истрепанномъ видѣ лежащіе на столѣ, собрали сюда этихъ блѣдныхъ, съ красными глазами, измученныхъ людей и заставили ихъ не только наполнить собою библіотеку, но еще цѣлыми десятками толпиться на лѣстницѣ. Нѣтъ, совсѣмъ не то: они пришли сюда немного согрѣться и, если придется, то даже вздремнуть.

Дѣло въ томъ, что, не имѣя работы, они не имѣютъ квартиръ и, будучи голодны, должны всю долгую зимнюю ночь бродить по улицамъ города, не смѣя нигдѣ присѣсть, не смѣя остановиться. Кто не выдерживаетъ этихъ ночныхъ прогулокъ, тотъ падаетъ гдѣ-нибудь на улицѣ и тогда только, помѣщенный въ больницу, отдохнетъ. Другіе жѣ, кто повыносливѣй, ходятъ цѣлыя недѣли, иногда даже мѣсяцы.

Для того, чтобы веселѣй было ходить, собираются цѣлыми компаніями и часто заходятъ далеко въ центръ города, гдѣ блестящіе магазины ломятся отъ всевозможныхъ товаровъ и гдѣ всю ночь напролетъ кутать сильные міра сего въ своихъ ярко освѣщенныхъ отеляхъ. Понятно, что хотя положеніе мое было весьма незавидно, въ сравненіи съ этими людьми я былъ прямо счастливцемъ, такъ какъ работалъ, и мѣсто мое было не временное, не «сезонное», какъ здѣсь говорятъ, а постоянное. Совсѣмъ не то въ другихъ ремеслахъ, особенно въ портняжномъ, которымъ занята добрая половина всѣхъ эмигрантовъ. Тамъ работать приходится всего нѣсколько мѣсяцевъ въ году, все же остальное время ходить безъ дѣла и ждуть, когда, наконецъ, начнется «сезонъ». Работаютъ почти всегда поштучно, и съ началомъ сезона начинается въ буквальномъ смыслѣ нечеловѣческій трудъ. Рабочіе знаютъ, что сезонъ недолговѣченъ, что рабочая пора скоро кончится, ее замѣнятъ: холодъ, голодъ, безпріютность, напрасное хожденіе по мастерскимъ. И всякій изъ нихъ старается какъ можно больше выпробовать и хотъ сколько-нибудь прикопить на черный день, который неминуемо долженъ наступить. И вотъ, начинается безумная снѣжка, недопустимая трата человѣческихъ силъ. Рабочій день въ это время продолжается чуть не круглыя сутки, и портные жалѣютъ лишь о томъ, что эти сутки такъ коротки, и что нужно хотъ сколько-нибудь, но все же поспать.

Въ одинъ изъ такихъ «сезоновъ» я жилъ, окруженный портными. Часовъ въ 12 ночи, когда я ложился спать, мнѣ долго не давали они уснуть, стуча во дворъ своими машинами, и, лежа въ кровати, я видѣлъ, какъ въ домѣ черезъ улицу сидятъ люди, согнувшись надъ своей работой. Иногда, проспавъ 2 — 3 часа, я просыпался, всякій разъ убѣждаясь, что портные все еще работаютъ. Это «все еще работаютъ» такъ дѣйствовало на мою пси-

хиху, что я съ большимъ трудомъ выжилъ тамъ двѣ недѣли и, въ концѣ концовъ, долженъ былъ перемѣнить свою квартиру.

Я уже говорилъ, что съ поступленіемъ на фабрику началась для меня новая жизнь, жизнь эмигранта, тоскующаго по своей родинѣ. Для того, чтобы о ней говорить, слѣдуетъ сначала сказать нѣсколько словъ объ эмигрантахъ вообще.

Извѣстно, что эмигрируютъ люди по разнымъ причинамъ, съ разными цѣлями и различными взглядами на жизнь, и понятно поэтому, что эмиграція не составляетъ какой-либо однородной массы, а дѣлится на нѣсколько группъ, которыя и живутъ каждая по своему, насколько это позволяютъ условія.

Главные двѣ группы: люди, просто переселившіеся въ другую страну, и люди, почему-либо бѣжавшіе и немогущіе вернуться на родину.

Самые типичные представители добровольныхъ переселенцевъ — такъ называемые «искатели счастья». Идеаль ихъ во чтобы то ни стало добыть побольше денегъ. И вотъ, когда оказывается, что разбогатѣть и на чужбинѣ очень трудно, быть можетъ, даже труднѣе чѣмъ у себя на родинѣ, одни, менѣе твердые, скоро разочаровываются и, выбившись изъ силъ, въ самомъ жалкомъ видѣ возвращаются во свояси, другіе же, кто понастойчивѣй, остаются здѣсь навсегда, и мнѣ кажется, что нѣтъ той подлости, нѣтъ той мерзости, передъ которой остановились бы они въ своемъ стремленіи разбогатѣть. Это они, будучи еще гринерами, своимъ штрейбребхерствомъ мѣшаютъ другимъ рабочимъ улучшать свое положеніе. Это они, сдѣлавшись хозяевами, поддерживаютъ «систему потѣнья», дѣлая этимъ нецѣлостной въ глазахъ англичанъ всю русскую эмиграцію, на которую большая часть изъ нихъ часто смотритъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

Родственниковъ по духу этимъ господамъ мы находимъ и во второй группѣ, въ группѣ такъ называемыхъ эмигрантовъ по неволѣ. Я говорю о людяхъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованія за разные уголовныя преступленія, — хотя бы, напр. тѣхъ дезертировъ, которые бѣжали отъ солдатчины не потому, что они враги милитаризма, не потому, что они не могутъ выносить всѣхъ оскорбленій и униженій, выпадающихъ на долю русскаго солдата, а просто потому, что служить не выгодно, что за издѣвательства имъ ничего не заплатятъ.

Невольными же, но совсѣмъ другого сорта переселенцами слѣдуетъ назвать еще и тѣхъ, кто бѣжитъ, спасая себя и своихъ близкихъ отъ погромовъ; не мѣшаетъ также вспомнить, что у насъ имѣется «черта еврейской осѣдлости», гдѣ массы людей буквально задыхаются отъ тѣсноты и, не имѣя возможности переселиться куда-нибудь въ Россію, должны покидать свою родину

не для того, чтобы въ чужой странѣ разбогатѣть, а для того, чтобы не умереть съ голоду самимъ и не уморить своихъ дѣтей. Понятно, что на такихъ эмигрантовъ нельзя смотрѣть, какъ на людей, добровольно переселившихся на британскіе острова, такъ какъ горькая нужда заставила ихъ покинуть свою родину, которая — какъ ни какъ — мила всякому человеку. Но все же, по моему, наибольшимъ правомъ называть себя невольными переселенцами должны пользоваться политическіе изгнанники, вырвавшіеся изъ-за толстыхъ стѣнъ русскихъ тюремъ или бѣжавшіе изъ далекой угрюмой Сибири, гдѣ не одно уже поколѣніе русскихъ борцовъ за свободу сложило свои буйныя кости.

Я упоминалъ уже о библіотекѣ. Она устроена и поддерживается политическими изгнанниками, которые въ лучшія времена удѣляютъ на нее нѣкоторую часть своего скуднаго заработка, а въ худшія — приходятъ туда отдохнуть отъ неудачныхъ поисковъ работы и изнурительной ночной ходьбы по большому туманному городу. Въ этой библіотекѣ я встрѣтился со своими людьми и, такимъ образомъ, скоро попалъ въ товарищескую среду, гдѣ часто устраивались митинги, читались лекціи, всевозможные рефераты и сообщались самыя послѣднія новости изъ Россіи.

Тамъ же происходили иногда самыя неожиданныя встрѣчи; такъ однажды, мѣсяца черезъ 3 послѣ пріѣзда въ Лондонъ, когда я выходилъ изъ библіотеки, намереваясь пойти домой, ко мнѣ сзади кто-то подбѣжалъ и, не давъ времени оглянуться, крѣпко заключилъ меня въ свои объятія. Оказалось, что это одинъ мой хорошій товарищъ, 9 мѣсяцевъ тому назадъ бѣжавшій изъ полка, стоявшаго въ томъ мѣстѣ, гдѣ я жилъ. Когда онъ уѣхалъ, я страшно за него беспокоился и съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ письма, которое онъ обѣщалъ написать въ тотъ же день, какъ очутится за границей. Но время шло, никакого извѣстія отъ друга не получалось, и мое безпокойство постепенно стало смѣняться обидой и разочарованіемъ.

Будучи уже въ Лондонѣ, я въ письмахъ часто справлялся о немъ, но никто ничего не могъ мнѣ на это отвѣтить — и вдругъ я теперь вижу его передъ собой. На головѣ у него хотя и было кепи, но весь остальной костюмъ указывалъ на то; что онъ только что пріѣхалъ. И дѣйствительно, всего третій день, какъ онъ сошелъ съ корабля, все же остальное время прожилъ нелегально въ Россіи. Нечего и говорить о томъ, какъ я былъ радъ этой встрѣчѣ и какимъ сюрпризомъ это было для Ц., когда мы оба пришли домой. Съ этихъ поръ мы ежедневно сходились втроемъ, а когда Ц... долженъ былъ переселиться въ другую часть города, гдѣ нашелъ себѣ работу, Роговичъ перебрался ко мнѣ, вскорѣ поступилъ со мной на фабрику, и больше мы не разставались, пока оба не уѣхали изъ Лондона. Всегда вмѣстѣ, мы усердно посѣщали митинги, упиваясь свободной проповѣдью социализма, и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали

наступленія перваго мая. Еще будучи въ Россіи, мы часто слышали и читали о томъ, какъ европейскій пролетаріатъ празднуетъ этотъ международный праздникъ труда, какъ, прекративъ работы на фабрикахъ и заводахъ, десятками тысячъ выходятъ рабочіе на улицы и, двигаясь по нимъ стройными рядами, демонстрируютъ такимъ образомъ свою силу и солидарность передъ капиталистами.

Каково же было наше огорченіе, когда на самомъ дѣлѣ вышло нѣчто неизмѣримо меньшее, чѣмъ мы ожидали. Такъ, во-первыхъ, празднованіе было перенесено съ пятницы на воскресенье, а во-вторыхъ, вмѣсто десятковъ тысячъ, на демонстрацію пришло, по газетнымъ сообщеніямъ, 3.000, въ дѣйствительности же—и того не было. Впослѣдствіи мнѣ пришлось 1-е мая провести въ одномъ финскомъ городѣ съ 30-ю тысячнымъ населеніемъ, и я долженъ сознаться, что тамъ демонстрація была многолюднѣе и лучше обставлена, чѣмъ въ Лондонѣ. Конечно, все мною рассказанное относительно празднованія перваго мая въ Лондонѣ не слѣдуетъ принимать за признакъ неорганизованности англійскихъ рабочихъ, такъ какъ ихъ требованія, какъ это всѣмъ извѣстно, весьма энергичны, и остается только пожалѣть, что нельзя сказать того же по поводу юніоновъ, образованныхъ эмигрантами. Есть, напримѣръ, цѣлая фабрика (о мелкихъ мастерскихъ нечего и говорить), гдѣ работаютъ одни эмигранты, не принадлежащіе ни къ какому союзу. Примѣромъ можетъ служить та фабрика, на которой я самъ работалъ. Здѣсь, помимо того, что заставляютъ взрослого человѣка работать за 10 шиллинговъ въ недѣлю, допускаютъ по отношенію къ гринерамъ еще такія вещи.

Роговичъ далъ одному изъ рабочихъ какую-то книгу; черезъ нѣсколько дней тотъ принесъ ее обратно и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Роговичъ шелъ съ этой книгой въ рукахъ, чтобы положить въ карманъ висѣвшаго на вѣшалкѣ пиджака, его замѣтилъ директоръ.—«Потрудитесь надѣть на себя пиджакъ и послѣдовать за мной въ контору,»—вѣжливо сказалъ онъ Роговичу, и когда они туда пришли, директоръ очень точно высчиталъ, сколько времени Роговичъ проработалъ послѣ получки, при чемъ не заплатилъ ему даже за тотъ часъ, который не далъ доработать до свистка. Подавая ему нѣсколько шиллинговъ за отработанное время, онъ съ ехидной улыбкой на губахъ проговорилъ:—«Теперь у васъ будетъ много времени для чтенія книгъ».—Роговичъ, разумѣется, безъ всякихъ результатовъ протестовалъ противъ такого внезапнаго отказа.

Въ хлѣбопекарняхъ и бараночныхъ работаютъ по 14—16 и даже болѣе часовъ въ сутки, при чемъ едва зарабатываютъ себѣ на хлѣбъ. О сапожникахъ нечего и говорить,—ихъ трудъ оплачивается такъ плохо, что приходится работать чуть ли не круглыя сутки для того, чтобы имѣть возможность существовать.

Отчего же въ Англіи существуютъ (для эмигрантовъ) такіа

ужасныя условія труда, какихъ уже и въ Россіи нѣтъ?—спрашивалъ я себя, и отвѣтъ на этотъ вопросъ получался одинъ: эмигранты въ Лондонѣ не организованы. Но почему не организованы? Въдь, по англійскимъ законамъ, не только не воспрещается организовываться въ профессиональные союзы, но даже пользуется большою свободой пропаганда такихъ идей, какъ социализмъ и анархизмъ. Почему же эмигранты-рабочіе такъ мало способны къ борьбѣ?

Впослѣдствіи я отчасти понялъ, отчего это происходитъ. Дѣло въ томъ, что Лондонъ не есть такое мѣсто, дальше котораго ничего уже нѣтъ, что влекло бы къ себѣ эмигранта. Наоборотъ, Лондонъ считается пунктомъ, изъ котораго открыты двери рѣшительно во всѣ излюбленныя мѣста. И вотъ, когда кто-нибудь изъ эмигрантовъ убѣждается, что въ Лондонѣ довольно-таки трудно устроиться, онъ начинаетъ мечтать о поѣздкѣ въ Америку и въ Лондонѣ живетъ лишь какъ бы проѣздомъ. Понятно, что, при такихъ обстоятельствахъ нельзя ожидать, чтобы человѣкъ особенно интересовался мѣстной жизнью, старался бы войти въ какой-нибудь союзъ и т. д. Здѣсь нужно замѣтить, что все это относится не только къ искателямъ счастья. Возьмемъ, на примѣръ, русскихъ революціонеровъ. Живя въ Россіи, каждый изъ нихъ, не смотра ни на какія преслѣдованія, входилъ въ какую-нибудь организацію; здѣсь-же, при всей той свободѣ, какая существуетъ въ Англіи, онъ часто находится въ числѣ неорганизованныхъ. Это происходитъ опять-таки по той причинѣ, что революціонеры такъ же, или, быть можетъ, еще въ большей степени, считаютъ свое пребываніе въ Лондонѣ временнымъ, такъ какъ одни стараются вернуться въ Россію, а другіе,—кто считаетъ свое возвращеніе невозможнымъ,—уѣзжаютъ дальше.

VII.

Желтые и зеленые.

«Желтыми» называютъ себя давно живущіе въ Лондонѣ эмигранты. Большинство ихъ покинуло Россію еще въ тѣ времена, когда въ какомъ-нибудь захолустьи о «политикѣ», о какой-то «борьбѣ» не было и помину, когда 11 — 12 лѣтніе мальчики, отданные въ ученіе къ какому-нибудь ремесленнику, становились чуть ли не полной его собственностью, съ которою онъ обращался, какъ съ домашними животными, заставляя ихъ исполнять всѣ черныя работы по дому и за все это вознаграждая колотушками. Понятно, что, каковы бы ни были условія въ Лондонѣ, — 10 или 20 лѣтъ назадъ они были гораздо лучше, чѣмъ теперь; въ сравненіи же съ тѣми, въ которыхъ эти люди жили дома, они

кавались имъ очень хорошими. И поэтому, сколько бы ихъ ни эксплуатировали ихъ «лансманы» (земляки), пожелтѣвшіе раньше ихъ, все равно они были довольны своей судьбой.

Сохранивъ всѣ свои предрассудки, унаслѣдованные отъ отцовъ, и не впитавъ въ себя духовной культуры англичанъ, они переняли отчасти внѣшнюю цивилизацію и мнѣть себя «англишмэнами».

Россію они представляютъ себѣ такой, какой она была лѣтъ 15—20 тому назадъ въ пониманіи темнаго захолустнаго человѣка, и поэтому смотрять сверху внизъ на вновь пріѣзжающихъ соотечественниковъ, презрительно называя ихъ «зелеными ослиами». А между тѣмъ, многіе изъ этихъ зеленыхъ ослівъ въ развитіи своемъ стоятъ неизмѣримо выше своихъ пожелтѣвшихъ земляковъ и, вмѣсто того, чтобы безропотно склониться передъ авторитетомъ этихъ джентльменовъ, смотрять на нихъ, какъ на полудикихъ, и, что всего болѣе возмущаетъ ихъ, хотять ихъ чему-то учить.—«Зеленые теперь умнѣй желтыхъ стали», — говорятъ эти господа по адресу неподатливыхъ новичковъ и съ сердцемъ прибавляютъ: «Да, когда-то зеленые работали на желтыхъ, теперь выходятъ совсѣмъ на оборотъ».—И, дѣйствительно, за послѣднее время стали не рѣдки случаи, что въ то время, когда, напримѣръ, нѣсколько человѣкъ портныхъ, давно уже пожелтѣвшихъ не только въ смыслѣ переносномъ, но и въ буквальномъ, сидятъ въ мастерской до часу или до двухъ ночи, какой-нибудь «гринеръ», едва успѣвшій сойти съ корабля, въ 7—8 часовъ преспокойно одѣвается и идетъ себѣ, куда ему нужно. Хозяинъ, у котораго этотъ гринеръ какъ разъ работаетъ поденно, недоумѣваетъ.—«Идете ужинать?»—спрашиваетъ онъ не во-время прекратившаго работу. — Да, между прочимъ, и поужинаю,—флегматично отвѣчаетъ тотъ и начинаетъ прощаться.—«Какъ, развѣ вы сегодня думаете больше не работать?»—возмущается хозяинъ, и когда гринеръ отвѣчаетъ, что позже 8-ми работать не намѣренъ,—онъ немедленно ему отказываетъ. Характерно, что желтые, остающіеся сидѣть за своей работой, не только не возмущены поступкомъ своего хозяина, но вполне ему сочувствуютъ.

Само собой разумѣется, что все сказанное о «желтыхъ» и «зеленыхъ» исключенія. Есть «желтые», которые за годы, проведенные въ Англіи, сдѣлались вполне развитыми образованными людьми и все знаніе свое и энергію затрачиваютъ на то, чтобы хоть сколько-нибудь поднять культурный уровень своихъ собратій.

Съ другой стороны, есть много вновь пріѣзжающихъ, которые очень мало отличаются отъ своихъ пожелтѣвшихъ товарищей. Но такъ или иначе, все же «желтые» съ «зелеными», въ общей своей массѣ, представляютъ какъ бы два различныхъ міра, имѣющихъ очень мало общаго между собой и плохо другъ друга понимающихъ.—«Соціализмъ вашъ есть безпросвѣтное рабство», — сказалъ мнѣ однажды мой сосѣдъ по верстаку, уже восемь лѣтъ

работающій на этой фабрикѣ и считающій себя вполне просвѣщеннымъ человѣкомъ, такъ какъ постоянно читаетъ мѣстную еврейскую газету «Экспрессъ», напоминающую нашъ «Петербургскій Листокъ». — «Не дай, Боже, если когда-нибудь вы его достигнете, ибо тогда для порядочнаго человѣка жизнь потеряетъ всякій смыслъ». — Понятно, я былъ не мало удивленъ этой фразой, сказанной съ такимъ убѣжденіемъ, и попросилъ его пояснить ее.

— Вотъ сейчасъ я работаю, — сталъ онъ мнѣ развивать свою теорію. — Цѣлый день стою я здѣсь, за этимъ проклятымъ верстазомъ, и крою безъ конца все, что мнѣ мастеръ прикажетъ... Когда у меня отъ стоянія начинаютъ болѣть ноги, я не смѣю присѣсть, не смѣю пойти къ себѣ отдохнуть... Я — проданный человѣкъ, и жизнь была бы для меня проклятіемъ, если бы я надѣялся когда-нибудь выйти изъ этого положенія. Теперь есть у меня, наприкладъ, нѣсколько выигрышныхъ билетовъ: авось, дастъ Богъ, сколько-нибудь выиграю или такъ, понемногу, скоплю отъ работы, тогда отерою какую-нибудь лавочку или заведу мастерскую, и вотъ я себѣ человѣкъ. Что же будетъ при вашемъ социальномъ строѣ? Тогда — какъ родится человѣкъ рабочимъ, такъ онъ имъ и пробудетъ всю жизнь до конца, безъ малѣйшей надежды когда-либо выбраться въ люди!

Закончивъ свою рѣчь я, какъ бы не допуская съ моей стороны возраженія, онъ снова принялся за свою работу. Впрочемъ возражать такому человѣку совершенно бесполезно, такъ какъ онъ увѣренъ, что для того, чтобы что-нибудь знать, нужно сначала перестать быть зеленымъ, т. е. прожить нѣсколько лѣтъ въ Уайт-чеплѣ и поучиться у такихъ господъ, какъ онъ самъ.

VIII.

Тоска по родинѣ

Страшная, всегда колющая, всегда еребушая, непрощенная гостья вселилась въ меня чуть ли не съ первыхъ дней моего пребыванія въ Лондонѣ и съ тѣхъ поръ не покидала меня все время, проведенное тамъ. Особенно сильно терзала она меня въ первыя недѣли послѣ пріѣзда, когда воспоминаніе о Россіи было слишкомъ еще свѣжо, а новыя условія такъ непонятны и тяжелы. Въ это время я часто, вернувшись домой послѣ цѣлаго дня работы, съ ломотой въ костяхъ отъ тумана и сырости, съ ноющей болью въ груди, бросался внизъ лицомъ на свою кровать и долго беззвучно рыдалъ. Рыдалъ отъ того, что мнѣ было стыдно за себя, стыдно за свой поступокъ, и я чувствовалъ себя человѣкомъ, бѣжавшимъ съ поля сраженія въ самый разгаръ битвы... Вернуться какъ можно скорѣй, вернуться во что бы то ни стало —

было тогда единственнымъ моимъ желаніемъ, и оставалось только рѣшить, какъ это сдѣлать. Дѣло въ томъ, что для того, чтобы вернуться, нужно было, во-первыхъ, имѣть паспортъ, во-вторыхъ, располагать извѣстной суммой денегъ. Ни того, ни другого у меня, конечно, не было, и такимъ образомъ я вернуться не могъ. Вернуться же для того, чтобы пойти въ солдаты, т. е. покориться той участи, отъ которой бѣжалъ, — мнѣ не позволяло самолюбіе, и такимъ образомъ, какъ ни тяжело было, все же пришлось вооружиться терпѣніемъ и отложить отъѣздъ до тѣхъ поръ, пока добуду себѣ паспортъ и скоплю денегъ на дорогу. Но какъ скопить, хоть сколько-нибудь, когда заработка буквально не хватало на хлѣбъ? И вотъ приходилось, съ одной стороны, добиваться увеличенія заработка, съ другой, — доводить до минимума свои расходы. Вышло, что я работалъ столько, сколько можетъ работать вполне хорошій работникъ, а питался такъ плохо, что очень часто вмѣсто обѣда съѣдалъ лишь пару баранокъ съ апельсиномъ, которые, къ счастью, тамъ дешевы, и въ видѣ десерта читалъ газеты или, если погода была хорошая, проводилъ обѣденное время, сидя на скамеечкѣ въ какомъ-нибудь скверѣ. На первыхъ порахъ это приходилось продолжать въ одиночку, но потомъ, когда пріѣхалъ Роговичъ и поступилъ со мной на фабрику, мы начали уже «копить» вдвоемъ, такъ какъ желаніе вернуться было и у него столь же сильно, какъ у меня, и онъ страшно жалѣлъ, что пріѣхалъ.

Сначала дѣло у насъ шло недурно, такъ какъ и онъ, и я начинали зарабатывать все больше и больше, но послѣ того, какъ на фабрикѣ онъ получилъ расчетъ, и на одинъ мой заработокъ пришлось намъ жить вдвоемъ, — дѣло накопленія затормазилось, и нашъ капиталъ сталъ увеличиваться страшно медленно. Къ чести Роговича нужно сказать, что онъ мастерски умѣлъ сокращать расходы; такъ, помимо того, что онъ сначала удачно отыскивалъ столовые, гдѣ можно дешево закусить, — оставшись безъ работы, онъ самъ сталъ варить дома обѣды и тратилъ на это такъ мало, что изъ 18—20 шиллинговъ на двоихъ мы кое-что еще сберегали на возвращеніе, при чемъ питались лучше, чѣмъ въ то время, когда оба работали. Но, такъ или иначе, отъѣздъ нашъ откладывался въ долгій ящикъ, и порой, когда тоска особенно обострялась и принимала прямо болѣзненный характеръ, мнѣ начинало казаться, что у меня не хватитъ ни силъ, ни терпѣнія для того, чтобы дожидаться желаннаго дня, когда я смогу, наконецъ, возвратиться. Не малую роль здѣсь играли извѣстія о русскихъ событіяхъ, которыя я съ такой жадностью постоянно ловилъ. Когда же разыгралась июльская стачка, и люди начали говорить о томъ, что дни стараго режима сочтены, я вообразилъ, что если мы скоро не пріѣдемъ, — то все совершится безъ насъ, и мысль эта не давала мнѣ покоя, заставляя все больше и больше сокращать свои расходы, которые и безъ того уже были слишкомъ малы.

Приблизительно въ это время изъ Берлина въ Лондонъ по какимъ-то дѣламъ пріѣхалъ нашъ старый знакомый К. Пріѣзду его мы были очень рады и, какъ люди, нѣсколько уже знакомые съ мѣстными условіями, помогали ему устроиться на то время, что ему предстояло тамъ провести. Дѣлать это мнѣ было очень пріятно, такъ какъ я еще не забылъ его услугъ, оказанныхъ намъ съ Ц. въ Берлинѣ. Человѣкъ очень остроумный, онъ, глядя на насъ, находилъ, что если по времени, проведенному въ Лондонѣ, мы не можемъ еще считаться желтыми, то цвѣтъ лица у насъ уже вполне оправдываетъ это почетное названіе. Но это насъ не смущало; мы были увѣрены, что чѣмъ желтѣе будетъ у насъ цвѣтъ лица, тѣмъ скорѣе мы очутимся въ Россіи, и съ прежней энергіей продолжали копить. Передъ отъѣздомъ К. забралъ у насъ всю скопленную сумму денегъ въ нѣсколько десятковъ рублей, пообѣщавъ къ отъѣзду нашему ихъ вернуть, такъ какъ раньше все равне они намъ не нужны, и, между прочимъ, сказалъ, что когда понадобится, онъ устроитъ намъ обратный переходъ черезъ границу, что было для насъ тогда очень важно. Заручившись столь цѣннымъ обѣщаніемъ, мы съ Роговичемъ совѣмъ повеселялись и твердо начали вѣрить въ удачное и скорое свое возвращеніе.

Послѣ отъѣзда К. намъ пришлось пробыть въ Лондонѣ еще мѣсяца три, и въ началѣ февраля мы начали собираться въ дорогу. За нѣсколько дней до отъѣзда мнѣ пришлось прекратить работу на фабрикѣ.

Подобно тому, какъ годъ назадъ мнѣ съ Ц. пришлось русскіе костюмы передѣлывать на англійскій ладъ, теперь мы свое платье англійскаго покроя старались сдѣлать болѣе похожимъ на русское. Въ общемъ приготовленія наши были невелики, багажъ легокъ, и въ послѣдній день передъ отъѣздомъ мы были совершенно свободны, — оставалось только проститься съ друзьями, изъ которыхъ ближайшимъ былъ Ц. Для этого мы рѣшили вечеромъ отправиться къ нему и отъ него уже прямо на судно, которое должно было отойти въ 3 часа пополудни. Но раньше чѣмъ наступили сумерки, Ц. со своимъ землякомъ Мееромъ, съ которымъ вмѣстѣ работалъ и у котораго жилъ, были уже сами у насъ. Они пришли звать насъ къ себѣ, и мы тотчасъ пошли.

Квартира Меера-Плотника, какъ звали его на родинѣ, состояла изъ кухни и комнаты, очень бѣдно меблированной. Въ Лондонѣ Мееръ жилъ уже четвертый годъ, женился тамъ на землячкѣ и имѣлъ уже чуть ли не двухлѣтняго сына. Въ свое время онъ былъ дѣятельнымъ революціонеромъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ, былъ куда-то высланъ и, наконецъ, бѣжалъ. Внутренно оставшись вѣрнымъ своему идеалу, внѣшне онъ нѣсколько отсталъ отъ своихъ товарищей, такъ какъ борьба за существованіе всецѣло по-

глошала и силы, и время его, мѣшая посѣщать митинги, ходить на лекціи и т. д. Однимъ словомъ, въ противоположность большинству, Мееръ все время, проведенное въ Лондонѣ, постоянно работалъ. Нельзя было плотничать—онъ начиналъ столярничать, кончалась эта работа—онъ старался поступить куда-нибудь черно-рабочимъ и, если не удавалось, становился на время стекольникомъ. Такъ, едва зарабатывая на хлѣбъ, онъ трудился безъ конца, не покладая рукъ, не зная, что такое отдыхъ, что такое досугъ, и за все это время, быть можетъ, въ первый разъ, ради того, чтобы лучше проститься съ товарищами, уѣзжающими въ Россію, кончилъ свою работу на нѣсколько часовъ раньше обыкновеннаго, рѣшивъ хоть на одно мгновеніе сбросить съ себя ярмо, тяготѣвшее на немъ нѣсколько лѣтъ. Когда мы пришли, у нихъ была уже приготовлена дорогая англійская водка и кое-какія запуски. Но обоемъ имъ даже не нужно было пить: и безъ водки они были сегодня похожи на пьяныхъ. Я видѣлъ, какъ у обоихъ блеснули глаза, становясь то слишкомъ веселыми, то слишкомъ грустными, и во всѣхъ ихъ движеніяхъ была какая-то возбужденность.

— За здоровье уѣзжающихъ въ Россію!—сказалъ Мееръ, берясь за свою рюмку, и, пожелавъ намъ благополучно добраться до мѣста, быстро ее осушилъ. Началась выпивка, во время которой Ц. съ Мееромъ-Плотникомъ стали очень быстро хмѣлѣть.

— Товарищи! Я тоже скоро поѣду въ Россію!—кричалъ охмѣлѣвшій Ц., стуча себя въ грудь кулакомъ, и затѣмъ, со слезами на помутнѣвшихъ глазахъ, сталъ къ намъ лѣзть цѣловаться.

— Эя, помнишь, какъ насъ отправляли въ Сибирь? Какъ было тогда весело, хорошо, какъ мы пѣли пѣсни! Помнишь?—обратился вдругъ Мееръ къ своей женѣ и, не ожидая ея отвѣта, какъ бы въ раздумьи, запѣлъ своимъ пріятнымъ душевнымъ голосомъ:

— Эхъ, ты доля, моя доля,
Безталанная моя!
И за что-жъ ты меня, доля,
До Сибири довела?

— Что Сибирь!—вдругъ оборвалъ онъ свою пѣснь.—Вотъ здѣсь у меня Сибирь,—сказалъ онъ, указывая себѣ на грудь, и, покачиваясь на стулѣ, вновь потянулся за рюмкой.—Кто выпьетъ со мной за Сибирь? Кто выпьетъ со мной за товарищей, которыхъ я тамъ оставилъ?—приставалъ онъ, расплескивая вино и свободной рукой дѣлая такія движенія, будто стремился ею кого-то обнять.

Было уже за полночь, когда мы уходили отъ своихъ друзей съ тѣмъ, чтобы больше никогда уже къ нимъ не возвращаться. Ц. въ это время былъ такъ революціонно настроенъ, что вздумалъ было ломать и безъ того уже поломанную мебель... Когда же мы стали его уговаривать, онъ быстро раскилъ и, заливаясь слезами, про-

силъ, чтобы мы взяли его съ собой, говоря, что съ нами онъ въ огонь и въ воду, что одинъ пропадетъ и т. д. Мееръ тоже всхлипывалъ, опустивъ свою голову на грудь, и неизмѣнно, какъ ребенокъ, повторялъ, что онъ хочетъ въ Сибирь...

Вещи наши были еще днемъ отнесены на корабль, такъ что прямо отъ Меера мы отправились туда.

Съ какой радостью я шелъ опять по этимъ узкимъ, мрачнымъ улицамъ, сознавая, что обратно уже не нужно будетъ по нимъ идти, и какъ радостно билось мое сердце, когда мы, наконецъ, очутились на кораблѣ! Что за бѣда, что онъ опять нагруженъ какимъ-то товаромъ, что каюта, въ которой мы должны ѣхать до Гамбурга, на этотъ разъ еще грязнѣй той, въ которой я ѣхалъ болѣе года тому назадъ. Я зналъ, что ѣду въ Россію, и до остальнаго мнѣ не было ровно никакого дѣла.—Прощай, Лондонъ, отнявшій у меня столько силъ и давшій мнѣ взамѣнъ этого такъ мало хорошаго,—думалъ я, когда судно отвалило отъ пристани, и облегченный вздохъ вырвался изъ моей груди.

IX.

На обратномъ пути.

Несмотря на то, что душевное состояніе мое на этотъ разъ было несравненно бодрѣе, чѣмъ тогда, когда я ѣхалъ въ Лондонъ, все же годъ, проведенный тамъ, давалъ себя знать, и физически я чувствовалъ себя неважно. Какъ на зло, началась опять сильная качка, и болѣе сутокъ, т. е. ровно половину пути, я, съ тошнотой и сильными головными болями, принужденъ былъ пролежать въ постели. Ёхавшая съ нами публика—были все люди, возвращавшіеся на послѣдніе свои гроши, подобно намъ съ большимъ трудомъ сколоченные, или же просто на благотворительный счетъ. Всѣ изнуренные, потрепанные жизнью, не вѣрившіе больше сами въ себя,—въ страшной апатіи возвращались они домой, и, не понимая нашей радости, съ недоумѣніемъ на насъ поглядывали. Въ Гамбургъ мы прибыли лишь на третьи сутки днемъ и провели тамъ всего нѣсколько часовъ до отхода поѣзда въ Берлинъ, куда пріѣхали часовъ въ 10 вечера. Написавъ за нѣсколько времени передъ этимъ К., что мы скоро пріѣдемъ, я не указалъ ему дня, такъ какъ и самъ еще точно не зналъ этого, и потому, когда мы къ нему пришли, его не оказалось дома. Случайно хозяйка знала, къ кому онъ пошелъ, и сказала объ этомъ намъ. Зная этого человѣка и помня его прошлогодній адресъ, я рѣшилъ отправиться туда, въ надеждѣ его разыскать; хотя идти было довольно далеко, но все равно дѣлать было нечего. Къ сожалѣнію, мы его не застали и прогулялись совершенно напрасно. Идти опять стучаться къ К. было слишкомъ

нозднѣ, и вотъ мы начали бродить по городу. Сначала движеніе по всѣмъ улицамъ было очень оживленное, но когда время перевалило за полночь—на отдаленныхъ улицахъ оно совсѣмъ почти прекратилось, и для того, чтобы не бросаться въ глаза, мы начали пробираться къ центру.

Направляясь все время по теченію, мы вышли на ярко освѣщенную улицу, буквально запруженную подгулявшими людьми. Дѣло въ томъ, что это было какъ разъ съ субботы на воскресенье, а въ этотъ день всевозможные служащіе получаютъ свое жалованіе, и извѣстная часть ихъ приходитъ сюда прокучивать его съ разными женщинами, которыхъ здѣсь было такъ много, какъ никогда, мнѣ кажется, не бываетъ у насъ на Невскомъ. Бродить по этой улицѣ было очень удобно, такъ какъ среди пьяной толпы можно было еле переставлять ноги или даже совсѣмъ останавливаться, не обращая на себя ничего вниманія; но все же, подъ конецъ, мы были такъ утомлены, что съ трудомъ держались на ногахъ. Кстати, вмѣсто электрическаго трамвая здѣсь ночью ходила обыкновенная конка, и вотъ, въ четвертомъ часу, мы рѣшили сѣсть хоть въ нее, такъ какъ ходить больше не было возможности. Куда идетъ вагонъ, въ который мы вошли, мы не знали, поэтому вышелъ курьеръ.—Куда?—спрашиваетъ кондукторъ, снѣша оторвать мнѣ билетъ. Я бормочу что-то непонятное, ожидая, что онъ самъ назоветъ мнѣ какое-нибудь мѣсто, и я скажу только: да. Но не тутъ-то было.—Куда?—наклоняясь ко мнѣ поближе, какъ къ глухому, переспрашиваетъ онъ и, получивъ въ отвѣтъ опять какое-то непонятное бормотаніе, начинаетъ раздражаться. Я тоже чувствую себя не ладно, и только страшная усталость удерживаетъ меня въ вагонѣ, гдѣ мнѣ хочется хоть нѣсколько минутъ подремать, такъ какъ уже три ночи почти вовсе не спалъ. Чуть не десятокъ разъ переспросилъ кондукторъ:—Куда?—а я все бормоталъ, пока, наконецъ, ему показалось, что я назвалъ какой-то вокзалъ.—Летербанхофъ?—поправилъ онъ меня.—Да да,—ухватился я за это названіе и получилъ билетъ.

Продремавъ всю дорогу въ вагонѣ, мы обратно пошли пѣшкомъ, а затѣмъ снова поѣхали. На наше счастье, случилось что-то съ лошадьми. Сквозь дремоту я слышалъ, какъ они вдругъ понесли, какъ за что-то задѣли, какъ что-то оборвалось, послѣ чего ихъ стали перепрыгать, благодаря чему мы лишнихъ четверть часа провели въ вагонѣ. Послѣ этого вторичнаго путешествія, мы начали подвигаться въ ту сторону, гдѣ жилъ К., такъ какъ уже было утро, и мы полагали, что, если потихоньку пойдѣмъ, то придемъ въ ту улицу къ такому времени, когда уже можно будетъ войти въ квартиру. На этотъ разъ мы застали пріятеля дома: онъ лежалъ въ постели съ открытыми глазами и, по его словамъ, собирався вставать. Выглядѣлъ онъ теперь гораздо хуже, чѣмъ въ первую и во вторую нашу встрѣчу, такъ какъ положеніе русскихъ

въ Берлинѣ сильно ухудшилось. Какъ разъ въ это время германская полиція особенно усердствовала, въ угоду русскому правительству, стараясь какъ можно больше стѣснить русскую учащуюся молодежь, при чемъ дѣло дошло даже до выселеній «за предѣлы Германской Имперіи». Пока что, къ высылкѣ было назначено 15 человекъ, изъ которыхъ часть были семейные безъ всякихъ средствъ, и К. былъ сильно занятъ тѣмъ, чтобы какъ можно лучше обставить ихъ отъѣздъ. О нашемъ дѣлѣ онъ сказалъ, что дастъ намъ письмо къ пограничнымъ жителямъ, своимъ друзьямъ, которые насъ и переправятъ. Но такъ какъ онъ нѣкоторое время никакихъ свѣдѣній о нихъ не имѣлъ, то совѣтовалъ сначала поѣхать одному, а затѣмъ уже другому. На этомъ и порѣшили.

Такимъ образомъ, оставалось только дожидаться вечера и съ двѣнадцати-часовымъ поѣздомъ отправиться. Затѣмъ, напоивъ насъ чаемъ и уложивъ спать, К. куда-то ушелъ, сказавъ, что часамъ къ двумъ вернется,—если же мы проснемся раньше и будемъ голодны, то рекомендовалъ зайти по близости въ автоматическій ресторанъ, гдѣ дешево можно получить стаканъ кофе и буттербродъ. Проснувшись, на бѣду, раньше своего товарища и не желая его будить, я одинъ отправился въ этотъ автоматическій ресторанъ, радуясь тому обстоятельству, что тамъ нѣтъ никакой «фрейленъ», и что мнѣ не придется говорить по-нѣмецки. Подойдя къ громадному стеклянному шкафу, съ массою перегородокъ, въ которыхъ на тарелочкахъ, по одной штукѣ въ каждой перегородкѣ, стояли буттерброды, я выбралъ себѣ одинъ съ сыромъ и въ небольшую щель, съ надписью 10 пфен., опустил монету. Стеклянные дверцы послѣ этого быстро открылись, и буттербродъ устремился ко мнѣ, какъ бы говоря: «теперь я твой, можешь дѣлать со мной, что хочешь». Вслѣдъ за тѣмъ, на мѣстѣ взятаго мной буттерброда появился другой, и переднія дверцы захлопнулись. Ну, теперь, — думаю, — такимъ же образомъ возьмемъ стаканъ кофе, и дѣло обойдется безъ нѣмецкаго языка. Идти за кофе далеко не пришлось, такъ какъ тутъ же я замѣтилъ небольшую раковину, съ краномъ надъ нею, подъ которымъ было написано «кофе». Полагая, что тутъ все дѣлается такъ же, какъ при полученіи буттербродовъ, я опустил 10 пфеннинговъ въ щель и началъ ждать появленія кофе, который почему-то медлилъ. Очевидно, нужно самому отвернуть кранъ,—рѣшилъ я и отвернулъ. Струйка коричневой влаги пробѣжала въ раковину и тамъ исчезла. Съ минуту я ждалъ, надѣясь, что вотъ-вотъ появится откуда-нибудь мой кофе въ стаканѣ, но, видя, что ничего нѣтъ, смущенный, отошелъ, чувствуя на себѣ насмѣшливые взгляды видѣвшихъ мою «некультурность» нѣмцевъ. Оказалось, что приборъ нужно брать самому, опущенная же въ отверстие монета даетъ только возможность отвернуть кранъ, который безъ этого не отвертывается. Узнавъ, въ чемъ секретъ, я могъ бы

съ успѣхомъ повторить свою попытку, но аппетитъ мой былъ уже испорченъ, и, удовольствовавшись однимъ буттербродомъ, я вышелъ изъ ресторана. Было ясно, что мнѣ въ Берлинѣ не везетъ, и я радъ былъ, что уѣзжаю первымъ, и что мнѣ осталось тамъ пробыть всего нѣсколько часовъ, хотя, съ другой стороны, я съ большимъ удовольствіемъ остался бы тамъ ночевать, чтобы хорошенько выспаться и какъ слѣдуетъ отдохнуть. Но такъ какъ Роговичъ долженъ былъ пробыть въ Берлинѣ до получения отъ меня извѣстія, и пребываніе это было для него сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами, то я долженъ былъ торопиться, и въ тотъ же день, простившись со своими друзьями, уѣхалъ.

Х.

Снова на границѣ.

Билетъ прямого сообщенія былъ у меня взятъ только до Мемеля, а между тѣмъ мнѣ нужно было ѣхать нѣсколько дальше. Какъ на зло, случилось такъ, что я пріѣхалъ туда съ послѣднимъ поѣздомъ, часовъ въ 11 ночи. Поѣздъ же, съ которымъ я долженъ былъ еще проѣхать десятокъ или два верстъ, отходилъ только на слѣдующій день часовъ въ 6 или 7 утра, при чемъ вокзалъ на всю ночь запирался, а между тѣмъ идти искать себѣ ночлегъ я не могъ, во-первыхъ, потому, что у меня было слишкомъ мало денегъ, и я всячески долженъ былъ избѣгать всякихъ непредвидѣнныхъ расходовъ, а во-вторыхъ, паспортъ, у меня былъ не заграничный, и я боялся съ нимъ нарваться на неприятность. Поэтому мнѣ ничего больше не оставалось, какъ опять пробродить всю ночь до утра. Но какъ бродить, когда, съ одной стороны, была очень холодная ночь, а одежда на мнѣ осенняя, съ другой—весь городокъ такъ малъ, что негдѣ было разойтись, и я чуть не каждыя 15 минутъ выходилъ къ одному и тому же мѣсту, гдѣ возлѣ бульвара стоялъ большой памятникъ съ крупной надписью: «Фридрихъ Великій», и долженъ былъ любоваться его широкой бронзовой спиной, которую освѣщала луна. На бульварѣ можно бы, пожалуй присѣсть, но для этого было слишкомъ холодно, и вотъ пришлось волей-неволей ходить по улицамъ, взбудораживая собакъ, будившихъ своимъ громкимъ лаемъ мирно спящихъ обывателей маленькаго городка. Но, такъ или иначе, ночь прошла, и часовъ въ 8 утра я былъ уже на самой границѣ у людей, къ которымъ имѣлъ письмо отъ К. Узнавъ, что я пріѣхалъ изъ Берлина отъ него, они были очень рады и обѣщали мнѣ все устроить, какъ слѣдуетъ, предложить, пока что, съ дороги отдохнуть. Никогда въ жизни я такъ крѣпко не спалъ, какъ въ этотъ день, и когда послѣ обѣда проснулся, чувствовалъ себя совершенно другимъ человѣкомъ, а когда

помысли и перемѣнилъ бѣлье, хозяева въ шутку спросили меня, не знаю ли я, гдѣ тотъ, который утромъ пріѣхалъ изъ Берлина, и при этомъ сознались, что, когда я къ нимъ зашелъ, на меня было страшно смотрѣть...

До вечера я о дѣлѣ съ ними больше не заговаривалъ, и только поздно ночью, послѣ того, какъ хозяинъ дома, молодой еще сравнительно человѣкъ, кого-то къ себѣ призывалъ, съ кѣмъ-то велъ переговоры, мнѣ сказали, что здѣсь перейти границу въ настоящий моментъ не возможно, такъ какъ у нихъ что-то тамъ произошло, но что завтра утромъ они отправятъ меня куда-то въ другое мѣсто, гдѣ меня уже, навѣрно, переведутъ.

На слѣдующій день, часовъ въ 11 утра, когда я уже началъ горѣть нетерпѣніемъ, мнѣ сказали, что я скоро поѣду въ сосѣднее мѣстечко, гдѣ, зайдя въ кормчю, спрошу Хаскеля или Эфроима и кому-нибудь изъ нихъ передамъ письмо, которое мнѣ тутъ же и вручили, прибавивъ, между прочимъ, что люди они безусловно честные, и если возьмутся сдѣлать, то непременно сдѣлаютъ. Отправили меня съ однимъ молодымъ крестьяниномъ, которому я долженъ былъ, пріѣхавъ на мѣсто, заплатить одну марку. Но тутъ уже должны были, очевидно, начаться мои пограничныя злоключенія, и вотъ, ни съ того ни съ сего, когда мы проѣхали половину пути, возница мой вдругъ останавливается и заявляетъ, что дальше не повезетъ до тѣхъ поръ, пока я не уплачу ему деньги. Когда же я подаль ему условленную марку, онъ сталъ увѣрять меня, что ему слѣдуетъ заплатить двѣ, и что, если я этого не сдѣлаю, онъ меня дальше не повезетъ. Положеніе не изъ приятныхъ, но подѣлать ничего было нельзя, и какъ меня это ни возмущало, все же пришлось уступить. И такъ, получивъ вмѣсто одной марки двѣ, онъ уже благополучно довезъ меня до корчмы, гдѣ я увидѣлся съ Хаскелемъ и Эфроимомъ. Оба—люди уже пожилые, съ широкими рыжеватыми бородами, они, дѣйствительно, производили довольно хорошее впечатлѣніе, и, глядя на нихъ, я чувствовалъ, что они не обманутъ. Прочитавъ записку, которую я имъ привезъ, они нѣсколько минутъ совѣщались и, наконецъ, за 12 рублей взяли меня перевести. Являясь хозяевами корчмы, они оставили меня у себя и тутъ же показали мнѣ контрабандистовъ, съ которыми я долженъ буду совершить свое маленькое, но опасное путешествіе.

Въ противоположность Хаскелю и Эфроиму, они были совершенно не похожи другъ на друга. Одинъ, высокій и тонкій, какъ жердь, имѣлъ зеленоватый цвѣтъ лица и сѣрые, безжизненные глаза. Ни съ кѣмъ не разговаривая, онъ то и дѣло подходилъ къ прилавку, чтобы выпить стаканчикъ дешевой водочки, за которую онъ, впрочемъ, самъ не платилъ. Другой, маленькій, кругленькій, былъ подвиженъ, какъ чортъ, и, непрерывно прикладываясь къ рюмкѣ, въ чемъ вполне походилъ на своего товарища, болталъ

какъ-то сразу на нѣсколькихъ языкахъ, комбинируя слова на всевозможные лады.

Когда было рѣшено, что они меня поведутъ, то «контрабанду», обувь, матерію и тому подобныя вещи, за которыми они пришли и которыя были уже ими намотаны на себя, Хаскель попросилъ снять, сказавъ, что, какъ только станетъ темно, мы пойдемъ. До вечера времени оставалось немного, и сама граница была такъ близка, что днемъ изъ окна можно было видѣть фигуру солдата съ ружьемъ на плечѣ, шагавшаго взадъ и впередъ по тому мѣсту, гдѣ начинается Россія.

Все казалось хорошо, и я началъ вѣрить, что сегодня же буду гдѣ-нибудь по ту сторону, куда меня такъ неудержимо влекло. Но скоро сказка сказывается, на дѣлѣ же слишкомъ ярко свѣтила луна, и мои контрабандисты не рѣшались со мной идти.

Въ другое время я былъ бы, пожалуй, очень доволенъ этимъ обстоятельствомъ и, навѣрно, самъ бы кому-нибудь сказалъ: «смотрите, какая сегодня чудная луна»,—но теперь было все иначе. «Есть же идиоты, которые, быть можетъ, вотъ въ этотъ моментъ любятъ луной, восторгаясь ея блѣднымъ меланхоличнымъ свѣтомъ»,—думалъ я въ тотъ вечеръ, и мысль эта меня такъ раздражала, что я непремѣнно замазалъ бы черной краской ея свѣтлый ликъ, если бы имѣлъ возможность. Вся ночь прошла въ ожиданіи, что авось станетъ нѣсколько темнѣй, и мы сможемъ пойти, но этого, какъ на зло, не случилось. Мало того: Хаскель съ Эфронмомъ вовсе отказались отъ дѣла и, возвращая мои 12 рублей, сказали, что дѣлаютъ это потому, что не могутъ поручиться за благополучный исходъ, вести же на вѣрную гибель не хотятъ. Беря у нихъ свои элосчастныя бумажки, я былъ въ отчаяніи и буквально не зналъ, что предпринять, но тутъ выручилъ меня маленькій контрабандистъ, присутствовавшій при моемъ разговорѣ съ евреями.

— Пошли ты ихъ къ чорту!—сказалъ онъ, указывая въ ихъ сторону и, глядя на меня въ упоръ, спросилъ:—Хочешь, переведу?

— Ради Бога, не соглашайтесь!—въ одинъ голосъ вскричали Хаскель съ Эфронмомъ и начали меня убѣждать, чтобы я пожалѣлъ себя и своихъ родителей, которые вѣчно будутъ плакаться на ихъ головы и т. д., и т. д. Когда же я всетаки согласился, такъ какъ, во-первыхъ, не имѣлъ другого исхода, во-вторыхъ, маленькому контрабандисту вѣрилъ больше, чѣмъ имъ, такъ какъ понималъ, что изъ-за трехъ рублей, которые онъ съ меня просилъ, онъ не сталъ бы рисковать своей шкурой, если бы не вѣрилъ въ благополучный исходъ,—они начали мнѣ давать наставленія, чтобы, когда начнется стрѣльба, я бросилъ всѣ свои вещи, не исключая даже пальто, и бѣжалъ, при чемъ освѣдомлялись, умѣю ли я быстро бѣгать.

Видя, что я не обращаю вниманія на рѣчи своихъ благожелателей, оба контрабандиста остались мною очень довольны и, выпивъ нѣсколько рюмочекъ за мое здоровье и ужъ, конечно, на мой счетъ,

маленькій контрабандистъ заявилъ мнѣ, что сегодня же въ полдень меня переведетъ. Я, конечно, удивился, но онъ объяснилъ мнѣ, что ночью теперь увеличиваются посты, а днемъ стража менѣе внимательна. Но такъ какъ до полдня еще было довольно далеко, то оба они, одинъ лежа, другой сидя на деревянномъ диванчикѣ, задремали. Нѣсколько минутъ спустя къ корчмѣ кто-то подѣхалъ. Хаскель выглянулъ за окно и заволновался. «Русскій жандармъ пріѣхалъ»,—сказалъ онъ мнѣ вполголоса и повелъ наверхъ, гдѣ, посадивъ меня въ маленькую каморку, ушелъ. Отъ нечего дѣлать, я сталъ разсматривать портреты какихъ-то раввиновъ и читать подъ ними малопонятныя мнѣ подписи. Вдругъ дверь отворилась, и на порогѣ появился огромнаго роста жандармъ, который, сказавъ «здравствуйте!» грузно опустился на стулъ. Началось молчаніе, длившееся нѣсколько минутъ; наконецъ, жандармъ первый нарушилъ его.

— Въ Америку отправляетесь? — вдругъ спросилъ онъ меня, выводя такимъ образомъ изъ затрудненія.

— Да, въ Америку.

— И какъ это васъ ночью не убили! Вѣдь такая пальба была, прямо ужасъ!

Дѣло въ томъ, что наканунѣ, вечеромъ, когда мой будущій проводникъ выходилъ зондировать почву, его замѣтилъ солдатъ и поднялъ тревогу. Увидя меня, жандармъ вообразилъ, что это я ночью пришелъ изъ Россіи, и что выстрѣлы, слышанные имъ, были сдѣланы по мнѣ. Заблужденіе его мнѣ было въ общемъ пріятно; тѣмъ не менѣе, при первой возможности я оставилъ его наверху, а самъ спустился внизъ. Здѣсь оба контрабандиста, обмотанные всевозможными товарами, продолжали спать на диванчикѣ, при чемъ маленький спалъ, сидя на краю дивана, откинувшись на его спинку, а его долговязый товарищъ — растянувшись такъ, что одной ногой подпиралъ ему подбородокъ. Черезъ нѣсколько минутъ зашелъ сюда и жандармъ.

— Ишь, намоталъ на себя!—сказалъ онъ, подойдя къ маленькому контрабандисту и ткнувъ его пальцемъ въ неестественно толстый животъ. Тотъ открылъ глаза, но, къ удивленію моему, ни чуть не смутился.

— Чего тычешь пальцемъ? Ты вотъ тамъ поймай!—и онъ сдѣлалъ движеніе рукой, въ сторону Россіи.

— Поймаешь тебя, чорта!—какъ бы отшучиваясь, прощѣдилъ жандармъ и вышелъ изъ комнаты. Немного погодя, мы слышали, какъ онъ уѣхалъ.

— Ну, теперь и намъ пора отправляться,—сказалъ мнѣ маленький контрабандистъ и сталъ будить своего товарища.

Жутко было среди бѣлаго дня, на виду у солдатъ, прокрадываться черезъ границу, но, чувствуя, что мой проводникъ въ своемъ родѣ артистъ, и видя его спокойствіе, я не возражалъ. Про-

стившись съ Хаскелемъ и Эфроймомъ, которые удивлялись все время моему «безумству», я взялъ свой чемоданъ, въ прошломъ году купленный съ такими трудностями въ Берлинѣ, и послѣдовалъ за своими смѣлыми проводниками.

Былъ полдень. Солнце ярко свѣтило по весеннему, заливая своимъ блескомъ окрестность и заставляя искриться на землѣ лежавшій пятнами снѣгъ. Оба одѣтые во все строе, проводники шли, сильно наклонившись впередъ и стараясь не ступать на чернѣвшую землю, требуя того же и отъ меня. Сначала мы шли всѣ трое вмѣстѣ, потомъ долговязый контрабандистъ сталъ забирать вправо, а мы съ маленькимъ влѣво, при чемъ первый, какъ тѣнь, все время держался у насъ на виду. И такъ нѣкоторое время все шло хорошо, намъ оставалось только миновать маленький домикъ, одиноко стоявшій возлѣ самой границы, и черезъ нѣсколько минутъ мы были бы въ виднѣвшейся русской деревнѣ. Но какъ только мы показались изъ-за этого домика, насъ замѣтилъ солдатъ, и мы должны были въ него укрыться. Послѣ этого мы сдѣлали еще нѣсколько попытокъ пройти, но все неудачно, и, наконецъ, было рѣшено подождать вечера. Хозяева лачужки — большіе пріатели моихъ проводниковъ — наварили намъ картофеля, приготовили селедочку, и мы славно пообедали. «Какъ только начнетъ темнѣть, будемъ дома», — весело сказалъ мнѣ мой маленький проводникъ, когда плотно наѣлся, и началъ рассказывать всевозможные случаи изъ своей практики. Слушая эти рассказы, я чувствовалъ, что онъ сильно любитъ свое опасное дѣло, и радъ былъ, что не отказался отъ его услугъ. Такъ за разговорами время прошло очень быстро, и, какъ только начало темнѣть, мы отправились.

Шли на этотъ разъ еще болѣе осторожно, чѣмъ прежде; долговязый контрабандистъ, забирая вправо, быстро исчезъ въ темнотѣ наступившаго вечера. Маленькій шелъ впереди меня и такъ нагибался впередъ, что даже вблизи казался мнѣ четвероногимъ. Мнѣ онъ также, знакомъ руки, велѣлъ пригибаться пониже и всякій разъ, какъ я по неосторожности попадалъ на подмерзшую лужу, издававшую при этомъ непріятный хрустѣющій звукъ, онъ недовольно на меня оглядывался. Вдругъ онъ прилегъ, знакомъ предложивъ мнѣ послѣдовать его примѣру, и затѣмъ оба, какъ звѣри, которымъ съ разныхъ сторонъ грозитъ смертельная опасность, мы начали озирается вокругъ. Впереди, совсѣмъ близко, свѣтились окна русскихъ избышекъ, а далеко по обѣ стороны не то колыхались одинокіе кусты, не то виднѣлись фигуры пограничныхъ солдатъ, и не было слышно ни звука. Мы находились на самой границѣ и, если бы увидѣли, что насъ замѣтила стража, имѣли еще полную возможность вернуться, предоставивъ ей устраивать свою тревогу, но было очевидно, что насъ на этотъ разъ никто не замѣчалъ.

— Ну, теперь пошли! — шепнулъ мнѣ негромко проводникъ и, быстро поднявшись съ земли, побѣжалъ прямо къ деревнѣ, весело

манившей своими огнями. Я побѣжалъ за нимъ, стараясь не отставать, и нѣсколько разъ чуть не упалъ, споткнувшись о кочку. Сердце у меня въ это время такъ сильно стучало въ груди, что казалось—вотъ-вотъ оборвется, и я не знаю до сихъ поръ, отъ чего оно билось сильнѣе—отъ слишкомъ быстрого бѣга, или отъ волненія, которое я въ это время переживалъ. Скажу только, что волненіе это не было волненіемъ бѣглеца, лишь думающаго о своемъ спасеніи, и скорѣй походило на то, что переживаетъ человѣкъ, берущій что-нибудь съ бою.

Мы добѣжали незамѣченными до самой деревни; мой проводникъ втолкнулъ меня въ какой-то сарай и, сказавъ, чтобы я шелъ на его свистъ, исчезъ. 10—15 минутъ, которыя я провелъ въ сараѣ, показались мнѣ вѣчностью, и я уже думалъ, что мнѣ придется тамъ заночевать. Но вотъ, гдѣ-то далеко раздался рѣзкій человѣческій свистъ, время отъ времени повторявшійся, и, пробираясь мимо какихъ-то изгородей въ ту сторону, откуда онъ неся, я скоро очутился возлѣ новой одноэтажной избы, гдѣ поджидалъ меня мой проводникъ.

— Ну, вотъ видишь, какъ хорошо вышло!—весело сказалъ онъ и потрепалъ меня своей квадратной рукой по плечу.

Въ домыкѣ, куда мы вошли, было тепло и уютно, при чемъ вся квартира, состоявшая изъ кухни и двухъ небольшихъ комнатъ, сильно походила на городскую. Оказалось, что вмѣстѣ съ моимъ проводникомъ живетъ здѣсь его жена, довольно приличная женщина, побывавшая уже на своемъ вѣку въ Америкѣ, затѣмъ мать, не совсѣмъ еще старая женщина, высокимъ ростомъ напоминавшая долговязаго контрабандиста, котораго я больше уже не видалъ, и младшій сынъ ея 15 или 16-лѣтній мальчикъ, удавшійся въ мать лицомъ и давно переросшій своего старшаго брата.

Передавъ меня своей матери, которая принялась меня угощать чаемъ и молокомъ, проводникъ самъ отправился на работу. По его словамъ, ему еще нужно было перевести около 30 человѣкъ отсюда на ту сторону, и онъ находилъ, что сейчасъ для этого самый благоприятный моментъ. Но это, должно быть, было не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ ушелъ, началась стрѣльба на границѣ, и нѣсколько минутъ спустя слышно было, какъ масса людей, сопровождаемая собачьимъ лаемъ, бѣжала вразсыпную, прячась за домами и сараями. Мать и жена были въ страшномъ волненіи: они жаловались мнѣ на „отчаянность“ маленькаго контрабандиста, который, по ихъ словамъ, „самъ ищетъ на себя погибель“. Между прочимъ, еще за чаемъ я условился съ хозяйкой, что ея младшій сынъ поведетъ меня къ желѣзнодорожной станціи, до которой было болѣе ста верстъ, и, къ великому моему огорченію, за это удовольствіе нужно было уплатить цѣлыхъ 10 рублей, что при моемъ капиталѣ было весьма и весьма не легко. Рѣшивъ, что въ 4 часа мы поѣдемъ, меня рано уложили спать, но, видя, какъ женщины волнуются вслѣдствіе стрѣльбы на границѣ, я долго не могъ уснуть.

и съ открытыми глазами пролежалъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, вернулся виновникъ ихъ безпокойства. Оказалось, что послѣ тревоги, когда снова все успокоилось, онъ всетаки всю партію благополучно перевелъ и заработалъ при этомъ цѣлыхъ 30 рублей.

Въ половинѣ четвертаго утра меня разбудили для того, чтобы отправиться въ путь; и первая мысль, пришедшая мнѣ въ голову, была—что я уже въ Россіи; отъ этой мысли у меня стало сразу тепло на душѣ. Хотя, съ другой стороны, меня еще тревожило опасеніе, какъ я доберусь до желѣзной дороги, и мнѣ страшно хотѣлось поскорѣе быть тамъ. Когда мы выѣхали изъ дому, стояла еще глубокая ночь. На небѣ ярко горѣли звѣзды, и окрѣпшій морозъ пощипывалъ уши. Оказалось, что въ пяти верстахъ отъ границы есть еще одна,—такъ называемая вторая —цѣпь, гдѣ, впрочемъ, осматриваются однѣ только вещи. Сначала меня это обстоятельство немного безпокоило, но вышло такъ, что тѣ, кто долженъ былъ насъ пропустить, преспокойно спали въ казармѣ; когда мой возница постучался въ окно, оттуда слышалось: „проѣзжай!“,—и мы спокойно поѣхали. Дорога, надо сказать, была неважная, и плохо подкованная лошадека везла очень медленно, но, какъ бы то ни было, часамъ къ 10 утра мы были уже въ какомъ-то небольшомъ мѣстечкѣ верстахъ въ 35 отъ границы. Здѣсь мой молодой возница сталъ кормить свою лошадь, не забывая, конечно, и себя, и, между прочимъ, велъ какіе-то перегсворы съ хозяиномъ корчмы относительно меня. Кончилось тѣмъ, что мальчуганъ вернулся домой, а для меня хозяинъ запрягъ свою лошадь и, давъ мнѣ огромнаго роста возницу-литвина, съ которымъ я совершенно не могъ сговориться, отправилъ меня дальше. Думая, что уже этотъ довезетъ меня до мѣста, я былъ совершенно спокоенъ. И когда онъ, проѣхавъ верстъ 30 или 35, вдругъ остановился противъ постоялаго двора, то я былъ увѣренъ, что онъ хочетъ покормить лошадей. Но я ошибся: оказалось, что меня просто надули, и старикъ отказывался везти меня дальше, а когда я не хотѣлъ выходить изъ телѣги, требуя, чтобы онъ везъ меня до желѣзнодорожной станціи, онъ уже приготовился было силой меня высадить, до чего я, конечно, доводить не хотѣлъ, такъ какъ это могло испортить все дѣло. Можно бы, пожалуй, нанять другую лошадь, хотя денегъ и маловато было, но, къ несчастью, была пятница, мѣстечко еврейское, и никто изъ моихъ единовѣрцевъ подъ вечеръ везти не хотѣлъ. Положеніе было отчаянное, и, какъ я ни возмущался—пришлось остаться на субботу на постояломъ дворѣ.

Не стану уже рассказывать о томъ, какъ истомили меня эти сутки: всякій пойметъ самъ. Скажу только, что больше всего меня пугала мысль, какъ-бы не истратить такъ много денегъ, что потомъ не хватитъ на билетъ, и я застряну гдѣ-нибудь въ дорогѣ. Къ счастью, этого не случилось, такъ какъ за ночьлегъ и кушанье взяли очень дешево, а дождавшись вечера субботы, я по

пути за одинъ полтинникъ доѣхалъ до станціи, и въ полночь, съ однимъ рублемъ въ карманѣ, оставшимся послѣ покупки билета, я, сидя въ жарко натопленномъ вагонѣ, уносился вглубь Россіи, гдѣ ждала меня новая жизнь, полная новыхъ впечатлѣній.

Викторъ Шпанецъ.

* * *

Сказка?.. Нѣтъ, страшнѣе сказки!..
Темень узкій казематъ;
У дверей съ ружьемъ солдатъ,
И полоской алой краски
За окномъ горитъ закатъ...
Темень узкій казематъ.

Столъ. Кровать. Въ углу за нею
Блѣдно-мертвое лицо...
Косъ тяжелое кольцо
Обвило змѣею шею...
Блѣдно мертвое лицо...

Крѣпко въ косы впились руки,
Призывая смертный часъ...
Въ глубинѣ застывшихъ глазъ
Отраженіе острой муки
И проклятій въ смертный часъ...

Ночь. Померкли въ небѣ краски.
Дремлетъ городъ палачей...
Блещутъ искры фонарей...
Сказка?.. Нѣтъ, страшнѣе сказки—
Городъ жертвъ и палачей!

Г. Галина.

ШАГЪ НА МѢСТѢ.

(Картинки казацкой мобилизаціи).

(Посвящается *Н. П. Астеву*).

Въехали долго. Солонцеватыя степныя дороги, лѣтомъ твердыя и гладкія, какъ асфальтъ, отъ осеннихъ дождей обратились въ вязкую, густую соломаху. Колеса, съ налипшими на нихъ цѣпкими кучами черной и бурой грязи, походили на огромные жернова. Лошади съ коротко подвязанными хвостами вязли мѣстами по колѣни и глубже. При переѣздѣ черезъ овраги и степныя ручейки, такъ называемые „ерики“, воспроизводился каждый разъ форменный штурмъ. Кучеръ останавливалъ лошадей голосомъ, въ которомъ слышались роковыя ноты, дѣлалъ вправо и влево развѣдки, всегда безуспѣшныя, потомъ въ раздумьи совалъ кнутовищемъ въ желтую водицу, потомъ снималъ шапку со вспотѣвшаго лба, крестился и говорилъ съ видомъ отчаянной рѣшимости:

— Н-но... Господи бослови! Вынеси, Царица, Небесная!.. Ну-ка, позвольте вамъ вожжи, ваше благородіе...

Пассажиръ въ енотовой шубѣ—достаточно потертой и забрызганной—принималъ изъ рукъ кучера возжи и становился въ тарантасъ на колѣни. Кучеръ съ особою предупредительностью бралъ подъ уздцы лѣвую пристяжную и поощрительно вступалъ вмѣстѣ съ лошадьми въ узенькую и незначительную полосу водицы, въ которой, казалось, воробью по колѣно. Вступалъ и тотчасъ же увязалъ до самаго верха своихъ длинныхъ голенищъ. Онъ кричалъ, махалъ кнутомъ, барахтался, хватался за постромки, за край тарантаса. Кричалъ и даже вопіялъ вмѣстѣ съ нимъ и пассажиръ, дергая возжами, работая локтями и головой, пока тарантасъ, чмокая, хлюпая и шипя, не выползалъ на противоположный берегъ, глянцевито-черный и изрѣзанный колеями.

И бурая степь, мокрая, плоская, некрасивая, съ удивленіемъ приелущивалась къ этимъ неистовымъ крикамъ, вы-

летавшимъ съ ожесточенною хрипотой изъ двухъ глотокъ. Въ голосахъ звучала угроза, но слова и обращеніе были умоляющія и взывающія:

— Н-ну, миленькія, болѣзныя мои! Ну, ну, ну-у! Р-р-разомъ, забастовщики мои родименькіе, н-ну взяты! Взяты-взяты!!

Выѣхали со станціи въ одиннадцатомъ часу дня.

Теперь, когда въѣзжали въ станицу, было уже, вѣроятно, около полуночи. Разстояніе считалось въ пятьдесятъ верстъ.

И въ станицѣ была та же грязь. Лошаденки совсѣмъ выбились изъ силъ. Черезъ каждые двадцать-тридцать шаговъ онѣ становились и отдыхали.

— Н-ну, грязцо!—почтительно воскликнулъ кучеръ. Лошади, напрягая послѣднія усилія, преодолѣли широкую, какъ озеро, лужу и съ трудомъ выбрались на твердую полосу косогора, къ одной сторонѣ улицы.

— Какъ думаешь: до дома перехода въ три возьмемъ?—спросилъ пассажиръ.

— Да надо бы взять. Сурьезныхъ мѣстъ ужъ не остается. Я боялся,—въ этомъ багнѣ заночуемъ... Нѣтъ, взяли!

Въ голосѣ кучера слышалось непритворно-радостное изумленіе.

— А что, устали?—участливо спросилъ онъ у пассажира.

— Да, есть-таки.

— Ну, ничего. Теперь скоро. Это вамъ отъ желѣзной дороги нудно показалось, а мы вотъ привыкли: небо прохудилось, всю осень такъ бьемся. Дожди—изъ годовъ вонъ... льютъ и льютъ. Это вотъ нынче—ваше счастье—денекъ попался веселый... А то я и не полагалъ, что сухими доѣдемъ.

Пассажиръ не возразилъ, но мысленно далеко не согласился съ этимъ оптимистическимъ утвержденіемъ.—„Странное понятіе о сухости!“—подумалъ онъ:—„самъ въ грязи чуть не до бровей, я—тоже. Съ утра шелъ снѣгъ, потомъ его смѣнилъ дождь,—правда, недолгій, но съ вѣтромъ. Что веселаго въ этомъ днѣ?..“

Онъ вспомнилъ безконечную дорогу, унылую бурую степь, низкое сивое небо. Изрѣдка лишь вѣтеръ разрывалъ косматые клубы озябшихъ, растрепанныхъ облаковъ, и тогда за ними показывался на минутку кусочекъ нѣжной бирюзы, а ласковые лучи торопливо расцвѣчивали заплаканную степь пестрыми, неожиданными красками: изъ-за бурой, побитой морозами атавы дѣтски-весело зеленѣла кое-гдѣ щетка молодой травки, сверкала, какъ кусочки разбитаго зеркала, водица въ бороздахъ и дрожали на нижнихъ вѣткахъ терника рѣдкіе пурпуровые и желто-лиловые листочки. Вдали, на горизонтѣ, вставало въ сизой пеленѣ что-то похожее на

горы, а ближе—взрытыя черныя полосы, красныя глинистыя обрывы овраговъ и сизый, дымчатый полынокъ—почти такой же, какъ и лѣтомъ. Но черезъ два-три мгновенія опять все застилалось унылымъ бурнымъ колоритомъ. Незамѣтно подползали сумерки и за ними ночь, черная, беззвѣдная, безмолвная. Никакихъ звуковъ... Даже вѣтеръ смолкъ,—„убился“,—какъ объяснилъ кучеръ. Лишь шуршаль тарантасъ да скользко шлепали копыта лошадей.

Вотъ и тутъ, въ станицѣ, то же безмолвіе и черная темь. Низкіе, черныя ряды спящихъ хатокъ по обѣимъ сторонамъ улицы въ трехъ шагахъ смыкаются въ кольцо, и очертанія ихъ теряются въ нѣмомъ сумракѣ впереди и сзади.

Пассажиръ вздохнулъ.

— Ни звука. Даже собаки спятъ,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, ка-быть шепаетъ кто-то,—возразилъ кучеръ, сидя бокомъ на козлахъ:—говорять... сзади...

Пассажиръ отвернулъ воротникъ шубы, приподнялся, опираясь на руки, и прислушался. Да, шаги. Слышно, скользять,—вѣроятно, балансируютъ по грязи. Вотъ зашлепали по водѣ. Вотъ бьютъ ногами о землю,—значить, отряхаютъ грязь. Разговариваютъ, какъ будто, близко, а никого не видно. Вотъ, наконецъ, два силуэта, черныя и большіе, какъ-то неожиданно оторвались отъ черной линіи сараевъ и вырисовались у тарантаса.

— Что за народъ?—спросилъ одинъ.

Въ сипломъ басѣ слышалась напускная, утрированная строгость,—очевидно, въ расчетъ на то, что неизвѣстные встрѣчныя должны оробѣть и отвѣтить, а не послать вопрошателя къ чорту.

— А тебѣ кого надо?—независимо отозвался кучеръ.

— То-есть, какъ „кого“? Просто спросить: что за люди? Наши или японцы?

— Турецкаго закону.

— Да это ты, Иванъ? Здорово!

— Слава Богу. Чего вы бродите, бродяги этакіе?

— Да просто такъ, для разгулки время. Вѣдь вотъ въ пятницу Кондрату выходить...

-- Вотъ, Ваня,—сказалъ другой голосъ, тоже осипшій и нетвердый; пьяное огорченіе слышалось въ немъ:—последній день красы моей... окрашенъ Божій свѣтъ... Вотъ ходимъ, воздуху чистаго набираемся. А ты отколь?

— Изъ Михайловки. Съ вокзала.

— Не студентовъ везешь? — понизивъ голосъ, спросилъ таинственно сиплый басъ.

— Нѣтъ.

— М-мм... Жаль.

Пассажиръ былъ пріятно удивленъ: сожалѣніе показалось ему искреннимъ. Неужели и на его родинѣ наступило время, когда сожалѣютъ, что нѣтъ студентовъ?

— А нужны?—сочувственно спросилъ кучеръ.

Обладатель сиплаго баса чмокнулъ языкомъ, выражая этимъ всю безвыходность нужды въ студентахъ.

— Человѣчковъ пятьдесятъ у насъ тутъ есть...—тихо и секретно сказалъ онъ:—забастовку хоть бы сейчасъ готовы... Только вотъ некому руководствовать.

— Кого же? Бебера или Прялкиныхъ?

— Расчесали бы кого угодно. Руководствовать некому!

— Не студентовъ,—повторилъ кучеръ, и въ его голосѣ пассажиръ уловилъ тоже сожалѣніе, какъ и въ сипломъ басѣ:—это Егоръ Петровичъ, докторъ, ихъ благородіе, господинъ Брагинъ.

— Егоръ Петровичъ!? Неужли вы?—воскликнулъ сиплый басъ, подавшись отъ кучера къ пассажиру.

— Я. А это кто?

— Это я, Тимофей Фокинъ. Даже вашъ ровникъ. Ребятенками, бывало, игравали вмѣстѣ. Помните?

— Здорово, Тимоша! Какъ же не помнить? Помню, конечно. Какъ поживаешь?

— Ничего, слава Богу. Такъ это вы? Боже мой, не узналъ бы ни за что, ежели бы не Иванъ. Да и вы бы меня не признали теперь: заросъ весь... бородой заросъ. Вѣдь я васъ когда видалъ въ послѣдній разъ? Такъ думаю, либо до службы? Годовъ десять назадъ... Ребятами-то, когда вы гимназистомъ-то были, бывало, рыбалили на вашей мельницѣ. Давно дѣло было!.. Теперь ужъ и мельница стоитъ на сухомъ. И я успѣлъ ужъ и службу отслужить и... гимназію кончить...

— Гимназію?

— Да. То есть, острогъ такъ я называю. Годъ четыре мѣсяца—за жену. Жена у меня похарчилась.

— Какъ же это?

— Да очень просто. Въ сердцахъ вышло: вдарилъ ее, она возьми да умри... Ошибся. Въ горячкѣ дѣло... не со-размѣрилъ. Да. А Кондрата узнали? Поповъ Кондратъ, называемый Эскимось. Я, значить, Азіятъ былъ, а онъ—Эскимось. Какъ, бишь, вы тогда про него?.. А-а, дай Богъ памяти... Эскимось... да!.. Живетъ на мысѣ Доброй Надежи, питается сырымъ ракомъ.

— Помню, помню и Кондрата. Здорово, братище!

— Здравія желаю, ваше благородіе,—сказалъ Кондратъ форменнымъ голосомъ военнаго человѣка, какъ и полагается служивому, и подвинулся ближе.

— Почту, говорятъ, ограбили тамъ... кто—неизвѣстно Почталіона убили, кучера убили. А онъ съ однимъ другомъ, будто, подъ этотъ случай поспѣли. Правда, нѣтъ ли,— не знаю. Слышать слыхалъ, а брехать не хочу. Д-да, забастовочки... онъ кое-кого поправили, подѣлали хозяевами. Это мы лишь тутъ, дураки, свистимъ въ худую варезку.

Задумчивые и грустные, они шли рядомъ съ тарантасомъ, и шлепающіе шаги ихъ, мѣшаясь съ мягкими, скользкими звуками конскихъ ногъ, отбивали мѣрный и скучный тактъ. Докторъ Брагинъ, мысли котораго въ началѣ встрѣчи приняли было такое пріятное направленіе, теперь быстро опустился въ кладезъ безнадежнаго унынія. Ждутъ студентовъ,—надо думать, ораторовъ,—и... мечтаютъ въ то же время о какихъ-то особенныхъ забастовочкахъ, чтобы сдѣлаться хозяевами!

— Такъ вы студента ждете?—спросилъ онъ.

— Ищемъ! — воскликнулъ Фокинъ голосомъ, полнымъ безнадежности:—вторую недѣлю ищемъ... Нѣтъ!

— Оратора?

Фокинъ промолчалъ. Кондрать отвѣтилъ за него, но не сразу:

— Нѣтъ, не оратора.

— Ораторы у насъ были,—съ легкимъ пренебреженіемъ практически настроеннаго человѣка прибавилъ Фокинъ:—ну, начальству дюже не въ совѣсть...

— Преотлично говорили!—замѣтилъ Кондрать:—всему обществу понравилось. Агѣева студента общество даже пригласило на сборъ, а вчера засѣдатель пріѣзжалъ дознаніе производить, почему митинги собираются? Попъ донесъ, что, дескать, народъ возмущаютъ... Нельзя правды говорить. Померла правда.

— Померла?

— Вещь понятная.—„Почему ты Агѣева не арестовалъ“?—засѣдатель на атамана. А за что арестовать? Человѣкъ правду говорилъ, а онъ говоритъ: митингъ. Какой же это митингъ?! Попробовать бы ты самъ арестовать, мы бы тебѣ такого гвоздя отрубили! К-какая-нибудь сволочь! Митингъ, возмущаютъ на-родъ... эх-хъ, вы...

Кондрать загнулъ очень сложное слово. Оно было произнесено безъ особаго негодованія и выражало скорѣй презрѣніе къ особѣ засѣдателя.

— Нѣтъ, у насъ тутъ человѣчковъ пятьдесятъ есть,—прерывая наступившее молчаніе, заговорилъ таинственнымъ тономъ Фокинъ:—да некому поруководствовать. Народъ какъ-то мелковатъ сталъ. Поотвѣчать опасаются. А можно бы кое-кого. Вотъ у Прялкиныхъ богатый магазинъ. Вообще,

купечества много. Буде ужъ имъ изъ насъ кровь пить. За что ни хватись—втридорога дереть. „Косые налоги“,—говорить. Пора поправить эти косые налоги. А повези хлѣбъ на продажу,—цѣны не даютъ—разъ, обмѣряютъ—два, обсчитаютъ—три. Они за людей насъ не считаютъ, трудящихся. Бебера тоже самое—пора прекратить. Нѣкоторые изъ числа больше на Бебера: муки ни у кого же нѣтъ, и взять негдѣ. Приготовили мѣшки на муку. Пора подѣлиться съ бѣднымъ народомъ.

Докторъ разсмѣялся.

— Думаете, подѣлятся?

— Очень просто! А забастовочку? Какъ теперь въ городахъ... Берутъ штурмой магазинъ ли, лавку ли и кто чего успѣетъ. Въ концѣ концовъ, надо же бѣднымъ людямъ хоть разъ наѣсться вдосталь. Не все же богачамъ панствовать. Брюха себѣ поотростили на нашихъ хлѣбахъ, и... достаточно.

— То есть, вы хотите устроить погромъ, насколько я понимаю?—спросилъ докторъ.

— Вещь понятная, довольно съ нихъ!—сказалъ съ глубокимъ убѣжденіемъ Фокинъ.

Занятый обоснованіемъ своего взгляда на имущественное неравенство, откуда и вытекала идеологія погрома, онъ намѣренно обошелъ вопросъ доктора и продолжалъ возбужденно и горячо:

— Согласіе у насъ промежду собою—забастовку! Буде! Терпѣли и достаточно. У поповъ у нашихъ, вотъ, амбары ломятся отъ хлѣба. А за какіе труды? Чья это собственность—его или моя? Онъ пять разъ въ году пріѣдетъ къ трудящему человѣку, да еще съ своей мѣрой: давай ему отъ кажняго хлѣба по мѣрѣ да по двѣ. Да курицу поймаешь, а у кого утка есть—и утку... Чья же у него собственность? Почему мы не касательны къ его собственности, а онъ къ нашей касателенъ?

— Онъ къ престолу Божьему ближе стоитъ,—съ иронической назидательностью сказалъ Кондрать.

— Къ престолу?—серьезнымъ, искренне негодующимъ тономъ воскликнулъ Фокинъ:—что же, онъ черезъ это святой, стало быть?

— Святой—не святой, а завсегда возлѣ Бога.

— Почему же я не святой?

— Ты къ достоинству не выйдешь.

Всѣ разсмѣялись, даже самъ Фокинъ. Тонкая иронія, которая сквозила въ самыхъ обыкновенныхъ словахъ Кондрата, въ особенномъ почти неуловимомъ оттѣнкѣ его голоса, заставляла смѣяться почти невольно. И докторъ

Брагинъ, слушая его, отчетливо воспроизвелъ въ своей памяти подвижную фигурку стриженаго, скуластаго мальчугана, вѣчно смурывающаго носомъ, строившаго гримасы и изобрѣтающаго особня, никому не удававшіяся колѣнца.

— А ты молись больше Богу!—впадая въ назидательный тонъ, сказалъ и кучеръ.

— Нѣтъ, ты скажи: почему попу давать, а мнѣ не давать?

— Фу, чудакъ! — воскликнулъ кучеръ съ искренней серьезностью:—ему литургія дозволяетъ дать. Онъ—наставникъ, то и должны давать... Ежели поповъ не будетъ, то что же такое будетъ? И церковь не будетъ?

Кондратъ поддерживалъ его:

— Вотъ Иванъ—онъ правильно.. Что значить,—умственный парень!

И опять всѣ засмѣялись. Аргументъ, казавшійся Ивану убійственнымъ, былъ опрокинутъ этой иронической похвалой.

— Говорилъ самъ Иисусъ Христосъ,—раздѣльно вымолвилъ Фокинъ, когда смѣхъ упалъ:—церковь есть собраніе... э-э... какъ бишь ее?.. есть собраніе... изъ трехъ человѣкъ!..

Не будучи вполне увѣренъ въ подлинности приведеннаго текста, онъ пояснилъ:

— Не стѣны, не ограда, а собраніе изъ трехъ человѣкъ.

— Да ты погоди!—съ огорченіемъ—неизмѣнно ироническимъ — отъ упорства своего оппонента возразилъ Кондратъ:—церковь—она должна быть? А попъ есть глава, пастиръ... тоже долженъ быть! А безъ попа...

Онъ вернулъ опять артистически построенное пряное слово. Опять всѣ разсмѣялись. На этотъ разъ аргументъ показался довольно убѣдительнымъ. Когда тарантасъ сталъ поворачивать за уголъ, Фокинъ и Кондратъ раскланялись и попили прямо. Сиплый басъ Фокина еще доносился нѣкоторое время до доктора:

— Ты стой! Иисусъ Христосъ самъ говорилъ: еще кто не работаетъ, яко да не ястъ! А у нихъ пузо вонъ какое!..

Низенькія хатки тянулись безмолвными рядами по обѣимъ сторонамъ, смыкаясь и раздвигаясь, нѣмая, темныя, закутанныя ставнями. Брагинъ пристально всматривался въ ихъ смутныя очертанія, хотѣлъ уловить какіе-либо признаки жизни, но не было ихъ. „О, родимый край!“—мысленно вопрошалъ онъ, лирически настроенный при свиданіи съ родиной:—„неужели ты все тотъ же, лишенный свѣта, изолированный, поставленный во фронтъ, холоцки исполнительный поставщикъ солдатскаго матеріала?“

Родимый край ничего не отвѣчалъ: онъ спалъ.

II.

Братья не видѣлись лѣтъ шесть. Въ 99-мъ году докторъ, мѣняя невольное пребываніе въ Перми на службу въ екатеринославскомъ земствѣ, заѣхалъ въ родную станицу, пожилъ двѣ недѣли у стариковъ на мельницѣ и видѣлъ своего брата Арсенія длиннымъ, жидкимъ семинаристомъ послѣдняго класса учительской семинаріи. Теперь Арсеній возмужалъ, подстригалъ клиномъ жидкую бородку и въ своихъ очкахъ производилъ впечатлѣніе ученаго мужа. Онъ учительствовалъ пятый годъ, но въ свою станицу перешелъ лишь два года назадъ.

— Ну, я думалъ: не дождусь,—сказалъ Арсеній, обнимая брата.

Онъ былъ выше ростомъ, чѣмъ докторъ, и волосомъ свѣтлѣе. О пріѣздѣ Егора онъ зналъ изъ его телеграммы и выслалъ за нимъ лошадей на станцію. Это стоило дешевле, чѣмъ братъ извозчика на станціи. Переписывались братья рѣдко и знали другъ о другѣ мало.

Старшій братъ, Егоръ, считался удачникомъ, Арсеній былъ, по общему признанію, неудачникъ. Егора учили въ гимназіи. Онъ пошелъ въ университетъ, получилъ стипендію и „вышелъ въ доктора“. Арсенія въ гимназіи учить было не на что. Старики раззорились: мельница перестала работать, потому что рѣка „ушла“, прорывъ себѣ другое русло и заваливъ пескомъ старое. Хватило средствъ лишь на городское училище, откуда Арсеній перешелъ въ учительскую семинарію, огорчивъ своихъ родителей избранной карьерой.

— Ну-таки видалъ ты хочъ у одного учителя хорошую шубу?—съ упрекомъ говорила ему мать:—все вѣтромъ подбита и подолъ обтрепанный...

Отецъ тоже склонялся больше въ сторону новочеркаскаго юнкерскаго училища:

— По крайней мѣрѣ, аполеты... И жалованье теперь приличное, какъ въ полку, такъ и на льготѣ. А тамъ женился бы, взялъ бы деньжонки... Все—не какъ приходскій учитель.

Однако Арсеній предпочелъ незавидную карьеру народнаго учителя. Не оказался карьеристомъ и Егоръ. Правда, онъ былъ оставленъ при университетѣ, но въ скоромъ времени былъ арестованъ. Черезъ четырнадцать мѣсяцевъ изъ тюрьмы былъ высланъ въ Пермь, откуда черезъ годъ получилъ возможность выѣхать на югъ и поступилъ на земскую службу въ Екатеринославской губерніи.

— Ну, ты удивляешься, конечно?—сказалъ Егоръ, снимая свою потертую „енотку“.

Арсеній радостно улыбался и молча разглядывалъ его ласкающимъ взглядомъ. Потомъ, какъ въ дѣтствѣ, чувствуя потребность приласкаться, онъ снова обнялъ его и воскликнулъ:

— Милый мой старикъ! Старикъ... ты—старикъ!..

— Не говори непріятностей съ перваго шагу... Вотъ прѣхаль отдохнуть.

— И отлично! Мы съ тобой тутъ заживемъ!..

— Погромили тамъ меня, братъ. Больницу, квартиру... И затѣмъ вообще впечатлѣнія послѣднихъ недѣль таковы, что захотѣлось провѣтриться. Домой потянуло. Бросилъ службу. Какъ-никакъ, а чувства родины не вытравилъ. Захотѣлось взглянуть... Какъ она? Все та же?

— А вотъ увидишь самъ. Наша родина, братъ... кремень, а не родина! Ну, садись или ложись. Сейчасъ самоваръ. Водочки выпьешь?

— Собственно говоря, не пью. Но если имѣешь мало-мальски приличную закуску...

— Маринованный сазанъ...

— Тогда рюмку выпью. Дорога убійственная... Кучеру не забудь тамъ.

— Непремѣнно.

Арсеній вышелъ въ другую комнату и постучалъ въ стѣну. Вошелъ сторожъ, съдой казакъ съ подстриженной клиномъ бородой.

— Архипъ Михайлычъ, какъ насчетъ самовара?

— Сей секунтъ подаю.

И, дѣйствительно, минутъ черезъ пять внесъ самоваръ. Арсеній передалъ ему графинъ съ водкой и „родительскій“ стаканчикъ изъ толстаго стекла съ незатѣйливой орнаментацией, а на столъ поставилъ графинчикъ поменьше и двѣ рюмки голубого цвѣта.

— Энгъ, у тебя хозяйство какое!—сказалъ Егоръ, разглядывая ихъ своими близорукими глазами.

— Это почтенная родительница устроила. Имѣю четыре чайныхъ стакана съ четырьмя же блюдами при оныхъ,—съ комической гордостью говорилъ Арсеній, разставляя посуду на столъ:—четыре рюмки—двѣ синихъ, которыя ты видишь передъ собой, и двѣ еще болѣе деликатнаго колера—розовыя, съ золотыми каймами... Четыре тарелки, четыре вилки, но почему-то два только ножа. Оборудованъ, братъ, такъ... хоть сейчасъ подъ вѣнецъ, что и является завѣтной мечтой мамы... Ну, ты рассказывай о себѣ, какъ ты и что?

— Постой, оемотрюсь.

— Да тутъ что смотрѣть? Квартира—какъ квартира: цѣлыхъ двѣ комнаты. За стѣной—царство Архипа Михайлова, моего сторожа и повара (курочку эту вотъ онъ готовилъ). Ну-съ, что же дальше? Шесть стульевъ—видишь?—не мои, а отъ станицы. Кровать въ той комнатѣ видишь?—Не моя, а отъ станицы. Сундукъ—мой. Однимъ словомъ, для народнаго учителя—хоть куда! Жить можно... Иной разъ только живого слова хочется... этакъ сцѣпиться бы съ кѣмъ-нибудь, поспорить, послушать хоть краемъ уха хорошаго оратора или писателя... ну, это не про насъ... Однако, ты ѣшь! Вотъ сазанъ—маменькинаго изготовленія, вотъ курятина. Ёшь, пожалуйста.

Они чокнулись рюмками и выпили. Докторъ скептически отнесся къ сазану, но курицей занялся съ полнымъ довѣріемъ. Потомъ сталъ рассказывать о погромѣ. Онъ говорилъ усталымъ, равнодушнымъ голосомъ, съ рѣдкими ироническими вставками. То, что онъ рассказывалъ, было ужасно и обильно кровью. Сначала еврейскій погромъ въ Юзовкѣ, потомъ погромъ интеллигенціи по слободкамъ вокругъ нея. Принялъ въ больницу одного избитаго еврея.

— Я, признаться, никогда не предполагалъ, что въ русскихъ людяхъ возможна такая бессмысленно-дикая жестокость... Хуже звѣрской... куда звѣрямъ до этого!.. Я понимаю: грабежъ... Ну, тутъ есть извѣстный смыслъ, что-ль, идея... Грабь, сукинъ сынъ, разъ тебя всю жизнь грабили! А если ты не переставалъ самъ грабить, грабь по привычкѣ! Тащи!.. Но къ чему это упоеніе истязательствомъ? Убей, пристрѣли, придуши моихъ дѣтей, но не рви же имъ ротъ до ушей, не выкалывай глазъ... У-у, истязанія были! Артистически-омерзительныя истязанія!.. Наливай-ка еще, что-ль, по одной...

— Принялъ я этого еврея,—продолжалъ докторъ, ковыряя вилкой кусокъ сазана:—не подлежалъ онъ въ нашу больницу, но... куда-жъ его? Принялъ. Къ ночи явилась толпа. Субъектъ этакъ въ сажень ростомъ, прилично одѣтый, вваливается въ пріемную. — „Съ васъ,—говоритъ,—положено на полведра, четыре цѣлковенькихъ“.—Кѣмъ положено?—спрашиваю. Тутъ фельдшерицы, тутъ больной дьяконъ. А онъ себѣ спокойно такъ шельма улыбается, руки въ карманы. Кровь во мнѣ такъ и закипѣла... Думаю: ахну я его пепельницей. А пепельница у меня—подкова изъ стали, рабочій одинъ подарилъ въ благодарность. Фунта два вѣсомъ. И большой у меня соблазнъ былъ дать ему...

— Я бы далъ!

— То-есть... денегъ или пепельницей?

— Конечно, пепельницей.

— И я бы далъ, пожалуй, да эти дѣвчонки мои, фельд-перипцы, трусили. Дрожать, просятъ: „дайте ему денегъ, Егоръ Петровичъ, пусть уйдетъ поскорѣе... дайте“... Суютъ мнѣ свои рублишки. Пришлось дать—именно столько, сколько онъ назначилъ. Онъ сказалъ: „теперь вы и ваши дѣточки можете спать спокойно“. Но, несмотря на это рыцарское завѣреніе, мы все таки перешли всѣ въ больницу, квартиру бросили. Наканунѣ по сосѣдству, въ Гуляевкѣ, школу сожгли и учителей избили. Часовъ въ девять вечера явилась опять толпа. Зазвенѣли стекла сначала въ моей квартирѣ, потомъ во флигелѣ у венерическихъ, потомъ въ самой больницѣ. Женщины мои завыли. За ними дѣтишки. И тутъ вой, и тамъ. Сторожъ Нефедъ высочилъ, попробовалъ вступить въ переговоры. Мы, на всякій случай,—я и другой сторожъ, Самойло, за дверь. Слышу: „онъ самъ жидъ! Рустановича спрятали жидъ! На немъ самомъ креста нѣтъ!“ Пощупалъ,—креста, дѣйствительно, нѣтъ. Но за то, думаю, фамилія далеко не иностранная,—авось выручитъ, хотя вспоминаю, что была у меня знакомая еврейка—акушерка, по фамиліи Воскресенская... Ты опять наливаешь? Подожди. Частишь.

— Любопытное, братъ, это ощущеніе: ждать смерти... И какой смерти? Глупой, дикой, бессмысленной... Оцѣпенѣешь, времени не замѣчаешь, чувствуешь лишь одинъ охотничій инстинктъ: вотъ-вотъ начнутъ ломиться въ дверь... Ну, не продешевь себя! Револьвериска у меня—такъ рублей въ шесть, бульдогъ. Но—„милѣе родного брата“—желѣзный толкать... увѣсистая штука! Вернулся Нефедъ.—„Слыхали?“—говорить.—Слышали.—„Рустановича выдать требуютъ“.—Не подойдетъ дѣло. Вы, друзья мои, какъ знаете: хотите—оставайтесь, хотите—уходите, а я безъ бою не дамся.—„Куда намъ идтить? Мы не согласны отъ васъ идтить. Жили вмѣстѣ—и помирать вмѣстѣ, живыми не дадимся!“ Героическій народъ оказались мои сторожа. Хотя одному за семьдесятъ, а у Нефеда грыжа. Впрочемъ, парень дюжій. Забаррикадировали всѣ двери. Больныхъ, женщинъ, дѣтей въ корридоръ. Слышимъ: выстрѣлы—и отъ воротъ, и со стороны флигеля... кругомъ... Иной разъ даже въ родѣ залпа. Стекла лишь звякаютъ, и слышно въ стѣны: чмокъ... чмокъ... пульки, надо думать. Потомъ слышимъ: подаются голоса въ сторону, дальше, дальше... Что за чортъ! Не вѣримъ сами себѣ. Даже выстрѣлы замолкли. Ждемъ штурма,—нѣтъ!... Надо вылазить. Вышелъ, гляжу: четыре казака стоятъ съ винтовками. Это—мои венерическіе, изъ флигеля.

У нихъ тоже повыбили стекла. Они озябли, осерчали, накиннули шинели и вышли отстрѣливаться. Прогнали!..

— Казаки годились, значитъ?

— Годились. На этотъ разъ они были, пожалуй, чуть не рыцарями. Хотя къ намъ шлепались именно ихъ пули, — мы одну потомъ вынули, — но это ничего. Стрѣляли они наугадъ. Повидимому, никого не подстрѣлили... А всетаки — воины. Какъ крикнулъ кто-то: „казаки!“ — вся толпа, говорить, на утекъ. Гипнозъ... А вотъ на другой день прислали полусотню для экзекуціи, ну — тутъ отвратительно было на нихъ смотрѣть. Собрали мужиковъ, поочередно вызываютъ всѣхъ. Конечно, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. — „Сыпь ему!“ — офицеръ командуешь. -- Ну, и били! Прямо такъ и брызнетъ черезъ рубаху, какъ урѣжетъ нагайкой.

— Старались?

— Старались. Отвратительнѣйшее зрѣлище!.. Пить? Ну, давай.

Братья выпили. Егоръ закурилъ папиросу и задумался. Арсеній глядѣлъ на него тѣмъ любящимъ и исполненнымъ глубокаго почитанія взглядомъ, какимъ привыкъ смотрѣть еще въ дѣтствѣ, когда старшій братъ казался ему существомъ высшаго порядка, кладеземъ учености и всѣхъ возможныхъ знаній. За стѣной, въ кухнѣ, громко говорили, оба разомъ, сторожъ Михайлычъ и кучеръ Иванъ. Иногда говоръ ихъ прерывался, и одинъ голосъ пробовалъ пѣть, но сейчасъ же обрывалъ, и снова громко и разомъ говорили, и смѣялись, и звенѣли посудой.

— Тѣмъ не менѣе, жить стало интереснее, — сказалъ Арсеній, прерывая молчаніе.

— Да, но я никогда не думалъ, что наша революція будетъ такъ бессмысленно кровава. Конечно, отъ нашего правительства иного и ждать нельзя. Но, всетаки, народъ... русскій народъ... вѣдь мы привыкли представлять его, во всякомъ случаѣ, въ иномъ видѣ!..

Докторъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько нервныхъ шаговъ назадъ и впередъ по тѣсной комнаткѣ. Стулья цѣплялись ему за ноги и заставляли снова сѣсть.

— Интересно жить, несомнѣнно... Каждый день приносить что нибудь новое. И какое новое? Изумительное, о чемъ полгода назадъ и не мечталъ... Но когда жизнь коснется хоть слегка, какъ теперь меня, своей грязно-кровавой, неожиданно-дикой стороной, ей-Богу, душа въ пятки уходитъ... И какъ не хочется умирать именно теперь... И какъ людей жалко — тѣхъ, которыхъ ограбили, раззорили, убили! Вѣдь они убиты, и... нѣтъ ихъ... Мы, живые, ждемъ всетаки, живемъ надеждами, мечтами, а ихъ убили... И вѣдь что? Народъ! Тотъ

самый народъ, о которомъ не переставало болѣть мое сердце, за который я сидѣлъ въ тюрьмѣ, который я лѣчилъ, онъ могъ убить меня, изувѣчить моихъ дѣтей, жену — за то, что я взялъ на излѣченіе портного Рустановича, которому они разорвали ротъ до ушей и переломали ребра. И этотъ народъ сжегъ школу въ Гулаевкѣ, избилъ учителей, жегъ людей въ Твери, въ Томскѣ... Какое мнѣ дѣло до того, что имъ руководили властные провокаторы?!

Егоръ снова порывисто поднялся и тотчасъ же сѣлъ, крѣпко стиснувъ руки на груди. Арсеній въ первый разъ видѣлъ его такимъ нервнымъ и взволнованнымъ. Раньше онъ зналъ его вполне уравновѣшеннымъ человѣкомъ, спокойнымъ даже въ самыхъ ожесточенныхъ спорахъ, неуязвимымъ для шутокъ и остротъ.

— И тотъ самый народъ, который безъ сопротивленія, трусливо и подло подставлялъ спины нашимъ станичникамъ. Жалкій народъ, чортъ его подери! Изъ-подъ плетей, даже черезъ рубаху, кровь, а онъ лишь вопить, пощады просить, умолять. Я почти потерялъ въ него вѣру, въ этотъ народъ!..

— Ну, не горячись, не горячись. Потерялъ — найдешь. А я такъ весь живу ожиданіемъ. Ужъ на что у насъ глухо, но и мы, умирители, протираемъ глаза, собираемся сказать какое-то слово... и, пожалуй, что ты думаешь? скажемъ! Только боюсь, что не успѣемъ. Исторія идетъ теперь такимъ учащеннымъ темпомъ...

— Ну, успѣть-то вполне успѣешь. Это, братъ, не думай, чтобы такъ ужъ близко...

— Какія статьи въ газетахъ! — восторженно воскликнулъ Арсеній: — читаешь — духъ радуется! Любая статья — прокламация: такъ и жгетъ! Ну, я — уже и такъ, и сякъ: хоть не образованъ по настоящему, но кое-что читалъ, кое о чемъ слышалъ, думалъ, кое-что прочно возненавидѣлъ и прочно кое-что полюбилъ. Но казаки, мужики, хохлы, простой народъ... даже они отъ этихъ статей до того загораются, что это самое самодержавіе вдребезги готовы превратить...

Егоръ печально усмѣхнулся.

— И думаю, мы не сробѣли бы... — не совсѣмъ увѣренно прибавилъ Арсеній.

— Я оробѣлъ, сознаюсь откровенно. И даже боленъ сталъ. Все меня раздражаетъ, все тревожитъ. Вотъ теперь жена съ дѣтишками въ дорогѣ — доѣдутъ ли?.. Такъ и мерещится этотъ Рустановичъ...

— Ты куда ихъ отправилъ? Къ тещѣ?

— Да, въ Пермь. Почтари собираются забастовать, и не узнаю ничего.

— Доѣдутъ. Чего-жъ бы имъ не доѣхать? А ты не думай..

Арсеній самъ засмѣялся надъ своимъ севѣтомъ. Игорьъ взялъ папиросу, повернулъ ее въ рукахъ, раздумывая, закурить или нѣтъ. Закурилъ и отошелъ къ окну. За окномъ отъ свѣта ничего не было видно. Кто-то неясный и расплывчатый стоялъ тамъ, съ другой стороны, и курилъ папиросу, а за его спиной, на столѣ, горѣла лампа подъ бѣлымъ абажуромъ. Дальше все было охвачено черной тьмой и неизвестностью. За стѣной, въ кухнѣ, заливисто-дребезжащій голосъ пѣлъ тягучую пѣсню.

— Опять Акимъ поетъ,—сказалъ Арсеній,—любить завывать, ну его къ Богу! Попъ уже два раза доносилъ, что у учителя пьяныя и преступныя сборища. Ты бы легся, Игорь. Усталъ?

— Устать усталъ, но едва ли усну.

Докторъ отошелъ отъ окна и сталъ ходить по комнатѣ короткими, медленными шагами по ломанной линіи около двухъ стѣнъ, гдѣ было попросторнѣе. Но стулья всетаки старались уцѣпиться ему за ноги.

— Ну, какъ здѣсь? Что новаго?

— А вотъ поживешь—увидишь. Мы—усмирители. Масса еще не представляетъ себѣ, какая позорная роль на насъ возложена. Да и интересы наши слабо затронуты: помѣщиковъ близко нѣтъ, не знаемъ, что такое аренда по двадцати рублей за десятину. Нужда есть, но на это, какъ извѣстно. Божья воля. И только. Отъ молодыхъ ногтей до гробовой доски намъ внушаютъ жить по командѣ, къ ней лишь прислушиваться, мыслить по швамъ, мечтать о галунахъ. Теперь, вдобавокъ, даютъ мобилизованнымъ еще денегъ. Наши же это деньги, но, выдавая изъ нашихъ миллионовъ по гривенику, начальство заставляетъ благодарить себя и при этомъ грозить перстомъ, дабы мы старались. То, что нынѣ происходитъ въ Россіи, есть бунтъ внутреннихъ враговъ... Такъ приказало намъ мыслить начальство. А приказъ — альфа и омега нашего бытія... Но кое-кто уже шевелится. Слабо, но шевелится. Впрочемъ, увидишь самъ.

— Я немного привезъ литературы... на всякій случай. Какъ ни ужасна эта людская пыль, а все-таки тянетъ къ ней,—чортъ ее возьми! Все надѣешься... а то и жить было бы противно...

— Надѣяться теперь должно, не только можно! Руки сложить? Теперь-то? Нѣ-ѣтъ! Я лично—плохой агитаторъ. Практика, что-ль, малая... Какъ-то все спѣшу, волнуясь, излишне негодую, больше бранюсь. А иной разъ вздумаешь что-нибудь обстоятельно выяснить, да слишкомъ широко захватишь, расплывешься, заползешь въ дебри... карабкаешься, карабкаешься изъ нихъ, еле-еле одолънешь!.. Больше

читаю и даю читать. О, есть горячія головы! Немного, но есть. Но есть и просто болтуны. Въ массѣ же пока—дѣйстви-тельно и темно.

— Кстати: я встрѣтилъ давеча Тимошку Фокина и Эскимоса — знаешь? — Кондрата. Тоже готовятся забастовку устроить, что на ихъ языкѣ, повидимому, означаетъ погромъ.

— Это — хулиганы. Особенно Фокинъ: тупъ, какъ быкъ. Его мѣсто — въ рядахъ погромщиковъ, вотъ... А чтобы онъ рискнулъ чѣмъ-нибудь изъ-за идеи, — никогда!.. Нѣтъ, ты увидишь тутъ другихъ, забѣгаютъ иногда ко мнѣ за газетами. Да и на базарѣ въ праздникъ митинги происходятъ... во время обѣдни, у ограды. Любопытно. Вотъ увидишь.

Арсеній вышелъ въ корридорчикъ и крикнулъ:

— Товарищъ Архипъ! А-а, Архипъ Михайловичъ!

На этотъ разъ сторожъ появился не такъ скоро. Красный, улыбающійся, онъ вышелъ и долго мигалъ бровями, пока не совсѣмъ твердо выговорилъ:

— Чего извольте, Арсеній Петровичъ?

— Вы кончили?

— Все кончили, такъ точно. Иванъ ослабъ даже съ дороги. Пускай ужъ онъ ночуетъ у насъ... Дорожный чело-вѣкъ...

— Ну, постелите мнѣ на сундукъ, а Егоръ Петровичъ на кровати ляжетъ. Да пѣсни, товарищъ, не во весь голосъ пускайте. А такъ себѣ, въ половину, „средственно“, какъ говорится. А то вѣдь — знаете — батюшка безпокоится...

Когда сторожъ устроилъ постели, братья легли и говорили еще нѣкоторое время въ темнотѣ. Но Арсенія сонъ сморилъ скорѣе. Егоръ долго не спалъ и ворочался. Койка скрипѣла. Надо полагать, было не безъ клоповъ. За стѣнной разговаривалъ сторожъ, — повидимому, одинъ, самъ съ собой, потому что другого голоса не было слышно. Въ окно, не закрытое ставнями, лился мутный, сѣро-черный свѣтъ осенней ночи. До утра еще было не близко. Въ ушахъ стоялъ шипящій звонъ. Чмокали копыта по жидкой грязи. Передъ закрытыми глазами медленно кружилась и колыхалась буря, мокрая степь. Тѣни прошлаго беззвучно двигались по ней...

III.

Больной, лежавшій подъ тулупомъ, прерывистымъ, глухимъ голосомъ чело-вѣка, задыхавшагося отъ сжигавшаго его жара, говорилъ:

— Егоръ Петровичъ... извините... спрошу васъ: какъ тамъ... дѣла-то теперь?

— Гдѣ?

— Въ городахъ-то... Вамъ изъ газетъ... лучше видать...

— Ничего, идутъ. А только вы поменьше беспокойте себя. Положимъ, болѣзнь протекаетъ нормально, но... поберегайтесь.

— Слушаю.. А собьютъ или... нѣтъ?..

— Кого?

— Да эти самые... порядки-то... самодержавные?..

— Думаю, что собьютъ...

— Ну, слава Богу. Кабы Господь привелъ дожить... свѣчку бы... поставилъ...

— Конечно, доживете. Непремѣнно.

Отдыхать въ станицѣ доктору Брагину не пришлось. Уже съ первыхъ дней врачебная практика его сразу приняла неожиданно широкіе размѣры. Было много больныхъ. Но еще больше оказалось такихъ обывателей, которые просто, на всякій случай, хотѣли полѣчиться, воспользовавшись рѣдкимъ обстоятельствомъ, — присутствіемъ врача въ станицѣ. Докторъ былъ человѣкъ „простой“, добродушно-обязательный, покорно шелъ на всѣ приглашенія, и популярность его у станичниковъ скоро выросла до тѣхъ размѣровъ, когда невольно возникаетъ фантастическое желаніе приобрести шапку-невидимку.

Эта широкая практика сразу окунула его въ атмосферу станичной жизни. Ея интересы, нужды и боли, недоумѣнные вопросы, чаянія и надежды охватили его кольцомъ, захлестнули совсѣмъ съ головой и безапелляціонно потянули вглубь.

Было нѣчто новое на его родинѣ. Бросалось въ глаза, что въ этой темной массѣ, издавна сдавленной военнымъ надзоромъ и солдатской субординаціей, теперь особенно усердно и настойчиво подогрѣвались легенды и традиции славныхъ заслугъ полицейскаго свойства въ прошломъ. Но новыя вѣянія уже вторгались въ старый, улежавшійся кругозоръ. Они были неожиданно рѣзки, шумны и враждебны. Для притупленной, безсильной мысли, для всегда подавленного темнаго сознанія, воспитаннаго въ предрассудкахъ военной касты, было трудно разобраться въ нихъ, и люди недоумѣвали, искали ощупью свѣта, фантазировали, галдѣли и бранились. Къ старымъ авторитетамъ — попамъ и военному начальству — прислушивались теперь рѣдко и весьма скептически.

Старые устои пали — безславно и слишкомъ очевидно. Чувство народной гордости, взлелѣянное въ казармахъ, на смотрахъ и парадахъ, было оскорблено — тяжело и невознаградимо. Маленькая землялка, маленькіе люди, не нашего

Бога, били насъ и какъ били! Сперва въ станицѣ думали: бьютъ потому, что казаковъ мало у Куропаткина. Но послали казаковъ—и казаковъ били... Съ этимъ не могла примириться даже тщательно закупоренная мысль.

— Вотъ... генералы, такъ ихъ и этапъ! — со слезами въ голосѣ говорилъ Брагину девяностолѣтній дѣдъ, почти слѣпой, тыча пальцемъ въ носъ Стесселю, повѣшенному подъ кривымъ зеркаломъ:—г-ги-рой! плечи ажъ ломаются отъ апоплексии... на грудяхъ заслуги, ленты... Поглядѣть—львы. Надѣялись на нихъ, какъ на порядочныхъ, по стѣнкамъ налѣпили ихъ... А они,—пишутъ вонъ,—прятались, удирали съ позицій, солдаты бросали на пропащее... Понабрали съ собой дѣвокъ, воровали, пьянствовали... Эх-хъ, года мои ушли, а то... Да все равно! Придется когда-нибудь за пашки взятыя казакамъ! И въ писаніи сказано: соединятся донцы съ горцами... дойдетъ точка...

Какъ ни тщательно закупорена была станичная жизнь,—новое вторгалось въ нее черезъ всѣ щели. Человѣкъ, который случайно прочиталъ газетный листъ или сѣзидилъ на мельницу, или отвезъ пассажира на станцію,—непремѣнно рассказывалъ послѣ этого что-нибудь возмутительное и, самъ не подозревая того, являлся агитаторомъ самаго опаснаго свойства.

— Ахтерка одна... — „Продай“, — говоритъ, — „плоть расейскій, купи мнѣ брульянтовые щиблеты“... Что-жъ вы думаете? Купилъ... Уважаетъ до того женскій полъ, лучше всякой скотины...

Въ украшенныхъ фантазіей разсказахъ выступали передъ удивленными слушателями-станичниками обольстительныя балерины, иноземныя актрисы въ изумительныхъ брилліантахъ, альфонсы всякаго ранга, лукулловскіе пиры и дорогое пьянство, неимовѣрное расточительство, бездѣлье, развратъ. Качали головами, плевали, ругались негодующими крѣпкими словами...

Даже черносотенныя прокламаціи будили мысль и, путемъ состязательнаго процесса, выводили ее на новую дорогу. Импровизированные митинги происходили всюду, гдѣ находилось сухое мѣстечко: и у церковной ограды, во время обѣдни, и у лавокъ, и въ станичномъ правленіи. Споры на политическія темы отличались большею горячностью и непримиримостью, чѣмъ обычные споры на будничныя темы. Было уже два случая, когда они кончились дракою.

— Вѣдь вотъ афишка-то, — размахивая черносотенной прокламаціей, говорилъ казакъ съ скудной рыжей бороденкой, одѣтый въ пальто офицерскаго покроя:—Возсташа на

Господа и на Христа его... А я вамъ скажу: и на помазанника его...

— То есть, кто же на Христа возсталъ? Мужики?—слышался скептическій голосъ въ кругу дубленихъ и крытыхъ тулуповъ, поддевокъ и „дипломатовъ“.

— Тутъ сказано: какъ на Христа, такъ и на помазанника. Это все единственно... И вы, какъ присяжные военные, сыны тихаго Дона, должны истреблять, кто возсталъ на помазанника... Вотъ тутъ... Идѣ, бишь, это...

Онъ нѣкоторое время водилъ толстымъ указательнымъ пальцемъ по строкамъ, потомъ сталъ читать—плохо, неразборчиво, непонятно, громко втягивая въ себя слюну, спотыкаясь и коверкая то, что было напечатано. Но слова знакомыя выкрикивалъ внушительно и торжественно — грозно.

— „Идите по пу... тю вѣ—вѣрности долгу, за... вѣщанное... вамъ предками... никогда!.. не выдавшие на... чистомъ... про... о... прозрачной небѣ... тѣ-ѣ-м... наго... пя... пятнушки“... кхмъ... „съ каплей мутной водѣ“... вотъ!—„для тихаго Дона!“—видишь?—„И нынѣ... появившая въ нашей небесной об... области...“ тцц... „отъ ис... на... реніевъ паровъ... кра... крамольниковъ... туча... да раз... вѣется и капнувшая изъ оной капля... мутной водѣ на... те... темя ро... россиянтъ“... видишь? — „пусть будетъ снесена... те-теченіемъ... тихаго Дона!!!.. въ морскую пуч-чину!..“ Во-о!..

Сѣдой туманъ ранняго утра куталъ концы длинной станичной улицы. Серебрилась вода въ лужахъ и колеяхъ. Домики, выступавшіе изъ тумана, глядѣли еще хмуро, сонно и зябко, покрытые росой влажной ночи. Въ чуткой тишинѣ просыпающагося дня голоса спорившихъ звучали бодро и оживленно.

— Это, стало быть, Христось, помазанникъ-то?

— У-у, чудакъ! Ты пойми: ежели же помазанникъ...

Голоса вдругъ заговорили разомъ, беспорядочно перебывая другъ друга, не заботясь о томъ, слушаютъ ихъ, или нѣтъ. И трудно было разобрать что-нибудь въ этой свалкѣ криковъ и восклицаній, то раздраженныхъ или раздосадованныхъ, то злорадно торжествующимъ, побѣдныхъ. Иногда выдѣлялись два—три спорившихъ оратора, хладнокровныхъ и по началу корректныхъ. Они нѣкоторое время сосредоточивали на себѣ вниманіе слушателей, пока не теряли хладнокровія и пока споръ ихъ не переходилъ въ раздраженную пикировку. Когда же, вмѣсто обстоятельныхъ, спокойныхъ рѣчей, они начинали бить другъ друга короткими, казуистическими вопросами, снова врывалась беспо-

ядочная волна многихъ голосовъ, въ которой ничего нельзя было разобрать.

— А Христосъ какъ говорилъ? „Ваявшій мечъ отъ меча погибнетъ!“ Ты какъ думаешь: они намъ потерпятъ, что мы ихъ женъ и дѣтей раззоряемъ? За кого? И помѣщики, стало быть, помазанники? И кунцы? И фабриканты?.. А-а!..

— Ахъ ты, братецъ ты мой... Да вѣдь и мы по писанію должны разумѣть: „вла-стямъ при-дер-жащимъ вся-кая“... пойми: всякая!.. „тварь повинуется... Нѣсть власть а-аще не отъ Бога!“ Обдумай это съ своей башкой!

— А какъ по твоему,—султанъ турецкій аще отъ Бога, аще отъ кого?

— Салтанъ?

— Да-а...

— Да чего ты про салтана?..

— Нѣтъ, говори! А я свое тогда скажу...

— Видимое дѣло, ежели нехристь, то онъ откъль же Бога-то возьметъ? У нашего, напимѣрь, императора религіи супротивъ другихъ императоровъ много тверже, а салтанъ... это дѣло отдѣльное...

— А-а, отдѣльное!

— Ну, да! Разинулъ ротъ-то... Намъ съ тобой указано: повинуйся, и должны мы помнить, что на то есть присяга. А правое ли дѣло, неправое ли,—за это начальники отвѣтять. Это—не нашего ума. Дисциплину знаешь?

— Знаю! Я—знаю. А ты скажи: кто ее писалъ, эту дисциплину?

— Ну, мнѣ некогда, братъ, съ тобой. Надо пойтить хочъ любъ перекрестить...

— А-а, не хочешь? Загнулъ носъ... Дѣло понятное! Мы приучены такъ: увидишь начальника,—чтобы у тебя лыдки тряслись и колѣнко объ колѣнку стукалось... „Аще отъ Бога“... э-эхъ, ты... э-законникъ!..

— Ну, хорошо. Не бранитесь, старики. Браниться не надо. И безъ брани можно. Хорошо. Это—повиноваться мы можемъ. Даже обязаны: мы присягу давали и обязаны. Объ этомъ спорить не будемъ. Но дѣло въ слѣдующемъ: какъ же солдатамъ земли посулили, и, значить, все таки ничего имъ нѣтъ? За что же онъ, любушка, воевалъ? Пришелъ домой безъ руки аль безъ ноги—и земли ему нѣтъ?.. А вѣдь сулили имъ. Вотъ, напимѣрь, самовидецъ тому дѣлу урядникъ Горбачевъ, Лука Горбачевъ...

— Вонъ онъ стоитъ.

— Да, вѣрно: онъ. Артемичъ, пожалуйста суда...

— Ты обрати вниманіе на ораторовъ,—тихонько говорилъ Арсеній своему брату:—я ихъ знаю, наслугался и заранѣе Май. Отдѣлъ I.

могу сказать, кто и что будетъ говорить. Вотъ тотъ, что съ прокламаціей,—мѣстный капиталистъ, по чину—урядникъ, по должности—станичный судья. Конечно, пускаетъ деньжонки въ ростъ, хлѣбъ продаетъ лишь въ голодные годы, ѣвно—только весной, когда все пріѣдено, въ работу, и не дешевле рубля за пудъ... Благочестивый человѣкъ. Одинъ изъ лучшихъ прихожанъ у нашихъ поповъ...—Вотъ этотъ, въ синемъ тулупѣ, большой, который о солдатахъ говорить,—гвардейскій вахмистръ, былъ въ турецкой кампаніи... изъ категоріи среднихъ „хозяйственныхъ мужичковъ“, по должности—станичный довѣренный,—контролеръ, такъ сказать. Благонамѣренный и осторожный человѣкъ.—Тотъ вонъ казачекъ, ярый спорщикъ,—изъ самой численной категоріи мѣстныхъ науперовъ—„однокольцевъ“, одинокихъ, недавно отдѣлившихся отъ отцовской семьи. Сидитъ, навѣрно, съ четырьмя—пятью дѣтишками на пяти десятинахъ. Нуждишка ужъ притиснула его, выхода нѣтъ, прикрѣпленъ къ военной повинности, не нынче—завтра новая мобилизація, зацѣпять и его... Душа у него уже возмущается, бунтуетъ, но до пролетарскаго сознанія ихнему брату еще далеко...

— А этотъ вотъ, урядникъ Горбачевъ—это свѣжій продуктъ нашей казармы. Только что вернулся изъ полка, не успѣлъ еще замазаться на домашней работѣ. Вѣроятно, образованныя слова знаетъ. Вонъ видишь: весь свой гардеробъ на себя нацѣпилъ: лакированные сапожки, калоши, вышитая манишка... Ради наивнаго хвастовства и тужурку не застегиваетъ, несмотря на холодъ, чтобы всѣ видѣли, что онъ нажилъ въ полку. Жаль, бабъ близко нѣтъ, а то какимъ бы гоголемъ онъ мимо нихъ ходилъ... Ты присмотришься къ нему, Егоръ: весьма любопытный сортъ... Да ты подвинься поближе. Чего стѣсняешься? Тутъ просто.

Докторъ подошелъ къ самому кругу. Какъ разъ передъ нимъ была приземистая, невзрачная фигурка Горбачева въ новенькомъ разстегнутомъ пальто. Въ затылокъ онъ видѣлъ лишь залхватскій чубъ намасленныхъ волосъ, тщательно зачесанный съ лѣвой стороны къ околышу надѣтой на бекрень фуражки. Изрѣдка, когда Горбачевъ во время бесѣды поворачивался къ доктору бокомъ, можно было видѣть его тараканьи усы, курносое, румяное, свѣже выбритое лицо и вышитую манишку.

— Ну, вотъ онъ даже государя императора видѣлъ?

— Вотъ даже какъ васъ вижу.

Горбачевъ сказалъ это съ подавляющимъ достоинствомъ. Старый гвардейскій вахмистръ былъ нѣсколько обиженъ его тономъ и замѣтилъ:

— Я самъ четыре года при лицѣ его величества слу-

жилъ. При Александрѣ II—вонъ при какомъ царѣ!.. Ну, хорошо. Это—къ слову. А вотъ вы намъ разъясните: сулили землю солдатамъ или нѣтъ? и гдѣ? какъ? и сколько? Вотъ тутъ промежду насъ все споръ выходитъ...

— Это именно было. Могу даже хотъ изъ-подъ присяги: „каждому земли по восемь десятинъ“...

— Ну, вотъ! Видишь?..

— По этому самому и волненіе идетъ, что сулить сулили, а ничего нѣтъ...

— Да гдѣ же ея взять, ежели нѣту?

— Какъ нѣтъ? А у помѣщиковъ ея сколько? С-сила!

— Вонъ у Серебряка пятьдесятъ семь тыщъ...

— Такъ вѣдь онъ ее заслужилъ...

— Кто?

— Серебрякъ.

— Чѣмъ? Побѣдитель, что-ль, былъ какой? Да и гдѣ онъ сейчасъ? Заслужилъ если, его и въ поминѣ нѣтъ! Ужъ и потомство-то его перевелось...

— Вѣрно, правильно! Досталось такимъ, кто съ роду не служилъ. Ты вотъ себѣ пай заслужилъ, что твои дѣти имъ не пользуются, когда умрешь? Вотъ черезъ это самое и волненіе-то...

— Волненіе, я вамъ долженъ сказать, господа, больше отъ лиценеровъ,—замѣтилъ Горбачевъ своимъ авторитетнымъ тономъ эксперта: — Служилъ я въ городѣ Виленскомъ, въ Ригѣ, отчасти въ Ковнѣ... ну, вездѣ одно: лиценеры не хотятъ царя, шумятъ республику и долой самодержавіе!.. Ну мы, казаки, всегда были, конечно, готовы головы положить за царя самодержавнаго противъ лиценеровъ...

— Понятное дѣло.. какъ это: долой царя!—послышался негодующій голосъ станичнаго судьи, который въ церковь всетаки не пошелъ:—какъ же это можно безъ царя? Распу-блика—такъ она и есть республика, а мы желаемъ порядку...

— Но сколько же ихъ есть, этихъ рыцперовъ?

— И, чортова пропасть! То есть, плюнуть некуда: куда ни повернись—лиценеръ!.. И самый разсадникъ лиценерства—жиды. Населились тутъ у насъ, кормимъ ихъ русскимъ хлѣбомъ, даемъ имъ образованіе, напимѣръ. Они у насъ первыя мѣста занимаютъ—не въ военномъ дѣлѣ, конечно: отъ войны они бѣгутъ, какъ отъ чумы...

— Ну, хорошо. А въ вѣдомостяхъ читалъ: кресты, даже именныя, давали и имъ?

— Ну, это, можетъ, изъ тысячи одному...

— Да вѣдь и изъ нашихъ не каждому. Вотъ у тебя же нѣтъ.

— Я къ войнѣ не причастенъ, а царю-отечеству честно

служилъ, имѣю галуны... Такогого же служенія и дѣтямъ своимъ желаю.

— Да это что за служба! Это—не служба, а такъ... Бить-голаго человѣка—жида ли, мужика ли—тутъ и ребятишки справятся. Что-жъ его не рубить, ежели у него **ничего нѣтъ**? Храбрость здоровая, подумаешь!..

— Нѣтъ, я вамъ долженъ сказать--вы ошибаетесь: у нихъ, напимѣръ, и камни, и трости такія желѣзныя, и ливельверты, даже и бомбы... Мы разгоняли этихъ конституццевъ въ Вильнѣ, у кафедральнаго собора—тамъ площадь большая такая, называется Широкая улица. Тротуары, знаете, цементовые, широкіе. Поскакали мы на нихъ, начали плетью крестить...

— Чистая Японія!—раздался восхищенный голосъ судьи.

— Да, вполне. Даже хуже. У меня на тротуарѣ, на цементѣ, конь спотыкнулся и упалъ. Я—съ него, ну не совѣмъ: ногу прижало... А тутъ мнѣ лиценеръ ка-акъ дастъ въ горбъ камнемъ!..

— Вотъ видишь!..

— Камень въ два кулака!.. Пашка у меня изъ ноженъ выскочила. Я схвати пашку, ка-акъ сбѣгну его по руцѣ... рука у него пополамъ!

— Не дать уйтись, стало быть?

— Другой! Энтотъ—чортъ его знаетъ, куда скрылся! Поймаешь ихъ... Да они тамъ всѣ одного согласія. Полковникъ мнѣ шумитъ: молодецъ!.. Они тамъ поголовно всѣ лиценеры. Дѣти, напимѣръ, и то складываютъ пѣсни недостойныя про царя. Идетъ себѣ по улицѣ и играетъ неподобную пѣсню. Дашь какому-нибудь плеткой, а онъ еще оговаривается. Выгнать ихъ изъ Рассен, и больше ничего!..

— И слѣдуетъ!

— Намъ просторіе бы стало...

— Да они тебя даже стѣсняють?

— Насъ русскіе стѣсняють. Русскихъ народовъ выгнать въ Рассею,—ну, дѣйствительно, намъ бы просторіе стало. А жидовъ у насъ нѣтъ.

— И не дай Богъ быть, я вамъ скажу!.. Этотъ народъ такой... въ родѣ поджарыхъ кобелей: согнутся и суютъ вездѣ свой носъ, и ужъ вездѣ онъ броситъ сѣмя злака...

— Ну, а по Рассеѣ-то ужъ не жида же бунтуютъ. Вогъ въ Михайловкѣ промежду хохловъ идетъ волненіе. Вѣдь они православные. И не рыцеры...

— Тоже и у насъ ихъ развелось много. То студенты, то доктора... это—всѣ ихней руки...

Взглядъ Горбачева случайно упалъ на Брагина, который продвинулся впередъ и стоялъ почти рядомъ съ нимъ. Но...

токъ краснорѣчія какъ-то сразу оборвался. Ораторъ покашливалъ, потомъ съ благовоспитанной улыбкой приложилъ руку къ козырьку и сказалъ:

— Извините, ваше благородіе... Вы, можетъ, подумаете, что я про васъ... нисколько даже...

— Ничего, продолжайте, — дружелюбно успокоилъ его докторъ.

Но продолжать Горбачеву было уже трудно. Послѣ довольно длиннаго, неловкаго молчанія онъ откашлился и сказалъ:

— Я все къ вамъ хотѣлъ зайти, ваше благородіе, да время не изберу, когда у васъ пріемъ часовъ...

— Принимаю всегда. Лучше до обѣда. Вы чѣмъ не домогаете?

— Привыкъ, знаете, въ Вильнѣ ѣсть легкій хлѣбъ. А теперь, въ домашнемъ быту, наѣвшись всяческихъ продуктовъ природы, въ родѣ какъ калунъ, напрімѣръ — и страдаешь желудочной болѣзью. До такого степеня рѣжетъ вотъ въ этомъ мѣстѣ, что просто кричи ура и больше никакихъ!

— Такъ вы чего-нибудь полегче бы...

— Нѣтъ никакихъ, знаете ли, продуктовъ таковыхъ, что бы за дешевую цифру. И въ аппетитѣ, знаете ли, даже не гонить. Въ нашемъ быту больше картофа, калунъ, арбузъ соленый, теренъ, калина... Теперь же и Филиповка, чего же окромя? Вещь, конечно, домашняя, не купленная, ѣдятъ ея помногу. Не снорованному человѣку просто даже въ диковину, куда они столько пищи умѣщаютъ, ей-Богу! Хоть бы рыбы, напрімѣръ... ну, нѣтъ не только свѣжей, а и малосолу не видать.

— Такъ вы бы молочка, курочку, разъ у васъ желудокъ такой деликатный.

— Да я бы, ваше благородіе, не постѣснялся. На службѣ, напрімѣръ, это очень свободно. А тутъ...

— Казеннаго не даютъ, а своо нѣтъ, — грубо ядовитымъ тономъ вставилъ какой-то дубленый тулупъ.

— Нисколько не это... Неправда ваша, — возразилъ Горбачевъ самымъ деликатнымъ тономъ: — домашніе — народъ не свойственный къ этому... одна бабка, напрімѣръ, склянеть на вѣчныя муки. Тутъ хоть бы рыбы... Мы въ Вильнѣ послѣднее время были избалованы рыбой, запечатанной въ коробочкахъ, въ жестянкахъ. Вѣжливая ѣда! Просто нѣжная такая... въ маслѣ... расчудесно! Намъ царь распожаловалъ пищу теперь — лучше требовать некуда... генеральская ѣда! Особенно кипятку... сколько хошь! Кубы кипятъ, не перестаютъ. чаю пей, сколько влѣзетъ, хочъ залейся. Не остался я на вторичную, да и потуживаю теперь.

— И напрасно не остался, — замѣтилъ сзади потертый дипломатъ.

— Даже вотъ какъ потуживаю...

— Погоди, вотъ быкамъ хвосты крутить заставятъ, тогда потужишь. А сейчасъ еще, ничего не видавши, о чемъ тужить? Нарядился фертъ-фертомъ... тужурочку, калошки... прошелъ въ проходку. Тутъ еще нечего тужить.

— Да, Артемичъ, напрасно вы не остались.. Горе тебѣ будетъ—въ навозѣ копаться. Ручки ваши, напимѣрь,—ну, шристануть онѣ къ работѣ? Работать, братъ, это не рыбу въ жестянкахъ ѣсть. Тутъ чижало, парень!

— Иной разъ такъ надуваешься, пунокъ трещить...

— Ну, это вамъ позвольте сказать: сколько бы я ни былъ къ работѣ не свыченъ, но къ вамъ обѣдать не пойду. Я не дешевле васъ стою...

Споръ снова возгорѣлся. Голоса, то насмѣшливые, то сердитые, сплетались, поднимались, кружились по народу, падали... Отъ первоначальной темы уклонились далеко въ сторону. Ссорились. Расходились врозь. Но такъ какъ улицы были грязны, а пригорочки у церковной ограды являлись единственнымъ сухимъ мѣстомъ въ станицѣ, то приходилось топтаться на этомъ тѣсномъ пространствѣ и неизбежно вступать въ словесныя схватки. Отголоски новой жизни и старые счеты, причудливая фантазія и суровая дѣйствительность, свободная, беспощадная критика и узкій догматизмъ сталкивались тутъ, переплетались и образовывали странный, необычайный клубокъ взглядовъ, мнѣній, убѣжденій, слуховъ, предположеній...

IV.

Гаврила Степанычъ, помощникъ станичнаго атамана, страдалъ съ похмѣлья. Нестерпимо болѣла голова, внутри жгло и вертѣло, руки дрожали.

Атаманъ передалъ ему бразды правленія и уѣхалъ по хуторамъ яко бы для сбора недоимки, но, въ дѣйствительности, для предвыборной агитаціи: подходилъ срокъ новыхъ выборовъ въ станичныя атаманы. Гаврила Степаныча называли въ станицѣ Стесселемъ, произнося это имя очень мягко: „Скесель“. Въѣшностью онъ, дѣйствительно, походилъ на портъ-артурскаго героя. У него былъ твердый, строгій — вполнѣ начальнический басъ. По предшествовавшей своей дѣятельности (онъ служилъ старшимъ городовымъ въ Тамбовѣ) Гаврила Степанычъ усвоилъ привычку энергично водворять порядокъ, но по натурѣ былъ чело-

вѣкъ не страшный. Слабость къ спиртнымъ напиткамъ, свойственная всѣмъ станичнымъ правителямъ, дѣлала его стоворчивымъ и покладистымъ. Выпить онъ могъ изумительное количество, но на ногахъ всегда держался крѣпко, что вызывало почтительное удивленіе въ обывателяхъ.

— Проспиртовался, — объясняли это явленіе глубоко-мысленные люди

Тѣмъ не менѣе, съ похмѣлья Гаврила Степанычъ неизмѣнно страдалъ и въ это время имѣлъ видъ свирѣпый, мысли мрачныя и тяжеловѣсныя, соображалъ съ большимъ трудомъ. И въ это-то именно время писаря станичнаго правленія, молодые зубоскалы, нарочно обращались къ нему, какъ къ авторитетному по положенію лицу, съ казуистическими вопросами по канцелярской части. Гаврила Степанычъ, не желая конфузить свое достоинство, старался какъ-нибудь уклониться отъ этихъ вопросовъ. Если не удавалось — вралъ, но тотчасъ же былъ уличаемъ. И тогда начиналъ плевать и браниться, что, собственно, и требовалось для увеселенія писарей и „подписчиковъ“.

Канцеляристъ онъ былъ изъ рукъ вонъ плохой. Писалъ съ значительнымъ трудомъ: рука дрожала, да и не для того была создана его рука. Читать не любилъ. Бумаги поднималъ на вѣру, не читая. Нравилась ему работа валикомъ на циклостилѣ, когда нужно было печатать приказы по всѣмъ хуторамъ или копіи съ циркуляровъ окружного атамана. Это онъ дѣлалъ съ удовольствіемъ. Про него рассказывали, что не такъ давно онъ съ преобладающимъ удовольствіемъ напечаталъ, подъ видомъ публикаціи о сдачѣ станичной земли въ аренду, пятьдесятъ прокламацій... Одну изъ нихъ на слѣдующее утро онъ нашелъ у себя на крыльцѣ. Тараска, подписчикъ, которому онъ далъ прочесть ее, ознакомилъ его съ ея содержаніемъ. Гаврила Степанычъ покачалъ неодобрительно головой и старательно спряталъ коварную бумажку. Но старый боевой духъ охранителя порядка назойливо заговорилъ въ немъ и не давалъ покоя. Чья работа? Почеркъ и какъ будто знакомъ, и незнакомъ. По содержанію и по особенностямъ изложенія сразу видно, что она — не мѣстнаго происхожденія.

— Нашимъ и въ носъ не вкинется, — съ твердою увѣренностью рѣшилъ Гаврила Степанычъ: — привезли изъ Усть-Медвѣдицы, какъ пить дать... Писаришки, навѣрное... И д-дьяволы же! Но кто же раскидываетъ? Эхъ, попался бы ты въ мои ручушки, соколикъ, наплакался бы владыка!..

Вошелъ докторъ. Скесель, сидѣвшій въ томительномъ одиночествѣ, мрачный и желтый, сразу почувствовалъ удовольствіе и облегченіе. Доктора онъ полюбилъ: простой че-

ловѣкъ... За короткое время своего пребыванія уже три раза прилично угостилъ и атамана, и его, Гаврилу Степаныча. И при томъ внимательно освидѣтельствовалъ состояніе здоровья чуть не всего состава станичнаго правленія. Ему. Сскеселю, стучалъ по животу и по груди, обслушалъ со всѣхъ сторонъ, заставляя усиленно дышать, давилъ зачѣмъ-то очень больно подъ ребрами. Однимъ словомъ, отнесся съ полнымъ вниманіемъ и сказалъ, что жить Гаврилъ Степанычу осталось еще около ста лѣтъ... Пріятнѣйшій человѣкъ, несмотря на свою ученость!..

— Какъ живемъ?—спросилъ докторъ.

Сскесель пошевелилъ бровями, вздохнулъ и почти протоналъ:

— Скверновесово, Егоръ Петровичъ.

— Голова?

— Такъ точно. И вообще, даже нутренность, и шея, и спина, и поясница... какъ наутюжено...

— Надо поправить. Зашли бы къ намъ...

— Что-жъ, я... завсегда съ моимъ удовольствіемъ...

Въ дверь просунулось шельмоватое лицо писарька Судоргина. Онъ пріятельски раскланялся съ докторомъ, многозначительно кашлянулъ и мигнулъ лѣвымъ глазомъ въ сторону Сскеселя. Брагинъ не понялъ смысла этого таинственного знака, но Сскесель уловилъ его и кинулъ недружелюбный взглядъ на своего сослуживца. На лицѣ писаря тотчасъ водворилось усиленно серьезное, почтительное выраженіе, но въ глазахъ прыгали огоньки съ трудомъ сдерживаемаго веселаго смѣха.

— Вотъ тутъ предписаньище получено, надо бы исполнить...

Сскесель досадливо крикнулъ, предчувствуя подвохъ, и отвѣтилъ голосомъ, не особенно пріятельскимъ:

— Ну что-жъ, исполняй.

— Да исполнилъ бы, ежели-бъ понималъ. Насчетъ Государственной Думы. Объясните, сдѣлайте милость. Составить списки. А какихъ лицъ,—шутъ ихъ разбереть! Напримѣръ. сказано: на основаніи пунктовъ 7-го и 11-го. Ничего не пойму.

Ты ко мнѣ съ этими пустяками не лѣзь. Тутъ Рассей погибаетъ,—вотъ получено предписаніе третью очередь мобилизовать!—а ты съ Государственной Думой... Съ Рассеей чего буду дѣлать, не придумаю, а ты...

— Не я, а начальство, Гаврила Степанычъ,—почтительно возразилъ писарь, а смѣхъ такъ и дрожалъ во всѣхъ мускулахъ его лица:—въ концѣ концовъ, какъ же писать?

— Никакъ не пиши. Или напиши гг. офицеровъ. Въ

Государственную Думу у насъ больше некого: господъ офицеровъ!

— Объ нихъ особое предписаніе отъ окружного атамана.

— Пиши въ особую.

— И притомъ, какіе же у насъ офицеры? Вы сами знаете: **старые**, черезъ губу не переплюнуть.

— Это не наше дѣло разсуждать. Тамъ разберутъ.

— Позвольте. Разъ требованіе есть: категорія лицъ, уплачивающихъ особые земскіе сборы...

— А ну тебя къ чорту съ этими земскими сборами! Пристаешь ты всегда, братецъ, какъ банный листъ. Я тебѣ русскимъ языкомъ говорю: пиши гг. офицеровъ.

— А ежели не желаютъ?

— Кто?

— Господа офицеры.

Лицо Скеесли выразило глубокое недоумѣніе. Такая комбинація была для него совершенно неожиданна.

— Отказываются. Не вѣрите? Нѣтъ я вамъ сейчасъ отъ Якова Афанасьича заявленіе покажу.

Писарь проворно повернулся и исчезъ. Скесель долго глядѣлъ передъ собой не моргающимъ взглядомъ. Потомъ неодобрительно помычалъ и не вполне увѣренно сказалъ, обращаясь къ доктору:

— Не имѣють права. Разъ манифестъ и распоряженіе начальства, то... За это и поштрафить не долго...

— Богъ извольте почитать,—сказалъ писарь, снова появиваясь передъ недоумѣлыми очами Скеесли.

Скесель взялъ полулистъ, который задрожавъ четкою дрожью въ его рукѣ, и началъ ощупывать свои карманы.

— Эхъ, очки забылъ. Не сочтите за трудъ, Егоръ Петровичъ, взгляните вы. И какъ ваше мнѣніе, напримѣръ: имѣють ли они право отказываться отъ Государственной Думы?

— Имѣють.

— Тогда намъ некого посылать.

Докторъ прочиталъ заявленіе отъ есаула Мокрова. Оно было изображено такимъ образомъ: „Распоряженіе Окружного Атамана 5-го сентября сего 1905 года заявить Окружному Управленію право на Участвованіе въ Окружномъ съѣздѣ въ избирательномъ собраніи для выбора въ Государственную Думу я послучаю растроеннаго сдоровья боліе Года страдаю болезнею ногъ, и растроенномъ желудкѣ, т. е. мытъ. Значительно глухъ, плохо вижу такъ какъ **имѣя** отроду 79 лѣтъ поэтому въ Избирательномъ Собраніи **бытъ** не могу въ особенности поездка для меня совѣршенно невозможна повыше упомянутому мыту“.

— Кого же мы пошлемъ, разъ гг. офицеры уклонились?—

спросилъ Скесель, съ недоумѣніемъ глядя на этотъ исписанный стариковскими каракулями листокъ.

Писарь съ особенною почтительностью отвѣтилъ:

— Лицъ, владѣющихъ заведеніями, обложенными особыми земскими сборами.

— А у насъ есть?

— Овчинникъ, напримѣръ...

— Овчинникъ?

— Да.

— Это ты овчинника въ Государственную Думу желаешь послать?!

— Не я, а начальство.

Скесель смотрѣлъ съ секунду на писаря въ глубокомъ безмолвіи, потомъ фыркнулъ и побагровѣлъ отъ смѣха. Глядя на него, разсмѣялся и Брагинъ. У писаря долго-сдерживаемое напряженіе смѣха прорвалось страннымъ, прыгающимъ трескомъ. Отъ восторга онъ весь задержался, заходилъ ходуномъ, то пригибаясь къ колѣнкамъ, то топая ногами. Звонко хохоталъ, стоя въ дверяхъ, подписчикъ Тараска. Глухо захныкалъ длинный казакъ - часовой у денежнаго ящика. Сторожъ Семенычъ внесъ налитыя лампы, поглядѣлъ съ удивленіемъ на хохочущую публику и зашпѣлъ, не понимая ничего, единственно лишь ради веселой компаніи.

— Ф-фу, будь ты неладенъ! Голова ажъ раскаливается...— едва отдышавшись, произнесъ Скесель: — Нѣтъ, братъ, посылай ты, кого хочешь, а я подъ такой бумагой не подпишусь, чтобы шерстобита или овчинника въ Государственную Думу... Тамъ для него квасовъ не найдется. Г-голова еловая! Тамъ одни креслы въ пятьдесятъ цѣлковыхъ!

И, представивши себѣ картину, какъ въ такихъ пятидесяти-рублевыхъ креслахъ разсѣлся бы смиренный старичекъ-овчинникъ Иванъ Васильевичъ, Скесель снова захлебнулся, засвистѣлъ горломъ и захрипѣлъ отъ смѣха. Когда писарь съ Семенычемъ вышли, онъ старательно закрылъ за ними дверь и, опасливо оглянувшись по сторонамъ, вынулъ изъ кармана прокламацію.

— Д-дьяволы!.. Овчинника въ Думу... а?... Вотъ, Егоръ Петровичъ, еще бумажка къ любопытству вашему. Такъ думаю: ихъ работа... этихъ самыхъ, что овчинника въ Думу хотятъ... на крыльцѣ нашелъ... этакая штучка...

Докторъ взялъ знакомую ему прокламацію и началъ внимательно разсматривать. Въ канцелярію вошелъ Кондрать Поповъ. Его появленіе удивило и Скеселя, и доктора. Кондрать состоялъ въ мобилизованномъ сводномъ полку уже три недѣли и не могъ, повидимому, пользоваться столь ни-

рокой свободой передвиженія, чтобы появиться въ станицѣ.

— Ты чего, Поповъ? Ай бѣжалъ отъ службы? — строго спросилъ Скесель.

— Здравія желаю, господа предсѣдшіе! — съ веселой фамильярностью произпесъ Кондрать, не отвѣчая на вопросъ Скеселя, и раскланялся почередно — сначала съ Брагининымъ, а затѣмъ уже съ суровымъ Гаврилой Степанычемъ.

— Здорово. Ты чего? — повторилъ свой вопросъ Скесель строго официальнымъ тономъ.

— Къ атаману надобность имѣю.

— Нѣтъ его. Жалься мнѣ.

— Вамъ? — Глаза Кондрата насмѣшливо сузились. — У васъ чука-чижолоя, Гаврила Степанычъ, и разговоръ сурьезнѣй...

Скесель снисходительно улыбнулся, повидимому, польщенный этой аттестаціею.

— Ты все насчетъ того? насчетъ имѣнія?

— Такъ точно.

Скесель вздохнулъ и сказалъ:

— Атамана нѣтъ. Да и дѣло такое... министра юстиціи на это дѣло...

Кондрать поскребъ рукой затылокъ и обратилъ свое за-вѣтренное, недоумѣвающее лицо къ Брагину. Знакомая черточка далекаго дѣтства мелькнула передъ докторомъ въ его узкихъ глазахъ, притворно не понимавшихъ и въ то же время косымъ взглядомъ издѣвавшихся надъ сурово-важнымъ Скеселемъ.

— М-ми-нис-теръ юстиціи!.. Вотъ, Егоръ Петровичъ... ну какъ тутъ прикажете? Братъ мобилизованъ въ мартѣ, меня теперь вотъ взяли. Остаются въ семьѣ однѣ бабы съ дѣтьми. Мы съ братомъ жили тихо-благо, разнообразія промежду насъ не выходило, а бабы... ничего не подѣлаешь: не желаютъ одна одной покоряться... Не ладятъ. Братнина жена бросаетъ все, уходитъ къ отцу на жительство. Моя жена говоритъ: „я за чужимъ имѣніемъ ухаживать не буду. Твой братъ придетъ, вздумаетъ дѣлиться, — все пополамъ, а труды мои ни въ копѣйку не поставитъ“... Ну, что тутъ дѣлать? Пропадетъ все имѣніе! Просилъ атамана, онъ никакой резолюціи до сихъ поръ не сдѣлалъ. Вотъ для этого, собственно, отиросился изъ полка — узнать насчетъ резолюціи.

— А какую же тебѣ резолюцію? — возразилъ строгимъ тономъ Скесель. — Тебѣ резолюція одна: иди служи... Руби... стрѣлай, противника изъ рукъ не выпускай... Служба, серьезное дѣло...

— За доброе наставленіе покорно благодарю.

— Ты же знаешь, — продолжалъ Скесель, увлекаясь нраво-
учительнымъ тономъ: — присяга есть клятва...

— Помню! И какъ позднѣе васъ училъ этотъ пунтикъ,
то тверже васъ, пожалуй, и помню. Ну, только объясните вы
мнѣ, пожалуйста, и гдѣ же это мы присягали у помѣщиковъ
бахчевниками быть? А свое имѣніе нехай пропадаетъ?

— Поповъ! Лишнихъ словъ не выпускай... Имѣй въ виду:
слобода воли вамъ хочъ и дана, однако языкъ не распускай.
Слобода воли не на то дана, чтобы начальству указывать.
Вы не богометы какіе-нибудь...

— Да вы же сами затѣяли насчетъ присяги...

— Не заносись, парень, не заносись!

— Нисколько. Но ежели это правильная служба, зачѣмъ
насъ деньгами закупаютъ? Зачѣмъ генералы и офицеры пе-
редъ стариками шапки ломаютъ, просятъ и сулятъ? Сажалъ
когда-нибудь генералъ стариковъ на стулъ? А теперь са-
жаетъ. Э-э, то-то и оно-то... Помалкиваете? Кабы мы отече-
ство шли защищать, а то идемъ голодныхъ дѣтишекъ плетемъ
стегать. А дома своихъ голодныхъ оставляемъ. Вонъ у Ми-
шаткина недвижности — одна бабка, лежитъ третій годъ,
даже подъ себя сама ходитъ. У жены — пузо къ корыту
на полверсты не подпускаетъ пироги замѣсить, не нынѣ —
завтра родить. А тамъ четверо еще малъ-мала меньше. И
его взяли. А для какой надобности?..

Онъ обратилъ свой вопросъ къ Скеселю и остановился,
дразня его своимъ острымъ, раздраженнымъ взглядомъ. Ске-
сель крикнулъ и ничего не отвѣтилъ.

— Правду Платовъ сказалъ: „правда погребена, ложь
возвеличена“, — тыкая указательнымъ пальцемъ въ его сторону,
произнесъ побѣдоноснымъ тономъ Кондрать.

— Ты мнѣ этихъ примѣровъ не указывай. Я больше по-
забылъ, чѣмъ ты знаешь. Но, разъ приказъ начальства — зна-
чить, присяга, долгъ службы...

— Начальство!? — негодующимъ голосомъ воскликнулъ
Кондрать: — На кой... оно намъ сдалось?.. Отколь оно взялось?..
И что это за начальство?..

— Вотъ вы, Гаврила Степанычъ, начальникъ.. — мѣняя
негодующій тонъ на благодушно-издѣвательскій, продолжалъ
Кондрать. — Я васъ даже желаю: съ вами и выйти, и потю-
ковать можно. И я вамъ всегда не то что шаръ, а цѣлую
горсть положу... Ну, а что это за начальство, которое посылаетъ
нужники чистить господамъ? А свои дѣти голодные.
А въ семьѣ развратъ. Это порядокъ?

Скесель пожалъ плечами и растерянно сказалъ:

— А чего-жъ ты подѣлаешь?

— Да чего захотимъ, то и подѣлаемъ. При насъ — оружіе.

— Поповъ! Помни одно: слово—не воробей...

Скесель старался придать своему голосу угрожающія ноты. Кондрать засмѣялся.

— Составь протоколъ, другъ, составь! А я тебя шапкой срублю.. Ага, испугался!.. Эхъ, раззоряютъ насъ кругомъ эти министры...

Кондрать крѣпко выразился и сжалъ кулакъ такъ, что пальцы закрипѣли.

— Посадилъ бы я вашего министра юстиціи вотъ на эту пшучку, ну жалъ—далеко... не достану...

— Не выражайся, Поповъ, нечего тамъ... Какъ же въ старину по двадцать пять лѣтъ служивали? Да безъ денегъ! А вамъ способіе выдаютъ...

— Возьми ты себѣ эти деньги, да иди служи. Мнѣ свое хозяйство дороже тыщи. И оно должно черезъ это самое пропасть. Ну, не досадно? То-то!..

На этотъ разъ Скесель ничего не могъ возразить. Комбинація, предлагаемая Кондратомъ, не подходила для него: онъ уже былъ въ лѣтахъ и тяжель на подъемъ. Къ тому же, и сумма, за которую правительство покупало услуги Кондрата, дѣйствительно, была невелика. Пришлось молчаливо признать себя побѣжденнымъ. Но Кондрать былъ побѣдитель великодушный и примирительно сказалъ:

— Ну, пойдѣмъ, вѣрно, ко мнѣ, Степанычъ. Раздѣлимъ время съ горя... Да потопай на бабъ, авось они хочъ тебя побоятся...

— Что-жъ, это можно,—сказалъ Скесель съ полной готовностью.—Я приду... Можно. Я сейчасъ. Ты что-жъ, надолго прѣѣхалъ?

— На трое сутокъ. Лошади корму нѣтъ. Полкъ собралъ, а кормовъ нѣтъ, лошади голодныя. Все кругомъ прѣѣл, фуражу нѣтъ никакъ, и подрядчикъ голосомъ кричить... Тамъ у насъ идетъ такая мѣшанина! Добромъ врядъ ли кончится... И вездѣ это самое, какъ по газетамъ видать. Что бы вамъ, Егоръ Петровичъ, туда того... для любопытства... а?..

— Грязно очень. Не доѣдешь,—сказалъ Брагинъ:—А не привезъ ли ты хоть какой-нибудь листокъ? Сидимъ безъ газетъ, ничего не знаемъ, что дѣлается на свѣтѣ.

— Нѣтъ, газетковъ нѣту. Масла конопнаго привезъ, ежели угодно... рыбы малосолу взялъ боченокъ... хорошаѣ рыба. А насчетъ газетковъ,—это вамъ самимъ туда съѣздитъ кондуктора привозятъ каждый день всякой всячины. Вотъ Фокинъ на этихъ дняхъ повезетъ овесъ продавать, онъ вазъ возьметъ за дешевую цифру...

Когда Кондрать вышелъ, Скесель вздохнулъ и сказалъ съ сокрушеннымъ видомъ:

— И служба наша, ей-Богу, хуже собаки всякой... Мечешься, мечешься то туда, то сюда... Склока, брань... Всякая муха норовитъ въ губы. Вѣдь вотъ — нижній чинъ, а какъ храпить! Какіе разговоры разговариваетъ!.. А все отъ этихъ бумажекъ...

— А можетъ быть, и отъ другой причины?

Гаврила Степанычъ пожалъ плечами.

— Конечно, и нужда... Я вонъ пришелъ вчера къ Медвѣдовой бабенкѣ: „давай подымня!“ „Гаврила Степанычъ, болѣзнь мой! Не только денегъ—палки нѣтъ печку протопить, и дыму сколько дней ужъ не видимъ“. Поглядѣлъ, поглядѣлъ, ушелъ. Но что же дѣлать, на насъ присяга. Начальство говоритъ: „ваши предки служили Бѣлому царю, не щадя живота, за это имъ и земля дана не въ примѣръ прочимъ... Откажетесь служить, у васъ землю отберутъ, повернутъ васъ въ государственные крестьяне“. А теперь, вонъ, говорятъ, мордовскую землю сулитъ царь отдать донцамъ. По тридцать пять десятинъ на пай. А мордву—выселить на японскую грань пужать японцевъ...

V.

27-го ноября Фокинъ привезъ доктору Брагину письмо со сборнаго пункта. Писалъ гимназическій и университетскій товарищъ Брагина—врачъ Ивашинъ. Они не видѣлись около десяти лѣтъ. Ивашинъ служилъ въ Астраханской губерніи, а теперь оказался — неожиданно для Брагина — полковымъ врачомъ мобилизованнаго своднаго полка, призванный, какъ казакъ, къ отбыванію воинской повинности. Онъ писалъ, что узналъ о пребываніи Брагина на родинѣ совершенно случайно отъ глазуновскаго казака Попова, приходившаго въ гости къ его децѣнку. Поповъ взялся доставить Брагину и письмо. Старый товарищъ звалъ Брагина непременно прѣхать хоть на одинъ часъ повидаться, поговорить, вспомнить старину. И Брагинъ, пересиливъ страхъ передъ грязной дорогой, въ тотъ же день отправился. Очень хотѣлось повидаться съ Ивашинымъ и кстати узнать что-нибудь новенькое. Въ станицѣ уже двѣнадцать дней не получалось ни одного газетнаго листа,—почта бастовала. Лишь смутно доносились со станціи кое-какіе слухи, но такіе разнообразные, противорѣчивые и фантастическіе, что вѣрить имъ было невозможно. А между тѣмъ, жить и не знать, что дѣлалось въ Россіи въ такое удивительное время, было выше силъ...

Къ полночи Брагинъ добрался до сборнаго пункта и не

безъ труда разыскалъ стараго коллегу. Обрадовались другъ другу. Помолодѣли, вспоминая школьные годы. До самаго утра не спали, — было о чемъ поговорить. Но изъ всего, о чемъ они бесѣдовали, переживаемый моментъ, полный ожиданій и надеждъ, былъ всетаки самымъ интереснымъ. Иванинъ повѣдалъ товарищу о всѣхъ прелестяхъ своего пребыванія на сборномъ пунктѣ, и Брагинъ пожалѣлъ, что не пріѣхалъ сюда раньше.

На сборный пунктъ казаки явились 2-го ноября. 14-го числа вполнѣ снаряженный полкъ былъ осмотрѣнъ начальникомъ войскового штаба и ждалъ выступленія. Но первоначальное распоряженіе—слѣдовать въ Курскую губернію—было отмѣнено, а новаго распоряженія не послѣдовало. Ноябрь уже подходилъ къ концу, а полкъ стоялъ на сборномъ пунктѣ въ бездѣйствіи.

Было грязно, нудно и тоскливо. Казаки пріѣхали, по обыкновенію, съ семьями: провожали отцы, жены и дѣти. Все это ютилось въ тѣсныхъ хаткахъ на окраинахъ станицы, отъсыная хозяевъ, загрязняя все кругомъ, причиняя и испытывая такіа неудобства, которыя даже и нетребовательнымъ людямъ были невыносимы. Осень затянулась. Шли дожди. На улицахъ отъ края до края стояли сплошныя лужи желтой воды. Офицеры съ великими затрудненіями на дрожкахъ преодолевали грязь. Но нижнимъ чинамъ приходилось мѣсить ее пѣшкомъ по четыре раза въ день, чтобы получить нищу и фуражъ. Иной разъ, въ дождь, никто не рѣшался ниспускаться въ это вязкое, солонцеватое болото и отказывались идти даже за фуражомъ. 23-го числа произошелъ форменный бунтъ изъ-за того, что получка назначена была въ одномъ мѣстѣ, а когда явились фуражиры, оказалось, что раздача фуража перенесена въ другой пунктъ, за версту разстоянія.

Къ концу мѣсяца весь фуражъ кругомъ хутора былъ съѣденъ. Подрядчикъ метался по сторонамъ, углублялся въ степь, но запасовъ было мало. Годъ былъ неурожайный. Казачьи лошади не рѣдко ночевали безъ клочка сѣна. Не было ни сараевъ, ни конюшенъ. Онѣ мокли подъ дождемъ, зябли на вѣтру, стояли по колѣни въ грязи, грызли отъ голода плетни, худѣли день ото дня и паршивѣли.

Уже одно это вызывало въ казакахъ глухое озлобленіе.

Мѣстные купцы всегда драли высокія цѣны во время формировація полковъ, смѣнныхъ командъ и лагерныхъ оборовъ. Теперь же, пользуясь слухами о новой желѣзнодорожной забастовкѣ, они еще больше подняли цѣны. Сахаръ дошелъ до 26 копѣекъ за фунтъ, керосинъ—до гривенника.

Казаки проживались. Провожавшіе ихъ старики и жены

съ дѣтьми ѣздили по пѣскольку разъ домой, привозили съестныхъ запасовъ, но все быстро, безъ расчета, стѣдалось и приходилось жить съ копѣйки.

Выдано было сторублевое пособіе. Въ этой грязной тѣснотѣ, смрадѣ и гвалтѣ, всѣ стали пьянствовать. Нечего было больше дѣлать. Пьяные, растерзанные, безобразные люди вваливались въ избы, заваленныя узлами, наполненныя дѣтьми, бабами, стариками, валялись куда попало, пачкали все грязными сапогами, блевали, ругались скверными словами, орали безобразныя пѣсни... Плакали дѣти, охали и кричали женщины, безутѣшно утѣшивали и бранились старики, ругались хозяева, а пьяные служивые помались, привередничали, орали, иногда лѣзли драться и, если не брала сила, хватались за шашки и грозили зарубить.

И странно, и больно было видѣть, что люди простые, взятые отъ плуга, отъ труда, въ станицахъ и хуторахъ смиренныя и приличныя, здѣсь теряли человѣческій образъ, жили по-скотски, въ грязи, въ полной праздности, одичавшіе отъ пьянства, безобразные и жалкіе.

Пьянствовали не одни казаки. У офицеровъ тоже оказалось сразу непривычно много денегъ: семейнымъ выдаю было не въ зачетъ четырехмѣсячное жалованье, холостымъ—двухмѣсячное. Кромѣ того полагались усиленныя суточные и разныя другія суммы сверхъ жалованья. Наибольше откровенныя со смѣхомъ говорили, что и впереди предвидится пожива... По примѣрамъ офицеровъ ранѣе мобилизованныхъ полковъ, было извѣстно, какъ быстро и неожиданно наживались отъ экономіи на фуражѣ, на приварочныхъ и другими способами. И потому многіе не стѣсняли себя въ расходахъ, вели азартную картежную игру, напивались въ вокзальномъ буфетѣ и на квартирахъ, буйствовали и безобразничали, какъ и нижніе чины.

Въ первый же день Брагинъ, обѣдая со своимъ коллегой на вокзалѣ, близко видѣлъ всю офицерскую компанію и могъ убѣдиться, что даже лоскъ внѣшней культурности ничуть не отличаетъ пьянаго офицера отъ пьянаго казака. То же нахальство по отношенію къ невиднымъ людямъ, то-же забвеніе стыда, та-же наглость и та-же нервность передъ опасностью, большей частью воображаемой. Ночью ни одинъ офицеръ не ходилъ безъ провожатаго.

— Вотъ полюбуйся, Егоръ, тутъ есть типы...—говорилъ Ивашинъ:—вонъ тотъ, напримѣръ, подьесаулъ, съ усами... въ узкихъ штанахъ... любимая его фраза: „мой девизъ—пить и бить“. Третьяго дня, дѣйствительно, расквасилъ физиономію своему денщику... чтобы не быть голословнымъ, вѣроятно... Такъ, за пустяки: ночью вышелъ отворить ему

дверь въ однихъ подштанникахъ. Такъ онъ дисциплину ему напомнилъ... У денщика—отецъ, старичекъ, знаешь-ли, почтенный, георгіевскій кавалеръ. Не вытерпѣлъ. Поднялъ гвалтъ, да какой! Прямо къ командиру полка... Присоединились еще старички. Всѣ кричатъ, грозятъ, возмущаются. „Пускай онъ объяснитъ, за что онъ моего сына билъ! Какое онъ препятствіе на него имѣетъ?..“—„Мы своихъ дѣтей служить царскую службу отдаемъ, а они имъ морды кровяняютъ... Мы имъ не крестьяне!“—„Какія онъ права имѣетъ дерзать руками? Кѣмъ вы красны, какъ не нами? Полковникъ безъ людей, какъ...“ Знаешь, этакую непечатную поговорку... Командиръ видитъ: дѣло дрянъ, пахнетъ нехорошимъ. А тутъ ежедневно извѣстія о забастовкахъ въ войскахъ... Призвалъ одного подъесаула: „немедленно извиниться или рапортъ объ отчисленіи!“ А старикъ вдобавокъ, отецъ-то, такой, какъ казаки говорятъ, „воженный“ попался: кричить, стыдитъ, сыплеть упреками, какъ изъ фонтана. Толпа издѣвается, даже улюлюкаетъ... Веселый скандальчикъ вышелъ. И теперь, послѣ этого инцидента, почтительность въ казакахъ къ нашему брату, носителю погонъ, совсѣмъ исчезла: даже козырять перестали...

Брагинъ въ два-три дня успѣлъ убѣдиться въ справедливости словъ товарища. Казаки видѣли ежедневно своихъ офицеровъ пьяными на вокзалѣ, смотрѣли съ завистью въ окна вокзала на нарядный столъ, уставленный цвѣтами, вазами и бутылками и острили насчетъ пьющихъ:

— Гляди, гляди: нашъ Барбось... какой стаканище поперъ!..

— А вонъ Рубашкинъ... виль—виль... глянь: къ мадамѣ подсѣлъ... фью!..

— Новой мундиръ съ шароварами справилъ. А то и штановъ не было. У меня штаны просилъ на смотръ, какъ начальникъ штаба пріѣзжалъ.—„Эхъ,—говорить,—лампасы узковаты, ну да ничего“...

— А Бондаревъ съ своей мамзелью ѣдетъ?

— А какъ же.

— Надысь кременцы его доводили. Идетъ онъ съ ней подъ ручку, а они кучей стоятъ за депой. Шишкинъ, третей сотни урядникъ, пьяный за нуждой остановился, а они во... идутъ подъ ручку. Энти смѣются, дураки. Онъ на Шишкина: „въ боеву-у-ю на трое сутокъ! фунфузъ, такой-сякой! Ужъ онъ его зеленилъ зеленилъ... Пошелъ. Только шаговъ съ двадцать отошелъ, они ему вслѣдъ:—„Бондарь!.. Кадушкинъ!.. думаете, это жена ему? Таковская!..“ Онъ терпѣлъ-терпѣлъ, да какъ бросить ее да за ними съ пашкой!—„Ах-хъ, вы

архаровцы, въ Сибирь сошлю! Подъ разстрѣлъ на четыре года!“ Да ихъ развѣ догонишь!..

— Я вчера Аврамова велѣ изъ гостей... съ сотникомъ Куркинымъ. Темъ, грязь. Я у нихъ за провожатаго. Ругаются оба—муха не пролетитъ. Все нашу братію, казаковъ, пушаты. „У германцевъ,—говоритъ,—или у португальцевъ развѣ такой порядокъ“. Тамъ тротуары, лампы на каждомъ шагу... А наша пихра фонаря не въ состояніи поставить!“— „Чего вы отъ нихъ хотите, Петръ Петровичъ? вѣдь это темень, со-оръ! Развѣ это люди? У нихъ лишь шкура чело-вѣчья, а понятіе такое, что имъ бы на четырехъ ногахъ ходить“...—Никакъ нѣтъ,—говорю, ваше благородіе.—„Н-не ра-азсуждать, скотина!.. Вѣдь вотъ субѣктъ... лѣзетъ съ разсужденіями... А скажи ему, что земля, напримѣръ, куба-ремъ вертится, онъ скорѣй сдохнетъ, чѣмъ повѣрить“.— Это вы напрасно, вашбродь!..—„М-мал-чаты!.. такой развѣ-эда-кой!“ Всю дорогу ругалъ. Калоши въ грязи растеряли. Ужъ я доставалъ — доставалъ ихъ... Насилу довелъ, будь они неладны!..

Наиболѣе посѣщаемымъ мѣстомъ въ станицѣ былъ вокзалъ. Какъ ни затруднительно было путешествіе по грязной станицѣ, но на вокзалъ къ приходу поѣздовъ сходились и старые, и малые. Зала третьяго класса и плат-форма были демократическимъ клубомъ. Поѣзда приходили, наполняли воздухъ громомъ, шипѣніемъ, дымомъ, паромъ внося что-то бодрое, интересное, суетливо-дѣловое, шумное, привозя новости. Ждали новой всеобщей забастовки. И газеты расхватывались и читались съ величайшею жад-ностью. Кондуктора, торговавшіе ими, наживали большія деньги.

Изъ каждаго поѣзда во время остановки выходилъ какой-нибудь ораторъ, иногда два и три. Видъ многолюд-ной, праздной и любопытствующей толпы возбуждалъ въ людяхъ, такъ долго молчавшихъ, неудержимый пылъ красно-рѣчія, и за 15-минутную остановку они успѣвали развер-нуть и обозрѣть передъ этой толпой чуть не всѣ политиче-скіе, социальныя и экономическіе вопросы.

— Товарищи и граждане! — выкрикивалъ въ одномъ концѣ платформы нервный, взъерошенный ораторъ, безъ шляпы, въ пальто почтеннаго возраста, накинутаго на темную блузу: — въ борьбѣ за свободу организованный пролетаріатъ всегда шелъ въ авангардѣ. Онъ усталъ своими трупами путь къ лучшему будущему, къ равенству и братству, онъ же пробилъ нынѣ брешь въ стѣнѣ самодержавія и произ-вола. Я не стану, товарищи, напоминать вамъ о безчислен-ныхъ страданіяхъ народа. Вы сами испытали ихъ на себѣ.

Вы сами, товарищи, знаете, что такое полное безправіе, темнота, беззащитность, нищета, голодъ, забитость...

Ораторъ нервно жестикулировалъ руками. Въ одной былъ бѣлый чайникъ съ кипяткомъ, и по временамъ онъ потрясалъ имъ, грозя кому-то большому и ненавистному. Эти жесты были понятнѣе его словъ, и толпа, слушавшая его, чувствовала желаніе съ кѣмъ-то расчитаться, расправиться, кто виноватъ въ позорѣ родины, въ нищетѣ и обидахъ народныхъ...

— Ежели теперича сахаръ по 26 копѣекъ,—въ другомъ концѣ платформы гудѣлъ ораторъ въ тепломъ картузѣ и чуйкѣ:—то какъ вы считаете, граждане, кто платитъ эти деньги? Англичанамъ сахаръ нашъ продаютъ по пятачку за фунтъ. Имъ есть прямой расчетъ свиньямъ въ кормъ его мѣшать. А у насъ рабочій человѣкъ плати 26 за фунтикъ. Какая этому причина, граждане? Кому этотъ самый барышъ поступаетъ? Кто этотъ сахаръ исдѣлалъ? Чьими руками чьимъ горбомъ помѣщики, купечество и вобще прочая буржуазія настроили себѣ палаты и дворцовъ? Чью они потъ-кровь соеутъ? Какими средствами себѣ такія брюха понажили? Граждане! Пора шевельнуть мозгами объ эфтомъ дѣлѣ... Должны мы, наконецъ, сами за себя въ оборону стати!..

Поѣзда уходили. Съ ними уѣзжали ораторы. На смѣну имъ приходили другіе поѣзда и привозили новыхъ ораторовъ. И опять слушатели густою, плотною толпой обступали ихъ. И въ ихъ рѣчахъ, часто не всѣмъ понятныхъ и странныхъ, они сочувственно улавливали тотъ же протестъ, который нарасталъ въ душѣ каждаго изъ нихъ, то первое выясненіе вслухъ пережитыхъ оскорбленій, нужды, боли, страха и забитой, ненавистной покорности. Они съ удовольствіемъ слушали ѣдку критику и беспощадное развѣнчаніе тѣхъ, на комъ лежитъ вина позора и несчастій родины. И радостная волна вражды и ненависти противъ владыкъ и господъ жизни поднималась въ толпѣ.

Поѣздъ уходилъ, но толпа еще долго оставалась на вокзалѣ,—на платформѣ и въ залахъ. Здѣсь было свѣтло, шумно, весело. Въ залѣ третьяго класса выступали домо-рощенные ораторы, въ большинствѣ—пьяненькій народъ. Но и ихъ всетаки интересно было слушать, потому что они, читая прокламаціи или газеты, иллюстрировали ихъ живыми примѣрами близкой дѣйствительности. При этомъ они острили и загибали такіе словечки, отъ которыхъ слушатели покатывались отъ смѣху.

Мѣстные прокламаціи выходили аккуратно два раза въ недѣлю, и, можетъ быть, поэтому казаки называли ихъ „га-

зетками". Въ „газеткахъ" подробно и горячо обсуждалась современная роль казачества. Указывались цѣли мобилизаціи, краснорѣчиво говорилось о положеніи казачьихъ семей, остающихся безъ кормильцевъ и работниковъ, указывалось на примѣры забастовокъ въ войскахъ. Чтеніе „газетокъ" будило мысль, волновало. Было два теченія: часть „сознательныхъ" казаковъ—небольшая, руководимая студентами, учителями и нѣкоторыми офицерами, намѣревалась забастовкой отказаться отъ службы и вернуться по домамъ. Другая часть, несравненно большая, была просто озлоблена на дороговизну, неудобства, на самую мобилизацію и имѣла въ виду устроить погромъ, который именно и называла забастовкой.

Это настроеніе прорывалось въ рѣчахъ казаковъ чаще всего и тревожило мѣстныхъ купцовъ. 29-го ноября въ бакалейномъ магазинѣ Мамашкина произошло столкновение пьянаго казака съ приказчикомъ. Казакъ потребовалъ двѣ копченыхъ селедки, но заплатить за нихъ не пожелалъ—на томъ основаніи, что онъ идетъ за нихъ, купцовъ, кровь проливать и имѣетъ полное право на бесплатное пользованіе не только двумя „копченками", но даже цѣлымъ десяткомъ. Приказчикъ полѣзъ въ драку за хозяйское добро и расквасилъ носъ будущему усмирителю внутреннихъ враговъ. Какъ всегда, на шумъ сбѣжалась толпа. Человѣкъ пять пьяныхъ казаковъ, обнаживъ шашки, пошли въ атаку на магазинъ, но были отбиты длинными желѣзными прутьями, сваленными у магазина.

Казаки ушли, но пригрозили скоро вернуться. Слухи о погромахъ, ежедневно сообщаемые въ печати и устно, и безъ того не давали спать купечеству. На дѣла нельзя было пожаловаться: торговля шла превосходно. Все полученное казаками пособіе—по 107 рублей на каждого—осталось у мѣстныхъ торговцевъ и въ мѣстныхъ винныхъ лавкахъ. Но отъ этого обстоятельства озлобленіе въ казакахъ лишь возросло, и теперь опасность подошла совсѣмъ вплотную. Мамашкинъ устроилъ обѣдъ офицерамъ, проигралъ въ карты командиру полка двѣсти рублей и, въ результатъ всѣхъ хлопотъ, 30-го числа командиръ распорядился назначить въ караулъ къ магазинамъ шесть человѣкъ, по одному отъ каждой сотни.

Это была первая обязательная служба за все время стоянки на сборномъ пунктѣ. Она вызвала въ казакахъ негодованіе.

— Развѣ мы на то присягу давали—магазинъ Мамашкина окаравливать?..

— Что онъ съ офицерами въ карты играетъ, такъ мы и должны его охранять?

— Сукины дѣти! За сахаръ по 26 копѣекъ, а тутъ ихъ оберегай!..

— А тамъ-то какъ же? То же самое будетъ.

— Они же бѣдный народъ раззоряютъ и ихъ же иди стереги...

Для успокоенія казаковъ былъ пущенъ кѣмъ-то слухъ, что Мамашкинъ обѣщалъ уплатить за охрану сто рублей. Но когда наскоро избранная депутація явилась за полученіемъ этой суммы, ей пришлось убѣдиться въ совершенной вздорности этого слуха: Мамашкинъ предложилъ лишь одинъ полтинникъ на водку.

2-го декабря объявлено было распоряженіе: слѣдовать полку въ Т—скую губернію. Въ этотъ же день сознательные казаки назначили митингъ—не въ вокзалѣ, а за зданіемъ депо, гдѣ была площадка, усыпанная щебнемъ и пескомъ, единственное негрязное мѣсто въ окрестностяхъ станицы. Говорили студенты и свои полковые ораторы—главнымъ образомъ, писаря и фельдшера. Лучшимъ ораторомъ въ полку считался ветеринарный фельдшеръ Чекомасовъ, служившій до мобилизаціи на скотопригонномъ дворѣ въ Москвѣ. Публика вызывала его уже въ самомъ началѣ митинга, но онъ выступилъ послѣднимъ.

— Товарищи-станичники!—говорилъ онъ:—Вотъ завтра будутъ насъ грузить, повезутъ изъ родного края въ край чужой—не въ Манчжурію, конечно, не родину защищать отъ японца, турка или нѣмца... Нѣтъ! Въ русскія голодныя мѣста, къ такимъ же голоднымъ людямъ, какъ и мы... да нѣтъ! Въ сотни разъ голоднѣе!.. Будь у насъ десятая часть такой нужды, мы бы тутъ все въ прахъ разбили! Но тамъ терпять... Вся Россія приучена терпѣть, молчать и труситься. И черезъ это насъ и маленькая земелька Японія побилла, что мы притерпѣлись ко всему, рабскій страхъ въ себѣ имѣемъ и молчимъ, пикнуть боимся. Вѣрно говорю, товарищи: черезъ страхъ, черезъ подлую трусость, черезъ разноту терпимъ надъ собой измывательство. Бросили свое хозяйство—пускай раззоряется!—и идемъ охранять такихъ богачей, какъ Мамашкинъ. А онъ вотъ съ командиромъ въ карты играетъ, вина распиваетъ да еще въ добавокъ и издѣвается надъ нами же: „захочу,—говорить,—и днемъ караулить меня будете, не то что ночью“...

У насъ въ станицѣ мѣщанинъ Шкуринъ арендуетъ четыре тысячи десятинъ по три съ половиной, а казакамъ сдаетъ по десяти, по двадцати рублей, и самъ присѣваетъ. у него полные амбары, а казаки сейчасъ стерегутъ ихъ,

кабы чего не пропало. Онъ написалъ окружному атаману: „Хлѣбъ заложенъ у меня въ государственномъ банкѣ за 27 тысячъ, потрудитесь обезпечить его карауломъ, такъ какъ слышу: сосѣдніе хутора грозятся разграбить меня“. И караулятъ! По приказу начальства, за присягу служатъ... По этой причинѣ меня оторвали отъ должности, а жена съ четырьмя дѣтьми кормись, чѣмъ хочешь... И на какихъ людей насъ натравляютъ! На самыя благороднѣйшія сердца! За свободу бьются они, за темное чернородье, добиваются счастья мозолистому человѣку. Наши дѣти, можетъ, узнаютъ это, и стыдно будетъ имъ за отцовъ своихъ, и не изживутъ они того стыда во вѣки...

Ораторъ сдѣлалъ паузу. Толпа глухо загудѣла. Можно было разобрать лишь отдѣльные негромкіе возгласы: „вѣрно! правда!“ Полицейскій урядникъ Ильичевъ, у котораго мобилизація взяла двухъ сыновей, горько плакалъ. Сзади басистый голосъ нѣсколько разъ повторилъ:

— Штурмой взять и больше никакихъ!

— Приучены мы,—продолжалъ ораторъ,—съ малыхъ лѣтъ подчиняться, по указкѣ ходить и бояться. Каждый день намъ твердятъ: „вѣшь глазами начальника! замри! затян дыхание! исполняй, что велятъ,—такъ положено Богомъ“. И мы привыкли слушаться, не думать, замирать отъ рабскаго страха. Почему? Въ силу темноты нашей—разъ, въ силу привычки—два: потому что всѣ такъ дѣлали... Смѣлости нѣтъ. Я не подчинюсь, другой и третій подчинятся и меня стресскаютъ. А чѣмъ больше будешь тянуться, въ халуя обращаться,—тѣмъ больше галуновъ нацѣпять. Да и думали, что, въ самомъ дѣлѣ, вся премудрость въ орденахъ и эполетахъ. И Боже мой, что же оказалось? Протерла намъ глаза маленькая земелька, и гдѣ же наши всѣ генералы, графы, князья и верховные управители? Оказался изъ нихъ клубокъ червей, который подѣдаетъ организмъ нашего отечества... Потеряли мы свою честь, забыли свою гордость, замарали славу предковъ...

Ораторъ остановился на секунду, утомленный и взволнованный. Была полная тишина. Лишь басистый голосъ изъ глубины толпы сказалъ:

— Штурмой взять и больше никакихъ!

Ораторъ говорилъ много и закончилъ пламеннымъ призывомъ къ „забастовкѣ“.

— На полицейскую службу не пойдемъ!.. Дѣти наши ждутъ насъ домой!..

На казацкихъ митингахъ аплодисменты не вошли въ практику. Въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ обыкновенно кричали: „вѣрно! правда! ура!“ Раскатилось ура и теперь.

Потомъ послышались дружные крики: „домой!“ И долго не смолкало: „ура!“ и „домой!“ Никто не зналъ опредѣленно, что это значить, разѣѣзжаться ли по станицамъ, или что другое, но всѣ дружно и съ увлеченіемъ кричали: домой! Шагая черезъ рельсы, перепрыгивая черезъ канавы, плепая по лужамъ, по грязи, осклизаясь, люди шли веселые, бодрые, ожесточенные крикомъ. Разѣѣздъ, ѣхавшій навстрѣчу съ пѣснями, останавливался. Ему закричали: „домой! ура!“ И онъ въ отвѣтъ охотно съ радостной готовностью закричалъ: „домой! до-мой!“

Черный, влажный мракъ надвинувшейся ночи равнодушно глоталъ эти крики. Отрывавшіяся отъ шумной толпы малыя группы тонули въ кривыхъ переулкахъ, направляясь къ квартирамъ. Толпа таяла. Занималась кое-гдѣ пѣсня и падала. Только по направленію къ вокзалу она тянулась долго, сначала шумная и нестройная. Но чѣмъ дальше уходила, медленно выбираясь изъ темноты въ полосу свѣта, тѣмъ звуки ея становились мягче, гармоничнѣе и красивѣе.

VI.

На другой день полкъ собрали на плацу, держали долго. Былъ вѣтрѣнный хмурый день. Съ утра шелъ хлопьями снѣгъ. Бѣлыя мухи проворно кружились, путались и прыгали въ воздухѣ. Но, долетѣвши до грязной земли, до темно-сѣрыхъ широкихъ лужъ, онѣ умирали, исчезая безъ слѣда. Лишь кое-гдѣ, подъ плетнями, имъ удавалось ухватиться за рогаые сухіе орѣпы и за пробившуюся въ затишьи травку съ круглыми листочками. И зелень ея въ бѣлыхъ цвѣтахъ становилась ярче, ласковѣй и наряднѣе, а облетѣвшія вербы жалостно шумѣли надъ ней озябшими голосами.

Старики въ зипунахъ, тулупахъ и лохматыхъ шапкахъ, бабы въ нагольныхъ шубахъ, подпоясанныхъ крашеными шерстяными кушаками, озябшіе ребятишки, завязанные платками и старыми, полинявшими шарфами,—все это толклось въ грязи по сторонамъ площади, ожидая напутственного молебна и распоряженія о посадкѣ въ вагоны. Люди продрогли и проголодались. Носились слухи, что посадка въ два часа. Старики собирались въ круги. Среди нихъ не было опредѣленнаго общаго мнѣнія объ отказѣ отъ похода, но протестующіе голоса противъ внутренней службы были преобладающими:

— Пускай обозначать мѣсто,—тогда пустимъ...

— Да... Куда ихъ отправляютъ?..

— На грань мы всё идемъ, а въ Россію—нѣтъ нашего согласія!

— Не дать и только! Какая это служба? Разъ это законная служба? Мы по двадцать лѣтъ служивали на Кавказѣ, такъ то и служба... Мы знали, что это—служба...

Говорили въ этомъ смыслѣ многіе. Возражали лишь тѣ изъ мѣстныхъ станичныхъ жителей, у которыхъ изъ семьи никто не былъ захваченъ мобилизаціей. Они очень тяготились долгимъ постоемъ казаковъ, пьянствовавшихъ, своевольничавшихъ, всѣмъ надоѣвшихъ, и хотѣли возможно скорѣй избавиться отъ нихъ. Большая же часть провожавшихъ стариковъ дипломатически перемалчивала, и трудно было опредѣлить, каковъ взглядъ большинства. Руководящій тонъ какъ-то самъ собою перешелъ къ кремневцамъ, казакамъ станицы, служившей сборнымъ пунктомъ. Они привыкли къ созерцанію начальства, издавна были свидѣтелями его „невинныхъ слабостей“ — и потому относились къ нему не съ такимъ благоговѣйнымъ страхомъ, какъ дѣвственно-темные обитатели медвѣжьихъ уголковъ. Предлагали они, какъ только кончится молебень, спросить у командира, куда отправляютъ полкъ. Если не на границу, то не дать своихъ дѣтей для внутренней службы. Они говорили смѣло. Но глазовцы, хоперцы, александровцы и другіе старички тихонько покашливали, перемалчивали, раздумывали о чемъ то туго и медленно. И въ концѣ долгаго, пристального, глубокомысленнаго разглядыванья грязи подъ чириками, они опасливо выражались:

— Какъ бы не поотвѣчать...

— А ну-ка за провинность сочтутъ?..

— И даже лишиться родины не долго... Вѣдь присяжное дѣло... накажутъ...

Ожидаемаго молебна не было. Командиръ, видимо, торопился и скомкалъ весь церемоніаль объявленія похода, избѣгая всякой торжественности. Можетъ быть, и онъ стѣснялся утруждать Бога молитвой передъ дѣломъ, которое славъ его полку не сулило.

Въ первый эшелонъ назначена была шестая сотня.

Поѣздъ стоялъ на запасномъ пути, противъ товарнаго двора. Какъ всегда, къ посадкѣ собрался весь полкъ, провожатые, любопытствующие — чуть не вся станица. Всѣ пути были запружены народомъ. Посадка началась въ два часа. Сперва все шло, какъ обыкновенно: суетились, таскали въ вагоны мѣшки съ сухарями, сундуки, ставили лошадей. Лошади упирались; ихъ подстегивали сзади плетями. Слышались шутки, смѣхъ, короткая, добродушная брань, окрикъ, обрывки пѣсенъ. Въ нѣсколькихъ группахъ распи-

вали водку, прощались, плакали, говорили наставительныя рѣчи. Офицеры постояли, озябли и ушли въ буфетъ. Сотенный командиръ оставался дольше всѣхъ на платформѣ, но и онъ не выдержалъ и, поговоривъ съ вахмистромъ, ушелъ вслѣдъ за другими. Живой, пестрый говоръ бѣжалъ по рельсамъ, то подымаясь, то падая, переплетаясь съ топотомъ копытъ, ржаніемъ лошадей и звуками пѣсенъ.

Но вотъ, въ одной кучкѣ казаковъ раздался недружный крикъ:

— Домой!

Онъ занялся неожиданно и неувѣренно, но сейчасъ же былъ подхваченъ и покатился по народу, по рельсамъ, по вагонамъ, торопливый и радостно-ожесточенный.

— Домой! Домой! До-мо-о-й!

— Въ кругъ! Станичники, въ кругъ! До-мо-о-й!

— Забастовка! Домой! Ур-ра!

— Бей вагоны! Взять!

Конные и пѣшіе сбились къ тѣмъ вагонамъ, которые были нагружены, затолклись на мѣстѣ, шумѣли, размахивали шапками, кричали, выгоняли изъ вагоновъ казаковъ, выводили лошадей. Послышались гулкіе удары, похожіе на выстрѣлы, и звонъ стекла. По крышамъ вагоновъ запрыгали кирпичи и булыжники. Отъ вокзала бѣжалъ народъ, бѣжали офицеры. Задыхаясь и спотыкаясь, бѣжалъ полковой командиръ, человекъ почтеннаго возраста и не легкой комплекціи.

— Братцы!.. Господа!.. Что такое?! Въ чемъ дѣло? Ну... Ну... Развѣ это можно? Братцы! Ну... Какъ же?.. Это ни на что не похоже!..—упавшимъ голосомъ, блѣдный, растерявшійся, говорилъ командиръ шестой сотни, обращаясь къ кучкѣ бабъ.

Его оттерли отъ вагоновъ, едва не затоптали. Мимо него стремился людской потокъ, толкая, наступая на ноги, иной разъ увлекая его съ собой на нѣсколько шаговъ. Жалобно, склонивъ голову на бокъ, онъ убѣждалъ этихъ людей, что такъ нельзя, что присягали служить и надо служить, что за это и деньги выданы. Какой-то сухенькій старичекъ съ клинообразной бородкой, котораго притиснули къ нему въ этой давкѣ, сочувственно поддакнулъ:

— Дѣйствительно, ваше благородіе, ежели катастрофить всѣ начнемъ, какіе же мы граждане...

И, оторвавшись отъ огорченнаго есаула, побѣжалъ дальше.

Командиръ полка, которому страшно было идти въ эту ревущую у вагоновъ толпу, остановился пѣтухомъ передъ есауломъ и началъ распекать.

Что-жъ это такое, есауль? На что это похоже?! Надо

было заранѣе принять мѣры! Неужели у васъ не хватило соображенія? Почему васъ не было здѣсь?

— Я не предполагалъ, г. полковникъ... Обыкновенно при посадкѣ дашь тонъ и...

— И вы дали?! Гдѣ офицеры вашей сотни?

— Не могу знать, г. полковникъ... Они были...

— Что же вы послѣ этого знаете? Можно ли послѣ этого поручать вамъ сотню? Я вамъ двухъ барановъ стеречь не поручу теперь!

Командиръ ругался еще минутъ пять. Но надо было идти и въ толпу къ вагонамъ, откуда теперь слышался шумъ, то усиливаясь, то падая. Сопровождавшіе его офицеры съ трудомъ протиснулись. Обыкновенно громкій, сочный голосъ командира теперь на одно мгновеніе вспрыгнулъ надъ общимъ гамомъ и крикомъ, слабо продребезжалъ и тотчасъ же утонулъ въ потокѣ все увлекающаго рева.

— Дд-мо-о-й! Урра! Штурмой! Взя-аты! Б-бей! Уррра-а!..

Крикъ этотъ изумлялъ своей ожесточенностью, непонятнымъ увлеченіемъ и дикостью. Иные звуки съ хрипѣніемъ и свистомъ вырывались изъ горла, другіе протяжно выли, ревѣли, иные были коротки и звучны, какъ выстрѣлы, какъ удары кирпичей въ стѣны вагоновъ. И все переплеталось и крутилось, какъ водоворотъ, увлекаая въ себя всѣ другіе звуки: и ржаніе, и лязгъ копытъ, и сигналъ трубача, игравшаго сборъ.

Толпа хлынула вдоль по пути, по сторонамъ, къ вокзалу, увлекаая съ собой и толкая плачущаго и разводящаго руками командира полка и группу офицеровъ. Ничего нельзя было сдѣлать. Толпа почувствовала свою власть...

Когда, въ началѣятаго, Брагинъ съ своимъ коллегой пріѣхали пообѣдать на вокзалъ, они съ трудомъ могли отыскать себѣ мѣсто. Вся привилегированная публика станицы, не исключая іереевъ и дѣвицъ легкаго поведенія, была здѣсь на лицо. Забастовка полка, настойчивые и нѣсколько фантастическіе слухи о новой всеобщей забастовкѣ, о возстаніяхъ въ войскахъ рѣяли въ воздухѣ и производили ошеломляющее впечатлѣніе даже здѣсь, въ глухомъ уголку, далеко отъ центровъ. Были здѣсь и всѣ офицеры полка. У нихъ только что кончилось совѣщаніе, на которомъ они ничего не могли придумать, кромѣ „доведенія о происшедшемъ до свѣдѣнія начальства“. Теперь они пили въ мрачномъ и сосредоточенномъ молчаніи. Лишь командиръ полка и заведующій хозяйствомъ, стоя у буфета, недоумѣло разводили руками и винули агитаторовъ.

— А-а... ну вотъ вы, докторъ,—почти плачущимъ голосомъ заговорилъ командиръ, увидѣвъ возлѣ буфета Ива-

шина съ Брагинымъ и обоимъ подавая руку: — вѣдь вы очень хорошо знаете, что всѣ шли охотно... Никто не хотѣлъ отставать, даже когда предлагали!

— Да, въ комиссіи были заявленія: „желаю служить“...

— Ну вотъ, ну вотъ... а теперь—видите?..

— Совсѣмъ упалъ духомъ... А какой былъ бравый, жизне-радостный старикъ, — сказалъ Ивагинъ, посмѣиваясь, когда они съ Брагинымъ усѣлись въ уголку за своимъ обѣдомъ. — Да и перспектива для него, пожалуй, мрачная: могутъ отрѣшить отъ командованія полкомъ. А сколько было пріятнѣйшихъ мечтаній! Служба выгодная, безопасная... Въ воображеніи уже, вѣроятно, рисовался и кругленькій капиталецъ, и добрый кусочекъ земли, и приличный домишка, и обстановка... И достойное вниманія приданое у дочекъ... А теперь?..

Послѣ обѣда Брагинъ вышелъ на платформу. Тамъ, по обыкновенію, было многолюдно, тѣсно, шумно. Въ надвинувшихся сумеркахъ толпа представлялась веселой, праздничной и дѣтски беззаботной. Безпорядочно толклись и жужжали мужскіе голоса, пересыпался женскій смѣхъ и короткій визгъ, плачь грудныхъ дѣтей, вырывались пьяные крики и ругань. Изъ большихъ оконъ вокзала падали длинные свѣтлыя полосы. Проходили поѣзда, сотрясая воздухъ и почву. Тяжело громяхая и лязгая, вагоны останавливались. Ораторы выходили изъ нихъ и говорили рѣчи.

Оказалось, однако, что ничего не случилось особеннаго. Все было такъ, какъ вчера и въ прежніе дни. И представлялось Брагину страннымъ, что всѣ протестовавшіе и кричавшіе: „домой!“ были здѣсь на лицо, никто не уѣхалъ домой и не думалъ уѣзжать, и всѣ какъ будто ждали распоряженія начальства—того самаго, которое сидѣло въ вокзалѣ. Ни у кого не было, повидимому, опредѣленнаго плана относительно будущаго.

— Егоръ Петровичъ, здравія желаю! Пріѣхали-таки? — раздался знакомый голосъ около Брагина.

— А-а, Кондрать... Ну, какъ дѣла?

— А очень отлично. Не знаю, довольно ли начальство, а мы даже вполне довольны.

— Что-же, домой предполагаешь ѣхать?

— А это какъ тамъ укажутъ. Мы хоть и домой согласны. А на службу—такъ и на службу. Но впередъ мы ихъ подрепетуруемъ, какъ они насъ репетировали. Я Фокину сказалъ: „готовь мѣшки, штурма будетъ“!..

— А онъ развѣ здѣсь?

— Прибылъ. Бабъ привезъ—мою и Шкуратову. Счастливо оставаться пока!

Кондрать, расталкивая толпу, направился къ дверямъ третьяго класса. Оттуда слышался гулъ возбужденныхъ голосовъ, уже привлекавшій вниманіе Брагина, но проникнуть туда стоило огромныхъ усилій. Онъ видѣлъ, какъ Кондрать барахтался, работалъ и руками, и плечами, и даже головой, звонко ругался и кое-какъ втиснулся, наконецъ, въ дверь. Толпа у оконъ и у дверей была почти непроницаема. Присутствіе женскаго элемента, около котораго съ грубо-откровеннымъ, привычнымъ цинизмомъ препирались, жали и давили другъ друга казаки, не давало возможности спокойно двигаться и по платформѣ. Сама полиція, повидимому, была стерта съ лица земли. Раза два кто-то вопилъ: „жандаръ! жандаръ!..“ Но крики тонули въ общемъ шумномъ жужжаніи безъ отклика и вызвали лишь смѣхъ и свистъ.

Возбужденіе въ третьемъ классѣ было, дѣйствительно, много выше обычнаго: приказано было закрыть буфетъ. Закрыты были, по распоряженію властей, и винныя лавки въ станицѣ. Черезъ подставныхъ лицъ магазинъ Мамашкина торговалъ водкой—„бѣлоголовкой высшаго сорта“—и коньякомъ, но бралъ дорого, много дороже обычной цѣны. Рядъ пылкихъ, подвыпившихъ ораторовъ выступалъ и громилъ Мамашкина, какъ эксплуататора бѣднаго люда. И слушатели сочувственно кричали:

— Бить его, такъ его переэтакъ!

Попробовали адресоваться въ буфетъ перваго класса. Собрали денегъ. Отрядили урядника Коновалова съ порученіемъ принести двѣ четверти. Но дежурный офицеръ выгналъ его. Коноваловъ вернулся сконфуженный и долго ругался. Ему сочувственно вторили.

— Вотъ это бы вотъ надо въ вѣдомостяхъ пропечатывать,—говорилъ обиженный Коноваловъ:—сами тамъ, напримѣръ, и коньякъ, и шипучее тянуть, а простому военному человѣку глотку промочить за свои же деньги нельзя!

— Чего въ вѣдомостяхъ?—возразилъ мрачный, закоптѣлый человѣкъ въ старой фуражкѣ съ синимъ кантомъ:—ай у самого языка нѣтъ? Влѣзь на стойку и пропечатывай: такъ, молъ, и такъ... Въ вѣдомостяхъ!.. Вотъ твои вѣдомости!..

Закоптѣлый человѣкъ энергично ткнулъ пальцемъ въ грудь сосѣда и сдѣлалъ попытку жестомъ указать на волнующееся море головъ. Но въ тѣснотѣ и непрерывной толкотнѣ жестъ этотъ не удался.

— Могу и влѣзть. Что, въ самомъ дѣлѣ...

— Они насъ съ сотворенія міра за людей не считаютъ, а ты: „въ вѣдомостяхъ“... Нашелъ куда относиться,—въ вѣдомости!..

— И въ самъ-дѣлѣ! Пора ужъ нашему брату, рабочему, заговорить... На, вотъ для храбрости дерни и во всеуслышаніе ихъ, подлецовъ! Цѣни!.. по-казацки!

Дружественная рука протягивала къ Коновалову бутылку съ прозрачной влагой. Коноваловъ, послѣ секунднаго раздумья, крикнулъ, взялъ бутылку и, опрокинувъ ее надъ собой, долго булькалъ. Потомъ крикнулъ опять, высморкался и влѣзъ на стойку буфета. Повидимому, онъ въ первое мгновеніе смутился, когда съ высоты стойки обозрѣлъ свою шумную аудиторію. Потомъ овладѣлъ собой и молча развелъ руками, какъ дирижоръ оркестра передъ началомъ игры. При появленіи оратора говоръ постепенно сталъ стихать. Коноваловъ откашлялся, опять повелъ рукой по воздуху и медленно, громко, какъ бы продолжая полемику съ невидимымъ противникомъ, сказалъ:

— Какого... въ самъ-дѣлѣ! Они—не они, господа офицеры, а нашъ братъ—не человѣкъ?!

И, угрожая кулакомъ по направленію къ первому классу, онъ звучно выругался и крикнулъ:

— Кѣмъ вы красны?!

Это былъ риторическій вопросъ, на который не могло, разумѣется, послѣдовать отвѣта. Ораторъ схватилъ съ головы фуражку и съ размаху ударилъ ею о стойку. Жестъ вышелъ чрезвычайно энергичный и зажигающій.

— Вѣррно-о! ура-а!—гаркнула зала:—сыпъ имъ! ж-жарь! ура-а!

— Входить нельзя, такъ въѣдемъ!—закричалъ ораторъ, потрясая кулаками:—а купить нельзя—даромъ возьмемъ!!!

— Взять!!! Штур-ма-а-й!.. Ура! Взятъ!!!

И толпа, бросивъ оратора, который все еще продолжалъ жестикулировать кулаками, хлынула черезъ багажное отдѣленіе къ первому классу. У дверей этотъ потокъ на секунду поколебался и сдѣлалъ попытку остановиться. Но сзади напирали, кричали. Видно было, какъ встревоженная публика бросилась изъ-залы на платформу. Дежурный офицеръ стоялъ съ револьверомъ въ рукѣ и что-то говорилъ, чего никому не было слышно за крикомъ. Остальные офицеры вскочили съ мѣстъ и тѣсной группой стояли у тѣхъ дверей, что вели на платформу.

Вдругъ раздался звонъ разбитаго стекла со стороны подъѣзда. Толпа радостно ухнула, зарычала и втиснулась въ залу. Офицеръ успѣлъ только разъ выстрѣлить вверхъ. Толпа, пьяная и добродушная, подхватила его, обезоружила и начала подкидывать, крича:

— Ну, стрѣляй еще! стрѣляй! стрѣляй!

Офицеры обратились въ бѣгство. Урядникъ Жуковъ, при-

общемъ хохотѣ, вѣхалъ верхомъ на конѣ въ залу и шашкой началъ сбивать бутылки и канделябры со стола. Толпа радостно гоготала, металась, ломала, разбивала. Все вниманіе поглощено было бутылками, окнами, посудой. Въ нѣсколько минутъ все это обращено вдребезги.

Было что-то заразительное, захватывающе-увлекательное въ этой работѣ разрушенія. Кондратъ Поповъ не чувствовалъ, въ сущности, ни настоящей злобы, ни сознательнаго протеста противъ службы или начальства,—но у него духъ захватывало отъ радости, когда стали разрушать эту удивительную для него, роскошную обстановку, бросаться на „ура“ за летѣвшими изъ-за стойки бутылками, сбивая съ ногъ другъ друга и падая. Пьяные, неистово кричащіе, хохочущіе, растерзанные люди изъ кожи лѣзали, желая показать себя. Кондрата нѣсколько разъ опрокидывали, топтали. По спинѣ его прошлась не одна пара дюжихъ сапогъ. Кто-то братски барахтался надъ нимъ и давилъ ему колѣномъ въ затылокъ. Но онъ вскакивалъ каждый разъ съ обновленными силами и восторженнымъ пыломъ, билъ въ осколки зеркала бутылкой и обломками креселъ, рвалъ объявленія, расписанія и кричалъ:

— Бей, такъ ихъ разь-этакъ! Хватай совсѣмъ съ маминой рубашкой! Дроби! жары! Бери, наша!

И когда кто-то крикнулъ въ окно съ платформы: „забастовку Мамашкину! дружитъ! взять!“—онъ съ радостью подхватилъ общій, восторженно-изумленный крикъ, какимъ затерявшіеся мореплаватели привѣтствовали землю:

— Мамашкина! Взять Мамашкина! Совсѣмъ съ шерстью Мамашкина взять! Съ потрохомъ! Забастовку! Уррра-а-а!..

Обгоняясь и толкаясь, скользя и падая по жидкой грязи, покрывшей мощеную часть привокзального двора, онъ побѣждалъ вмѣстѣ съ шумнымъ людскимъ потокомъ мимо артезианскаго колодца, былъ притиснутъ въ узкомъ проходѣ съ двора, сломалъ вертушку, вырвался и понесся на воющіе, лающіе, ржущіе голоса, доносившіеся отъ торговыхъ рядовъ. Слышались выстрѣлы, лязгъ желѣза, короткій дребезгъ и звонъ разбиваемаго стекла. Кондратъ пустилъ въ ходъ самыя героическія усилія, чтобы пробиться туда, къ дверямъ, около которыхъ копошилось многоголовое, рычащее и воющее, темное чудовище—толпа.

Въ магазинъ уже проникли черезъ окна. Осколки зеркальных стеколъ, похожіе на сосульки, торчали лишь вверху рамъ. Огоньки бѣгали и прыгали за окнами, внутри магазина. Вздираться на подоконники было высоко. Карабкались, вспрыгивали, обрывались, подсаживали другъ друга

и казаки, и хохлы, и ремонтные рабочіе, и женщины, и старшии. Слышался умоляющій женскій голосъ:

— Ми-и-лнй мой! куманечекъ! подсади, ради Христа!

Нѣкоторые успѣли уже нагрузиться и лѣзли назадъ. Происходила давка въ окнѣ. Бранились, толкались, швыряли внизъ какой-нибудь коробокъ или самоваръ, или тарелку. Толпа вздрагивала, шарахалась въ сторону и снова съ ожесточеніемъ бросалась къ окну.

Дверь не поддавалась, — цѣпь и замокъ съ секретомъ держались прочно. Замокъ сбивали плугомъ: Мамашкинъ имѣлъ торговлю почти универсальную, и возлѣ магазина находился складъ плуговъ, сѣялокъ и другихъ земледѣльческихъ орудій. Кондратъ приложилъ свое усердіе вмѣстѣ съ другими, ухватившись за плугъ, и съ размаху садилъ имъ въ дверь. Не усердствовавшихъ было слишкомъ много, дѣйствовали безъ ссоры, мѣшали другъ другу, лѣзли безъ толку, безъ толку били въ дверь, не попадая по замку, ругались и обвиняли другъ друга въ неумѣнн. Кондрата, въ концѣ концовъ, оттерли, и онъ направился въ магазинъ путемъ большинства — черезъ окно.

Спотыкаясь среди разбросанныхъ по полу коробковъ, ящичковъ, обломковъ и осколковъ, скользя по улитому масломъ и керосиномъ полу, засыпанному рисомъ, изюмомъ, селедками, орѣхами, — люди шумѣли радостно-озабоченно, хлопотливо, какъ на пожарѣ. Суетились, точно время было страшно дорого. Слышался преимущественно хохлацкій говоръ. Бабы ахали, визжали, быстро выхватывали коробки, прятали въ пазухи и подъ юбки ленты, кружева, пуговицы. Изъ подвала, гдѣ были вина, слышалось ура. Кое у кого въ рукахъ были разноцвѣтныя парафиновыя свѣчки. Этимъ было удобно. Они могли обстоятельно осмотрѣть полки и выбрать себѣ самое подходящее и цѣнное. Но толпа напирала на нихъ, множество рукъ разомъ хваталось за цѣнныя вещи, рвали ихъ, роняли и барахтались надъ ними съ хохотомъ, визгомъ и ругательствами.

Кондратъ проникъ во второй этажъ магазина, гдѣ было сравнительно просторнѣе и свѣтлѣе, — чья-то заботливая рука зажгла лампы. Посѣтители держали себя здѣсь спокойнѣе и въ большемъ порядкѣ. Небольшими группами, серьезные и жадно внимательные, они быстро переходили съ мѣста на мѣсто, нагружались и осторожно спускались внизъ.

Кондратъ дернулъ наугадъ блестящій жестяной коробокъ, въ которомъ отражались огни лампъ. Открылъ: что-то темное и мелкое. Понюхалъ, взялъ на пальцы, потеръ... Пачкаетъ, должно быть, краска. Онъ размахнулъ коробкомъ и сyp-

нуль порошокъ на бабъ. Онѣ зачихали, начали отряхаться и протирать запорошенные глаза. Забранились.

— Какая это холера тутъ ероломить?

— У, будь ты трижды анаеема!

— Полчанинъ, будя! не мѣшай!

— Самъ безъ дѣла, лишь другимъ мѣшаетъ...

— А ты то-то дюже занята!

— Занята—не занята, ну не мѣшай!

— Это что за машинка?

— Громофонъ называется. Видишь—труба? На разные голоса можетъ. Хочу ребятенкамъ для забавы...

— Магазины большой, а выбрать нечего. Мнѣ бы духовъ, помады для бабъ... Или лампасе, конфетъ...

— Конфеты, пряники—въ нижнемъ этажѣ. А духи—не знаю. Тутъ такой товаръ: посуда, напимѣръ, лампы, образа... были самовары—ни одного сейчасъ не видать, расхватали...

Кондратъ спустился внизъ. Ящики съ пряниками, карамелью, мармеладомъ, печеньями, выкинутые съ полокъ, валялись, опрокинутые на прилавкѣ и на загаженномъ полу. Около нихъ стало уже просторно. Больше всего толпились у тѣхъ полокъ, которыя были заставлены бутылками винъ и водокъ. Ходъ внизъ, въ подвалъ, гдѣ находились бочки съ виномъ и масломъ, не закрывался. Оттуда, не переставая, неслись раскаты „ура“ и неистовые крики.

Кондратъ набилъ карамелью всѣ карманы, насыпалъ пряниковъ въ носовой платокъ. Но по сравненію съ тѣмъ, что оставалось, того, что онъ взялъ, было изумительно мало. Онъ даже и попробовать не изъ всѣхъ ящиковъ успѣлъ. И было досадно оставлять все это добро на то, чтобы оно пропало, чтобы его топтали ногами, давили, раскидывали. Кондратъ постоялъ въ раздумьи нѣсколько минутъ. Наконецъ, съ рѣшительнымъ видомъ онъ разстегнулъ штаны и началъ сыпать въ нихъ карамель и орѣхи. Еще была вкусная вещь—мармеладъ. Свернувъ нѣсколько бумажекъ, на которыхъ были правильно разложены круглые и квадратные разноцвѣтные плиточки, онъ сунулъ ихъ за рубаху. И когда класть было рѣшительно некуда, но добра еще много оставалось, Кондратъ вздохнулъ.

— Уважаю я сдобные сухари съ чаемъ,—сказалъ онъ задумчиво вслухъ:—развѣ ужъ взять коробокъ? Потружусь, все равно...

И онъ взялъ коробокъ съ печеньемъ и пошелъ къ выходу, оставляя другихъ продолжать работу расхищенія.

VII.

На слѣдующій день сотенные командиры получили приказъ вывести свои сотни въ конномъ строю и расположиться не на плацу, а по улицамъ,—каждой сотнѣ отдѣльно отъ другихъ. Пріѣхалъ окружной атаманъ, толстый генераль, вызванный ночью телеграммой командира полка. Генераль проѣхалъ по сотнямъ, поздоровался. Казаки отвѣчали дружно и весело. Сотенный командиръ второй сотни, такъ называемый Барбось, былъ, какъ всегда, пьянъ. Это былъ пожилой есаулъ изъ категоріи „старичковъ“, дотягивавшихъ до пенсіи, безнадежный алкоголикъ, сквернословъ и безсребренникъ, всегда грязный, нечесаный и въ пуху. Кондратъ и его товарищи едва сдерживали смѣхъ, глядя, какъ генераль что-то тихо спрашивалъ у Барбоса, а Барбось, выпучивъ глаза, долго жевалъ губами, наконецъ, громко, заплетающимся языкомъ, выговорилъ:

— Н-никакъ нѣтъ, в...ваше превосходительство!

Генераль, нахмурившись, тронулъ лошадь и двинулся дальше.

— Я за своихъ... то... за своихъ, ваше превосходительство, я... того... р...ручаюсь...—слѣдуя за генераломъ съ выпученными, остеклѣвшими, пьяными глазами,—продолжалъ Барбось.

Генераль что-то сказалъ, не глядя на него, и пренебрежительно дернулъ плечомъ, какъ бы отмахиваясь отъ докучной мухи. Есаулъ проводилъ генерала до лѣваго фланга, медленно повернулъ коня и проѣхалъ передъ фронтомъ, торжественно-важный и безмолвно-печальный, съ тѣми же выпученными глазами.

— Мелиховы!—послѣ долгаго раздумья ухнулъ онъ своимъ суровымъ голосомъ.

Вахмистръ съ красивыми, наглыми глазами, быстро, карьеромъ, обошелъ сотню и лихо осадилъ коня передъ Барбосомъ. Барбось съ минуту безмолвно глядѣлъ на него пристальнымъ, бессмысленнымъ взглядомъ. Потомъ, съ усиленнымъ припоминая что-то давно забытое, коротко прорычалъ:

— То... того... нѣтъ у тебя... того?..

Онъ пальцами лѣвой руки нѣсколько разъ провелъ по своимъ взъерошеннымъ волосамъ.

— Волосы помазать, вашскобродъ?

— Поди ты къ... „Волосы помазать!..“ То!.. того...

Барбось свирѣпо вытаращилъ глаза и продолжалъ пальцами бороздить съ лѣвой стороны.

— Гребенку, вашескобродь?

— Ну, чортъ!.. Конечно, гребенку!..

— Сей секунтъ, вашескобродь!

Вахмистръ быстро засунулъ пальцы за голенище и, съ проворствомъ фокусника извлекши оттуда грязный гребешокъ, подаль его командиру. Барбось снялъ папаху и началъ приводить въ порядокъ свои торчавшіе въ стороны жидкіе, тѣлеснаго цвѣта, волосы. Но они положительно отказывались повиноваться и торчали въ разныя стороны непокорными вихрами. Вахмистръ, сострадательно взиравшій на усилія своего начальника, почтительно посовѣтовалъ:

— Вашескобродь! А вы послуныте ихъ... на ладошку поплюйте да примажьте ихъ легонько...

— Поди ты къ...

Въ строю засмѣялись. И самъ Барбось довольно ухмыльнулся. Подчиненныхъ улыбка его еще больше развеселила.

— Огребли „спасибо“, вашескобродіе?—послышался изъ рядовъ насмѣшливый голосъ Кондрата.

— Съ начальницкою милостью, вашескобродіе!—раздались еще голоса.

Барбось вдругъ прыснулъ со смѣху и рѣшительно потерялъ всю свою важность.

— Что, ребята! Чего на нихъ глядѣть!..

Онъ повернулъ трехъ-этажное слово, и сетка одобрительно загоготала.

— Поджились вчера, ребята?

— Да, немножко, вашескобродь!

— Ты... какъ тебя... Чего у тебя... то... борода зеленая?

— Фуксиной, вашескобродь, баловались тамъ... Нашъ народъ какой... чтобы ему безпремѣнно ероломить...

— А у Сломова, вашескобродіе, вся спина въ меду. Повалили его на кадушку съ медомъ... Хотѣли пухомъ повалить... Ну, да и такъ не ототреть. Же-елтая шинель стала, извольте взглянуть.

Вахмистръ, сохраняя серьезность и улыбаясь лишь одними глазами, взялъ подъ козырекъ и фамиллярно предложилъ:

— Вашескобродіе! Не желаете ли цыгару хорошую? До-стали. Заграничныя цыгары... американской фабрики...

— Давай, пожалуй. Хотя старъ я... то... не того... никогда не пробоваль...

— Попробуйте, вашескобродіе, извольте. Нарочно для вашей милости имѣли въ виду...

— Бреешь!

— Ей-Богу, вашескобродь, не брешу! Я лично говорилъ

своимъ: ребята! Себя помни, но и командира не забывай... Онъ намъ замѣсто отца родного...

— Ммм...ггу... спасибо, братецъ.

— Радъ стараться, вашескобродіе! Но нѣкоторые, ваше-скобродіе, чистые глупцы... иначе сказать, другими словами, хуже всякой свиньи. Шкуратовъ черносливу налопался со-всѣмъ съ камушками... Жадный чортъ, никогда не видалъ ничего, кромѣ калуна... Сейчасъ отъ живота катается. Помираетъ, на плацъ не могъ явиться. Бабы тамъ веретеномъ выковыриваютъ ему, да врядъ ли воспользуется...

— Веретеномъ?

— Такъ точно. Кричить, голосу не сводить: „умираю“...

— Ахъ, сукинъ сынъ... Пожалуй, то... сдохнетъ?..

Окружной атаманъ держалъ рѣчь къ старикамъ и къ станичнымъ атаманамъ, экстренно вызваннымъ изъ ближайшихъ станицъ на сборный пунктъ. Онъ рассчитывалъ, что черезъ нихъ легче подѣйствовать на мобилизованныхъ казаковъ. Онъ говорилъ о патріотизмѣ, о долгѣ присяги, о заботахъ государя. Человѣкъ онъ былъ добродушный и для военной среды даже либеральный, въ обычныхъ случаяхъ крикунъ и ругатель, но такой, на котораго рѣдко обижались. Теперь онъ не кричалъ, былъ мягокъ, необычно вѣжливъ,—просилъ стариковъ надѣть шапки. Но эта непривычная деликатность вселяла духъ противорѣчія въ стариковъ, издревле привыкшихъ къ тому, что начальникъ долженъ „пушить“. Они начали возражать:

— Мы сами знаемъ службу... Вы напрасно, ваше превосходительство, попрекаете. И присягу знаемъ.

— Я въ двѣ службы ходилъ: на Кафказъ и въ Польшу. И никогда безъ молитвы не выходили. Завсегда передъ походомъ намъ выносили знамя, молебень служили. Честь честию. Настоящая служба. Обозначали, куда мы идемъ, на какую сторону, на какого непріятеля. А почему сейчасъ этого нѣтъ?

— Да... Почему, лба не перекрестя, дѣти наши должны идти?

— Гмм... да... Полковникъ, это ваша нераспорядительность: надо было отслужить молебствіе, покропить ихъ...

— На какое дѣло посылаете дѣтей нашихъ, ваше превосходительство? Объ чемъ молиться будемъ?

— Не я посылаю, господа старики: по долгу присяги...

— Что же, мы присягали послѣдній кусокъ отбивать у голоднаго мужика?

— Стоять, охраняютъ Воронцова-Дашкина, Ушакова, фабрики, заводы. Скотина мужицкая на жниву зайдетъ, казаковъ требуютъ загнать. На это мы не присягали.

И въ толпѣ поднялся беспорядочно ропчущій говоръ, постепенно раздвигаясь, захватывая дотолѣ молчавшихъ, переходя въ шумъ. Не было слышно словъ генерала, но видно было, что онъ растерялся, краснѣлъ, потѣлъ. Раза два онъ снималъ свою бѣлую папаху и вытиралъ платкомъ мокрый лобъ. Говоръ передавался въ ряды второй сотни, выстроенной у самаго плаца, и слышались мѣстами возгласы:

— Домой!.. Въ добрый часъ! Домой, чего тамъ! Забастовку!..

Въ двѣнадцать часовъ отслужили молебень. Назначена была посадка, сначала урядникамъ. Начальство рассчитывало на ихъ службистость и дисциплинированность. Предполагалось, что примѣръ ихъ повліяетъ и на остальныхъ казаковъ. Въ расчетъ входило и то обстоятельство, что урядники были на виду, извѣстны по фамиліямъ своимъ сотеннымъ командирамъ, рисковали большею отвѣтственностью. Урядники подчинились безпрекословно.

Но, какъ только началась посадка, человѣкъ пятьдесятъ изъ второй сотни съ криками: „домой!“ кинулись на урядниковъ и начали угощать ихъ нагайками. Барбось, успѣвшій заглянуть въ буфетъ и привести себя въ то состояніе, когда море по колѣно, хохоталъ и кричалъ:

— Луи ихъ, сукиныхъ дѣтей! Сыпь! Эх-хъ, орлы!..

Какъ и было условлено, урядники разбѣжались. Крики: „забастовку! ура!“ опять понеслись по рельсамъ вмѣстѣ съ людскимъ потокомъ, сначала къ разгромленному вокзалу, затѣмъ въ станицу и свились въ странный, причудливый, огромный клубокъ у винной лавки.

Въ рядахъ казаковъ теперь было множество добровольцевъ изъ посторонней публики—въ поддевахъ, дипломахъ, ватныхъ пиджакахъ, армякахъ, полушубкахъ. Оказалось, что всѣ окрестные хохлы пріѣхали,—слухи о вчерашнемъ погромѣ съ быстротою телеграфа распространились по окрестнымъ поселеніямъ. Подъ руками кое у кого были болѣе удобныя орудія разрушенія, чѣмъ палаши, плуги и желѣзные прутья: были ломы, топоры, шкворни. Винная лавка была разобрана менѣе, чѣмъ въ полчаса. На ней пока и остановились.

Водки хватило до самой ночи. Раздѣлили по-братски. Лишь малая часть казаковъ разбрелась по квартирамъ. Инстинктивно тянуло къ толпѣ, и пьяные казаки, пока было свѣтло, ѣздили по станицѣ, не разсѣдывая лошадей. Это было весело и оригинально. Сотня Кондрата ѣздила сперва во главѣ съ пьянымъ Барбосомъ, но потомъ онъ совершенно ослабѣлъ и два раза сползалъ съ сѣдла прямо

въ грязь, желая показать, какъ надо доставать земли. Вахмистръ и Кондратъ бережно и почтительно доставили его на квартиру. Потомъ опять вернулись къ сотнѣ. Пьяные урядники, которыхъ только что сбѣкли нагайками, командовали:

— Бутылки на изготовку!

Всѣ вынимали изъ кармановъ разнаго размѣра стеклянные сосуды, откупоривали и подносили ко рту.

— Пей! — торжественно-радостнымъ голосомъ кричалъ вахмистръ, взмахивая плетью. Казаки опрокидывали бутылки въ ротъ и булькали.

— Трубки! — продолжалъ онъ команду.

Доставали: кто новыя трубки, кто сигары, кто папирсы. Солидно закуривали и ѣхали дальше.

— Говори, Сломовъ!

Невидимый и одинаковый со всѣми Сломовъ изъ глубины второго ряда запѣвалъ:

„Ой да что за садикъ за зеленый, что за зелена трава“...

И пѣсня, разомъ подхваченная многими голосами, текла, грустная и томная. И не было похоже, что поютъ ее пьяные, безшабашные люди, въ пьяномъ угарѣ готовые грабить, топтать, бить, раззорять все безъ пощады.

Когда наступила ночь, хотѣлось чего-то необычайнаго, шумнаго, веселаго. И группы людей стояли и двигались, не расходясь по домамъ, съ пѣснями, съ звонкою руганью, съ разжигающими рѣчами. Раздавались выстрѣлы. Командиръ пятой сотни по ошибкѣ еще три дня назадъ выдалъ своимъ боевые патроны, и теперь эта сотня держала въ страхѣ все мирное населеніе станицы.

Въ пять часовъ разбили вторую винную лавку. Офицерскій составъ весь перебрался на одну квартиру. Среди офицеровъ носился слухъ, что ночью будетъ сдѣлана попытка перебить ихъ, и они рѣшили защищаться вмѣстѣ. Генералъ изъ станицы перебрался въ оружейный складъ, охраняемый мѣстной командой. У всѣхъ была твердая увѣренность, что новый погромъ неизбеженъ. На улицахъ, на разгромленномъ вокзалѣ, въ торговыхъ рядахъ шли объ этомъ несмолкаемые разговоры.

— Кой-кто славно поджился, а я лишь четыре рюмки ухватилъ. Да въ голову кто-то образомъ вдарилъ.

— Благословилъ?

— Благословилъ. Зашибъ здорово. Образъ дорогой — весь въ серебрѣ. Я взялъ: чего же ему на землѣ валяться...

— Я ничего больше не бралъ, какъ конфетовъ. И сейчасъ бабы трескаютъ. А эти вотъ... какъ ихъ называютъ... на бумажкахъ-то... мармалатки!.. Ихъ за рубаху наклали.

Всѣ склеились, жоприлипли къ тѣлу... Ужъ мы ихъ отрывали, отрывали...

— Нѣтъ, люди поумнѣй насъ: самоварами поджились, швейными машинами...

— Мнѣ отецъ говорить: ежели опять забастовка выйдетъ, ничего больше не бери, — товару! Ребята пообносились, ни чириковъ, ни сапожонковъ... Товару надо бы... и изъ кожи, и изъ краснаго...

— Этотъ товаръ и брать мило: схватилъ охапку, — въ ней рублей на двѣсти, не меньше... Не то что орѣхи или пряники...

Къ ночи, когда подошли и подѣхали слободскіе хохлы, казаки съ окрестныхъ хуторовъ, — въ станицѣ стало больше народа, чѣмъ на ярмаркѣ. И всѣ ждали начала погрома, какъ ждутъ открытія ярмарки. Подводы наѣзжали одна на другую, цѣплялись осями, опрокидывались, стараясь занять позиціи, наиболѣе удобныя.

Шумъ начался въ девятомъ часу вечера. Толпа приступила къ магазину Сиволобова. Старикъ-хозяинъ, у котораго было до тридцати служащихъ, стоялъ на колѣняхъ, безъ шапки, кланялся и умолялъ. Съ него требовали двѣсти рублей. По купеческой привычкѣ онъ попробовалъ поторгаться:

— Довольно, милые, сотенной будетъ... Пожалуйте, родимые: у меня семейство...

Ему сбавили пятьдесятъ и получили полтора ста рублей. Затѣмъ пошли дальше. Кожевенную лавку Дитмана разбили и растащили сапоги, ботинки, галоши, юфть и подошвы. Тутъ впервые среди самихъ погромщиковъ возникла мысль о необходимости хоть какой-нибудь организаціи ради порядка: одни хватали слишкомъ много, другіе не успѣвали, и имъ ничего не доставалось. Поэтому стали валять тѣхъ, кто нагружался вещами неумѣреннo, и отбивали у нихъ все. Это установило нѣкоторую дисциплину.

Громили, главнымъ образомъ, мануфактурныя лавки. Это былъ дѣловой погромъ. Пьяные казаки шумѣли, разбирали двери, окна. Но вытаскивали товары и нагружали подводы люди трезвые, хозяйственные, и бабы.

Кондратъ на этотъ разъ хлопоталъ вмѣстѣ съ Фокинымъ. Съ женой отправилъ онъ домой семь кусковъ ситцу, четыре большихъ шерстяныхъ платка, двѣнадцать платковъ меньшаго размѣра, коробокъ съ катушками машинныхъ нитокъ, три пары глубокихъ галошъ и двѣ — мелкихъ, двѣ пары ботинокъ, которые никому въ его семействѣ не могли показаться по ногѣ. Жена долго упрекала его, что онъ не позаботился при этомъ удобномъ случаѣ о швейной машинѣ.

Шкуратовы двѣ швейныхъ машины вытащили. Кондрать сознавалъ свой промахъ и жалѣлъ, что онъ въ поискахъ за помадой и конфетами упустилъ изъ виду столь существенную вещь. Но за то онъ вымѣнялъ на двѣ юфти пузатый самоваръ красной мѣди и четыре эмалированныхъ миски. О машинѣ же успокоительно сказалъ:

— На нѣтъ и суда нѣтъ. Обойдемся и безъ машины. За то нитокъ не покупать...

Подводы спѣшно нагружались и уѣзжали за станицу. Шла суета и дѣловое, безостановочное движеніе. Патрули стрѣляли въ воздухъ. И было интересно и весело, когда ружейные залпы оглашали шумную возню.

Всего разгромили шесть лавокъ.

Дѣло было сдѣлано чисто и скоро. И когда, на другой день, пріѣхалъ войсковой атаманъ, полкъ опять былъ выстроенъ на плацу и отвѣчалъ на привѣтствіе начальника громко и весело. Атаманъ началъ мягко убѣждать казаковъ—такъ мягко, какъ будто былъ не погромъ, а веселая прогулка. Онъ долго говорилъ о присягѣ, о воинскомъ долгѣ, о крамольникахъ, объ огорченіи государя, обѣщалъ замѣть дѣло о погромѣ, лишь бы казаки искупили свою вину усердіемъ на предстоящей службѣ.

Подѣйствовали-ли эти убѣжденія, или прибытіе двухъ ротъ пѣхоты съ пулеметами, или то обстоятельство, что служба сразу началась хорошимъ доходомъ,—но казаки на этотъ разъ не возражали противъ посадки. И въ тотъ же день первый воинскій поѣздъ съ веселыми пѣснями направился въ Т—скую губернію.

Начальство было очень довольно, что удалось уладить громкій скандалъ безъ широкой огласки передъ полученіемъ ожидавшейся высочайшей грамоты.

VIII.

— Итакъ, завтра?

— Завтра.

— Поэтому... погладимъ дорожку!

Высокій чернобородый хозяинъ, артиллерійскій есаулъ Игнатѣвъ, показалъ на налитыя рюмки. Онъ пригласилъ Брагинѣ и Ивашина по случаю отъѣзда своего брата Кости, сотника, которому на другой день вмѣстѣ съ Ивашинимъ предстояло отправиться съ послѣднимъ эшелономъ. Оба доктора, только что вошедшіе, поморщились, постояли въ раздумьи надъ рюмками и послѣдовали приглашенію хозяина.

— Настроение отвратительное, — сказалъ Ивашинъ: — пьешь—пьешь, а сердце все какъ-будто тисками сжато...

— Унывать грѣхъ, эскулапъ. И не полезно, — шутиливо назидательнымъ тономъ говорилъ хозяинъ, прицѣливаясь къ закускѣ: — ходи веселѣй! Разъ вышло дѣло на пшикъ, пождемъ другого раза.

— Я начинаю вѣрить въ фатумъ, — говорилъ Брагинъ стучая своей рюмкой о рюмку хозяина: — это безсмыслие, хулиганство, какъ фатумъ, преслѣдуетъ меня въ послѣднее время. Вѣдь, казалось, былъ протестъ... Протестъ, построенный какъ будто на идейномъ основаніи. И вдругъ — дикій погромъ, грабежъ... все, что угодно, но только не то... не то, о чемъ сердце тоскуетъ...

Есаулъ пососалъ папиросу, которая потухла, и возразилъ:

— Что дѣлать... Пожалуй, это — фатумъ. Но... вспомните вѣка рабства: рабы всегда разрушали, выбиваясь на свободу... А насъ ли не опутало вѣковое рабство? И все-таки, какъ-никакъ, бывали и герои, двигавшіе гигантское дѣло... Были и будутъ! Выпьемъ за нихъ, господа!

— Присоединяюсь! Охотно, всей душой присоединяюсь! — воскликнулъ Ивашинъ, вскакивая съ мѣста. Подвижной и нервный, онъ возбуждался такъ же охотно и быстро, какъ быстро падалъ духомъ.

— За героевъ—присоединяюсь! За родной край! За предстоящую нашу работу, дружную и организованную! За это—выпьемъ!

И они всѣ разомъ стали говорить о лучшемъ будущемъ, о необходимости организаци и дѣятельной подготовки. Больше всѣхъ говорилъ есаулъ. Въ его планахъ и предположеніяхъ было много юнаго, утопическаго, хотя онъ былъ самый старшій изъ всѣхъ собесѣдниковъ. Но такъ всѣмъ хотѣлось оторваться отъ горько разочаровавшей дѣйствительности, забыть свѣжую неудачу, что его никто не останавливалъ и не расхолаживалъ.

— Я сталъ самымъ необузданнымъ мечтателемъ, — говорилъ есаулъ, блестя глазами: — мечтателемъ и революционеромъ. Былъ патріотомъ, добровольцемъ пошелъ на войну. Вернулся революционеромъ. Вся эта бездарность, отсутствіе чувства чести въ начальствующихъ, трусость—смели мой патріотизмъ, какъ пыль. Какъ пыль! — съ удареніемъ повторилъ онъ. — Беззастѣнчивое казнокрадство, наглое урваніе кусковъ...

Онъ остановился, подбирая выраженіе познергичнѣе, но не нашелъ его и махнулъ рукой.

— А въ мечтахъ—старня наши свободы, войсковой кругъ,

старое казацкое равенство, братство... Вольное казачество! — вотъ что я хотѣлъ бы выставить лозунгомъ будущей нашей дѣятельности! — воскликнулъ съ пафосомъ есаулъ и принялся наливать рюмки.

— Не годится, Василій Алексѣвичъ, — возразилъ Брагинъ.

— Почему?

— Помните, еще Апиновъ щеголялъ этимъ званіемъ: „вольный казакъ“. Тотъ, что негусу Абиссиніи штаны подарилъ, а негусынъ самоваръ или еще что-то... Успенскій обрисовалъ эту разновидность человѣческой породы въ очеркѣ „Вольные казаки“. Если не читали, прочтите.

Есаулъ пристально посмотрѣлъ въ стѣну, усиливаясь припомнить.

— Можетъ, и читалъ, да не вспомню сейчасъ. Нѣтъ, Апинова къ чорту! Я все-таки насчетъ казачества... Того, какимъ оно было въ лучшихъ своихъ проявленіяхъ... Возстановить его подлинный, свободолюбивый обликъ. Обновить сообразно требованіямъ времени. Студентъ одинъ давеча говоритъ: отжило свой вѣкъ казачество. Я чуть не подрался съ нимъ. Не мирится съ этимъ мое сердце! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Корень казачества — стремленіе къ свободѣ. Искали воли, бились за нее!..

— Эхъ, чортъ возьми! — выпьемъ за старое, славное казачество!..

Они выпили.

Восторженность есаула, искренняя, немножко смѣшная, подѣйствовала на Брагина заражающимъ образомъ. Отъ выпитаго вина стало тепло, весело. Губы сами, неудержимо, расплывались въ улыбку. Казалось иной разъ, будто столъ съ графинами, бутылками, рюмками и тарелками покусается поплыть куда-то и надо непременно удержать его. Окружающія лица, такія близкія, знакомыя и славныя, иногда представлялись новыми и ужасно смѣшными. Хотѣлось говорить. Сказать что-нибудь этакое... трогательное и неожиданное.

— Какъ ни запакощенъ родной нашъ край, но нѣтъ на землѣ мѣста лучше его, — медленно, съ чувствомъ началъ Брагинъ.

— Вѣрно! — громко крикнулъ есаулъ: — вспомнишь, бывало, о немъ на чужбинѣ, — сердце дрожитъ!..

— Воды его высохли, лѣса вырублены, травы выгорѣли. Вѣтры-суховѣи снесли хорошую землю съ его вспаханныхъ степей, пустыня надвигается на вольныхъ когда-то сыновъ его, теперь одѣтыхъ въ сѣрыя шинели... Нынѣшняя служба привила половинѣ ихъ сифилисъ, привычку къ бездѣлю, увѣренность въ безнаказанности... Кажется иногда, — самый

человѣческій образъ утерянъ. Болитъ душа... Но... ничѣмъ не искоренишь въ себѣ увѣренности, что онъ воскреснетъ и обновится, нашъ край. И этотъ нашъ братъ въ шинели — онъ узнаетъ все... Это чудный матеріалъ — казаки. Только надо вернуть въ нихъ искру... Господа офицеры! Товарищи! Это — нашъ долгъ передъ родиной! Поднимаю бокалъ за васъ, герои будущаго!.. За казачій союзъ!..

Врачи возвращались на квартиру поздно, въ третьемъ часу ночи. Оба брата Игнатевы провожали ихъ. Наканунъ выпалъ снѣгъ. Слегка морозило. На воздухѣ чувствовалось свѣжо и молодо. Хотѣлось шире дышать, громче говорить, пѣть, объясняться въ любви, въ дружбѣ.

— Да! — сказалъ Брагинъ, шедшій подъ руку съ есауломъ: — хочется вѣрить... хочется быть добрымъ, смѣлымъ, не сомнѣвающимся. Внѣ этого — нѣтъ жизни. Вотъ мы идемъ сейчасъ... Внизу — застывшая, безмолвная земля подъ холоднымъ снѣгомъ. Вверху — мутно-бѣлое небо безъ звѣздъ. По сторонамъ — домишки, слѣпые, съ закрытыми ставнями, безъ признаковъ жизни. Идемъ безъ дороги. Постоянно спотыкаемся въ этихъ ужасныхъ кочкахъ...

— Но держимся другъ за друга и не падаемъ...

— Мы идемъ впередъ. И дойдемъ до цѣли... По нашему слѣду пройдутъ сотни, тысячи. Отъ кочекъ и слѣда не останется. Придетъ время, и застывшая земля воскреснетъ. Настанетъ оно, и радостные звуки свободной, полной жизни огласятъ эти безмолвные жилища. Соянце жизни, солнце свободы и правды взойдетъ и все освѣтитъ, согрѣетъ и оживитъ... Мы доживемъ до его побѣды! Какъ хочется въ это вѣрить и бодро идти впередъ!..

О. Крюковъ.

Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ.

ГЛАВА I.

Причины общественного недовольства.

I.

Возникновеніе тайныхъ обществъ въ Россіи при Александрѣ I объясняется недовольствомъ русской интеллигенціи существовавшимъ тогда политическимъ и общественнымъ строемъ, мѣрами правительства внутри Россіи и его иностранною политикой. Пробужденіе сознательнаго отношенія ко всѣмъ отрицательнымъ сторонамъ современной жизни было результатомъ вліянія непосредственныхъ наблюденій во время заграничныхъ походовъ, вліянія воспитанія, чтенія литературныхъ и научныхъ произведеній, изученія современныхъ конституцій Царства Польскаго, западно-европейскихъ государствъ и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и вліянія тайныхъ обществъ и революціонныхъ движеній Западной Европы. Разсматривая всѣ эти разнообразныя причины усиленія конституціоннаго и появленія революціоннаго теченій въ русскомъ обществѣ, мы воспользуемся свидѣтельствами самихъ декабристовъ, но для провѣрки ихъ показаній будемъ обращаться и къ другимъ источникамъ. Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ возможности въ настоящихъ очеркахъ подробно разсмотрѣть всѣ стороны русской жизни во всей полнотѣ, это требовало бы гораздо болѣе обширнаго изслѣдованія,—насъ интересуетъ прежде всего отраженіе русской дѣйствительности въ сознаніи декабристовъ и причины, сдѣлавшія членовъ тайныхъ обществъ людьми, способными критически относиться къ существовавшему тогда политическому и общественному строю.

Прежде всего, не можетъ не интересоватъ отношеніе декабристовъ къ лицу, занимавшему первое мѣсто въ нашемъ политическомъ строѣ, лицу, отъ большей или меньшей энергіи котораго въ значительной степени зависѣло усовершенствованіе этого строя.

Но прежде, чѣмъ говорить объ отношеніи декабристовъ къ Александру I, мы считаемъ нужнымъ напомнить нѣкоторые факты, рисующіе его политическое міросозерцаніе.

Радикальное настроеніе великаго князя Александра Павловича и планы либеральныхъ реформъ въ первое время послѣ воцаренія достаточны извѣстны *). Когда Бонапартъ былъ сдѣланъ въ 1802 г. пожизненнымъ консуломъ, императоръ Александръ I писалъ Лагарпу: «Завѣса упала; онъ самъ лишилъ себя лучшей славы, какой можетъ достигнуть смертный и которую ему оставалось стяжать, — славы доказать, что онъ безъ всякихъ личныхъ видовъ работалъ единственно для блага и славы своего отечества и, пребывая вѣрнымъ конституціи, которой онъ самъ присягалъ, сложить черезъ 10 лѣтъ власть, которая была въ его рукахъ... Нынѣ это знаменитѣйшій изъ тирановъ, какихъ мы находимъ въ исторіи». Впослѣдствіи Александръ I пытался убѣждать Наполеона, что наслѣдственность верховной власти составляетъ злоупотребленіе ею. Въ письмѣ къ Джефферсону, президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, отъ 15 іюня 1804 г. Александръ I писалъ: «Я всегда питалъ высокое уваженіе къ вашей націи, которая сумѣла самымъ благороднымъ образомъ воспользоваться своею независимостью, создавъ для себя конституцію свободную и мудрую, которая обезпечиваетъ счастье всѣхъ и cadaго» **). Въ 1804 г. государь поручаетъ барону Розенкампу составленіе проекта конституціи для Россіи, — и вслѣдъ затѣмъ принимаетъ мѣры самыя реакціонныя. 5-го сентября 1805 г., предъ отъѣздомъ въ армію, онъ повелѣлъ учредить на время своего отсутствія тайный комитетъ для совѣщанія по дѣламъ, относящимся «къ высшей полиціи». Комитету этому, составленному изъ трехъ министровъ — военнаго (и вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующаго въ Петербургѣ) — гр. Вязмитинова, юстиціи — кн. Лопухина и внутреннихъ дѣлъ — гр. Кочубея, дано было утвержденное государемъ наставленіе, которое поручало комитету заботы, главнымъ образомъ, о «сохраненіи всеобщаго спокойствія и тишины гражданъ». Въ Петербургѣ комитетъ чрезъ оберъ-полицеймейстера собираетъ свѣдѣнія о подозрительныхъ людяхъ, о тревожныхъ слухахъ и ихъ источникахъ, о подозрительныхъ «скопипахъ» и собраніяхъ, чрезъ дирекцію почтъ получаетъ свѣдѣнія, добываемыя, конечно, чрезъ вскрытіе писемъ, «о подозрительныхъ перепискахъ, чрезъ губернаторовъ о волнующихъ общество слухахъ» и принимаетъ соотвѣтственные мѣры.

*) См. объ этомъ въ талантливой книгѣ А. Н. Пыпина, „Обществ. движ. въ Россіи при Александрѣ I“, изд. 3, и въ моей статьѣ „Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка“ въ журналѣ „Былое“ 1906 г. № 1, стр. 26—33.

**) Въ письмѣ отъ 10 авг. 1806 г. государь благодарилъ Джефферсона за присылку ему „интересныхъ сочиненій“ о сѣверо-американской конституціи (Архивъ мин. иностр. дѣлъ).

Въ январѣ 1807 г. былъ учрежденъ уже не временный, а постоянный (секретный) комитетъ, существовавшій до 1829 г. и носившій официальное названіе «Комитета общей безопасности 13 января 1807 г.». При учрежденіи онъ состоялъ изъ министра юстиціи кн. Лопухина и сенаторовъ: Макарова и Новосильцева; въ случаѣ надобности въ немъ должны были присутствовать Вязмитиновъ и Кочубей. Характеръ занятій этого комитета видѣнъ уже изъ того, что самымъ дѣятельнымъ его членомъ былъ Макаровъ, замѣнявшій въ тайной экспедиціи сената Шишковскаго, который, по выраженію Потемкина, «кнутобойничалъ» въ ней при Екатеринѣ II. Поводомъ къ учрежденію комитета было объявлено въ указѣ сенату то, что «коварное правительство Франціи, достигая пагубной цѣли своей разрушенія всеобщаго спокойствія, не представляло дѣйствовать во всѣхъ европейскихъ государствахъ чрезъ тайныхъ и явныхъ своихъ сообщниковъ»; но въ этотъ комитетъ велѣно было сообщать о всѣхъ дѣлахъ «по важнымъ преступленіямъ», въ которыхъ «подозрѣваются люди зловерные», и объ измѣнѣ «противу общаго спокойствія и безопасности», съ тѣмъ, чтобы онъ предписывалъ порядокъ слѣдствія и наблюдалъ за всѣмъ производствомъ его до окончательнаго рѣшенія *). Повелѣніемъ Александра I 31 января того же года было пояснено, что комитетъ долженъ былъ, не опредѣляя никакихъ наказаній, по предварительному докладу государю, отсылать преступника въ надлежащее судебное мѣсто для поступленія съ нимъ по всей строгости законовъ. Между прочимъ, въ комитетъ этотъ вносились слѣдующія политическія дѣла: «о зловерныхъ разглашеніяхъ», и въ томъ числѣ о слухахъ «относительно возстановленія Польши» и о вольности крестьянъ, о подозрѣніяхъ и извѣстахъ относительно заговоровъ противъ государя, объ оскорбленіяхъ особы государя и членовъ императорскаго дома дерзкими и неприличными словами, о составленіи и распространеніи возмутительныхъ воззваній, о тайныхъ обществахъ и запрещенныхъ сходбищахъ, о вредныхъ сочиненіяхъ и проч. **). Такимъ образомъ была, въ сущности, возстановлена тайная экспедиція, уничтоженная по вступленіи на престолъ императора Александра I указомъ сенату 2 апрѣля 1801 г., съ тѣмъ только различіемъ, что комитетъ 13 января 1807 г. не

*) П. С. З. т. XXIX, № 22.425.

**) *Шиндлеръ* II, 162, 164, 362—367. Нѣкоторые свѣдѣнія о дѣлопроизводствѣ комитета 13 января 1807 г. см. въ ст. *Романовича-Славатинскаго* „Воспоминанія объ архивѣ госуд. совѣта“, „Кіевская Старина“ 1883 г., № 6, стр. 241—246. Три журнала этого комитета (о дерзкихъ словахъ противъ высочайшихъ особъ и о поклоненіи Наполеону) см. „Сборн. истор. матер., извлеч. изъ архива соб. о. вел. канц.“ т. XI, 264—268. Нужно замѣтить, впрочемъ, что гораздо болѣе усердія, чѣмъ этотъ комитетъ, обнаруживала, такъ называемая, особенная канцелярія министерства внутреннихъ дѣлъ, которая въ 1826 году была замѣнена 3 отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи.

пользовался правомъ назначенія наказаній, а долженъ былъ отсылать обвиняемыхъ въ надлежащіе судебныя мѣста.

Такова было оборотная сторона правленія государя (даже въ первую половину его царствованія), проникнутаго либеральными наклоненіями. А между тѣмъ, стремленіе къ осуществленію этихъ наклоненій сказывалось и въ созваніи въ 1809 г. сейма въ Финляндіи *), и въ работахъ со Сперанскимъ надъ проектомъ преобразования государственнаго строя Россіи въ 1809 году. Двойственность эта проходитъ чрезъ все царствованіе Александра, при чемъ въ первую половину перевѣшиваютъ стремленія либеральныя, а во вторую — реакціонныя, но въ теченіе всей жизни Александра I мы видимъ проявленія обоихъ настроеній.

Въ 1812 году Александръ I ссылаетъ Сперанскаго и въ этомъ же году, бесѣдуя съ посѣтившею Петербургъ г-жею Сталь, въ отвѣтъ на ея слова: «государь, вашъ характеръ есть уже конституція для вашей Имперіи, и ваша совѣсть есть ея гарантія», произноситъ извѣстную фразу: «если-бъ это было и такъ, я все таки былъ бы только счастливой случайностью» **). Послѣ того, какъ Наполеонъ перешелъ Нѣманъ, Александръ опредѣляетъ значеніе войны съ нимъ, какъ «послѣдней борьбы независимости противъ пораженія, либеральныхъ идей—противъ системы тираніи».

Извѣстно также либеральное настроеніе Александра I относительно Польши. Въ отвѣтъ на представленную Огинскимъ записку объ организаціи вел. княжества Литовскаго съ цѣлью его будущаго соединенія съ герцогствомъ Варшавскимъ и образованія, такимъ образомъ, Польскаго королевства съ присоединеніемъ къ нему Галиціи, имп. Александръ 15-го декабря 1811 г. сказалъ лично Огинскому: «Возстановленіе Польши въ той формѣ, какъ вы мнѣ его предлагаете, нисколько не противорѣчитъ интересамъ Россіи; это не отчужденіе завоеванныхъ провинцій; я нахожу въ немъ, напротивъ, сильный оплотъ имперіи, такъ какъ оно связываетъ съ интересами Россіи милліоны жителей, которые еще не могутъ забыть своей прежней независимости; поляки могли бы быть счастливы и довольны, если бы имѣли конституцію. Что же касается титула польскаго короля, то почему бы мнѣ не принять его, если это доставитъ удовольствіе всѣмъ полякамъ?» Въ заключеніе Александръ I выразилъ желаніе, чтобы былъ подготовленъ «планъ организаціи въ 8 губерніяхъ, которыя должны составить Литву и Польшу» ***). Однако, когда въ декабрѣ 1812 г. Адамъ Чарторыйскій горячо убѣждалъ Александра I, чтобы онъ провозгласилъ себя или великаго князя Миханла Павловича польскимъ

*) Во время шведскаго владычества депутаты четырехъ финляндскихъ сословій участвовали въ сеймѣ въ Стокгольмѣ.

**) M-me Stael. Dix années d'exil, P. 1821, p. 313—314.

***) *D'Angeberg. Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862.* P. 1862, p. 540—541, ср. 583—540.

королемъ и соединилъ подъ однимъ автономнымъ режимомъ герцогство варшавское и литовскія провинціи, государь, 13-го января 1813 г., отвѣчалъ ему, что намѣреніе его относительно Польши не измѣнилось, что онъ всегда «предпочиталъ либеральныя формы», но при этомъ, отвергая предложеніе относительно вел. кн. Михаила, просилъ Чарторыскаго «не забывать, что Литва, Подолія и Волынь до сихъ поръ считаютъ себя русскими провинціями, и что никакая логика въ мірѣ не можетъ убѣдить русскихъ видѣть ихъ подъ владычествомъ другого государя, кромѣ того, который управляетъ Россіей» *). Въ 1814 году Александръ сказалъ Лагарпу: «мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы вернуть полякамъ изъ ихъ отечества все, что только окажется возможнымъ для меня, даровать имъ конституцію, относительно которой я оставляю за собою право развивать ее по мѣрѣ того, насколько они внушатъ мнѣ довѣріе къ себѣ». Александръ I упорно стоялъ за конституціонное устройство Польши вопреки мнѣнію Поццо-ди-Борго и Штейна **). Сначала и вѣнскій конгрессъ былъ противъ конституціоннаго устройства Царства Польскаго, пока прусскій уполномоченный Гарденбергъ не убѣдилъ членовъ его въ томъ, что конституціонная Польша будетъ представлять для Европы большую гарантію, нежели просто присоединенная къ Россіи ***).

По трактату, подписанному, 21-го апрѣля 1815 г., между Россіей, Австріею и Пруссіею, Варшавское герцогство (за исключеніемъ княжества Познанскаго, Галиціи и Кракова) было навсегда присоединено къ Россіи. «Она въ силу своей конституціи будетъ въ неразрывной съ Россіею связи и во владѣніи императора всероссійскаго, наслѣдниковъ его и преемниковъ на вѣчныя времена». Было упомянуто, что государь «предполагаетъ даровать по своему благоусмотрѣнію внутреннее распространеніе сему государству ****), имѣющему состоять подъ особеннымъ управленіемъ» и что государь приметъ титулъ царя (короля) польскаго *****). 13 мая

*) Mémoires du prince Adame Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre I. P. 1837, t. II, 303—304.

**) Записку Поццо-ди-Борго см. Tourgueneff. La Russie et les Russes I, 310—322; записку Штейна см. Askenazy Rosya—Polska 1815—1830. Lwów, 1907, 179—180.

***) Askenazy, 64, стр. 180—182.

****) Это былъ намекъ на возможность присоединенія, по волѣ царя, Литвы къ Царству Польскому, чему прецедентомъ являлось воссоединеніе съ вел. княж. Финляндскимъ въ 1811 г. той части Финляндіи, которая была завоевана при Петрѣ I и Елизаветѣ. Очень важно также названіе Польши „государствомъ“.

*****) П. С. З. т. XXXII, № 25. 824, ст. V. Волѣ подробныя свѣдѣнія о возникновеніи Царства Польскаго см. въ статьѣ В. Козловскаго „Россія и Царство Польское въ періодъ его автономнаго быта“. „Рус. Мысль“ 1906 г. № 4 и въ книгахъ: Askenazy Rosya—Polska стр. 63 и слѣд. и Wł. M. Kękowski Autonomia Królestwa Polskiego (1815—1832). Warszawa 1907.

1815 г. были утверждены «основныя начала» польской конституціи. Для составленія ея былъ образованъ комитетъ изъ польскихъ сановниковъ подъ предсѣдательствомъ гр. Островскаго. Въ манифестѣ на польскомъ языкѣ, при которомъ основы конституціи были отправлены въ Варшаву *), было, между прочимъ, сказано: «мудрая конституція и неизмѣнный союзъ соединять васъ съ судьбами великой монархіи»; упоминалось и о томъ, что конституція примѣнена къ потребностямъ и характеру народа. Было указано на «сохраненіе языка» и «народнаго войска» и на то, что конституціонныя основы установлены при собственномъ содѣйствіи поляковъ. Но вслѣдъ затѣмъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, начальствовавшій надъ польскими войсками **) сталъ возбуждать неудовольствіе общества своимъ поведеніемъ. Какъ видно изъ писемъ кн. Чарторыскаго къ имп. Александру въ 1815 г., цесаревичъ издѣвался надъ конституціей, приказалъ ввести въ арміи наказаніе палками, подвергалъ военному суду лицъ, вышедшихъ въ отставку. Чарторыскій утверждалъ, что «поведеніе великаго князя можетъ отнять всякую надежду относительно будущей судьбы страны» ***).

31 октября 1815 г. имп. Александръ пріѣхалъ въ Варшаву. Гр. Огинскій, прибывшій туда для представленія государю съ депутатами губерній Виленской, Гродненской и Минской, былъ сначала принятъ наединѣ. Имп. Александръ, если только Огинскій исполнилъ точно передаетъ его слова, сказалъ ему: «Я не могу допустить, чтобы вы просили о присоединеніи вашихъ областей къ Польшѣ, такъ какъ не слѣдуетъ подавать поводъ къ мысли, что вы меня о томъ просите. Необходимо, чтобы всѣ были убѣждены въ томъ, что я сдѣлаю это по собственному почину, что именно я желаю этого. Мнѣ извѣстно, что вы не можете признать удовлетворительными отношенія, существовавшія до сихъ поръ между вашими областями и Россією. Каждый разсудительный человѣкъ убѣжденъ въ этомъ. Никто не можетъ допустить предположеніе, чтобы я намѣренъ былъ отдѣлить эти области отъ Россіи. Напротивъ, я

*) Французскій текстъ основъ конституціи Польши напечатанъ въ книгѣ „Monographie w" zakresie dziejów nowożytnych, wydawca Szymon Askenazy, t. I. Rzody tymczasowe w królestwie Polskiem I. Bojasinskiego. War. 1902. I, 178—184.

**) О польскомъ войскѣ этого времени см. соч. *Каадри*. „Императ. главная квартира. Исторія государевой свиты“ („Столѣтіе военнаго минист.“. II, 556 и слѣд.).

***) *Mémoires*, II, 337 — 338, 341 — 344. Константинъ Павловичъ, браня польскихъ офицеровъ, повторялъ, по свидѣльству Дениса Давыдова: „Я вамъ задамъ конституцію!“ Онъ наносилъ офицерамъ оскорбленія, которыя приводили къ самоубійствамъ. Въ 1816 г. въ теченіе трехъ дней лишили себя жизни 5 офицеровъ. *Каадри*, стр. 593. *Карновичъ*. „Цесаревичъ Константинъ Павловичъ“. Спб. 1899, стр. 125—128. „Записки Д. В. Давыдова“, 1863, стр. 7.

хочу упрочить ихъ связь съ моею имперіею, заботясь о томъ, чтобы мои польскіе подданные не имѣли причины жаловаться. Вы въ Литвѣ недовольны, и ваше недовольство должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока вы не сольетесь съ вашими соотечественниками и не воспользуетесь благами конституціи; когда это совершится, тогда только ваше соединеніе съ Россіей будетъ сопровождаться довѣріемъ и полнымъ согласіемъ между обѣими націями. Мои доводы въ пользу осуществленія этого плана еще болѣе утвердятся, если я въ будущемъ найду поводъ быть столь же довольнымъ арміею и гражданскою частью въ королевствѣ, какъ въ настоящее время... Когда я буду въ состояніи указать на правительство (королевства польскаго), какъ на образцовое, и увидать, что существованіе его не сопровождается никакимъ вредомъ для имперіи, тогда мнѣ будетъ легко осуществить и остальное». Депутации же, съ которою пріѣхалъ Огинскій, императоръ отвѣчалъ лишь общими фразами *).

Считая тогда несвоевременнымъ присоединеніе Литвы къ Польшѣ въ виду того, что даже сохраненіе самостоятельнаго существованія Королевства Польскаго вызывало недовольство многихъ русскихъ, государь въ томъ случаѣ, если опытъ конституціоннаго правленія въ Польшѣ окажется удачнымъ, — подавалъ полякамъ надежду на сліяніе Литвы съ Польшею подъ однимъ конституціоннымъ режимомъ.

15/27 ноября 1815 г. Александръ I утвердилъ французскій оригиналъ польской хартіи, въ которой были, однако, не вполне сохранены основныя начала, утвержденныя 13 мая 1815 года: исключено было правило о томъ, что образованіе въ государственныхъ школахъ должно быть даровымъ (§ 33 основныхъ началъ); не сохранилось также выраженіе, что конституціонная хартія «должна быть навсегда признаваема *главною и священнѣйшею связью*, которою это королевство неразрывно, навѣки соединяется съ имперіею всероссійскою» (§ 37 основныхъ началъ); но все же было установлено въ конституціи обязательство для преемниковъ Александра I присягать въ соблюденіи конституціонной хартіи (см. 45 ея §), и представительное правленіе было установлено «навѣки» (*à perpetuité*) (§ 31). Старинное правило *Neminem captivabimus, nisi jure victum* (никого мы не подвергнемъ заключенію, если онъ не будетъ осужденъ судомъ) было замѣнено, выраженіемъ *Neminem captivare permittemus, nisi jure victum* (мы не позволимъ никого подвергнуть заключенію, если онъ не будетъ осужденъ судомъ **).

Относительно Франціи имп. Александръ сыгралъ также либе-

*) „Mémoires de Michel Oginski“. P. 1827. t. IV, 235—236, 240—241.

**) Польская конституція 1815 г. перепечатана въ книгѣ d'Angeberg'a, p. 707—724. Изложеніе ея см. въ моей статьѣ въ „Быломъ“ 1906 г. № 1, и въ статьѣ В. М. Козловскаго въ „Рус. Мысли“ 1906 г. № 5, а также въ его книгѣ „Autonomia Królestwa Polskiego (1815—1832). Warszawa 1907.

ральную роль. 5/17 марта 1814 г., во время свиданія съ горячимъ сторонникомъ Бурбоновъ, бар. Витролемъ, Александръ отнесся несочувственно къ возвращенію Бурбоновъ: «если бы вы ихъ знали, вы были бы убѣждены, что бремя такой короны слишкомъ тяжело для нихъ... Быть можетъ, разумно организованная республика болѣе соотвѣтствовала бы французскому духу. Идеи свободы не могли развиваться безнаказанно въ теченіе столь долгаго времени въ странѣ, подобной вашему отечеству». Затѣмъ государь прибавилъ: «Въ тотъ день, когда я буду въ Парижѣ, я признаю своимъ союзникомъ только французскую націю». Нѣсколько позднѣе имп. Александръ заявилъ, что союзники готовы признать всякое правительство, не исключая и республиканскаго, только бы оно было признано французами. Когда 20 марта (1 апрѣля) сенатъ учредилъ временное правительство, объявивъ Наполеона и членовъ его семейства лишенными права на престолъ, государь сказалъ при представленіи ему сената: «Справедливо и разумно дать Франціи учрежденія сильныя и либеральныя, которыя соотвѣтствовали бы степени настоящаго посѣщенія. Мои союзники и я, мы намѣрены только обезпечить независимость вашихъ рѣшеній». Послѣ того, какъ Людовикъ Бурбонъ, братъ Людовика XVI, былъ призванъ на престолъ, Александръ I, по прибытія его во Францію, послалъ ему навстрѣчу ген.-адъют. Поццо-ди-Борго съ письмомъ, въ которомъ совѣтовалъ не уклоняться отъ либеральныхъ идей и даровать Франціи свободныя учрежденія. Въ Парижѣ государь посѣтилъ салонъ г-жи Сталь и высказалъ здѣсь полное презрѣніе Фердинанду VII, тотчасъ по своемъ возвращеніи въ Испанію уничтожившему конституцію. Только рѣзкія настоянія Александра и угроза оставить союзныя войска въ Парижѣ заставили Людовика XVIII послѣпить съ обнародованіемъ конституціонной хартіи.

Въ бесѣдѣ съ представителями партіи виговъ въ 1814 году во время своего посѣщенія Англіи о пользѣ честной и благонамѣренной оппозиціи, Александръ сказалъ, что онъ позаботится вызвать къ жизни въ Россіи «очагъ оппозиціи» *).

15/27 марта 1818 года имп. Александръ открылъ польскій сеймъ и въ своей рѣчи, между прочимъ, заявилъ, что надѣется распространить вліяніе «законно-свободныхъ учреждений» на всѣ страны, ввѣренныя Провидѣніемъ его попеченію. Мы увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, какое сильное впечатлѣніе произвела эта рѣчь въ Россіи. Не только этотъ примѣръ, но и прямые со-вѣты Александра I его двоюродному брату, вел. герц. Баденскому, побудили послѣдняго въ 1818 году покончить возбужденный еще въ 1815 г. вопросъ о дарованіи великому герцогству конституціи,

*) Депутатамъ лифляндскаго дворянства, послѣ освобожденія крестьянъ въ Лифляндіи, онъ сказалъ: «вы почувствовали, что только либеральные принципы могутъ быть основаніемъ счастья народовъ».

образцомъ для которой, въ извѣстной степени, послужила польская конституція, 25 октября того же 1818 года Н. И. Тургеневъ занесъ въ свой дневникъ вычитанное имъ въ гамбургскихъ газетахъ извѣстіе, что Александръ I сказалъ ген. Мезону: «наконецъ всѣ народы должны освободиться отъ самовласти. Вы видите, что я дѣлаю въ Польшѣ и что хочу сдѣлать и въ другихъ моихъ владѣніяхъ». Дѣйствительно, въ 1818 г. онъ поручилъ Новосильцеву составленіе «Уставной Грамоты» русскому народу и въ слѣдующемъ году, въ совѣщаніи съ Новосильцевымъ, принялъ ея основныя начала; въ февралѣ 1820 г. хартія была уже готова, но затѣмъ о ней нѣтъ упоминаній при жизни Александра I. Это объясняется значительною переменною въ политическихъ стремленіяхъ государя.

Осенью 1820 г., на конгрессѣ въ Троппау, онъ самъ заявилъ Меттерниху, что совершенно измѣнился. Въ болѣе мягкой формѣ онъ характеризовалъ переменъ своей политики французскому посланнику Ла-Ферроне; онъ даже увѣрялъ его, что всегда останется тѣмъ, чѣмъ былъ прежде: «Я люблю конституціонныя учрежденія и думаю, что всякій порядочный человѣкъ долженъ любить ихъ; но можно ли вводить ихъ безразлично у всѣхъ народовъ. Не всѣ народы готовы въ равной степени къ ихъ принятію». Объясняя свое согласіе на реакціонныя постановленія конгресса, Александръ ссылался на необходимость «сдержать революціонеровъ и не дать свободы духу анархій и нечестія, представителями которыхъ служатъ тайныя общества». И послѣ 1820 г. имп. Александръ иногда выражалъ либеральныя взгляды; но когда онъ, незадолго до смерти, въ концѣ августа 1825 г., въ разговорѣ съ Карамзинымъ, сказалъ, что «дать коренныя законы Россіи», то едва ли и самъ онъ этому вѣрилъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что, по крайней мѣрѣ до 1820 г., имп. Александръ нѣкоторыми своими поступками и словами содѣйствовалъ распространенію либеральныхъ идей и далъ возможность ссылаться на это декабристамъ во время слѣдствія о дѣлѣ тайныхъ обществъ. Но цѣлый рядъ правительственныхъ мѣръ, о которыхъ мы будемъ говорить, и дѣйствій самого Александра возбуждали въ образованномъ обществѣ негодованіе противъ него. Якушкинъ рассказываетъ, какъ въ 1814 г. при вступленіи войскъ, возвратившихся изъ Франціи въ Петербургъ, одна сцена поразила ихъ въ самое сердце. Когда имп. Александръ, предводительствующій гвардейской дивизіей, верхомъ на конѣ, съ обнаженною саблею, приближался къ каретѣ, гдѣ сидѣла имп. Марія Ѳеодоровна съ одною изъ дочерей, и готовъ былъ отдать ей честь опущеніемъ сабли, передъ его лошадыю черезъ улицу пробѣжалъ мужикъ. «Императоръ далъ шпоры своей лошади и бросился на бѣгушаго съ обнаженною шпагою. Полиція приняла мужика въ палки. Мы не вѣрили собственнымъ глазамъ,—говоритъ Якушкинъ,—и отвернулись, стыдясь за любимаго нами царя. Это было во мнѣ первое

разочарованіе на его счетъ». Н. И. Тургеневъ отмѣчаетъ въ своемъ неизданномъ дневникѣ 25 апрѣля 1819 года: «Если, какъ я слышу теперь, государь точно имѣетъ капризную и деспотическую волю и если, такъ называемыя, революціонныя мнѣнія вредятъ людямъ въ его глазахъ, то я не долго съ нимъ уживусь». 26-го іюня того же года Н. Тургеневъ писалъ брату Сергію: «Тотъ, которымъ восхищалась Европа и который былъ для Россіи нѣкогда надеждою,—какъ онъ перемѣнился!.. Теперь нельзя ничего предвидѣть хорошаго для Россіи». Но позднѣе Тургенева не разъ трогало доброе мнѣніе о немъ государя, несмотря на то, что послѣднему были хорошо извѣстны и его либеральныя мнѣнія, и даже его участіе въ «Союзѣ Благоденствія». «Кончилась война съ Наполеономъ,—говоритъ Каховскій, въ письмѣ къ Николаю I изъ крѣпости,—мы всѣ надѣялись, что императоръ займется внутреннимъ управленіемъ въ государствѣ, съ нетерпѣніемъ ждали закона «постановительнаго» (т. е. конституціи) и преобразованія судопроизводства нашего; ждали,—и что же? Чрезъ 12 лѣтъ лишь перемѣнилась форма мундировъ гражданскихъ! Въ продолженіе 25-лѣтняго своего царствованія государь «ни разу не удостоилъ своимъ присутствіемъ сенатъ» *). А между тѣмъ, по свидѣтельству М. Ѳ. Орлова, Александръ I сказалъ въ Парижѣ: «внѣшніе враги надолго ослаблены, будемъ бороться съ внутренними врагами». Якушкинъ въ своихъ запискахъ говоритъ: «во всѣхъ членахъ Союза Благоденствія проявлялось какое-то ожесточеніе противъ царствующаго императора».

Очень вредили императору Александру въ общественномъ мнѣніи во вторую половину его царствованія его рѣзкія выраженія неблагопріятнаго мнѣнія о своихъ подданныхъ. Еще въ 1812 г., во время отправки Сперанскаго въ ссылку, Александръ I сказалъ де-Сантлену: «я рѣшительно никому не вѣрю. Люди—мерзавцы».—«До слуха всѣхъ»,—говоритъ Якушкинъ,—«безпрестанно доходили изреченія императора, въ которыхъ выражалось явное презрѣніе къ русскимъ. Такъ, напримѣръ, во время смотра при Вертю во Франціи на похвалы Веллингтона устройству русскихъ войскъ, Александръ I во всеуслышаніе отвѣчалъ, что этимъ обязанъ иностранцамъ, которые у него служатъ. Генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій, родственникъ Сергія и Матвѣя Муравьевыхъ-Апостоловъ, возвратившись однажды изъ дворца, сообщилъ имъ, что императоръ, говоря о русскихъ вообще, выразился, «что каждый изъ нихъ—или плутъ, или дуракъ». Въ 1820 г. Александръ сказалъ прусскому королю, что они оба «окружены негодяями», что онъ «многихъ хотѣлъ прогнать, но на ихъ мѣсто являлись такіе же». Когда однажды Александръ I любовался войскомъ, Энгель-

*) Полковникъ Булатовъ въ письмѣ къ вел. кн. Михаилу Павловичу въ 1826 г. утверждаетъ, что Александръ I одинъ разъ былъ въ сенатѣ.

гартъ рѣшился ему замѣтить, что время приняться за устройство гражданской части, но государь, крѣпко пожавъ ему руку, со слезами на глазахъ сказалъ: «Ахъ! я это очень, очень чувствую, но ты видишь, кѣмъ я возьмусь!» На недостатокъ людей Александръ жаловался и Державину, и Киселеву. Ссылая Сперанскаго и облекая полною довѣренностью Аракчеева, Александръ естественно чувствовалъ отсутствіе вокругъ себя способныхъ людей. Декабристъ Каховскій въ письмѣ къ императору Николаю 4 апрѣля 1826 г. говоритъ: «покойному императору какой-то злой геній оклеветалъ его добрый народъ; онъ разлюбилъ насъ и въ людяхъ благонамѣренныхъ видѣлъ карбонаріевъ; раздражился самъ и насъ вооружилъ противъ себя» *)... Въ послѣдніе годы своего царствованія онъ уже не пользовался такою любовью, какъ прежде. Крайне неблагоприятное впечатлѣніе производило усиленіе въ Александрѣ страсти къ военнымъ смотрамъ. «Царь былъ всякій день у развода»,—говоритъ Якушкинъ:—«во всѣхъ полкахъ начались ученія, и шагистика вошла въ полную силу... Разводы, парады и военные смотры были почти его единственные занятія».—«Когда онъ въ Россіи, онъ только забавляется со своими солдатами», говорили купцы въ гостиномъ дворѣ. «Неужели, будучи верховнымъ правителемъ и судіею, —писалъ Каховскій, —полезнѣе было бывать каждый день у развода, чѣмъ когда-нибудь посѣтить главное правительствующее мѣсто и судилище народное... Покойный императоръ, объѣзжая области государства, вникнулъ ли гдѣ въ состояніе народное? **) Нѣтъ, онъ смотрѣлъ лишь войска... И общее негодованіе громко говорило во всей Россіи: императоръ занимается лишь солдатами,—играетъ ими, какъ игрушкой, не печется о благосостояніи нашемъ, тратитъ сотни милліоновъ на арміи, бесполезнымъ содержаніемъ въ мирное время милліона войскъ изсушаетъ источники богатства народнаго» ***).

*) Купцы въ гостиномъ дворѣ разсуждали: «если ему не нравится въ Россіи, почему онъ не ищетъ короны въ другомъ мѣстѣ? На что годится государь, который совсѣмъ не любитъ своего народа?»

**) На какія мелочи обращалъ вниманіе Александръ I во время своихъ поѣздокъ по Россіи, можно видѣть въ соч. *Кадрин* «Императорская главная квартира. Исторія государевой свиты». («Столѣтіе военнаго министерства», II, Спб. 1904 г., стр. 297—306.

***) По одному официальному изслѣдованію, величина арміи при Александрѣ I возрасла почти въ три раза: въ 1803 г. численность ея равнялась 448.776 человѣкъ, а въ 1825 г.—1,216.435 чел. «Столѣтіе военнаго министерства. Т. VIII, ч. I. *Кручекъ-Голубовъ*. Главное военно-медицинское управленіе». Спб. 1902, стр. 73—74. По другому, также официальному изслѣдованію, численность сухопутнаго войска увеличилась почти въ 2½ раза: въ 1800 г. въ немъ было 394.444 чел., а въ послѣдніе годы царствованія Александра I въ среднемъ 950.000 чел. «Столѣтіе военнаго министерства. Главный штабъ, ч. I, кн. I, отд. II. *Щепетильниковъ*. Комплектованіе войскъ въ царствованіи императора Александра I, стр. 132. Первая цифра для 1825 г. представляетъ число войска, опредѣленное по штатамъ, см. *Ibid.*, *Шелеговъ*. „Главное интендантское управленіе“, ч. I, 489. Штат-

Большое недовольство вызывали также постоянныя поѣздки Александра I за границу и долгое пребываніе тамъ. Какъ видно изъ одного представленнаго государю доноса, объ этомъ открыто разсуждали купцы въ петербургскомъ гостиномъ дворѣ. Они указывали на то, что въ конституціонныхъ государствахъ «государь не можетъ покидать своей страны безъ согласія народа... Постыдно, что онъ лично отправляется туда, куда другіе государи посылаютъ только своихъ посланниковъ... Онъ лишь развѣживаетъ и тратитъ большія деньги, разоряя этимъ страну». То же говорить и Каховскій въ письмѣ къ императору Николаю: «поѣздки на конгрессы какую принесли намъ прибыль? Развѣ только то, что деньги наши вывозятъ изъ отечества». А. В. Поджіо въ своемъ показаніи указываетъ на недовольство общества отлучками Александра I на западно-европейскіе конгрессы, отвлекавшіе его отъ внутреннихъ дѣлъ; Булатовъ же въ письмѣ къ великому князю Михаилу Павловичу объясняетъ, что и отъ частыхъ поѣздокъ Александра I по Россіи народъ ничего не выигрывалъ, а только несъ лишніе труды и расходы. Понятно, что общественное мнѣніе сдѣлалось, наконецъ, вполне враждебнымъ императору Александру. Декабристъ Д. Завалишинъ въ своихъ запискахъ говорить: «Я отправился въ походъ вокругъ свѣта въ 1822 году, подъ влияніемъ еще впечатлѣній скорѣе благоприятныхъ, чѣмъ враждебныхъ императору Александру. Мнѣніе о немъ далеко еще не высказалось рѣшительно и окончательно въ дурную сторону, какъ было то впоследствии, когда его анти-національное и анти-либеральное направленіе принимали за несомнѣнный и неисправимый фактъ и только спорили о томъ, какъ объяснить либеральное направленіе начала его царствованія. Въ то время, какъ одни думали, что вначалѣ онъ былъ искренне либераленъ, а измѣнился потомъ подъ влияніемъ дурныхъ совѣтниковъ и мистицизма, который овладѣлъ имъ, другіе утверждали, что въ характерѣ его всегда было притворство, и что начальныя дѣйствія его царствованія легко объясняются необходимостью скрывать истинное свое мнѣніе и расположеніе, какъ вслѣдствіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ вступленіе его на престолъ», (т. е. согласія его на низверженіе Павла, хотя и не на его убійство), «такъ и страхомъ, заставлявшимъ и всѣхъ государей искать опоры и противодѣйствія въ привязанности народа и возвышеніи ихъ духа». Впрочемъ, позднѣе Завалишину стало извѣстно, что «уже и въ 1822 г. раздраженіе противъ Александра I было значительно». По словамъ Завалишина, «не было очевиднѣе факта, до какой степени государь потерялъ въ послѣднее время уваженіе и расположеніе народа».

ная численность въ 1801 г. была: регулярныхъ 397.373 ч., казачьихъ и иррегулярныхъ войскъ—80.949, итого 478.322 ч. *Борисевичъ*. «Организация, расквартированіе и передвиженіе войскъ». („Столѣт. военн. мин.“ IV. вѣдом. (стр. 104—105).

Нелюбовь къ Александру сопровождалась крайнимъ раздраженіемъ и противъ всѣхъ трехъ его братьевъ.

Отзывы о великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ были единогласно неблагопріятны, а не только со стороны членовъ тайнаго общества. Вигель, говоря о женитьбѣ Николая Павловича въ 1816 г. (на дочери прусскаго короля), даетъ о немъ такой отзывъ. Русскіе тогда еще мало знали его; едва вышедъ изъ отрочества, 2 года провелъ онъ въ походахъ за границей. Въ третьемъ про-скакалъ онъ всю Европу и Россію и, возвратясь, началъ командовать Измайловскимъ полкомъ. «Онъ былъ несообщителенъ и холоденъ»; въ исполненіи своего долга «былъ слишкомъ строгъ. Въ правильныхъ чертахъ его бѣлаго, блѣднаго лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость; ...скажемъ всю правду: онъ совсѣмъ не былъ любимъ». Это было прекрасно извѣстно и самому Николаю Павловичу. Графиня Нессельроде въ письмѣ отъ 10 декабря 1825 года передаетъ слѣдующія его слова: «я знаю, что я былъ непріятнымъ начальникомъ бригады, невыносимымъ дивизіоннымъ командиромъ, — я долженъ былъ быть такимъ», но впредь онъ общалъ измѣниться. Графиня находила преувеличеніе въ словахъ великаго князя: «Никто не приказывалъ ему быть вспыльчивымъ, мелочнымъ, но правда, что отъ него требовали поддержанія суровой дисциплины въ войскѣ, что его винили за всякую мелочь и что онъ передъ всѣми получалъ выговоры». О томъ, что гвардія не любитъ Николая, сообщилъ и графъ Милорадовичъ принцу Виртембергскому. По словамъ Штейнгеля, Милорадовичъ не скрылъ этого и отъ самого Николая Павловича.

Декабристы указываютъ на ненависть къ Николаю и въ своихъ воспоминаніяхъ, и на допросахъ, и даже въ письмахъ изъ крѣпости къ нему самому. М. А. Фонъ-Визинъ говоритъ, что гвардейскіе полки имѣли много причинъ не любить Николая «за жестокое обращеніе съ офицерами и солдатами, за непрерывныя мелочныя придирки по службѣ». Кн. С. П. Трубецкой въ своихъ запискахъ свидѣтельствуетъ, что Николай былъ извѣстенъ «только грубымъ обхожденіемъ съ офицерами и жестокостью съ солдатами вътренней ему гвардейской дивизіи». Завалишинъ выражается очень опредѣленно и рѣшительно: «Николай былъ ненавидимъ, особенно войскомъ». Батеньковъ заявилъ въ одномъ изъ показаній, что офицеры считали Николая «весьма пристрастнымъ къ фронту, строгимъ за всѣ мелочи и права мстительнаго». Полковникъ Булатовъ въ письмѣ къ Михаилу Павловичу сообщаетъ ему о его братѣ Николаѣ такіе отзывы, — «что онъ золъ, мстителенъ, скупъ, военные недовольны частыми ученіями, непріятностями по службѣ» *).

*) О нелюбви къ Николаю вспоминаютъ въ своихъ запискахъ баронъ Реекъ и А. М. Муравьевъ, а также баронъ Штейнгель въ своемъ показаніи во время слѣдствія.

Декабристъ Каховскій писалъ изъ крѣпости къ самому Николаю, что даже люди, ему преданные, не оправдывали его «страсти къ фрунту». Сіе занятіе государей нашихъ въ глазахъ всего народа уже сдѣлалось ненавистно. Самыя войска чрезмѣрно тяготятся имъ и ужасно ропщутъ. При ученіи солдатъ иногда вырываются такія изреченія, которыя, распространяясь по государству, вооружаютъ сердца и умножаютъ ропотъ». Даже Ростовцевъ въ доносѣ Николаю на декабристовъ 12 декабря 1825 года рѣшился сказать ему: «излишне довѣряя льстецамъ и наушникамъ вашимъ, вы весьма многихъ противъ себя раздражили» *).

Паденію популярности имп. Александра сильно содѣйствовали его неограниченная довѣренность къ Аракчееву и то громадное вліяніе, какое этотъ послѣдній имѣлъ на все управленіе государствомъ. По словамъ Завалишина, «всѣ, даже самые преданные государю люди **), возмущались и не таили своего негодованія, видя свое униженіе и раболѣпство передъ временщикомъ, доходившее до крайности, и слыша, какъ важныя даже лица не только пресмыкались передъ самимъ Аракчеевымъ, но и льстили грубой его наложницѣ. Сами духовные, въ лицѣ Фотія (архимандрита новгородскаго Юрьевскаго монастыря), унижали значеніе религіи своими отношеніями къ Аракчееву... Люди самые приверженные государю... раздражились и открыто толковали... о необходимости положить тому конецъ, такъ или иначе» ***). Декабристъ Александръ Мих. Муравьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «забывъ всѣ свои обязанности относительно Россіи, Александръ, къ концу своего царствованія, предоставилъ все дѣло управленія страной извѣстному Аракчееву», который «выбиралъ подчиненныхъ, его достойныхъ». Н. Бестужевъ въ воспоминаніяхъ о Рылѣевѣ говоритъ: Аракчеевъ «вращалъ всею тягостію дѣлъ государственныхъ, и злобная подозрительная его политика лазутчески вкрадывалась во всѣ отрасли правленія. Не было министерства, званія, дѣла, которое не зависѣло бы или оставалось неизвѣстно сему невидимому Протею министру, политику, царедворцу; не было мѣста, куда бы ни проникъ его хитрый подсмотръ; не было происшествія, которое не отозва-

*) О крайней непопулярности вел. кн. Михаила Павловича см. въ моей ст. „Волненіе въ Семеновскомъ полку въ 1820 г.“ „Былое“ 1907 г. № 1, стр. 10—11 и др.

**) Какъ, напримѣръ, кн. П. М. Волконскій, И. В. Васильчиковъ, За-кревскій, Киселевъ.

***) Декабристъ Булатовъ утверждаетъ даже, что „многіе царедворцы за счастье считали лобзать руки любимицѣ графа“. Фонъ-Брадке, служившій въ новгородскихъ поселеніяхъ, говоритъ въ своихъ запискахъ: „важнѣйшіе сановники и свѣтлѣйшіе государственные вельможи“ (предсѣдатель государств. совѣта Лопухинъ и дѣств. тайн. сов. Куракинъ) „постоянно ухаживали за этою дамою и почитали за честь принимать участіе въ ея многочисленныхъ и пышныхъ собраніяхъ“. „Русск. Арх.“, 1875 г. № 1, стр. 42—48.

лось бы въ этомъ Діонисіевомъ ухѣ... Все государство трепетало подъ желѣзною рукою любимца-правителя. Никто не смѣлъ жаловаться. Едва возникалъ малѣйшій ропотъ,—и на вѣчно исчезалъ въ пустыняхъ Сибири и въ смрадныхъ склепахъ крѣпости». По словамъ Булатова, Аракчеевъ имѣлъ бланки за подписью Александра I, вслѣдствіе чего онъ могъ даже безъ доклада государю заключать въ крѣпости вызвавшихъ его гнѣвъ и ссылатъ въ Сибирь *).

II.

Извѣстно, какія надежды возлагалъ Сперанскій на устройство государственнаго совѣта, хотя для него это учрежденіе было только одною изъ частей его обширнаго плана преобразованій, и онъ хорошо понималъ, что только осуществленіе всего плана можетъ имѣть серьезныя послѣдствія. Государственный совѣтъ, куда, по волѣ государя, сдавались для почета разные заслуженные сановники, не заключалъ въ себѣ, за единичными исключеніями, истинно-государственныхъ дѣятелей; это видѣе всего было тѣмъ, кому, какъ Н. И. Тургеневу, по обязанностямъ службы, приходилось присутствовать на засѣданіяхъ этого высшаго учрежденія. 3-го марта 1817 года Тургеневъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «вчера и сегодня были два вечернія засѣданія общаго собранія совѣта... Посмотрѣвши на это собраніе первыхъ людей въ государствѣ, посмотрѣвъ, какъ судятся въ немъ важнѣйшія части государственнаго устройства, нельзя не сказать: *quelle pitié que tout cela!*» (какъ все это жалко)... «И эти люди сидятъ въ лентахъ съ нахмуренными рожами и не стыдятся смотрѣть другъ на друга». Когда въ февралѣ 1820 г. въ государственный совѣтъ былъ внесенъ коммиссіею составленія законовъ проектъ о запрещеніи продажи людей безъ земли, Н. Тургеневъ не ожидалъ (и оказался пророкомъ) успѣшнаго разрѣшенія этого вопроса. 13 февраля 1820 г. онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «чего ожидать отъ этихъ автоматовъ, составленныхъ изъ грязи, изъ пудры, изъ галуновъ и одушевленныхъ подлостью, глупостью, эгоизмомъ? Карамзинъ имъ вторить» (извѣстны крѣпостническія мнѣнія Карамзина въ крестьянскомъ вопросѣ).—«Россія! Россія! Долго ли ты будешь жер-

*) Негодованіе общества противъ Аракчеева сказалось всего сильнѣе въ извѣстномъ посланіи Рылѣева „Къ временщику“ (1820 г.) и двухъ стихотвореніяхъ Пушкина того же года: 1) „Всей Россіи притѣснитель“... и 2) „Холопъ вѣнчаннаго солдата“... Теперь отыскано стихотвореніе поручика Путяты, проникнутое тѣмъ же духомъ, но въ свое время не напечатанное. См. *Довнар-Запольскій*. „Идеалы декабристовъ“. М. 1907, стр. 112. Еще одно стихотвореніе, содержащее горячее выраженіе ненависти къ Аракчееву, см. „Рус. Старина“. 1872 г. т. VI, стр. 596. Курьезнѣе всего то, что самъ гр. Аракчеевъ, по свидѣтельству Батенькова, находился подъ надзоромъ полиціи.

твою гнусныхъ рабовъ, безтолковыхъ измѣнниковъ?» И позднѣе крайне печальное впечатлѣніе производили на Тургенева засѣданіе государственнаго совѣта. Каховскій въ письмѣ къ имп. Николаю говоритъ: «государственный совѣтъ — игрушка. Мы знаемъ мнѣнія, съ которыми соглашаются и которыя отвергаютъ. Государь не подчинилъ себя ему, а посредствомъ учрежденія онаго сжалъ лишь власть сената». Въ словахъ Каховскаго есть нѣкоторый слѣдъ той идеализаціи сената, которая сказывалась въ проектахъ его преобразования въ самомъ началѣ царствованія Александра I. Сенатъ былъ «сжатъ» государемъ немедленно послѣ дарованія ему правъ въ 1802 году, задолго до учрежденія государственнаго совѣта, и не получилъ того политическаго значенія, о которомъ мечтали многіе въ началѣ царствованія Александра I. Государь имѣлъ основаніе для пренебрежительнаго отношенія къ старому сенату, но онъ не принялъ серьезныхъ мѣръ для его преобразования, и проектъ Сперанскаго по этому предмету остался неосуществленнымъ. Впрочемъ, и самъ Каховскій въ неизданномъ письмѣ къ ген. Левашеву говоритъ: «читая мнѣніе сената и совѣта, я нѣсколько ознакомился съ сенаторами и совѣтниками государя; къ сожалѣнію, мало между ими людей, ясно видящихъ и способныхъ обнимать и здраво обсуживать предметы: большая часть изъ нихъ дурно знаетъ состояніе государства».

Булатовъ въ письмѣ къ Михаилу Павловичу рисуетъ весьма мрачную картину сената: «Чья мысль, чтобы генераловъ, не способныхъ ни къ военной, ни къ статской службѣ (молва народа) сажать за сенаторскій столъ, которые занимаютъ мѣсто для одного счета... И потому сенаторы въ сенатѣ разсуждаютъ не всѣ: судятъ только тѣ, которые поумнѣе, а спятъ многіе. Потому дѣло и состоитъ въ томъ, чтобы подписать имя, приставъ къ какой-нибудь сторонѣ. Господа умные сенаторы имѣютъ въ этомъ большія свои выгоды, и сенатъ нашъ не что иное, какъ торговое мѣсто. Сенаторы имѣютъ своихъ оберъ-секретарей, эти — секретарей и т. д., которые имѣютъ дѣла съ довѣренными по дѣламъ просителей» *). Батеньковъ также высказываетъ о сенатѣ весьма неблагоприятное мнѣніе: послѣ учрежденія министерствъ и комитета министровъ «сенатъ, сіе хранилище законовъ и блюститель благоустройства, не зналъ ни о чемъ и обращенъ былъ въ простую типографію, подчиненную каждому лицу въ кредитъ. Онъ считаетъ величайшимъ подвигомъ, что осмѣлился одинъ разъ возразить на статью указа о почтовой таксѣ».

Къ учрежденію министерствъ и особенно комитетовъ минист-

*) Подтвержденіе этихъ неблагоприятныхъ отзывовъ декабристовъ о сенатѣ см. въ запискахъ Пржевальскаго. „Рус. Стар.“ 1874 г. № 11, стр. 457—458; ср. письмо Рылѣва 1820 г. о вѣзникахъ въ сенатѣ. „Рус. Стар.“ 1882 г. № 2, стр. 472.

ровъ, декабристъ Батеньковъ отнесся также совершенно отрицательно. По поводу комитета министровъ онъ говоритъ: «ничего не можно было придумать лучше къ прикрытію всѣхъ беспорядковъ предъ государемъ и къ обнаженію одного лица его предъ народомъ. Все производство дѣлъ оставалось втайнѣ; формы подъ видомъ простоты и скорости прикрывали всѣ упущенія и своевольства»... «Проходя мысленно исторію внутренней нашей администраціи,—говоритъ Батеньковъ,—я удовольствился, что она, не бывъ утверждена на политической свободѣ, не можетъ быть прочна и не можетъ достигать своего назначенія».

Недостатки высшей мѣстной администраціи также бросались въ глаза. Большія суммы денегъ, писалъ Каховскій Николаю Павловичу, «истрачиваются на жалованья генераль-губернаторамъ и на содержаніе ихъ штатовъ. Признаюсь, сколько ни старался вникнуть, никакъ не могъ понять, къ чему служатъ генераль-губернаторы во внутреннихъ губерніяхъ государства. Пользы отъ нихъ нигдѣ не замѣтилъ; равно вездѣ видѣлъ и слышалъ, что они тяготятъ лично собою, какъ лишней бесполезной властью, и раздорами съ гражданскими губернаторами губерній. Дѣла отъ нихъ, какъ изъ губернскихъ правленій, поступаютъ въ сенатъ, да и можно ли одному лицу допустить рѣшать ихъ. Если генераль-губернаторы учреждены для новаго образованія присутственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ, то выборъ сдѣланъ весьма неудачно, и отличный дивизионный начальникъ можетъ быть весьма плохимъ генераль-губернаторомъ». Батеньковъ, хорошо знакомый съ русскимъ мѣстнымъ управленіемъ, въ запискѣ, составленной въ крѣпости въ 1826 г., говоритъ: «Губернаторы мало-по-малу присвоили себѣ всю мѣстную власть... Определеніе генераль-губернаторовъ довершило испроверженіе губернскихъ мѣстъ, всѣ дѣла стеклись къ симъ сатрапамъ; само высшее правительство смотрѣло на вещи не иначе, какъ ихъ токмо глазами, и не смѣло ни въ чемъ имъ противорѣчить. Легче было отрѣшить генераль-губернатора, нежели указать ему почтительно законный путь, отъ коего онъ уклонился. Страннѣе всего было видѣть, что одному изъ генераль-губернаторовъ (Балашову) позволено было дѣлать опыты новой губернской администраціи, будто бы для подобнаго опыта довольно нѣсколькихъ мѣсяцевъ и будто нельзя было лучше видѣть удобства или неудобности *à priori*» *). Послужившій не мало въ гражданской службѣ, бар. Штейнгейль высказываетъ подобное же мнѣніе (въ письмѣ къ имп. Николаю): «По части управленія губерній во всѣ 25 лѣтъ не сдѣлано ничего особеннаго къ улучшенію... Дозволено генераль-губернатору Балашову производить опытъ преобразованія. Начатый безъ свѣдѣнія сената **), опытъ сей принимается обывателями съ

*) Замѣчаніе имп. Николая „всѣ якобинцы *à priori*“.

**) Въ 1816 году Новосильцовъ, по порученію государя, составилъ проектъ раздѣленія Россіи на наместничества съ предоставленіемъ на-

негодованіемъ на новыя тягости и на умноженіе инстанцій, а о пользѣ, какая изъ того произойти имѣтъ, никто еще не говоритъ... Въ послѣднее время всякому, продолжающему службу, особенно военную, дорога къ вышнимъ степенямъ сдѣлалась отверзтою. Въ одной губерніи былъ губернаторъ, выслужившійся изъ фельдфебелей, и въ губерніи поступалъ, какъ въ ротъ».

Печальное состояніе нашего судопроизводства Каховскій такъ характеризуетъ въ неизданномъ письмѣ отъ 14 марта 1826 г. къ Левашову: «образование судопроизводства нашего ужасно невыгодно и обременительно для судящихся»: существуетъ множество инстанцій, «и, чтобы пройти длинную лѣстницу мытарствъ судебныхъ, нужно и долгое время, и большія средства. ...Часто жизни не достаетъ дожидаться конца... Бѣдный человѣкъ можетъ ли изъ дальней губерніи ѣхать въ столицу, выслушивать дѣло въ сенатѣ. Многіе не имѣютъ и способовъ подавать апелляціи, переносить дѣла, и перѣдко правый, но бѣдный дѣлается виноватымъ предъ виновнымъ, но богатымъ и сильнымъ ..

«Теперь, выбирая изъ среды дворянъ судей, мы много теряемъ отъ неопытности оныхъ. Но... при нынѣшнемъ состояніи судопроизводства легче избирать судей изъ дворянъ *), чѣмъ имѣть ихъ отъ короны. Дворянинъ, находясь всегда на жительствѣ въ той губерніи, гдѣ онъ баллотируется, связями знакомства и зависимостью отъ того сословія, которымъ онъ избирается на трехлѣтнее служеніе, уже нѣсколько удерживается отъ злоупотребленія. Считаю большимъ зломъ, что воспрещенъ у насъ входъ зрителямъ въ присутственныя мѣста для слушанія дѣлъ. Не всякій судья осмѣлится сдѣлать то всенародно, что дѣлаетъ онъ тайно, и безстрашно несправедливо произносимый имъ приговоръ, въ кругу

мѣстнику огромной власти, но послѣднее вызвало возраженіе министра финансовъ Гурьева. Рѣшено было провѣрить эти предположенія на опытѣ. *Адриановъ*. „Министерство внутреннихъ дѣлъ. 1802 -- 1902“. Спб. 1901 г., стр. 60. Въ 1820 г. ген.-ад. Балашову было ввѣрено управленіе на особыхъ началахъ двумя, а затѣмъ всего пятью губерніями средней Россіи (Рязанскою, Тульскою, Орловскою, Воронежскою и Тамбовскою), но начала, на которыхъ они были ввѣрены Балашову, не обсуждались ни въ государственномъ совѣтѣ, ни въ комитетѣ министровъ. *Середонинъ* „Историч. обоз. дѣятельн. комитета министровъ“, т. I, 462. П. С. З. т. XXXVII № 28.106, имен. указъ Балашову 19 января 1820 г.; т. XXXVIII № 29344, имен. указъ 2 марта 1823 г., № 29438. Балашовъ образовалъ въ каждой изъ ввѣренныхъ ему губерній особый губернский совѣтъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, и совѣты уѣздные, учредилъ новыя должности предсѣдателя губернскаго правленія и губернскаго полицмейстера. Но всѣ эти новшества просуществовали недолго. *С. Адриановъ*, стр. 60.

*) Въ уѣздномъ судѣ выборными были и судья, и два засѣдателя: въ верхнемъ земскомъ судѣ только засѣдатель, а предсѣдатель утверждался верховною властью изъ двухъ кандидатовъ, избранныхъ сенатомъ. Въ палатахъ гражданскаго и уголовного суда предсѣдатель, совѣтники и ассесоры избирались сенатомъ, а первый сверхъ того утверждался верховною властью.

только присутствующихъ членовъ, раздѣляющихъ съ нимъ и мнѣнія, и доходы, онъ не легко бы произнесъ его при постороннихъ свидѣтеляхъ: тогда для всѣхъ поступки ихъ были бы открыты».

Каховскій считалъ выборъ дворянами судей лучше, чѣмъ назначеніе ихъ отъ короны. М. Н. Муравьевъ, членъ Союза Благодѣнствія, разрушаетъ эту иллюзію. Въ запискѣ, поданной имъ въ 1827 г. гр. Кочубею, онъ говоритъ: «Выборы столь унизились», что «мѣста самыя почтенныя, занимаемы людьми, часто не соответствующими намѣренію правительства... На выборы свѣзжаются по большей частью дворяне, ищущіе не пользы общей., а лишь удовлетворенія своихъ личныхъ, корыстолюбивыхъ видовъ». Вступивъ по выбору на службу, они, «рѣшительно безъ стыда, какъ могутъ болѣе, наживаются, чтобы было чѣмъ оправдаться въ уголовной палатѣ на случай внезапнаго суда». Они «угождаютъ всѣмъ дворянамъ, имѣющимъ голосъ, связи и богатство, готовы на всѣ несправедливости, не исполняютъ должнаго и, зная всѣ слабыя стороны постановленія, пользуются оными для лицепріятія и наживаются отъ промышленниковъ, поселянъ, бѣглыхъ воровъ» *)...

Каховскій въ письмѣ къ Левашову обращаетъ также вниманіе на то, къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ приводитъ наказаніе денежными штрафами за упущенія въ судопроизводствѣ. Чиновникъ, посылаемый на слѣдствіе, прямо разсчитываетъ, сколько съ него вычтутъ, если онъ поступитъ вопреки закону, и сколько онъ можетъ получить за то отъ виновнаго. По словамъ Штейнгеля, устраненію злоупотребленій не помогали никакія мѣры: «Посылались сенаторы, производили изслѣдованія, тысячами отдавали бѣдныхъ чиновниковъ подъ судъ и опредѣляли новыхъ, а тѣ принимались за то же, только смѣлѣе, ибо обыкновенно поступали на мѣста съ протекціей. Сколько и теперь есть губернаторовъ, состоящихъ подъ безконечнымъ судомъ».

М. Н. Муравьевъ, въ запискѣ, представленной Кочубею въ 1827 г., находитъ земскій судъ, несшій обязанности слѣдственные, исполнительныя и полицейскія, до такой степени неудовлетворительнымъ, что для характеристики его дѣятельности употребляетъ слѣдующія выраженія: «злоупотребленія», «уловки промышленности земскаго суда», его «торговые обороты»; онъ дѣлаетъ «под-

) Кротова. Жизнь гр. М. Н. Муравьева Спб. 1874 г., 442—443; ср. Середонинъ I, 279—280. Впрочемъ и самъ Каховскій въ письмѣ къ Левашову говоритъ, что никто изъ дворянъ не хочетъ баллотироваться. Очень немногіе и призываютъ на выборы... Теперь на выборы не свѣзжаются дворяне, а ихъ привозятъ; одинъ... изъ помѣщиковъ, вздумавъ сдѣлать себя предводителемъ, набираетъ стаю подручниковъ, напередъ расположить имъ всѣ должности и привозить ихъ баллотировать себя; съѣдутся. пошумятъ въ залѣ собранія, если случится имъ нѣсколько человекъ противниковъ, и по условному порядку, разложивъ другъ другу шары, ѣдутъ въ уѣздъ собирать оброки. Объ уклоненіи дворянства отъ службы по выборамъ см. Середонинъ I, 257—260.

ложный поварный обыск», онъ прибѣгаетъ къ «ложному свидѣтельству врача»; наблюдающій за дѣятельностью его уѣздный стряпчій является только участникомъ его лихоимства. Сотскіе и десятскіе также дѣлятся взятками съ членами уѣзднаго суда.

По выраженію декабриста Якубовича въ письмѣ къ имп. Николаю, «не правосудіе, а лихоимство засѣдаетъ въ судилищахъ, гдѣ не защищается жизнь, честь и состояніе гражданина, но продаютъ за золото или другія выгоды пристрастные рѣшенія». Каховскій, указывая на совершенную недостаточность жалованія гражданскихъ чиновниковъ, прибавляетъ: «но секретарь, получающій 200 р. въ годъ, проживаетъ тысячи. Всѣ это знаютъ, всѣ это видятъ, и правительство равнодушно терпитъ». Въ письмѣ къ Левашову Каховскій подробно рассматриваетъ вопросъ о недостаточности денежнаго вознагражденія чиновникамъ и о несправедливомъ его распредѣленіи. Гражданскій губернаторъ получаетъ менѣе, чѣмъ вице-губернаторъ, «завѣдывающій казенными интересами»... «Всѣ чиновники гражданскихъ судовъ, несмотря на большія ихъ занятія, имѣютъ жалованія менѣе, чѣмъ чиновники казенной палаты. Приказнымъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ челоуѣколюбіе требуетъ не воспрепятствовать взятки, или безъ нихъ они умрутъ съ голоду. Можетъ ли челоуѣкъ содержать себя 30-ю или 40 рублями въ годъ жалованія? А есть оклады и того менѣе, и на эту сумму—имѣть квартиру, пищу и пристойную одежду... Надо видѣть несчастное положеніе сихъ людей въ губерніяхъ, чтобы принять въ нихъ участіе». Князь Трубецкой въ одномъ изъ показаній заявилъ, что его убѣжденія въ необходимости переворота въ Россіи были, между прочимъ, вызваны «всеобщими жалобами на лихоимства чиновниковъ въ губерніи» *).

А. А. Бестужевъ (Марлинскій) въ письмѣ къ имп. Николаю говоритъ: «Однѣ судебныя мѣста блаженствовали, ибо только для нихъ Россія была обѣтованною землею. Лихоимство ихъ зашло до неслыханнаго степени безстыдства. Писаря заводили лошадей, повытки покупали деревни, и только возвышеніе цѣны взятокъ отличало вышнія мѣста,—такъ что въ столицѣ, подъ глазами блюстителей, производился явный торгъ правосудіемъ. Прибыльные мѣста продавались по тактѣ и были обложены оброкомъ. Въ казнѣ, въ судахъ, въ комиссаріатахъ, у губернаторовъ, у генералъ-губернаторовъ, вездѣ, гдѣ замѣшался интересъ, кто могъ, тотъ грабилъ, кто не смѣлъ,—тотъ кралъ». По словамъ Булатова, въ министерство гр. Гурьева ни одинъ вице-губернаторъ (они наблюдали за казенною продажей вина въ губерніяхъ), не получалъ мѣста даромъ, а всегда лишь внесъ значительную сумму. Въ «пунктахъ

*) См. о саратовскомъ вице-губернаторѣ и пензенскомъ губернаторѣ въ „Запискахъ Вигеля“, ч. III, М. 1892 г., стр. 28 — 29, 94 — 96, ч. IV, 7. ср. *Середонинъ* I, 487, 445, 451, 454—458.

преподаваемого во внутреннемъ ордентъ ученія», составленныхъ М. Ѳ. Орловымъ и гр. Дмитриевымъ-Мамоновымъ (мы будемъ говорить о нихъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ), лихонимство считалось настолько страшнымъ зломъ, что предлагалось даже наказаніе за него смертью или «торговою казнью» (т. е. кнутомъ или плетью).

Во всѣхъ вѣдомствахъ творились страшныя злоупотребленія. Подготавливая въ Кронштадтѣ корабль къ кругосвѣтному плаванію, Завалишинъ увидѣлъ, что «о людяхъ не имѣли ни малѣйшаго попеченія, все воровало, начиная отъ военного губернатора до ничтожнѣйшаго лица въ управленіи» *).

Каховскій, въ письмѣ къ Левашову, обращаетъ вниманіе на неудовлетворительное состояніе нашего законодательства: «у насъ указъ на указъ, — одно разрушаетъ другое, —...и къ каждому случаю и предмету найдутся нѣсколько узаконеній, одни съ другими несогласныя. Сильные и сутяги торжествуютъ, бѣдность и невинность страдаютъ».

Въ томъ же письмѣ онъ хорошо характеризуетъ ужасное состояніе нашихъ тюремъ: «Въ нашихъ тюремныхъ острогахъ, гдѣ всѣ преступленія смѣшаны вмѣстѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ занятій, ни трудовъ, ни порядка, ни чистоты, гдѣ обитаетъ развратъ, гдѣ самый воздухъ душный зараженъ смрадомъ, гдѣ содержащіеся, истлѣвая душой и тѣломъ, питаются мірскимъ лишь подаеніемъ, гдѣ часто надзирающіе за преступниками—преступники еще большіе. Въ таковыхъ заведеніяхъ, конечно, не исправится заключенный, но лишь ожесточится или развратится совершенно» **).

Зимой 1818—19 г.г. Россію постигли квакеры Грелле-де-Мобилье и Алленъ. Они были въ петербургскихъ тюрьмахъ и нашли въ нихъ страшную грязь, обиліе насѣкомыхъ, особенно клоповъ, и нестерпимое зловоніе. Въ тюрьмѣ адмиралтейства нѣкоторые

*) Онъ же рассказываетъ, что при раздачѣ пособій пострадавшимъ въ Петербургѣ отъ наводненія въ 1824 г., ген.-ад. Бенкендорфъ взялъ въ правители дѣлъ отъявленнаго плута, а протестъ противъ его дѣйствій назвалъ бунтомъ и смѣнилъ мошенника только подъ угрозою жалобы государю.

**) Бар. Кампенгаузенъ въ запискѣ „О тюрьмахъ и острогахъ“, поданной имп. Александру I въ 1818 г., говоритъ: „Что бы сказалъ знаменитый Говардъ (если бы онъ еще жилъ), увидя большую часть нашихъ тюремъ и остроговъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ? Тамъ мужчины и женщины, люди всякаго состоянія, здоровые и больные, убійцы, разбойники и люди, по одному только подозрѣнію задерживаемые, всѣ содержатся вмѣстѣ въ тѣсной избѣ или даже подземельной ямѣ... Часто люди остаются въ тюрьмахъ по нѣскольку мѣсяцевъ, по полутоду и болѣе за потерянный или просроченный паспортъ, для очныхъ ставокъ, или по какому-либо подозрѣнію, и сколько гибнетъ тамъ людей физически и морально... Тюрьмы, долженствующія служить къ обузданію преступленія, часто образуютъ преступниковъ“. „Сборн. историч. матер., извлеченныхъ изъ архива собств. его велич. канц.“, вып. II, 529—530.

узники были скованы по два вмѣстѣ для отправленія въ Сибирь. Во время свиданія съ государемъ они сообщили ему о своихъ впечатлѣнїяхъ и обратили вниманіе на то, что одинъ несчастный томится въ тюрьмѣ въ Або въ оковахъ въ теченіе 19 лѣтъ. Они рассказали и императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, что много «молодыхъ дѣвочекъ» содержится въ тюрьмахъ за легкіе проступки или даже за несоблюденіе нѣкоторыхъ формальностей съ паспортами и что тамъ онѣ развращаются. Посѣщая тюрьмы на пути изъ Петербурга въ Одессу, квакеры вездѣ находили ихъ» въ жалкомъ состояніи*)?

Когда подъ вліяніемъ квакеровъ и ряда записокъ по тюремному вопросу (Андрея Дашкова и другихъ) было учреждено попечительное о тюрьмахъ общество, членъ его, М. Магницкій, въ особой запискѣ, описалъ, ужасное обращеніе съ заключенными въ тюрьмахъ:

„Колоды, кандалы, оковы, стулья съ цѣпами и рогатки не только во всѣхъ городскихъ и земскихъ полиціяхъ, но въ каждомъ волостномъ и сельскомъ правленіи находятся. Я самъ видѣлъ въ Симбирской губерніи комоды изъ цѣльнаго дерева въ аршинъ длиною надѣтыми на ноги несчастныхъ и запретилъ ихъ формальнымъ образомъ правленію. Стулья съ тяжелыми цѣпами также дѣлаются весьма большіе... Въ городскихъ полиціяхъ есть обыкновеніе всѣхъ содержащихся заключать на ночь въ бревно, вырубленное наподобіе колоды, для большей безопасности отъ побѣга. Я нашелъ сіе обыкновеніе въ Симбирскѣ.

„Цѣпи бываютъ трехъ родовъ: 1) надѣваемая на руки и на ноги отдѣльно; 2) на ноги, на руки и на шею вмѣстѣ и 3) на ноги и на шею съ прикрѣпленіемъ къ стѣнѣ. Онѣ всѣ вообще весьма тяжелы. Рогатки непомѣрной величины и тягости, по большей части, употребляются въ волостныхъ селеніяхъ, при полиціяхъ и смиренительныхъ домахъ“...

„На пойманнаго полицією, земскою или градскою, преступника, еще не судившагося и, можетъ быть, невиннаго, въ уѣздѣ, не только по приказанію псправника или земскаго засѣдателя изъ дворянъ, либо изъ крестьянъ, но по повелѣнію секретаря и каждаго дежурнаго писца сего суда, а въ полиціи градской по повелѣнію дежурнаго квартальнаго, можетъ быть, и по большей части для содержанія для отсылки въ тюрьму, тотчасъ надѣваются или цѣпи, или стулья съ цѣпами“. Въ цѣпяхъ заключенные содержались и въ уѣздныхъ, и въ губернскихъ тюрьмахъ; въ послѣднихъ „преступники заковываются и приковываются къ стѣнѣ жесточайшимъ образомъ за малѣйшую грубость полиціимейстерамъ и командирамъ внутренняго баталіона по произволу.—Въ смиренительныхъ домахъ вообще употребляются рогатки весьма тяжелыя и такъ сдѣланныя, чтобы никакъ не можно было лечь“.

Другой членъ попечительнаго о тюрьмахъ общества, Джонъ Веннингъ, одинъ изъ учредителей у насъ ланкастерскихъ школъ, нашелъ въ смиренительномъ домѣ въ Петербургѣ «злоупотребленіе въ тѣлесныхъ наказаніяхъ, видѣлъ колодниковъ, привязанныхъ за шею, и бѣдныхъ женщинъ въ желѣзныхъ рогаткахъ, на которыхъ по три острыхъ спица длиною 8 дюймовъ», вдѣланныхъ такимъ

*) Записки квакера (Гредлэ-де-Мобилье) о пребываніи въ Россіи. „Русская Старина“ 1874 г. № 1. Ср. *Питингъ*. „Имп. Александръ I и квакеры“. „Вѣстн. Европы“ 1869 г. № 10.

образомъ, «что онѣ не могутъ ложиться ни днемъ, ни ночью». Въ одномъ сѣзжемъ домѣ Веннинга нашель пять тяжелыхъ стульевъ, къ которымъ цѣпами приковывались колодники. Квакеры Грелле и Алленъ также замѣтили, что «худое состояніе и слабость тюремъ заставляютъ на сѣзжихъ дворахъ употреблять рогатки и цѣпи, которыми многіе арестанты приковываются къ большимъ колодамъ?» Когда комитетъ министровъ въ декабрѣ 1821 г. утвердилъ мнѣніе гр. Кочубея о введеніи болѣе легкихъ кандаловъ, государь нашель болѣе удобнымъ вводить ихъ лишь тамъ, «гдѣ уже устроены надежныя тюремныя зданія по новому предположенію»; но повидимому новыя кандалы нашли широкое примѣненіе *). Свидѣтельство Каховскаго показываетъ, что, несмотря на учрежденіе попечительнаго общества, тюрьмы находились въ крайне печальномъ состояніи.

Декабристы обратили серьезное вниманіе на всю систему нашего «казеннаго хозяйства». Батеньковъ въ запискѣ, составленной въ крѣпости, подробно говоритъ о ней: «всѣ почти капиталы и все обращеніе оныхъ привлечено было въ столицу, находящуюся въ самомъ углу имперіи. Здѣсь собраны всѣ почти казенныя заведенія, здѣсь токмо производились важныя работы; но могла ли вся имперія брать участіе въ обращеніи капиталовъ, такимъ образомъ употребляемыхъ? Конечно, нѣтъ. Отъ сего губерніи, лежащія вдали отъ границъ и внѣ водяныхъ путей къ столицѣ, скоро оскудѣли, впали въ неоплатныя недоимки и при изобиліи хлѣба терпѣли во всемъ недостатокъ. О пособіи имъ почти не помышляли.

«Казна посягнула на монополію... Казна обыкновенно изъ солдатъ набирала непремѣнныхъ работниковъ и почитала получаемаы такимъ образомъ издѣлія дешевыми, вовсе не пріемля въ разсужденіе, что солдатъ самъ по себѣ также не безцѣнная вещь въ государствѣ, и что лишаемые выгодъ мѣстные жители не суть непріатели».

Въ 1819 г. казенная продажа замѣнила винный откупъ въ 29-ти губерніяхъ Великороссіи до 1827 г., когда опять вернулись къ откупной системѣ. По этому поводу Батеньковъ говоритъ: «система винной продажи, по обширности ея вліянія, есть одна изъ бѣдственнѣйшихъ мѣръ казенной монополіи. Она привела многія дворянскія фамиліи, и безъ того уже разстроенныя залогомъ имѣній въ 24-хъ лѣтнемъ банкѣ, въ совершенный упадокъ. Сверхъ сего она умножила развратъ и корыстолюбіе въ чиновникахъ. Сіе тѣмъ болѣе подавало соблазна и заражало другихъ, что не только не влекло за собою презрѣнія, напротивъ, встрѣчало одобреніе и награду». Штейнгель, въ письмѣ къ имп. Николаю, такъ же рѣзко жоричаетъ казенную продажу вина и поясняетъ, что прибыль была

*) Д. Тамбергъ. „Къ исторіи тюремъ и ссылки въ Россіи“. „Рус. Стар.“ 1879 г. №№ 2, 3 и 4.

только временная. Булатовъ видитъ вредную для народа сторону винной монополіи въ томъ, что прежде «полиція удерживала народъ отъ пьянства, а теперь должна побуждать для пользы государственной, и народъ портитъ свою нравственность. Правда, продавцы для сбереженія здоровья народа берутъ предосторожности тѣмъ, что разводятъ вино водою, но въ этомъ убытокъ народа: они пьютъ до пьяна и, слѣдовательно, платя и за воду то же, что за вино, теряютъ вдвойнѣ свои деньги».

Историческія изслѣдованія подтверждаютъ справедливость жалобъ современниковъ на казенную продажу вина при Александрѣ I. *)

На вопросъ о казенной винной монополіи отзывался и Рылѣвъ въ своей «Пѣснѣ»:

„А подь царскимъ орломъ“ (т. е. въ кабакахъ)
 „Ядомъ подчуютъ съ виномъ,
 „И народу, лишь за воду,
 „Велятъ вчетверо платить“.

Штейнгель въ письмѣ къ имп. Николаю обращалъ вниманіе и на увеличеніе сбора за паспорта **), и на возвышеніе цѣны на такую первую потребность, какъ соль. ***) Каховскій указываетъ на то, что увеличеніе пошлинъ на гербовую бумагу весьма обременительно и затрудняетъ бѣднымъ людямъ доступъ къ правосудію. Что прежде можно было писать на простой бумагѣ, то нынче должно писать на рублевомъ листѣ, а между тѣмъ «сколько есть людей, для которыхъ рубль составляетъ большую сумму денегъ» ****).

А. И. Якубовичъ, въ письмѣ къ императору Николаю, обращаетъ его вниманіе на то, что по окончаніи войны съ Наполеономъ «10 лѣтъ мирнаго спокойствія не облегчили Россію отъ налоговъ, не введены лучшіе способы взиманія податей, и тягость государственныхъ обязанностей не уравнена между всѣми сословіями.»

*) *Середонинъ*. 1, 496—497; Казенная продажа вина“. Изд. Главн. Управл. Неокл. Сборовъ. СПб. 1900 г. прилож., стр. 14—15.

**) Въ 1810 г. съ крестьянъ и мѣщанъ за годовой паспортъ велѣно взимать 3 р.; въ 1812 г. пошлины за паспорта были удвоены. П. С. З. XXXI, № 24.116, ст. X, п. 12, т. XXXII, № 24992. Въ 1822 г. дворовымъ людямъ велѣно было выдавать покормежные виды на годовой и менѣе срокъ на шестирублевой гербовой бумагѣ, которая требовалась и для крестьянскихъ видовъ. П. С. З. т. XXXVIII, № 29.246.

***). О цѣнахъ на соль въ 1817—26 г.г. см. „Архивъ Государствен. Сосѣта. Журналы по департаменту Государственной Экономіи“. СПб. 1881 г. т. IV, ч. I, стр. 981—1013, 1017—1050. По росписи на 1824 г. доходъ съ паспортовъ былъ исчисленъ въ 4.280.000 р., по росписи на 1825 г. — въ 4.745.850 р. *Печеринъ*. Истор. обзоръ росписей госуд. доходовъ и расходовъ съ 1803 по 1843 г. СПб. 1896 г., стр. 100, 108.

****) Именнымъ указомъ 24 ноября 1821 г. о гербовыхъ сборахъ было установлено четыре разбора простой гербовой бумаги: въ 50 к., въ 1 р., въ 2 р. и въ 3 р. за листъ. П. С. З. т. XXXVII № 28814. По росписи на 1825 г. доходъ за гербовую, вексельную и для заемныхъ писемъ бумагу былъ исчисленъ въ 7.054.950 р. *Печеринъ*, 108.

Каховскій также указывалъ Николаю на то, что «въ мирное время налоги еще увеличились». *)

Ученіе Адама Смита о свободѣ торговли повліяло на взгляды многихъ декабристовъ. А между тѣмъ сравнительно умѣренный таможенный тарифъ 1819 г. былъ въ 1822 г. замѣненъ тарифомъ, основаннымъ на запретительныхъ началахъ **). По словамъ Каховскаго, «много способствовала къ упадку торговли и ко всеобщему разоренію въ государствѣ запретительная система, которая нигдѣ не можетъ быть полезна, тѣмъ болѣе вредна въ отечествѣ нашемъ. Чрезъ нея капиталы наши остались безъ оборота; я разумѣю капиталами все то, что имѣетъ цѣнность. Кому неизвѣстно, сколько прежде сего отпускали мы изъ своихъ продуктовъ за границу и что отняла у насъ система запретительная». Это указаніе Каховскаго не совсѣмъ вѣрно: отпускъ товаровъ на европейской границѣ въ среднемъ выводѣ за 1824—26 гг. былъ всетаки выше, чѣмъ въ 1820—21 гг., хотя вывозъ сталъ увеличиваться въ гораздо меньшей степени ***).

Каховскій очень ясно понимаетъ различіе между національнымъ и народнымъ богатствомъ, между выгодами правительства (по крайней мѣрѣ, на извѣстное время) и пользою народа: «выгоды казны,—говоритъ онъ,—совершенно не согласны съ выгодами народа... Всѣ отпуска прибыльны казнѣ и очень, видимо, вредны народу. Всѣ налоги, возлагаемые казною, ей прибыльны и иссушаютъ источникъ богатства народнаго. Займы, казною сдѣланные въ иностранныхъ государствахъ, для нея выгодны,—она не несетъ тягости долга, но для народа, уплачивающаго оныя, отяготительны. Наконецъ, всѣ тарифы таможни, гильдіи, цехи полезны казнѣ и обременительны народу. Казна все отнимаетъ у гражданъ, не оставляя имъ ничего, кромѣ тягости и нищеты. Жадная, ненасытная, всѣ выгоды присваиваетъ себѣ и ничѣмъ не хочетъ подѣлиться. Правительство, удерживающее власть свою страхомъ, а не любовью подвластныхъ ему народовъ, не можетъ быть ни сильно, ни сча-

*) Подушная подать въ 1810 г. была повышена до 2 р., а въ 1812 г. до 3 рублей съ души; затѣмъ въ 1816 г. сдѣлана была еще прибавка въ 25 к. на устройство водяныхъ и сухопутныхъ сообщений, увеличенная въ 1818 году до 30 коп. съ души. Въ 1810 и 1812 гг. былъ значительно повышенъ оброчный сборъ съ государственныхъ крестьянъ. Нѣсколько увеличенъ былъ и гильдейскій сборъ съ купцовъ. *Александрко*. «Дѣйствующ. законод. о прямыхъ налогахъ», 1879 г. стр. 9—10, 84, 222.

**) *Ладиславскій*. «Исторія рус. там. тарифа». Спб. 1856 г. стр. 187—192, 210.

***) *Семеновъ*. «Изуч. историч. свѣд. о русской вѣншей торговлѣ и промышленности». Ч. III. Спб. 1859 г., табл. къ стр. 220. Штейнгель, напротивъ, является защитникомъ покровительственной таможенной системы. Онъ очень недоволенъ умѣреннымъ тарифомъ 1819 г. О защитникахъ свободы торговли и покровительственной системы въ Россіи того времени ср. *Тучикъ Барлаамскій*. «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ», т. I. Спб., 1895 г., стр. 269—276.

стливо». Недаромъ народъ устами Рылѣва, въ его «Пѣснѣ», жалуется: «Насъ поборами царь изсушилъ, какъ сухарь», и прибавляетъ: «налоги раззорили насъ въ конецъ».

Неправильная финансовая политика правительства приводила къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. По словамъ Каховскаго, «недоимки казны съ каждымъ годомъ увеличиваются *); причина тому ясно видима: налоги умножаются, способы же народу для пріобрѣтенія умалились... Денегъ въ оборотѣ мало... государство наше не мануфактурное, мы не довольствуемся одними своими издѣліями; будучи земледѣльческимъ государствомъ и не сбывая произведенія земли нашей, мы совершенно обнищали и не можемъ нести тяжелыхъ повинностей. Если до сихъ поръ уплачивали ихъ, то какими изнурительными средствами».

III.

Положеніе различныхъ сословій также обратило на себя вниманіе декабристовъ.

А. А. Бестужевъ, въ письмѣ къ императору Николаю, гдѣ уже сказываются способности будущаго беллетриста, дѣлаетъ такую характеристику нашего дворянства: «Оно раздѣляется на 3 разряда: на просвѣщенныхъ, изъ коихъ большую часть составляетъ знать; на грамотныхъ, которые или мутятъ другихъ, какъ судья, или сами таскаются по тяжбамъ и, наконецъ, на невѣждъ, которыя живутъ по деревнямъ, служатъ церковными старостами или же въ отставкѣ, послуживъ, Богъ знаетъ какъ, въ полевыхъ (полкахъ). Изъ нихъ-то мелкопомѣстные составляютъ язву Россіи; всегда виноватые и всегда рошущіе и, желая жить не по недостатку, а по претензіямъ своимъ, мучатъ бѣдныхъ крестьянъ своихъ нещадно. Прочіе раззоряются на охоту, на капли (т. е. капеллы), на столичную жизнь или отъ тяжбъ. Наибольшая часть лучшаго дворянства, служа въ военной службѣ или въ столицахъ, требующихъ роскоши, довѣряютъ хозяйство наемникамъ, которые обираютъ крестьянъ, обманываютъ господъ, и такимъ образомъ ²/₁₀ имѣній въ Россіи разстроено и въ закладѣ **). Бестужевъ указываетъ на то, что у дворянства есть свои основанія для недовольства: дурной сбытъ произведеній ихъ имѣній, дороговизна предметовъ роскоши и продолжительность судопроизводства. Якубовичъ раздѣляетъ дворянство на вельможъ, среднихъ дворянъ и

*) Въ 1814 г. сложено было 30 милл. недоимокъ, но чрезъ четыре года они дошли уже до 96 милл. и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ превосходили годовой окладъ. „Истор. обозр. пятидес. дѣят. мин. гос. имуществъ“, Спб. 1888, I, 10.

**) О бытѣ русскаго дворянства въ началѣ XIX в. см. статьи Н. О. Дубровина въ „Рус. Стар.“ 1899 г. №№ 1, 2 и 3.

мелкопомѣстныхъ. Хотя это мало шло къ суровому заговорщику, кипѣвшему ненавистью къ императору Александру, мечтавшему его убить и проводшему значительную часть своей жизни на Кавказѣ въ отчаянныхъ бояхъ съ горцами, Якубовичъ пытается указать въ своемъ письмѣ къ императору Николаю на возможность положительнаго значенія аристократіи, какъ противовѣса бюрократіи, но, какъ человѣкъ мало развитой и лишенный литературныхъ способностей, плохо выражаетъ свою мысль *). Якубовичъ указываетъ на то, что «роскошь», т. е. жизнь не по средствамъ, обременила долгами «большую часть» дворянскихъ фамилій. На развореніе дворянства указываетъ и Штейнтель. Каховскій знаетъ, что очень много дворянскихъ имѣній заложено въ казнѣ, «вѣрно болѣе половины всѣхъ ихъ» **).

Каховскій указываетъ, какъ на одну изъ причинъ недовольства дворянъ, на то, что генералъ-губернаторы и гражданскіе губернаторы присваиваютъ себѣ власть арестовывать дворянъ. Если предоставить губернаторамъ право арестовывать чиновниковъ, то за каждое мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ губернатора, чиновники «будутъ сидѣть на гауптвахтѣ, и тогда дѣла будутъ рѣшать одни губернаторы».

Каховскій, впрочемъ, не идеализируетъ русскаго дворянства и вовсе не желаетъ оправдывать его «лѣнность, нерадѣніе и безпечность». По словамъ А. Бестужева, «дворянство... за крестами спѣшить ничего не дѣлать въ какой-нибудь министерской канцеляріи».

Положеніе бѣлаго духовенства,—по словамъ Пестеля въ «Русской Правдѣ»,—«горько и жалостно; оно едва имѣетъ нынѣ насущный хлѣбъ, а въ старости остается безъ... должнаго призрѣнія». А. Бестужевъ указываетъ въ письмѣ къ императору Николаю на то, что сельское духовенство въ жалкомъ состояніи. Не получая жалованія, оно находится въ полной зависимости отъ крестьянъ и вслѣдствіе этого, «принужденное угождать имъ», впадаетъ «само въ пороки». Якубовичъ, на ряду съ бѣдностью ду-

*) «Аристократія,—говоритъ Якубовичъ,—въ единовластномъ, монархическомъ управленіи необходима, она служитъ равновѣсіемъ государства, представительницей у трона за народъ и оппозиціей властямъ; какъ отрицательная и положительная сила производятъ электричество, такъ точно борьба высшаго дворянства съ учрежденными властями породила бы умное, умѣренное управленіе; но въ Россіи мало сихъ столбовъ отечества, которые главную силу заимствовали не въ происхожденіи или богатствѣ своемъ, но въ добродѣтеляхъ, мудрости и безупречномъ служеніи отечеству».

**) Предположеніе неосновательное, такъ какъ лишь гораздо позднѣе въ 1843 г., было заложено въ государственномъ заемномъ банкѣ 590.639 душъ и въ сохранныхъ казнахъ 4.984.876 д. м. п., итого 5.575.515 д. м. п., т. е. немного болѣе половины крѣпостнаго населенія Россіи. (Всѣхъ крѣпостныхъ по восьмой ревизіи 1835 г. было 10.572.229). Ходскій. «Поземельный кредитъ въ Россіи». М. 1882 г., стр. 81; Кеппенъ, «Девятая ревизія». Спб., 1857 г., стр. 200.

ховенства, указываетъ и на то, что оно «невѣжественно и не всегда добродѣтельно», вслѣдствіе чего «русскіе... мало уважаютъ духовныхъ своихъ пастырей, и они никакого вліянія не имѣютъ на народъ». Во всемъ этомъ очень много справедливаго, но когда Гангебловъ необразованность бѣлаго духовенства и «поступки, несообразныя съ высокимъ его предназначеніемъ», считаетъ «одною изъ главнѣйшихъ причинъ безнравственности поселянъ и, слѣдовательно, небрежности домашняго хозяйства», то тутъ уже духовенство дѣлается отвѣтственнымъ за то, въ чемъ были повинны помѣщики и правительство.

По словамъ Пестеля въ «Русской Правдѣ»,—«въ постановленіяхъ о купечествѣ... обретаются большія несправедливости, противорѣчія и злоупотребленія, многоразличными препонами и затрудненіями гибель торговли наносящія». А. Бестужевъ подробно указываетъ причины недовольства купечества: оно, «стѣсненное гильдіями и затрудненное въ путяхъ доставки, потерпѣло важный уронъ съ 1812 года. Многія колоссальныя фортуны погибли, другія разстроились. Дѣла съ казною раззорили множество купцовъ и подрядчиковъ, а съ ними ихъ кліентовъ и вѣрителей, затажкой въ уплатѣ, учетами и неправыми прижимками въ приѣмѣ... Шаткость тарифа привела въ нищету многихъ фабрикантовъ, испугала другихъ и вывела правительство наше изъ вѣры равно у своихъ, какъ и у чужеземныхъ негоціантовъ. Слѣдствіемъ сего былъ еще болѣйшій упадокъ нашего курса (т. е. вѣшняго кредита *)), отъ государственныхъ долговъ происшедшій **), и всеобщая жалоба, что нѣтъ наличныхъ». Батеньковъ, посѣщая въ 1825 г. въ Петербургѣ купеческіе дома, находилъ, что этотъ «классъ вообще недоволенъ стѣснительными для торговли постановленіями», такъ что «обращеніе съ нимъ подстрекало» этого декабриста къ «желанію перемѣны». Дѣйствительно, мы видѣли уже изъ одного присланнаго Александру I доноса, какъ распространены были либеральныя мнѣнія среди купцовъ петербургскаго гостинаго двора. Они открыто разговаривали о томъ, что «только конституція можетъ исправить все, и нужно надѣяться, что богъ скоро даруетъ намъ ее». Другіе говорили, что «лишь бы только русскіе въ Петербургѣ

*) Въ 1825 г. курсъ ассигнацій былъ очень низокъ, а именно за 1 металлическій рубль давали 3,72 р. ассигнаціями, но въ предъидущіе годы, начиная съ 1811 г. (кроме 1819), онъ былъ еще ниже, а въ 1815 г. за 1 металлическій рубль давали даже 4,21 р. ассигнаціями, слѣд. рубль ассигнацій стоилъ менѣе 24 к. на серебро. *Бржескій*. „Государственные долги Россіи“ Спб. 1884 г. Табл. III.

**) Въ 1825 г. было долговъ, внесенныхъ въ государственную долговую книгу: срочныхъ—вѣшныхъ 46,600.000 гульденовъ, внутреннихъ 17,256.618, безсрочныхъ—обыкновенныхъ 135,667,007, неприкосновенныхъ 10,872,203—итого 190.356.829 руб. Въ это время было въ обращеніи ассигнацій 595.776,310 руб. *Бржескій*, таблицы III и XVII.

и Москвѣ были согласны» (относительно необходимости конституции).—«министры не осмѣются даже сопротивляться».

«Мѣщане, классъ почтенный и значительный во всѣхъ другихъ государствахъ»,—по словамъ А. Бестужева, «у насъ ничтоженъ, бѣденъ, обремененъ повинностями, лишенъ средствъ къ пропитанію *). Въ другихъ націяхъ они населяютъ города, у насъ же города существуютъ только на картѣ **), и вольность ремеслъ стѣсняютъ въ нихъ цехи» и потому «мѣщане кочуютъ, какъ цыгане, занимаясь щепетильною» (мелочною) «перепродажею». Упадокъ торговли отразился на нихъ сильнѣе по ихъ бѣдности, ибо они зависятъ отъ купцовъ, какъ мелкіе торгаша, или какъ работники на фабрикахъ». Пестель въ «Русской Правдѣ» также останавливается на ненормальномъ положеніи мѣщанъ и требуетъ уничтоженія постановленія 1824 г., «извѣстнаго подъ названіемъ гильдейскаго и заключающаго въ себѣ все то, что зловластіе выдумать только могло для вреда народной промышленности, покровительствованія всѣмъ злоупотребленіямъ и совершеннаго угнетенія бѣднѣйшихъ классовъ людей» ***). Очевидно, подъ давленіемъ общаго недовольства комитетъ министровъ въ 1825 г. отложилъ до слѣдующаго года вторичную повѣрку торговли и промысловъ, общаго пониженіе по нимъ повинностей ****); но, по свидѣтельству А. Бестужева эта мѣра «не удержала отъ ропота» мѣщанъ и мелкихъ торговцевъ *****).

Положеніемъ крестьянъ декабристы сильно интересовались и потому много говорятъ о немъ, какъ въ своихъ письмахъ къ императору Николаю и генералу Левашову, такъ и въ своихъ показаніяхъ, частной перепискѣ, дневникахъ и разныхъ замѣткахъ.

*) Бестужевъ объясняетъ это тѣмъ, что дворянство тянется на службу въ столицы, а ремесленникамъ не на кого работать, такъ какъ «дворянство держитъ доморожденных» (крѣпостныхъ) «мастеровыхъ».

**) О городахъ того времени см. *Середоминъ* „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“ I, 296—322.

***). См. П. С. З. XXXIX, 14-го ноября 1824 года, № 30.115, главы III—X. Якубовичъ также протестуетъ противъ этого постановленія. Даже извѣстный доносчикъ Шервудъ въ бесѣдѣ съ императоромъ Александромъ сказалъ ему: „министръ финансовъ издалъ гильдейское постановленіе, которымъ запрещается мѣщанамъ... изъ убѣзда въ убѣздъ возить продавать хлѣбъ и всякаго рода произведенія свои, чѣмъ сковаль внутреннюю въ государствѣ торговлю“. Мѣщане различныхъ разрядовъ городовъ должны были платить за право торговли пошлину отъ 40 до 120 рублей, сверхъ узаконенныхъ мѣщанскихъ податей и повинностей. Крестьяне, желающіе пользоваться правомъ торгующаго мѣщанина, должны были платить за торговое свидѣтельство 160 р.

****) П. С. З. т. 40, № 30.371.

*****). Не мало отрицательныхъ сторонъ въ бытѣ купцовъ и мѣщанъ указалъ Штейнгель въ запискѣ, поданной имъ графу Аракчееву въ 1817 г. См. мою статью о Штейнгелѣ въ книгѣ „Общественное движеніе въ Россіи“ т. I. 287—290.

Особенное негодование возбуждало въ нихъ положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, но нѣкоторые изъ нихъ обращали вниманіе на жизнь и другихъ разрядовъ крестьянства.

Такъ Каховскій въ неизданномъ письмѣ къ Левашову отъ 5 марта 1826 года указываетъ на печальное состояніе «экономическихкихъ», т. е. государственныхъ, крестьянъ, которыхъ совершенно разоряли чиновники. Ему казалось, что положеніе крестьянъ казенныхъ даже хуже, чѣмъ помѣщичьихъ, такъ какъ послѣдніе «ограждаются и устраиваются своими помѣщиками, а экономическіе совершенно нигѣмъ». Но сами декабристы не разъ негодуютъ на то, какъ «устраиваютъ» помѣщики своихъ крестьянъ, и крестьянамъ казеннымъ обыкновенно жилось гораздо лучше, чѣмъ крѣпостнымъ той же мѣстности; извѣстно, что особенно печально было положеніе крѣпостныхъ, состоящихъ на барщинѣ. Чиновники, конечно, не упускали случая поживиться съ казенныхъ крестьянъ, но ни одинъ чиновникъ не могъ такъ эксплуатировать крестьянъ, какъ помѣщикъ, и потому, что ему приходилось обирать населеніе болѣе крупныхъ территорій, и потому, что они не жили постоянно среди крестьянъ, а лишь въ извѣстныхъ случаяхъ могли наживаться на ихъ счетъ *).

Каховскій утверждаетъ также, что положеніе удѣльныхъ крестьянъ было гораздо лучше, чѣмъ казенныхъ, и что «съ перваго взгляда уже можно отличить имѣнія удѣльныя отъ экономическихкихъ» (т. е. казенныхъ) **). Дѣйствительно, въ царствованіе Александра I оброки удѣльныхъ крестьянъ въ общемъ были ниже платежей, лежавшихъ на крестьянахъ казенныхъ ***). «Крестьяне удѣльные, — продолжаетъ Каховскій, — имѣютъ свои права, имѣютъ конторы, которыми они управляютъ и ограждаются отъ насилій земской полиціи и властей, въ губерніяхъ постановленныхъ. Земская полиція не имѣетъ никакого вліянія на управленіе сихъ имѣній и не можетъ вѣзжать въ нихъ иначе, какъ только по уголовнымъ дѣламъ и то съ чиновникомъ ихъ конторы». Однако, историческія изслѣдованія не подтверждаютъ этого прикрашеннаго описанія управленія удѣльныхъ крестьянъ: удѣльная администрація и сама оказывалась повинною въ злоупотребленіяхъ, и далеко

*) А. Бестужевъ въ 1821 г. писалъ Булгарину изъ Полоцкаго уѣзда: „Пишу къ тебѣ изъ курной избы латышей въ имѣніи“ (бывшемъ) „іезуитовъ; мужики бѣдны, но говорятъ, что теперь имъ рай въ сравненіи съ жизнью подъ властью іезуитскою. Они рады, что ихъ выгнали“.

**) Н. Н. Тургеневъ также писалъ изъ Симбирска: „О казенныхъ мужикахъ здѣсь говорятъ, что они въ плохомъ, а удѣльные весьма въ хорошемъ положеніи“.

***). „Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія“ II, 87. Сравненіе количества пахотной земли у экономическихкихъ и дворовыхъ крестьянъ Вѣликороссіи во время генеральнаго межеванія см. въ моей книгѣ „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“, т. II, 260.

не всегда защищала крестьянъ отъ притѣсненій земской полиціи *). Каховскій, хотя и имѣлъ маленькое имѣніе въ Смоленской губерніи, но, быть можетъ, не зналъ, что именно въ этой губерніи произошло въ 1816 г. обширное волненіе удѣльныхъ крестьянъ **).

Нѣкоторые декабристы прямо указываютъ на то, что политическій либерализмъ былъ впервые вызванъ въ нихъ тяжелымъ положеніемъ крестьянъ. Такъ поручикъ Аврамовъ, членъ южнаго общества, въ своемъ показаніи говоритъ: «Когда я находился на сѣмкѣ въ Подольской губерніи, то имѣлъ случай... замѣтить бѣдность, въ которой находится большая часть крестьянъ. Это меня поразило и возбудило во мнѣ любопытство узнать», какимъ образомъ они могли быть доведены до такого состоянія? Вотъ что было первымъ поводомъ къ тому, что я началъ читать политическія сочиненія», которыя «породили во мнѣ либеральныя мысли».

Штейнгель дѣлаетъ такой выводъ изъ своихъ продолжительныхъ наблюденій надъ внутреннимъ положеніемъ Россіи: «Правительство отдѣляло себя отъ государства и, казалось, вѣрило, что оно можетъ быть богато и сильно, хотя всѣ сословія государственныя, и особенно народъ, въ изнеможеніи. Правительство имѣло, вѣжеся, правиломъ, что развратнымъ и бѣднымъ народомъ легче и надежнѣе управлять, нежели имѣющимъ гражданскія добродѣтели и въ довольствѣ живущимъ; а потому не прислушивалось къ народному мнѣнію, не входило въ его нужды, повелѣвало и требовало безусловнаго повиновенія, хотя бы отъ того все раззорилось».

При тяжеломъ положеніи народа и обременительности податей естественно накоплялись недоимки, которыя взыскивались самымъ жестокимъ образомъ. По словамъ Якубовича, «экзекуціи за недоимки отнимаютъ рабочій скотъ, одежду, раззоряютъ даже дома и истязуютъ пытками несостоятельныхъ, какъ во времена варварства». О распродажѣ скота, лошадей и даже домовъ у казенныхъ крестьянъ свидѣлствуетъ и Штейнгель, указывая на то, что выраженія «выбить, выколотить недоимку» сдѣлались «техническимъ словомъ» ***). Декабристъ Бѣляевъ слышалъ рассказы «о различныхъ жестокостяхъ исправниковъ, выбивавшихъ подушныя сборы чуть не пытками» ****). Едва ли, впрочемъ, взысканіе недоимокъ могло производиться тогда съ большею жестокостію, чѣмъ это дѣлается въ настоящее время.

*) См. статью В. А. Мясотина „Изъ исторіи крестьянства первой половины XIX вѣка“. „Русское Богатство“ 1903 г. № 6, стр. 79—84; относительно „правъ“ удѣльныхъ крестьянъ см. Ibid. № 7.

**) См. Кн. Щербатовъ. „Генераль-фельдмаршалъ Паскевичъ“. Спб. 1888 г. т. I, 263—303.

***) Каразинъ въ запискѣ отъ 20 ноября 1820 г., пересланной имп. Александру говорить, что въ южныхъ губерніяхъ казенныя подати крестьяне называли: „драча“, т. е. то, что сдираютъ съ народа“. „Русск. Стар.“ 1871 г. т. III, 34.—Арх. Деп. Пол., дѣло III отд. 1 экзп. 1817 г. № 6.

****) „Русская Старина“ 1881 г. т. XXX, 488.

Извѣстно, какъ много путешествовалъ по Россіи Александръ I; при этомъ онъ обращалъ большое вниманіе на состояніе дорогъ, и потому, дорожная повинность отзывалась на крестьянахъ самымъ раззорительнымъ образомъ.

По словамъ Якубовича, «за 50 и болѣе верстъ во время пахоты собираютъ на работы, сколько рукъ отымаютъ отъ сохи!» Это подтверждаетъ и Каховскій, который говоритъ, что дорожная повинность одна превышаетъ «всѣ прочія земскія повинности..., ни отъ одной столь много не терпитъ народъ» *). По словамъ Штейнгеля, «безпрестанные выгоны крестьянъ для дѣланія дорогъ, часто въ страдную пору, довершили ихъ раззореніе, и при томъ отъ частыхъ перемѣнъ въ планѣ и отъ непрочной работы повинность сія сдѣлалась безконечною, между тѣмъ какъ въ академическомъ календарѣ печатается: «отъ изданія манифеста, коимъ народъ освобождается отъ дѣланія дорогъ столько-то лѣтъ!» **). А. Бестужевъ, описывая злоупотребленія исправниковъ, дополняетъ картину страданія народа отъ дорожной повинности: «то сберутъ крестьянъ въ сѣнокосъ или жатву, и мѣсяцъ ничего не дѣлаютъ; то дадутъ сдѣлать и потомъ домаютъ, говоря, что это не по формѣ. Назначаютъ на работу ближнихъ вдаль и наоборотъ, чтобы взять за увольненіе нѣсколько рублей съ брата» ***). Якушкинъ въ своихъ мемуарахъ подробно говоритъ и объ обременительности для народа дорожной повинности, и о томъ, что дороги всетаки были въ скверномъ состояніи ****).

Батеньковъ въ запискѣ, составленной 28 марта 1826 г., говорить о земскихъ повинностяхъ вообще, что онѣ представляли обширное поле злоупотребленій и народнаго бѣдствія *****).—Но, кромѣ повинностей земскихъ—продолжаетъ Батеньковъ, крестьяне имѣютъ еще свои внутреннія повинности, извѣстныя подъ именемъ волостныхъ. Важную статью въ оныхъ составляютъ расходы *теплые*, т. е. на подарки разнымъ чиновникамъ».

*) Въ письмѣ къ Николаю I Каховскій говоритъ: есть налоги, которыя мы вдвойнѣ выполняемъ, напримѣръ, подорожныя; мы платимъ по 25 к. съ души „на исправленіе и проведеніе дорогъ“ и сами (т. е. трудомъ своихъ крестьянъ) „ихъ починаемъ и вновь дѣлаемъ“.

**) Въ 1816 г. былъ установленъ подушный сборъ на содержаніе дорогъ, но его не хватало. *Середонинъ* I, 507—514.

***). О тяжести дорожной повинности не забыть упомянуть Рыльцевъ въ своей „Пѣснѣ“. О разныхъ притѣвленіяхъ при исполненіи какъ дорожной, такъ и подводной повинностей говоритъ и М. П. Муравьевъ въ запискѣ 1827 г. Постоянная повинность также сопровождалась матеріальными жертвами со стороны мѣстныхъ жителей. Объ этомъ свидѣлствуетъ, между прочимъ, Пестель въ одной официальной запискѣ. Госуд. Арх. I В. № 473/13

****). О злоупотребленіяхъ, связанныхъ съ дорожною повинностью, срав. *Середонинъ* I, 446.

*****). Ср. о земскихъ повинностяхъ *Варадиновъ* „Ист. Мин. Вн. Дѣлъ“ ч. II, кн. 2, стр. 552—554.

О тяжести для крестьянъ рекрутской повинности Н. И. Тургеневъ въ письмѣ отъ 15 марта 1821 г. писалъ брату изъ Петербурга: «Отъ сильныхъ рекрутскихъ наборовъ много горести и бѣдствій въ деревнѣ. Нѣтъ почти ни одного семейства, не имѣющаго родственниковъ самыхъ близкихъ въ солдатахъ. Отдавая сына въ рекруты, мужикъ отдаетъ ему все, что можетъ, и приходится въ разстройство. Послѣ того дѣти, которыя пишутъ къ отцамъ, безпрестанно просятъ у нихъ денегъ. Приходитъ сынъ на побывку, и отецъ опять разстраиваетъ себя, чтобы отпустить сына съ деньгами и съ лошадью».

Въ царствованіе Александра I съ населенія въ 16—16½ милл. душъ, несшаго рекрутскую повинность натурою, было произведено 18 рекрутскихъ наборовъ, и еще въ 1806 г. собрана была милиція; всего за это время въ сухопутныя войска поступило громадное количество рекрутъ, а именно 1.933.608 челов.; въ это число вошли и ратники милиціи; кромѣ того въ 1812 г. было временно выставлено на службу ополченіе въ количествѣ 280.951 человекъ *).

На тяжесть наборовъ указывали и люди военные. Тутолминъ и Уваровъ такъ описывали въ 1806 — 7 гг. дѣйствіе рекрутскихъ наборовъ на населеніе: «Надобно вести», говоритъ Тутолминъ, «приватную жизнь, чтобы быть очевидцемъ отчаянія семействъ, стenanія народа, тягости издержекъ и конечнаго въ продолженіе набора прерванія хозяйства и всякой промышленности. — Время набора рекрутъ, по нынѣшнему установленію, есть періодическій кризисъ народной скорби». — «Должно быть всякому извѣстно», говоритъ Уваровъ, «что значить рекрутскій наборъ, какой вопль, плачь и унылость даже и въ оставшихся въ домахъ онъ производитъ. Третій современникъ, въ началѣ 1820-хъ годовъ, писалъ: «Человѣкъ, опредѣленный поступить въ почтенное званіе солдата, не сдѣлавъ еще никакого преступленія, везется для отдачи на военную службу, какъ преступникъ подъ звукомъ кандаловъ... Потомъ и самый рекрутскій пріемъ есть поругательное зрѣлище для челоуѣчества: челоуѣку, способному къ военной службѣ, брѣютъ лобъ, а неспособному затылокъ; мы не чувствуемъ истинной цѣны сего ужаснаго зрѣлища, родяся и возрастая въ ономъ обыкновеніи». Отставной солдатъ, возвратившійся на родину, «дѣлается, вмѣсто хозяина дома, — пришельцемъ, питающимся подаваніемъ своихъ наслѣдниковъ» **). Впрочемъ нужно замѣтить, что неизвѣстный авторъ послѣдней записки, осуждая современную ему систему рекрутскихъ наборовъ, являлся защитникомъ военныхъ поселеній.

Объ отношеніи декабристовъ къ вопросу объ уничтоженіи крѣ-

*) Столѣтіе Военнаго Министерства Главный Штабъ, ч. I, кн. I, отд. II. *Щенитильниковъ*. Комплектованіе войскъ въ царствованіе Александра I. Сиб. 1902 стр. 132—133.

**) Ibid. *Щенитильниковъ*, прилож. стр. 4, 6, 41, 42.

постного права я частію уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ *), частію буду говорить, по новымъ матеріаламъ, въ одной изъ слѣдующихъ главъ этихъ очерковъ.

IV.

Такъ какъ большинство декабристовъ были офицеры, то первое, что имъ бросилось въ глаза и что указывало на ненормальность существующаго строя,—было тяжелое положеніе солдатъ. Еще въ самыхъ первыхъ бесѣдахъ предъ основаніемъ Союза Спасенія будущіе члены его, разбирая «главныя язвы отечества», говорили (на ряду съ крѣпостнымъ правомъ) о «жестокомъ обращеніи съ солдатами, которыхъ служба въ теченіе 25 лѣтъ почти была каторгой» **). Якубовичъ въ письмѣ къ Николаю I такъ обрисовываетъ положеніе нижнихъ чиновъ: «Солдатъ арміи, блюститель внутренняго спокойствія государства и охрана вѣчной цѣлости, обреченъ на 25 лѣтъ службы; оставляя отчій домъ, а часто жену, дѣтей, уходитъ, безнадѣженъ когда-либо насладиться мирной жизнью подъ роднымъ кровомъ, въ кругу близкихъ... Не уважая себя, не любя своего званія, дѣйствуетъ изъ одного побужденія страха, развращается, не боится штрафа, не полагая когда-либо воспользоваться отставкой, и если тысячный и достигаетъ назначеннаго срока, то онъ не дослуживаетъ, а доживаетъ узаконенное время». В. Θ. Раевскій ***) въ найденной у него при арестѣ и не изданной запискѣ «О солдатѣ» говоритъ: «Офицеръ или дворянинъ имѣетъ право, если онъ недоволенъ, оставить службу, офицеръ имѣетъ въ виду награды чести или награды денежныя, для которыхъ въ нашемъ монархическомъ правленіи все дворянство служитъ, но солдатъ имѣетъ въ виду бѣдность, труды и смерть. Рѣдко, очень рѣдко безъ одного проступка прослужить можно 25 лѣтъ, а сдѣлавши одинъ проступокъ, онъ обрекается закономъ на вѣчную службу!» Но и тѣ нижніе чины, которымъ послѣ 25 лѣтъ службы удавалось получить отставку, находились въ самомъ печальномъ положеніи. По словамъ юнкера Полтавскаго полка Драгоманова, привлекавшагося къ слѣдствію о тайномъ об-

*) См. мою статью „Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII и перев. половинѣ XIX вѣка“ въ сборникѣ „Крестьянскій Строй“ т. I, изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого.

**) Любопытно, что въ Царствѣ Польскомъ закономъ 1816 г. установленъ былъ 10-лѣтній срокъ службы. Askenazy. Rosya—Polska, Lwów, 1907, 83.

***) См. о немъ брошюру П. Е. Щеголева «Первый декабристъ Владимиръ Раевскій», 1905 г. Первымъ декабристомъ Раевскій можетъ быть названъ лишь въ томъ смыслѣ, что онъ первый изъ членовъ тайнаго общества попалъ подъ судъ. Въ первомъ тайномъ обществѣ, Союзѣ Спасенія, основанномъ въ 1816—17 гг., Раевскій не участвовалъ.

ществу, отставные солдаты, «пожертвовавъ службѣ отечества здоровьемъ своимъ, дряхлые, немощные и старые бѣдняки..., не могущіе питаться собственными трудами, скитаются почти безъ пропитанія, а нерѣдко и безъ пріюта» *).

Самою тяжелою стороною солдатской жизни были, конечно, та суровая муштровка, которой они подвергались, жестокіе побои и тѣлесныя наказанія. В. Θ. Раевскій говоритъ: «Первое зло, которое вкралось въ русскую армію, есть несоразмѣрно жестокія тѣлесныя наказанія, которыя употребляютъ офицеры, вопреки всѣмъ законамъ, для усовершенствованія солдатъ, и, къ несчастію и стыду, другихъ средствъ большая часть изъ нихъ не постигаетъ... Унтеръ-офицеры, подражая офицерамъ, ефрейторы унтеръ-офицерамъ, считаютъ нѣкотораго рода отличіемъ бить, и несчастный солдатъ, не находя нигдѣ защиты, не смѣя даже жаловаться на инспекторскихъ смотрѣхъ, впадаетъ въ безчувственное ожесточеніе... Изъ 20 наказанныхъ... 2 солдата только сознаются, что они наказаны справедливо, другіе всѣ ропшутъ на несправедливость и жестокость...

«Уставомъ воинскимъ Александра именно воспрещается всякое тѣлесное наказаніе рекрутъ во время ученія. Но наши офицеры, большею частью взрослые въ невѣжествѣ и не получа хорошихъ началъ, презрили всѣ устаны и порядокъ, на которомъ основана истинная дисциплина, приступили къ доведенію солдатъ не терпѣніемъ и трудами, но простымъ и легчайшимъ средствомъ—палками; отсюда начались всѣ неурядицы, частныя безпорядки и безправіе солдатъ...

«Вотъ сравнительная и достовѣрная таблица наказаній, которыя опредѣляетъ воля капитана и сила закона.—По суду.—«За первый побѣгъ рекруту 500 шпиретеновъ, старому солдату 1000 **), за воровство по волѣ капитана — 50 ударовъ, за ошибку на ученіи—300, за то, что не привелъ дѣвку — 100, за то, что ремень не вычищенъ кавалера,—100 палокъ, за то, что усы не нафабрены, избить часовой» ***).

*) Декабристъ А. П. Бѣляевъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что «25-лѣтній срокъ солдатской службы считался и былъ въ дѣйствительности безчеловѣчнымъ» «Рус. Старина» 1881 г. т. XXX, 488.

**) Законъ 18 окт. 1806 г. по дѣламъ нижнихъ чиновъ не изъ дворянъ о первыхъ побѣгахъ и первыхъ маловажныхъ кражахъ на сумму не болѣе 20 р. (асс.) предписалъ военно-судныхъ комиссій не наряжать, а установленъ былъ сокращенный порядокъ суда. Обвиняемый допрашивался аудиторомъ (а за неимѣніемъ послѣдняго—старшимъ въ полку писаремъ) въ присутствіи штабъ-офицера и двухъ оберъ-офицеровъ. Протоколъ допроса черезъ шефа полка представлялся бригадному командиру, который опредѣляетъ ему наказаніе отъ 500 до 1500 ударовъ и приказываетъ привести его въ исполненіе. П. С. З. т. XXIX, № 22322.

***) По слѣдствію, произведенному по приказанію командира 6 корпуса генерала Сабанѣева, въ Екатеринбургскомъ полку 17 див., было найдено, что даже унтеръ-офицеры давали солдатамъ по нѣсколько сотъ палокъ.

Жестокими наказаніями солдатъ Раевскій возмущался и въ найденныхъ при арестѣ его письмахъ: «Вахтенъ при смотрѣ разрѣшилъ не только унтеръ-офицерамъ, но и ефрейторамъ бить солдатъ палками до 20 ударовъ». Въ своихъ показаніяхъ во время слѣдствія по дѣлу тайнаго общества, Раевскій сообщаетъ еще слѣдующія свѣдѣнія объ истязаніяхъ солдатъ: «дивизионный начальникъ 17 дивизіи» (Желтухинъ), подѣхавшій къ первому баталіону 34-го егерскаго полка, баталіонному командиру сказалъ: «сдери съ солдатъ шкуру отъ затылка до пятокъ, а офицеровъ переверни кверху ногами, не бойся ничего,—я тебя поддержу» *). Вотъ законы! И майоръ Гимбутъ, который уже былъ подѣ судомъ за жестокое обхожденіе съ нижними чинами **), въ точности исполнилъ приказаніе». Охотскаго пѣх. полка майоръ Вержейскій одному унтеръ-офицеру «далъ 700 ударовъ палками и тесаками по обнаженному тѣлу, и когда тотъ не кричалъ, велѣлъ принести нѣсколько пригоршней соли и, втерши ему въ спину, далъ еще 300 ударовъ— всего 1000» ***). Другому унтеръ-офицеру, имѣющему орденъ, онъ далъ 300 ударовъ. «Оба унтеръ-офицера были закованы и отосланы въ 33 егерскій полкъ за то, что жаловались генералу Орлову» ****).

Бывали случаи тѣлеснаго наказанія даже произведенныхъ въ офицеры. Раевскій сообщаетъ, что полковой командиръ Колыванскаго пѣх. полка произведенному изъ фельдфебелей подпоручику Левданскому велѣлъ дать 40 или 50 ударовъ тесакомъ, хотя наказанный имѣлъ Георгіевскій крестъ, и уже состоялся, но только не былъ объявленъ въ полку приказъ, по арміи о его производствѣ въ офицеры.

Мы увидимъ ниже, что первую заботою члена тайнаго общества М. Ѳ. Орлова по принятіи начальства надъ 16 дивизіею было запретить наказаніе на ученіи палками, шомполами и тесаками, и во время 2-хъ - лѣтняго командованія дивизіею онъ строгими мѣрами искоренялъ жестокость въ обращеніи съ солдатами.

Серьезное вниманіе на тяжелое положеніе солдатъ обратили

*) По свидѣтельству Липранди, въ дивизіи Желтухина «госпитали были наполнены нижними чинами, надорвавшимися въ упражненіи» въ учебномъ, такъ называемомъ «гусиномъ», шагѣ вслѣдствіе жестокихъ наказаній при этомъ палками. «Рус. Арх.» 1866 г. стр. 1431.

**) М. Ѳ. Орловъ, командиръ 16 дивизіи, лишилъ Гимбута командованія ротой.

***) Липранди подтверждаетъ смачиваніе, по приказанію, Вержейскаго тѣла наказанныхъ розгами или палками, соленою водою; онъ же говоритъ, что ихъ «привязывали на ночь къ поднятým оглоблямъ савой какъ бы распятыми». Наказывали неоднократно даже имѣющихъ георгіевскіе кресты. М. Ѳ. Орловъ отдалъ Вержейскаго подѣ судъ.

****) Жиркевичъ въ своихъ запискахъ говоритъ объ одномъ ротномъ командирѣ, который забилъ до смерти шпичрутенами нѣсколькихъ солдатъ. «Рус. Старина», 1875 г. т. XIII, 573.

также члены Общества Соединенныхъ Славянъ. Одинъ случай суроваго наказанія нѣсколькихъ солдатъ былъ даже толчкомъ къ развитію революціонныхъ стремленій у основателя этого общества, Борисова 2-го. Когда въ 1819 году командиръ роты, въ которой онъ служилъ, наказывалъ палками фельдфебеля, фейерверкера и рядового передъ всею ротою, Борисовъ «былъ до того тронутъ, что вышелъ изъ фронта и давалъ самому себѣ клятву уничтожить» такого рода наказаніе, хотя бы это стоило ему жизни. Вообще, до его словамъ, «жестокое обращеніе нѣкоторыхъ командировъ съ имъ подчиненными» внушило ему стремленіе къ преобразованіямъ. Членъ того же общества, Андреевичъ 2-й, и нѣкоторымъ солдатамъ, которыхъ онъ желалъ распропагандировать, говорилъ, что служба чрезвычайно тяжела, что солдаты тиранятъ, бьютъ палками, «занимаютъ безпрестанно ученіями и пригонкой аммуниціи». Членъ того же общества Спиридоновъ также возмущался неумѣренными взысканіями и тѣлесными наказаніями, назначаемыми военными начальниками, какой бы малый чинъ они ни имѣли, и указывалъ на то, что такіа взысканія вызываютъ ропотъ не только солдатъ, но даже и офицеровъ. Кирѣевъ также упоминаетъ въ своемъ показаніи о негодovanіи военныхъ на строгость дисциплины.

Когда В. Θ. Раевского во время слѣдствія спросили, на чемъ онъ основываетъ свое мнѣніе, что унтеръ-офицеры не должны наказывать солдатъ, Раевскій сослался на то, что «въ приказахъ ген. Сабанѣва было сказано: Что девять убить, а десятого довести—принадлежитъ другому вѣку» (т. е. это уже устарѣлое правило), «что жестокое обращеніе съ нижними чинами происходитъ отъ незнанія обязанностей и употребленія во зло власти». Отъ дивизионнаго же командира (М. Θ. Орлова) было подтверждено удерживаться отъ жестокихъ побоевъ, а съ виновными поступать по закону. Хотя въ сихъ приказахъ и не сказано именно о воспрещеніи унтеръ-офицерамъ бить палками и тесаками (кромѣ повѣдѣнія главнокомандующаго *), но если власть офицеровъ ограничивалась, то унтеръ-офицеровъ и подавно, ибо никакимъ закономъ и постановленіемъ и нигдѣ не опредѣлено право унтеръ-офицеровъ наказывать нижнихъ чиновъ палками. Въ упомянутомъ приказѣ, отданномъ генераломъ Сабанѣвымъ по корпусу 21-го сентября 1821 г., между прочимъ сказано: жестокость съ нижними чинами есть мѣра власти, законами возбраняемая, и она есть или злоупотребленіе власти, или ослабленіе закона. Образованіе нижнихъ чиновъ не должно и не можетъ быть поводомъ къ разрушенію

*) Въ отношеніи главнокомандующаго кн. Витгенштейна къ корпуснымъ командирамъ, 27-го ноября 1820 г., между прочимъ, было сказано: «Офицерамъ, не имѣющимъ отдѣльныхъ командъ, и вообще унтеръ-офицерамъ, произвольно и безъ вѣдома ротныхъ своихъ командировъ не дозволить тѣлесно наказывать солдатъ».

драгоценнаго для отечества ихъ здоровья. Сперва сберечь, а потомъ выучить — вотъ и правило, не измѣняемое ни въ какомъ случаѣ, девять убить, десятого выучить — принадлежитъ временамъ иного вѣка». Однако, тому же Раевскому приходилось указывать на то, что такіе начальники, какъ Ротъ, Желтухинъ «и десятки другихъ забивали солдатъ подъ палками»; мы увидимъ также, что впослѣдствіи Сабанѣевъ отмѣнилъ гуманные приказы М. Ѳ. Орлова и, по словамъ Раевского, «возобновилъ жестокости и побои».

Что суровая муштровка и жестокія наказанія совершенно управляли жизнь солдатъ, это признавали и нѣкоторые высшіе начальники. Даже вел. кн. Константинъ Павловичъ писалъ въ началѣ 1817 г. Сипягину: «я такихъ теперь мыслей о гвардіи, что ее столько у васъ учатъ и даже за 10 дней приготавливаютъ приказами, какъ проходить колоннами, что если гвардіи стать на руки ногами вверхъ, а головою внизъ и маршировать, такъ промаршируютъ, и немудрено: какъ не научиться всему. — Есть у васъ въ числѣ главнокомандующихъ танцмейстеры, фехтмейстеры» *). Сабанѣевъ въ письмѣ Киселеву отъ 7-го декабря 1820 г. говоритъ: «Нигдѣ не слышно другого звука, кромѣ ружейныхъ приѣмовъ и командныхъ словъ, нигдѣ другого разговора, кромѣ крагъ, ремней и вообще солдатскаго туалета и учебнаго шага. Бывало вездѣ пѣснь, вездѣ веселіе, теперь нигдѣ его не услышишь, вездѣ цыцъ-гаузы, и цѣлая армія состоитъ изъ учебныхъ командъ. Чему же учатъ?—Учебному шагу, стойкѣ и проч. Не совѣстно ли старика, котораго ноги исходили десятки тысячъ верстъ, котораго тѣло покрыто ранами, учить наравнѣ съ рекрутомъ, который, конечно, въ короткое время сдѣлается его учителемъ». Въ письмѣ отъ 11 дек. 1820 г. изъ Тирасполя Сабанѣевъ говоритъ, что на смотрахъ государь «видитъ одну только наружность», а потому «и всѣ прочіе ни о чемъ другомъ не думаютъ, какъ только о наружности. У всякаго въ головѣ смотръ и его принадлежности, какъ, напримѣръ, учебный шагъ, хорошая стойка, быстрые взоры... параллелизмъ шеренгъ, вытянутый носокъ, неподвижность плечъ, широкіе ремни, равенство солдатскаго туалета. Всѣ сіи ничтожныя для истинной цѣли службы предметы столько всѣхъ заняли и озаботили, что нѣтъ минуты заняться полезнѣйшими. Одинъ учебный шагъ и переправка аммуниціи задушили всѣхъ отъ начальника до послѣдняго нижняго чина... Какое мученіе несчастному солдату, и все для того только, чтобы изготovitъ его къ смотру... Вотъ къ чему устремлены всѣ способности, всѣ заботы начальниковъ. Гдѣ же тутъ польза? Гдѣ наши обязанности? Кто смѣетъ говорить о томъ государю?» **) До какой виртуозности доходила муштровка,

*) „Рус. Старина“, 1900 г., № 4, стр. 112.

**) Генераль Сабанѣевъ имѣлъ университетское образованіе: онъ окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ въ 1791 г.

видно изъ того, что опредѣлено было далѣе количество шаговъ солдатъ въ минуту. Въ 1803 г. Александръ I приказалъ, чтобы во всей арміи «дѣлали шаги въ аршинъ, тихимъ шагомъ по 75 шаговъ въ минуту, а скорымъ той же мѣры по 120, «и отнюдь отъ оной мѣры и кадансу ни въ какомъ случаѣ не отходить». По военному уставу 1811 г. количество шаговъ при скоромъ шагѣ понижено до 110 въ минуту, по уставу 1816 г. походная колонна на хорошей дорогѣ должна была дѣлать 85 — 90 шаговъ, и въ случаѣ нужды до 100 шаговъ *).

Въ предписаніи главнокомандующаго первой арміи бар. Сакена отъ 2 ноября было приказано «во всѣхъ движеніяхъ и церемониальномъ маршѣ скорымъ шагомъ дѣлать непременно не менѣе 105 и не болѣе 110 шаговъ въ минуту».

Декабристы обратили вниманіе и на плохое продовольствіе солдатъ **). С. И. Муравьевъ-Апостолъ, въ письмѣ къ Николаю I, называетъ однимъ изъ источниковъ недовольства арміи существующій способъ продовольствія, не только лишаящій солдата «остатковъ, которые должны ему принадлежать», но подвергающій его «множеству ежедневныхъ мученій» и иногда даже заставляющій нуждаться въ хлѣбѣ ***). В. Ѳ. Раевскій сообщаетъ въ своемъ «Оправданіи» слѣдующій случай злоупотребленія относительно продовольствія солдатъ: «33-го Егерскаго полка поручикъ Коломейцовъ арестованъ былъ именно за то, что не хотѣлъ принять гнилой муки изъ тираспольскаго магазейна для батальона. «Я тебя продержу подъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока ты не поѣшь всѣ эти 25 четвертей, — сказалъ ему, сажая подъ арестъ, ген. Желтухинъ... Солдаты при тягости карауловъ должны были ѣсть нѣсколько мѣсяцевъ хлѣбъ, котораго не смѣлъ бы дать приказчикъ домашнимъ животнымъ у богатаго помѣщика». М. И. Муравьевъ-Апостолъ говоритъ въ своемъ показаніи: «большая часть полковыхъ командировъ пѣхотныхъ полковъ, какъ, напримѣръ, Гебель, пользуются незаконнымъ образомъ солдатскимъ провіантомъ, что заставляе

*) Столѣтіе военн. министерства. Главный Штабъ. *Гиппиусъ*. Образование (обученіе) войскъ». Спб., 1803, стр. 185, 225, 235.

**) Указанная суточная дача муки соответствовала 3 фунтамъ печенаго хлѣба. Приварочное въ началѣ XIX в. выдавалось деньгами въ такомъ размѣрѣ: на мясо 72 к. и на соль 24 к. *въ годъ* на человѣка, но и эти деньги были включены въ окладъ жалованья солдатъ. Въ 1816 г. велѣно было въ гвардіи отпускать мясо по 1 ф. въ недѣлю на человѣка, кромѣ трехъ постовъ. Въ 1816—21 гг. мясное довольствіе было распространено на нѣкоторыя части войскъ, находившіяся въ исключительной служебной или мѣстной обстановкѣ; вся же масса арміи продолжала довольствоваться приваркомъ на счетъ своихъ артельныхъ средствъ или отъ обывателей. *Ibid.*, *Шелеховъ*. «Главное интендантское управленіе», стр. 87, 472—478, 497.

***) Сабантѣвъ писалъ Киселеву въ 1821 г., что отпущенная солдатамъ мука «не чисто ржаная, не высѣянная, съ пескомъ». Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ, что такого хлѣба «собака ѣсть не будетъ».

ихъ входить въ постыдные торги съ ротными командирами. Ротные командиры, желая имѣть также какую-нибудь выгоду, угождаютъ жителямъ, которые кормятъ солдатъ, и даютъ имъ квитанціи. Это заставляетъ ихъ быть несправедливыми, когда бываютъ жалобы».

Одежда солдатъ, какъ указываетъ Н. И. Тургеновъ, была болѣе пригодна для парадовъ, чѣмъ для походовъ; она недостаточно защищала ихъ и отъ холода. Доктора при Александрѣ I нашли, что одною изъ причинъ болѣзни солдатъ было сильное стягиваніе ихъ талии, чтобы они казались тоньше. Въ Екатеринбургскомъ полку, 17-й дивизіи, во время ученія солдаты падали «отъ сильной затыжки на груди ранцевыхъ ремней».

Что жалованье солдатъ недостаточно, это признавало самое высшее начальство, какъ, напримѣръ, Васильчиковъ въ письмѣ къ Волконскому въ 1821 г. Въ арміи жалованье было еще менѣе, чѣмъ въ гвардіи, и рядовые получали около 10 р. въ годъ.

Положеніе солдатъ крайне ухудшалось тѣмъ, что хотя по закону они и могли заявлять жалобы на инспекторскихъ смотрахъ *), но они рѣдко рѣшались на это. По словамъ Раевского, «тѣхъ, кои дерзаютъ привосить жалобы, или обвиняютъ въ возмущеніи и наказываютъ, или, если капитанъ виноватъ, оставляютъ безъ всякаго вниманія, и горе тому солдату, который жаловался и остался въ томъ же полку. Производства слѣдственныхъ дѣлъ часто вѣряются тѣмъ людямъ, кои для собственной защиты обвиняютъ подчиненнаго; правое же рѣшеніе считаютъ за вражду или незаконное пристрастіе. Наши офицеры отъ чистаго сердца вѣрить не могутъ еще, чтобы солдатъ могъ быть когда-нибудь правъ... претензіи уничтожаются, и солдатъ подлѣ мстительными ударами узнаетъ, какъ опасно искать справедливости».

Несмотря на суровость военныхъ законовъ, по которымъ офицеры и солдаты подвергались по приговору суда жестокимъ наказаніямъ, дѣла иной разъ велись съ большою небрежностью. Н. Тургеневъ рассказываетъ, какъ онъ былъ возмущенъ, услышавъ отъ одного знакомаго офицера, члена комиссіи военного суда, что обыкновенно они не ходятъ на засѣданія; аудиторъ разсматриваетъ дѣло, составляетъ приговоръ и разсылаетъ членамъ суда для подписи. В. Раевскій сообщаетъ такой случай, когда дѣло о побѣгѣ солдата производилъ даже не аудиторъ, а писарь, который и носилъ составленный имъ приговоръ для подписи членамъ комиссіи на ихъ квартиры. Обстоятельство это открылось только потому, что бригадный командиръ обратилъ вниманіе на неодинаковость чернилъ, которыми были сдѣланы подписи. Оказалось, что ни одинъ членъ не былъ въ комиссіи, что подсудимый не видѣлъ

*) По свидѣтельству Киселева инспекторскіе смотры въ арміи „существовали лишь по названію“.

ни одного изъ нихъ. Раевскій утверждаетъ въ своемъ «Оправданіи», что «таковымъ образомъ во всѣхъ полкахъ производятся судныя дѣла надъ нижними чинами». Когда однажды дѣло о побѣгѣ многихъ солдатъ поручено было разслѣдовать Раевскому, и онъ открылъ истинныя его причины, то «навлекъ на себя не только жалобы виновныхъ ротныхъ командировъ, но негодованіе самаго начальства. Дѣло... велѣно было переслѣдовать, и новая коммиссія никого не нашла виновнымъ». По мнѣнію Раевского, такое состояніе военнаго судопроизводства было одною изъ главныхъ причинъ побѣговъ солдатъ.

Образовательный цензъ аудиторовъ русской арміи былъ чрезвычайно низокъ. Въ 1817 г. было принято предложеніе гр. Аракчеева и кн. Волконскаго о подготовкѣ аудиторовъ изъ кантонистовъ при ордонансъ-гаузахъ и аудиторіатскомъ департаментѣ, чтобы замѣстить болѣе 200 аудиторскихъ вакансій, временно занятыхъ фельдфебелями, унтеръ-офицерами и писарями, которые исправляли должности аудиторовъ въ полкахъ, не имѣя никакой образовательной подготовки. Военное начальство обязано было, по положенію 1817 г., выбрать 100 кантонистовъ для практической подготовки. въ теченіе 6 лѣтъ, въ аудиторскомъ департаментѣ и ордонансъ-гаузахъ, а въ ожиданіи, пока они будутъ обучены, главнокомандующіе арміями и командиры отдѣльныхъ корпусовъ, «по заведенному порядку, должны были представлять, на открывающіяся въ полкахъ вакансіи аудиторовъ изъ вахмистровъ, фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и писарей», по выслугѣ въ унтеръ-офицерскомъ званіи 8, а въ писаряхъ 12 лѣтъ *).

Великимъ зломъ была и крайняя устарѣлость законовъ о наказаніяхъ воинскихъ чиновъ **).

Небрежное отношеніе офицеровъ къ военно-суднымъ дѣламъ отчасти объясняется ихъ невѣжествомъ. По словамъ Раевского, «участъ солдатъ всегда почти ввѣряется жалкимъ офицерамъ, изъ которыхъ большая часть едва читать умѣетъ, съ испорченною нравственностью, безъ правилъ и ума». Якубовичъ также говоритъ, что «офицеры большею частью безъ образованія», при ничтожномъ жалованьи угнетены бѣдностью, которая составляетъ «лучшій проводникъ къ порокамъ»; они «развращаются, уничтожаютъ въ себѣ природныя способности и дѣлаются тиранами солдатъ». «Офицеры пустѣютъ и ниязятъ день ото дня», писалъ А. Бестужевъ въ

*) П. С. З. т. XXXIV, № 26.167.

**) Военскій артикулъ Петра В. (1716 г.) былъ безъ особенно значительныхъ измѣненій дѣйствующимъ закономъ относительно мирнаго времени до изданія военно-уголовнаго устава 1839 г., а для военнаго времени до полевого уложенія 1812 г. «Столѣтіе военнаго министерства. Главное военно-судное управленіе. Истор. очеркъ, составл. А. Шендзиовскимъ». Сиб., 1902 г., стр. 45.

1824 г. Я. Н. Толстому. Одичанію офицеровъ должно было содѣйствовать и грубое обращеніе съ ними полковыхъ командировъ.

Тяжесть военной службы для солдатъ чрезвычайно увеличилась тѣмъ, что ихъ совершенно незаконно, вопреки именному указу государя *), вставляли исполнять постороннія работы, — косить сѣно, производить постройки и проч. По словамъ В. Раскского, «часть людей на капитанской работѣ, другая работаетъ полковому и батальонному командирамъ, а самая меньшая исполняетъ обязанности службы, которая для малаго числа становится стѣнотворительною и изнуряетъ ихъ и служить второй пружиной безпорядковъ и тайнаго ропота солдатъ. Мастеровые въ полкахъ суть какъ бы подданные полкового командира; они не только употреблены для собственной, до службы не касающейся, работы полковника, но часто отдаются помѣщикамъ и жидамъ по договору... У слабыхъ командировъ адъютанты, квартирмейстры или казначеи присваиваютъ себѣ совершенное право распоряжаться мастерскими, какъ своею собственностью» **).

При чрезмѣрной продолжительности службы, которая давала возможность солдату возвращаться на родину уже весьма немалымъ и при томъ измученнымъ всею тяжестью военной муштровки, сплошь и рядомъ совершенно потерявъ здоровье, большимъ облегченіемъ для солдата было введеніе отпусковъ. По заключеніи парижскаго мира и возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, разрѣшено было изъ каждаго баталіона увольнять въ отпускъ по сту человекъ. Но и отпуска солдатъ иногда умѣли обращать имъ во вредъ. Декабристъ А. В. Поджіо, въ одномъ изъ показаній на слѣдствіи, говоритъ: «Сколько армія многочисленностью своею обременяла Россію, усматривали изъ мѣръ правительства — распускать третью часть войска по отпускамъ... Я самъ былъ очевидцемъ того, что *насилъно солдатъ отправляли въ отпускъ* для составленія числа отпускаемыхъ, ибо часто сей солдатъ, не имѣя пристанища, начиналъ просить подаванія. Можно было встрѣтить солдатъ въ мушдрѣ и съ медалями на груди, просящихъ милостыню ***).

Всѣ указанныя отрицательныя черты военнаго строя естественные

*) П. С. З. т. XXXIV, № 26.732.

**) Жиркевичъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что одинъ командиръ роты, стоявшей постоемъ близъ г. Орла, отправлялъ солдатъ для работъ въ свое имѣніе въ Малороссіи верстъ за двѣсти. „Рус. Стар.“ 1875 г. т. XIII, стр. 577.

***) 2 апрѣля 1823 г. данъ былъ именной указъ „о увольненіи нижнихъ чиновъ въ отпускъ въ теченіе года на 5 мѣсяцевъ, по предположенію главнокомандующаго 1 арміею, не относя сего увольненія на гвардію и корпуса кавказскій и литовскій и поселенныхъ войскъ“ и „о распространеніи сихъ же отпусковъ въ корпусахъ оренбургскомъ и сибирскомъ на 6 мѣсяцевъ“. П. С. З. т. XXXVIII, № 29.398, п. 7 и 8. Увольняемыхъ въ отпускъ велѣно было снабжать солдатскою одеждою. П. С. З. т. XXXIX, № 30.049.

принимали сильное недовольство солдатъ, которые, по словамъ Раевского, видѣли въ начальникахъ тирановъ, боятся ихъ и ненавидятъ. Переводъ въ армію болѣе развитыхъ и болѣе сознательныхъ солдатъ Семеновскаго полка послѣ ихъ волненія въ 1820 г. могъ только содѣйствовать усиленію недовольства въ арміи, на что и указываетъ Вестужевъ-Рюминъ въ своихъ показаніяхъ. «Давно уже въ арміяхъ,—говоритъ Якубовичъ,—замѣчена нелюбовь солдатъ къ офицеру». По свидѣтельству Каховскаго, членамъ тайнаго общества было извѣстно недовольство солдатъ, которые говорили, что измученные «вытяжкою и ученіями, выходятъ изъ терпѣнія». По словамъ Каховскаго въ письмѣ къ Николаю I, занятіе нашихъ государей фронтowymi ученіями «въ глазахъ всего народа уже сдѣлалось ненавистнымъ. Войска чрезмѣрно тяготеютъ имъ и ужасно ропщутъ. При ученіи солдатъ иногда вырываются такія изреченія, которыя, распространяясь по государству, вооружаютъ сердца и унижаютъ ропотъ». А. Вестужевъ въ письмѣ къ имп. Николаю говоритъ, что «солдаты роптали на истому ученіями, чисткою, караулами, офицеры на скудость жалованія и непомѣрную строгость, матросы на черную работу, удвоенную злоупотребленіями». Въ армейскихъ офицерахъ большое неудовольствіе вызывали тѣ преимуществъ по службѣ, которыми пользовались гвардейцы. Каразинъ въ бесѣдѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубеемъ, въ 1820 г., обращалъ его вниманіе на то, что солдаты, возвратившіеся изъ-за границы, а особенно служившіе въ корпусѣ, находившемся во Франціи, прониклись мыслями совершенно новыми и распространяютъ ихъ при проходѣ войска, а также и на мѣстахъ, гдѣ имъ приходится квартировать. «Люди начали больше разсуждать. Судятъ, что трудно служить, что большія взысканія, что они мало получаютъ жалованія, что наказываютъ ихъ строго».

С. И. Муравьевъ-Апостолъ въ письмѣ къ имп. Николаю указывалъ на то, что, кромѣ плохого продовольствія солдатъ, другою главною причиною недовольства въ войскахъ и склонности къ волненіямъ являются «штрафованные, которые служатъ безъ всякой надежды» на измѣненіе своего положенія: «имъ нечего терять», и потому они «склонны къ переменѣмъ». М. И. Муравьевъ-Апостолъ въ одномъ изъ своихъ показаній выразилъ мнѣніе, что армія готова волноваться, потому что «вообще настоящая дисциплина потеряна, дисциплина, основанная на душевномъ уваженіи къ начальникамъ», и такъ же, какъ и его братъ, указалъ на большое число разжалованныхъ офицеровъ и штрафованныхъ солдатъ, которые уже не могутъ надѣяться когда-нибудь получить отставку.

В. Раевскій совершенно правильно заявилъ во время слѣдствія надъ нимъ, что несчастный солдатъ, не находя нигдѣ защиты, не смѣя даже жаловаться на инспекторскихъ смотрахъ, рѣшается на побѣгъ. Какъ часты были эти побѣги, видно изъ слѣдующихъ фактовъ, приводимыхъ Раевскимъ въ его «Оправданіи». Въ Екатерин-

бургскомъ полку бѣжало въ одинъ мѣс. 140 чел., въ 31-мъ егерскомъ—33 въ одинъ день, «и причинъ не раскрыто. Ихъ разстрѣливали, но побѣги не уменьшались, только сдѣлались искуснѣе. Мѣсяца 3—4 назадъ въ 4-мъ Егерскомъ полку, кажется, изъ одной роты бѣжало въ одинъ мѣс. 45 чел.» Раевскій указываетъ на то, что на правомъ берегу Дуная есть нѣсколько селеній, ежедневно увеличивающихся вслѣдствіе побѣговъ нашихъ солдатъ. М. Ѳ. Орловъ также свидѣтельствуетъ, что начальство съ цѣлью прекратить побѣги ввело смертную казнь въ мирное время *).

Протестуя бѣгствомъ изъ полковъ противъ своего печальнаго положенія, солдаты рѣдко рѣшались на прямое сопротивленіе тѣмъ насиліямъ, которымъ они подвергались. Вотъ, напримѣръ, что рассказываетъ Киселевъ въ письмѣ къ Закревскому (24 января 1822 г.): «при смѣнѣ полковниковъ начались расчеты, и тутъ оказались злоупотребленія. Полковые, какъ и ротные командиры, повидимому, желали» покрыть растроченныя деньги изъ собственности солдатъ. «Всѣ, вѣроятно, успѣли, но одинъ Камчатскаго полка капитанъ вздумалъ, вмѣсто изворотливости, употребить палки» и вооружилъ противъ себя роту. «Отказалъ деньги, отказалъ провіантъ, и, наконецъ, когда глупый и корыстолюбивый начальникъ вздумалъ за то наказывать каптенармуса, то рота просила помилованія, а трое солдатъ, не видя успѣха въ просьбахъ, отняли палки у унтеръ-офицеровъ, вѣроятно, на то согласныхъ, и доказали, что командиръ, потерявшій нравственную силу, противъ подчиненныхъ вовсе остается безсиленъ» **). Это событіе послужило поводомъ для обвиненія Орлова въ томъ, что онъ ослабилъ дисциплину, и въ апрѣлѣ 1823 г. онъ былъ лишенъ командованія дивизіею. В. Раевскій, въ одномъ письмѣ писалъ по этому поводу: Сабанѣевъ «пріѣхалъ сюда и вдругъ всѣ утвержденія Орлова насчетъ побоевъ солдатъ и Охотскаго полка перевернулъ вверхъ дномъ!.. Не знаю..., какимъ образомъ всѣ дѣла Орлова представлены ему были совершенно въ противномъ видѣ: онъ даже сначала началъ дѣйствовать какъ противъ возмутителей, онъ подозрѣвалъ Орлова какъ будто въ революціонныхъ замыслахъ, велѣлъ въ нѣкоторыхъ полкахъ всѣ его приказы сжечь, уничтожить и возобновить жестокость и побой».

Во время лагеря при Лещинѣ (15 верстъ отъ Житомира) въ 1825 г. взбунтовалась одна рота Саратовскаго полка. По желанію С. И. Муравьева-Апостола, ее успокоили, но члены южнаго тайнаго общества рассчитывали на нее. Былъ еще бунтъ въ одномъ эскадронѣ кирасирскаго полка, стоявшемъ въ Орлѣ; Пестель поручилъ А. В. Поджіо разузнать о немъ. По словамъ В. Раевского, «ни одинъ безпорядокъ въ арміи не возникъ собственно отъ солдатъ»;

*) Многіе солдаты въ пограничныхъ мѣстахъ бѣжали и въ Австрію и поступали въ тамошнія войска.

**) Нѣсколько иначе рассказываетъ объ этомъ дѣлѣ Липранди. „Рус Арх.“ 1866 г. стр. 1438—1441.

новомомъ къ нимъ были жестокость, корыстолюбіе и неразуміе начальниковъ*).

Бывали случаи, что и офицеры рѣшались на открытый протестъ. Въ 1815 г. семь артиллерійскихъ офицеровъ за дерзость ненавидимому офицерами и солдатами полковнику Таубе были переведены изъ Петербурга въ армію. Декабристъ Басаргинъ рассказываетъ о слѣдующемъ происшествіи въ 1823 г. въ Одесскомъ пѣх. полку. Командиромъ его былъ назначенъ подполковникъ Ярошевицкій, человекъ грубый, необразованный и злой. Его дерзкое, неприличное обращеніе съ офицерами было причиною, что его ненавидѣли въ полку всѣ, начиная отъ штабъ-офицеровъ и до послѣдняго солдата. Наконецъ, выйдя изъ терпѣнія и не будучи въ состояніи сносить его дерзостей, рѣшились отъ него избавиться. Офицеры бросили жребій, который палъ на одного штабъ-капитана. На другой день, на дивизіонномъ смотрѣ, онъ избилъ Ярошевицкаго и за это былъ разжалованъ и сосланъ на каторжную работу въ Сибирь.

Одною изъ очень тяжелыхъ сторонъ жизни солдата было то, что дѣти ихъ, родившіяся во время службы отцовъ, отбирались отъ родителей и помѣщались въ военно-сиротскія отдѣленія (школы такъ называемыхъ кантонистовъ) и затѣмъ должны были поступать въ военную службу**). На этомъ варварскомъ законѣ подробно остановился Пестель въ своей «Русской Правдѣ». Упомянувъ о томъ, что дѣти солдатъ насильно отбирались отъ родителей по достиженіи 7-ми-лѣтняго возраста и помѣщались въ военно-сиротское отдѣленіе ***), Пестель продолжаетъ: «Сіе право разлучать дѣтей отъ родителей, навѣки ихъ другъ отъ друга отдѣлять и всѣхъ дѣтей сихъ въ войска помѣщать на 25-лѣтнее служеніе, начиная сей счетъ съ 18-го года рожденія каждаго ****), основывало...

*) О волненіи въ гвардейскомъ Семеновскомъ полку въ 1820 г. см. мою статью въ журналѣ „Былое“ 1907 г. №№ 1—3.

**) Тургеневъ указываетъ на то, что даже незаконныя дѣти солдатокъ, конечно, мальчики, отбирались для опредѣленія въ кантонисты. Это правило распространялось по закону 1808 г. и на дѣтей солдатскихъ вдовъ и „дѣвокъ“ и дочерей этихъ „дѣвокъ“ до вступленія ихъ въ законный бракъ. (П. с. з. т. XXX, № 23.237.), а по закону 1816 г. на дѣтей солдатскихъ, женъ и дочерей (XXXIII, № 26.376).

***) По первоначальному положенію 1798 г. о военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ, дѣти всѣхъ солдатъ, рожденные въ службѣ, подлежали приему съ 7-ми лѣтняго возраста, но родственникамъ разрѣшалось брать ихъ на собственное воспитаніе до 18-ти-лѣтняго возраста, съ обязательствомъ обучать ихъ тому же, чему они учатся и въ военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ. Въ 1808 г. разрѣшено было родителямъ или родственникамъ оставлять у себя дѣтей только до 12-ти лѣтъ. Въ 1816 г. велѣно было оставлять дѣтей дома только до 7 лѣтъ, а затѣмъ опредѣлять ихъ въ военно-сиротскія отдѣленія. Вскорѣ послѣ того, какъ эти заведенія были подчинены гр. Аракчееву въ 1824 г., онъ предписалъ требовать кантонистовъ въ отдѣленія „не прежде 10-ти лѣтняго возраста“. П. с. з. т. XXV, № 18.798, XXX, № 23.237, XXXIII, № 26.376, XXXIX, № 29.872.

****) Въ 1801 г. службу солдатскихъ дѣтей велѣно было считать съ 18-ти-лѣтняго возраста. П. с. з. т. XXVI, № 20.003.

правительство на томъ, что оно выдаетъ родителямъ на каждое кантониста половинный пайекъ *), пока онъ при родителяхъ находится, полагая, что симъ количествомъ муки оно у отца и матери откупаетъ всякое право на сына и на сего послѣдняго неизбежную налагаетъ кабалу. Таковое распоряженіе доказываетъ ясно, что прежнее правительство смотрѣло на россіянъ, какъ на собственность свою, считало только ихъ количество и взирало только на пользу, которую отъ ихъ силъ и трудовъ для себя извлечь могло. Въ сихъ соображеніяхъ болѣе всего содѣйствовало дворянство, радующееся, что дѣти солдатъ поступаютъ въ войско, дабы тѣмъ въ наборахъ рѣже или менѣе было надобности, и черезъ то бы оно болѣе сохраняло крѣпостныхъ людей въ своей власти для своихъ работъ и своего употребленія. Все сіе доказываетъ, что россіяне были донинѣ несчастными жертвами зловластия прежняго правительства и безжалостной, безразсудной, безсовѣстной корысти дворянскаго сословія **). Въ 1822 г. военныхъ кантонистовъ было въ военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ—65.143 ч. и въ войскахъ—22.388, итого 87.531 чел. Послѣ передачи военныхъ кантонистовъ въ вѣдѣніе гр. Араччеева, число ихъ быстро возрастаетъ, такъ какъ кантонистами стали считаться и дѣти мужского пола коренныхъ жителей округовъ военныхъ поселеній. Въ 1825 г. военныхъ кантонистовъ считалось уже всего 154.062 чел. ***).

В. Семеvскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Солдатскія дѣти довольствовались половиннымъ пайкомъ до 6-ти лѣтняго возраста (включительно), П. с. з. т. XXX, № 23.499), а затѣмъ съ 7 до 10 лѣтъ полнымъ пайкомъ. П. с. з. XXXIX, № 29.872.

**) Въ сочиненіи, найденномъ въ бумагахъ декабриста Трубецкаго, и написанномъ въ 1855 г. подъ заглавіемъ „Мысли объ истекшемъ тридцатилѣтіи Россіи“, указано на то, что батальоны военныхъ кантонистовъ приносятъ большой вредъ государству. Они, во-первыхъ, содѣйствуютъ уменьшенію народонаселенія. „Оторванные отъ своихъ матерей, отъ мѣстъ жительства и отъ производительнаго труда, эти преждевременные сироты умираютъ въ огромномъ количествѣ по недостатку надлежащаго надзора. Сверхъ того кантонистъ, рабъ казны, работаетъ на нее безвозмездно или только съ малымъ возмездіемъ и тѣмъ ставится во вредное соперничество съ истинно производительнымъ и промышленнымъ классомъ народа, закрывая для него множество мелкихъ должностей, работъ и службъ: двойкій ущербъ народному богатству“. „Записки кн. С. П. Трубецкаго. Изданіе его дочерей“. С. Петерб., 1907 г. стр. 168—169. Объ ужасной жизни кантонистовъ см. въ воспоминаніяхъ Кретцмера въ „Истор. Вѣстн.“ 1888 г. №№ 3—5 и въ запискахъ генерала Маевскаго „Рус. Стар.“ 1873 г. № 10, стр. 441. По словамъ неизвѣстнаго автора стихотворенія „Гласъ вопіющаго въ военныхъ поселеніяхъ“, „мрутъ, какъ мухи, кантонисты, воздухъ, вишь, такой!“ „Рус. Стар.“ 1872 г. т. VI, 592. Въ 1824 г. въ пермскомъ военно-сиротскомъ отдѣленіи кантонисты особенно страдали отъ воспаления глазъ и чесотки, въ симбирскомъ также отъ чесотки; въ кievскомъ же, вслѣдствіе сырости помѣщенія, было въ госпиталѣ 435 воспитанниковъ. „Стоятіе военнаго министерства. Главный штабъ. Щепетильниковъ. Комплектованіе войскъ въ царствованіе императора Александра I-го“, Прилож. стр. 68—69.

***). Иб. стр. 206, 207.

Господинъ и госпожа Молохъ.

Романъ *Марселя Преве*.

Переводъ съ французскаго С. Б.

IV.

Вилла Эльза, 19 сентября.

Дорогая принцесса, пишу вамъ съ той самой террасы, гдѣ вчера вы удостоили меня прощанія, столь нѣжнаго, что до сихъ поръ меня волнуетъ воспоминаніе о немъ. Чтобы написать вамъ, я всталъ до разсвѣта: все спитъ на виллахъ, все кажется спящимъ во дворцѣ. Голубой туманъ медленно подымается изъ лощины, гдѣ журчитъ Рота... Пишу такъ рано, потому что хочу, чтобы письмо мое успѣло придти къ вамъ раньше, чѣмъ вы начнете ждать меня самого.

Дорогой другъ, за минуту до вашего послѣдняго незабвеннаго поцѣлуя, между прочими словами любви вы мнѣ сказали: „понимаете ли вы, что я не могу перестать быть нѣмкой и не могу перестать быть принцессой“. Я увѣрялъ, что дѣйствительно понимаю, и я не лгалъ. Ваши слова—олицетвореніе правды и мудрости. Но, только не размышленіи, я понялъ все ихъ значеніе, они, такъ сказать, вошли въ меня, слились съ моей собственной мыслью... Я совсѣмъ не спалъ эту ночь, принцесса: сестра была въ жару, и я просидѣлъ надъ ней, пока она, наконецъ, уснула. Моя бессонница цѣликомъ ушла на обдумываніе вашихъ словъ. Сначала я познакомлю васъ съ своими мыслями, а потомъ и съ рѣшеніемъ, какое онѣ мнѣ внушили.

Вы не можете перестать быть принцессой... Мнѣ немного стыдно, что для меня понадобилось прожить цѣлый годъ при нѣмецкомъ дворѣ и испытать вашу дружбу, чтобы понять это... Да, одиннадцать мѣсяцевъ тому назадъ, когда я крѣпчалъ въ замокъ Ротбергъ, я былъ другого мнѣнія. Правда, то было мнѣніе молодого парижанина изъ богатой

и свѣтской буржуазіи. Въ Парижѣ я бывалъ у свѣтскихъ женщинъ, имѣвшихъ короны на своей почтовой бумагѣ и на дверцахъ каретъ; но, какъ и всѣмъ парижанамъ, мнѣ было извѣстно, что во Франціи это не имѣетъ ни значенія, ни вѣса. Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ дворянство уничтожено закономъ, мы даемъ титулъ графа, маркиза, даже герцога и принца всякому, кто только выражаетъ желаніе имѣть его. Пусть какая-нибудь госпожа Бенуа отпечатаетъ баронскую корону на своихъ письмахъ и назовется баронессой де-Бенуа, насъ это будетъ такъ же шокировать, какъ если бы какой-нибудь Дюранъ или Дюпюи подписался подъ сочиненіемъ: Оливье де-Монтиньи, или Карлъ де-ла-Жерардьеръ. Это больше не дворяне, это—псевдонимы... Вы понимаете, что тѣ, кто, подобно моему отцу и мнѣ, изъ лѣнности продолжаютъ просто называться Дюберъ, не приходятъ въ восторгъ и не испытываютъ уваженія ко всей этой безчисленной толпѣ раззоренныхъ дворянъ и прикрывающихся титуломъ лавочниковъ, пытающихся приумножить французскую аристократію.

Съ такими понятіями явился я годъ тому назадъ въ Ротбергъ, и только при отъѣздѣ изъ него понялъ, какъ глубоко заблуждался насчетъ значенія слова: принцесса и даже слова: аристократія. Медленно, постепенно я усвоилъ представленіе, что эти слова могутъ быть болѣе, чѣмъ словами, могутъ быть реальными понятіями. Ротбергъ—маленькое государство, самое маленькое въ Германіи, послѣ Лихтенштейна; тѣмъ не менѣе вашъ супругъ—законный хранитель власти, перешедшей къ нему отъ длиннаго ряда предковъ: люди признаютъ за нимъ права, признававшіяся ихъ предками за его предками. Онъ—историческое звено своей страны: онъ не фантазеръ, украшающій самъ себя прозвищемъ. И вы, принцесса, очаровательное и блестящее звено исторіи Эрленбурга: ваше имя также напоминаетъ объ извѣстномъ количествѣ фактовъ въ прошломъ, объ извѣстной суммѣ привилегій въ настоящемъ. Это создаетъ существенную разницу между вами и такимъ буржуа, какъ я, въ своей странѣ принадлежащимъ къ безымянной исторіи и пользующимся правами, одинаковыми съ другими. И какъ не отъ меня зависить сдѣлаться настоящимъ дворяниномъ изъ простаго Дюбера, такъ не зависить и отъ васъ превратить представительницу рода Эрленбургъ въ простую обывательницу. Она навсегда останется переодѣтой принцессой... Хорошо ли я продумалъ? Вѣрно ли понялъ? Несомнѣнно, да!.. Сейчасъ увидите, что я не менѣе логично рассуждаю и по поводу второй части вашей фразы.

Вы не можете перестать быть нѣмкой. Сегодня это ка-

жется мнѣ яснымъ, какъ солнце, отчетливо освѣтившее въ эту минуту кружевныя вѣтви сосенъ на блѣдно-голубыхъ предразсвѣтныхъ небесахъ. А между тѣмъ, дорогая принцесса, вы не можете представить себѣ (я никогда не говорилъ вамъ объ этомъ), до какой степени, покидая Францію ради Германіи, я былъ международнымъ человекомъ. Интернаціонализмъ—старинная болѣзнь Франціи. Мы видимъ, что иностранцамъ весело у насъ, и мы сейчасъ же заключаемъ, что они насъ любятъ: мы называемъ ихъ своими братьями, готовы заключить ихъ въ широкія объятія, презиращія всякія границы. Такимъ образомъ, мы страстно любимъ одинъ за другимъ большинство иноземныхъ народовъ. Теперь, напримѣръ, мы любимъ англичанъ. Въ то время, когда я пріѣхалъ въ Ротбергъ, мы не питали ненависти къ нѣмцамъ. Молодые люди моего поколѣнія, въ особенности не видѣвшіе войны, слабо чувствуютъ раны стараго разгрома... Музыка Вагнера завоевала много сердецъ съ помощью слуха. Философы, вродѣ Шопенгауэра и Ничше, покорили наши умы. А къ тому же, откровенно говоря, мы думали, что и вы насъ любите...

Ахъ, дорогая принцесса, эта иллюзія длилась для меня недолго... только до переѣзда границы. Случайный разговоръ съ кѣмъ-нибудь изъ вашихъ согражданъ, самое поверхностное чтеніе вашихъ газетъ, одинъ только видъ вашихъ городовъ и вашихъ празднествъ очень быстро отрезвили меня. Я возвращаюсь во Францію,—ибо убѣждаю отсюда, ошеломленный своимъ открытіемъ: *Германія насъ ненавидитъ*. Правда, не вся Германія. Среди идейныхъ людей Германіи существуетъ партія, симпатизирующая идейной Франціи: нѣсколько ученыхъ, литераторовъ, артистовъ... увы! все менѣе и менѣе многочисленныхъ и, рѣшаюсь прямо сказать, все менѣе и менѣе смѣлыхъ. Очень многіе повинуются приказу съ сѣвера: они питаютъ къ Франціи странное чувство, полное противорѣчій: зависть къ нашей элегантности и презрѣніе къ слабости; сожалѣніе о томъ, что не уничтожили побѣжденнаго, и постоянный страхъ возможнаго реванша.. Недѣлю спустя, по моемъ пріѣздѣ въ Ротбергъ, дорогая принцесса, я убѣдился въ этомъ.

Вы протестуете?.. Вы говорите, что это неправда, что во всякомъ случаѣ лично вы, принцесса Эльза, не испытываете ничего подобнаго? Вы правы. Съ одной стороны, вы слишкомъ чувствительны, чтобы не напоминать собою „старую Германію“; съ другой—въ своей настоящей обстановкѣ вы мало страдали отъ такъ называемой „молодой Германіи“. Тѣмъ не менѣе, не думайте, что вы свободны отъ манеры видѣть и судить, наиболѣе оскорбительной для француза!

Франція для васъ всегда представляется страной чувственнаго легкомыслія. Мы не способны разсуждать, только поемъ. При нашемъ полномъ упадкѣ, мы годимся быть развѣ довольно забавными скоморохами... Загляните хорошенько въ свою душу, дорогая Эльза, и вы найдете тамъ именно эти мысли и чувства... Какъ хотите, это оскорбительно, это несправедливо... Мы, въ свою очередь, считаемъ себя во многихъ отношеніяхъ выше Германіи, въ особенности молодой Германіи, съ ея шовинизмомъ, ханжествомъ и утилитаризмомъ... Мы любили тысячу вещей въ старой Германіи, Германіи Дуная и Рейна... И вдругъ вся Германія, даже Германія Дуная и Рейна, стала выпячивать грудь, маршировать непрусски и говорить: „Мы—народъ-повелитель“... Французы протестуютъ, или, по меньшей мѣрѣ, предпочитаютъ какъ можно меньше сталкиваться съ сосѣдями, такъ чрезмерно довольными самими собой. Національное „я“ наиболѣе откратительное изъ всѣхъ „я“.

Мнѣ ясно слышится ваше возраженіе.—Что за дѣло до всего этого двумъ существамъ, любящимъ другъ друга? Есть ли время и нужно ли имъ заводить политическіе или соціологическіе споры?.. До нѣкоторой степени это возраженіе кажется основательнымъ. Дѣйствительно, въ то утро, когда Мишлэ такъ усердно проповѣдывалъ передъ нами свои теоріи о чувствительности женщинъ сѣвера, или когда въ домикѣ Гомбо мы переживали минуты чуднаго единенія,—мы оба могли забыть и свое происхожденіе, и свою родину... Но, дорогая Эльза, развѣ именно мы не испытывали, что, какъ только эти минуты пролетали, мы снова оказывались во власти нашего рода и нашего отечества; они снова мощно охватывали насъ? Наше реальное неизгладимое различіе воскресало. Наши души становились вдвое чуждыми другъ другу: по происхожденію и по положенію... Различіе, безъ сомнѣнія привлекавшее ихъ вначалѣ другъ къ другу, придавало наибольшую остроту минутамъ единенія и забвенія; но оно же, сознайтесь, моя дорогая повелительница, омрачало горестью и духомъ противорѣчія промежуточные часы.

Слава Богу, дорогая принцесса, съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ сдѣлали честь своимъ позволеніемъ любить васъ, наши „промежуточные часы“ были крайне немногочисленны: лично я въ вашемъ присутствіи привыкъ терять голову... Но минуты хладнокровія сдѣлаются чаще, если я подчинюсь вашему нѣжному приказанію, если соглашусь принять предлагаемую вами жертву, присоединюсь къ проектируемой вами новой жизни: онѣ сдѣлаются чаще въ силу необходимости жить общей жизнью. Развѣ вы можете забыть, что были царствующей принцессой, имѣли супруга и сына и

теперь этого лишены?.. Развѣ вы сумѣете пренебречь мнѣніемъ свѣта о странствующихъ принцессахъ, многочисленныхъ въ наши дни, среди нѣмокъ въ особенности?.. Все это, какъ и происхождение, и раса—непреложные факторы; не отъ насъ зависитъ, чтобы ихъ не было, чтобы они не играли значительной роли въ нашей жизни... И я самъ, конечно, вѣдь минутъ исключительнаго увлеченія, буду терзаться, что обвѣстилъ себя во мнѣніи общества, согласившись быть... будемъ говорить такъ, какъ скажетъ свѣтъ... на содержаніи у принцессы... Я отлично знаю, что вопросъ о большей или меньшей славѣ имени Дюберъ для васъ лишенъ значенія и интереса. Вы думаете даже, что для простаго Дюбера честь быть любимымъ принцессой до такой степени велика, что его можно даже нанять для этого: еще лишнее доказательство, до какой степени непримиримы понятія о чести у француза-буржуа и принцессы-нѣмки. Если бы, напримеръ, у m-elle фонъ-Больбергъ былъ братъ и этотъ братъ сталъ избранникомъ сердца какой-нибудь высочайшей особы, почтенная правнучка Оттомара великаго сочла бы за честь вплести свое собственное существованіе въ эту поддѣльную семью... Но во Франціи, вѣрьте мнѣ, среди друзей нашей семьи будущность моей дорогой маленькой сестры Грити была бы страшно скомпрометтирована, если бы было доказано, что братъ ея, разоренный годъ тому назадъ, выбралъ, какъ профессію, управленіе чувствами богатой нѣмецкой принцессы.

Все, что я такъ торопливо пишу вамъ, мой великій другъ, желая этимъ воздвигнуть неодолимую преграду между нами,—все это вы не можете считать безразсуднымъ. Могу увѣрить васъ, что разумъ мой диктуетъ мнѣ не безъ протестовъ моего сердца... О! какъ хорошо было бы сегодня вечеромъ присоединиться къ вамъ въ Карлсбадѣ, гдѣ ваша стыдливость была бы ослаблена, и гдѣ то, чего не доставало въ нашей любви, свершилось бы, наконецъ!.. При одномъ представленіи объ этомъ, я весь дрожу и меня тянетъ къ вамъ неудержимо... Въ лучезарный медовый мѣсяцъ въ маленькомъ замкѣ въ Галиціи, въ объятіяхъ другъ съ другомъ, невѣдомые міру, мы воображали бы, что онъ забудетъ насъ...

Но, по совѣсти, этого не можетъ быть. Все это быстро приведетъ насъ къ размолвкѣ, недовольству, къ разрыву. Мнѣ кажется, недостойно насъ обоихъ допустить на одно мгновеніе такой союзъ, когда послѣ него мы неминуемо разойдемся... Мы несемъ другъ другу всю жизнь, а ее-то и не сможемъ дать другъ другу. Разрыву я предпочитаю разлуку, и я расстаюсь съ вами, мой другъ... Сейчасъ я иду къ принцу Отто, съ просьбой вернуть мнѣ свободу, и сегодня

вечеромъ уѣзжаю вмѣстѣ съ Гритой въ Парижъ... Я понимаю Ротбергъ, чтобы не возвращаться болѣе, потому что не увѣренъ, хватитъ ли у меня въ другой разъ силъ рѣшиться на то, на что я рѣшился сегодня. Мнѣ уже трудно закончить письмо. Я началъ его довольно неосновательнымъ возмущеніемъ и злой ироніей: я немного былъ сердитъ на васъ за нѣкоторыя фразы, сказанныя мнѣ вчера. Теперь, кончая свое посланіе, я не чувствую больше противъ васъ ни расовой злобы, ни классового возмущенія... Я лишь бѣдный малый, со слезами на глазахъ думающій о томъ, что я теряю самага дорогого друга. О, кроткая Эльза! Я представляю себѣ ваши чудные волосы, нѣжныя очи, сладкія уста!.. Неужели я не буду больше ощущать ни медоваго аромата вашихъ волосъ, ни голубого сіянія глазъ, ни сладости вишневыхъ губъ? Вспомните скамью въ гротѣ Маріи-Влены... Вспомните страницы Мишлэ... и прелюдію *Парсифаля*, когда я слушалъ ее у вашихъ ногъ и когда она, казалось, выливалась изъ вашей души! Вспомните фазаній паркъ, комнаты Гомбо, кулисы маленькаго театра и террасу моей комнаты—вчера! Въ эту минуту я охваченъ этими воспоминаніями... Дорогая, безцѣнная Эльза! Вы были первою страстью моего сердца, вы сняли въ немъ жатву, и я убѣжденъ, что послѣ нея уже ничего не вырастетъ въ этомъ сердцѣ... Я плачу, какъ ребенокъ, хотя и чувствую, что унижаюсь... Сейчасъ я охватилъ свою голову руками и зарыдалъ... Прощайте, прощайте, моя повелительница, мое сокровище!.. Еще разъ прошу вашего прощенія и вашей любви горячимъ поцѣлуемъ, въ которомъ забываешь, что есть Германія и Франція, богатая принцессы и бѣдные учителя, поцѣлуемъ глубокой и пламенной страсти въ ваши уста..."

Не перечитывая, я вложилъ письмо въ конвертъ и написалъ условленный адресъ: Баронессѣ Гриппштейнъ. 4, Грабенштрассе, Карлсбадъ. Я набросилъ пальто на свой утренній костюмъ и самъ пошелъ опустить письмо въ ящикъ. Большинство жителей курорта еще спало, навстрѣчу мнѣ попало лишь нѣсколько растрепанныхъ, сонныхъ кухарокъ, направлявшихся въ деревню за провизіей. Но, подойдя къ виллѣ, я увидѣлъ г. Грауса, уже выбритаго и одѣтаго въ элегантнѣйшій зеленоватаго цвѣта костюмъ, видимо, сшитый берлинскимъ портнымъ. Онъ былъ чѣмъ-то доволенъ и заговорилъ со мной.

— Такъ рано, а вы уже вышли, г. докторъ? Если взглянуть на вступающій гарнизонъ, то вы поторопились. Онъ явится только послѣ завтрака.

— Какой гарнизонъ?

— Прусскій гарнизонъ, что займетъ Литцендорфъ и Ротбергъ... Да, теперь въ нашемъ государствѣ появятся мундиры, и это радуется сердца истинныхъ патриотовъ.

Я не отвѣтилъ ему и продолжалъ свой путь. Что мнѣ за дѣло до всей этой исторіи съ гарнизономъ, прожужжавшей мнѣ уши въ теченіе двухъ недѣль? Погруженный въ свои личныя заботы, я чувствовалъ боль въ сердцѣ и путоту въ головѣ.

„Какая жалкая тряпка!.. Ко всей этой любовной исторіи я относился иронически, а теперь, когда все кончено безъ возврата, мнѣ кажется, что я потерялъ всякій смыслъ жизни... Зачѣмъ я написалъ письмо? И зачѣмъ написалъ именно такъ, что нѣкоторыя слова и фразы огорчаютъ Эльзу. Она вѣдь искренна. Я раскаиваюсь и сознаю, что послѣ допущенныхъ мною непріятныхъ выраженій я сильнѣе люблю Эльзу“.

И доказательствомъ того, что Эльза стала мнѣ дороже, послужило то, что я былъ недоволенъ Гритой. Я одѣвался и услышалъ, что сестренка соскочила съ кровати, чтобы раскрыть окно, и снова улеглась. Обыкновенно, я спѣшилъ поцѣловать ее. На этотъ разъ я остался въ своей комнатѣ, погруженный въ свои думы. Она первая постучалась ко мнѣ. Когда она повисла на моей шеѣ, вглядываясь въ меня нѣсколько смущеннымъ и тревожнымъ взглядомъ, я не могъ противиться ей.

— Хочешь,—спросила она робко,—я уложу твой чемоданъ, пока ты будешь на урокѣ у принца Макса?.. Увидишь... Я сдѣлаю все очень хорошо.

Я согласился, и мы успѣли завтракать, дружно прижавшись другъ къ другу, какъ два изгнанника.

Грызая свой послѣдній сухарь, Грита задумчиво говорила:

— Не странно ли? Въ первый вечеръ, когда я пріѣхала сюда шесть недѣль тому назадъ, я прямо была въ восторгѣ отъ путешествія, отъ новой обстановки, вдали отъ всего, и мнѣ хотѣлось пробыть такъ цѣлый годъ за границей, съ тобой. А сегодня я хочу скорѣй во Францію! Мнѣ кажется, что Франція такъ далеко, такъ далеко, что мы никогда до нея не дойдемъ.

Я промолчалъ. Но я также чувствовалъ властный призывъ родной земли, становящійся въ одинъ прекрасный день непреодолимымъ въ чужой странѣ. Съ той минуты, какъ я принялъ окончательное рѣшеніе, и я ждалъ возвращенія во Францію съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ.

Съ террасы, гдѣ мы завтракали, взоръ мой блуждалъ по

долинъ Роты, по замку. Почему-то въ этотъ разъ я не видѣлъ ни рѣки, ни дворца. Какое-то волшебное зеркало отражало передо мною виды далекой Франціи, ея холмы и поля, ея виноградники и фруктовые сады, деревни съ аспидными крышами колоколенъ, мягкія небеса съ легкимъ движеніемъ свѣжаго воздуха подъ ними, трезвыхъ и веселыхъ жителей, не обременяющихъ себя тяжелой пищей и съ утонченной ароматами винъ душой... Дороги Франціи, такія бѣлыя среди двойного кортежа тополей!.. Вотъ идетъ дѣвушка, кокетливая и смѣющаяся; юноша, попадающійся ей навстрѣчу, бросаетъ ей нѣсколько любезностей, стараясь, прежде всего, придать имъ пикантность... Солдатикъ въ воскресномъ отпуску, въ своей синей шинели, веселый и смѣшной въ одно то же время, идетъ, обдирая кожу съ орѣховою вѣтки, чтобы сдѣлать себѣ тросточку. Изъ того, что онъ въ мирное время не подтягиваетъ своего живота и идетъ, сгибая колѣни, еще не слѣдуетъ, чтобы онъ не дрался молодцомъ на войнѣ. Вотъ маленькій провинціальный городокъ, чистенькій, тихій,—почти уснувшій, окруженный валомъ, съ старымъ мостомъ и гульбищемъ. Здѣсь инстинктивно руководствуются классической мудростью: не теряя счастливое время въ желаніяхъ, быть довольнымъ тѣмъ, что есть... А тамъ, вдали на горизонтѣ сверкаютъ башни и шпили большихъ соборовъ Реймса, Шартра, Парижской Богоматери, каменные эпопеи, гдѣ самъ готическій стиль подчинился закону порядка, вкуса и мѣры, царящему подъ этими привилегированными небесами.

„Дорогая, милая Франція“, думаль я.

Во мнѣ вспыхнуло непреодолимое желаніе увидѣть ее вновь, не нѣжное стремленіе сына къ матери, а бурное, страстное желаніе любовника, стремящагося соединиться съ необдуманно покинутой, обожаемой возлюбленной; ея красота, доброта и очарованіе лишь ярче выступили передъ его глазами въ разлукѣ. Дорогая Франція! Идеаль ея, несмотря на модныя вѣянія, не выражается еще въ томъ, чтобы обратиться въ фабрику или въ казарму! Франція Расина и Тэна, гдѣ поэты не величаютъ себя профессорами, гдѣ не бросаютъ яростныхъ взглядовъ по поводу греческаго текста или химической реакціи, гдѣ ученые считаютъ проявленіемъ особаго вкуса скрывать свои знанія. Страна, гдѣ сражаются храбро, но безъ изящества, считается ничѣмъ; страна гвардіи Фонтенуа, ворчуновъ-солдатъ и ветерановъ Африки, единственная страна, гдѣ ничто не имѣетъ значенія, если лишено красоты. О! я хочу тебя, хочу тебя! Я задыхаюсь вдали отъ тебя и отдохну только, когда опять начну дышать твоимъ воздухомъ, самымъ нѣжнымъ и са-

мымъ сладостнымъ въ мирѣ... Грита открыла мнѣ источникъ моихъ силъ, гдѣ я почерпнулъ мужество разбить сентиментальную связь, ибо она, разорвавшись, все равно разбила бы меня. Сильнѣе всѣхъ разсудочныхъ разсужденій оказался мой *Heimweh*, какъ говорятъ здѣсь нѣмцы, моя тоска по родинѣ, та странная магнетическая сила, что тянула меня во Францію.

Мнѣ самому показалось невыносимымъ дальнѣйшее пребываніе въ Германіи. Эльза, исчезнувъ, унесла съ собою прекрасную иллюзію счастья, скрашивавшую одно время мое пребываніе въ Тюрингіи. Я уже не любовался больше окружающимъ видомъ, хотя онъ былъ такъ же прекрасенъ, какъ и прежде, въ это чистое сентябрьское утро, когда я шелъ во дворецъ на обычный урокъ къ наслѣдному принцу. И, вопреки ожиданію, во время этого послѣдняго урока я не испытывалъ грусти: моя поспѣшность скорѣе кончить, уѣхать, добраться до родины унесла все. Я положительно истратилъ всѣ нѣжныя чувства сожалѣнія и скорби на письмо къ принцессѣ. Я испытывалъ только лихорадочную жажду уйти, убѣжать. Максъ зналъ, что въ этотъ день я уѣзжаю въ двухнедѣльный отпускъ. Я не сказалъ ему, что этотъ отпускъ безъ возврата: мысль о прощальномъ разговорѣ была для меня невыносима.

Выйдя изъ покоевъ моего ученика, я направился къ принцу Отто. Ему необходимо было сообщить мое рѣшеніе; онъ также предполагалъ, что я отправляюсь на двѣ недѣли въ отпускъ. Лакей, послѣ доклада обо мнѣ, вернулся и сказалъ, что принцъ занятъ съ графомъ Марбахомъ и просить меня подождать въ курительной. Когда, въ ожиданіи, я усѣлся въ красное кожаное кресло, вошелъ графъ Липавскій, съ портфелемъ подъ мышкой. Узнавъ меня, онъ протянулъ мнѣ руку.

— А! дорогой докторъ... Вы пришли къ принцу за отпускомъ?

— Вамъ сказали или вы сами догадались объ этомъ?—спросилъ я.

— Я это зналъ... Развѣ вы не ѣдете сегодня вечеромъ въ Карлсбадъ къ ея высочеству продолжать тамъ ваши чудные уроки?..—проговорилъ онъ, опуская на коверъ свой монашескій взоръ.

— Я уѣзжаю въ Парижъ вмѣстѣ съ сестрой,—отвѣтилъ я довольно рѣзко,—и не имѣю намѣренія возвращаться сюда.

Онъ поднялъ на меня свои маленькіе прищуренные глаза.

— А! ба!.. Вотъ любопытно! Въ Парижъ? И не думаете
Май. Отдѣлъ I.

вернуться? Никогда бы не повѣрилъ... Какая великая потеря для страны, и такъ уже много потерявшей!.. Прусскій гарнизонъ... прусскія марки... и отъѣздъ господина доктора Дюбера!.. Поистинѣ уже слишкомъ для одного дня: судьба черзачуръ жестока къ намъ...

Дребезжаніе звонка прервало несноснаго насмѣшника. Черезъ курильную комнату быстро пробѣжалъ къ принцу лакей и черезъ секунду вышелъ съ приглашеніемъ меня. На порогѣ кабинета я столкнулся съ графомъ Марбахомъ, и мы обмѣнялись поклонами, лишенными всякой сердечности.

Принцъ Отто стоялъ между своимъ кресломъ и письменнымъ столомъ, склонившись надъ лежавшими передъ нимъ бумагами, думаю, скорѣе для вида, будто читаетъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ читалъ. Не глядя на меня, онъ спросилъ:

— Вы хотите говорить со мной, г. докторъ?.. Что привело васъ ко мнѣ? Вашъ очередной отпускъ?

Тонъ былъ преднамѣренно безразличный.

— Къ сожалѣнію, ваше высочество, прошу сообразоваться уволить меня совершенно отъ моихъ обязанностей.

Онъ выпрямился во весь ростъ и, по прежнему стоя между кресломъ и столомъ, воскликнулъ:

— Вотъ какъ! Почему же это?

— Семейныя непредвидѣнныя обстоятельства призываютъ меня въ Парижъ... И съ разрѣшенія вашего высочества, вмѣсто условленнаго двухнедѣльнаго отпуска, я уѣду со-всѣмъ во Францію.

— Во Францію?—воскликнулъ принцъ, такъ же мало скрывая свое удивленіе, какъ и его управляющій.—Вы въ самомъ дѣлѣ ѣдете въ Парижъ? Возвращаетесь во Францію... Окончательно?

— Окончательно, ваше высочество.

Одну минуту принцъ оставался въ раздумьи. Онъ молча кусалъ губы: кончики его усовъ то подымались, то опускались.

— Г. докторъ,—сказалъ онъ, наконецъ,—я, конечно, не стану насильно удерживать васъ. Вы кажетесь мнѣ слишкомъ твердымъ, чтобы я могъ поколебать ваше... столь внезапное рѣшеніе... Очень сожалѣю... да, весьма и весьма сожалѣю. По крайней мѣрѣ, нѣтъ ничего тревожнаго въ вашемъ возвращеніи въ Парижъ?

— Ничего, ваше высочество. Денежныя дѣла... и воспитаніе моей маленькой сестры.

— Хорошо, хорошо!—отвѣчалъ онъ.

Еще пауза, затѣмъ онъ подошелъ ко мнѣ и, по своему обыкновенію, взглянулъ мнѣ прямо въ глаза.

— Надѣюсь,—сказалъ онъ, и голосъ его сталъ болѣе естественнымъ и дружескимъ,—надѣюсь, вы были не лишены здѣсь вниманія... и не увозите съ собой недовольства?

— Я уѣзжаю, преисполненный благодарности за пріемъ, оказанный мнѣ при дворѣ и лично вашимъ высочествомъ.

— Правда?.. И не увозите ни малѣйшаго недоразумѣнія ни съ кѣмъ?

— Ни малѣйшаго, ни съ кѣмъ.

— Очень радъ. Очень радъ.

Онъ протянулъ мнѣ руку и задержалъ мою на нѣсколько мгновеній.

— У васъ были недоброжелатели, г. Дюберъ, нѣсколько завистниковъ при дворѣ... находившихъ, вѣроятно... что съ вами обращаются слишкомъ любезно. Я получалъ даже доносы на васъ, мезкіе, анонимные доносы (лицо его передернулось), я ихъ швырялъ и жегъ, конечно... Я очень радъ, что мы расстаемся друзьями, тѣмъ болѣе, что вы возвращаетесь въ свою прекрасную страну. Я буду грустить о васъ, г. Дюберъ. Вы исполнѣ порядочный человѣкъ... и очень любите свое отечество.

— Ваше высочество,—не удержался я,—я въ особенности узналъ, какъ сильна эта любовь, когда прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ за границей.

Принцъ улыбнулся.

— Мы тоже порядочные люди, г. Дюберъ,—сказалъ онъ.— Французы и нѣмцы—двѣ великія націи... онѣ должны бы идти рука объ руку... Къ несчастью, онѣ не понимаютъ другъ друга. О! я не утверждаю, что въ этомъ исключительная вина Франціи. Нашъ повелитель, великій государь... иногда поддается плохимъ совѣтамъ. Наболѣе же вѣрные слуги императора часто подвергаются жестокому гоненіямъ... Представьте, г. Дюберъ, къ намъ, въ наши владѣнія ввели прусскій гарнизонъ? Сегодня остроконечныя каски займутъ территорію императора Гунтера. А ротбергскія почтовые марки будутъ уничтожены съ перваго января будущаго года. Предлогомъ для всего этого послужило ничтожное, бессмысленное приключеніе съ этимъ докторомъ Циммерманомъ, чтобы его чортъ побралъ!.. Относительно сути происшествія,—прибавилъ онъ вполголоса,—я рассчитываю на вашу скромность... т. е. на счетъ... безумства... глупости, допущенной наслѣднымъ принцемъ... Я не ошибаюсь?

— Несомнѣнно, ваше высочество.

Я стоялъ въ ожиданіи конца аудіенціи.

— По истинѣ,—сказалъ принцъ Отто, подымая голову...—сегодня неудачный день!.. Говорятъ еще о какой-то манифестаціи по случаю освобожденія изъ тюрьмы доктора Цим-

мермана. Направлена ли она противъ меня или противъ Пруссіи, не знаю, но, во всякомъ случаѣ, мнѣ будетъ возня съ ней. Къ счастью, этотъ несносный химикъ сегодня же избавляетъ насъ отъ своего присутствія и возвращается въ Іену со всей своей кликой. Хоть это утѣшительно... Да, не все прекрасно въ жизни государей!.. Прощайте, г. Дюберъ!.. сохраните о насъ дружеское воспоминаніе... и когда-нибудь навѣстите насъ. Желаю вамъ благополучнаго пути и счастья въ жизни. Не отзывайтесь о насъ слишкомъ дурно передъ вашими соотечественниками. Не правда ли, теперь, когда вы познакомились съ нами, вы можете сказать имъ: *что мы не варвары*.

Я поклонился и еще разъ пожалъ руку принца. Глаза наши встрѣтились въ прощальномъ привѣтѣ съ выраженіемъ человѣческаго сочувствія другъ другу. „Не странно ли? — думалъ я, возвращаясь по обширнымъ заламъ и широкимъ корридорахъ дворца.—Я не люблю этого чловѣка, не чувствую себя обязаннымъ ему, такъ какъ онъ просто платилъ мнѣ за мои труды; умъ его считаю отравленнымъ наихудшими германскими пороками, а частную жизнь далеко не безупречной, и между тѣмъ, чувствую, что довѣрчивое пожатіе руки на прощанье, быть можетъ, наилучшая награда за мою сдержанность, наиболѣе трогательная благодарность за принесенную мною сентиментальную жертву“.

Въ вестибюлѣ я снова встрѣтился съ графомъ Марбахомъ. Онъ шелъ на урокъ военнаго искусства къ принцу Максу. Я не могъ устоять передъ желаніемъ сказать ему какую-нибудь колкость.

— Г. майоръ,—произнесъ я, почтительно раскланиваясь,—съ прискорбіемъ долженъ проститься съ вашимъ превосходительствомъ. Я уѣзжаю въ Парижъ.

— Желаю вамъ счастливаго пути, г. докторъ,—отвѣтилъ онъ, какъ бы защищаясь.

— Пользуюсь нашей послѣдней встрѣчей, г. майоръ, чтобы поздравить васъ съ открытіемъ, наконецъ, истиннаго виновника покушенія. Это превращаетъ все событіе въ простой водевиль, и въ «Simpli-issimus'ѣ» мы, вѣроятно, встрѣтимъ по этому поводу не мало остротъ.

Казалось, что онъ готовъ вцѣпиться мнѣ въ фізіономію. Это злое кошачье лицо оцетинилось, а спина согнулась, точно онъ готовился сдѣлать прыжокъ. Однако онъ выпрямился, пожалъ плечами и быстро повернулся ко мнѣ спиной, ничего не отвѣтивъ. Я слышалъ, какъ удаляясь, онъ съ презрѣніемъ пробормоталъ: французиска!

Довольный, я сошелъ съ лѣстницы и вышелъ изъ дворца.

Едва я очутился на улицѣ, какъ наткнулся на толпу, стоявшую, благодаря часовому, на почтительномъ разстояніи отъ дворца: жители дѣревни Ротбергъ, въ будничныхъ рабочихъ костюмахъ и многіе прїѣзжіе изъ курорта толпились вблизи воротъ; хотя въ общемъ ихъ было едва-ли болѣе ста человѣкъ, но они загородили узкую дорогу. Это была не угрожающая толпа; но для нѣмецкой толпы она все же показалась мнѣ слишкомъ оживленной. Я съ удовольствіемъ замѣтилъ въ ней кучку социаль-демократовъ Ротберга и около двадцати ихъ единомышленниковъ, по-видимому, пришедшихъ къ нимъ изъ Литцендорфа для подкрѣпленія.

Я обратился къ сапожнику Финку, прїютившему г-жу Циммерманъ и дѣятельно перебѣгавшему въ толпѣ отъ одной группы къ другой.

— Въ чемъ дѣло, другъ Финкъ? Не собираетесь ли вы взять приступомъ дворецъ, вооружившись вашимъ сапожнымъ инструментомъ?

— Сохрани насъ Богъ отъ вступленія въ это логовище тиранніи!—отвѣтилъ Финкъ, охотно прибѣгавшій къ стариннымъ революціоннымъ выраженіямъ.—Мы здѣсь ждемъ выхода изъ тюрьмы доктора Циммермана, несправедливо лишеннаго свободы... Онъ почтитъ своимъ присутствіемъ мой скромный домъ, гдѣ родился когда-то. Мы собрались, чтобы устроить ему торжественные проводы. Онъ честный человѣкъ и понимаетъ все, какъ слѣдуетъ... Если бы такіе люди, какъ онъ, управляли государствомъ, то, г. докторъ, мы не допустили бы, чтобы прусскій полкъ расположился сегодня въ Ротбергѣ и Летцендорфѣ, какъ въ завоеванной странѣ.

Въ эту минуту раздался оглушительный крикъ. Толпа хлынула потокомъ къ дверямъ тюрьмы и увлекла меня за собой. Раздался крикъ: „да здравствуетъ Циммерманъ!“ и даже (я не повѣрилъ своимъ ушамъ): „да здравствуетъ свобода!“ Привѣтствія и ура! встрѣтили выходъ ученаго. Онъ шелъ въ сопровожденіи министра полиціи, имѣвшаго довольно сконфуженный видъ и почтительно простившагося съ нимъ на порогѣ. Профессоръ, по обыкновенію, былъ въ своей высокой шляпѣ съ плоскими полями, съ развѣвающимися бѣлыми волосами. Полы его чернаго сюртука широко распахивались, развязавшійся галстухъ при каждомъ шагѣ бился на бѣлоснѣжной манишкѣ его рубашки. Рядомъ съ нимъ, его жена, выше его на цѣлую голову, очень красивая, съ безукоризненной прической, въ своемъ блестящемъ темнокрасномъ шелковомъ платьѣ, вела его подъ руку. Лица ихъ сіяли счастьемъ въ рамкѣ тяжелой каменной двери и свидѣтельствовали о тщетности гнетущей силы. Всѣ го-

ловы обнажились, всѣ голоса воскликнули: „да здравствуетъ Циммерманъ!“ И я, снявъ шляпу, привѣтствовалъ символическую чету античной Германіи: мужественную науку и преданную любовь.

Но вдругъ, сзади толпы, послышалось хоровое пѣніе извѣстной среди нѣмецкаго студенчества пѣсни Роберта Прутта: *Noch ist die Freiheit nicht verloren...*

Свобода не погибла, нѣтъ!
Мы низко такъ еще не пали,
И трели жавронка о ней
Еще звучать, какъ и звучали.
Пока въ душѣ людей живетъ,
Свобода вѣчно не умретъ.

Четверо пѣвцовъ прошли сквозь разступившуюся толпу, и ихъ дружная группа въ полномъ порядкѣ подошла къ ученому. То были Герта, Францъ, Альбертъ и Михель, ученики монистической школы. Студенты были въ синихъ университетскихъ фуражкахъ съ красными лентами. Герта шла подъ руку съ Михелемъ, за ними маленькій, пузатый Францъ подъ руку съ гигантомъ-блондиномъ Альбертомъ. Они сразу остановились передъ своимъ учителемъ и его женой и прокричали: *Noch! Noch! Noch!*

Молохъ обнялъ поочередно Герту и троихъ мужчинъ. Возбужденная толпа апплодировала при каждомъ объятіи. Она рукоплескала и тогда, когда обнявшіеся Герта и г-жа Молохъ не сумѣли удержать своихъ слезъ. Быть можетъ, возраставшее волненіе привело бы толпу къ враждебной демонстраціи въ самыхъ нѣдрахъ дворца, если бы не выручила счастливая мысль Альберта. Его впечатлительность проявилась приложеніемъ физической силы. Преисполненный счастья и гордости, онъ вдругъ поднялъ на воздухъ маленькаго стараго ученаго, усадилъ его, какъ ребенка, на свою широкую ладонь, а другую подставилъ въ видѣ спинки къ импровизированному стулу. Г-жа Молохъ, довѣряя геркулесовой силѣ Альберта, не испугалась. Толпа хохотала и кричала „браво“. Альбертъ удалялся отъ дворца, увлекая за собой всѣхъ остальныхъ.

Молоха на его живомъ щитѣ сопровождали Герта, г-жа Молохъ, Францъ и Михель, а за ними въ триумфальномъ шествіи слѣдовала толпа, съ пѣніемъ старой университетской пѣсни. Латинскій припѣвъ: *Ergo bibamus!* смѣнялся возгласами *Noch!* крики: *да здравствуетъ Ротбергъ!* — криками: „да здравствуетъ свобода!..“ Я даже разслышалъ, какъ мой пріятель, сапожникъ Финкъ крикнулъ: „Долой пруссаковъ!“ и не вызвалъ ничьего порицанія.

Альбертъ, руководившій шествіемъ, вмѣсто того, чтобы идти къ курорту, повернулъ направо по направленію къ деревнѣ Ротбергъ. Толпа устремилась за нимъ. Спускъ былъ крутой. Альбертъ ускорилъ шаги, увлекая всѣхъ за собой. Среди шума, пыли и грохота мелкихъ камешковъ, срывающихся изъ-подъ тяжелыхъ нѣмецкихъ сапогъ, этотъ побѣдоносный человѣческій вихрь, имѣя передъ собою безстрашнаго улыбающагося Молоха, въ сіявшей, подобно славѣ, подъ солнечными лучами шляпѣ, долетѣлъ до деревни и остановилъ свое стремленіе только передъ мостомъ черезъ Роту... И какъ разъ въ эту минуту на противоположномъ концѣ моста показалась другая группа манифестантовъ, съ не меньшимъ шумомъ и крикомъ: то были гуси, всѣ гуси Ротберга, почтенные гусаки и подростки, матроны и желтые гусенята. Съ распушенными крыльями и вытянутыми шеями они своими желтыми разинутыми клювами испускали отчаянные крики, хоромъ привѣтствуя освобожденнаго Молоха. Ихъ рѣзкіе голоса явственно выкрикивали: *Hoch! Hoch! Hoch!* Мнѣ даже показалось, что одинъ старый гусакъ, вытянувъ свою опципанную шею, отчетливо кричалъ: Долой пруссаковъ!..

V.

Когда старинная коляска, увозившая насъ съ Гритой и нашъ багажъ въ Штейнахъ, очутилась у поворота дороги, откуда въ послѣдній разъ открывался видъ на курортъ и замокъ, я попросилъ кучера пустить лошадей шагомъ. Рука объ руку съ сестрой, мы обернулись, чтобы полюбоваться открывшейся картиной. Было около трехъ часовъ пополудни; небо было чисто, съ легкими разрозненными облачками. Мягкій солнечный свѣтъ, почти такой же жаркій, какъ и лѣтомъ, но болѣе нѣжный, озарялъ бѣлыя виллы и желтый замокъ. Кучеръ остановился и, обернувшись къ намъ, сказалъ:

— Замѣтили вы, господа, что всѣ окна во дворцѣ сегодня заперты?.. Это потому, что тамъ недовольны, зачѣмъ вступаетъ къ намъ прусскій гарнизонъ. Этимъ принцъ выражаетъ свой протестъ.

Мы промолчали. Рука моя сжала руку сестры: безъ словъ мы поняли, что думаемъ объ одномъ и томъ же, весьма далекомъ отъ интересовъ нашего возницы, принца Отто и населенія Ротберга... Мы вспоминали, что, нѣсколько недѣль назадъ, мы смотрѣли на этотъ самый пейзажъ, одушевленные смутной надеждой на новыя интересные событія въ нашей жизни... что теперь мы уѣзжаемъ

отсюда и, вѣроятно, никогда больше не вернемся... ничто не исполнилось изъ нашихъ надеждъ, и отъ равнодушія къ намъ судьбы ноютъ наши сердца.

Кучеръ, очевидно, желавшій продлить удовольствіе бесѣды, продолжалъ:

— А извѣстно господамъ, что сдѣлали со статуей въ фазаньемъ паркѣ?

— Со статуей Бисмарка?

— Да. Наши шутники надѣли намордникъ на дога Бисмарка. О!—прибавилъ онъ,—въ Литцендорфѣ и въ Ротбергѣ есть достаточно, кто не любитъ пруссаковъ. Не очень-то сладко придется здѣсь этимъ любителямъ рѣпы.

— Это кому же?

— Пруссакамъ, чортъ бы ихъ побралъ!.. Вѣдь извѣстно, что они ѣдятъ только рѣпу.

И, стегнувъ лошадей, онъ рысью спустился съ косогора. Вскорѣ пейзажъ сгустился и потемнѣлъ; Рота съ шумомъ прыгала у края дороги, соперничая, казалось, съ нами въ быстротѣ: кто скорѣе достигнетъ Штейнаха... Лѣсистые склоны налѣво отъ дороги становились отвѣснѣе и выше. Вся дорога погрузилась въ свѣжій сумракъ. Грита плотнѣе закуталась въ свой плащъ и прижалась ко мнѣ.

— Сестренка?

— Что, мой Волкъ?

— Ты что-то отъ меня скрываешь?

Она безмолвно склонила голову на мое плечо, и я почувствовалъ бѣненіе ея сердца.

— Тебѣ не жаль уѣзжать изъ Ротберга?—спросилъ я.

— Я довольна, что уѣзжаю съ тобой.

— А! маленькая женщина, ты уже умѣешь увертываться отъ неудобныхъ для тебя отвѣтовъ! Я тебя спрашиваю, не жаль тебѣ уѣзжать отсюда въ Парижъ, даже со мной?

— Мнѣ жаль добрую г-жу Молохъ и старую ученую обезьяну. Мнѣ будетъ пріятно встрѣтить ихъ на вокзалѣ въ Штейнахѣ и проѣхать съ ними до Эрфурта.

Докторъ и его жена, дѣйствительно, уѣхали изъ Ротберга часъ спустя послѣ выхода его изъ тюрьмы, какъ того желалъ принцъ. Они завтракали въ Штейнахѣ. Одинъ и тотъ же поѣздъ въ три часа пятьдесятъ минутъ долженъ былъ увезти и насъ...

— Такъ господинъ и г-жа Молохъ только и вызываютъ въ тебѣ сожалѣніе о Ротбергѣ?—продолжалъ я удовлетворять свое любопытство.

Грита подняла на меня свои ясные и чистые глаза.

— Максъ?

— Да, Максъ.

— Я не очень грущу о немъ,—сказала она послѣ короткаго раздумья.

Я почувствовалъ, что она говоритъ искренно.

— Въ такомъ случаѣ,—спросилъ я,—между вами что-то произошло, чего ты мнѣ не сказала. Что разъединило васъ? Сначала вы были друзьями.

— Ахъ, какой ты любопытный, мой Волкъ!

Нѣсколько минутъ она молчала. Мы проѣзжали самое темное и самое узкое мѣсто ущелья Роты, располагающее къ молчанію своей бездонной глубиной; здѣсь должны слышаться только голоса старыхъ деревьевъ и шумъ рѣки, переходящей въ потокъ. Когда ущелье расширилось и по-свѣтлѣло, Грита, не глядя на меня, проговорила:

— Ты хочешь знать? Ну, изволь... Максъ долго былъ очень нѣженъ и почтителенъ... какъ хорошо воспитанный мальчикъ нашего круга... Время отъ времени, съ моего позволенія, онъ цѣловалъ мнѣ руки... да, руки!.. Ты напрасно,—прибавила она, повернувъ ко мнѣ свое лицо,—совершенно напрасно такъ широко раскрываешь на меня свои огромные глаза, Волкъ. Ты отлично знаешь, что мальчики цѣлуютъ молодыхъ дѣвушекъ! Родственники дѣлаютъ видъ, что ничего не замѣчаютъ, но, въ сущности, имъ это извѣстно!.. Словомъ, иногда я позволяла Максу цѣловать руку повыше кисти...

— О! О!..

— Подожди... Скоро ему этого стало мало... Онъ попросилъ позволенія поцѣловать меня въ шею. Я отказала... Онъ настаивалъ и дѣлался несносенъ... И вотъ однажды, когда я читала въ гротѣ Маріи-Елены, онъ подкрался сзади и неожиданно громко поцѣловалъ меня въ шею. Это было уже слишкомъ! Я была застигнута врасплохъ и инстинктивно дала ему пощечину, такую сильную, что она пришлась мнѣ на носу... Онъ покраснѣлъ, посинѣлъ... я пустилась бѣжать, онъ за мной и занесъ надо мною хлыстъ. Несомнѣнно, онъ хотѣлъ меня ударить... Но я остановилась, посмотрѣла ему прямо въ глаза и обозвала его: „Дикарь!“ Онъ сразу опустил руку и усѣлся на скамейкѣ въ гротѣ, разсерженный, повернувшись въ мою сторону спиной... Я ушла на виллу, оставивъ его одного. Потомъ онъ просилъ прощенія. Только все было уже кончено, я не могла быть съ нимъ, какъ прежде: я всегда помнила его взбѣшенный видъ, злые глаза и поднятый хлыстъ... И вотъ.. Волкъ, ты дѣлаешь мнѣ больно!

Я держалъ ее въ объятіяхъ такъ крѣпко, точно ее хотѣли у меня отнять, погубить, а я все-таки спасъ ее...

„Дорогая, маленькая французенка, думалъ я, ты, по-

добно мнѣ, испытывала оскорбленіе отъ чуждой души! Только твоей дѣтскій инстинктъ едва просыпающейся женщины, инстинктъ болѣе здоровый, не притупленный еще испорченностью натуры, или тираніей страсти, твой безошибочный инстинктъ немедленно возмутился. Я же рассуждалъ глупо, рассуждалъ слишкомъ долго, чтобы заговорилъ, наконецъ, мой инстинктъ“.

Мы приближались къ швейцарскому домику, гдѣ лощина становилась уже менѣе суровой, когда нашъ возница, свернувъ коляску въ сторону, остановился и знакомъ пригласилъ насъ прислушаться.

Въ журчащей и трепещущей тишинѣ ясно слышенъ былъ топотъ поднимающейся толпы, скрытой еще отъ насъ ближайшимъ поворотомъ дороги.

— Вонъ они, рѣпоѣды!—сказалъ кучеръ, показывая кнутомъ по направленію къ повороту.

Пруссаки появились. Впереди барабанщики и трубачи: барабаны—на животѣ, трубы—на шеѣ. За ними солдаты, съ ружьями на перевязяхъ, съ руками по швамъ, шли разстроенными рядами, такъ какъ, въ виду подъема на пустынный косогоръ, имъ разрѣшили идти вольно. Они поднимались молчаливо, съ опущенными головами, утомленные утреннимъ переходомъ. Вся декорация прусскаго парада исчезла: передъ нами было около сотни крестьянъ, закутанныхъ въ тяжелыя суконныя одежды; почти всѣ молодые, съ опаленными зноемъ и обожженными солнцемъ лицами, съ грубо выраженными чертами деревенскихъ земледѣльцевъ. Одни только унтеръ-офицеры по привычкѣ произносили слова команды. Офицеръ, юноша лѣтъ двадцати пяти, съ толстыми щеками и маленькими усиками, закрученными кверху, какъ у императора, шелъ прусскимъ непреклоннымъ шагомъ, выпятивъ грудь и вытянувъ шею...

Я смотрѣлъ на нихъ безъ ненависти.

„Быть можетъ, въ рядахъ этого отряда идетъ и тотъ, кто когда-нибудь прицѣлится въ меня и убьетъ, или тотъ, кто падетъ отъ пущенной мною наудачу пули въ скрытаго за горизонтомъ врага“...

Вспотѣвшій и запыленный отрядъ поднимался къ Ротбергу. Грита и я слѣдили за нимъ, пока онъ не сдѣлался едва замѣтнымъ пыльнымъ облачкомъ, растаявшемъ, наконецъ, въ сумеркахъ. Сосны, буки, лиственницы и скалы по берегу свободной Роты, казалось, также смотрѣли на нихъ съ удивленіемъ: „Что за вооруженные люди, не виданные нами доселѣ?..“

Лѣса, скалы Тюрингіи, свободная Рота, взгляните въ

нихъ хорошенько: то идуть ваши властители. И ими ты болѣе побѣждена нежели мы, о, старая Германія!

Экипажъ двинулся быстрѣе къ швейцарскому домику и потомъ покатился по безжизненной долинь, вплоть до самаго Штейнаха. Мы съ Гритой молчали. Мы сидѣли рука въ руку и оба чувствовали, что послѣднія нити между нами и этой чужой страной рвутся, причиняя еще нѣкоторую боль; но сквозь неизбежную грусть отъѣзда пробивалась уже радость возвращенія.

Мы снова проѣхали старый Штейнахъ; насъ привѣтствовали маленькіе домики изъ красной глины и аспидныхъ плитокъ и курфюрстъ Людвигъ-Ульрихъ, выправившійся въ сѣдлѣ на своемъ неподвижномъ бронзовомъ конѣ... Промелькнула полукруглая площадь, ратуша... Вотъ мостъ черезъ Роту, уже спокойную въ своемъ теченіи... Этотъ сонный уголокъ старой Германіи не отдѣлимъ отнынѣ въ нашихъ мысляхъ отъ невѣсты г. Молоха, въ своей цѣломудренно перекрещенной на груди косынкѣ, съ разсыпавшимися по обѣимъ сторонамъ лица локонами, убѣгающей изъ домика фрау Траубе, чтобы соединиться со своимъ женихомъ-изгнанникомъ въ Гамбургѣ.

Но вотъ уже новая часть города, электрическій трамвай, каменные дома въ стилѣ рококо, готическомъ и въ новомъ, съ лавками по берлинскому образцу. Изъ оконъ еще свѣшиваются флаги въ честь проходившаго утромъ прусскаго полка въ Ротбергъ и Литцендорфъ. На перекресткѣ улицы Мольтке и Королевской наша коляска остановилась передъ отрядомъ пѣхоты, въ походной амуниціи, со свернутыми шинелями и съ ружьями на плечахъ... Солдаты шли, какъ на парадъ, сопровождаемые восхищенными взорами уличныхъ мальчишекъ и кухарокъ. Они направлялись въ старый городъ, чтобы показать маркграфу Людвигу-Ульриху побѣдителей его потомковъ.

На вокзалѣ въ Штейнахѣ оказалось не мало пассажировъ, ѣхавшихъ въ Эрфуртъ. Но среди нихъ мы не замѣтили ни господина, ни госпожи Молохъ. Когда мы сдали свой багажъ и вошли на минуту въ залъ, фрейленъ Бингеръ, сидѣвшая за своей конторкой, вся освѣтилась радостью, точно, при видѣ меня, вновь обрѣла счастье своей жизни.

— О! г. докторъ!.. Какъ вы рѣдко показываетесь! Правда, вы такъ заняты при дворѣ!.. Вы ѣдете въ Карлсбадъ съ

вашей сестрицей, чтобы присоединиться къ ея высочеству принцессѣ?

И при послѣднихъ словахъ она бросила на меня многозначительный взглядъ.

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ я, желая доставить себѣ удовольствіе перепутать сплетни, роившіяся въ жалкомъ мозгу кассирши. — Отъ васъ ничего нельзя скрыть, фрейленъ!.. Но въ ожиданіи поѣзда въ Штейнахъ, позвольте мнѣ купить у васъ открытое письмо съ видомъ Штейнаха... вотъ хоть это... съ изображеніемъ вокзала.

Въ то время, какъ Грита разсматривала разноцвѣтное объявленіе пароходства „Гамбургъ-Америка“, я карандашомъ написалъ адресъ: графинѣ Гриппштейнъ, 4, Грабенштрассе, Карлсбадъ. А на оборотной сторонѣ воспроизвелъ двѣ строфы изъ *Интермеццо*:

Гдѣ-бъ я ни былъ, меня окружаетъ
Всюду мракъ, непроглядно глубокий,
Съ той поры, какъ уже не блистаетъ
Предо мною мой другъ свѣтлоокій.

Навсегда для меня загасилась
Звѣздъ любви красота золотая.
И у ногъ моихъ бездна раскрылась...
Поглоти меня, ночь вѣковая! *)

Я пошелъ опустить письмо въ почтовый ящикъ, съ сознаниемъ, что исполнилъ долгъ сентиментальной вѣжливости. Но тутъ же сознался себѣ, что было бы болѣе искреннимъ написать какъ разъ обратное стихамъ Гейне. Ибо только теперь сталъ я разбираться въ своемъ сердцѣ, только теперь, когда чудный пейзажъ Роты не околдовывалъ меня болѣе: все мое приключеніе отходило въ далекое, мечтательное прошлое, превращалось въ легкій сонъ.

„Да и что это было, какъ не сонъ?“ думалъ я.

Прежде, чѣмъ войти въ вокзалъ, я бросилъ прощальный взглядъ на Штейнахъ. Со своими новыми улицами, съ красными и бѣлыми флагами и скороспѣлой роскошью, новый Штейнахъ, какъ символъ прусской Германіи, въ послѣдній разъ оскорбилъ меня.

— Прусская Германія, — сказалъ я, — ложная Германія, мнѣ не жаль тебя; въ моемъ сердцѣ нѣтъ тебѣ мѣста.

Пока я разговаривалъ такъ съ самимъ собой, я замѣтилъ у крыльца вокзала придворнаго конюха, державшаго въ поводу двухъ осѣдланныхъ лошадей. Онъ привѣтство-

*) Переводъ П. Н. Вейнберга.

валъ меня кивкомъ головы. Въ одной изъ лошадей я узналъ лошадь принца Макса... Въ залѣ я увидѣлъ самого принца въ мундирѣ, разговаривавшаго съ Гритой. Онъ подошелъ ко мнѣ.

— Какъ не хорошо,—сказалъ онъ взволнованно и тономъ упрека, тронувшимъ меня,—какъ не хорошо, что вы хотѣли уѣхать, не простившись со мной!

— Дорогой принцъ,—отвѣтилъ я,—мнѣ тяжело разставаться съ вами, и я хотѣлъ избавить и васъ, и себя отъ горечи прощанія. Но разъ вы уже здѣсь, я очень доволенъ встрѣчей... Развѣ васъ простили?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, и дѣтская веселость смѣнилась на его лицѣ выраженіе грусти,—я самъ прекратилъ свой арестъ, вотъ и все. Сегодня, по случаю вступленія пруссаковъ, все перевернулось вверхъ дномъ во дворцѣ... Арестъ мнѣ будетъ удвоенъ, но теперь все равно: не будетъ скучнѣе, чѣмъ на свободѣ, разъ я остаюсь одинъ.

Въ эту минуту чей-то пронзительный голосъ заставилъ всѣхъ обернуться. Появился Молохъ, покрытый пылью и потомъ, съ растрепанными бѣлыми волосами; онъ энергично жестикулировалъ обѣими руками, держа въ одной свою высокую шляпу, а въ другой—дорожный мѣшокъ.

— Кто стащилъ у меня капсулу для насѣкомыхъ, кто стащилъ мою капсулу!? - кричалъ онъ. — Въ ней лежало чешуйчато-крылое, стоящее шестьсотъ марокъ... и вся собранная мною флора нижней Роты! У меня украли капсулу, пока я сдавалъ багажъ. Я предъявлю искъ желѣзной дорогѣ. Я—профессоръ Циммерманъ изъ Іены.

Г-жа Молохъ успѣла во время пресѣчь гнѣвъ мужа, принесла съ собой зеленую коробку. Странная чета возбудила всеобщее любопытство, но мнѣ показалось, что оно было не такъ дружелюбно, какъ въ Ротбергѣ. Штейнахъ вполне опруссачился, и убѣжденія доктора, такъ же, какъ и недавнее его приключеніе, были здѣсь хорошо извѣстны.

Мы съ принцемъ подошли къ нимъ. Максъ раскланялся съ докторомъ, выразившимъ большое удивленіе.

— А, ваше высочество!.. Побѣгъ изъ мѣста заключенія? Или васъ командируютъ въ Іену для окончанія курса наукъ надъ моимъ руководствомъ?

— Нѣтъ, я вернусь во дворецъ,—отвѣтилъ немного сконфуженный принцъ. — Я хотѣлъ только проститься со своимъ учителемъ... и съ вами.

Мы вмѣстѣ вышли на платформу. Молохъ опустилъ на землю свой мѣшокъ и зеленую капсулу, находившуюся подъ бдительнымъ наблюденіемъ г-жи Молохъ.

— Вы не сердитесь на меня, г. докторъ? — спросилъ Максъ вполголоса.

— Нисколько, мой дорогой принцъ, — отвѣтилъ Молохъ. — Мое единственное желаніе, — продолжалъ онъ, протянувъ ему руку, — чтобы этотъ случай укрѣпилъ въ васъ чувство справедливости и сознаніе отвѣтственности, ибо вамъ предназначено въ будущемъ управлять людьми.

Максъ бросился къ нему на шею и поцѣловалъ его. Затѣмъ онъ расцѣловался съ г-жей Молохъ и со мной. Одна Грита осталась обдѣленной: онъ повернулся къ ней и замеръ въ комическомъ колебаніи. Начальникъ станціи, въ красномъ мундирѣ опереточнаго генерала, съ силой и бранью уже оттѣснялъ публику, въ виду приближавшагося поѣзда... Грита густо покраснѣла.

— Вы не поцѣловали свою пріятельницу? — сказалъ я Максу.

Оба улыбнулись. Съ легкимъ смущеніемъ они церемонно поцѣловались другъ съ другомъ. Но черезъ мгновеніе, какъ бы помимо воли, Максъ обнялъ Гриту за талію, привлекъ къ себѣ и поцѣловалъ ее въ шею, надъ воротникомъ, у маленькихъ завитковъ волосъ. И я замѣтилъ, что Грита крѣпко пожала руку своего друга.

— Какъ трогательно и мило! — воскликнула г-жа Молохъ, и ея нѣжные глаза наполнились слезами.

Подлетѣлъ поѣздъ, наполнивъ все кругомъ стукомъ и лязгомъ, и остановился, испуская громкіе вздохи усталости своихъ тормазовъ. Первымъ вскочилъ на подножку вагона Молохъ и чуть не упалъ; уцѣпившись за ручку дверцы, онъ тщетно пытался повернуть ее, пока мы не подошли на помощь. Г-жа Молохъ, Грита и я вошли слѣдомъ за нимъ.

Принцъ захлопнулъ дверцу. Стоя на подножкѣ вагона, онъ продолжалъ разговаривать съ Гритой и со мной; супруги Молохъ размѣщали на полкахъ свои дорожные мѣшки и драгоцѣнную зеленую капсулу.

Глаза Макса, старавшагося сдерживать слезы, были устремлены на Гриту съ выраженіемъ нѣжнаго упрека. Потомъ онъ перевелъ ихъ на меня, и сердце мое сжалось: въ этихъ глазахъ, такъ похожихъ на глаза его матери, я увидѣлъ душу Эльзы, говорившую мнѣ то же, что глаза Макса — Гритѣ:

„Что я тебѣ сдѣлалъ? Зачѣмъ ты уѣзжаешь?“

Красный начальникъ станціи далъ свистокъ. Я пожалъ руку принцу, Грита протянула ему свою, и онъ на лету поцѣловалъ ее.

— Прощайте! Прощайте!—восклицали господинъ и г-жа Молохъ, тѣсясь позади насъ.

Мышцы поѣзда вздрогнули. Локомотивъ одинъ за другимъ выпускалъ свои тяжелые вздохи. Максъ все еще стоялъ на подножкѣ.

— До свиданія! Въ Парижѣ! — сказала взволнованная Грета.

Принцъ соскочилъ съ подножки. Мы едва разслышали его слова:

— Въ Парижѣ? Увы! тамъ я никогда не буду!..

К о н е ц ъ.

*
* * *

Я въ лѣсу... Живой стѣною
Отъ людей отдѣлена,
Съ вольнымъ вѣтромъ на свободѣ
Я осталася одна.
А вверху смѣется небо,
И ложатся межъ вѣтвей
На траву потокомъ знойнымъ
Пятна солнечныхъ лучей.
Полный тайнъ, какъ міръ глубокихъ,
И загадочныхъ чудесъ,
Задремалъ, отдавшись чарамъ,
Безконечный темный лѣсъ.
И, въ узорахъ прихотливыхъ
Яркихъ листьевъ, надо мной
Только вѣтеръ что-то шепчетъ
И смѣется, молодой...
Я одна... И снова гордо,
И сверкая, и звеня,
Зазвучали властнымъ зовомъ
Пѣсни въ сердцѣ у меня!
И, навстрѣчу счастью жизни,
Ласкѣ солнечной, — въ тиши
Развернулись снова крылья
У проснувшейся души!

Ада Чумаченно.

актера. Восторженные отзывы объ этой пьесѣ печатались въ газетахъ уже нѣсколько недѣль.

Въ былыя времена Пруденсъ была усердной посѣтителницей всѣхъ первыхъ представленій. Она задолго записывалась на кресло въ первыхъ рядахъ и часами простаивала передъ кассой, въ дни продажи билетовъ. Это тоже своего рода страсть, такая же, какъ страсть библіофила къ первымъ изданіямъ. У Пруденсъ она ослабѣла, вытѣсненная новыми интересами, но теперь проснулась вновь подъ вліяніемъ чувства одиночества, охватившаго ее съ отъѣздомъ Мери. Она была не въ силахъ устоять противъ соблазна, и пошла.

Но развѣ можно было идти одной: удовольствіе теряетъ всю свою прелесть, если его не съ кѣмъ раздѣлить.

Она пригласила Лауру. Перспектива увидѣть сенсационную новинку пересилила отвращеніе Лауры къ развлеченіямъ второго сорта, и она согласилась. Пруденсъ имѣла дерзость предложить взять мѣста на галлерей, Лаура предпочитала ложу. Конечно, ложа была не по средствамъ, и онѣ сошлись на партерѣ.

Чтобы вытянуть въ лотерей голубой билетъ—право на лучшее мѣсто,—дѣвушки приготовились ждать цѣлый день у дверей. Въ половинѣ одиннадцатаго онѣ были уже на мѣстѣ, запасшись провизіей и всѣмъ необходимымъ. Онѣ принесли съ собой теплые плащи, складные стулья, въ видѣ палокъ, книги и газеты, сандвичи, фрукты, фляжку вина съ водой. Послѣ получасовой ходьбы, онѣ подошли къ театру и убѣдились, что потеряли уже важное преимущество: быть первыми въ хвостѣ.

— Какая досада!—сказала Пруденсъ.

Отбившія у нихъ первое мѣсто были двѣ женщины маленькаго роста, съ двойной вуалью на лицѣ: бѣлой поверхъ черной, что дѣлало ихъ похожими на женщинъ Востока. Пруденсъ обмѣнялась съ ними легкимъ поклономъ (онѣ познакомились тутъ же, у дверей театра, нѣсколько времени тому назадъ), но этимъ дѣло и ограничилось.

— Кто такія эти наши побѣдительницы? — спросила Лаура.

— Не знаю ни той, ни другой. При такихъ случайныхъ встрѣчахъ нельзя осведомляться. Сегодня вы поклонились имъ, а завтра, навѣрное, и не встрѣтитесь. Лондонъ такъ великъ.

— Какой энтузіазмъ! И много васъ, такихъ, которыя дежурятъ здѣсь цѣлыми днями?

— Сами увидите, когда всѣ соберутся.

— А все-таки, я думаю, намъ удастся войти первыми, мы обгонимъ эту пару.

— Погляди те, вонъ подходитъ и еще парочка.

Новоприбывшіе судя, по сходству, были братомъ и сестрой. Подойдя ближе, они поклонились Пруденсъ. Они оживленно бесѣдовали между собой. Главной темой разговора былъ театръ. Казалось, они оцѣнивали все на свѣтѣ съ точки зрѣнія партера.

— Десять шиллинговъ! — воскликнулъ молодой человѣкъ, въ отвѣтъ на какое-то замѣчаніе своей спутницы. — Нѣтъ, покорно благодарю, это уже выйдетъ сорокъ шиллинговъ за четыре первыхъ представленія.

Было уже двѣнадцать часовъ. Первый часъ долгаго ожиданія остался позади. Ожидающіе составили уже длинный хвостъ. Видно было, что борьба за голубой билетъ будетъ не шуточная. Пруденсъ оглянулась назадъ и съ ужасомъ убѣдилась, что прибывшіе вслѣдъ за ними были не кто иные, какъ Сентъ Гольміеры.

Она хотѣла избѣжать встрѣчи, но было уже поздно. Миссъ Ева замѣтила ее, а можетъ быть, и ея желаніе убѣжать, но нисколько не смутилась и, со словами: „здравствуйте, дорогая“, переставила свой походный стулъ вплотную къ ней.

Ея привѣтствія были краснорѣчивы и продолжительны; но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ.

Пруденсъ уткнулась въ газету, а Лаура сдѣлала такой видъ, какъ будто она никогда не встрѣчалась съ миссъ Евой. Толпа все увеличивалась, появился и полисмэнъ охранять порядокъ. Было время завтрака. Тѣ, кто пришелъ давно, закусывали; кое-кто предлагалъ свои запасы вновь прибывшимъ.

Былъ уже часъ дня. Половина ожиданія прошла. Публика молчала, многіе дремали. Пруденсъ отложила свою газету и погрузилась въ мечты. Случайно оглянувшись назадъ, она увидѣла миссъ Еву, та тотчасъ же начала разговоръ:

— Кто бы могъ подумать? Вы здѣсь!

— Пришла посмотреть другой жанръ.

— И хорошо сдѣлали. Я вѣдь теперь безъ ангажемента.

Пруденсъ молчала, надѣясь, что краснорѣчіе миссъ Евы выдохнется.

— Ахъ, это длинная исторія! Я...

— Когда-нибудь въ другой разъ, пожалуйста.

— Вы помните, какъ я заканчивала свое объявленіе?

— Пожалуйста, тише.

Быть загнанной въ уголъ непріятно при всякихъ обстоятельствахъ, но это еще непріятнѣе въ толпѣ, гдѣ каждый можетъ васъ слышать.

Миссъ Ева понизила голосъ до шепота, но не тише того, какимъ говорятъ актеры на сценѣ.

— Лучшіе аттестаты и рекомендаціи. — Е. Сентъ Голь-

міеръ—закончила она.—Такъ вотъ, видите-ли, несмотря на это, одной изъ моихъ соперницъ удадось-таки выжить меня. Она приревновала меня къ одному изъ своихъ кавалеровъ.

— Нельзя ли безъ такихъ подробностей.

— Не ожидала я отъ васъ этого, миссъ Меріонъ,—проговорила миссъ Ева обиженно.

— Простите, я вовсе не хотѣла обидѣть васъ.

Миссъ Ева смягчилась и, въ видѣ компромисса, заговорила тише, къ великому удовольствію Пруденсъ.

— Она-то ловкая бестія, ну, а онъ просто дуракъ. Онъ предложилъ мнѣ уступить ей мѣсто и общалъ похлопотать, чтобы меня приняли въ другой театръ. Всѣ издержки бралъ на себя и гарантировалъ помѣщеніе моихъ портретовъ во весь ростъ и объявленій: „несравненная Ева Сентъ Гольміеръ, единственная интересная женщина въ мірѣ“ и т. д., во всѣхъ театральныхъ газетахъ. Но я не попала на эту удочку... Знаете, что я сказала ему?

Бѣдная Пруденсъ была теперь воплощеніемъ кротости.

— Что-нибудь очень остроумное, я увѣрена?—проговорила она.

— Обманщикъ!—вотъ что я сказала ему и обдала его негодующимъ взглядомъ. Итакъ, я осталась безъ ангажемента, въ критическомъ положеніи. Никто мнѣ не помогъ, а Реджинальдъ скорѣе умретъ съ голоду, чѣмъ возьмется за работу, которую считаетъ ниже себя. Не можетъ забыть нашего аристократическаго происхожденія. Вѣдь папа былъ изъ благородныхъ. Впрочемъ, я не виню Реджинальда, не думайте этого.

Было что-то жалкое въ ея вѣрности своимъ пошлымъ идеаламъ, и это придало новый оборотъ мыслямъ Пруденсъ. Она почти готова была заплакать.

— Пробовала я быть гадалкой,—ясновидящей, но это не приноситъ большой выгоды, пока не заполучишь кліентовъ изъ Вестъ-Энда. Но все-таки кое-что перепадаетъ. Конечно, полъ-кроны въ недѣлю недостаточно ни для души, ни для тѣла. Теперь я занимаюсь другой работой, и вы ни за что не угадаете, какой.

— Такъ не буду и пытаться.

— Я—женщина-сыщикъ. Пришла сюда, чтобы выслѣдить одну парочку. Смотрите, не выдайте меня какъ-нибудь.

Пруденсъ вспыхнула и быстро поднялась съ мѣста.

— Пойдемъ, Лаура, пройдемся немного. Здѣсь душно.

Онѣ вышли изъ хвоста ожидающихъ, а миссъ Ева взяла на себя обязанность караулить ихъ мѣсто, что было, впрочемъ, совершенно ненужно. Порядокъ продажи билетовъ былъ установленъ правилами, и публика строго соблюдала

ихъ. Скоро дѣвушки вышли на открытое мѣсто и оглянулись назадъ.

— Она невозможна!—воскликнула Лаура.—Позвольте мнѣ осадить ее, какъ она того стоитъ.

— Несчастное созданіе! Жизнь не баловала ее.

— Почему же?

— Неудачникъ отецъ, шалопай братъ. Она раздѣляетъ участь многихъ изъ насъ, ей не посчастливилось найти себѣ пару.

— Развѣ необходимо ставить себя въ такую зависимость отъ мужчинъ?

— Она иначе не можетъ: она женщина. Я вижу, какъ она опускается все ниже и ниже. Теперь она готова все отдать за кусокъ хлѣба. Такая жизнь—нашъ женскій удѣлъ. Читали вы въ газетахъ объ инцидентѣ съ кучеромъ, который попалъ подъ лошадей и былъ свезенъ въ больницу. Онъ оказался переодѣтой женщиной. Это была вдова, съ тремя дѣтьми, оставшаяся послѣ смерти мужа, безъ всякихъ средствъ къ жизни. И вотъ, не находя никакой работы, она придумала поступить въ кучера. Цѣлыхъ десять лѣтъ она выдерживала свою роль, отъ костюма до голоса включительно. На углу нашей улицы есть женщина-репортеръ, другая рисуетъ картины тутъ же, на мостовой. Одна половина людей не заботится о томъ, какъ живетъ другая, и въ этомъ все зло. И она, и ея драгоценный братецъ, выросшіе въ самыхъ мѣщанскихъ понятіяхъ, никогда не могли понять смысла жизни. Богатый снобъ достаточно гадокъ, но бѣдный!.. а такихъ теперь тысячи. Что создаетъ такіе типы? Роскошная жизнь людей, стоящихъ выше ихъ? Нездоровые идеалы? Только Богъ можетъ помочь такимъ людямъ, родившимся неизвѣстно для чего.

Когда онѣ вернулись, въ толпѣ происходило движеніе и шумъ, не прекращавшіеся уже вплоть до открытія дверей. Такимъ образомъ, Лаурѣ не понадобилось осаживать Еву, которой было теперь уже не до разговоровъ. Когда, наконецъ, онѣ вошли въ театръ, прежнее напряженное ожиданіе публики смѣнилось оживленной болтовней. Наконецъ, отворилась внутренняя дверь, и всѣ бросились къ касѣ. Пруденсъ и ея подруга оказались первыми, за ними миссъ Ева, а двѣ старыя леди подѣ вуалями—только третьими. Всѣмъ имъ достались голубые билеты, съ которыми онѣ и прошли въ партеръ. Онѣ были вознаграждены за свое терпѣніе, оказавшись на лучшихъ мѣстахъ. Миссъ Ева помѣстилась съ краю, въ заднемъ ряду, откуда ей былъ виденъ весь партеръ.

XXXVIII.

Пруденсъ начала было давать объясненія по поводу театра, но интересъ ея спутницы упалъ и не поднимался до тѣхъ поръ, пока ложи и кресла не наполнились зрителями.

— Знаете, Лаура, вѣдь галлерей—лучшее мѣсто. Оттуда рѣшительно все видно.

— А какая вообще публика тамъ сидитъ?—спросила Лаура и обернулась, только для того, чтобы сдѣлать удовольствіе своей собесѣдницѣ.

— Всю первую скамейку занимаютъ такъ называемые критики клуба галлерей.

— Что это за клубъ?

— Это единственные люди, у которыхъ издержки на билетъ окупаются, независимо отъ апплодисментовъ или свистковъ. Они гораздо болѣе создаютъ успѣхъ пьесы, чѣмъ всѣ присяжные критики, вмѣстѣ взятые.

— Спасибо, дорогая. Все таки я думаю, что верхнія мѣста не для меня.

Партеръ и ложи постепенно наполнялись. Оркестръ уже давалъ о себѣ знать нестройными звуками настраиваемыхъ инструментовъ, которые часто бываютъ пріятнѣе слѣдуемой за ними пьесы, ибо сулятъ удовольствіе впереди. Дѣвушки отыскивали въ толпѣ знаменитостей, извѣстныхъ имъ по портретамъ. Пруденсъ называла по именамъ популярныхъ критиковъ. Партеръ представлялъ изъ себя сокровищницу талантовъ, всѣхъ сортовъ совершенства, въ хорошую и дурную сторону, въ политикѣ, искусствѣ, наукѣ, красотѣ, чинахъ и... въ деньгахъ. Послѣдній сортъ былъ, конечно, извѣстнѣе всѣхъ. Не быть здѣсь въ этотъ день, значило быть осужденнымъ. Первые представленія—это своего рода раутъ, куда приходятъ не только для развлечения.

Лаура сіяла отъ удовольствія. Она чувствовала, что вокругъ нея сила. Даже тѣ, кто сидѣлъ на дешевыхъ мѣстахъ, были кѣмъ-то, во всякомъ случаѣ, достойными представителями своего класса. Съ этой мыслью она взглянула опята на галлерей. Не все же тамъ критики и философы. Многія лица, смотрѣвшія внизъ, напомнили ей звѣринецъ, гдѣ звѣри выглядываютъ изъ своихъ клѣтокъ на публику. Вдругъ она повернулась къ Пруденсъ.

— Смотрите, вонъ Сара, въ первомъ ряду галлерей. Она разговариваетъ съ мужчиной.

— Мистрисъ Баркеръ разговариваетъ съ мистеромъ Баркеромъ, если позволите.

— Однако онъ настолько старъ, что могъ бы быть ея отцомъ.

— Роль отдавъ его натурѣ. Потому-то она и вышла за него. Мистеръ Баркеръ въ эту минуту чистилъ для жены неизбѣжный апельсинъ и заботливость его простиралась до того, что онъ собственноручно вынималъ сѣмьчки и бросалъ ихъ внизъ, въ партеръ.

— Смотрите, она замѣтила насъ и дѣлаетъ намъ знаки,— сказала Лаура,—что дѣлать?

— Не обращайтесь вниманія, а то она попроситъ Баркера свистнуть. Однако, тише—занавѣсь.

Раздались аплодисменты, а затѣмъ наступила тишина, выжидательная, общающаяся въ будущемъ строгую критику. Актеры казались подсудимыми, которымъ грозить если и не неправый, то, во всякомъ случаѣ, строгій судъ. Вторичная попытка ихъ поклонниковъ апплодировать не была поддержана публикой. По залѣ пронесся одобрителный гулъ, когда показался главный актеръ, но аплодисменты раздались только тогда, когда упалъ занавѣсь. Партеръ и галлерея начали, остальные мѣста подчинились ихъ рѣшенію. Главный актеръ, блѣдный даже сквозь гриммъ, вышелъ на вызовы и раскланивался передъ публикой.

Дѣвушки опять искали знаменитостей, которыя могли ускользнуть отъ ихъ перваго осмотра.

— Ложи осмотрѣть не трудно,—проговорила Лаура,—а вотъ кресла приводятъ меня просто въ отчаяніе. Посмотрите-ка хоть на эту пару, съ краю второго ряда, налѣво. Сидятъ, какъ истуканы; хоть бы разъ тотъ или другая повернули голову въ нашу сторону.

— Леонардъ!—воскликнули обѣ, когда одинъ изъ этой пары поднялся, чтобы осмотрѣть театръ.

Да, это былъ Леонардъ, а дама, съ которой онъ сидѣлъ рядомъ и разговаривалъ, по временамъ отрываясь отъ бинокля, была ни больше, ни меньше, какъ... мистрисъ Дартъ.

— Спрячьте меня, спрячьте,—пробормотала Пруденсъ, наклоняясь къ самому барьеру.

— Не стоитъ,—отвѣчала холодно Лаура,—все равно онъ замѣтитъ насъ, да и не все ли равно?

— Я не объ этомъ думаю.

— А о чемъ же?

— Мнѣ стыдно, что мы сидимъ на такихъ дорогихъ мѣстахъ.

Онѣ были спасены. Его бинокль направился на ложи и кресла; часто отрываясь отъ него, онъ раскланивался направо и налѣво. Потомъ онъ повернулся къ галлерей. Улыбка съ его стороны и маханіе платкомъ съ галлерей показали, что онъ и Сара узнали другъ друга. Затѣмъ онъ сѣлъ и опять началъ разговаривать со своей сосѣдкой. Лица обоихъ были повернуты къ публикѣ въ профиль.

— Какимъ джентльмэномъ онъ смотритъ въ вечернемъ костюмѣ,—сказала Лаура.

— Развѣ онъ не всегда джентльмэнъ?

— Съ обтрепанными брюками и обшлагами?

— Такъ что же такое?

— Ровно ничего.

Дѣвушки замолчали. Пруденсъ думала о своемъ. Итакъ, маленькая тайна въ ея жизни перестала быть тайной. Леонардъ, и никто другой, былъ тѣмъ таинственнымъ благодѣтелемъ, который нашелъ ей работу у мистрисъ Дартъ въ дни ея нужды. И никто иной, какъ онъ, спасъ ее тогда, въ ея глупомъ похожденіи въ Пентонвилѣ. Хорошо, что такъ случилось, но, значить, онъ узналъ тогда, а это было унижительно. Что онъ долженъ былъ подумать о ней? Она вспомнила ихъ разговоръ, вспомнила, какъ она бранила несчастнаго бродягу и какъ онъ старался возбудить и въ ней негодование противъ тѣхъ, кто толкаетъ на такія дѣла. Конечно, онъ узналъ ее, несмотря на темноту, несмотря на ея вуаль,—можетъ быть, по голосу, можетъ быть, по собакѣ—вѣдь Спэгъ былъ съ ней въ тотъ вечеръ. Но все-таки, если бы онъ думалъ о ней дурно, развѣ онъ рекомендовалъ бы ее мистрисъ Дартъ? Развѣ онъ могъ бы быть такимъ добрымъ и такимъ великодушнымъ по отношенію къ ней? Въ ея положеніи не было ничего постыднаго и тѣмъ легче было съ нимъ примириться, что, если бы не этотъ случай, она никогда не знала бы, до какой степени онъ деликатенъ. Что могло быть благороднѣе его молчанія и желанія скрыть свое имя.

Въ результатѣ всего этого она начала думать о немъ еще лучше, чѣмъ прежде, а о себѣ тоже не такъ дурно, какъ это могло бы быть.

Но вдругъ ей пришла въ голову новая мысль, вытѣснившая всѣ остальные. Кто же онъ такой? Изданіе „Желѣзнаго Клейма“, очевидно, только часть того, что онъ дѣлаетъ. Сара часто намекала на его двойную жизнь, но, очевидно, не имѣла нити къ разгадкѣ его тайны. „Онъ ѣздитъ взадъ и впередъ“, сказала она однажды со своимъ обычнымъ лаконизмомъ. Но куда онъ ѣздитъ въ тѣ дни, когда свободенъ отъ работы въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ разыгрываются „Исторіи одного преступленія“?.. Онъ другъ мистрисъ Дартъ, а это уже само по себѣ служить ручательствомъ въ томъ, что онъ имѣетъ положеніе въ свѣтѣ; кромѣ того, его безпрестанные поклоны направо и налево показывали, что онъ чувствуетъ себя въ театрѣ, какъ дома.

— Право, она очаровательна,—сказала Лаура, пристально смотря на мистрисъ Дартъ.

— Вѣдь я то же самое говорила вамъ про нее.

— Да, вы пытались ее описать, но ваше описаніе не точно. Половину очарованія придаетъ ей костюмъ.

Лаура была счастлива и поэтому снисходительна. Ея восхищенный взглядъ скользилъ по ложамя и кресламя— но отнюдь не выше—и она чувствовала себя, какъ рыба въ водѣ.

— Какая красота, Пруденсъ.

— Я вамъ говорила, что она совершенство.

— Я не только о ней, а обо всемъ этомъ цвѣтницѣ мужчинъ и женщинъ.

— А не находите ли вы, что есть исключенія—вотъ хотя бы та дама, имѣющая такой видъ, какъ будто она надѣла на шею всѣ свои сбереженія?

— Нѣтъ, нѣтъ, молодость и старость, хорошій вкусъ и дурной—здѣсь все на своемъ мѣстѣ. Весь секретъ въ одномъ словѣ.

— Какое же это слово?

— Сила. Пробивайся впередъ, кто какъ можетъ!

— Стремленіе впередъ, какъ законъ жизни и снобизмъ, какъ средство, для достиженія цѣли?

— Почему же нѣтъ?—спокойно возразила Лаура.—Называютъ это, какъ хотите, меня заботить не названіе, а суть дѣла.

— Вопросъ не въ названіи и не въ сути. Есть кое-что лучшее.

— Секретъ, какъ стать богами?

— Хотя бы.

— Развѣ міръ можетъ стать другимъ?

— Да да, можетъ и станетъ другимъ. Люди приблизятся къ небу.

— Зачѣмъ имъ это? Они и такъ нашли секретъ счастья. Смотрите, сидящіе на галлерей ближе насъ къ небесамъ, но развѣ они лучше отъ этого?

— Мы говорили не объ этомъ, я хотѣла только сказать, что мы предназначены для лучшаго.

— Почемъ вы знаете, для чего мы предназначены. А эти, по крайней мѣрѣ, знаютъ.

— Половина изъ нихъ похожа на звѣрей, вышедшихъ за добычей. Посмотрите только на ихъ лица.

— Не нужно рѣзкихъ выраженій. Можетъ быть, имъ предназначено быть такими.

— Для чего же и жить, если не стремиться ~~ни~~ къ чему высшему?

— Спросите въ клубѣ галлерей, захотятъ ли они поѣдаться съ вами мѣстомъ.

— Лучше спросите тигровъ въ зоологическомъ саду! Это то же самое.

— Отъ всего сердца спрошу; они четвероногіе—мы двуногіе, вотъ и вся разниѣа, можетъ быть.

Звуки оркестра замерли и поднялся занавѣсъ. Зрители сидѣли молча, даже главный актеръ не былъ встрѣченъ аплодисментами, но не получилъ и знаковъ неодобренія. Только когда онъ скрылся за кулисы, раздались вызовы съ верхнихъ мѣстъ. Въ партерѣ вызывали декоратора. Успѣхъ акта висѣлъ на волоскѣ, но онъ былъ спасенъ любовной сценой, проведенной очень умѣло среди чудной декорациі звѣздаго неба.

Но вниманіе дѣвушекъ было мало занято. Зрительный залъ былъ для нихъ интереснѣе и реальнѣе: вѣдь тамъ сидѣла мистрисъ Дартъ, въ своемъ ослѣпительномъ туалетѣ, а главное, рядомъ съ ней сидѣлъ Леонардъ.

— Я чувствую, я увѣрена, что „Желѣзное Клеймо“—только игрушка для него. Кто онъ такой, какъ его настоящее имя?—говорила Лаура.

Тотъ же самый вопросъ занималъ и Пруденсъ, но она позаботилась не высказать его.

Лаура и не нуждалась въ отвѣтѣ, ей было довольно того, что ее слушаютъ.

— Онъ великія дѣла сдѣлаетъ, этотъ человѣкъ. Навѣрное, онъ попадетъ въ парламентъ на первыхъ же выборахъ. А можетъ быть, онъ уже тамъ. Развѣ мы знаемъ его настоящее имя?

Слово „мы“ въ устахъ Лауры разсердило Пруденсъ, но она постаралась не выдать себя. Лаура какъ будто рѣшила завладѣть имъ, а чего захочетъ Лаура, того она непременно добьется.

— Подождите только до выборовъ, а тамъ увидите. Я могла бы даже быть ему полезной.

Теперь Лаура уже говорила „я“, вмѣсто „мы“. Это было нестерпимо.

— Мнѣ кажется, въ этомъ нѣтъ надобности, Лаура. Онъ и не думаетъ о парламентѣ, для него достаточно газеты, она занимаетъ всѣ его мысли, это ужъ я знаю.

— Никогда!—горячо возразила Лаура,—онъ достоинъ большого и достигнетъ, можетъ быть, и скамьи министровъ. Отчего только онъ не идетъ прямо къ цѣли вмѣсто того, чтобы копаться въ этой грязи и упускать свое счастье. Какъ бы я хотѣла помочь этому человѣку.

Весь второй актъ дѣвушки демонстративно молчали. Пруденсъ испытывала глубокія страданія, а Лаура мечтала о тѣхъ перспективахъ, которыя открылись передъ ней съ той минуты, когда она увидѣла Леонарда въ его настоящей роли. Она не подозрѣвала о мученьяхъ подруги. Ей казалось совершенно естественнымъ, что первое мѣсто, всегда и во

всемъ, должно быть за ней. До сихъ поръ Леонардъ былъ въ ея представленіи только пріятнымъ человѣкомъ, можетъ быть, бѣднымъ, но умнымъ и красивымъ, но никогда еще, она не думала о немъ серьезно. Теперь другое дѣло. Имъ стоило заняться, и она высказывала свой интересъ къ его карьерѣ такъ откровенно и съ такимъ сознаніемъ своего права, которое исключало всякую мысль о жестокости или узурпаціи съ ея стороны.

Весь третій антрактъ Лаура думала вслухъ о мистрисъ Дартъ. Для обѣихъ дѣвушекъ пьеса потеряла весь интересъ, онѣ жили только въ антрактахъ. Пруденсъ была похожа на воробья, сложившаго усталыя крылья, Лаура же олицетворяла собой ястреба на охотѣ. Каждая исполняла законъ своего бытія. Но послѣдній крикъ ловца принесъ новыя муки для преслѣдуемой „мистрисъ Дартъ!“ Что такое для нея Леонардъ? Если онъ ей близокъ, то его любезная рекомендація была только новымъ униженіемъ. Она, Пруденсъ, дѣлалась вещью, совершенно не идущей въ счетъ между ея патронессой и другомъ патронессы. Все вниманіе Леонарда къ ней, его дружба представлялись ей въ новомъ, мрачномъ свѣтѣ, она ставилась на одну доску съ объектами его наблюденій, вродѣ „Исторіи одного преступленія“.

Антрактъ казался ей своего рода ужасной комедіей, гдѣ она, Пруденсъ, совершенно лишняя, и гдѣ главныя роли играютъ Леонардъ, Лаура и мистрисъ Дартъ. Потомъ ей пришло въ голову, не играетъ ли въ этой комедіи и миссъ Ева. Вѣдь она пришла выслѣживать парочку. Какую? Пруденсъ повернулась назадъ, отыскала глазами миссъ Еву и увидѣла, что та пристально смотритъ на Леонарда и его смутницу. Еще немного—и взгляды двухъ дѣвушекъ встрѣтились. Миссъ Ева поклонилась съ таинственной улыбкой заговорщика.

Спектакль кончился. Пруденсъ была, какъ во снѣ. Она смутно помнила, что къ ней подошла миссъ Ева и, ни слова не говоря, сунула ей въ руку записку, которую она, даже не прочитавъ, машинально спрятала въ карманъ. Дѣвушки вышли вмѣстѣ съ толпой. Пруденсъ попрощалась съ Лаурой и отправилась домой одна.

XXXIX.

Волненія Пруденсъ этимъ не кончились. На слѣдующее утро она поднялась разстроенная. Ей не хотѣлось даже смотрѣть на солнце.

Но ея уныніе скоро смѣнилось подъемомъ силъ. Ей принесли письмо отъ квартирохозяйки Сары. Тамъ стояло слѣ-

дующее: „Мистера Баркера не было дома всю ночь. Мистрисъ Баркеръ, взволнованная, ушла изъ дому. Пожалуйста, приходите“.

Черезъ полчаса Пруденсъ была уже на мѣстѣ.

Что случилось? Это оставалось пока неизвѣстнымъ. Пруденсъ узнала только, что Сара вернулась домой одна, всю ночь не ложилась и бродила по комнатамъ, беспокоя нижнихъ жильцовъ, а рано утромъ ушла, не сказавъ никому ни слова. Хозяйка послала за Пруденсъ, такъ какъ изъ всѣхъ знакомыхъ Баркеровъ она знала только ея адресъ.

Затѣмъ жильцы устроили что-то въ родѣ совѣщанія, подъ предѣлательствомъ хозяйки. Путемъ перекрестныхъ допросовъ удалось немного раскрыть тайну. Супруги Баркеръ ушли въ театръ, какъ лучшіе друзья. Онъ былъ, какъ всегда, чрезвычайно предупредителенъ. Нѣсколько времени спустя онъ вернулся домой, за теплымъ боа, которое мистрисъ Баркеръ забыла надѣть, и опять ушелъ въ театръ. Черезъ часъ послѣ того на квартиру къ нимъ заходила какая-то дѣвочка, какъ она сказала, по спѣшному дѣлу, и ее направили въ театръ.

Первое, что нужно было сдѣлать, это разыскать мѣсто службы мистера Баркера. Можетъ ли Пруденсъ дать какія-нибудь свѣдѣнія на этотъ счетъ?

Она не могла. Было извѣстно, что мистеръ Баркеръ предполагалъ начать большое дѣло по своей специальности, но этого было недостаточно. Онъ платилъ за квартиру аккуратно, а до остального никому не было никакого дѣла.

Вся компанія не знала, что и думать, какъ вдругъ раздался стукъ въ двери. Хозяйка пошла открыть и ввела молодую женщину, которую никто изъ собравшихся не зналъ.

Она рассказала слѣдующее: она была тоже въ театрѣ и, выходя оттуда, все время видѣла Баркеровъ. Эта парочка привлекла ея вниманіе потому, что мистеръ Баркеръ былъ необыкновенно любезенъ съ женой. Онъ собственноручно надѣлъ на шею боа передъ тѣмъ, какъ они вышли на улицу и вообще все время предостерегалъ ее отъ простуды.

Они вышли подъ руку, повидимому въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, какъ вдругъ... но тутъ рассказчица отъ сильнаго волненія, схватившаго спазмомъ ея горло, прервала свое описаніе. Подкрѣпившись рюмкой прохладительнаго питья, приготовленнаго для всей компаніи, она продолжала:

— Вдругъ, справа отъ нихъ, появилась другая женщина, очень плохо одѣтая. Она держала за руку ребенка. Замѣтивъ ее, мистеръ Баркеръ быстро опустилъ руку Сары и, сильно поблѣднѣвъ, остановился, какъ вкопанный.

Сара, думая, что онъ просто хочетъ дать дорогу этой

женщинѣ, тоже остановилась, но та, не обративъ на нее никакого вниманія, подошла къ Баркеру и ударила его по лицу. „Робертъ Баркеръ“,—сказала она—„когда же вы вернетесь домой и будете кормить свою законную жену и ребенка?“

Мистеръ Баркеръ ничѣмъ не отвѣтилъ на оскорбленіе. Онъ вынулъ платокъ, обтеръ лицо и молчалъ.

„Онъ и идетъ домой, вмѣстѣ со своей женой“,—отвѣчала Сара свирѣпо.—„А вы проходите, а то я позову полисмэна“.

„Моя фамилія Баркеръ, *миссъ*“,—отвѣчала незнакомка,—„я замужемъ за Робертомъ Баркеромъ. А вы кто такая? Проходите, а то я позову полисмэна. Восемнадцать мѣсяцевъ я искала его по всей Англіи, пока случайно не прочла его имя въ газетѣ. Тогда я и пріѣхала сюда“.

Разсказчица, сильно волнуясь, вытащила изъ кармана газету и положила ее на столъ. Это былъ номеръ „Желѣзнаго Клейма“, въ которомъ Леонардъ помѣстилъ свою замѣтку по поводу свадьбы Сары. Объяснивъ, что она подобрала газету на улицѣ, гдѣ та женщина уронила ее во время разговора съ Сарой, она продолжала свой разсказъ. Сара поблѣднѣла еще больше, чѣмъ ея спутникъ. Съ горящими отъ гнѣва глазами она повернулась къ нему и прочла полное сознаніе въ его безпомощно озиравшейся по сторонамъ фигурѣ. Больше не было сказано ни одного слова. Онъ повернулся и пошелъ въ сторону, преслѣдуемый насмѣшками толпы. Незнакомая женщина съ ребенкомъ пошла за нимъ. Сара простояла нѣсколько мгновеній и почти безъ чувствъ опустилась на руки разсказчицы.

Въ это время приблизился полисмэнъ и обратился къ толпѣ съ обычной формулой блюстителя закона: „расходитесь, пожалуйста“. Нѣсколько вопросовъ и бѣглый взглядъ на Сару, которая все еще не пришла въ себя, показали ему, что надо предпринять еще что-нибудь. Онъ принялъ, насколько это возможно для полисмэна, нѣжный, заботливый и внимательный видъ, вынулъ записную книжку, позвалъ кэбъ, взялъ Сару подъ руку и помогъ обѣимъ сѣсть.

„Мой совѣтъ—поѣзжайте въ больницу“,—сказалъ онъ.

Сара покачала головой.

„Тогда домой?“

Сара повторила тотъ же жестъ, уже съ оттѣнкомъ отвращенія.

„Ну, ну, будьте разсудительны“,—сказалъ полисмэнъ,—„надо ѣхать домой“.

Сара первый разъ за все время нарушила молчаніе и сказала свой адресъ. Всю дорогу она молчала, знаками отвергая предложенія дальнѣйшей помощи. Она сидѣла въ

углу кѣба, какъ каменное изваяніе, только глаза ея блуждали по сторонамъ. Когда онѣ доѣхали до дому, она, ни слова не говоря, заплатила кучеру такъ щедро, что онѣмѣль, пожала руку своей спутницѣ и, оставивъ у нея на ладони два шиллинга, отперла дверь своей квартиры и скрылась.

Теперь разсказъ перешелъ къ хозяйкѣ. Ея жилища провела ужасную ночь. Она вернулась въ свой храмъ, съ которымъ у нея было связано столько дорогихъ воспоминаній, только затѣмъ, чтобы покинуть его навсегда, на слѣдующее же утро.

Первой ея заботой было уничтожить все, что принадлежало мистеру Баркеру, прямо или косвенно. Всѣ его костюмы и бѣлье, всѣ вещи, начиная отъ старой бритвы, которой онѣ обрѣзывалъ сигары, и кончая пузырькомъ синихъ чернилъ, которыя онѣ предпочиталъ чернымъ, и любимой ручкой, все это было связано въ узелъ. На оберткѣ стояли буквы: Р. Б., а вмѣсто адреса слова: „негодяю и обманщику“. Его подарки, по большей части разные модныя бездѣлушки, были изломаны и разбиты, и кусочки ихъ составили второй узелъ, съ надписью: „въ помойную яму“. Порванный портретъ мистера Баркера и кусочки его писемъ были завернуты въ отдѣльный пакетъ, съ надписью: „ложь“.

Особый узелъ составила домашняя утварь, серебро и мѣдь, которая хоть и принадлежала ей, но была осквернена его прикосновеніемъ. Туда же пошла чековая книжка — на остатокъ ея сбереженій. Этотъ остатокъ представлялъ значительную сумму, но вѣдь на книжкѣ стояло то же ненавистное имя, на которое она не имѣла уже права. Она обрекала этимъ себя на нищету, можетъ быть, потому, что не знала своихъ правъ, а вѣрнѣе, просто потому, что ей была противна даже мысль искать вознагражденія съ человѣка, который такъ подло обманулъ ее. Письмо къ хозяйкѣ завершило ея приготовленія къ бѣгству.

„Дорогая мистрисъ.—Прилагаю одинъ шиллингъ и шесть пенсовъ, все, что у меня остается. Возьмите ихъ въ счетъ недѣльной платы за квартиру, продайте обстановку и остатокъ. Пожертвуйте на больницу. Я больше не вернусь.—Сара“.

Ея квартира была оставлена такой же чистенькой, какъ и всегда. Ковры безъ единой соринки, даже зола въ каминѣ оказалась сгребенной въ зольникъ. Но все носило отпечатокъ отчаянія, желанія навсегда похоронить прошлое, искупить то, что въ глазахъ Сары было преступленіемъ—ея несчастную попытку повѣрить мужчинѣ. Молча она ушла отсюда, опять навстрѣчу труду и бѣдности.

Куда она исчезла? Пруденсъ рѣшила предпринять поиски. На время она забыла даже свои собственные огорченія, всѣ мрачныя мысли прошлой ночи.

Два дня прошли въ безплодныхъ поискахъ въ посѣщеніяхъ участковъ, объявленій въ газетахъ и справкахъ. Были испробованы всѣ способы. На третій день Пруденсъ осѣнила блестящая мысль, впрочемъ, не ея собственная, а почерпнутая изъ романовъ. Она вспомнила, что всѣ бѣглецы прежде всего возвращаются въ свои старыя убѣжища, дѣлаютъ это даже преступники, которые вдвойнѣ боятся, что ихъ откроютъ. Она отправилась въ пригородный кварталъ, гдѣ Сара жила до того, какъ перебралась въ свою новую квартирку, и дѣйствительно нашла ее тамъ, на томъ же чердакѣ, полумертвую отъ горя, отъ бессонницы и отъ голода.

Даже теперь, въ своемъ тяжеломъ положеніи, Сара оказалась не склонной къ нѣжнымъ изліяніямъ. Пруденсъ вошла, не постучавшись. Сара лежала на кровати, устремивъ блуждающій взглядъ на лондонское небо.

— Кто здѣсь? Что надо?

— Сара, это я, Пруденсъ.

— Не слѣдуетъ приходить, миссъ, когда васъ не зовутъ.

— Сара!

Но упрямую гордость Сары не такъ легко было сломить. Она повернулась лицомъ къ стѣнѣ. Она глубоко страдала отъ сознанія своей слабости, которая была причиной всѣхъ ея бѣдъ.

— Не говорите ни слова, Сара, я все знаю.

— Его арестовали?

— Вѣроятно, но какое намъ дѣло до него? Я хочу устроить васъ лучше.

— Закройте дверь, не пускайте ее...

— Кого?

— Ту женщину, съ улицы... она убьетъ, убьетъ...

Пруденсъ вышла на площадку, заперла дверь на ключъ, положила его въ карманъ, спустилась внизъ, приказала никому не пускать къ Сарѣ и вернулась обратно.

Она вернулась какъ разъ во время. Сара встала было съ постели, съ намѣреніемъ не пускать никого, даже Пруденсъ, но, окончательно ослабѣвъ, упала на полъ, въ припадкѣ слезъ. Гордость ея была сломлена, но рассудокъ спасенъ.

Остальное было уже просто. Послали за докторомъ и скоро пациентка спала, подкрѣпленная соединеннымъ дѣйствіемъ пищи и лѣкарства. Пруденсъ рѣшила остаться у нея на всю ночь.

Бодрствованіе опять нагнало на нее мрачныя мысли. Хлопоты около Сары, помощь ей въ ея болѣе серьезномъ несчастіи, на время отогнали ихъ и, можетъ быть, спасли ее

отъ нервнаго припадка. Но теперь эти мысли вернулись съ новой силой.

Чего ей недоставало въ жизни? Не въ томъ ли вся ея бѣда, что ей не для чего жить? Вопросъ былъ для нея не въ тѣхъ или иныхъ идеалахъ; ей хотѣлось вѣрить хоть во что-нибудь, за что-нибудь уцѣпиться, чтобы было изъ за чего работать, имѣть какую-нибудь цѣль, которая служила бы ей путеводной звѣздой. У всѣхъ людей есть впереди цѣль, есть хоть какая-нибудь вѣра. Если это и ложная вѣра, то всетаки она лучше, чѣмъ ничего. У Лауры эта вѣра была особенно сильна, и она спасала ее. Счастливые люди! Счастливая Лаура!.. Но несчастная Пруденсъ, презирающая вѣру Лауры и не имѣющая своей.

Какая ошибка была въ жизни Сары? Потребность достойной цѣли, ради которой стоило бы жить. Она жила для независимости, какъ будто можно жить для такой, въ сущности отрицательной, цѣли. Не зависѣть... отъ кого? отъ чего? Развѣ это достижимо?

А что если вопросъ поставить иначе? Сара искала независимости, ради матеріальной обезпеченности. Пойдемъ дальше. Для чего ей была нужна обезпеченность? Для счастья?.. Ну, вотъ она, Сара. Посмотрите на нее теперь!

Итакъ, цѣль должна быть шире, достойнѣе. Можетъ быть, вернуться къ старому, къ старой еврейской морали жить по закону.

„Но что значить жить по закону и какъ понимать этотъ законъ?“ Это былъ вопросъ, поднявшійся со дна ея души и, казалось, продиктованный демономъ-искусителемъ.

Она оставила безъ вниманія этотъ перерывъ. Итакъ, стоять на правомъ пути, и все остальное приложится, а въ томъ числѣ и житейскія блага.

Нѣтъ, это не такъ. Она вспомнила книгу Іова, съ комментаріями Фруда. Благополучіе не признакъ правоты, оно не имѣетъ съ ней ничего общаго, никакой причинной связи. На ложномъ пути стоять тѣ жалкіе моралисты, которые говорятъ, что несчастье есть наказаніе за грѣхи.

„Такъ что-жъ? Значить несчастье — награда за добродѣтель?“ продолжалъ тотъ же внутренній голосъ.

Нѣтъ, нѣтъ, есть другая награда. Высшее счастье—вотъ ея имя. То состояніе души, когда вы чувствуете, что хотите добра, что все, что вы дѣлаете — хорошо, и приведетъ ко благу, если и не для васъ, то для вашихъ ближнихъ. Мери Ленъ, эта святая, познала высшее счастье. Она не заботится о наградѣ, разъ она знаетъ, что можетъ зажечь лучъ радости въ глазахъ кого-нибудь изъ присныхъ своихъ.

„Но какъ достигнуть этого, какъ это познать?“

„Глупая, загляни въ свое сердце... и живи. Довольно

для тебя тѣхъ добрыхъ мыслей и чувствъ, которыя живутъ въ твоей душѣ“.

„Нѣтъ, не довольно“, вопіялъ тотъ же голосъ, требуя точнаго опредѣленія.

„Дѣлать добро другимъ и поменьше думать о себѣ. Это смоетъ грязь съ моей души. Что спасло меня теперь, какъ не состраданіе къ Сарѣ, заставившее меня забыть о себѣ. Если бы не это, я сошла бы съ ума“.

„Увѣрена ли ты въ себѣ?“—опять спросилъ тотъ же голосъ. Мало ли было людей, особенно женщинъ, которыя говорили: „я дѣлала добро по своему разумѣнію. Я жертвовала собой ради ближняго... и что же? На меня сыпались удары судьбы, и я каюсь въ томъ, что забывала о себѣ. Есть вѣдь люди, которые подходятъ къ цѣли съ другого конца и достигаютъ ее. Вспомни Лауру“.

„Нѣтъ, нѣтъ, только не такъ, какъ она! Въ чемъ бы ни была правда, но этотъ культъ „успѣха“—ложь!“

„Да, я могу сказать: „я увѣрена въ себѣ“, если только я ясно пойму, что для меня главное въ жизни. Мери Ленъ нужно все человѣчество, а мнѣ, можетъ быть, только отдѣльныя единицы. Люби что нибудь—человѣчество, или человѣка взаимно, или безъ взаимности, и пусть другіе любятъ тебя. Любовь—добровольная жертва, а въ жертвѣ—высшее счастье. Довольно вздыхать... Я нашла свою вѣру“.

XL.

Очевидно, Пруденсъ была хорошимъ дипломатомъ, ибо черезъ недѣлю Сара была водворена въ своей прежней квартирѣ.

Какъ ей удалось этого добиться, трудно сказать. Не было съ ея стороны ни упрасиваній, ни логическихъ аргументовъ, все вышло какъ-то само собой. Можетъ быть, Сара вернулась только для того, чтобы распродать свое имущество, но Пруденсъ надѣялась, что этого не случится.

Сара принялась опять за работу, опять ея сокровище ласкало ея взоръ. Несмотря на то, что она еще не окрѣпла послѣ болѣзни, она усердно чинила и приводила въ порядок то, что было попорчено.

Труднѣй всего было уничтожить всѣ воспоминанія о мистерѣ Баркарѣ. Пруденсъ заботливо убрала все, что такъ или иначе могло напомнить о немъ.

Онъ былъ арестованъ, и Сара узнала объ этомъ. Эту добрую услугу оказала ей хозяйка квартиры. Въ тотъ вечеръ жена Баркера пошла за нимъ слѣдомъ и вызвала его на то, что онъ ударилъ ее. Проходившій полисменъ счелъ это не-

дозволеннымъ даже по отношенію къ законной женѣ. Между Сарой и Пруденсъ не было никакихъ разговоровъ о Баркерѣ. Для обѣихъ онъ былъ героемъ печальнаго происшествія, о которомъ надо было поскорѣе забыть.

Но какъ-то вечеромъ запретный вопросъ всетаки былъ поднятъ. Это вышло случайно. Пруденсъ, которая проводила теперь все свободное время у Сары, полѣзла въ карманъ за какой-то покупкой и вмѣстѣ съ ней вытащила театральнѣйшій билетъ. Она успѣла быстро спрятать его отъ Сары. Тутъ она вспомнила, что на ней то самое платье, въ которомъ она была въ театрѣ. Дальнѣйшіе поиски въ карманахъ обнаружили еще одинъ документъ. Зажавъ его въ рукѣ, она улучила минуту, когда Сара принялась за шитье фианелевой юбочки для ребенка мистера Баркера, и прочла его.

Это оказалась та самая записка, которую миссъ Ева сунула ей въ руку, когда онѣ выходили изъ театра, и про которую она совершенно забыла. Записка гласила слѣдующее:

„Моя парочка—въ ложѣ лит. О. П. Должна слѣдить за ними, сожалѣю, что не могу попроситься съ вами. Впрочемъ, скоро увидимся“.

„Е. С. Гольмиеръ“.

Она чуть не выдала себя крикомъ радости. Леонардъ и мистрисъ Дартъ сидѣли въ креслахъ. Значитъ, Ева выслѣживала не ихъ. Зачѣмъ же тогда она улыбнулась и кивнула ей на нихъ? Да просто, чтобы обратить на нихъ ея вниманіе, не думая связывать ихъ со своей грязной профессіей.

О, какое счастье, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое униженіе! Какъ могла она такъ легко повѣрить дурному о нихъ. Но вѣдь при томъ упадкѣ духа, въ какомъ она была въ то время, она была не отвѣтственна за неосновательное подозрѣніе. Она слишкомъ волновалась отъ разговора съ Лаурой, чтобы соображать что-нибудь.

Но укоръ совѣсти не такъ-то легко было отогнать. Она позволила себѣ заподозрить двухъ людей, которые въ ея глазахъ должны бы стоять внѣ всякихъ подозрѣній: мистрисъ Дартъ, которая была такъ добра и внимательна къ ней, и Леонарда, лучшаго своего друга.

Она вернулась къ Сарѣ и сѣла около нея. Въ этотъ моментъ раздался стукъ въ дверь.

Леонардъ!

Онъ казался сильно взволнованнымъ и забылъ даже поклониться. Въ рукахъ у него была пачка телеграммъ, и онъ вошелъ со словомъ „побѣда!“

Онъ не видѣлся съ Пруденсъ, если не считать театра, съ того дня, когда они обѣдали въ ресторанѣ. Никогда еще онъ не казался такимъ красивымъ. Выраженіе рѣшимости, обыкновенно отличавшее его лицо, теперь смягчалось радостью успѣха. Энергичныя, правильныя черты и темные волосы были очень эффектны при слабомъ вечернемъ освѣщеніи.

— Дорогая Сара, очень радъ васъ видѣть. Миссъ Пруденсъ, мы съ вами тоже давно не видѣлись. Я пришелъ только узнать ваши новости и сообщить вамъ свои.

— Сперва вы,—сказала Сара.

— Я, кажется, пришелъ не во время. Чувствовалъ, что не надо было являться къ вамъ съ новостями сегодня. Кромѣ того, я оставилъ дома другую связку телеграммъ. Лучше въ другой разъ,—и онъ направился къ двери.

Но невозможно было отпустить его такъ. Пруденсъ смотрѣла то на него, то на Сару, то на свертокъ телеграммъ, который казался ей молніей въ рукахъ Юпитера.

Вдругъ, какимъ-то наитіемъ она поняла все и нашла нужные слова.

— Я знаю,—сказала она съ блестящими глазами, — это извѣстія о выборахъ, тотъ самый великій сюрпризъ, побѣда труда.

— Да,—сказалъ онъ, пожимая ея руку,—вы первая, какъ всегда. Вы были моимъ первымъ подписчикомъ, вы первая угадали. Здѣсь извѣстія о выборахъ, исполненіе пророчества. Трудъ побѣдилъ; наконецъ!

Такъ и было. Это былъ первый день великаго подъема, которому суждено измѣнить всю исторію Англіи.

Настала новая жизнь, озаренная новымъ свѣтомъ, какъ будто старая ушла прочь вмѣстѣ съ вѣкомъ Викторіи. Но время не пропало даромъ для сѣмени, которое созрѣвало въ землѣ.

Почти всѣ возможные результаты были достигнуты. Вся Англія кипѣла. Большіе центры стали на сторону труда, въ защиту его интересовъ, остальная страна шла за ними. Братья близнецы, рыцари заступа и молотка скоро получаютъ свое естественное право на матеріальныя и производительныя силы страны. Англія вступила на путь истиннаго прогресса: еще шагъ въ этомъ направленіи — и она станетъ во главѣ всего цивилизованнаго міра.

— Дайте мнѣ—сказала Сара, протягивая руку къ телеграммамъ.

Она лишь смутно понимала, о чемъ идетъ рѣчь, но ея друзья,—единственные друзья во всемъ мірѣ,—радовались, и этого было довольно для нея.

— Очень рада видѣть васъ такими веселыми,—сказала она,—но я устала. Если позволите, я пройду въ сосѣднюю комнату и прилягу тамъ, а вы, миссъ Пруденсъ, приготовьте мистеру Леонарду чай.

Долгъ гостепріимства выше всего, и Пруденсъ должна была остаться, хотя она дорого дала бы, чтобы помѣняться ролями съ Сарой. Въ его присутствіи она чувствовала себя униженной. Сара имѣла право радоваться всему, что дѣлало его счастливымъ. Она всегда была его вѣрной заступницей. А сама она? Какъ она смѣетъ смотрѣть ему въ

глаза? Она не вѣрила, усомнилась, а этотъ грѣхъ не прощается.

— А всетаки я не вполне счастливъ,—сказалъ онъ, проводивъ больную въ другую комнату.—Я вижу, мои новости мало радуютъ васъ.

— Отчего вы это думаете?

— Я вижу по вашимъ глазамъ. Они всегда выдаютъ васъ, они хорошіе шпионы и вѣрно служатъ мнѣ.

Шпионы! Какой неудачный выборъ слова. Она даже надругнула и поспѣшила подать чай.

— Расскажите, какъ все это вышло съ выборами,—сказала она, чтобы вывести себя и его изъ неловкаго положенія.

— Это вышло,—отвѣчалъ онъ, переходя не безъ усилія въ болѣе легкій тонъ.—Это вышло при помощи великаго заговора.

XLI.

Оба разсмѣялись. Шутка достигла цѣли.

— Да,—сказалъ онъ,—великій заговоръ, одинъ изъ тѣхъ, которые создаются среди бѣла дня, такъ что каждый можетъ видѣть и слышать. Такіе заговоры всегда удаются и, благодаря имъ, совершаются самыя великія дѣла.

— Все вышло очень просто. Всѣ... я затрудняюсь найти подходящее слово,—всѣ люди, которые чувствовали тяжесть лавившаго ихъ сапога, по всей странѣ, соединились вмѣстѣ, не спрашивая на это позволенія и рѣшили постоять за себя. Вспомните Вивіана Грея и его слова: „Ничто не позволено, но все сдѣлано“.

— Ихъ много угнетенныхъ, всѣхъ разновидностей труда: фабричныхъ рабочихъ, углекоповъ, моряковъ, плотниковъ, приказчиковъ, сапожниковъ, которымъ хочется своего права на жизнь. Они хотятъ,—я могу это сказать, какъ экспертъ,—такихъ законовъ, которымъ они охотно подчинятся. Они хотятъ работать не только на рынкѣ, но и въ политехникумахъ, въ университетахъ, на публичныхъ лекціяхъ, и ихъ молодежь уже готовитъ себя къ этому. Вы видѣли ихъ тамъ, помните, вы говорили. Вы видѣли ихъ въ аудиторіи, куда они приходятъ въ свободные отъ работы часы. Работать для знанія, жажда знаній — это не ложный путь.—У нихъ, какъ у настоящихъ заговорщиковъ, есть вожаки, которые строятъ для нихъ социальное зданіе. Фундаментъ закладываетъ математика Карла Маркса, за нимъ идутъ каменщики, насквозь пропитанные идеями Джевонса и Милля, извѣстные въ Англіи такъ же широко, какъ Эдиссонъ во всемъ мірѣ.

— Я знаю, по крайней мѣрѣ, половину изъ этихъ людей, имена которыхъ стоятъ въ телеграммахъ. Я встрѣчала ихъ на лекціяхъ,—сказала Пруденст.

— Все это работа двухъ людей, апостола и организатора побѣды. Первый изъ нихъ долго стоялъ на своемъ посту. Онъ былъ углекопомъ въ сѣверной Шотландіи, онъ обдумалъ, переживалъ все это во мракѣ темной шахты. Размышленія въ шахтѣ гораздо продуктивнѣе, чѣмъ даже на кладбищѣ. Изъ шахты онъ поднялся въ парламентъ, но этимъ только переѣхалъ одну пустыню на другую: вѣдь онъ былъ тамъ одинокъ. Онъ социалистъ, этотъ яркій огонь горитъ въ его душѣ: стоитъ только заглянуть въ его глаза. Это глаза мечтателя. Бѣдность, униженіе, порокъ, не должны быть болѣе удѣломъ многихъ милліоновъ людей—вотъ его мечта.

— Я слышала, какъ онъ говоритъ и люблю его,—сказала Пруденсъ.—Сократъ былъ, вѣроятно, въ этомъ же родѣ: такой же мягкій, спокойный, сильный.

— Организаторъ побѣды почти братъ шотландца. Онъ крестьянинъ, учился въ деревенской школѣ и, можетъ быть, бѣгалъ босикомъ на уроки. По крайней мѣрѣ, его дѣти и въ Лондонѣ ходятъ босикомъ для здоровья и, благодаря этому, смотрятъ настоящими херувимами. Затѣмъ онъ учился въ Глазго, а въ Лондонѣ работалъ. Счастливо женился на прелестной женщинѣ, социалисткѣ, какъ и всѣ вы, женщины, уже есть или будете, ибо въ васъ много состраданія и любви. Изъ банды рекрутъ онъ составилъ стройную армію избирателей, обучилъ ихъ, командовалъ ими, доставлялъ имъ средства при помощи соглашеній съ другими популярными партіями, которыя, отъ первой до послѣдней, шли съ ними рука объ руку, для торжества общей идеи. Какая работа! Постоянныя поѣздки и днемъ, и ночью, то туда, то сюда, вплоть до самыхъ дальнихъ островковъ. Здѣсь говоритъ, тамъ опровергаетъ и въ концѣ концовъ когда наступилъ часъ битвы, онъ могъ спокойно ждать результатовъ, увѣренный въ успѣхѣ. Остальное вы знаете или узнаете во всей полнотѣ еще до конца недѣли.

— Пожалуй, вы станете правительствомъ,—сказала Пруденсъ.

Онъ засмѣялся.

— Мы не такъ честолюбивы, но долженъ сказать, и не боимся этого. Побѣда едва ли можетъ быть окончательной. Мы добиваемся только того, что въ настоящее время въ нашихъ силахъ. И мы добьемся этого.

— Но вы не первые,—сказала она.—Я читала, что въ парламентѣ были вожди рабочаго движенія еще въ тѣ времена, когда васъ не было на свѣтѣ.

— Какъ отдѣльныя личности, но не какъ партія.

— Партія! Я боюсь этого слова, если только я вѣрно понимаю его смыслъ. Почему рабочая партія? Почему, напримеръ, не партія пивоваровъ? Не лучше ли просто—народъ?

— Пусть другіе начинаютъ, мы пойдемъ за ними. Мы сражаемся съ современнѣмъ оружіемъ.

— За что же вы боретесь?—спросила она.—За святое право богатѣть такъ же, какъ и другіе, если это въ вашихъ силахъ?

— И остаться такими же бѣдняками, какъ большинство, потому что для большинства народа дѣло сводится именно къ этому.—Нѣтъ.

— Вы забыли вашу долю общей работы: „Желѣзное Клеймо“.

— Нѣтъ, не забываю. Я считаю, что для пользы общаго дѣла необходимо доказывать значеніе маленькихъ начинаній. Если бы мы ждали капиталовъ и поддержки сверху, тогда бы у насъ не было рабочей партіи и не было бы „Желѣзнаго Клейма“. Мнѣ кажется, я доказалъ, что человѣкъ, обладающій вѣрой и энергіей и знающій, что сказать, можетъ предпринять изданіе газеты съ самыми скромными средствами, если это будетъ такая газета, какая нужна народу. А если народу она не нужна, то не стоитъ и браться. Обычный планъ, я знаю, заключается въ томъ, чтобы широко оповѣстить о своихъ принципахъ и попытаться составить синдикатъ съ большимъ капиталомъ. Синдикатъ урѣжетъ половину вашихъ принциповъ, но за то дастъ деньги. Вотъ вамъ другой способъ.

Пруденсъ попробовала дать разговоръ другое направленіе, чувствуя, что иначе то, что она больше всего хотѣла услышать, о чемъ ей такъ хотѣлось спросить, останется невысказаннымъ, а именно, тайна его двойной жизни, его близкія связи съ тѣми кварталами, которые для нея недоступны, недоступны даже для Лауры.

— Ваша газета—вѣдь это просто маленькое приключеніе въ вашей жизни,—сказала она.—Скоро вы покинете насъ для великихъ дѣлъ, великихъ успѣховъ. „Желѣзное Клеймо“ останется воспоминаніемъ о васъ у всѣхъ вашихъ друзей: Сары, Мери Ленъ, Лауры...

— Пожалуйста, продолжайте списокъ дальше.

Но она остановилась на этомъ.

— Если мои друзья думаютъ такъ,—сказалъ онъ,—особенно та изъ нихъ, имя которой вы не назвали, то это самая непріятная вещь, которую я когда-либо слышалъ отъ васъ. Развѣ я могу забыть? Много мѣсяцевъ уже я живу самой полной жизнью, какую когда-либо зналъ.

— Все это хорошо, но слава, широкая дѣятельность...

— Пожалуйста, не говорите со мной, какъ будто я какой-то переодѣтый калифъ въ маскарадѣ. Я попалъ въ свою настоящую среду и не хочу выходить изъ нея.

— Недавно я видѣла васъ въ театрѣ...

— Съ мистрисъ Дартъ, одной изъ самыхъ пріятныхъ и

хорошихъ женщинъ ея класса и, я надѣюсь, тоже моимъ другомъ. Странно, что я не видѣлъ васъ.

— Я позаботилась объ этомъ.

— Ну если такъ, то это просто мое несчастье, а не моя вина.

— Вотъ тогда вы были съ людьми своего круга.

— Совершенно напротивъ, увѣряю васъ. Вы знаете, что въ такихъ вещахъ не всегда возможенъ свободный выборъ. Я долженъ дѣлать свое дѣло—вотъ главное, и я дѣлаю его повсюду и всѣми способами.

— Иногда и среди „знаменитостей дня“?

— Берегитесь, а то вамъ придется выслушать мою автобіографію. Вотъ она въ короткихъ словахъ. Вы этого хотѣли, такъ пеняйте на себя.

— Я сынъ бѣдныхъ родителей и учился на общественный счетъ. Средняя школа дала мнѣ только нѣкоторую возможность продолжать образованіе. Я воспользовался этой возможностью. Такъ или иначе, но я попалъ въ Оксфордъ, только для того, чтобы убѣдиться, что Оксфордъ даетъ бѣдному школьнику не многимъ болѣе того, что онъ уже знаетъ. Когда я кончилъ курсъ, надо было жить. Я пустился въ литературу. Эта литература была далека отъ „Желѣзнаго Клейма“. Я работалъ въ большихъ газетахъ, за большія деньги. Мнѣ повезло, и я приобрѣлъ имя. Меня зовутъ Джорджъ Мельби, кажется, вамъ знакомо это имя. Я помню, какъ вы разъ похвалили меня мнѣ въ глаза; имя Мельби я носилъ въ свѣтѣ, Леонардъ — это имя моего дѣда, я взялъ его потомъ. Я назывался Джорджъ Мельби, когда работалъ изъ-за куска хлѣба, и назвался Джорджемъ Леонардомъ, когда сталъ издавать „Желѣзное Клеймо“. Вотъ моя маленькая тайна, и другой у меня нѣтъ. Одна часть моей публики не должна была меня знать, какъ человѣка, работающаго для другой. Правда, я чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, когда издатель большой газеты предлагалъ мнѣ въ лицѣ „Желѣзнаго Клейма“ прорезать прессу „сточныхъ канавъ“.

— Я бы могъ всегда сдѣлать карьеру, какъ Джорджъ Мельби, но я чувствовалъ, что это только оттолкнетъ меня отъ того, что я выше всего ставилъ въ жизни. Я могъ бы издавать свою большую газету, но этимъ я только отдалился бы отъ народа. Когда я кончилъ университетъ, я мечталъ только о томъ, чтобы служить своему классу, классу, изъ котораго я вышелъ.

Онъ замолчалъ, взволнованный тревожнымъ вниманіемъ, съ которымъ она его слушала.

— Что случилось съ нашей старой дружбой? — сказалъ онъ. — Прежде вы были откровеннѣе, а теперь вы держите что то про себя. Не касается ли это Сары? Его будутъ

судить за двоеженство, но мы поможемъ ей перенести это испытаніе, а тамъ она опять примется за черную работу, удивляясь, зачѣмъ Богу пришла фантазія сотворить міръ!

— Нѣтъ!—горячо возразила она.—Сара права. Она вернется назадъ, къ своему одиночеству, а это лучше, чѣмъ быть одной среди людей. Дорогая тетушка Идемъ! Я писала ей на Рождество и получила очень милый отвѣтъ. Теперь моя судьба рѣшилась навсегда.

Она была очаровательна въ своемъ волненіи, несмотря даже на облачко неудовольствія, которое всегда портитъ лицо. Ея лицо никогда не оставалось безъ выраженія, и въ этомъ была главная его красота.

— А, такъ дѣло касается васъ!—сказалъ онъ. — Секретъ за секретъ, вѣдь я сказалъ вамъ мой.

— Никакихъ секретовъ,—сказала она,—голая правда. Настало время жатвы, а я не была сѣятелемъ, я даже не жнецъ. Я могу чувствовать все то, что чувствуете вы, для меня нѣтъ роли. О, зачѣмъ я не родилась мужчиной!

— Слава Богу, что вы не мужчина.

— Вы такъ много сдѣлали для меня. Но больше ничего не можете сдѣлать. Вы подняли меня такъ высоко, какъ только я могла подняться. Я одна знаю, что вы сдѣлали для меня.

— Секретъ за секретъ. Вы думаете, что я открылъ вамъ свой безкорыстно? Вы не понимаете?

— Что я могу отвѣтить вамъ? Что вы хотите услышать?

— Неужели вы не понимаете? Со дня нашей первой дѣйствительной встрѣчи въ клубѣ гребли, вы одна занимали мои мысли.

— Какъ ученица, или какъ товарищъ по экскурсіямъ?

— Повѣрьте, я не такой ужъ молодой человѣкъ, какимъ, можетъ быть, кажусь съ перваго взгляда. Неужели вы думаете, что у меня не можетъ быть своихъ надеждъ, своей личной жизни.

— Слушайте,—страстно воскликнула она,—когда я начала свою жалкую жизнь, у меня была только одна мысль, мысль о моемъ неотъемлемомъ правѣ на жизненные блага. Я ненавидѣла бѣдность, я почти ненавидѣла бѣдняковъ. Я боялась страданій, какъ и всѣ мы, это вполне естественно, но я не видѣла иного пути, какъ только стараться захватить все для себя и предоставить другимъ самимъ заботиться о себѣ. Въ душѣ я сомнѣвалась въ своей правотѣ. Тогда явилась Лаура со своей религіей и убѣдила меня. Потомъ явились вы и научили меня болѣть сердцемъ за всю темную массу страдальцевъ, вы дали мнѣ почувствовать, что нѣтъ ничего выше, какъ работать для нихъ.

— Ваша жалость къ себѣ была только началомъ состраданія къ людямъ,—сказалъ онъ.

Она продолжала.—Я не могу подняться до отвлеченныхъ принциповъ. Мнѣ надо, чтобы мнѣ ихъ объяснили на моемъ языкѣ. Вы заговорили—и я поняла. Вы не знаете, что вы сдѣлали для меня,—вы дали мнѣ религію. Помните того старика чартиста на лекціи и его раздирающій сердце вопль о религіи социализма? Онъ преслѣдовалъ меня, этотъ вопль, кто-то другой передъ нимъ говорилъ: „демократія будетъ религіей, или ничѣмъ, религіей съ ея доктринами, ритуаломъ и обрядами. Ей нужны алтари и жертвоприношенія: каждый вѣрующій долженъ принести въ жертву себя. Эта глубокая потребность человѣческой природы. Всѣ попытки примирить героизмъ съ служеніемъ своимъ интересамъ всегда терпѣли провалъ“. — Все это я знаю наизусть, сотни разъ читала. Но вотъ что говорятъ еще: „И такъ нельзя ускользнуть отъ власти желѣзнаго закона братства. Всѣ рѣшенія вопроса, кромѣ этого, были испробованы и оказались невѣрными. И никогда это не было такъ ясно, какъ въ наши дни, когда девять десятыхъ людей живутъ какъ дикари, не зная, для чего они живутъ. Довольно стараго, надо искать новой жизни“. — А теперь все это куда-то исчезло. Теперь выходитъ что-то не то. Въмѣсто религіи какая-то новая партія въ парламентѣ, можетъ быть, просто новый классовый интересъ. А я, бѣдная, съ моей жалкой религіей, опять осталась одна.

— Во всякомъ случаѣ не одна—сказалъ онъ, нѣжно.—Передъ вами вашъ ученикъ. Вы говорите, что я далъ вамъ кое-что, теперь слушайте, что вы дали мнѣ. Мнѣ не доставало вашей религіи для „Желѣзнаго Клейма“ и... васъ, для меня самого,—прибавилъ онъ, взявъ ее за руки и заглядывая ей въ глаза.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала она, вырывая свои руки.—Я не хочу входить въ вашу жизнь въ качествѣ необходимой вещи.

— Ну, такъ для васъ самой,—сказалъ онъ, не выпуская ее рукъ.—Какъ могу я жить, работать, даже понимать безъ васъ?

— Такъ же, какъ это дѣлаютъ другіе. Они обошлись безъ помощи женщинъ и сегодня празднуютъ свою побѣду.

— А завтра увидятъ свою ошибку, если только не догадаются прибѣгнуть къ вашей помощи. Развѣ можемъ мы идти навстрѣчу новой жизни безъ вашего состраданія и вашей любви?

— А Лаура?—лукаво спросила она.

— Это самая умная дѣвушка, какую я когда-либо зналъ: она навѣрное проживетъ жизнь легко. Ну, а теперь пойдемъ, сообщимъ Сарѣ нашу новость.

Поэма Ибсена и сказка Гауптмана о побѣдномъ пораженіи.

(„Брандъ“ и „Потонувшій колоколъ“).

Брандъ.

Мой путь ведетъ туда, впередъ,—ты слышалъ.

Крестянинъ.

Да ежели не одолѣтъ его!

Гляди—идешь по корѣ хрупкой, полой!..

Остановись! Иль жизнь не дорога?

Брандъ.

Я посланный, ослушаться не смѣю

Пославшаго меня...

Крестянинъ.

На смерть идешь!

Брандъ.

Угодно Богу

Послать мнѣ смерть—привѣтствую ее!..

Въ этихъ нѣсколькихъ мимоходомъ сказанныхъ словахъ — передъ читателемъ уже весь, въ основномъ, — Брандъ Ибсена.

Быть можетъ, однако, прежде, чѣмъ говорить объ огромномъ священникѣ Ибсена, — намъ слѣдуетъ оговориться о тѣхъ предвзятыхъ отношеніяхъ къ «Бранду», которыя могутъ стать стѣнкой между читателемъ и дѣйствительнымъ содержаніемъ «Бранда», заранѣе отчуждая однихъ — мнимой мистичностью содержанія, другихъ — мнимой абстрактностью формы.

И то, и другое, конечно, несправедливо, такъ какъ задача «Бранда» прежде всего—какъ и въ другихъ произведеніяхъ Ибсена—задача, прежде всего, психологическаго характера.

Имѣть свою задачу жизни, считать—какъ священникъ Ибсена—эту задачу святыней своего «я»:

Одно у каждаго есть достоянье,

которымъ поступаться онъ не долженъ,—

святыня «я» его—его призванье... •

не значить, конечно, обезпечить себѣ спокойную, торную дорогу къ успѣху и торжеству. Жизнь слишкомъ сложна, слишкомъ изобрѣтательна и въ своихъ объективныхъ условіяхъ и въ своихъ моральныхъ вѣлѣніяхъ человѣку. Объ этихъ мотивахъ въ творчествѣ Ибсена намъ приходилось говорить съ читателемъ... Можно ли сомнѣваться, при такихъ условіяхъ, что намѣтить себѣ задачу жизни слишкомъ часто должно значить — намѣтить себѣ дорогу, которая приведетъ не къ побѣдѣ, а къ пораженію? Можно ли сомнѣваться, что, чѣмъ крупнѣе будетъ эта задача жизни, эта «святыня» Бранда, откажутся отъ которой никто не въ правѣ потребовать — тѣмъ болѣе тяжкое и мучительное пораженіе должно ожидать человѣка (и Человѣка) впереди?

И у Ибсена, какъ читатель не можетъ не припомнить, и историческихъ и современныхъ героевъ «своей собственной, свободно избранной задачи жизни» почти въ качествѣ правила ждешь — не побѣда. Пораженіемъ кончаютъ Грегерсъ въ «Дикой утѣ». Погибшею мечтой и двойнымъ самоубійствомъ кончаютъ Росмеръ и Ревекка въ «Росмергольмъ»... Хотя и украшаетъ побѣднымъ вѣнкомъ свою символическую башню съ вершиной, уходящей въ небо, строитель Сольнесъ, но тутъ же и падаетъ, разбиваясь... Только уступая сатирическому замыслу автора, съ бодрою итѣсною, вопреки внутренней возможности, уходитъ отъ любимой дѣвушки, въ «Комедіи любви», поэтъ Фалькъ... Подъ обваломъ лавины гибнетъ только что ведшій за собою толпу и — тоже только что — избитый камнями священникъ Брандъ...

При какихъ же условіяхъ пораженіе не въ укоръ тому, кто понесъ пораженіе: при какихъ условіяхъ оно, для автора «Бранда», такой же поводъ для увѣщанія пораженнаго, какъ и самая окончательная побѣда, въ объективномъ значеніи этого слова?.. — Это и есть тема драматической поэмы Ибсена.

Но Брандъ — пасторъ, и проблема въ «Брандѣ» имѣетъ чисто религіозную форму. Это съ самаго начала усложнило отношеніе читателя къ поэмѣ, и въ изданной перепискѣ Ибсена есть не сколько писемъ, посвященныхъ вопросу о роли, которая должна быть отведена мистическому элементу въ «Брандѣ». — «Бранда не такъ поняли; во всякомъ случаѣ — несогласно съ моими намѣреніями, — замѣчаетъ Ибсенъ въ письмѣ къ Брандесу (1869 г.). «Коренной причиной ошибочныхъ толкованій, видимо, является то, что Брандъ — священникъ и что проблема поставлена религіозная. Но оба эти обстоятельства совершенно не существенны. Я сумѣлъ бы построить такой же силлогизмъ, взявъ скульптора или политическаго дѣятеля, какъ и священника. Я могъ излечь свое душевное настроеніе, заставившее меня творить, и въ сюжетѣ героемъ котораго явился бы вмѣсто Бранда, напримѣръ, Галилей, съ тою лишь разницей, что онъ, конечно, не сдался бы, не призналъ бы, что земля недвижна»...

Само собой разумеется, что критикъ и читателямъ нѣтъ дѣла, какъ замѣчаетъ самъ Ибсенъ въ томъ же письмѣ къ Брандесу, до собственныхъ намѣреній автора, и они въ правѣ находить у него то, что находятъ, центрируя свое вниманіе исключительно на *формальномъ* содержаніи поэмы. Въ правѣ будемъ, однако, и мы, если—въ согласіи съ авторскимъ замысломъ—не остановимся на деталяхъ формальнаго содержанія пламенной поэмы Ибсена о человѣкѣ, потерпѣвшемъ поражение, и станемъ разсматривать ее, лишь какъ попытку художественнаго освѣщенія вѣковѣчнаго вопроса объ отношеніи человека къ идеалу—въ *частной* формѣ отношеній норвежскаго безприходнаго священника къ тому грозному и справедливому Богу-идеалу, которому онъ служилъ и которому въ безответную жертву принесъ сына—первенца, жену и самое право свое на радость жизни...

Не страдаетъ «Брандъ» и художественнымъ блѣднокровіемъ,—тѣмъ блѣднокровіемъ, которымъ въ большей или меньшей степени не могутъ не страдать всѣ чисто-символическія произведенія, въ лучшемъ случаѣ овладѣвающія мыслью читателя, но не способныя поднять въ немъ эмоціональную волну полного, цѣлостнаго захвата... Въ этомъ отношеніи «Брандъ» составляетъ почти исключеніе. Символы въ «Брандѣ», поскольку они имѣются, почти до нераздѣлимости срослись въ ясное, прозрачное цѣлое, съ реальными подробностями, на фонѣ которыхъ разворачивается драма священника, въ мѣру своей искренности, разумнѣя и огромной душевной мощи, служащаго Богу, который допустилъ, когда нужно было, распятіе сына на крестѣ.

Автору «Бранда», какъ ни въ одной изъ послѣдовавшихъ символическихъ драмъ, посчастливилось разрѣшить трудную задачу: не поступиться общностью психологической проблемы и образовъ, ее освѣщающихъ, и въ то же время остаться въ предѣлахъ почти сполна реалистичнаго изображенія. Вотъ безумная Гердъ, которая бросаетъ въ дьявола камнями и зоветъ прохожаго—Бранда изъ долинной церкви къ себѣ въ горы—«въ ледяную церковь», единственное мѣсто, куда не смѣетъ летѣть всегда преслѣдующій ее ястребъ—дьяволъ (компромисса):

Огромный, гадкій!

На лбу хохоль, и злющіе глаза

съ каймою желто-красною вокругъ!

Неясныя рѣчи Гердъ несомнѣнно символичны, но она душевно-больная: ея видѣнія лишь случайно совпадаютъ съ мыслями, которыя руководятъ жизнью Бранда, и только поэтому получаютъ интересъ, болѣе глубокий, чѣмъ могли бы имѣть. Даже «ледяная церковь» Гердъ—не голый символъ, а подлинная мѣстность въ горахъ, по сходству своихъ очертаній получившая это прозвище... И, быть можетъ, единственный пробѣлъ въ этомъ отношеніи представляетъ

чрезмѣрно *регулярное* совпаденіе бредовыхъ видѣній Герда съ тѣми или иными моментами въ душевной жизни Бранда.

То же самое приходится сказать и о другихъ символическихъ инкрустаціяхъ въ реалистическій массивъ «Бранда». — Порок (во 2 д.) символично-образны рѣчи Агнесъ, нѣжно-мужественной дѣвушки, ставшей женою Бранда, но и это — рѣчи въ минуту экстаза религіознаго просвѣтленія, когда, по выраженію Бранда, Агнесъ «точно слышитъ голосъ въ воздухѣ». — Иносказаніями говоритъ нерѣдко самъ Брандъ, но онъ священникъ, въ устахъ котораго проповѣдническое иносказаніе — чисто-реалистическая подробность. Даже тогда, когда Брандъ уводитъ за собой толпу въ горы на символическія высоты, сцена до такой степени насыщена настроеніемъ дѣйствительныхъ переживаній, что только невозможность придать ей реалистическое значеніе заставляетъ считать ее символическою. Но отбросьте эту — только эту — деталь, и вы не усомнитесь отъ первой сцены до послѣдней, что въ «Брандѣ» дѣйствіе на самомъ дѣлѣ происходитъ — какъ сказано въ общей ремаркѣ — «на западномъ побережьи Норвегін».

На этомъ сочетаніи символизма въ замыслѣ и реализма въ воплощеніи, несмотря на то, что въ заключительной сценѣ «Бранда» фигурируютъ: и «Искуситель въ пустынь», и «Невидимый хоръ», и даже неизвѣстно кому принадлежащій «Голосъ», — мы и хотѣли бы остановить вниманіе читателя. — Герою «Бранда», по выше цитированному замѣчанію Ибсена, могъ быть и Галилей безъ отреченія Галилея. Но Галилея тѣмъ не менѣе въ «Брандѣ» нѣтъ, а есть норвежскій священникъ, который и долженъ быть разумѣемъ, только какъ норвежскій священникъ. Не иносказательный, а подлинный — облеченный въ плоть и кровь, спокойный наружно, но душою неспокойный, самъ изнемогшій подъ тяжестью того требованія: «Все или ничего!» — которое онъ отъ имени абсолютнаго Бога-судьи провозгласилъ и предъявилъ къ людямъ:

Хотя бы все вы дали, кромѣ жизни, —
ея не давъ — вы ничего не дали.

У Ибсена зачастую читатель наслаждается сложной игрой едва уловимыхъ оттѣнковъ настроенія, на которыхъ держится драма (напр., «Гедда Габлеръ»), — Брандъ же — этотъ, быть можетъ, самый трагичный образъ въ міровой литературѣ — ясенъ, дѣленъ и огроменъ. Среди окружающихъ его онъ такъ же выдѣляется, какъ выдержанная въ крупномъ масштабѣ статуя на площади среди прохожихъ... И долго онъ и кажется, какъ эта же статуя, недвижнымъ внутренне и всегда себѣ равнымъ, пока пробившіяся затаенныя муки не обнаруживаютъ передъ читателемъ только огромнаго человѣка, измученнаго взятой на себя и въ концѣ концовъ выполненной ролью неумолимаго слуги и «рыцаря Господня».

Въ одномъ дружескомъ письмѣ (къ П. Ганзену — 1870 г.)

Ибсенъ замѣчаетъ, что Брандъ,—это—онъ самъ «въ лучшія минуты жизни» (съ оговоркою, что «это такъ же вѣрно», какъ то, что онъ «путемъ самоанатомірованія нашелъ многія черты» и антиподовъ Бранда: Пера Гюнта и Стенсгорса въ «Союзѣ молодежи»). Читатель «Бранда» склоненъ этому повѣрить даже и безъ уменьшительной оговорки сложнаго поэта и истолкователя сложнаго современнаго человѣка. Брандъ, несомнѣнно, не только—Ибсенъ, но и вообще—человѣкъ «въ лучшія минуты».

Чтобы однимъ словомъ опредѣлить огромность творческой задачи, взятой на себя Ибсеномъ въ «Брандъ», достаточно указать, что Брандъ несравнимо больше, чѣмъ, такъ называемый, положительный типъ, этотъ манящій и убѣгающій призракъ въ искусствѣ слова, для художниковъ съ положительнымъ настроеніемъ. — Пасторъ Брандъ безупреченъ, несмотря на тѣ душевныя колебанія, которыя открываетъ Ибсенъ въ своемъ «рыцарѣ Господа». Онъ безупреченъ, и тѣмъ не менѣе онъ дышетъ въ поэмѣ—дышетъ яснымъ дыханіемъ живого, огромнаго образа. Онъ живъ и правдивъ отъ перваго произнесеннаго слова до послѣдней минуты...

Угодно Богу

послать мнѣ смерть—привѣтствую ее!..

Дать своему пастору спокойно, мимоходомъ, произнести эту фразу въ первой же сценѣ и затѣмъ на протяженіи пяти дѣйствій закрѣпить этотъ возгласъ на языкѣ драматическихъ положеній, ни на юту не уронивъ впечатлѣнія искренности и внутренней простоты восторга въ этой фразѣ глубоко-вѣрующаго священника; заполнить эту фразу, эту немногословную, но огромную психологическую схему, живымъ художественнымъ содержаніемъ, — это, несомнѣнно, одна изъ исключительныхъ удачъ художественнаго творчества...

...И какъ немного оказалось нужно для этого литературнаго чуда, — правда, въ рукахъ Ибсена... Ничего кромѣ необычайнаго человѣческаго страданія... Человѣческое величіе и человѣческое страданіе оказались синонимами.

Основное настроеніе Бранда—ненависть къ компромиссу и увѣренность, что въ этой склонности къ компромиссу, сдѣлкѣ съ совѣстью, какъ только Богъ-идеалъ предъявляетъ свои требованія, лежать причины убожества жизни.

Брандъ—оптимистъ, поскольку рѣчь идетъ о первоосновныхъ качествахъ человѣческой природы, и онъ глубоко убѣжденъ, что половинчатость современнаго человѣка требуетъ и можетъ быть излѣчена, какъ тяжелая, но лишь случайно, въ историческомъ отношеніи, затянувшаяся болѣзнь духа.

Въ храмъ превратимъ государство когда человѣкъ пойметъ, что «Жизнь и служеніе Богу—одно»,—формулируетъ Брандъ свой

пасторскій символъ вѣры и, когда его принципиальный противникъ, Фогтъ, насмѣшливо замѣчаетъ, что—поскольку онъ уловилъ настоящіе намеренія Бранда—последній намеренъ

идею жизни съ самой жизнью слить,
служенье Господу соединить
съ культурою картофеля, да такъ,
чтобъ вышло нѣчто цѣльное,—какъ порохъ
изъ смѣси угля, сѣры и силитры.

Брандъ принимаетъ насмѣшку и отвѣчаетъ короткимъ: «Почти...» Онъ, на самомъ дѣлѣ, считаетъ необходимымъ соединить въ одно цѣлое культуру картофеля и служеніе Богу.

Въ томъ, что этого въ дѣйствительности нѣтъ, пасторъ Брандъ склоненъ винить въ извѣстной мѣрѣ историческое христіанство:

Господне царство сузилось въ церковь,
отъ вѣры, отъ ученія Господня
вы отдѣлили жизнь, и въ ней никто
христіаниномъ быть ужъ не берется.

Вѣра же въ искупленіе всѣхъ кровью и муками Одного, по мнѣнію Бранда, совсѣмъ обезволила людей. Не они сами дѣлатели своего жребія; не они и отвѣтчики. Если не все имъ ихъ богомъ позволено, за то все имъ въ концѣ концовъ богомъ простится,—а это въ конечномъ счетѣ, въ глазахъ Бранда, одно и то же. При такихъ условіяхъ ему не кажется страннымъ, что въ человѣкѣ, по подобію Бога созданномъ, заглохло все, что было въ немъ цѣльнаго, сильнаго и красиваго, — все, что на самомъ дѣлѣ говорило о подобіи Богу. Мало по малу оказался подмѣненнымъ, за непригодностью, самъ Богъ. Въмѣсто Бога, который *не пожалѣлъ Сына*, обреченнаго на смерть на крестѣ, оказался, по саркастической характеристикѣ Бранда, какой-то дѣдушка, который ничего не требуетъ и никому ни въ чемъ не мѣшаетъ. Что же страннаго въ томъ, что люди, придумавшіе этого бога добренькаго милосердія, не только *не могутъ*, но и *не хотятъ* ничего похожаго на подвигъ, ничего требующаго тяжело напряженной воли?..

Нужна революція человѣческаго духа,—полагалъ Ибсенъ.

Нужна революція религіознаго настроенія,—полагаетъ и Брандъ.
Брандъ.

Нашъ первый долгъ—хотѣть всѣмъ существомъ,
и не того лишь, что осуществимо
и въ маломъ и въ большомъ; хотѣть—не только
въ предѣлахъ тѣхъ или иныхъ страданій,
трудоу, борьбы,—нѣтъ, до конца хотѣть;
хотѣть и радостно готовымъ быть
пройти всѣ мытарства души и тѣла.
Не въ томъ спасеніе дающій подвигъ,
чтобъ на крестѣ въ страданьяхъ умереть.

но въ томъ, чтобъ этого хотѣть всѣмъ сердцемъ,—
хотѣть и средь страданій крестныхъ даже,
въ минуты скорби и тоски предсмертной.

Лишь въ этомъ подвигъ вся суть, весь смыслъ.

Нужно, чтобы жизнь была продиктована идеаломъ. Нужно,
чтобы душа человека была «чистой скрижалю» для Бога:

да писать Богъ на ней рукою!

Соотвѣтственъ съ этимъ Богъ Бранда. Его требованія неиз-
мѣнны, какъ бы ни были малы душевныя силы человека. Для всякаго

Онъ оставилъ одинъ открытый путь—путь
стремленій...

а потому:

Простится то тебѣ, чего не сможешь,
чего жъ не захотѣлъ ты—никогда!

Онъ милосердъ только къ недостатку силы у плательщиковъ
«горы долговъ», но отнюдь не къ тѣмъ, кто освободилъ себя отъ
уилаты въ надеждѣ ничего не стоящими слезами замолить свою
вину:

И знать того я чувства не хочу,
которое зовутъ любовью люди.

Лишь Божью знаю я любовь, она же
не знаетъ слабости; она сурова,
къ избранникамъ своимъ неумолима.

Томясь душою въ роцѣ Гефсиманской,
молился Сынъ: да минетъ эта чапа!

И что же—внялъ отецъ мольбѣ Сыновней?

Нѣтъ, чашу осушить пришлось до дна!

Съ требованіемъ отъ имени этого подлиннаго Бога суровой
любви и идетъ Брандъ въ крестовый походъ по Норвегіи, въ тотъ
моментъ, когда мы встречаемся съ нимъ впервые, на опасномъ
пути, въ туманѣ, по снѣжному полю въ горахъ

Въ себя самого Брандъ вѣритъ. Онъ достаточно силенъ. Ди-
лемма: все или ничего—для него основное требованіе его Бога, ко-
торое онъ сумѣетъ выполнить.

Угодно Богу

Послать мнѣ смерть—привѣтствую ее...

какъ нѣчто простое, говоритъ онъ своему испуганному попут-
чику—крестьянину и такъ же просто подтверждаетъ это пастыр-
скимъ дѣломъ, когда является случай.

Не сомнѣется Брандъ и въ томъ, что сумѣетъ «похоронить»,
какъ онъ выражается, вреднаго бога, ослабившаго волю человека
и одолавшаго его рабомъ земли:

Давно закутать въ саванъ
и схоронить करा открыто бога
рабовъ земли и будничнаго тѣла.

Съ этой вѣрой въ себя онъ и покинулъ убогій сѣверъ, чтобы уйти на югъ, въ населенныя мѣста Норвегіи, и тамъ всенародно похоронить этого бога.

Дикій, убогій уголъ съ унижающей непрестанной нуждой. Все окрашено въ нерадующія краски постоянного страха за возможность быть сытымъ—у однихъ, а у другихъ—разбогатѣть среди этой голой нужды... Съ дѣтства столкнувшись съ мрачными подробностями такого сколачиванія богатства; ребенкомъ видѣвшій, какъ мать, вышедшая за богатаго, но нелюбимаго человѣка, обшаривала холодѣющій трупъ только что умершаго—его отца, а ея мужа—скряги, чтобы убѣдиться, сколько, наконецъ, получила она въ уплату за жертву своимъ женскимъ счастьемъ,—Брандъ съ той поры покинулъ навсегда и мать, и родину... Только теперь, никому не вѣдомый, онъ случайно опять на родинѣ—по пути на югъ.

Мы считали необходимымъ отмѣтить всѣ эти подробности, чтобы подчеркнуть, какъ заботливо подбираетъ Ибсенъ обстановку и условія, которые могутъ сдѣлать жизненно-правдивымъ образъ его непреклоннаго и неумолимаго пастора. Неумолимость его не въ догматахъ, какъ видитъ читатель, она—живой, горькій выводъ изъ испытаннаго, изъ «горестныхъ замѣтъ сердца», только по внѣшности суроваго. Но это яснымъ становится только потомъ (въ 3 дѣйст.), и въ первые моменты второго дѣйствія читателя невольно отчуждаютъ жесткія слова, которыми священникъ Ибсена отвѣчаетъ на благодушное приглашеніе мѣстнаго фогта пожертвовать что-нибудь въ пользу населенія округа, такъ тяжело пораженнаго сначала засухой, а теперь еще и наводненіемъ... Это чувство отчужденія на нѣкоторое время находитъ себѣ поддержку въ гнѣвномъ протестѣ толпы жизнью униженныхъ бѣдняковъ, собравшихся около фогта для полученія голодной помощи, и разрѣшается только тогда, когда къ толпѣ, оскорбленной ироническимъ отношеніемъ къ фогту и вообще «жертвователямъ», подбѣгаетъ крестьянка, съ криками отчаянія спрашивающая, гдѣ найти—скорѣй, сейчасъ—какого-нибудь пастора: напутствовать ея умирающаго мужа, пытавшагося покончить съ собой, потому что не могъ вынести страданій своего умиравшаго отъ голода грудного ребенка и ускорилъ смерть—убилъ ребенка...

Другой дороги, какъ въ лодкѣ черезъ фіордъ, нѣтъ. Дороги по берегу нѣтъ; мостъ, что былъ, незадолго передъ тѣмъ снесенъ разлившейся горной рѣчкой, черезъ которую едва успѣла перебраться съ отчаяніемъ рассказывающая женщина... Но буря слишкомъ велика и пойти въ такое время черезъ фіордъ въ лодкѣ, какъ хочетъ Брандъ, съ сдержаннымъ вниманіемъ выслушавшій рассказъ о злополучникѣ-самоубійцѣ, звать — «искушать Господа», какъ отвѣчаютъ въ испуганной толпѣ на кризывъ Бранда—поѣхать съ нимъ вдвоемъ, помочь ему отлиться и управиться съ парусомъ.

Имѣть право пасторъ въ непогоду
не править требъ и не служить обѣденъ

— говоритъ толпа.

Брандъ. Но грѣшная душа, чей близокъ часъ,
не можетъ ждать, пока утихнетъ буря.

(Идетъ къ одной изъ лодокъ, садится въ нее, отвязываетъ и распускаетъ парусъ).

Вамъ лодки-то не жаль?

— Не жаль, да лучше
не вѣди ты.

Брандъ.

Теперь ко мнѣ, сюда,
кому не жаль и жизни!

(Такихъ не находится).

Брандъ (изъ лодки кричитъ толпѣ).

Хоть кто-нибудь одинъ!

Довольно одного, чтобъ отливаться
и съ парусомъ управиться помочь.

Пусть кто-нибудь изъ тѣхъ, что раздавали
здѣсь хлѣбъ и деньги, дастъ себя въ придачу.

«Придача», однако, слишкомъ огромна, и лишь дѣвушка, только что отпраздновавшая свою помолвку, пораженная личностью необычайнаго священника, за неимѣніемъ другихъ смѣлыхъ, соглашается раздѣлить съ нимъ путь къ подвигу или, если придется, къ смерти.

Теперь поэма Ибсена—поэма о двухъ людяхъ.—Если возможенъ гимнъ не любви, а браку; гимнъ не влюбленнымъ, а двумъ соединеннымъ въ жизни въ одно моральное цѣлое, это, конечно, 3 и 4 дѣйствія «Бранда». То, что не удастся поэмамъ вообще; то, что въ «Комедіи любви» автору «Бранда» удалось сдѣлать только путемъ сатирическаго отклоненія отъ психологической возможности (Фалькъ и Свангильдъ бросаютъ свои обручальныя кольца въ фюрдъ, расстаются навсегда и счастливы тѣмъ, что—при такихъ условіяхъ—мелочи брачной жизни не сумѣютъ загрязнить поэзію приподнявшаго ихъ чувства, и оно останется такимъ, какъ было, въ незатертыхъ бракомъ воспоминаніяхъ),—въ «Брандѣ» сдѣлано путемъ положительнаго изображенія, безъ нарушенія внутренней правды—возможности... Все время передъ читателемъ два человека съ слившейся въ одно цѣлое жизнью. Разница только въ томъ, что одинъ—огромно силенъ для своей огромной ноши, а другая—слаба и слишкомъ хрупка, чтобы выдержать чрезмѣрную по жертвамъ жизнь, предстоящую женѣ пастора Бранда... Даже среди женскихъ типовъ Ибсена, образъ самоотреченной жены Бранда занимаетъ исключительное мѣсто. И трудно сказать, что больше удалось гениальному художнику: этотъ ли образъ гранитаго священника, оставляющій впечатлѣніе огромной фигуры, сильными

ударами, но тщательно вырубленной изъ прибрежной скалы фіорда, или же въ необычайно мягкихъ, лучистыхъ краскахъ нарисованный, рядомъ съ Брандомъ, обликъ его жены, безъ колебаній увѣровавшей въ грознаго Бога Бранда, безотвѣтно приносящей жертвы, которыя превосходятъ ея ограниченныя силы и такъ же безгранично довѣряющей любви своего суроваго Бранда, жертвующаго, въ силу своего священническаго долга, и ею, и ихъ общимъ цвѣткомъ, какъ выражается докторъ, — сыномъ Альфомъ.

Теперь мы на порогѣ драмы въ «Брандъ».

Толпа, потрясенная поступкомъ пастора, не побоявавшегося за свою жизнь, спасая душу одного изъ нихъ, приходитъ просить его остаться у нимъ пасторомъ:

Намъ многіе указывали раньше,
какимъ путемъ идти, но ты *пошелъ*.

Но съ суровымъ укоромъ обращается Брандъ къ пришедшимъ. Въ отвѣтъ на замѣчаніе, что свою вину отказа помочь, когда онъ звалъ плыть въ бурю, они готовы загладить заботами о сиротахъ покойнаго, — Брандъ отвѣчаетъ:

Хотя бы все вы дали, кромѣ жизни, —
ея не давъ — вы ничего не дали.

На просьбу крестьянъ остаться у нихъ, потому что у нихъ, въ объединѣвшемъ приходѣ, никто не хочетъ взять вакантное мѣсто пастора, Брандъ отвѣчаетъ категорическимъ отказомъ:

Проси и требуй отъ меня, что хочешь,
не этого лишь. Принялъ на себя
я болѣе высокое служенье.

Мнѣ нужно, чтобъ кругомъ кипѣла жизнь,
чтобъ цѣлый міръ внималъ мнѣ слухомъ чуткимъ.
А здѣсь — что дѣлать здѣсь мнѣ, въ этой тѣсной
оградѣ скалъ? Здѣсь голосъ мой замреть...

Одинъ изъ толпы.

Нѣтъ, эхо тугъ въ скалахъ сильнѣй, и долѣе
Звучить здѣсь сказанное съ силой слово.

Брандъ.

Но кто-жъ запретъ себя въ пещерѣ темной,
когда зеленая лужайка манитъ?
И кто пахать затѣетъ на камняхъ,
когда достаточно земли удобной?
Кто будетъ сѣмена сажать и ждать
отъ нихъ плодовъ, когда кругомъ деревья
плодовые уже въ цвѣту?

Одно у каждого есть достоянье,
Которымъ поступаться онъ не долженъ...

— это: его призваніе. Призваніе же Бранда: «гремѣть, какъ Вожій громъ, людей отъ спячки пробуждая». Ему нуженъ широкій просторъ, какъ «рыцарю Господа»...

— Такъ дѣло то, въ которому стремишься,
служенье, отъ котораго не хочешь
ты отказаться,—дорого тебѣ?

Брандъ.

Въ немъ жизнь моя.

— Такъ долженъ ты остаться.

«Хотя бы все вы дали, кромѣ жизни,—
ея не давъ—вы ничего не дали»...

...Долженъ ли онъ идти по пути, который подсказанъ ему внутреннимъ влеченіемъ, или долженъ остановиться по требованію людей, которымъ онъ нуженъ и которые такъ неожиданно обернули противъ него его собственныя укоризны?

Можетъ ли онъ, провозгласившій: все или ничего, не пожертвовать и этимъ: жаждой широкаго поля дѣятельности въ мѣру своихъ огромныхъ силъ, или онъ долженъ остаться тутъ, у этихъ людей, которые ждутъ отъ него обновленія?..

И Брандъ остался. Пожертвовавъ, если не самымъ призваніемъ, какъ въ первую минуту ему кажется,—то всѣмъ, что было «праздничнаго» въ былыхъ мечтахъ о торжествующей борьбѣ:

Процессіи хоругви золотыя,
изъ мрамора ступени и столпы,
и фиміама волны голубыя,
восторгъ священный тысячной толпы—
вотъ подвигъ мой въ какомъ зрѣльи ореолѣ!

Теперь все это должно быть похоронено въ его душѣ, какъ тотъ ложный богъ, котораго онъ собирался хоронить на Югѣ *). Впередъ отнынѣ ничего кромѣ сѣрыхъ будней,—съ тяжелой борьбой за освобожденіе человѣка въ людяхъ, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ: среди людей, угнетенныхъ и морально придавленныхъ ихъ безысходною нуждой.

Но колебанія уже окончились. Брандъ съ горячей вѣрой готовится хоронить «ложнаго бога» въ измѣнившихся условіяхъ: на родинѣ, которую давно и, казалось, навсегда покинулъ... Пусть это будетъ не на кипучемъ Югѣ, манившемъ мечту, а здѣсь, въ горной щели, между родными скалами и фьордомъ,— онъ все-таки *едва-едва* ставъ свое дѣло. Измѣнилась не «задача жизни», а только личный придатокъ къ ней,—личное счастье, которое она сулила...

Пропѣтъ теперь мой гордый гимнъ воскресный,
разсѣдланнымъ стоитъ крылатый конь;

*) Югъ и Сѣверъ имѣютъ у Ибсена двойное значеніе: это не только югъ и сѣверъ Норвегіи, но и «югъ» цвѣтущей полной жизни, отъ котораго Брандъ стрекса ради «сѣвера».

но къ цѣли высшей путь ведетъ мой тѣсный
и болѣ чистый душу жжетъ огонь!
Трудъ будничныи, тяжелый и упорный
преображу я въ праздникъ благотворный!..

Агнесъ.

А богъ, который обреченъ былъ смерти?

Брандъ.

Умереть и похороненъ будетъ, но—
не на глазахъ у всѣхъ, а втихомолку.

Проходить три года подвижничества «втихомолку».

Трезвый благоразумный соперникъ Бранда—мѣстный фогтъ пред-
сказываетъ ему полную неудачу въ попыткахъ пробудить у людей
желаніе жить иначе, чѣмъ они жили. По его словамъ, «рабамъ»
труда—людямъ это и не нужно, потому что жизнь съ нормальнымъ
раздѣленіемъ недѣли на воскресенье, когда вспоминаютъ объ
идеалахъ—Богѣ, и на остальные шесть дней, когда думаютъ только
о картофельномъ полѣ, какъ нельзя лучше приспособлена къ тяже-
лымъ условіямъ окружающей жизни. И всякая попытка толкнуть
этихъ людей, обезцвѣченныхъ неизбывнымъ трудомъ и нуждой,
высь—къ Богу, предупреждаетъ фогтъ, обратится противъ самого
Бранда...

Чтобъ вашъ совѣтъ принять, пришлось бы мнѣ
другой душой...
обзавестись.

— отвѣчаетъ Брандъ.

Мѣсто, просторъ и свобода
личности цѣльной и вѣрной себѣ!
Вотъ оно—право народа,
лишь за него и стою я въ борьбѣ!

Въ свою очередь онъ угрожаетъ фогту, что народъ не всегда
захочетъ терпѣливо сносить тоску своей обезличенной жизни:

Народъ, который вы и ваши клика
старались усыпить, я разбужу!

Разжечь въ человѣкѣ заглушѣнный огонекъ своего собственнаго
идеала, пробудить въ людяхъ волю выполнить то, что они *сами*
считаютъ должнымъ, не задумываясь надъ тѣмъ, возможно ли это
или невозможно, завтра или послѣзавтра,—вотъ задача, которую
считаетъ своей священникъ Ибсена:

Вы раздробили на частицы душу,
что цѣльной создана была, какъ будто
изъ бронзы отлита! Но берегитесь!
Еще услышите призывъ къ возстанью,—
народъ объявитъ вамъ войну!

Фогтъ.

Войну?

Брандъ.

Войну.

Фогтъ.

Но если вы ее начнете,
то первый и падете въ ней!

Страхи фогта не пугаютъ его противника. Для него важнѣе не завтрашній успѣхъ дѣла, даже не успѣхъ вовсе, а только самое дѣло во имя свободно принятаго долга. Въ отвѣтъ фогту онъ произноситъ спокойныя слова, характерныя для настроенія и Бранда, и Ибсена:

Пускай;
когда нибудь поймутъ, что величайшею
побѣдою является надежда!

Пока, однако, причинъ для сомнѣній нѣтъ и въ дѣйствительности. Крестьяне, остановленные непривычной нераздѣлимостью слова и дѣла у своего новаго пастора, продолжаютъ подчиняться обаянію его личности, какъ и въ день первой встрѣчи съ нимъ — въ бурю около лодокъ.

Продолжаетъ оборачиваться къ нему своей острой стороной и дилемма выбора: все или ничего. Въ горной щели, недоступной даже лѣтнему солнцу, «гдѣ вечера ложится тѣнь задолго до того, какъ гаснетъ день», — хирѣетъ его ребенокъ, хирѣетъ Агнесъ. Оба слишкомъ хрупки для жизни въ пасторскомъ домикѣ, прилѣпившемся къ скалѣ подъ ледникомъ. Брандъ видитъ это. Мысль о новой жертвѣ пугаетъ Бранда, но онъ отгоняетъ ее отъ себя:

...нѣтъ,
его мы не лишимся. Добръ Господь!
Малютка вырастетъ большимъ и сильнымъ.

Агнесъ.

Одно имѣемъ,
чего Господь потребовать не въ правѣ!

Брандъ (задумчиво).

А если вдругъ?.. Чего Господь не въ правѣ!..
Потребовалъ же Онъ отъ Авраама...

Устранить какія бы то ни было сомнѣнія относительно новой предстоящей жертвы, — бросить «прямо идущаго» пастора въ состояніе тяжелой борьбы съ самимъ собой, — выпадаетъ на долю другого антагониста Бранда — доктора. Такой же, какъ фогтъ, представитель трезво-скромныхъ требованій отъ жизни, онъ давно, хотя и бесполезно, протестуетъ противъ чрезмѣрной требовательности Бранда къ людямъ и самому себѣ. Требовательности во имя какого-то *завтра*, когда всѣмъ достаточно трудно и тяжело достается и то, что составляетъ человеческое *сегодня*.

Осмотрѣвъ больного ребенка, докторъ повторяетъ Бранду то, что онъ много разъ, вѣроятно, говорилъ въ спорахъ:

Бери свой посохъ, уходи отсюда!

Брандъ отвѣчаетъ прежнимъ: «.....—я остаюсь!»

Тогда докторъ говоритъ:

Ну... къ смерти присужденъ вашъ сынъ.

Брандъ (въ ужасѣ и смятеніи).

Мой Альфъ?..

Мое дитя?! Мой сынъ!

Впервые дрогнувъ душою священникъ Ибсена. Спасая сына, готовъ бѣжать сегодня же, сейчасъ, сію минуту!.. Готовъ бросить свою паству, свой приходъ и обращается къ Агнесъ съ просьбой приготовиться къ немедленному отъѣзду.

Докторъ-оппонентъ рѣзко подчеркиваетъ противорѣчія, въ которыя впалъ *пасторъ* Брандъ, еще недавно находившій въ себѣ достаточно твердости, чтобы не пойти на предсмертный зовъ матери, желавшей примириться съ нимъ и Богомъ, но не находившей въ себѣ силы отказаться, по требованію сына-священника, отъ ~~своего~~ богатства, что она пріобрѣла цѣною проданной души...

Къ другимъ неумолимъ и безпощаденъ,

но снисходителенъ весьма къ себѣ!

Отъ нихъ ни четверти, ни половины
не надобно; лишь все иль ничего!

А самъ...

Брандъ (въ смятеніи хватается за голову, точно не въ состояніи собрать мыслей).

Ослѣпъ теперь иль раньше былъ слѣпымъ?

Простая и ясная формула: все или ничего, казавшаяся такою простою и безспорною, пока оставалась словами, формулировавшими требованіе къ другимъ, вдругъ выросла и перестала быть *безспорною*, какъ только превратилась въ угрозу для *его* ребенка. Брандъ знаетъ, что это такъ: не душой только, а и самой *втрой* своей онъ дрогнулъ: вѣрой въ то, въ чемъ никогда не сомнѣвался. «Такъ ли это?»—этотъ вопросъ явился у него только теперь, когда моральная норма, въ которую онъ вѣрилъ, превратилась въ угрозу для его Альфа, и когда спастись отъ нея такъ возможно, — если возможно найти ошибку въ своемъ пасторскомъ прошломъ... Печистинъ, нужно своего рода безстрашіе замысла, чтобы *такъ* опредѣлить внутреннюю разницу между словомъ и дѣломъ у своего безупречнаго Бранда, — *такъ* очертить своего «рыцаря Господа», какъ сдѣлалъ Ибсенъ.

Въ глазахъ автора «Бранда» моральная цѣнность человека совсѣмъ не то же, что его первичный душевный импульсъ. Его

цѣна только въ томъ, на что онъ способенъ рѣшиться, сохраняя всю полноту, всю многогранность его души.

Отсюда культъ *воли* въ человѣкѣ, характерный для Бранда и для автора «Бранда». — Чуждый мысли, что его открытаго душой священника можно мѣрить по сырому матеріалу первоначальнаго побужденія,—онъ не побоялся обнажить его совѣсть, сдѣлавъ его способнымъ колебаться въ важнѣйшемъ вопросѣ... И огромный художникъ оказался правъ. Его огромный «рыцарь Господа» ничего не теряетъ отъ словъ, которыя у него «воплемъ вырываются» снова:

Теперь иль прежде... ошибался я?

Когда ошибался... Когда руководился взвѣшеннымъ и по пасторски измѣреннымъ чувствомъ долга или же теперь, когда ничего не мѣрилъ и не взвѣшивалъ?.. Когда говорилъ, какъ пасторъ, или теперь, когда не сумѣлъ не подчиниться крику непосредственнаго чувства?..

...Рѣшеніе принято. Ошибался «ослѣпшій» отъ боли пасторъ; ошибался—«теперь». Рѣшающимъ моментомъ является слѣдующая сцена, которую мы приводимъ цѣликомъ, и въ которой вы напрасно искали бы какихъ бы то ни было рѣшающихъ *словъ*. Определенныя слова бываютъ тяжелѣе определеннаго поступка, и потому ни тотъ, ни другой изъ участниковъ этой сцены на рѣшающія слова не чувствуютъ себя способнымъ. Они могутъ только *поступать*. Какъ-то сама собой надвигается психологическая масса, несущая рѣшеніе; слова, значенія которыхъ говорившій не мѣрилъ, вдругъ вспыхиваютъ тяжелымъ пламенемъ, которое жжетъ мысль и обжигаетъ совѣсть того, кто ихъ слышалъ... И рѣшеніе становится неизбежнымъ и неотвратимымъ, какъ выслушанный приговоръ.

Агнесъ (съ ребенкомъ на рукахъ подходитъ къ Бранду и тихо говоритъ).

Время идти намъ.

Брандъ (пристально глядя на нее).

Куда же?

(Указываетъ сначала на садовую калитку, а затѣмъ на дверь дома).

Той ли дорогой иль—этой?

Агнесъ (съ ужасомъ отступая).

Брандъ, а ребенокъ!.. Дитя твое, Брандъ!

Брандъ (слѣдя за ней)

Былъ я священникомъ прежде,
нежели сталъ я отцомъ? Отвѣчай!

Агнесъ (продолжая отступать).

Грома удары не въ силахъ
вырвать отвѣтъ у меня изъ груди!

Брандъ (продолжая слѣдовать за ней шагъ за шагомъ).

Нѣтъ, отвѣчай! За тобою
слово послѣднее,—мать ты!

Агнесъ.

Жена.

прежде всего я; и если
ты повелишь,—покориться мой долгъ.

Брандъ.

Выбора горькую чашу
не вынуждай меня, Агнесъ, испить!

Агнесъ.

Мать ли была бы тогда я?

Брандъ.

Въ этотъ вопросъ звучитъ приговоръ.

Агнесъ (съ силой).

Самъ себя лучше спросилъ бы—
въ правъ ли ты выбирать?

Брандъ.

Приговоръ
новый сильнѣйшій я слышу!

Агнесъ.

Вѣришь въ призванье свое ты или нѣтъ?

Брандъ.

Вѣрю!
(Схвативъ ее за руку).
Последняго слова
жду отъ тебя,—или жизнь, или смерть!

Агнесъ.

Пусть избери, на который
Богъ твой укажетъ тебѣ.
(*Молчаніе*).

Брандъ

Такъ идемъ!
Время идти намъ.

Агнесъ (беззвучно):

Куда же?

Брандъ (молчитъ).

Агнесъ (указывая на калитку).

Той ли дорогой?

Брандъ (указывая на дверь дома),

Нѣтъ, этой.

Агнесъ (высоко поднимая малютку на рукахъ).

Господи!
Жертву, которую въ правѣ
требовать Ты отъ меня,—вознести
въ правѣ я къ небу высоко!
Жизнь мою въ руки Твои отдаю!
(*Уходящая съ ономъ*).

Брандъ (съ минуту стоитъ, вперивъ взоръ въ пространство, затѣмъ
разражается рыданіями и, заломивъ руки надъ головой, падаетъ ницъ на
ступени крыльца).

Свѣточемъ будѣ мнѣ, Спаситель!

...Никогда не былъ пасторъ Брандъ тѣмъ спокойнымъ—по верховному уполномочию—судьей, котораго въ немъ, какъ и всѣ, видитъ саркастическій докторъ... Давно у него, въ закрытыхъ отъ критики глубинахъ, живетъ глухой протестъ противъ его собственныхъ рѣшеній, которыя онъ считаетъ нужными, но которыя для него тяжело и трудно исполнимы:

Готовъ былъ я не разъ, глотая слезы,

языкъ свой прикусить, которымъ я
корилъ и бичевалъ, а той рукой,
которую занесъ я для удара,
хотѣлось мнѣ обнять...

Но это было ничѣмъ инымъ, какъ минутнымъ упадкомъ духа
у человѣка, который не «смѣетъ» быть инымъ:

Агнесъ, не смѣю. Не смѣю
дѣла Господня я здѣсь тормазить.
Долженъ въ Немъ видѣть владыку
строгаго неба, земли судію,—
нуженъ онъ слабому вѣку!

Оцѣнить автора «Бранда», какъ драматурга, значить, прежде
всего, оцѣнить заключительную сцену третьяго дѣйствія.

Бѣдняжка, нѣжный слабенькій цвѣточекъ,
въ безжалостныя руки ты попалъ!..

Осталася ли въ вашей памяти въ послѣдній моментъ третьяго
дѣйствія эта предупреждающая впечатлѣніе фраза, которую Ибсенъ
вложилъ въ уста доктора задолго до того, какъ онъ пошелъ, по
просьбѣ своей старой пріятельницы Агнесъ, осмотрѣть ея больного
ребенка?.. Казалось бы, есть всѣ основанія для того, чтобы вы не
забыли. Передъ вами человѣкъ, снова имѣющій право на эпитетъ
«безжалостнаго»; снова Брандъ; снова норвежскій пасторъ, на-
шедшій въ себѣ, въ концѣ концовъ, достаточно воли, чтобы при-
мириться съ мыслью и о могилѣ, въ которую онъ, во имя священ-
ническаго долга, проводить—скоро—своего сына. Но вы забыли и
уже давно не боретесь съ чувствомъ близости, невольно сродни-
вшимъ васъ съ огромнымъ доктринеромъ, такъ заботливо, быть
можетъ, слишкомъ заботливо, съ утомляющими варіаціями обри-
сованнаго въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ... Доктринеръ, котораго
авторъ такъ заботливо хотѣлъ сдѣлать для васъ яснымъ въ этихъ
двухъ дѣйствіяхъ, ушелъ куда-то вглубь вашего общаго впе-
чатлѣнія, и на первомъ планѣ остался только мучающійся чело-
вѣкъ, показавшійся вамъ гранитнымъ, о которомъ вы *знаете*—
вамъ даже кажется, давно знаете,—какой тяжелой цѣной покупаетъ
онъ свою кажущуюся непреклонность. И вамъ, конечно, жаль
безотвѣтную Агнесъ, изображенную Ибсеномъ съ такой преклоненной
нѣжностью; но всетаки это пассивное чувство не то *активное* дви-
женіе, котораго давно потребовалъ отъ васъ нѣсколько отпугивав-
шій васъ ранѣе «рыцарь Господа», игрою случая превратившійся
въ «пахаря Господа» и минутами изнемогающій подъ тяжестью
жертвъ, которыя онъ долженъ приносить и безпредѣльно требо-
вать... Что значить для Бранда слово: «отвѣтственность»,—вы
знаете, и потому васъ не остановило даже то, что Ибсенъ жертву
сдѣлалъ болѣе тяжелою не для хрупкой Агнесъ, а для самого
Бранда... Мать ребенка, потребованнаго въ жертву, какъ нѣкогда

отъ Авраама, въ изображеніи Ибсена способна «вознести эту жертву... къ небу высоко», а тотъ, кто толкнулъ ее на жертву эту, — нуждается въ «свѣточѣ»... Вы, однако, прошли мимо этого, какъ мимо простой и понятной, въ изображеніи Ибсена, вещи, нисколько не выходящей изъ рамокъ того, что для васъ стало уже нормой впечатлѣнія отъ «Бранда».

Что бы ни случилось дальше послѣ третьяго акта «Бранда», вы уже не въ состояніи будете усомниться въ Ибсеновомъ священникѣ, котораго онъ перевелъ для васъ на универсальный и единый безспорный языкъ человѣческаго страданія.

Васъ уже не удивитъ, что именно этотъ надломившійся человѣкъ захочетъ быть цѣльнымъ во что бы то ни стало. Именно, онъ, съ такой очевидной мукой рѣшившій идти по прежнему въ сторону единой истины, той, которая ему подсказана *долгомъ*; онъ, одиноко молившійся:

Свѣточемъ будь мнѣ, Спаситель!

— потребуетъ не просто жертвы, а *безупречной* жертвы, — жертвы не только радостью, но и горемъ объ утраченной радости... Именно онъ, такъ тяжело рѣшившійся идти по жизненному пути, который «жертвенными камнями устѣянъ», — отвергнетъ самое право свое отдаваться во власть горя, какъ Агнесъ, безутѣшно тоскующая по умершему сынѣ.

Въ тотъ день, когда отважная дѣвушка, рѣшившая плыть съ нимъ въ бурю по фюрду, пожелала соединить свою жизнь съ человѣкомъ, который рѣшилъ замкнуть себя въ пасторскомъ домѣ подъ ледникомъ, — онъ предупредилъ Агнесъ, что жизнь ихъ обоихъ будетъ, «какъ пасмурный октябрьскій день». Но Агнесъ, до экстаза потрясенная переворотомъ, совершившимся въ ней подъ вліяніемъ рѣшимости сдѣлать то, что она никогда не считала себя способной сдѣлать, не испугали эти суровыя перспективы будущаго, съ такой усиленной подчеркнутостью нарисованныя Брандомъ. Ея конечнымъ отвѣтомъ было: «Куда бы ни пошелъ ты, — я съ тобой!..»

Съ тѣхъ поръ пошелъ четвертый годъ. Жена пастора Бранда умѣетъ безъ упрековъ самой себя переносить то, что безповоротно взяла на себя въ качествѣ жены пастора Бранда. Но, въ противность Бранду, она не способна отвергнуть въ качествѣ «идоловъ», какъ онъ выражается, все, что мѣшаетъ ей быть безупречной передъ лицомъ абсолютнаго Бога пастора Бранда. — Способная принести всякую жертву, она не въ силахъ принести въ жертву и сожалѣніе о жертвѣ — о томъ маленькомъ Альфѣ, котораго *нужно* было отдать въ жертву. Ея горе — все, что у нея осталось отъ материнскаго счастья, и отъ него она не только не можетъ, но и не хочетъ отказаться... Но Богу принадлежать не только поступки, но и мысли и желанія, и пасторъ Брандъ *долженъ* сказать, что оплакиваемая жертва — не жертва.

Все цѣликомъ осуждено дѣянье,
и человекъ—коль дѣйствовалъ онъ только
наполовину...

а потому она должна найти въ себѣ силу довести жертву до
конца. Иначе: «умеръ напрасно» ихъ Альфъ...

Видя, что Агнесъ избѣгаетъ произносить слово: кладбище,
Брандъ беретъ на себя рѣшимость подтолкнуть ее къ этому слову—
факту, сдѣлать его нормой настоящаго. Когда Агнесъ, сплетая
вѣнокъ для рождественскаго украшенія могилы сына, останавли-
вается на этомъ словѣ, Брандъ подсказываетъ:

...на кладбищѣ, Агнесъ.

Агнесъ (вскрикиваетъ).

Не называй же! Не надо, молю!

Брандъ.

Надо, и громче, сильнѣе!

Если тебя это слово страшитъ—
съ силой прибоя морскаго
пусть раздается!

Агнесъ.

Страдаешь ты самъ
больше отъ этого слова,
чѣмъ показать мнѣ желаешь. На лбу
вижу я крупныя капли
пота, которыхъ то стоитъ тебѣ.

Жертва Богу, владѣющему душой, *должна* быть «радостной». Не-
сомнѣнно, что это не по силамъ ему самому, но именно этого онъ
требуетъ и отъ себя, и отъ жены, уничтожающей свой подвигъ
бѣгствомъ въ «капище» воспоминаній объ умершемъ, съ острой
радостью роясь въ его дѣтскихъ вещахъ, какъ въ материнской
реликвіи относясь къ чепчику, смоченному предсмертнымъ потомъ
малютки.

Иль и послѣднее капище скрыть
мнѣ у нея повелишь Ты?
Боже, сними съ меня это! Вели,
если такъ надо, другому...

— «сжимая руки какъ отъ боли», готовится поступить, какъ должно,
Брандъ... Случайно является тотъ «другой», котораго хотѣлъ онъ,—
въ видѣ нищей цыганки съ полунагимъ ребенкомъ, котораго
нужно—цыганка проситъ—закрыть и защитить отъ стужи.

Брандъ спрашиваетъ у Агнесъ:

— Ты знаешь свой долгъ.

Агнесъ (съ ужасомъ).

Ей?! Никогда! Я не въ силахъ!..

Но въ концѣ концовъ она «топчетъ ногами сердце» и все, что
имѣетъ, отдаетъ—вплоть до той реликвіи послѣднихъ минутъ сына,
которую ей всего труднѣе было превратить въ вещь для другихъ...

Такая же яркая—предшествующая этой—сцена въ обычный часъ рождественской елки, когда Агнесъ, вѣрующая, что душа ея ребенка въ этотъ моментъ способна побывать около тоскующей матери, открываетъ ставни, напрасно стараясь, чтобы этого не замѣтили тревожащійся за жену пасторъ Брандъ...

То, что мы оговорили выше о несимволичности въ символичной по замыслу поэмѣ Ибсена, мы должны здѣсь подчеркнуть,—рискуя, быть можетъ, стучаться въ открытую дверь... Именно здѣсь, въ четвертомъ дѣйствіи, въ этихъ двухъ сценахъ, вы должны прежде всего забыть о какихъ бы то ни было символахъ; забыть о томъ, что вмѣсто Бранда передъ вами могъ бы быть Галилей безъ отреченія, и видѣть то, что есть: норвежскаго священника, по своему вѣрующаго въ Бога, которому принадлежать не только дѣла, но и мысли и чувство, и его жену, такъ же какъ онъ вѣрующую въ этого грознаго Бога, вмѣстѣ съ нимъ молящуюся Ему въ низенькой, поросшей мохомъ церкви и отличающейся отъ Бранда только тѣмъ, что она, чистѣйшей красоты чистѣйшій образецъ среди женскихъ образовъ Ибсена, *не можетъ* хотѣть такъ, какъ можетъ онъ:

. . . въ сравненіи съ тобой,
съ волей твоей—я песчинка!..

И тогда вы во власти Ибсена, не смотря на то, что онъ слишкомъ раздѣлилъ двѣ эти сцены продолжительной полемической бесѣдой между Брандомъ и пришедшимъ къ нему фогтомъ... Близокъ или нѣтъ вамъ Брандъ, какъ символъ опредѣленнаго міроотношенія,—онъ все равно близокъ вамъ *какъ человекъ*. Всякое художественное впечатлѣніе субъективно, и можно говорить лишь за себя; съ этой оговоркой мы должны сказать, что въ литературѣ нѣтъ ничего равнаго по значительности и остротѣ захвата этихъ двухъ сценъ въ «Брандъ», съ недопускающей передачи красотой полутоновъ, прославляющихъ неизбывную человѣческую муку во имя Бога, цѣльно и сполна признаннаго за Бога,—будетъ ли это Богъ научной истины Галилея, Богъ абсолютныхъ требованій Бранда или какой-нибудь иной.

И послѣдній «цвѣтокъ», какъ называлъ докторъ Агнесъ, отцвѣлъ въ жизни непреклоннаго пастора.

Теперь, когда вся мука жизни съ борьбой за то, что должно было сдѣлать, отошла въ прошлое и поблекла въ просвѣтлѣніи экстаза, она счастлива тѣмъ, что одолѣла въ себѣ слабую женщину и мать, отдавъ «отъ сердца», какъ требовалъ Брандъ, все, что имѣла, вплоть до воспоминаній... Не сомнѣваясь, что при сложившихся условіяхъ, ей останется недолго жить въ пасторскомъ домѣ подъ ледникомъ, она напоминаетъ мужу библейское изреченіе: «Умреть Іегову узрѣвшій!» А она, несомнѣнно, своего Бога видѣла: высшее идеальное требованіе, которое она должна была выполнить,—выполнила...

...Сбываются на немъ самомъ его собственныя слова о томъ, что жертвы нельзя ограничить числомъ: за принесенною одной должна придти другая, и эту другую должно такъ же, какъ и предшествовавшую, принести «слава Господа».

Снова передъ Брандомъ перспектива огромной неизмѣримой утраты, на которую должно рѣшиться тому, кто самъ требовалъ: все или ничего.

Нужно на самомъ дѣлѣ принести въ жертву послѣднее, что освѣтило на короткіе годы—слишкомъ короткіе—его одинокую сумрачную жизнь. Нужно потерять послѣдняго и единственнаго человѣка, который отнималъ у его жизни характеръ длиннаго рабочаго дня... Нѣтъ: *этого* онъ не можетъ:

Силу ты знаешь мою, но тебя
мнѣ потерять не подѣ силу.

Пусть все другое, всего пусть лишусь,
всякой побѣды, награды,
лишь не тебя, не тебя, не тебя!

Агнесъ знаетъ, что значать эти слова. Послѣ того, что имъ перенесено, измученный человѣкъ готовъ предпочесть, чтобы у нея—у его Агнесъ—были «закрыты» глаза... У него даже вырываются слова:

въ мѣстѣ иномъ ты могла бы,
свѣтъ не гася въ себѣ, снова ожить.

Но Агнесъ не способна «скрыться», какъ обмолвившись выразился Брандъ. Безсилая безъ Бранда, съ его помощью она тверже его самого, когда рѣшеніе принято. Она жила до сихъ поръ вѣрою въ Бранда и въ его правоту; живетъ этой вѣрой и сейчасъ. Пока вѣрить Брандъ въ то, что онъ не ошибается, она не дрогнетъ, все перенесетъ и будетъ идти, какъ когда-то рѣшила: «Куда бы ни пошелъ ты,—я съ тобой...» И теперь, когда этотъ суровый, сильный и богатый любовью (по ея опредѣленію) готовъ не только допустить, но и помочь ея бѣгству къ «идоламъ», которыхъ такъ недавно обличалъ въ ней,—она говоритъ Бранду:

Выбери. Ты на распутьи.
Свѣточъ во мнѣ погаси и запри
радости свѣтлый источникъ;
идоловъ—тряпки мои—мнѣ отдай,—
женщина тутъ за порогомъ;
къ днямъ слѣпоты меня прежней верни,
вновь погрузи меня въ тину,
гдѣ прозябала я прежде, грѣшна!

Крылья подрѣжь мнѣ и душу свяжи,
гири свинцовыя будней
на ноги мнѣ привяжи и столкни
внизъ меня снова, откуда
самъ же ты поднялъ меня; предоставь
жить—умереть мнѣ во мракѣ!

Если такъ хочешь и можешь ты, Брандъ —
я, какъ жена, повинуюсь.
Выбери. Ты на распутьи стоишь.

Но разъ вопросъ поставленъ *такъ*, отвѣтъ можетъ быть только
одинъ... Силы для этого найдутся.

Вы знали этотъ отвѣтъ заранее:

Выбора нѣтъ у меня.

Но когда вы слышите слова, заключающія этотъ отвѣтъ, вы все-
таки не свободны отъ чего-то похожего на неожиданность... Какъ
будто вы, не ожидая иного отвѣта, въ то же время опасались его.

Утвердительный отвѣтъ Бранда—все, что было нужно Агнесъ.
Она даже спокойна. Впереди никакихъ мучающихъ колебаній; на
душѣ спокойно, какъ на кладбищѣ, къ которому привыкли. Агнесъ
даже употребляетъ, говоря о себѣ, слово: «легко».

Какъ я устала!.. Но все же легко
Господа славить душою!

Тяжело беспокоенъ лишь самъ виноватый въ этой возможно-
сти «славить Господа». Для него не существуетъ средствъ облег-
чить, уменьшить свою отвѣтственность—и за себя, и за другихъ.
Всѣ средства только въ немъ самомъ:

Вѣрь до конца себѣ, сердце мое...

И вамъ невольно приходитъ мысль о другой возможной и еще
болѣе мучительной драмѣ: а что, если послѣ всѣхъ принесенныхъ
жертвъ «сердце» въ концѣ концовъ перестанетъ «вѣрить себѣ»?..

Брандъ снова одинокъ, какъ въ первый моментъ поэмы. Раз-
ница только въ томъ, что безвѣстнаго пастора теперь, черезъ пять
лѣтъ, ждетъ народное чествованіе при освященіи новой величавой
церкви (здѣсь мы, конечно, въ области широкихъ символовъ), по-
строенной Брандомъ на полученное отъ матери наслѣдство.

Нужна ли кому-нибудь эта новая церковь? Пасторъ Ибсена
всегда думалъ, что не нужна: человѣку ничего не нужно, кромѣ
его собственнаго напряженнаго тяготѣнія къ идеалу—Богу. И для
этого ни отдѣльному человѣку, ни людямъ ничего не нужно, кромѣ
quantum satis—выражаясь докторской латынью—настоящей воли
и настоящаго хотѣнія... Тѣмъ не менѣе, церковь построена.—По-
строена, потому что въ жизни Бранда, полтора года тому назадъ,
была минута, когда, подчинившись настроенію покойной жены, онъ
повѣрилъ, что онъ не совсѣмъ, быть можетъ, правъ.

«Старая церковь одна лишь мала»,—говорила Агнесъ. Все, чего
Брандъ требуетъ отъ людей, огромно: огромны цѣли, огромны пути
къ цѣлямъ, огромны горе, борьба и утраты... «Старая церковь одна
лишь мала».—Брандъ повѣрилъ въ виноватость старой покосившейся

церкви. Быть можетъ, старая церковь на самомъ дѣлѣ не можетъ не давить своей жалкой приземистостью и отсутствіемъ простора для вольнаго порыва человѣка? Но теперь, когда старая церковь срыта, Брандъ не сомнѣвается, что между ней и новой, взаимнѣ построенной, нѣтъ никакой существенной разницы, хотя новая и вызываетъ общій восторгъ и своимъ архитектурнымъ цѣлымъ, и отдѣльными подробностями. Строитель одинъ не раздѣляетъ восторга. Развѣ построенная имъ церковь способна объединить жизнь и служеніе Богу? Развѣ она способна измѣнить что-либо? Развѣ вокругъ нея будетъ меньше печали, чѣмъ около старой? Развѣ она не будетъ служить для того же, что и старая: приходить въ нее по воскресеньямъ, чтобы избавиться отъ отвѣтственности за недостатокъ Бога въ жизни въ остальные шесть дней?..

Развѣ храмъ этотъ—тотъ самый,
смутно встававшій въ мечтахъ предо мной,
высясь надъ моремъ печали?

Въ тотъ моментъ, когда нужно приступить къ освященію новой церкви, Брандъ рѣшительно отказывается отъ участія въ торжествѣ:

Былъ не въ умѣ, когда вѣрилъ,
что хоть по своему можете вы
Богу служить, поклоняться
въ духѣ и истинѣ, какъ Онъ велитъ.
Былъ не въ умѣ, когда вѣрилъ,
что между вами и Богомъ могу
связь укрѣпить, съ Нимъ торгуясь.
Старый храмъ малъ былъ, и я про себя
сдѣлку обдумалъ: построимъ
вдвое просторнѣй и выше разъ въ пять—
будетъ доволенъ Онъ нами.
Божій завѣтъ нерушимый,—или все,
или ничего—позабылъ я!
Сбился на путь компромиссовъ. Но днесъ
Господа вновь я услышалъ...

Нѣтъ во мнѣ больше сомнѣній слѣда!
Духъ компромисса—самъ дьяволъ!

Бросивъ ключи отъ церковныхъ дверей въ рѣку, Брандъ, несмотря на сопротивленіе фогта и епископа, увлекаетъ за собой толпу собравшихся на освященіе—въ крестовый походъ по Норвегіи: разрушать стараго бога, который можетъ быть на шесть дней въ медлѣ заключенъ въ четырехъ стѣнахъ съ шпиремъ и крестомъ.

«Будемъ во-истину люди»... «въ храмъ превратимъ государство»—формулируетъ Брандъ свою пастырскую задачу.

Не нужно никакихъ «церквей»:—никакихъ окаменѣлыхъ догмъ въ жизни. Никакія формы жизни, разъ онѣ связываютъ личность необходимостью подчиниться имъ, не дадутъ человѣку самаго глав-

наго: чтобы «жизнь и служеніе Богу были одно»... Маленькая, старая, поросшая историческимъ «мохомъ» догма то же самое, что и великолѣпная *новая*, болѣе или менѣе просторная догма. Она всетаки *догма*; она всетаки давить человѣка, связываетъ свободу и отдѣляетъ его отъ того единственного Бога, котораго онъ способенъ признать, какъ Брандъ своего: «задача жизни». Только для этого Бога можетъ быть не тяжела жертва; только этотъ Богъ способенъ уничтожить раздѣленіе человѣческой жизни на двѣ неравныя полосы: *) шесть дней въ недѣлѣ, поглощенныхъ подневольной барщиной жизни, и отдыхомъ отъ нея въ «воскресный» день, у кого онъ имѣется. Только этотъ Богъ безъ церквей сдѣлаетъ людей «во-истину людьми», а коллективную жизнь превратитъ въ тотъ «храмъ», о которомъ говорить толпѣ Брандъ:

Нѣтъ у той церкви предѣловъ, конца,
 полъ въ ней—зеленныя нивы,
 горы, долины, ручьи и моря,
 сводомъ же служить ей небо!
 Только оно можетъ все охватить,
 что эта Церковь вмѣщаетъ.
 Въ ней ты и долженъ всю жизнь провести,
 дѣло свое исполняя—
 такъ, чтобы въ гармоніи было оно
 съ общей симфоніей міра;
 будничныи трудъ свой тогда продолжай,
 праздника онъ не нарушить.
 Все эта Церковь, весь міръ—какъ кора
 дерева стволъ весь—обниметъ,
 вѣру и жизнь воедино сольетъ;
 съ духомъ закона и правды
 будничныи день трудовой согласить,
 дѣло дневное—съ полетомъ
 духа въ надзвѣздныя выси небесъ...

Толпа захвачена, какъ когда-то въ бурю на фіордѣ. Поддаваясь настроенію Бранда, «тысячи голосовъ» восклицаютъ:

Свѣтъ онъ зажегъ намъ во мракѣ!
 Жизнь и служеніе Богу—одно!

Массоваго порыва хватается, однако, не на долго. На другой же

*) Это та же тема, которую Ибсенъ затронулъ въ „Строителѣ Солнцесъ“. Его символическій строитель, вначалѣ строившій отдѣльныя „церкви“ и отдѣльные «уютные дома», тоже пытался прибѣгнуть къ компромиссу, строя символическіе дома съ «башнями, уходящими въ небо», но затѣмъ пришелъ къ выводу, что идеалъ въ жизни не долженъ играть роль надстройки (башни)... Въ будущемъ Солнцесъ рѣшилъ строить только „воздушныя замки“, крѣпко стоящіе на „каменномъ фундаментѣ“ (жизнь, построенная на требованіяхъ идеала).

день, оправившіеся отъ экстаза люди сожальють, что они «толкомъ» не разспросили Бранда:

Во-первыхъ — долго-ль предстоитъ бороться,
А во-вторыхъ, что можемъ потерять,
И въ-третьихъ — велика-ль награда будетъ?

Брандъ отвѣчаетъ:

Какъ долго предстоитъ бороться вамъ?
Всю жизнь до самаго конца...

Какія потери угрожаютъ?

Потеря всѣхъ боговъ мірскихъ...

Награда?

Награда ваша? Вѣры вдохновеніе
и воли чистота, души единство,
ея готовность радостная къ жертвамъ,
которую и смерть не остановить,
и на чело — изъ терніевъ вѣнецъ!

Остывшіе люди разочарованы. Они ожидали немедленной побѣды, а Брандъ обѣщаетъ побѣду только въ томъ, что они своимъ паденьемъ — паденьемъ «первыхъ рядовъ» — принесутъ побѣду «последнимъ рядамъ»:

Черезъ пустыню жертвъ ведетъ дорога
въ обѣтованный Ханаанъ.
Къ побѣдѣ — черезъ пораженіе — смерть —
зову я васъ, какъ воиновъ Господнихъ.

Негодующая и считающая себя обманутой, толпа гонитъ Бранда, преслѣдуя и бросая въ него камнями, и возвращается назадъ.

Никто, ни одинъ, кромѣ безумной Гердъ, не пошелъ за Брандомъ. Никто, ни одинъ, не хочетъ постоянно, изо дня въ день, жертвовать не смотря на то, что

каждое сердце тоскуетъ,
страстно великое время зоветъ;
въ каждой душѣ раздается
голосъ, зовущій къ великой борьбѣ, —
жертвы лишь, жертвы пугаютъ!

Пробудить волю въ людяхъ повиноваться своей тоскѣ по идеалу оказалось болѣе труднымъ, чѣмъ разсчитывалъ потерпѣвшій пораженіе пасторъ.

Снова выплываютъ сомнѣнія, правильнымъ ли онъ шелъ путемъ, на которомъ потерпѣлъ пораженіе? Дѣйствительно ли подвигъ это всеобщій маякъ для человѣчества? Дѣйствительно ли передъ человѣкомъ можно и должно ставить дилемму: все или ничего?..

Много разъ рѣшенное снова становится не рѣшеннымъ... Въ самомъ воѣ бури, разыгравшейся на горныхъ высотахъ, куда онъ

скрылся отъ своихъ преслѣдователей, Брандъ слышитъ голоса осужденія своей требовательности во имя «перваго прообраза души».

Невидимый хоръ (въ свистѣ бури).

Созданъ изъ праха, сравниться
съ Нимъ ты не можешь во вѣкъ;
можешь противиться, можешь смириться—
ты осужденъ, человѣкъ!

Все прошлое представляетъ, въ глазахъ разбитаго морально и физически, непрерывную цѣпь доказательствъ, что онъ на самомъ дѣлѣ «осужденъ»:

Брандъ (повторивъ про себя послѣднія слова «невидимаго хора», говорить тихо):

Горе, готовъ я повѣрить тому!
Гнѣвнымъ руки мановеньемъ
не прерывалъ ли мольбы Онъ мои?
Нѣ взялъ ли все дорогое,
къ свѣту и счастью мнѣ путь не закрылъ?
Иль не заставилъ бороться
ради Него до конца и—далъ пастъ?

Альфа и Агнесъ и свѣтлые дни,
миръ и довольство, и счастье—
все промѣнялъ я на горе, борьбу,
все принесъ въ жертву—напрасно?..

Этими колебаніями и душевной подавленностью Ибсенова пастора пробуетъ воспользоваться «Искуситель» (обозначеніе въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ), чтобы перенести колебанія изъ области рефлекса въ область поведенія...

Альфъ мой и Агнесъ, вернитесь!

—вырывается у Бранда, и на этотъ крикъ—почти сожалѣнія о принесенныхъ жертвахъ—является передъ пасторомъ призракъ его Агнесъ, чтобы потребовать отъ Бранда категорическаго осужденія прошлаго и отказа отъ своего собственнаго разумнія: что должно? Что нужно?

Громоздкая сложная поэма, изъ которой мы взяли развѣ только десятую долю подробностей,*)—снова драма о «Галилеѣ безъ отре-

*) Намъ уже приходилось попутно говорить объ этомъ недостаткѣ „Бранда“.—Особенно пространны и утомительны длинныя полемики Бранда съ фогтомъ (3 и 4 дѣйств.) и съ епископомъ (5 д.). Ничего не прибавляетъ къ основнымъ впечатлѣніямъ также и сцена вторичной встрѣчи Бранда съ морализировавшимся художникомъ Эйнарсомъ. Вообще въ „Брандѣ“ не чувствуется еще того техническаго мастерства, котораго авторъ достигъ въ позднѣйшихъ драмахъ, гдѣ нѣтъ ни лишнихъ явленій, ни лишнихъ словъ, и герои, часто говоря полусловами, надвигаютъ и разрѣшаютъ драму.

Скажемъ нѣсколько словъ и о переводѣ „Бранда“, которымъ мы пользовались (стихотворный переводъ гг. Ганзенъ). Конечно, стихотворная

ченія». Символическія характеристики отношеній между жизнью и идеаломъ, уже успѣвшія нѣсколько расхолодить впечатлѣніе отъ предшествующихъ сценъ, больше не расхолаживаются. Сливаются въ сѣровато-прозрачный фонъ уже принятыхъ вами символовъ, и на этомъ фонѣ—яркое пятно внутренней коллизіи въ душѣ Ибсенова священника. При этомъ совершенно независимо отъ того, въ какихъ словахъ онъ читаетъ свое «вѣрую».

Въ этомъ, конечно, значеніе символической формы, избранной Ибсеномъ для своего драматическаго гимна въ честь побѣжденныхъ... Вамъ все равно въ «Брандъ», кто передъ вами: пасторъ или Галилей. Вы знаете только, что, когда передъ вами Брандъ, не поражение владеетъ человекомъ, а онъ поражениемъ... Лишенный поддержки всеобщаго признанія; неспокойный душою, потому что онъ слишкомъ много отдалъ своему символическому Богу; но всетаки неспособный отвѣтить иначе:—Искусителю въ образѣ оплакиваемаго человека, общающему за цѣну трехъ навсегда забытыхъ словъ («все или ничего») полный возвратъ былаго счастья:

Я долженъ
правдой то сдѣлать, что было лишь сномъ,
въ жизнь провести свои грезы.

Видѣніе.

Какъ?! Но припомни, куда ты опять
этимъ путемъ, Брандъ, пришелъ бы!

Брандъ.

Сызнова тѣмъ же путемъ!

Видѣніе.

Ты готовъ
въявь пережить эту муку!?!
Съ полнымъ сознаньемъ страдать, не въ бреду.

Брандъ.

Съ полнымъ сознаньемъ!

Видѣніе.

И сына
въ жертву приносишь?

Брандъ.

И сына!

Видѣніе.

О, Брандъ!

Брандъ.

Въ этомъ мой долгъ.

Видѣніе.

Ты захочешь
каплю по каплѣ пролить мою кровь,
подвигомъ жертвы замучить?..

форма лучше отвѣчаетъ условному характеру „Бранда“, чѣмъ прозаическая, и, несомнѣнно, немалая заслуга гг. Ганзенъ въ томъ, что ихъ переводъ въ стихахъ или, вѣрнѣе, что гг. Ганзенъ взяли на себя, въ интересахъ Ибсена, обязанности стихотворцевъ. Къ сожалѣнію, переводъ мѣстами очень тяжелъ и порою неясенъ.

Брандъ.

Въ этомъ мой долгъ.

Видѣніе.

Погасить всѣ огни
счастія солнце завѣсить,
въ ночь непроглядную жизнь обратить?

Брандъ.

Въ этомъ мой долгъ. И напрасны
всѣ твои прозбы.

Видѣніе.

Ужель ты забылъ
чѣмъ награжденъ былъ за жертвы?
Общей измѣной и градомъ камней!

Брандъ.

Ради своей ли награды,
ради своей ли побѣды борюсь?

Видѣніе исчезаетъ; въ туманѣ, заволокшемъ его мѣсто, слышенъ
«рѣзкій, пронзительный» голосъ:

Міру не нуженъ,—умри же!

Воли еще разъ оказалось—quantum satis... Даже и въ минуту видѣнія, когда Агнесъ, обвиняемая былымъ счастьемъ, стояла передъ нимъ и казалась ему такой же дѣйствительностью, какъ теперь рана на головѣ и кровь на рукахъ, онъ все-таки остался вѣрнымъ себѣ,—самимъ собою,—Брандомъ... Нѣтъ только гордыхъ словъ, которыя сами собою находились когда-то у прежняго Бранда. Обезсилѣвшій въ борьбѣ, онъ хотѣлъ бы знаменія, которое облегчило бы ему вѣру въ правоту пастора Бранда...

Хоть теперь,—когда у него ничего не можетъ быть, кромѣ вѣры въ ненапрасность его самоотверженныхъ жертвъ...

О, Иисусъ! Я всю жизнь Тебя звалъ,
Ты не хотѣлъ мнѣ явиться;
тѣнью лишь смутно мелькалъ, ускользалъ,
Точно забытое слово!

Сомнѣнія остаются не разрѣшенными. Лавина, которая обыкновенно находится въ жизни для Брандовъ, падаетъ и раздавливаетъ его. А въ вышинѣ раздается «голосъ», подтверждающій, что Брандъ ошибался: Богъ не грозный судья, какого въ немъ видѣлъ Брандъ: Богъ, Онъ—*deus caritatis!*

Много споровъ возбудилъ этотъ «голосъ», но поэтъ не захотѣлъ быть яснѣе, чѣмъ жизнь, и до конца сохранилъ неопредѣленность, кому онъ вложилъ эти искушающія слова, сводящія на нуль всѣ жертвы Бранда, въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно принадлежатъ Богу... Какой дорогой правильнѣе идти: дорогой ли суроваго подвига и самоотреченія, или дорогой мелкаго снисходящаго отношенія къ людямъ, остается менѣе яснымъ какъ разъ въ послѣднемъ стихѣ поэмы.

Эта неожиданная неподчеркнутость въ заключительной фразѣ какъ будто разрушаетъ цѣльность впечатлѣнія у читателя, который все время былъ около одного опредѣленнаго вывода изъ поэмы.

На нашъ взглядъ именно въ этомъ и есть основное настроеніе поэмы. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы—такой же какъ Брандъ—огромный художникъ хотѣлъ произвести рѣзко опредѣленное впечатлѣніе, онъ создалъ бы его. Но это просто чей-то «голосъ» (онъ и въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ фигурируетъ только какъ «Голосъ»). Авторъ не захотѣлъ быть подчеркнутѣе, чѣмъ сама дѣйствительность; и потому далъ только возможность рѣшить, что этотъ голосъ, повторяющій латинскія слова доктора, принадлежитъ не Богу Бранда,—не Богу человѣка, который въ послѣднюю минуту не зналъ, какой голосъ, въ немъ внутри,—правъ.

Въ глазахъ же самого Ибсена, пасторъ Брандъ несомнѣнно правъ. Его задачей было побѣдить въ другихъ, и въ себѣ противорѣчиваго человѣка, сложеннаго изъ «обломковъ душъ», и побѣду эту относительно самого себя онъ одержалъ. Въ этомъ смыслѣ онъ, несомнѣнно, шелъ черезъ пораженіе къ побѣдѣ... И потому старый, какъ міръ, кличъ: горе побѣжденнымъ!—въ устахъ суроваго поэта смѣнился горячей, восторженной хвалой побѣжденнымъ, — красотѣ человѣческой души, не страшашейся пораженія.

А. Е. Рѣдько.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖИЗНЬ МОЛОДЫХЪ ДЕМОКРАТІЙ.

I.

Около года тому назадъ я сдѣлалъ попытку набросать общими штрихами портреты писателей австралійской молодой демократіи. Мнѣ далеко не удалось тогда исчерпать весь собранный матеріалъ. Не пришлось даже коснуться одной изъ наиболѣе интересныхъ сторонъ австралійской жизни,—ея своеобразной и оригинальной періодической печати. Появленіе любопытной книги Альфреда Букенана—«The Real Australia» внушило мнѣ мысль снова возвратиться къ собранному и оставленному на время матеріалу, дополнивъ его данными, приведенными въ только что упомянутомъ трудѣ.

У насъ представленія о мощныхъ демократіяхъ, развившихся

на самой дальней периферіи великой Британской имперіи нѣсколько односторонни. Въ особенности это относится къ Новой Зеландіи, которую, съ легкой руки мѣстнаго чиновника, у насъ называютъ въ печати «Счастливыми островами». Подъ впечатлѣніемъ только-что осуществленныхъ въ странѣ моарисовъ замѣчательныхъ реформъ, перечисленныхъ въ каждомъ справочномъ изданіи,—восторженный американскій изслѣдователь, посѣтившій Новую Зеландію въ концѣ 1898 г., писалъ: «Острова эти—опытная станція, гдѣ примѣняются самые передовые законы. Новая Зеландія не только осуществила такіа реформы, о которыхъ въ другихъ странахъ еще говорятъ только, но ввела и то, о чемъ въ Европѣ покуда даже и не мечтають».

Новая Зеландія замѣчательна во всѣхъ отношеніяхъ, — констатируетъ упомянутый изслѣдователь. «Мы видимъ всюду водопады, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ принадлежать къ самымъ красивымъ въ мірѣ, затѣмъ великолѣпные ландшафты, фермы, окруженныя полями золотой пшеницы, озера, гейзеры, вулканы, громадныя лѣса. Море выдолбило фіорды у подножья горъ, вершины которыхъ покрыты вѣчными снѣгами и ледниками. Мы видимъ сочетаніе всего, что наиболѣе красиво въ природѣ Норвегіи, Швейцаріи, Италіи и Англіи съ примѣсю геены огненной... Оторванность Новой Зеландіи отъ всего міра и положеніе далеко отъ континента защищаетъ ее отъ слишкомъ сильной жары, отъ холода, иммиграціи, моды, спекуляціи и непріятельскаго вторженія. Въ силу всѣхъ этихъ условій ново-зеландцы останутся надолго самой чистой, лучшей и самой гармоничной смѣсью, какую только можетъ дать англо-саксонскій народъ: смѣсью изъ англичанъ, шотландцевъ и ирландцевъ. Иностранцевъ и моарисовъ слишкомъ мало, чтобы ихъ вліяніе могло отразиться на чистотѣ крови... Населеніе въ Новой Зеландіи такъ же умѣренно и здорово, какъ и климатъ. Оно рѣшило не имѣть ни миллионеровъ, ни бѣдняковъ». «Внимательный наблюдатель не скажетъ, что ново-зеландцы самый культурный, самый счастливый и самый цвѣтущій народъ въ мірѣ,—продолжаетъ тотъ же изслѣдователь,—но отмѣтитъ, что они наименѣе некультурный, наименѣе несчастливый и наименѣе подавленный народъ. Дантонъ говоритъ о тѣхъ законахъ, которые онъ предлагалъ, что они «наименѣе скверныя». Абсолютно хорошихъ правительствъ или народовъ—нѣтъ; но одни не такъ плохи, какъ другіе. О Новой Зеландіи можно сказать, что ея народъ и правительство «наименѣе плохи во всѣхъ странахъ подъ луной» *).

При всемъ своемъ увлеченіи Новой Зеландіей, Генри Ллойдъ дѣлаетъ оговорку: «Страна эта не утопія и не земной рай. Это очевидно уже изъ того факта, что есть честные, трудолюбивые люди, достигшіе шестидесяти пяти лѣтъ, пробывшіе двадцать пять лѣтъ въ

*) *Henri D. Lloyd. „Newest England“ New York. 1900, p. r. 2—11.*

Новой Зеландіи и всетаки нуждающіеся въ государственномъ пенсіонѣ для престарѣлыхъ. Въ муниципальномъ отношеніи, какъ Новая Зеландія, такъ и Австралія далеко отстали отъ Англіи. Трэдъ-юніонизмъ въ Новой Зеландіи слабъ и все еще не можетъ оправиться отъ послѣдствій неудачной стачки 1890 г. Когда я былъ въ Новой Зеландіи,—продолжаетъ Ллойдъ,—рабочіе союзы не рѣшались еще печатать имена своихъ секретарей изъ опасенія, что послѣдніе попадутъ въ хозяйскіе «черные списки». Печать и общество обсуждаютъ пониженіе процента рождаемости... Въ ночное время улицы большихъ городовъ кишатъ молодыми людьми обоого пола. И это, къ несчастью, не безработные. Когда путешественникъ читаетъ въ австралійскихъ газетахъ полицейскіе отчеты, ему кажется, что онъ не выѣзжалъ изъ Содомы Гоморры, какъ Лондонъ или Нью-Йоркъ» *).

Соціальные опыты, сдѣланные Новой Зеландіей, дѣйствительно смѣлы и устранили нѣкоторые экономическія бѣдствія, но не могли превратить далекую колонію въ «Счастливые острова». Реформы отнюдь не покончили разъ навсегда съ серьезными вопросами. Уже въ 1902 г., черезъ какихъ-нибудь пять лѣтъ послѣ завершения знаменитаго цикла реформъ *Sydney Bulletin*,—самый оригинальный, талантливый, смѣлый и наиболѣе распространенный изъ австралійскихъ журналовъ,—писалъ: «Въ Новой Зеландіи нѣтъ болѣе парламентской оппозиціи, достойной этого имени; нѣтъ также у ней ни вождей, заслуживающихъ упоминанія, ни программъ. Люди, стоявшіе въ оппозиціи **), все еще пытаются говорить что-то; но все это старцы. Прошло уже болѣе 12 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ они стояли у власти. За все это время имъ не удалось ни разу добиться даже случайнаго голосованія въ свою пользу, хотя бы по такому вопросу, какъ мостъ на какой-нибудь проселочной дорогѣ. Оппозиція теперь забыла, какъ составить билль, и не помнитъ уже, что такое успѣхъ. Ей такъ давно уже не приходилось примѣнять свою программу, что оппозиція забыла, есть ли у ней вообще какая-нибудь политическая программа. Самая отсталая партія въ самой отсталой странѣ, въ сравненіи съ ново-зеландской оппозиціей—пылкіе и увлекающіеся юноши». Старая оппозиція, возстававшая противъ осуществленныхъ теперь реформъ,—умерла; но тѣмъ не менѣе *Sydney Bulletin* констатировалъ трещину въ партіи, которая до того времени представляла однородное цѣлое ***).

Лѣтъ семнадцать тому назадъ въ Новой Зеландіи фактически не было мелкихъ фермеровъ. Три банка, нѣсколько большихъ синдикатовъ и крупныя «скуотеры» были хозяевами положенія въ

*) *Иб.*, р. 9.

**) Т. е. консерваторы.

***); *Sydney Bulletin*, October 18. 1902; р. 6.

земельномъ вопросѣ. Премьеръ Баллансъ и Седдонъ создали массу мелкихъ независимыхъ фермеровъ. Проведены были реформы, которыя сдѣлали доступнымъ пользованіе на легкихъ условіяхъ государственными землями. Прогрессивный налогъ на землю повелъ за собою распаденіе большихъ помѣстій на мелкія хозяйства. Правительство явилось на помощь къ нимъ съ дешевымъ и легкимъ кредитомъ. Реформа въ цѣломъ равна была настоящей аграрной революціи. Крупные скуотеры, которые прежде являлись хозяевами страны, послѣ революціи превратились въ безсильную кучку, которая въ парламентѣ вызывала только смѣхъ своими архаическими взглядами. «Въ первое время новый землевладѣльческій элементъ, созданный Баллансомъ и Седдономъ, былъ демократиченъ,—говоритъ *Sydney Bulletin*.—У него не было ни фартинга за душой. Онъ былъ долженъ правительству за землю. Фермеры не закончили еще построекъ и не успѣли еще огородить полей. Собственность новаго землевладѣльца состояла только изъ плохого коня да изъ двухъ коровъ. Онъ работалъ съ ранняго утра до поздняго вечера, и радъ былъ въ свободное время наняться на работу при постройкѣ правительственной желѣзной дороги. Въ то время фермеръ смотрѣлъ на городского работника, какъ на равнаго и какъ на брата. И тогда демократическая партія въ городѣ и въ деревнѣ представляла одно цѣлое. То было самое блестящее время партіи Балланса и Седдона. Но маленькій, жалкій «коки» *), котораго правительство Балланса и Седдона превратило изъ крѣпостнаго у скуотера въ независимаго фермера, сталъ богатѣть и зазнаваться,—продолжаетъ *Sydney Bulletin*.—Когда онъ выкупилъ свою закладную, онъ почувствовалъ себя тоже скуотеромъ, только поменьше. Съ каждымъ годомъ число фермеровъ, очистившихъ свои долги, увеличивается, и соотвѣтственно съ этимъ растетъ въ Новой Зеландіи новый землевладѣльческій классъ. Онъ глядитъ сверху внизъ на городскихъ работниковъ, которыхъ прежде считалъ братьями и сотоварищами въ борьбѣ за демократическія реформы. Новый фермеръ желаетъ имѣть дешевыхъ работниковъ, хотя всего лишь пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ былъ работникомъ. Онъ выражаетъ сомнѣніе въ томъ, — можно ли «низшему классу» предоставить участіе въ выборахъ, и возстаетъ противъ «соціалистическаго законодательства», которое дало тому же «коки» землю, кредитъ и всякое содѣйствіе со стороны государства. Безъ «соціалистическаго законодательства», противъ котораго теперь фермеръ возстаетъ, онъ до сихъ поръ былъ бы безземельнымъ батракомъ, пасъ бы хозяйскихъ коровъ и получалъ бы по 15 шил. въ недѣлю и плохіе харчи. «Коки» теперь задумывается надъ вопросомъ о свободной торговлѣ, который понимаетъ прямолинейно и своеобразно. «Союзъ фермеровъ» высказываетъ открыто, что про-

*) Кличка австралійскихъ сельскихъ работниковъ.

тектонизмъ въ Новой Зеландіи долженъ быть отмѣненъ. Тогда иностранные товары хлынутъ широкой волной на рынки; мѣстные фабрики не выдержатъ конкуренціи и закроются; изъ городовъ въ деревню потянутся массы безработныхъ, которые готовы будутъ предложить свои услуги фермерамъ за какую угодно плату. За пятнадцать лѣтъ нѣкогда отличные работники, которыхъ реформы Балланса и Седдона превратили въ фермеровъ-собственниковъ, успѣли измѣнить свой взглядъ на рабочій вопросъ. Фермеры теперь «изумляются дерзости рабочаго класса», добывающагося высокой заработной платы *).

Политическія дѣла въ Новой Зеландіи обстоятъ такимъ образомъ. Прежде всего мы имѣемъ жалкіе остатки разбитой оппозиціонной партіи, состоящей изъ одряхлѣвшихъ политическихъ дѣятелей, которые потеряли всякое вліяніе. Затѣмъ предъ нами большая, прежде однородная, но теперь начинающая разлагаться министерская партія, которая стоитъ у власти со времени великихъ реформъ. Она составлена, прежде всего, изъ новыхъ фермеровъ, выплатившихъ государству всѣ долги и начинающихъ смотрѣть на себя, какъ на законныхъ преемниковъ скуотеровъ. По выраженію «Sydney Bulletin», эти фермеры, стыдящіеся уже теперь сами копаться въ навозѣ, какъ было недавно, образуютъ «Squirearchy», т. е. іерархію сквайровъ. Они требуютъ введенія свободной торговли, которая, по расчету «Squirearchy», убьетъ промышленность въ городахъ и дастъ фермерамъ дешевыхъ работниковъ. Іерархія сквайровъ теперь ведетъ разговоры о священныхъ правахъ собственности, возмущается поведеніемъ «низшихъ классовъ» и выражаетъ сомнѣніе въ правильности «соціалистическаго законодательства». По старой привычкѣ «Squirearchy» покуда еще слѣдуетъ за своими прежними вождями и на выборахъ 1905 г. поддержала Седдона. Затѣмъ мы имѣемъ новыхъ фермеровъ, которые не выплатили еще по закладнымъ. Эти покуда еще болѣе «коки», чѣмъ сквайры, т. е. они твердо помнятъ то время, когда сами состояли въ батракахъ. Они покуда еще не обладаютъ самоувѣренностью фермеровъ, состоящихъ въ Farmers' Union, т. е. въ союзѣ землевладѣльцевъ. Дальше слѣдуетъ та главная сила, на которую крѣпче всего опиралось министерство Балланса и Седдона во время осуществленія реформъ, т. е. фабричные рабочіе. Подъ защитой протекціонизма и фабричнаго законодательства Балланса и Седдона, въ Новой Зеландіи появился классъ рабочихъ, численность котораго, сравнительно, вдвое больше, чѣмъ въ промышленныхъ штатахъ Австраліи: въ Викторіи и Новомъ Южномъ Уэльсѣ.

Въ Новой Зеландіи нарождается теперь новая партія, стоящая за націонализацию всѣхъ производствъ. Она не желаетъ работать

*) Sydney Bulletin, 1902, № 1183.

заодно съ союзомъ фермеровъ. Въмѣстѣ съ политическими партіями измѣнились и политическіе дѣятели, руководившіе мирной революціей. Прежде всего сошелъ со сцены Баллансъ, за нимъ послѣдовали Макензи и Ривсъ. Седдонъ въ концѣ 1899 г. превратился въ пламеннаго и кровожаднаго джинго. Онъ рекомендовалъ не щадить бургеровъ и предлагалъ центральному правительству свои услуги по сформированію спеціального отряда моарисовъ для отправки въ Южную Африку. Седдонъ указывалъ при этомъ, что моарисы не забыли еще, какъ слѣдуетъ расправляться съ врагами. Предложеніе ново-зеландскаго премьера монтировать отрядъ изъ полудикихъ людей, которые всего только 40 лѣтъ назадъ поѣдали послѣ битвы своихъ плѣнниковъ, не было принято. Въ іюнѣ прошлаго года Седдонъ внезапно скончался. Премьеромъ сталъ Джозефъ Уордъ, къ которому ново-зеландскіе работники относятся съ крайнимъ недовѣріемъ. «У насъ ненавидятъ этого перевертня, переметнувшагося теперь къ фермерскому союзу,—пишетъ ауклендскій корреспондентъ «Sydney Bulletin».—По натурѣ своей это—финансовый спекуляторъ и грюндеръ; онъ давно уже скинулъ стѣснявшій его плащъ демократа или, точнѣе, надѣваетъ его только по торжественнымъ днямъ» *). Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, рабочая партія отслоилась отъ министерской.

Такимъ образомъ мы видимъ, что наше представленіе о «**Счастливыхъ островахъ**» не совсѣмъ совпадаетъ съ дѣйствительностью.

II.

Альфредъ Букенанъ хорошо знаетъ Австралію, но въ книгѣ его мы находимъ только одну сторону жизни. Авторъ говоритъ по преимуществу о городской жизни. Правда, большинство бѣлаго населенія Австраліи сконцентрировано въ городахъ; но жизнь на фермахъ, въ ранчахъ и на пріискахъ настолько своеобразна и оригинальна, что о ней слѣдовало бы писать. Затѣмъ въ городахъ авторъ наблюдаетъ *только* средніе классы; онъ намъ много говоритъ объ австралійскомъ обществѣ, о борьбѣ политическихъ партій, объ имперіализмѣ, о премьерахъ. Мимоходомъ онъ упоминаетъ про австралійскихъ пеэтовъ, журналистовъ и беллетристовъ, но не даетъ намъ никакихъ свѣдѣній о бытѣ работниковъ и о тѣхъ факторахъ, которые наложили такую своеобразную печать на всю экономическую и социальную жизнь Австраліи. Такимъ образомъ, названіе книги Букенана «The Real Australia» не вполне соответствуетъ содержанию. Авторъ съ большимъ правомъ могъ бы назвать свою книгу «Австралійская буржуазія».

*) „Sydney Bulletin“, January 25, 1907.

Букананъ отмѣчаетъ, прежде всего, «политическое негостепріимство» австралійцевъ. Въ этомъ отношеніи они превзошли всѣхъ. «Единственными соперниками австралійцевъ являются только китайцы, да еще ламаиты въ Тибетѣ». Австралійцы ревниво оберегаютъ свои берега отъ иммигрантовъ и выработали цѣлый рядъ законовъ, имѣющихъ цѣлью остановить притокъ переселенцевъ. Въ этомъ отношеніи сходятся всѣ партіи. Работники поддерживаютъ въ парламентахъ еще болѣе строгіе законы противъ иммигрантовъ, чѣмъ либералы или консерваторы. Австралійцы относятся подозрительно къ переселенцамъ, откуда бы они ни явились: изъ Европы или изъ Азіи, изъ иностранныхъ государствъ или изъ метрополіи. Года два тому назадъ произошелъ инцидентъ, вызвавшій большое неудовольствіе въ англійскихъ газетахъ: федеральное правительство не разрѣшило высадиться въ Сидней нѣсколькимъ англійскимъ мастеровымъ. Инцидентъ былъ потомъ улаженъ, но онъ доказалъ, что австралійцы желаютъ жить обособленно, «подобно лягушкамъ въ колодезѣ», по выраженію одного автора. Австралійцы напоминаютъ пассажировъ, забравшихся въ удобный, просторный и хорошій вагонъ и разложившихъ свои вещи по всѣмъ скамьямъ, чтобы помѣшать другимъ занять мѣста. Дѣлается это изъ одной жадности, потому что мѣстъ хватило бы всѣмъ.

Въ то же время индивидуально австралійцы очень гостепріимны. «Избиратель голосуетъ за то, чтобы у негра отняли средства къ существованію, чтобы канака выслали обратно на родину, гдѣ его соплеменники, вѣроятно, съѣдятъ, и чтобы слѣпому или больному переселенцу не позволили бы высадиться. Тотъ же самый избиратель, если встрѣтитъ «нежелательнаго» иммигранта, окажетъ ему всякую услугу... Австраліецъ радушенъ, но только не въ политикѣ. Онъ готовъ учиться. Перегородки, раздѣляющія различные классы въ Европѣ, покуда еще не существуютъ въ Австраліи. Рабское подчиненіе извѣстному кодексу правилъ, освященныхъ обычаемъ, еще не соблюдается здѣсь. Жизнь еще эластична и не заостенѣла, какъ въ Англіи» *). Австралійское общество—молодое; но въ нравственномъ отношеніи оно стоитъ не выше и не ниже англійскаго. Число лицъ, осужденныхъ въ Австраліи ежегодно за преступленія всякаго рода такое же, какъ и въ Англіи. Австралія пьетъ нѣсколько меньше, чѣмъ метрополія: не по 3,57 гал. на человека, а по 2,5. Число незаконныхъ рожденій въ Австраліи нѣсколько выше, чѣмъ въ Англіи и Уэльсѣ (6 и 4,15 проц.), но ниже, чѣмъ въ Шотландіи (7 проц.). Участіе женщинъ въ законодательной работѣ покуда еще не повело къ уничтоженію или хотя бы къ уменьшенію проституціи въ Австраліи. Улицы большихъ городовъ въ Австраліи вечеромъ превращаются въ такой же невольничій рынокъ, какъ тротуары каждаго европейскаго города. Такое явле-

*) The Real Australia, p. 6.

ніе неминуемо, разъ женскій трудъ оплачивается только 10 шиллингами въ недѣлю.

Австралійское «хорошее общество» въ городахъ — продуктъ послѣдняго времени. Джорджъ-Эліотъ въ одномъ изъ своихъ романовъ выясняетъ, во что обходится народу «изящное общество» съ его поэзіей, прекрасными манерами и тонкими вкусами. Романистка говоритъ, какая масса «простого народа» должна работать у станковъ на фабрикахъ, катать уголь въ подземныхъ шахтахъ или тащиться за плугомъ въ дождь и въ солнце, чтобы обезпечить «хорошему обществу» возможность говорить о поэзии и возвышенныхъ матеріяхъ. Австралія молодая страна; социальное неравенство не достигаетъ здѣсь такихъ страшныхъ размѣровъ, какъ въ Европѣ; но и въ странѣ антиподовъ люди работаютъ у станковъ, въ подземныхъ шахтахъ и въ полѣ, чтобы доставить досугъ другимъ, ничего не дѣлающимъ и живущимъ въ великолѣпныхъ домахъ. Австралійское «общество» въ большихъ городахъ насчитываетъ не много лѣтъ. Оно довольно смѣшано. Мы видимъ тутъ судей, политическихъ дѣятелей, землевладѣльцевъ, торговцевъ, адвокатовъ, актеровъ. «Общество» всѣ тѣ, которымъ посылаютъ приглашенія на балы къ намѣстнику. Въ Австраліи оно грубовато. Досуги мужчинъ поглощаются скачками, виномъ и картами. Женщины изъ «общества» занимаются тѣмъ же. Но извѣстный отпечатокъ силы лежитъ на австралійскомъ обществѣ: оно постоянно пополняется людьми, поднявшимися со дна. Тутъ удачливый пріискатель, который только что смѣнилъ красную фланелевую рубашку и высокіе сапоги на тонкое бѣлье, фракъ и лакированные башмаки. Руки его еще заскорузли отъ метыки. Тутъ скотоводъ изъ степей, лежащихъ на границѣ центральной пустыни. Онъ только что выгодно продалъ громадную партію овецъ и сдѣлался богачомъ. Въ «обществѣ» мы видимъ также богатаго торговца, представителя какого-нибудь громаднаго англійскаго торговаго дома и т. д. Все это, съ одной стороны, накладываетъ на австралійское общество отпечатокъ независимости, но также и вульгарности. «Въ Австраліи успѣхъ, выраженный деньгами, дѣлаетъ человѣка членомъ «общества», и только это. Двери «общества» раскрыты предъ всѣми удачниками, изъ какихъ бы сферъ они ни поднялись. Этимъ объясняется, почему значительная часть австралійскаго «хорошаго общества» проводитъ дни въ поклоненіи Пану, а ночи—Вакху» *). Оно готово признать и талантъ, но только тогда, когда онъ добился денегъ.

Совсѣмъ иную картину найдемъ мы, когда отъ «хорошаго общества» обратимся къ остальной массѣ бѣлаго населенія Австраліи. Нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ населеніе не живетъ такой интенсивной политической жизнью, какъ въ Австралійской республикѣ.

*) The Real Australia, p. 39.

Въ федераціи мы имѣемъ семь парламентовъ, съ двумя выборными палатами каждый; всего, значитъ, четырнадцать палатъ. Бѣлаго населенія въ Австраліи нѣсколько меньше четырехъ милліоновъ. Оно представлено въ 14 палатахъ 600 депутатами. Понятно, какое выдающееся мѣсто должны занимать политическіе вопросы, выборы, программы, парламентскіе дебаты въ такой странѣ, какъ Австралія. Мѣстные газеты заполнены политикой. Нигдѣ въ мірѣ политическая дѣятельность не доступна такъ для каждого талантливаго и энергичнаго человѣка, какъ въ Австраліи. Газеты намъ постоянно сообщаютъ о премьерахъ, при томъ необыкновенно талантливыхъ, какъ покойный Ричардъ Седдонъ, или «Дикъ», бывшихъ прежде владѣльцами маленькихъ трактировъ на проселочной дорогѣ; о сенаторахъ, которые, когда имъ пришли возвысить объ избраніи, лежали въ машинномъ котлѣ и клепали его; о министрахъ, которые за два года до того, какъ получили портфель, красили крышу или клали фабричную трубу. Политическая дѣятельность не только доступна въ Австраліи для всѣхъ талантливыхъ людей, но, что еще болѣе важно, она совершенно чиста. Вопросъ о подкупности и продажности общественныхъ дѣятелей въ Австраліи не существуетъ.

Политическія партіи въ Австраліи часто смѣняются у власти; но, въ сущности, происходитъ только нѣкоторая перетасовка картъ. Въ концѣ концовъ, рѣшающимъ факторомъ остается все населеніе, которое очень практично и не дѣлаетъ неосмотрительныхъ шаговъ. Въ Австраліи, напр., много говорятъ о протекціонизмѣ и фритредерствѣ. На основаніи этихъ разговоровъ протекціонисты въ Англіи возлагаютъ большія надежды. Они видятъ уже Австралію, приставшую къ имперскому Цолль-фереину во имя абстрактной идеи имперіализма. Австралія накладываетъ запретительные тарифы на всѣ привозные товары, кромѣ англійскихъ. Такимъ образомъ, промышленный міръ, центромъ котораго является Бирмингемъ, сразу получаетъ рынокъ, охраняемый отъ американскихъ и германскихъ конкурентовъ. Въ дѣйствительности, ничего подобнаго Австралія не намѣрена сдѣлать. Она ничего не имѣетъ противъ того, чтобы метрополія обложила себя налогомъ и вытѣснила съ англійскаго рынка всѣхъ конкурентовъ Австраліи, тоже привозящихъ хлѣбъ, вино и шерсть (напр. Аргентину); но абсолютно ничѣмъ не желаетъ поступиться сама. Большинство бѣлаго населенія Австраліи живетъ въ городахъ. Австралія быстро становится фабричною страной. Она за протекціонизмъ, но только не за такой, о которомъ думаютъ имперіалисты. Австралія желаетъ защитить собственныя производства, какъ отъ нѣмцевъ и американцевъ, такъ и отъ англичанъ. Англійскіе товары въ Австраліи обложены меньшей пошлиной, чѣмъ американскіе или германскіе; но эта пошлина настолько велика, чтобы сдѣлать англійскіе товары дороже австралійскихъ. Затѣмъ, Австралія страна демокра-

тическая. Парламентъ принялъ законы о протекціонизмѣ, но населеніе настояло на томъ, чтобы покровительственная система охраняла интересы *всего населенія*, а не только фабрикантовъ производителей. И вотъ мы видимъ единственный въ своемъ родѣ законъ, предписывающій фабрикантамъ довольствоваться только справедливымъ процентомъ. Австралійскій протекціонизмъ охраняетъ интересы не только производителя, но и потребителя. И этотъ протекціонизмъ не можетъ быть измѣненъ, какая бы партія ни стала у власти.

То же самое можно сказать объ имперіализмѣ. Австралійцы сильно привязаны къ метрополіи. Узы эти сентиментальнаго характера и, по словамъ мѣстныхъ публицистовъ, не могутъ быть переведены на языкъ договорныхъ грамотъ. Австралія не думаетъ объ отдѣленіи отъ метрополіи. Подобный вопросъ никогда не поднимался даже въ социалистическихъ газетахъ. Австралія привязана къ метрополіи и, въ случаѣ войны, охотно готова помочь Англіи. Такъ было во время южно-африканской войны, когда Австралія по собственной инициативѣ послала войска въ Трансвааль. Но въ то же время населеніе и слышать не хочетъ объ имперіализмѣ, какъ онъ выработанъ въ Англіи. Австралія имѣетъ свою милицію, которую не намѣрена подчинить англійскимъ генераламъ, и мечтаетъ о собственномъ флотѣ для защиты своихъ собственныхъ интересовъ. И какое бы министерство ни стало у власти въ федеральномъ парламентѣ: консервативное ли Дикона, либеральное Риды или рабочее—Уотсона,—отношеніе къ имперіализму останется то же самое. Даже въ вопросахъ чисто внутреннихъ, партія, становясь у власти, не могутъ дѣлать шаговъ въ иномъ направленіи, чѣмъ ихъ предшественники. Рабочая партія, напр., когда она въ оппозиціи, выдвигаетъ цѣлый рядъ рѣшительныхъ мѣръ. Она говоритъ о націонализаціи всѣхъ орудій производства, объ уничтоженіи крупнаго землевладѣнія, о новомъ и радикальномъ распредѣленіи налоговъ и пр. Въ послѣдніе два года рабочая партія была у власти въ федеральномъ парламентѣ, затѣмъ въ Квинслендѣ и въ зап. Австраліи. Ставъ министрами, рабочіе убѣдились, что провести въ практической жизни законъ гораздо труднѣе, чѣмъ выставить абстрактный принципъ.

III.

Интенсивная политическая жизнь въ Австраліи породила множество періодическихъ изданій. Нигдѣ въ мірѣ, вѣроятно, не читаютъ столько газетъ, какъ въ Австраліи, и нигдѣ онѣ не пользуются такимъ вліяніемъ.

Первая газета, съ нѣсколькими длиннымъ названіемъ «Sydney gazette and New South Wales Advertiser», возникла въ Австраліи въ мартѣ

1803 г. и выходила до декабря 1843 г. Австралія была тогда «каторжнымъ континентомъ», и газету наполняли сообщенія о бѣглыхъ каторжникахъ, о наказанныхъ каторжникахъ, о казенныхъ каторжникахъ. Еще болѣе такой литературы находимъ мы въ «Derwent Star», которая начала выходить въ 1810 г. на Ванди-меновой землѣ (теперь Тасманія). Въ то время Австралія находилась подъ полнымъ контролемъ военныхъ губернаторовъ. Инициатива населенія была забита, и одинъ изъ военныхъ губернаторовъ въ своемъ докладѣ сообщилъ, что страна годится «развѣ только для того, чтобы разводить кенгуру». Въ «каторжномъ» періодѣ, подъ властью военныхъ губернаторовъ, Австралія была адомъ, содержаніе котораго дорого обходилось правительству. Съ обновленіемъ Австраліи возникаетъ новая газета. То была газета «Sydney Morning Herald», выходившая сначала дважды въ недѣлю, потомъ черезъ день, а потомъ ежедневно. Въ 1846 г. появилась одна изъ самыхъ распространенныхъ газетъ въ Австраліи— «Melbourne Argus», а въ 1854 г.—ея соперникъ «Melburne Age», а еще черезъ два года—«Melbourne Zeader». Газета «Melbourne Argus» достигла расцвѣта, когда въ ней работалъ самый выдающійся изъ австралійскихъ романистовъ Маркусъ Кларкъ, о которомъ я писалъ уже. Австралійская газета поражаетъ количествомъ матеріала. Судя по номеру въ 18—24 страницы громаднаго фѣрмата, трудно представить себѣ, что газета выходитъ на континентѣ, все бѣлое населеніе котораго составляетъ лишь половину Лондона.

Посмотримъ теперь на газеты, выходящія въ различныхъ штатахъ. Въ 1890 г. въ Сиднеѣ, столицѣ Новаго Южнаго Уэльса было 332 тысячи жителей, но тамъ выходила 21 газета, изъ которыхъ 10—ежедневныхъ. Въ 1900 г. тамъ было уже 59 газетъ. Самая большая ежедневная газета—консервативный «Morning Herald». Это—органъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Газета много пугала своихъ читателей призракомъ социализма, но въ самое послѣднее время стала подаваться влѣво. Это комментируется, какъ доказательство того, что въ Австраліи дѣла складываются плохо для крупныхъ землевладѣльцевъ, еще недавно бывшихъ хозяевами положенія. Противоположныхъ взглядовъ, т. е. крайне радикальныхъ, придерживается «Sydney Daily Telegraph». Въ Сиднеѣ выходитъ также самая распространенная, наиболѣе талантливая и оригинальная изъ всѣхъ австралійскихъ газетъ «Sydney Bulletin», о которой дальше. Въ провинціальныхъ городахъ Новаго Южнаго Уэльса (во всемъ штатѣ, безъ Сиднея, миллионъ бѣлыхъ) въ 1890 г. выходило 78 газетъ, а въ 1900 г. — 168 газетъ. Къ тому же штату причисляется крошечный островокъ, находящійся въ 900 миляхъ отъ континента—Норфолькъ. Поверхность острова всего 12 кв. миль. Сравнительно недавно Норфолькъ представлялъ собою послѣднее кольцо каторжнаго ада. Теперь это—мирная, крошечная

республика съ населеніемъ въ 800 человекъ, выбирающая совѣтъ изъ 12 человекъ. Норфолькъ имѣетъ свою газету.

Въ Брисбейнѣ, главномъ городѣ штата Квинслендъ, въ 1890 г. на 60 тысячъ жителей было 26 газетъ. То же количество осталось и въ 1900 г., хотя населеніе увеличилось на 49 тысячъ. Въ провинціальныхъ городахъ выходятъ 86 газетъ. Наиболѣе жгучимъ вопросомъ, занимавшимъ до послѣдняго времени квинслендскія газеты, являлся вопросъ о канакахъ. Сѣверная часть колоніи лежитъ подъ тропиками. Здѣсь разведены сахарныя плантаціи, на которыя привозили работниковъ-канаковъ. Многіе изъ нихъ пробыли въ колоніи болѣе 20 лѣтъ. Когда рабочая партія въ Квинслендѣ окрѣпла, она потребовала, чтобы иммиграція канаковъ была остановлена. Затѣмъ началась агитація за то, чтобы всѣхъ канаковъ выслали обратно на родину. Рабочіе доказывали, что напрасно плантаторы ссылаются на то, будто бѣлые не въ состояніи работать на сахарныхъ плантаціяхъ. Все дѣло только въ хорошей заработной платѣ и въ короткомъ днѣ. Не только одни плантаторы отстаивали цвѣтнокожихъ рабочихъ. Канаки нѣсколько разъ подавали петиціи въ парламентъ, въ которыхъ указывали, что они работаютъ честно, ведутъ себя смирно, крѣпкихъ напитковъ не пьютъ, соблюдаютъ всѣ законы и теперь, тѣмъ не менѣе, имъ грозитъ страшная опасность—высылка на родину. Это означаетъ не только потерю заработка и всѣхъ средствъ къ существованію: многіе канаки прожили въ Квинслендѣ такъ долго, что на родинѣ ихъ забыли и, когда ихъ привезутъ обратно, имъ грозитъ опасность быть сѣдеными земляками. Петиціи канаковъ произвели сильное впечатлѣніе въ Англіи; но трудящіеся массы въ Квинслендѣ отвѣтили, что своя рубашка ближе къ тѣлу. Въ 1901 г. прошелъ сперва въ мѣстномъ, а потомъ въ федеральномъ парламентѣ Pacific Islands Labourers Act, вошедшій въ полную силу черезъ пять лѣтъ, т. е. въ декабрѣ 1906 г. Въ силу этого закона въ январѣ и въ февралѣ 1907 г. девять тысячъ канаковъ и полинезійцевъ высланы обратно на свои родные острова.

Въ Аделандѣ, главномъ городѣ Южной Австраліи, теперь 130 тысячъ жителей. Печатается здѣсь 24 газеты, а въ провинціи—двадцать семь газетъ. Наименьшимъ по величинѣ штатомъ Австраліи является Викторія. Населенія здѣсь 1.218.570, изъ которыхъ половина живетъ въ Мельбурнѣ, а около 300.000 въ городахъ (Портлендъ, Гамильтонъ, Бичвортъ, Альбертонъ и др.). Въ Мельбурнѣ печатаются, въ самомъ городѣ, 46 газетъ, да еще 21 въ предмѣстьяхъ. Здѣсь выходятъ самыя главныя австралійскія ежедневныя газеты «Melbourne Age» и «Melbourne Argus», которыя нѣсколько лѣтъ вели между собою борьбу за первенство, кончившуюся побѣдой первой газеты. «Age»—радикальная газета и отстаиваетъ политику австралійскаго протекціонизма, «Argus»—консервативная и симпатизируетъ свободной торговлѣ. Въ провин-

циальных городах печатается 179 газетъ. Въ Болларетъ 25 тысячъ жителей, но тамъ издается девять газетъ. Въ Гидонгъ на 5.860 жителей—пять газетъ. Самое большое количество газетъ печатается въ Новой Зеландіи.

Въ округѣ Нельсонъ мы видимъ 10 газетъ, въ Таранаки—12, въ семи городкахъ, точнѣе, деревняхъ Западной Провинціи—13 газетъ. А всего-то во всей Новой Зеландіи 880 тысячъ человекъ, считая въ томъ числѣ и маорисовъ.

IV.

Перейдемъ теперь къ журналистамъ. «Положеніе вещей очень любопытно,—говоритъ Буканенъ.—Предъ нами континентъ, четырехмилліонное населеніе котораго имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлую сеть государственныхъ школъ, университетовъ, рисовальныхъ школъ, академій художествъ и пр. Обученіе бесплатное и обязательное. Неграмотность совершенно неизвѣстна. Въ Австраліи нельзя найти людей, невѣжественныхъ и забытыхъ, какъ лондонскій «докеръ», русскій крестьянинъ или сельскій работникъ центральной Европы. Австралійцы наблюдательны и надѣлены подвижнымъ умомъ, вотъ почему они естественно тянутся къ перу и черниламъ. Авторское честолюбіе—болѣзнь сильно распространенная въ Австраліи. Она принимаетъ гораздо болѣе острые формы, чѣмъ крикетная или театральная манія. Изъ каждаго двухъ домовъ въ городахъ одинъ, навѣрное, наполненъ неоконченными и ненапечатанными рукописями. Если въ писательствѣ неповиненъ сынъ, то непременно пишутъ дочь, мать или нянька. Каждый редакторъ заваленъ рукописями. Для каждаго номера доставляется въ десять разъ больше матеріала, чѣмъ нужно. Разъ газета, выходящая въ Сидней, назначила конкурсъ и предложила сто фунтовъ за большую повѣсть. Редакторъ получилъ 130 рукописей отъ авторовъ-дебютантовъ*). Самые талантливые писатели стремятся въ Лондонъ. Тамъ устанавливаются репутаціи. До сихъ поръ не было еще ни одного австралійскаго беллетриста, репутація котораго была бы установлена на родинѣ. Даже Маркусъ Кларкъ, печатавшій свой лучший романъ «For the Term of his Natural Life» въ австралійскомъ журналѣ, добился извѣстности только послѣ того, какъ романъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ въ Лондонѣ. То же самое справедливо и относительно австралійскихъ поэтовъ. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ австралійскихъ лириковъ Кендолъ (о немъ я писалъ въ очеркахъ «Литература молодыхъ демократій») всю жизнь влачилъ жалкое существованіе и скончался, какъ нищій. Австралійскіе издатели не берутъ большихъ рукописей у

*) The Real Australia, p. 98.

авторовъ, репутація которыхъ не установлена предварительно въ метрополіи. Точно такъ же, какъ у насъ сравнительно недавно читатели относились скептически къ роману, который предварительно не былъ напечатанъ въ журналѣ, въ Австраліи издатели не довѣряютъ достоинству произведенія, не оцѣненного предварительно въ Лондонѣ. Въ результатѣ то, что въ Австралію мѣстные таланты возвращаются уже только знаменитостями. Они разрѣшаютъ тогда издателямъ только перепечатывать лондонскія изданія своихъ произведеній. Безчисленныя австралійскія газеты обслуживаются людьми, не могущими выбиться на поверхность, литераторами-чернорабочими, составляющими крайне своеобразную и пеструю богему. Австралійскіе журналисты «насчитываютъ въ своихъ рядахъ представителей всѣхъ профессій и людей безъ всякой профессіи. Тутъ мужчины и женщины, имѣющіе хорошее общественное положеніе, а также лица, стоящіе «за чертой». Австралійскіе журналисты не имѣютъ ни организаціи, ни профессиональных союзовъ. Это—типичная богема, имѣющая одинъ паспортъ на успѣхъ—талантъ». Богема эта всегда завалена работой, за которую получаетъ плохое вознагражденіе. Получается парадоксъ такого рода. Австралійская пресса горячо отстаиваетъ право рабочихъ на восьмичасовой день и на справедливое вознагражденіе. Мѣры эти осуществлены, какъ извѣстно, законодательнымъ путемъ почти всюду въ Австраліи. Нормальный рабочий день и справедливое вознагражденіе существуютъ въ Австраліи для всѣхъ работниковъ, но только не для тѣхъ, которые развивали и отстаивали это право. Даже отъ рядового австралійскаго журналиста требуется блескъ. Лихорадочная, интенсивная работа между тѣмъ быстро изнуряетъ «ломовыхъ журналистовъ». На смѣну являются молодые, со свѣжими силами, и старого «ломового журналиста» выбрасываютъ за бортъ. Чѣмъ болѣе австралійскій журналистъ талантливъ и оригиналенъ, тѣмъ болѣе шансовъ за то, что онъ быстро выдохнется и выйдетъ въ тиражъ. Въ «Sydney Bulletin» года три тому назадъ печатались очерки изъ жизни австралійской журнальной богемы. Авторъ писалъ о Маркусѣ Кларкѣ, Джорджѣ Уолстэбѣ, Гравенарѣ, псевдонимъ котораго «Джэкъ» былъ сильно популяренъ во всей Австраліи, объ Эдуардѣ Дайсонѣ, несчастномъ поэтѣ Кендолѣ и др. То были крайне печальныя, подчасъ трагическія воспоминанія. Къ слову «Sydney Bulletin» — единственный австралійскій журналъ, поднявшій вопросъ о положеніи журнальной богемы.

Самая характерная особенность австралійской печати это—ея еженедѣльные изданія. Мы замѣчаемъ во многихъ провинціальныхъ городахъ любопытное вытѣсненіе ежедневной газеты еженедѣльною. Въ Квинслендѣ, напр., семнадцать лѣтъ тому назадъ въ провинціальныхъ городахъ выходили 60 газетъ, изъ нихъ только двѣ еженедѣльныя; теперь мы имѣемъ тамъ 86 газетъ, и изъ нихъ только

три ежедневныя, а то всѣ—еженедѣльные. Въ Тасманіи семнадцать лѣтъ тому назадъ выходили 7 ежедневныхъ и 9 еженедѣльных газетъ, а теперь мы имѣемъ 4 газеты, появляющіяся ежедневно и 14—разъ въ недѣлю (населенія 174 тысячи).

Наиболѣе талантливой и оригинальной еженедѣльной газетой является «Sydney Bulletin». Австралійскія газеты печатаютъ политическія статьи, агрономическіе трактаты, шуточные куплеты, рассказы, баллады, словомъ—все; но ко всѣмъ авторамъ предъявляютъ два требованія: блескъ изложенія и сжатость формы. Редакторъ готовъ принять статью о любомъ научномъ вопросѣ, о русскихъ дѣлахъ, затѣмъ рассказъ, но если все это не длиннѣе одного столбца. «Приступай сразу къ изложенію дѣла и укладывай все, что хочешь, въ 180 строкъ»,—таково требованіе редакторовъ. И «Sydney Bulletin» настоящій виртуозъ въ дѣлѣ сжатости и блеска. Журналъ создалъ особый типъ стихотвореній. Девять десятыхъ стиховъ, извѣстныхъ теперь въ Австраліи и переложенныхъ тамъ на музыку, прошли черезъ страницы «Sydney Bulletin». Журналъ выработалъ особый стиль, находящій подражателей всюду въ Австраліи и къ которому приспособляются. «Sydney Bulletin» имѣетъ свою манеру обсуждать политическіе, социальныя и религіозныя вопросы. «Хорошее общество»,—лицемѣріе, предразсудки и снобизмъ котораго журналъ осыпаетъ сарказмами,—притворяется, что не читаетъ «Sydney Bulletin». Журналъ смѣло ополчился противъ джингоизма во время африканской войны, когда угаръ имперіализма одно время сильно ударилъ въ голову республики. Журналъ проповѣдуетъ австралійскій патріотизмъ, грубоватый, но сильный.

Some love the barren moorland and the bleak and Wintry sky,
And some love the craggy shoreland, and will love it till they die.
There are some that love the farm-house, there are some that ever pine
For old Ocean's restless tossing-for the foaming, seething brine;
It is ever what you're bred to. And no matter where I roam
My heart is in the bushland-for the bushland is my home.

Такъ пишетъ одинъ изъ поэтовъ «Sydney Bulletin» (т. е. «Иные любятъ обнаженные болота и темное зимнее небо; иные—скалистый морской берегъ, который будутъ любить до конца жизни. Иные восхищаются деревней; другіе вѣчно томятся по безпокойному волненію стараго океана и по кипящимъ, пѣнящимся валамъ. Все зависитъ отъ того, гдѣ вы выросли. Гдѣ бы я ни блуждалъ, мое сердце всегда въ австралійской пустынѣ, такъ какъ тамъ мой родной очагъ»).

Къ какимъ читателямъ обращается «Sydney Bulletin»? Это—«коубой», заброшенный на далекой ранчѣ. Среди этихъ пастуховъ можно встрѣтить людей съ очень хорошимъ образованіемъ. Тутъ молодые люди, изучающіе на практикѣ дѣло, чтобы потомъ самими завести ранчи. Тутъ буйные Пиръ-Гинты, которыхъ рож-

ные, чтобы затушить громкій скандалъ, отправили изъ Англіи въ далекую пустыню. Австралійскій коубой, въ общемъ, оригинальная, сильная, красивая фигура. Сколько видныхъ австралійскихъ дѣятелей начали самостоятельную жизнь, какъ коубои! Затѣмъ читатель «Sydney Bulletin» — прискаатель, т. е. кочевое населеніе кочевыхъ городовъ, возникающихъ сразу въ пустынь и исчезающихъ, какъ туманъ, поднятый солнцемъ, когда жила истощена. Почитатель журнала также фермеръ. Это тотъ «скуотеръ» средней руки, о которомъ Болдервудъ, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ современныхъ австралійскихъ романистовъ *), писалъ: «Джэкъ пробуждался въ настроеніи школьника на каникулахъ, т. е. съ сознаниемъ, что день слишкомъ коротокъ для всѣхъ намѣченныхъ пріятныхъ занятій. Нужно было осмотрѣть скотъ, пригнанный съ далекихъ колодцевъ, объѣздить коня, задать кормъ воламъ, приготовленнымъ для продажи. Дальше предстояло устроить смотръ всѣмъ новымъ телятамъ, бѣлымъ, пѣгимъ и рыжимъ и наложить на ихъ нѣжныя шкурки тавро I. R. Каждое такое клеймо обозначало увеличеніе стоимости живого инвентаря на 5 ф. ст. Затѣмъ въ программу входила охота на болотныхъ птицъ, на кенгуру съ гончими. Послѣ такихъ охотъ бывали съѣзды сосѣдей скуотеровъ, пикники, затѣмъ балы въ городѣ, во время которыхъ свѣжія щеки молодыхъ колонистокъ заставляли сильнѣе биться сердце Джэка. На годичную ярмарку въ Хемденъ съѣзжались скуотеры изъ всѣхъ фермъ, въ радиусѣ ста миль отъ города. Тогда устраивались скачки, а потомъ — большой балъ. На скачкахъ молодые скуотеры и дочери скуотеровъ лихо мчались черезъ рвы и барьеры. Окрестности города, въ этомъ отношеніи, представляли большое разнообразіе. Черезъ недѣлю публика развѣзжалась по фермамъ. Разъ три въ годъ молодой скуотеръ ѣздилъ освѣжиться въ городъ. Тамъ онъ заводилъ новыхъ знакомыхъ въ клубѣ, запасался новыми книгами, а потомъ опять забирался въ свою ранчу... Когда скотъ былъ весь переѣзченъ, дѣла въ городѣ устроены, пастухи снабжены провизіей и все на фермѣ улажено, — Джэкъ запирался на недѣлю или двѣ. Тогда онъ читалъ запоемъ, по цѣлымъ днямъ, хотя безъ разбора: историческія сочиненія, романы, повѣсти, книги по естественной исторіи и политической экономіи, изучалъ иностранныя языки» (Изъ романа «The Squatter's Dream»).

Радости и печали скуотера средней руки и фермера «Sydney Bulletin» описываетъ въ прозѣ, въ стихахъ и изображаетъ графически. Отличительной особенностью австралійскихъ еженедѣльных газетъ являются рисунки, главнымъ образомъ, каррикатуры. И большинство этихъ рисунковъ такъ или иначе трактуется о самомъ важномъ факторѣ въ жизни австралійскаго фермера — о засухѣ.

*) См. „Литература молодыхъ демократій“, „Русское Богатство“, № 11—12, 1905.

Громадныя площади земли въ сотни квадратныхъ миль превращаются тогда въ Сахару. Нигдѣ ни листа, ни пучка травы, ни одного тростника, только буро-красная, выжженная пустыня. Высыхаютъ озера, исчезаютъ рѣчки, пропадаютъ колодцы. Скуотеры въ отчаяніи бросаютъ фермы и бѣгутъ, спасаясь отъ смерти, ближе къ берегамъ моря, гдѣ вода въ рѣкахъ не исчезаетъ. Гибнутъ десятки и сотни тысячъ овецъ. Банки, имѣющіе дѣла съ скуотерами, лопаются. Волна разворенія перекачивается по всему штату. Таковы результаты большой засухи, періодически посѣщающей Австралію. Теперь федеральный парламентъ выработалъ гигантскій планъ ирригаціонныхъ работъ, который будетъ выполненъ въ нѣсколько лѣтъ.

Во время засухи карикатуры «Sydney Bulletin» поражаютъ своеобразнымъ, мрачнымъ юморомъ. Бесѣдуютъ, наприимѣръ, два скуотера. *Первый*: Засуха. *Второй*: Да. Какъ она отразилась на васъ? *Первый*: Да вотъ какъ. Засуха поставила меня на ноги. *Второй*. Поставила васъ на ноги? *Первый*. Ну, конечно. Прежде у меня были верховые кони. Теперь всѣ лошади околѣли безъ воды, и я хожу пѣшкомъ.

Читательница «Sydney Bulletin» такъ же оригинальна, какъ и читатель. Портретъ ея мы находимъ въ одной изъ поэмъ, помѣщенной въ журналѣ.

«Она съ очаровательной беззаботностью могла ѣздить верхомъ черезъ самый густой лѣсъ; она не имѣла и мысли объ опасности, когда погоня за скотомъ становилась жаркой и принимала дикій характеръ. Беззаботная сорванецъ Тотъ восхищала всѣхъ мужчинъ.

«Она доила коровъ и ворошила сѣно; она рубила лѣсъ, танцевала божественно, а въ дѣлѣ стряпни съ ней не могъ потягаться никто. Она забирала призы на выставкахъ. Такъ дѣлала маленькая русокудрая Тотъ».

Еженедѣльно «Sydney Bulletin» даетъ своимъ читателямъ тридцать страницъ газетнаго формата, въ четыре колонны каждая. Если принять во вниманіе сжатость манеры австралійскихъ писателей, то мы видимъ, что каждый номеръ заключаетъ массу матеріала. Журналъ напоминаетъ австралійскаго коубоя. Оба являются въ красной сорочкѣ. Оба независимы, остроумны и грубоваты въ манерахъ. Что касается направленія журнала, то въ этомъ отношеніи «Sydney Bulletin» является законнымъ преемникомъ англійскихъ «республиканцевъ» XVIII в., какъ, напр., Томасъ-Панъ.

(*) The Tembey. „Sydney Bulletin“, October, 1906.

V.

Въ возрѣніи австралійской и англійской печати на способы отстаиванія народомъ своихъ правъ мы замѣчаемъ нѣсколько фазисовъ. Теперь, когда Англія постаралась уничтожить причины, создающія такое ужасное явленіе, какъ терроръ; когда для выясненія политическихъ и соціальныхъ вопросовъ она имѣетъ парламентъ, свободную печать и открытую платформу; когда население избавлено отъ назойливой опеки центральной власти; когда всякій произволъ былъ бы наказанъ судомъ абсолютно независимымъ, непристрастнымъ, открытымъ, съ участіемъ народныхъ представителей,—политическія убійства въ самой Англіи исчезли давнымъ давно. Англичане относятся къ нимъ съ ужасомъ.

Заглянемъ, однако, въ исторію англійской печати. Мы увидимъ, что, когда всѣхъ тѣхъ условій, которыя перечислены выше, не было,—тираноманія находила защитниковъ, ссылавшихся не только на классиковъ, но и на библію. Возьмемъ, напр., знаменитый памфлетъ «Killing No Murder», появившійся въ 1657 г. и открыто призывавшій къ убійству Оливера Кромвелля. Современный англичанинъ съ трудомъ вѣритъ, что подобный памфлетъ не только появился на его родинѣ, но произвелъ громадное впечатлѣніе на предковъ и составилъ своего рода эпоху. Онъ съ трудомъ вѣритъ, что и до появленія памфлета были акты, оправдываемые трактатомъ. Таково, на примѣръ, убійство офицеромъ Фельтономъ всемогущаго лорда Букингэма, убѣждавшаго Карла I не церемониться съ правами парламента.

Прошелъ XVII вѣкъ съ его кровавымъ туманомъ, грубымъ поправіемъ человѣческихъ правъ, съ «Bloody Assize», т. е. кровавымъ судилищемъ лорда Джеффриса; наступилъ XVIII вѣкъ. Грубый произволъ былъ ограниченъ въ извѣстной степени уже хартіей, подписанной Вильгельмомъ Оранскимъ. Съ установленіемъ хоть намекъ на дѣйствительное призваніе правъ гражданъ, — исчезаетъ изъ исторіи Англіи призракъ «тираноманіи». Политическія убійства въ самой Англіи до такой степени отходятъ въ область преданій, что послѣдующія поколѣнія не вѣрятъ даже, что эта ужасная мѣра когда-то вводилась въ систему. Въ срединѣ XVIII вѣка понятіе «тиранъ», которое съ такою точностью опредѣлялъ за сто лѣтъ до того авторъ памфлета, стало для англичанъ только метафорой. И Джемсъ Томсонъ съ полнымъ правомъ въ 1740 г. писалъ, обращаясь къ Британіи:

«Thee haughty tyrans ne'er shall tame;
All their attempts to bend thee down
Will but arouse thy generous flame,
And work their woe and thy renown» *).

*) Изъ извѣстнаго гимна: „Rule Britannia“.

(Тебя надменные тираны никогда не укротятъ; всѣ ихъ попытки склонить тебя долу зажгутъ только благородное пламя негодованія и будутъ содѣйствовать гибели насильниковъ и твоей славы).

Попытки власти возвратить себѣ прежнія права произвола продолжаются и въ XVIII вѣкѣ; но печать отвѣчаетъ точной формулировкой народныхъ правъ и рекомендуетъ отстаивать ихъ всѣми законными средствами, включая сюда и отвѣтъ на насиліе коллективнымъ, планомѣрнымъ насиліемъ, но только уже не политическими убійствами. Печать выдвигаетъ новый принципъ: «the holy right of Mutiny», т. е. священное право мятежа. Все это лучше всего выражено въ знаменитомъ трактатѣ Томаса Пэна «Rights of Man», т. е. «Права человѣка». Авторъ исходитъ изъ «Демократіи», только что тогда провозглашенной во Франціи. «Люди рождаются и всегда продолжаютъ быть свободными и равными въ своихъ правахъ. Гражданское различіе можетъ быть, потому что, основано только на пользѣ, приносимой обществу каждымъ индивидуумомъ».

«Цѣль всѣхъ политическихъ союзовъ и обществъ заключается въ охранѣ естественныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка. Права эти—свобода, собственность, безопасность и *сопротивленіе произволу*».

«Верховный источникъ власти—народъ. Только онъ можетъ переуступить часть своей власти индивидууму или группѣ лицъ».

Политическая свобода заключается въ правѣ дѣлать все то, что не нарушаетъ интересовъ другихъ лицъ. Протяженіе естественныхъ правъ каждого человѣка ограничено только необходимостью гарантировать другому человѣку пользованіе тѣми же правами. Эти ограниченія опредѣляются только закономъ. «Правительство, основанное на старыхъ началахъ, есть присвоеніе власти съ цѣлью увеличенія собственной силы,—говоритъ Томасъ Пэнъ.—Правительство, держащееся на началахъ справедливости, есть—довѣреніе власти народомъ для пользы общества. Первое правительство поддерживаетъ себя системой войны; второе—стремится къ миру, какъ къ вѣрному средству обогащенія народа. Одно свѣтъ раздоры въ самомъ обществѣ и между народами; другое имѣетъ цѣлью объединеніе всѣхъ націй въ одинъ союзъ, такъ какъ это содѣйствуетъ развитію торговли и промышленности. Одно измѣряетъ свое благосостояніе большой суммой собранныхъ налоговъ; другое доказываетъ свое превосходство небольшими налогами»^{*)}).

«И если наслѣдственный глава страны не въ состояніи оцѣнить этихъ принциповъ,—говоритъ Томасъ Пэнъ,—тогда народъ въправѣ поднять вопросъ о замѣнѣ наслѣдственнаго представителя власти—выборнымъ». «Человѣкъ не въправѣ распоряжаться правами будущихъ

^{*)} „Rights of Man“, изданіе 1906 г.; p.

поколѣній,—говоритъ Пэнъ.—Вотъ почему ни индивидуумъ, ни группа ихъ въ сущности не должны никого облекать наслѣдственной властью. Даже если бы мы сами могли снова воскреснуть на землѣ, вмѣсто того, чтобы замѣститься нашими потомками, мы и тогда не должны отнимать у себя правъ, которыя будутъ принадлежать намъ. На какомъ же основаніи мы отнимаемъ права, принадлежащія другимъ лицамъ, еще не родившимся» *)?

«Не далеко то время, продолжаетъ Пэнъ,—когда англичане будутъ смѣяться надъ собою по поводу того, что они посылали въ Голландію, Ганноверъ и Брауншвейгъ за королями, которымъ платили по миллиону ф. ст. въ годъ, хотя они не понимали ни законовъ, ни интересовъ, ни языка Англіи, а по способностямъ и уму едва ли годились занять даже мѣсто будочника въ провинціальномъ городѣ. Если управленіе страной можетъ быть довѣрено такимъ лицамъ, значитъ, это дѣло очень легкое, для выполненія котораго можно найти подходящій матеріалъ въ любомъ англійскомъ городѣ или въ деревнѣ» **).

Колоніальная печать отлично усвоила эти взгляды Пэна. Она не высказываетъ ихъ открыто, потому что стоящіе у англійской государственной машины проявляютъ замѣчательный тактъ и дѣйствительную политическую мудрость. Королева Викторія и Эдуардъ VII ничего не имѣютъ общаго съ Георгомъ III, во времена котораго Пэнъ писалъ свой трактатъ. Англійскіе короли теперь являются символомъ народной власти.

VI.

Sydney Bulletin отстаиваетъ принципъ, высказанный еще Пэномъ, что для выработки законовъ требуется хорошая голова и честность, но отнюдь не спеціальная тренировка. Недавно австралійскій главный судья Гриффитъ на публичномъ банкетѣ произнесъ рѣчь, въ которой, подобно проф. Мартенсу, скорбѣлъ по поводу того, что въ федеральномъ парламентѣ далеко не всѣ депутаты имѣютъ университетскіе дипломы. На эту рѣчь австралійскій журналъ немедленно отозвался шуточной «балладой», однимъ изъ любимыхъ орудій борьбы публицистовъ изъ *Sydney Bulletin*.

„O People of this large
Lone Land, where all is new,
Take care who has the charge
Of making laws for you!—
God only knows the harm the ignorant can do“.

«О, народъ, населяющій громадную, отдаленную страну, гдѣ

*) p. 82.

**) p. 144.

все ново! Блюда за тѣми, которые уполномочены вырабатывать законы. Одинъ только Богъ вѣдаетъ, какой вредъ можетъ причинить невѣжество»). И журналъ, пародируя судью, выясняетъ, какіе именно люди способны «строить государственную храмину»:

(«Добрые люди, умѣющіе бѣгло, на зависть всѣмъ, говоритъ по-гречески, цитирующие Демосоена съ настоящимъ аттическимъ акцентомъ, вотъ настоящіе люди, которые нужны вамъ»).

«О, австралійцы,—говорится дальше въ балладѣ,—выбирайте въ вашъ великій совѣтъ людей, знающихъ хорошо древнюю мѣологію; подавайте голоса за высоко-культурныхъ джентльменовъ, понимающихъ по-гречески.

«Тогда для Австраліи наступитъ золотой вѣкъ извѣстности и славы. Мы увѣряемъ васъ, что Сидней тогда станетъ обителью музъ и бѣлой фіалкой въ вѣнкѣ городовъ южнаго полушарія».

Тогда исчезнетъ безслѣдно явленіе, столь огорчающее теперь изящныхъ джентльменовъ:

«Становятся премьерами люди, которые, если бы понизить ввозныя пошлины, предпочли бы дешевое пиво или ромъ ключу Пьеридъ или прелестному Элизіуму»).

До сихъ моръ мы видѣли только шуточныя и боевыя стихотворенія, появляющіяся въ «Sydney Bulletin»; но черезъ этотъ журналъ проходятъ также почти всѣ австралійскіе поэты. О Гордонѣ и Кэндолѣ я писалъ уже въ первыхъ очеркахъ. Познакомимся теперь еще съ тремя наиболее извѣстными австралійскими поэтами.

Наиболѣе интернаціональнымъ изъ нихъ слѣдуетъ признать Виктора Дэли, ирландца родомъ, скончавшагося въ прошломъ году, послѣ отчаянной борьбы съ нищетой. Дэли пытался сдѣлать невозможное (во всякомъ случаѣ, въ Австраліи): превращать стихи въ насущный хлѣбъ. Онъ на себѣ испыталъ насколько вѣренъ афоризмъ Гейне, что «дыни и поэты становятся хороши послѣ того, какъ *полежатъ на соломѣ*». Дэли скончался 47 лѣтъ отъ роду. Вся жизнь его прошла въ отчаянной борьбѣ за кусокъ хлѣба для себя и большой семьи. Между тѣмъ, первый же сборникъ стиховъ его «At Dawn and Dusk» доставилъ автору извѣстность. Прямую противоположность печальной и сѣрой жизни поэта составляетъ томъ стихотвореній его. Дали—поэтъ юности, порывовъ и стремленій къ золотому идеалу, неопредѣленному, какъ утренній туманъ, и столь же пропитанному лучами еще невидимаго солнца. Этотъ идеалъ достигается на легкихъ, какъ тянущіяся въ воздухѣ золотистыя нити паутины, крыльяхъ фантазій.

„Our ship shall be of sandal built,
Like ships in old world tales,
Carven with cunning art, and gilt,
And winged with scented sails...”

—такъ начинается одна изъ наиболѣе извѣстныхъ поэмъ Дэля. Т. е. «Нашъ корабль, какъ въ сказкахъ стараго міра, долженъ быть выстроенъ изъ сандала, хитро украшенъ рѣзьбой, вызолоченъ и окрыленъ надушенными парусами изъ бѣлаго, какъ серебро, шелка, на которомъ пусть горитъ громадный красный цвѣтокъ гладіоліи. На вершинѣ мачты долженъ развѣваться радужный флагъ, а на кормѣ—розовый. И высоко надъ гротъ-мачтой, откуда развѣвается вымпелъ, должно быть изображеніе летящаго голубя съ розой въ клювѣ.

Ту же неопредѣленность мы находимъ въ стихотвореніяхъ Дэля, навѣянныхъ любовью. Поэтъ никогда не описываетъ свою возлюбленную. Онъ передаетъ только настроеніе, и образъ женщины дорисовывается воображеніемъ читателя. Австралія покуда не выдѣлила ни одного поэта, котораго можно было бы сравнить съ Лонгфелло или Уотомъ Уитманомъ; ея поэты—второстепенные, которые врядъ ли удостоятся перевода на другіе языки. Но иностранцу поэзія Дэли ближе и больше нравится, чѣмъ произведенія Гордона и Кэндоля, которые признаются въ Австраліи классическими. Мы, европейцы, быть можетъ, слишкомъ «испорчены» культурой, чтобы находить наслажденіе въ «лошадныхъ» балладахъ Адама Гордона, въ произведеніяхъ въ родѣ «Now we beat the Favourite» (Разсказъ про то, какъ кобыла *Изельта* обогнала на скачкахъ *Клоуна* и *Фаворитку*), хотя стихи удивительны по звучности и красотѣ. Поэтъ передаетъ впечатлѣніе даже стука копытъ скачущихъ лошадей:

„And foreing the running, discarding all cunning,
A length to the front went the rider in green“

Типично австралійскимъ поэтомъ, въ произведеніяхъ котораго отражаются мѣстный печальный ландшафтъ и ширь далекаго континента, является дѣятельный сотрудникъ «Sydney Bulletin» Генри Лоусонъ. Изъ всѣхъ живыхъ австралійскихъ поэтовъ это самый популярный. По свидѣтельству Букэнана: «Изъ пятимилліоннаго населенія Австраліи развѣ только нѣсколько совершенно невѣжественныхъ людей не знаютъ поэта хотя бы по имени». Передъ нами крайне экспансивная, подвижная натура, исколесившая весь міръ. Но гдѣ бы Лоусонъ ни былъ: у горячихъ озеръ Новой Зеландіи, въ Лондонѣ, на алмазныхъ приискахъ Южной Африки, въ густыхъ лѣсахъ Гвіаны или въ отелѣ на парижскихъ бульварахъ,—его стихотворенія навѣяны всегда Австраліей, ея камедными лѣсами и просторомъ выжженной пустыни. Онъ воспѣлъ коубоевъ на далекой «станціи», странствующихъ рабочихъ—«shearers» *), которые кочуютъ по всему континенту и добираются до Новой Зеландіи, приискателя, «джэкару», какъ называютъ въ Австраліи только что прибывшихъ изъ Англіи колонистовъ, поселившихся на границѣ

*) Стригущіе овецъ.

пустыни. Лоусонъ передаетъ намъ ихъ горести и радости. Стихи его красивы, образны и свидѣлствуютъ о большой наблюдательности. Предъ нами проходятъ длинной вереницей колонисты, пастухи, погонщики воловъ, дѣвушки-колонистки, энергичныя, смѣлыя, здоровыя, жизнерадостныя. Это—все тѣ же разновидности «сорванца Тота», упомянутого выше.

„Въ игрѣ ея конный не словить,
Въ бѣдѣ не сробѣетъ,—спасетъ:
Коня на скаку остановить,
Въ горящую избу войдетъ“.

Поэтъ даетъ намъ образы колонистки, спасающей во время внезапнаго наводненія (обычное явленіе въ Австраліи послѣ большихъ засухъ) сосѣдей, и дѣвушки, отбивающей цѣлый день въ за-баррикадированной фермѣ нападеніе бродягъ—«бушрэнджеровъ». Генри Лоусонъ не имѣетъ никакой другой профессіи, кромѣ писанія стиховъ, профессіи, какъ извѣстно, очень неблагодарной вообще, а въ Австраліи въ частности.

Наиболѣе молодой изъ австралійскихъ поэтовъ, добившихся извѣстности является сотрудница «Sydney Bulletin»—миссъ Луиза Мэкъ. Если Лоусонъ—въ своихъ стихахъ говорить, по преимуществу, о сельской Австраліи, то миссъ Мэкъ дополняетъ его: ея стихотворенія внушены только жизнью большихъ городовъ. Для нея городъ не является такимъ гнѣздомъ ужасовъ, страданій и порабощенія человѣческой личности, какъ для нѣкоторыхъ современныхъ французскихъ и русскихъ поэтовъ и беллетристовъ. Великій и больной французскій поэтъ видитъ и жизнерадостный Парижъ только подъ покровомъ ветхаго савана. Сквозь дыряго его предъ поэтомъ мелькаютъ то «Des êtres si gauliers, décrépits» *) («сгорбленные, исковерканныя жизнью чудовища», то калѣки, ужасные, странные, какъ лунатики, вперившіе неизвѣстно во что свои потухшіе глаза»). Съ паденіемъ ночи въ воздухъ появляются «болѣзненные демоны» человѣческихъ страстей. Болѣзненная похоть «шевелится въ груди грязнаго города, какъ червь, похищающій у человѣка все то, что онъ ѣстъ». Поэтъ даже на народныхъ балахъ видитъ только пляску смерти. Для молодой австралійской поэтессы—городъ, великолѣпная арена, на которую выступаетъ молодая, жизнерадостная, полная силъ демократія. Вечерніе огни, зажигаемые въ городѣ, для нея не погребальные факелы, какъ для Бодлера, а костры, зажигаемые ликующей молодежью въ развалъ лѣта, въ Иванову ночь, за которой долженъ слѣдовать день еще болѣе погожій и солнечный, чѣмъ только что минувшій. И поэтесса воспѣваетъ Сидней: «молодой, не сформировавшійся еще австралійскій городъ, ноги котораго спущены въ чудное море; въ объятіяхъ гавани его до-

*) „Странные и дряхлыя существа (изъ Tableaux Parisiens“, Бодлера).

чери, острова, погружены весь день въ спокойный сонъ». Поэтесса— австралійка, поэтому, помимо всего, стихотворенія ея отражаютъ гордую, независимую натуру ея соотечественницъ. Таковъ циклъ стихотвореній, озаглавленныхъ «Молчаніе». Свободная женщина нарушаетъ печать молчанія, наложенную на ея уста обычаемъ, установленнымъ мужчиной-рыцаремъ, мужчиной-рабовладѣльцемъ. Многія стихотворенія миссъ Макъ переложены въ Австраліи на мумьку.

VII.

«Sydney Bulletin» даетъ много чисто литературнаго матеріала; но это, прежде всего, журналъ политическій и боевой, доставляющій читателямъ массу свѣдѣній объ общественной и экономической жизни всей Австралазіи. Каждый нумеръ наполненъ коротенькими, характерными по стилю, статьями, съ бойкими, иногда кричащими заголовками. Прежде всего, онѣ посвящены политикѣ домашней, т. е. Новаго Южнаго Уэльса, потомъ федеральной, затѣмъ политикѣ Новой Зеландіи или Моарилэнда, какъ называется «Sydney Bulletin» колонію, не присоединившуюся къ федерации. Журналъ въ вопросахъ политики отстаиваетъ положеніе, что австралійцы— отдѣльная нація, которая, прежде всего, и по преимуществу, должна считаться только съ собственными интересами. На основаніи этого взгляда «Sydney Bulletin» рѣзко возставалъ противъ южно-африканской войны вообще и въ частности противъ участія въ ней федерации. Журналъ одно время шелъ противъ всей австралійской печати, которую охватилъ бѣшеный угаръ джингоизма. Въ силу основного взгляда своего, «Sydney Bulletin» рѣзко возстаетъ противъ участія федерации въ поддержаніи военныхъ и морскихъ силъ имперіи. Австралазія должна имѣть и дальше такую же милицію, какъ и теперь, но только для себя и подъ собственнымъ контролемъ. Отождествленіе колоніальныхъ войскъ съ имперскими,— доказываетъ журналъ,— грозитъ федерации опасностью быть втянутой какъ-нибудь въ водоворотъ политической авантюры, выгодной только для лондонской биржи. Журналъ возстаетъ также противъ того, чтобы федерация давала что-нибудь на англійскій военный флотъ. Теперь въ Лондонѣ происходитъ сѣздъ премьеровъ всѣхъ колоній. Премьеръ австралійской федерации обѣщалъ внести въ парламентъ билль о томъ, чтобы республика ассигновала небольшую сумму на общеимперскій флотъ. По этому поводу «Sydney Bulletin» пишетъ: «Премьеръ Дикинъ возвращается домой, чтобы сказать, какое пораженіе потерпѣлъ онъ при обсужденіи общеимперскаго морского бюджета. По всей вѣроятности, мы узнаемъ, что пораженіе еще серьезнѣе, чѣмъ предполагается на основаніи телеграммъ. Конечно, обѣщанія, данныя премьеромъ, каковы бы ни

былъ ихъ характеръ, рѣшительно ничѣмъ не связываютъ республику. Но если дѣйствительно вѣрно, что премьеръ объявляя, что федеральное правительство приметъ предполагаемое соглашеніе,—тогда кабинету остается или отречься отъ премьера, или выйти въ отставку. Судя по телеграммамъ, положеніе дѣлъ таково: Канада (съ населеніемъ въ пять милліоновъ) не даетъ ничего на содержаніе обще-имперскаго флота; Наталь — даетъ 35 тыс. ф. ст. въ годъ; Капская колонія—50 тыс. ф. ст.; Маориландъ (съ населеніемъ въ 800 тысячъ)—40 тысячъ ф. ст. Республика съ населеніемъ въ пять милліоновъ—200 тыс. ф. ст. въ годъ. Сравнительно съ другими колоніями, согласившимися платить, республика не дурно вывернулась; но сравнительно съ Канадой,—федерацию обрали, какъ въ лѣсу. Но основной пунктъ заключается въ слѣдующемъ. При старомъ порядкѣ, Австралія платила ежегодно 105 тыс. ф. ст. за услуги небольшого и слабаго флота, надъ которымъ не имѣла контроля. Но за то въ договорѣ существовалъ пунктъ, что, въ случаѣ войны, этотъ флотъ долженъ находиться въ моряхъ Южнаго полушарія, гдѣ атакуетъ и, если можно, потопить корабли непріятеля, желающаго сдѣлать десантъ на берегахъ Австраліи. По новому договору Австралія обязывается платить 200 тыс. ф. ст., хотя пунктъ о томъ, что флотъ долженъ находиться въ моряхъ Южнаго полушарія—вычеркнуть. Республика будетъ платить за защиту своихъ береговъ, хотя другая договаривающаяся сторона заявляетъ, что, въ случаѣ нужды, быть можетъ, защита и не явится, а непріятелю предоставлятъ невообразно бомбардировать прибрежные города. Если соглашеніе хоть отчасти совпадаетъ съ отчетомъ, переданнымъ намъ по телеграфу, то всѣ объѣды, которыми британское правительство кормило нашего премьера, не вознаграждать республику за крайнюю невыгодность сдѣлки. Не официально, но совершенно ясно республикѣ подали совѣтъ отказаться отъ проекта собственнаго флота. Это—ясный и прямой намекъ на то, что Австралазіи нельзя довѣрять. Или, можетъ быть, метрополія даетъ намъ понять, что морскіе чины, съ жалованьемъ, почетомъ и сверкающими пуговицами, составляющими ихъ неотъемлемую принадлежность,—предназначены только для англичанъ, а не для такихъ простыхъ людей, какъ австралійцы? Республикѣ говорятъ, что она не должна сама защищаться, въ случаѣ нужды; ей предоставляютъ право спрятаться въ юбкахъ метрополіи. Теорія, что главное орудіе защиты имперіи—флотъ долженъ находиться всецѣло въ рукахъ крошечной частицы ея, именуемой Англіей, заключаетъ въ себѣ идею о подчиненномъ состояніи остальныхъ частей имперіи. Выходить, что отдѣльныя единицы ея, будто бы, не равны метрополіи. Англія, такимъ образомъ, склоняется къ идѣѣ, которая была заложена когда-то въ Испанской имперіи: къ идѣѣ о господствѣ метрополіи надъ колоніями и о сохраненіи ихъ

при помощи грубой физической силы *). Если премьеръ Дикинъ действительно возвращается къ намъ съ заявленіемъ, что субсидія, отпускаемая республикой имперскому флоту, должна быть удвоена, хотя послѣдній можетъ во время войны оставить Австралію на произволъ судьбы,—то всѣ объясненія врядъ ли сдѣлають что-нибудь. Пора республикѣ знать, что каждый разъ, когда премьеры ея отправляются въ Европу, Австралію ждетъ какая-нибудь крупная непріятность *).

Политическіе вопросы трактуются въ прозѣ и въ стихахъ, словами и рисунками. За политикой видное мѣсто въ «Sydney Bulletin», какъ и во всѣхъ австралійскихъ газетахъ и журналахъ, занимаютъ сообщенія о засухѣ. Въ каждомъ номерѣ можно найти невѣроятныя для европейца извѣстія въ родѣ слѣдующихъ:

«Изъ Кондоболина, въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, нашъ корреспондентъ пишетъ: засуха продолжается вотъ уже семь лѣтъ. Теперь колонистовъ постигла казнь египетская въ видѣ нашествія гусеницъ. Въ нашемъ округѣ колонисты разворены. Три брата, напр., прибыли изъ Викторіи съ капиталомъ въ 2000 ф. ст. Теперь они ничего не имѣютъ, кромѣ проволочныхъ загражденій, построекъ и громаднаго дома. Въ девять лѣтъ братья собрали только три жатвы; въ этомъ году — никакой надежды на урожай. Имъ предложили за все хозяйство 100 ф. ст. Въ округѣ Темора колонистъ семь лѣтъ тому назадъ снялъ 2560 акровъ и началъ съ капиталомъ въ 3000 ф. ст. Теперь онъ оставилъ ферму. У него осталось только пять лошадей. Братъ его сошелъ съ ума... На станціи Нарандера для овецъ приходится доставать сѣно съ высохшихъ еще болотъ. Поля совершенно выжжены. Скотъ пропалъ. Верховыхъ не видно уже, такъ какъ лошади околѣли. Пастухи разбѣгаются на «байкахъ» (велосипедахъ)».

Или такія извѣстія:

«Озеро Георга, одно изъ многочисленныхъ внутреннихъ водныхъ пространствъ на нашемъ континентѣ — совершенно высохло. Какъ извѣстно, на берегахъ этого озера предполагалось выстроить столицу нашей федераціи. Сторонники проекта ссылались на обиліе воды, никогда не исчезающей. Теперь озеро не только высохло, но на днѣ его пасутся уже овцы».

«Больше 2,500,000 акровъ не дадутъ въ этомъ году ни зерна... На протяженіи четырехсотъ миль нѣтъ ни травинки. Страна — гладка, какъ рельсовый путь, и черна, какъ смола». Энергія на-

*) Заключение „Sydney Bulletin“ — нужно понимать только фигурально. При открытіи конференціи премьеровъ, представитель метрополіи — сэръ Генри Кэмпбелъ-Ваннерманъ заявилъ, что тутъ собрались представители имперскаго союза, какъ равные. Незадолго до конференціи, недавно покоренный Трансвааль получилъ широкую автономію. Каждая самоуправляющаяся колонія является независимымъ штатомъ.

**) „Sydney Bulletin“, № 1683.

селенія должна быть поразительна, если люди не только не падаютъ духомъ отъ всѣхъ этихъ ужасовъ, но находятъ еще возможность шутить и дѣлать «capital jokes» на счетъ засухи. Республика и отдѣльные штаты копаютъ въ различныхъ мѣстахъ артезіанскіе колодцы; въ послѣднее время, какъ я упомянулъ уже, республика выработала проектъ гигантской системы оросительныхъ каналовъ. Когда инициатива населенія не забита и когда оно не задавлено милитаризмомъ,—находятся и силы, и деньги, чтобы бороться съ самыми неблагоприятными естественными условіями.

«Sydney Bulletin» говоритъ съ своими читателями обо всемъ, но только въ сжатой формѣ. Колонисты, борющіеся съ засухой гдѣ-нибудь въ Молонгѣ, или пастухи, стригущіе овецъ въ «back country», т. е. на пустынной ранчѣ, отстоящей въ 400 верстахъ отъ ближайшаго города, интересуются даже музыкой, и для нихъ журналъ даетъ отчеты объ оперѣ въ Мельбурнѣ или Сидней. Если же въ театрѣ выступаетъ знаменитость австралійскаго происхожденія, напр., Мельба, то рецензія дается въ стихахъ:

VIII.

Изъ другихъ австралійскихъ еженедѣльныхъ газетъ того же типа, что и Sydney Bulletin, интересны Australasian, въ Мельбурнѣ, The Observer, въ Аделаидѣ, Auckland Weekly News, въ Новой Зеландіи и The Tasmanian Mail, въ Габартѣ (Тасманія). Все это—громадныя тетради въ 10—11 обыкновенныхъ газетныхъ листовъ. Журналъ обнимаетъ всю жизнь австралійскаго колониста: отецъ, мать, взрослая дочь, помышляющая по воскресеньямъ о модномъ театрѣ, сынъ, занимающійся въ свободное время спортомъ, маленькія дѣти, занятія вопросомъ, какъ лучше склеить змѣя, — каждый находитъ въ австралійской еженедѣльной газетѣ что ему нужно. Вотъ, напр., Australasian, распространенный въ странѣ скотоводовъ. Мы находимъ здѣсь практическія указанія, какъ строить загонъ, какъ смастерить въ немъ домашними средствами насосъ, приводимый въ движеніе вѣтромъ, какъ дѣлать «красную коросту» у овецъ и какъ бороться съ кроликами. Эти звѣрьки были вывезены въ Австралію первыми колонистами, сковавшимися по животнымъ «крещеной страны»; странныя сумчатые животныя Австраліи, изъ которыхъ нѣкоторыя не научились еще ходить на четверенькахъ, нагоняли тоску на эмигрантовъ. Кролики въ короткое время такъ расплодились въ Австраліи, что превратились въ гораздо горшее наказаніе, чѣмъ суслики у насъ. На кроликовъ теперь приходится устраивать настоящія облавы.

Какъ и всѣ австралійскія еженедѣльныя газеты, «Australasian» помѣщаетъ рисунки. Съ нихъ глядятъ толстые, какъ бочки, важ-

ные, какъ нашъ провинціальный юпитеръ, призовые баранъ, украшенные лентами. Вы узнаете, что баранъ-лентоносецъ—«champion merino ram», одержавъ блестящую побѣду гдѣ-нибудь въ Болларатѣ. Другіе рисунки изображаютъ молодыхъ, стройныхъ и крѣпкихъ колонистовъ, вооруженныхъ дубинками съ закругленіями въ видѣ дуги на одномъ концѣ. Дѣвицы эти выиграли партію въ «хоки» на большомъ «матчѣ» между двумя округами. Какъ и въ Sydney Bulletin, мы находимъ въ «Australasian» рассказы, стихотворенія и много политики. Больше всѣхъ литературнаго матеріала даетъ «Observer», выходящій въ Аделаидѣ (Южная Австралія). Журналъ обслуживаетъ громадную территорию, простирающуюся отъ моря Тимори, на сѣверѣ континента, до Великаго Австраійскаго залива на югѣ. По прямой линіи это будетъ около 22° широты. Тутъ и плодородныя мѣстности, почти не знающія засухъ, и пустыни, въ сравненіи съ которыми Сахара—земля, текущая млекою и медомъ (напр., совершенно еще не изслѣдованная мѣстность, лежащая между 17°—25° южной широты и 130°—135° в. д.). Въ «Observer» мы можемъ найти больше всего свѣдѣній о «дикой» Австраліи, которая въ новомъ Южномъ Уэльсѣ и въ Викторіи отошла уже въ область преданій. И этотъ журналъ удѣляетъ больше половины нумера—политикѣ. Мы читаемъ тамъ грозныя, обличительныя передовыя статьи: «Какъ пьвыряютъ общественныя деньги».

Наименьшій интересъ представляютъ еженедѣльные газеты, выходящія въ Новой Зеландіи, какъ напримѣръ, «Auckland Weekly News». Корреспонденціи изъ городковъ и мѣстечекъ съ странно звучащими названіями, какъ Рангитикей-Ороуа, Опотики, Каипара, Каукапакака, Роторуа и др.—всѣ говорятъ о спокойной, сытой, довольной и въ высшей степени прозаической жизни.

Въ литературномъ отношеніи ново-зеландскія газеты и журналы совершенно не интересны. Еженедѣльные газеты говорятъ очень много о спортѣ, затѣмъ о мѣстной политикѣ, о молочныхъ и другихъ фермахъ; но почти не касаются вопросовъ литературныхъ, научныхъ, философскихъ. Беллетристика, появляющаяся въ «Auckland Weekly News» до невѣроятности шаблонна и неколоритна. Напрасно стали бы мы искать въ ней отраженіе общественныхъ идеаловъ различныхъ слоевъ ново-зеландскаго общества. Это—слабый снимокъ съ той гладкой, бойкой, шаблонной и идеально бездарной беллетристики, которой наводнены лондонскіе «магазины», какъ «Strand», «Windsor», или «Pearson's».

Діонео.

Тридцать лѣтъ рабочаго движенія и социализма.

(Briefe und Auszüge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere; Stuttgart, 1906)

Данное мною заглавіе, какъ мнѣ кажется, довольно вѣрно опредѣляетъ характеръ «Писемъ и извлеченій изъ писемъ Беккера, Дитцгена, Энгельса, Маркса и др. къ Зорге и другимъ». Переписка упомянутыхъ лицъ представляетъ собою цѣнный матеріалъ для исторіи какъ рабочаго движенія, такъ и социализма за періодъ времени, охватывающій чуть не три десятка лѣтъ. Первое письмо сборника, написанное Беккеромъ къ Зорге, помѣчено Женевю и 30-мъ мая 1867 г., а послѣднее письмо, отъ Энгельса къ тому же Зорге, Лондонъ и 16-мъ января 1895. Если принять въ расчетъ, что въ сборникѣ находится 23 письма Беккера, 22 Дитцгена, 1 Вейтлинга, 1 жены Маркса и 33 самого Маркса, наконецъ 135 писемъ Энгельса, т. е. людей, изъ которыхъ почти всѣ играли очень крупную роль какъ въ выработкѣ социализма, такъ и въ практикѣ рабочаго движенія, то выдающійся интересъ опубликованной корреспонденціи станетъ безъ особыхъ разъясненій понятнымъ мало-мальски серьезному читателю. Не надо забывать, что если изъ этихъ писемъ не изгнать совершенно личный или, лучше сказать, частный элементъ, —ибо переписывающіеся сообщаютъ другъ другу нерѣдко о своихъ дѣлахъ, своихъ житейскихъ радостяхъ или горестяхъ, недугахъ, планахъ, путешествіяхъ,—то общіе вопросы, интересы социализма и рабочаго движенія, занимаютъ въ нихъ неизмѣримо больше мѣста. И люди, исповѣдующіе и проводящіе въ жизнь міровоззрѣніе труда, должны гордиться, что тѣ, кто въ теченіе всего своего существованія зашищали и въ теоріи, и на практикѣ рабочій классъ противъ его эксплуататоровъ и угнетателей, даже въ своей перепискѣ все время, такъ сказать, жили и дышали однимъ этимъ по-истинѣ великимъ дѣломъ.

Мнѣ кажется прежде всего не лишнимъ познакомить читателей съ тѣми изъ переписывавшихся, которые меньше знакомы нашей публикѣ, чѣмъ Марксъ и Энгельсъ: Вейтлингомъ, Зорге, Дитцгеномъ и т. п. Разумѣется, дѣло идетъ о характеристикѣ этихъ личностей, а не объ ихъ подробныхъ біографіяхъ. Начну съ Вейтлинга. Это былъ человѣкъ полный революціоннаго энтузіазма, выкупавшій свои недостатки непризнаннаго пророка,—тщеславіе, самоувѣреніе,—искреннею преданностію дѣлу освобожденія трудящихся. Извѣстно, что Марксъ въ началѣ своей литературной дѣятельности находился подъ влия-

ніемъ автора «Гарантій гармоній и свободы» и организатора тайныхъ рабочихъ обществъ въ Швейцаріи и Франціи. И если онъ вскорѣ разошелся съ нимъ и подвергъ жестокой критикѣ самое направленіе «ремесленного коммунизма», то надо сказать, что основатели «научного социализма», Марксъ и Энгельсъ, вообще отличались рѣзкостью своихъ приговоровъ, а въ свои сношенія съ людьми вносили зачастую больше непримиримости, чѣмъ это, собственно, требовалось интересами самого дѣла. Вейтлингъ, родившійся въ 1808 г. въ Магдебургѣ, умершій въ 1871 г. въ Америкѣ, обладалъ импульсивной высокоталантливой индивидуальностью. Даже у такого партійнаго писателя, какъ Мерингъ, вырывается эпитетъ «геніальный пролетарій»*), прилагаемый имъ къ оригинальной личности портного подмастерья, вся жизнь котораго прошла въ нуждѣ, борьбѣ за кусокъ хлѣба, личныхъ и политическихъ приключеніяхъ, сидѣньяхъ въ тюрьмѣ, бѣгствахъ и полицейскихъ преслѣдованіяхъ. «Уже пролетарій, но все еще ремесленникъ», по выраженію того же Меринга**),—Вейтлингъ служилъ переходомъ отъ утопическаго социализма, который чурался трудящихся массъ и надѣялся больше для осуществленія своихъ плановъ на мудрыхъ королей и филантропически настроенныхъ капиталистовъ, къ современному рабочему социализму, который признаетъ, что освобожденіе рабочаго класса можетъ быть совершенно только имъ самимъ. Нашъ портной, собственно, не желалъ насильственной революціи, но полагалъ, что она будетъ неизбежна въ виду реакціоннаго настроенія и крайняго эгоизма правящихъ классовъ. Любопытно, что однимъ изъ средствъ заставить капитулировать привилегированное меньшинство, онъ считалъ тактику систематически и умышленно дурного исполненія работы со стороны трудящихся,—словомъ то, что практикуется теперь повсемѣстно рабочими въ ихъ борьбѣ съ жадными хозяевами, и что носитъ во Франціи популярное среди революціонныхъ синдикалистовъ названіе *sabotage* («ляпанье», «варакзанье»). Такъ какъ въ упомянутомъ сборникѣ находится лишь одно и при томъ коротенькое письмо Вейтлинга (къ исполнительному комитету такъ называемой «соціальной партіи» въ Нью-Йоркѣ), то чтобы покончить здѣсь съ Вейтлингомъ, я тутъ же приведу его. Оно помѣчено 12-мъ февраля 1868 г. и написано изъ Нью-Йорка уже состарившимся агитаторомъ, который, какъ извѣстно, кончилъ свои дни писцомъ въ одной изъ эмиграціонныхъ конторъ. Письмо это гласитъ слѣдующее: «Такъ какъ обстоятельства не позволяютъ мнѣ принять участіе въ вашихъ

*) Онъ даетъ его Вейтлингу, наравнѣ съ Прудономъ, въ одномъ изъ своихъ обширныхъ поясняющихъ «введеній» къ «Литературному наслѣдію»: см. „Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle“, herausgegeben von Franz Mehring; Штутгартъ, 1902, т. II, стр. 335.

**) Franz Mehring, „Geschichte der Deutschen Sozialdemokratie“, Штутгартъ, 1903, 2-е изд., т. I, стр. 126.

обсужденіяхъ, то я прошу васъ замѣнить меня какимъ-нибудь дополнительно выбраннымъ лицомъ. Вообще же мой тридцати-лѣтній опытъ говорить за то, что, стараясь втиснуть (*mit dem Einzwängen*) средства и цѣли возвышеннаго дѣла въ пустыя формальности парламентаризма, не только этимъ ничего не достигаютъ, но и вредятъ дѣлу»^{*)}). Эта мысль обрисовываетъ стараго революціонера, полагавашаго, что ничего не можетъ выйти путнаго изъ парламентарнаго Назарета.

Если въ лицѣ Вейтлинга мы имѣли дѣло съ представителемъ домарксовскаго социализма, то Зорге, къ которому были адресованы почти всѣ помѣщенные въ сборникъ письма и который и сгруппировалъ ихъ для напечатанія, снабдивъ краткими примѣчаніями, принадлежитъ душой и тѣломъ Марксу какъ въ теоретическомъ такъ и въ практическомъ отношеніи. Зорге родился (въ 20-хъ годахъ?) въ семьѣ саксонскаго пастора, съ молодыхъ лѣтъ дѣйствовалъ въ рядахъ крайней оппозиціи, принималъ участіе въ баденскомъ возстаніи 1849 г., былъ приговоренъ къ смерти, бѣжалъ сначала въ Швейцарію, затѣмъ въ Бельгію, но отовсюду изгонялся правительствами, эмигрировалъ въ Америку и, ставъ еще въ Европѣ ученикомъ Маркса, сдѣлался на свободной почвѣ заатлантической республики ревностнымъ распространителемъ доктрины и вмѣстѣ практическимъ агитаторомъ. Такъ, когда послѣ раскола Интернаціонала, вызваннаго борьбой Маркса и Бакунина, генеральный совѣтъ былъ перенесенъ изъ Лондона въ Нью-Йоркъ, Зорге въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ его секретаремъ и вообще посвящалъ всѣ свои силы и организаторскіе таланты пропагандѣ «научнаго социализма» среди рабочаго класса Америки,—впрочемъ съ довольно сомнительнымъ успѣхомъ, что объясняется специфическими особенностями сѣверо-американской жизни, о которыхъ намъ придется сказать ниже. Умеръ Зорге совсѣмъ недавно, осенью истекшаго 1906 г., вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ сборника. Человѣкъ рѣдкой скромности, постоянно старавшійся отодвинуть свою личность на задній планъ, но тѣмъ съ большею энергіею отдававшійся дѣлу, онъ былъ до трогательности вѣрнымъ послѣдователемъ тѣхъ, въ комъ видѣлъ своихъ духовныхъ отцовъ и руководителей, что создавало ему положеніе, если можно такъ выразиться, наперсника Маркса и Энгельса. Или какъ говорить Мерингъ въ своей журнальной статьѣ, посвященной сборнику: «Зорге пользовался неограниченнымъ довѣріемъ самыхъ лучшихъ и самыхъ великихъ людей, стоявшихъ въ передовыхъ рядахъ освободительной борьбы пролетаріевъ; они говорили съ нимъ совершенно откровенно, чтобы выслушивать его совѣты, на которые можно было полагаться. Такимъ образомъ въ архивѣ этого вѣрнаго Эк-

^{*)} „Briefe“, стр. 5.

карта накопился богатый документальный матеріалъ по исторіи международнаго рабочаго движенія» *).

Зорге былъ человекъ, не только чувствовавшій потребность въ безграничной привязанности къ великимъ друзьямъ. Ему было безконечно дорого самое дѣло, и дороги всѣ его товарищи по убѣжденіямъ. Ради того и другихъ онъ не отступалъ ни передъ какими скучными порученіями, не останавливался ни передъ какими хлопотами, придумывалъ различные планы для успѣха партійныхъ предпріятій, изыскивалъ матеріальныя средства для единомышленниковъ, находившихся въ нуждѣ, словомъ растворялъ себя безъ остатка въ этой не только партійной, но и пріятельской дѣятельности. Недаромъ у Іоганна Беккера (о которомъ ниже) вырывается неперевожимый каламбуръ насчетъ «старога вѣчно пекущагоса о всѣхъ печальника Зорге» (dem alten, für alle Welt besorgten Sorger).

Очень интересенъ самъ этотъ Іоганнъ-Филиппъ Беккеръ, къ которому больше, чѣмъ къ кому-либо изъ группы переписывавшихся лицъ, подходило бы уже не въ переносномъ, а буквальномъ смыслѣ названіе «старога»: онъ родился въ 1809 г. и былъ въ среднемъ лѣтъ на десять-пятнадцать старше своихъ корреспондентовъ, изъ которыхъ Марксъ, какъ извѣстно, родился въ 1818 г., Энгельсъ въ 1820, Зорге, какъ мы уже видѣли, около 1820 г., Дитценъ, какъ сейчасъ увидимъ, въ 1828 г. Что касается до Іоганна Беккера, то онъ былъ также однимъ изъ преданнѣйшихъ поборниковъ социализма и вѣрныхъ друзей Маркса и Энгельса, но въ общемъ совершенная противоположность «пекущемуся о всѣхъ печальнику». Въ практическомъ отношеніи онъ прежде всего не могъ много пѣчься о другихъ потому уже, что не могъ какъ слѣдуетъ пѣчься о самомъ себѣ. Съ кипящей душой, съ головой, лихорадочно работающей надъ разными планами «ускоренія неизбежной революціи», онъ до старости (умеръ въ 1886 г., на 78-мъ году жизни) оставался мятущимся юношей-энтузіастомъ, вѣчно живущимъ въ страшной нуждѣ, вѣчно не знающимъ, какъ ему быть съ своей на рѣдкость многочисленной семьей, состоявшей изъ жены и двадцати двухъ дѣтей, но, несмотря на все это, отдававшимъ громадную долю своей жизни на служеніе идеаламъ социализма и свободы. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, когда матеріальная необеспеченность заставила его выйти изъ низшихъ классовъ гимназій и заняться фабрикаціей щетокъ, онъ жилъ жизнью пролетарія, отнюдь не увѣреннаго даже въ завтрашнемъ днѣ. И между тѣмъ у этого человека былъ большой организаторскій талантъ, какой онъ выказалъ, между прочимъ, во время баденскаго возстанія 1849 г., на посту главнокомандующаго всей гражданской милиціей

*) Frang Mehring, „Der Sorgesehe Briefwechsel“; въ „Neue Zeit“, 1906, XXV-й годъ, №№ 1 и 2.

и сейчас же вслѣдъ за подавленіемъ инсurreкціи въ дѣлѣ помощи бѣглецамъ, укpывшимся, подобно ему самому, въ Швейцаріи, наконецъ, въ теченіе всей своей послѣдующей жизни, на почвѣ организаціи рабочихъ союзовъ и обществъ.

Онъ также очень любилъ и глубоко уважалъ Маркса и Энгельса, но у него отношеніе къ нимъ было гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ у Зорге, уже потому, что онъ былъ старше ихъ въ періодъ, когда складывались его убѣжденія. Будучи сначала ближе къ Лассалю, онъ вполне применилъ къ нимъ уже гораздо позже, съ возникновенія Интернаціонала, "членомъ котораго онъ былъ съ самаго начала. Пороку, когда, какъ ему казалось, они недостаточно раздѣляли его революціонный энтузіазмъ по поводу какого-нибудь замѣчательнаго, по его мнѣнію, плана, онъ въ письмахъ къ своимъ друзьямъ очень непочтительно отзывался о *Die majores* движенія. Такъ, когда осенью 1873 г. Беккеръ усердно занялся подготовленіемъ въ Женевѣ конгресса уже въ сущности умершаго Интернаціонала, Марксъ-же и Энгельсъ, предвидя мертворожденность этого конгресса, не явились на него, пылкій революціонеръ изливаетъ свое негодованіе на нихъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Зорге, отъ 2-го ноября 1873 г. «Гдѣ же,—пишетъ онъ,—та самая солидарность, которую такъ тепло рекомендуютъ и преславляютъ наши гордящіеся принципиальностью глашатаи, гдѣ она, разъ они остаются дома, разъ, предполагая, что повозка завязнетъ въ... (крѣпкое слово, которое я оставляю безъ перевода. Н. К.), они однако преспокойно предоставляютъ вытаскивать ее немногимъ товарищамъ, чтобы въ случаѣ неудачи сослаться на отсутствіе и избѣжать (конечно, только повидимому) всякой отвѣтственности, между тѣмъ какъ при данныхъ обстоятельствахъ вся вина за неудачу должна бы пасть вполне заслуженно на воздержавшихся? Чортъ бы побралъ этихъ умниковъ (я замѣняю перифразой новое крѣпкое выраженіе разгнѣваннаго Беккера. Н. К.), которые боятся, какъ бы не потерять свои репутаціи великихъ людей. Они должны были бы явиться дважды на конгрессъ, если предполагали опосность» *). Слѣдуетъ прибавить, для характеристики Беккера съ его бурнопламеннымъ воображеніемъ, что онъ описываетъ упомянутый конгрессъ, дѣйствительно выродившійся въ мѣстный сѣздъ нѣсколькихъ швейцарцевъ и нѣмцевъ, какъ нѣчто изъ ряду вонъ выходящее и превзошедшее своими результатами все, что было въ этой сферѣ видано раньше. Чего стоитъ одна его фраза насчетъ того, какъ онъ «топнулъ ногой», и изъ земли явилось — ждешь легіоны, нѣтъ просто на просто «тринадцать новыхъ делегатовъ»!..

Человѣкомъ совершенно другого типа, чѣмъ Зорге, и другого, чѣмъ Беккеръ, является Іосифъ Дитценъ, философъ - рабочий, который старался, по мѣрѣ силъ и пониманія, создать материалистическую теорію познанія и написалъ, между прочимъ, «спеціально

*) 1. с. стр. 128.

демократически-пролетарскую логику». Рожденный въ 1828 г., онъ обучался кожевному ремеслу въ мастерской отца, но пробудился къ «сознательной жизни», по его же словамъ, въ «сумасшедшій сорокъ восьмой годъ» и тогда же почувствовалъ потребность самостоятельно вдумываться въ банальную фразеологию боровшихся партій. Если и отбросить въ сторону преувеличенія социаль-демократовъ, видящихъ въ Дитценѣ нѣчто въ родѣ Канта пролетариата, нельзя однако не отнестись съ уваженіемъ къ умственной работѣ этого человѣка, у котораго есть немало свѣжихъ и порою тонкихъ мыслей и который упорно старался разрушить метафизическій дуализмъ, по обыкновенію марксистовъ вознося, впрочемъ, «диалектический методъ» Гегеля. Онъ жилъ долгое время въ Россіи, затѣмъ вернулся въ Германію, а въ 1884 г. переселился изъ Рейнской провинціи въ Америку, куда еще раньше, въ 1880 г., эмигрировалъ его сынъ Евгений (сдѣлавшій предисловіе къ недавнему русскому переводу «Аквизита философіи» своего отца). Склонность къ отвлеченному мышленію ярко прокидывается у кожевника-философа въ слѣдующихъ автобіографическихъ строкахъ его письма, которое онъ пишетъ къ Зорге, уже находясь среди американцевъ, живущихъ лихорадочною жизнью въ сферѣ экономики и вообще практическихъ вопросовъ: «Банкротство Гранта-Уорда я еще не знаю, я здѣсь еще слишкомъ новичекъ, чтобы быть въ состояніи слѣдить съ интересомъ за событіями дня. Когда я немного лучше буду ориентироваться въ личностяхъ, то придетъ и этому чередъ. Но въ цѣломъ я являюсь и остаюсь неисправимымъ «общимъ человѣкомъ», который обращаетъ мало вниманія на частное и специальное. Со мною можетъ случаться, что я по недѣлямъ и даже по мѣсяцамъ не читаю ни одной газеты, пока на меня не произведетъ впечатлѣніе какая-нибудь поразительная вещь, о которой дойдетъ до моихъ ушей вѣсть отъ другихъ *)».

Интересно, что этотъ философствующій кожевникъ, возлюбившій изысканіе истины не менѣе Сократа и подобно Сократу желавшій жить крайне умеренно, напоминалъ Сократа и въ другомъ отношеніи: онъ отличался замѣчательнымъ мужествомъ. Когда на анархическомъ грандіозномъ митингѣ среди одной изъ площадей Чикаго, 4-го мая 1886, была брошена неизвѣстно кѣмъ,—но по всей вѣроятности агентомъ провокаторомъ,—динамитная бомба, и капиталистическая пресса и правящая плутократія подняла свирѣпый вой противъ «варваровъ», по отношенію къ анархистамъ были приняты жестокія и прямо нарушающія конституцію мѣры. Предполагаемые виновники преступленія были посажены въ тюрьму, судимы шемякинымъ судомъ перелуганной буржуазіи, и семь изъ нихъ приговорены къ смерти, а четверо дѣйствительно казнены. Всѣ рабочія собранія разгонялись. Были проведены особые законы

*) Ibid., стр. 196.

противъ «анархической» печати. Страхъ передъ репрессаліями охватилъ даже такіе могущественные союзы рабочихъ, какъ «Рыцари труда», которые, несмотря на число членовъ, простиравшихся до милліона, ни за что не хотѣли вступить за невинно осужденныхъ. Всѣ наборщики и редакція анархической «Рабочей газеты» выходящей въ Чикаго на нѣмецкомъ языкѣ («Arbeiterzeitung») были арестованы. Въ этотъ-то критическій моментъ Дитцгенъ, самъ не будучи собственно анархистомъ, предложилъ свои услуги по редактированію органа товарищамъ осужденныхъ, и когда его предложеніе было съ благодарностью принято администраціей газеты, въ рядѣ мужественныхъ статей развилъ свою обще-соціалистическую точку зрѣнія, съ которой онъ разсматривалъ социалістовъ и анархистовъ какъ людей, между взглядами которыхъ есть такъ много общаго, что имъ нечего взаимно враждовать къ вѣщей радости буржуа. Поступая такъ, онъ не убоился не только преслѣдованій приведенныхъ въ ярость заправилъ заантлатической плутократіи, но и рѣзкаго неудовольствія нѣмецкой «соціалистической рабочей партіи» въ Нью-Йоркѣ и неодобрительной критики самого Энгельса. Вскорѣ, въ 1888 г., онъ умеръ и былъ похороненъ на чикагскомъ кладбищѣ рядомъ съ могилами убитыхъ классовой буржуазной юстиціей анархистовъ.

Такъ какъ я больше уже не возвращусь къ Дитцгену, то я тутъ же приведу два-три отрывка изъ его писемъ, въ которыхъ высказываются его во всякомъ случаѣ небезынтересные взгляды на анархію. Еще до провокаторской бомбы онъ помѣстилъ въ «Arbeiterzeitung» статью, по поводу которой онъ пишетъ Зорге, стараясь охарактеризовать свою позицію между двумя лагерями: «Что касается до меня, то я придаю очень мало значенія словамъ «анархистъ» и «соціалистъ», такъ какъ мнѣ кажется, что изъ этого различія дѣлаютъ черезчуръ большую вещь. Если одни (анархисты) насчитываютъ въ своихъ рядахъ, между собой или подъ собой бѣсноватыхъ безумцевъ (tolle Wüteriche), то другихъ (соціалистовъ) небо благословило за то людьми, правдующими трусу. Поэтому мнѣ одинаково любы и тѣ, и другіе; значительное число въ обѣихъ фракціяхъ еще очень сильно нуждается въ воспитаніи, которое само собой установитъ равновѣсіе между ними» *). Опредѣленіе свою точку зрѣнія на предметъ Дитцгенъ развиваетъ въ слѣдующемъ письмѣ, уже по вступленіи своемъ въ редакцію анархической газеты:... «Анархизмъ» меня не могъ бы особенно смущать, только съ мостіанствомъ (ультра-террористическимъ и страшно революціоннымъ на словахъ направленіемъ Моста. Н. К.), поскольку оно превращаетъ въ систему нелѣпныя вспышки и частную месть, я не могъ бы сдружиться. А что касается до того, будто приключившееся происшествіе столь много

*) Ibid., стр. 216.

вредить партіи, какъ объ этомъ толкуютъ чувствительныя души, то этому я ничуть не вѣрю. Наоборотъ, тотъ фактъ, что народу былъ данъ примѣръ, какъ слѣдуетъ показывать зубы, имѣть много за себя» *). Наконецъ, въ письмѣ отъ 9-го іюня 1886, написанномъ имъ къ Зорге въ самый разгаръ его литературной дѣятельности въ органѣ анархистовъ, Дитценъ не безъ оригинальности устанавливаетъ логическое и историческое отношеніе, въ какомъ, по его мнѣнію, анархизмъ стоитъ къ социализму. Дѣло идетъ объ его довольно длинной статьѣ, помѣщенной имъ въ нѣкоемъ «*Tagblatt*» противъ «тихоходовъ», изъ которой редакція выбросила одно мѣсто. По этому поводу Дитценъ пишетъ слѣдующія строки: «Тамъ я называю себя «анархистомъ»; а въ выпущенномъ мѣстѣ объясняется, какъ я понимаю слово «анархизмъ», которому я приписываю лучший смыслъ, чѣмъ оно имѣло до сихъ поръ. По моему убѣжденію,—и въ этомъ я согласенъ со всѣми нашими лучшими товарищами,—мы достигнемъ новаго общества не безъ серьезной борьбы; я даже думаю, что безъ дикой свалки, безъ «анархіи» дѣло не можетъ обойтись. Я вѣрю въ анархію, какъ въ переходную стадію. Заправскіе (*in der Wolle gefärbte*) анархисты, правда, мнятъ, будто анархизмъ есть конечная цѣль; но они глупцы, поскольку считаютъ себя за самыхъ радикальныхъ людей. Радикальными-то являемся мы, мы, которые стремимся за анархизмъ и чрезъ анархизмъ къ коммунистическому *порядку*. Конечной цѣлью является социалистическій порядокъ, а не анархическій безпорядокъ. Теперь, если бы чикагцы хотѣли пользоваться сложившимися для нихъ такимъ образомъ обстоятельствами, то я могъ бы дѣятельно помогать имъ въ этомъ. Анархисты пришли бы къ намъ рядами и шеренгами и образовали бы заодно съ наиболѣе цѣнными социалистами всѣхъ странъ сплоченную боевую армію, передъ которой должны были бы какъ солома разлетѣться и попрыгаться всѣ эти слабые люди, всѣ эти Штибелинги, фабіанцы, Фогты, Фиреки и т. д. Съ этою цѣлью—таково мое мнѣніе—должно такъ бросать вмѣстѣ и такъ перемѣшивать названія «анархистъ», «социалистъ», «коммунистъ», чтобы рогатый скотъ не могъ больше разобратся въ этомъ. Языкъ служить намъ не только для того, чтобы различать вещи, но и чтобы связывать ихъ,—и тогда онъ становится *діалектическимъ*. Слова и самъ интеллектъ, въ рукахъ котораго языкъ впервые становится дѣйствительно языкомъ, не должны, не могутъ дѣлать ничего другого, какъ рисовать *образъ* вещей, поэтому и человѣкъ имѣть право *свободно* распоряжаться ими, поскольку онъ достигаетъ своей цѣли **).

Несмотря на обычное злоупотребленіе понятіемъ «діалектиче-

*) Ibid., стр. 222.

**) Ibid., стр. 226—227.

скій», характеризующее умственный типъ почти всѣхъ марксистовъ, эти разсужденія Дитцгена обнаруживаютъ несомнѣнную самостоятельность, такъ какъ ненависть самого Маркса и его ближнихъ и дальнихъ послѣдователей къ анархистамъ мѣшаетъ имъ отнестись дѣйствительно критически къ теоріи и практикѣ анархіи. Дитцгенъ же говорить ни много, ни мало, какъ о соединеніи всѣхъ революціонно настроенныхъ социалистовъ, коммунистовъ и анархистовъ въ одну боевую партію, которая будетъ добывать новое общество путемъ серьезной, можетъ быть даже хаотической борьбы съ старымъ міромъ, противопоставляя себя при этомъ тѣмъ аккуратнымъ и умѣреннымъ социалистамъ, которые смертельно боятся всякаго серьезнаго столкновенія...

Не мѣшаетъ, однако, замѣтить по этому поводу, что въ аргументации нашего кожевника-философа заключается одно недоразумѣніе, которое слѣдуетъ устранить сейчасъ-же. Дѣло въ томъ, что именно въ конечномъ идеалѣ и социалисты, и анархисты сходятся: «коммунистическій порядокъ» есть именно тотъ режимъ, при которомъ, по рельефному выраженію Сэнъ-Симона, управленіе людьми смѣняется распоряженіемъ вещами, и стало быть современное государство, основанное на принудительномъ началѣ, уступаетъ мѣсто «анархіи». Существенная разница между социалистами и анархистами заключается въ средствахъ для достиженія этой общей цѣли: учрежденія гармоничнаго и свободнаго общежитія. Въ то время, какъ социалисты считаютъ необходимымъ въ «переходную стадію», о которой говоритъ Дитцгенъ, именно не «анархію», а планомѣрную и даже въ извѣстныхъ предѣлахъ принудительную организацію силъ трудящихся для борьбы съ старымъ строемъ, для борьбы не только экономической, но и политической, съ цѣлью захвата государственной власти въ свои руки и не отрицая при этомъ въ числѣ другихъ средствъ и парламентарной дѣятельности, анархисты полагаютъ возможнымъ и желательнымъ добиваться конечной анархіи... путемъ анархіи же. И это отнюдь не карикатурное и не эниграмматическое искаженіе ихъ программы, а вѣрная передача самого духа ихъ революціонной дѣятельности. Какимъ образомъ,—спрашиваютъ они,—осуществить анархію въ будущемъ, какъ конечную цѣль человѣческаго общежитія, если люди не приучатся практиковать анархію уже теперь какъ средство, по пути шествія въ новый Іерусалимъ? Отсюда страшное недовѣріе къ организаціи, отсюда требованіе: если безъ нея уже нельзя обойтись, то пускай она будетъ совершенно свободная, безъ всякаго отгѣнка принудительности и даже простой партійной дисциплины. Отсюда же отрицаніе собственно политической борьбы, отрицаніе необходимости и желательности захвата государственной власти, строжайшее воздержаніе отъ какой бы то ни было парламентарной дѣятельности. Для всякаго непредубѣжденнаго человѣка теперь ясно, что именно тактикой

этой «анархii», какъ средства, не добьешься анархii, какъ конечной цѣли.

Но въ словахъ Дитцгена лежитъ другое, болѣе серьезное, можно сказать предвосхищающее событія соображеніе, которое получаетъ важное значеніе именно въ переживаемую нами теперь эпоху міровой исторіи. А именно, если въ настоящее время съ одной стороны, становится очевиднымъ, что партизанской войной со старымъ строемъ анархистамъ не добиться цѣли кореннаго его пересозданія, а съ другой—довольно значительная часть социалистовъ отказывается отъ боевой политической роли и сводить всю свою дѣятельность на исключительно парламентарную борьбу, то эта односторонность и того и другого направленія должна будетъ фатально вызвать новую перетасовку элементовъ социальнаго прогресса и новую группировку ихъ. Стоитъ наиболѣе разумнымъ анархистамъ понять, что противъ централизованной государственной организациі надо бороться путемъ политической же организациі, не отказываясь и отъ цѣлесообразнаго въ этомъ смыслѣ орудія парламентарной дѣятельности; стоитъ наиболѣе искреннимъ и энергичнымъ социалистамъ вдвинуть эту послѣднюю, лишь какъ одинъ, но далеко не единственный приѣмъ борьбы, въ общую боевую въ цѣломъ и революціонную дѣятельность,—и на лицо получается великая партія труда, стоящая на точкѣ зрѣнія революціоннаго социализма. Въ этомъ, повидимому, направленіи совершается процессъ выработки современной международной социалистической тактики. И такимъ образомъ осуществится, можетъ быть, желаніе Дитцгена смѣшать «социалистовъ», «коммунистовъ» и «анархистовъ», чтобы создать изъ нихъ прочную боевую армію и противопоставить ее не только враждебному старому міру, міру угнетенія и эксплуатаціи трудящихся, но и тѣмъ мнимымъ социалистамъ, которые желаютъ не разрушенія современнаго экономическаго и политическаго режима, а компромисса съ нимъ.

Остановимся, наконецъ, передъ тѣмъ, какъ перейти къ Энгельсу и самому Марксу, на женѣ Маркса, отъ которой въ коллекціи сохранилось одно письмо, ярко обрисовывающее эту замѣчательную въ своемъ родѣ женщину. Дѣйствительно, даже изъ устъ такого противника Маркса, какимъ былъ Эли Реклю, старшій братъ знаменитаго географа и анархиста, мнѣ пришлось слышать очень характеристичную фразу: «если самъ Марксъ былъ, выражаясь академически, королемъ мысли (*prince de la pensée*), то жена его была достойною подругою этого короля: столько простоты и вмѣстѣ сознанія достоинства было въ этой аристократкѣ, всю жизнь прожившей въ изгнаніи возлѣ плебея-революціонера». Письмо, о которомъ я только что упомянулъ, интересно въ томъ отношеніи, что въ немъ рѣчь идетъ главнымъ образомъ не о политикѣ, но о личномъ существованіи человѣка съ его радостями и горестями. И то, что и какъ говорить въ данномъ случаѣ жена Маркса, служить тѣмъ болѣе цѣннымъ

свидѣтельствомъ о чуткости и глубинѣ души ея. Строки, которыя мы сейчасъ приведемъ, написаны уже извѣстному намъ Зорге по поводу смерти его двухъ взрослыхъ дѣтей: «Мой дорогой другъ, долго-долго я не подавала и признака жизни и ничѣмъ не напоминала о себѣ; я молчала даже и тогда, когда васъ поразило новый и страшный ударъ судьбы, и вы могли по праву рассчитывать на чувство и симпатіи къ вамъ друзей. Будьте увѣрены, что я молчала не изъ недостатка участія, но не писала потому, что у меня буквально замерло дыханіе при скорбной вѣсти, и я не хотѣла подойти къ вашему великому горю со всѣми этими общими мѣстами соболѣзнованія и утѣшеній. Слишкомъ хорошо я знаю по себѣ, какъ тяжело это горе, и какъ оно долго длится, пока не найдешь снова послѣ такой потери своего равновѣсія. Но жизнь приходитъ намъ на помощь со своими маленькими радостями и своими большими заботами, будничными непріятностями и мелкими терзаньями, и великая скорбь заглушается ежечасными малыми страданіями, и незамѣтно для насъ смягчается жгучая боль. И не то, чтобы когда-нибудь совсѣмъ зажила рана, особенно рана въ сердцѣ матери, но мало-по-малу пробуждается въ душѣ новая воспримчивость и даже новая чувствительность къ новому горю и новой радости; и такъ живешь дальше и дальше съ уязвленнымъ и все же постоянно надѣющимся сердцемъ, пока, наконецъ, оно не остановится совсѣмъ, и тогда наступитъ вѣчный миръ» *).

Мы покончили со всѣми если и замѣчательными, то все же второстепенными участниками въ перепискѣ и можемъ теперь перейти къ письмамъ Маркса и Энгельса. Безпристрастный читатель будетъ сожалѣть, впрочемъ, что высоко интересная переписка обоихъ творцовъ «научнаго социализма» содержитъ въ началѣ такъ много элементовъ личнаго раздраженія въ области политическихъ дразгъ: дѣло въ томъ, что по крайней мѣрѣ до 1874 г. Марксъ и его неизмѣнный alter idem, Энгельсъ, посвящаютъ свои письма чаще всего темамъ, прямо или косвенно относящимся къ братоубійственной войнѣ среди Интернаціонала между марксистами и бакунистами. А кто знаетъ, въ какой степени рядомъ съ теоретическими разногласіями и практическимъ расхожденіемъ въ тактикѣ эта борьба питалась соперничествомъ вождей и ихъ вѣрныхъ партизановъ, тотъ пойметъ, какъ непріятна должна быть эта сторона переписки для всякаго, дѣйствительно любящаго великихъ работниковъ социализма. Ибо если экспансивной и въ общемъ благородной натурѣ Бакунина были совсѣмъ не къ лицу тѣ жалкіе проноски и конспиративные приемы, при помощи которыхъ русскій революціонеръ старался расколотъ Интернаціоналъ, то мало поучительнаго хотя бы въ той

*) Ibid., стр. 151.

игръ съ мандатами, которую пускаетъ въ ходъ Марксъ, чтобы болѣе или менѣе фиктивнымъ большинствомъ провести свои резолюціи на пресловутомъ Гаагскомъ конгрессѣ. И если Бакунинъ бросалъ обвиненія въ дьявольскомъ властолюбіи и «мстительности до безумія» тому самому Марксу, за которымъ всего нѣсколькими годами раньше онъ признавалъ «двѣ великія заслуги», а именно написаніе «Капитала» и основаніе Международнаго общества рабочихъ, то въ свою очередь не стѣснялся и Марксъ, величая Бакунина въ своихъ письмахъ къ друзьямъ и «канальей», и «негодяишкой» (такъ приблизительно можно перевести буршикозное ругательство Limpradius и т. д.). Не забудемъ, что когда П. Л. Лавровъ рѣшилъ держаться нейтральности среди распрей, раздиравшихъ умирающій Интернаціоналъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, то онъ подвергся жестокимъ и несправедливымъ нападкамъ съ двухъ сторонъ именно за то, что не желалъ вмѣшиваться въ эту печальную борьбу, которая велась и тѣми, и другими при помощи одинаково отравленного оружія. Такъ, напр., большая брошюра, инспирированная Марксомъ и написанная (по матеріаламъ, доставленнымъ Николаемъ Утинымъ) Лафаргомъ подъ заглавіемъ «Альянсъ социалистической демократіи» еще менѣе поучительна, чѣмъ «Мемуаръ юрской федераціи», составленный Гильомомъ. а по тону превосходитъ почти все, что могло быть написано социалистомъ противъ социалиста. И даже теперь, на разстояніи тридцати пяти лѣтъ отъ великой распри Интернаціонала, мы врядъ ли можемъ вполне довѣряться исторіографамъ той и другой стороны, которые еще продолжаютъ бороться донинѣ наподобіе тѣней тѣхъ героев нѣмецкой мифологіи, что падаютъ на полѣ битвы съ врагомъ и не перестаютъ воевать съ нимъ на томъ свѣтѣ. Словомъ, эта междоусобная брань двухъ лагерей, отражающаяся въ громадномъ большинствѣ писемъ Маркса и Энгельса въ первую половину 70-хъ годовъ, въ значительной степени уменьшаетъ ихъ интересъ, такъ какъ вводитъ черезчуръ личные и мелкіе счеты въ кругъ вопросовъ останавливавшихъ на себѣ вниманіе двухъ друзей.

Какъ бы то ни было, ликвидація Интернаціонала на американской почвѣ, которая наглядно выражается въ оставленіи преданнымъ Зорге мѣсто секретаря Общества, даетъ поводъ Энгельсу написать къ Зорге одно изъ самыхъ замѣчательныхъ по силѣ и глубинѣ мысли писемъ по рабочему движенію. Въ немъ, выражая, конечно, и взгляды Маркса на этотъ предметъ, Энгельсъ такъ характеризуетъ смыслъ возникновенія, развитія и распадѣнія, словомъ, если можно такъ выразиться, философію исторіи «Интернаціонала»: «Съ твоимъ выходомъ старый Интернаціоналъ совершенно закончилъ свое существованіе. И это хорошо. Онъ принадлежалъ періоду Второй имперіи, когда господствующій

во всей Европѣ политическій гнетъ придавъ начавшему пробуждаться рабочему движенію единство и воздержаніе отъ всякой внутренней полемики. То былъ моментъ, когда общіе космополитическіе интересы пролетаріата могли выступить на первый планъ; Германія, Испанія, Италія, Данія только что вступили въ движеніе, или вступали въ него. Теоретическій характеръ движенія былъ въ сущности во всей Европѣ, т. е. въ массахъ, еще очень не ясенъ въ 1864 г. Нѣмецкій коммунизмъ еще не существовалъ, какъ рабочая партія; прудонизмъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы парадировать на своемъ излюбленномъ конькѣ; претендовавшій на новизну бакунинскій вздоръ еще не существовалъ даже въ собственной головѣ изобрѣтателя; даже вожаки англійскихъ трэдъ-юніоновъ вѣрили, опираясь на программу, выраженную въ мотивировкѣ устава, что имъ можно войти въ движеніе. Первый крупный успѣхъ его долженъ былъ взорвать это наивное соединеніе (въ подлинникѣ стоитъ еще болѣе характерное выраженіе Zusammengehen, т. е. буквально схождение) всѣхъ фракцій. Этимъ успѣхомъ была Коммуна, которая въ идейномъ отношеніи была безусловно дѣтищемъ Интернаціонала, — хотя самъ Интернаціоналъ и пальцемъ не шевельнулъ, чтобы вызвать ее, — и за которую въ этомъ смыслѣ онъ могъ быть по праву сдѣланъ отвѣтственнымъ. Когда благодаря Коммунѣ, Интернаціоналъ сдѣлался въ Европѣ моральной силой, такъ сейчасъ же началась внутри его свалка. Каждое направленіе хотѣло эксплуатировать результатъ въ свою пользу. Наступило распаденіе, котораго нельзя было миновать. Зависть къ растущей силѣ тѣхъ людей, которые, дѣйствительно, были готовы работать и дальше на старой широкой программѣ, — а именно нѣмецкихъ коммунистовъ, — бросила бельгійскихъ прудонистовъ въ руки бакунинскихъ авантюристовъ. Съ Гаагскимъ конгрессомъ все было кончено, — и кончено для обѣихъ партій. Единственной страной, гдѣ еще можно было сдѣлать что-нибудь именемъ Интернаціонала, была Америка, и счастливый инстинктъ перевелъ верховное руководство туда. Но теперь и тамъ всякая возможность истощена, и всякое дальнѣйшее усиліе гальванизировать новую жизнь было бы глупостью и расточеніемъ силъ. Интернаціоналъ господствовалъ въ теченіе десяти лѣтъ надъ одной стороной европейской исторіи, — надъ той стороной, которой принадлежитъ будущее, — и можетъ смѣло оглянуться на свою работу.

«Но въ своей старой формѣ онъ пережилъ себя. Чтобы вызвать новый Интернаціоналъ въ родѣ стараго, союзъ всѣхъ пролетарскихъ партій всѣхъ странъ, требуется всеобщее подавленіе рабочаго движенія, какъ оно проявлялось вездѣ въ 1849—1864 г. Но теперь міръ пролетаріата слишкомъ сталъ великъ для этого, слишкомъ обширенъ. Я думаю, что грядущій Интернаціоналъ будетъ, — послѣ того, какъ сочиненія Маркса произведутъ свое дѣй-

ствіе еще въ теченіе нѣсколько лѣтъ,—чисто коммунистическимъ и подружить именно наши принципы» *).

Оставляя въ сторонѣ мимоходную полемику Энгельса противъ Бакунина, придется сказать, что въ общемъ характеръ и условія развитія прежняго Интернаціонала разобраны здѣсь Энгельсомъ мастерски, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пророчество относительно новаго Интернаціонала было сдѣлано очень удачно. Ибо, начиная съ парижскаго международнаго конгресса 1889 г., организація социалистическихъ партій различныхъ странъ получила снова интернаціональный характеръ; и при этомъ общіе принципы новаго Интернаціонала носятъ на себѣ несомнѣнно гораздо болѣе коммунистическій или,—какъ предпочитаютъ выражаться теперь,—коллективистическій отпечатокъ, чѣмъ это имѣло мѣсто въ Международномъ Обществѣ рабочихъ.

Кстати не мѣшаетъ здѣсь съ другой стороны замѣтить, что какъ ни относиться къ приѣмамъ, пущеннымъ въ ходъ Бакунинымъ для разрушенія стараго Интернаціонала, во всякомъ случаѣ должно сказать, что русскій революціонеръ обнаружилъ большое чутье историческаго момента, когда онъ возставалъ претивъ централистической «гегемоніи» Генеральнаго совѣта и требовалъ автономіи національных федерацій внутри Интернаціонала. Дѣйствительно, современный Интернаціоналъ характеризуется тѣмъ, что, поддерживая взаимное общеніе социалистическихъ партій всего міра путемъ правильно собирающихся (приблизительно каждые два года) международныхъ конгрессовъ и дѣятельности постоянного органа, носящаго названіе Международнаго социалистическаго бюро, онъ, однако, даетъ социалистамъ каждой страны лишь общія указанія, но отнюдь не вмѣшивается авторитарно въ ихъ національную партійную политику. Если, какъ вѣрно замѣчаетъ Энгельсъ, старшій Интернаціоналъ былъ «наивнымъ схожденіемъ» рабочихъ разныхъ государствъ, то именно потому, что ихъ скрѣплялъ приблизительно одинаковый повсюду политическій гнетъ, а социалистическія партіи каждой стороны играли еще незначительную роль у себя дома. Но послѣ распадѣнія стараго Интернаціонала наступилъ періодъ усиленнаго развитія социализма во всѣхъ культурныхъ государствахъ. И въ теченіе этого-то періода социалистическія организаціи каждой страны стали серьезной силой на своей родинѣ и уже по тому самому должны были отзываться на различныя политическія задачи, выдвигавшіяся въ каждой странѣ на особый ладъ. Словомъ, то былъ періодъ дифференціаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ углубленія общаго социалистическаго міровоззрѣнія на почвѣ національных особенностей экономической и политической среды; то былъ періодъ національных социализмовъ, если можно такъ выразиться. Лишь послѣ того, какъ социалистическія организаціи

*) Ibid., стр. 138—139.

пріобрѣли важное политическое значеніе, каждая въ своей странѣ, снова почувствовалась ими потребность въ объединеніи на почвѣ общихъ принциповъ и въ согласованіи дѣйствій. Такъ возникъ новый Интернаціональ, который признаетъ за каждой національной социалистической партіей право поступать сообразно условіямъ мѣстной политической среды, но вмѣстѣ съ тѣмъ громко провозглашаетъ общность великихъ задачъ, стоящихъ передъ интернаціональнымъ трудомъ въ его борьбѣ противъ интернаціональнаго капитала и интернаціональнаго же концерта классовыхъ государствъ.

Кромѣ вопросовъ, связанныхъ съ существованіемъ стараго Интернаціонала, письма Маркса и Энгельса касаются всѣхъ маломальски крупныхъ историческихъ событій міровой жизни, разсматриваемой обоими мыслителями, само собою разумѣется, съ ихъ точки зрѣнія. При этомъ нельзя, пожалуй, не отмѣтить той разницы, которая чувствуется между письмами обоихъ замѣчательныхъ мыслителей. Письма Энгельса болѣе часты. Они длиннѣе и въ литературномъ отношеніи закругленнѣе. Марксъ же пишетъ гораздо рѣже, почти въ каждомъ письмѣ повторяетъ, что пишетъ «наскоро», пишетъ «лишь нѣсколько строкъ»: ему мѣшаютъ или его научныя работы, или болѣзнь и т. п. Письма эти короче и импульсивнѣе и, если не обманываетъ меня чутье, и революціоннѣе, хотя послѣднее можетъ отчасти объясняться самымъ временемъ ихъ писанія и обстоятельствами: я говорю хотя бы о рѣзкомъ отношеніи Маркса (и Энгельса) къ первымъ шагамъ объединенной социаль-демократической партіи Германіи въ годы, непосредственно предшествовавшіе исключительнымъ законамъ и при началѣ функционированія этого законодательства. Марксъ, дѣйствительно, умеръ въ 1883 г. и не видѣлъ еще тѣхъ поразительныхъ успѣховъ партіи на выборахъ, которые замѣтно и, можетъ быть, даже черезчуръ примирили оставшагося въ живыхъ Энгельса съ отрицательными сторонами нѣмецкаго движенія, напр. недостаткомъ революціонности и т. п. Разумѣется, рядомъ съ критикой межеумочнаго, приближающагося къ буржуазной демократіи направленія у Маркса идутъ рѣзкіе отзывы относительно сближенія айзенахцевъ съ лассалавцами, относительно тенденцій, обнаружившихся въ партіи, сойти съ «материалистической» точки зрѣнія, и т. д. Но все это Марксъ изливаетъ въ личной корреспонденціи, не желая выметать соръ изъ партійной избы на глазахъ злорадствующихъ враговъ и упрекая даже людей въ родѣ Моста въ томъ, что они занимаются этой вредной операціей? Я приведу изъ переписки Маркса нѣсколько наиболѣе характеристичныхъ мѣстъ, относящихся къ упомянутымъ вопросамъ.

Въ письмѣ Маркса къ Зорге отъ 19-го октября 1877 г. читаемъ: «Въ Германіи, въ нашей партіи, не столько среди массъ.

сколько между вожаками (занимающими болѣе высокое классовое положеніе и «рабочими») обнаруживается плохое настроеніе. Компромиссъ съ лассалеанцами повелъ къ компромиссу съ другими половинчатостями (Halbseiten), въ Берлинѣ (смотри Моста) съ Дюрингомъ и его «поклонниками», но кромѣ того съ цѣлой бандой полудурѣлыхъ студіозовъ и премудрыхъ докторовъ, которые хотятъ придать социализму «высшее идеальное» направленіе, т. е. замѣнить матеріалистическій базисъ (который требуетъ серьезнаго объективнаго изученія, если хотятъ оперировать на немъ) современной миеологіей, съ ея богинями справедливости, свободы и равенства, и fraternité (братства)».

«Сами рабочіе, когда они, подобно господину Мосту и сподвижникамъ, перестаютъ работать и становятся *профессиональными литераторами*, постоянно причиняютъ «теоретически» немало вреда и постоянно склонны примкнуть къ путанымъ головамъ измнимо «ученой» касты» *).

Два года спустя, когда Бисмарку удалось провести свой законъ противъ социалистовъ, и партіи приходилось, между прочимъ, организовать нелегальную газету въ Цюрихѣ, Маріусъ пишетъ Зорге, отъ 19-го сентября 1879 г.: «Что касается Моста и сподвижниковъ, то мы относимся къ нимъ «пассивно», т. е. не имѣемъ къ нимъ никакого отношенія, хотя я вижу у себя отъ времени до времени самого Моста. Это ложь г. Любека, будто Энгельсъ и я выпустили какое-то заявленіе противъ Моста и его «Свободы»...

«Наши пункты разногласія съ Мостомъ отнюдь не тѣ, что цюрихскихъ господъ (тріо доктора Хёхберга, Бернштейна—его секретаря—и К. Х. Шрамма). Мы упрекаемъ Моста не въ томъ, что его «Свобода» черезчуръ революціонна, мы упрекаемъ его въ томъ, что у нея нѣтъ *революціоннаго содержанія*, а лишь одні *революціонныя фразы*. Мы упрекаемъ его не въ томъ, что онъ *критикуетъ вожаковъ партіи въ Германіи*, но въ томъ, во-первыхъ, что онъ дѣлаетъ публичный скандалъ, вмѣсто того, чтобы высказывать свои мнѣнія этимъ людямъ въ *письмахъ*, какъ это дѣлаемъ мы, и въ томъ, во-вторыхъ, что онъ пользуется этимъ лишь какъ предлогомъ, чтобы придать важность самому себѣ и сочинять *безсмысленныя планы тайныхъ заговоровъ*.

«Нашъ бравый Юганнъ Мостъ, человѣкъ, отличающійся самымъ дѣтскимъ тщеславіемъ, думаетъ, дѣйствительно, что міровыя отношенія претерпѣли сильный переворотъ потому, что онъ Мостъ проживаетъ теперь не въ Германіи, а въ Лондонѣ. Человѣкъ этотъ не безъ таланта, но онъ убиваетъ свой талантъ многописаніемъ. Къ тому же онъ лишенъ всякой послѣдовательности въ мысляхъ (esprit de suite). Каждая перемѣна вѣтра бросаетъ его, словно флю-

*) Ibid., стр. 159.

герь, то въ ту, то въ другую сторону.—Съ другой стороны дѣйствительно, можетъ случиться, что я и Энгельсъ будемъ принуждены выпустить «публичное заявленіе» противъ лейпцигцевъ и ихъ союзниковъ цюрихцевъ...

«Эти люди, теоретическіе нули, а практически ни къ чему не способны, хотѣли выбить зубы социализму (сфабрикованному ими же университетскимъ рецептамъ) и именно социаль-демократической партіи, хотѣли «просвѣтить» рабочихъ, или, какъ они говорятъ, дать имъ «элементы образованія» при помощи своего смутнаго полужнаительства, а прежде всего сдѣлать партію почтенной въ глазахъ маленькихъ буржуа. Словомъ, это жалкіе контръ-революціонеры, мелющіе неизвѣстно что языкомъ... Какъ хорошо сдѣлалъ Бисмаркъ, не для себя, конечно, а для насъ, что, благодаря вынужденному молчанію въ Германіи, онъ далъ возможность этимъ людямъ громко высказаться».

«Хёхбергъ упалъ съ облаковъ, когда Энгельсъ угостилъ его этимъ чистымъ виномъ; онъ «мирный» человѣкъ развитія и ждетъ освобожденія пролетаріевъ собственно лишь отъ «образованныхъ буржуа», т. е. отъ ему подобныхъ. Либкнехтъ, видите ли, сказалъ будто бы ему, что всѣ мы au fond (въ сущности) согласны. Въ Германіи же всѣ—т. е. всѣ вожаки—раздѣляютъ, молъ, его мнѣніе. Либкнехтъ, дѣйствительно, совершивъ крупную ошибку при переговорахъ съ лассалеанцами, открылъ и ворота, и двери настежь всѣмъ этимъ получеловѣкамъ и malgré lui (невольно) вызвалъ въ партіи деморализацію, которая могла быть устранена только при помощи закона противъ социалистовъ»...

«Энгельсъ написалъ циркулярное письмо къ Бебелю и другимъ, (натурально, лишь для *частнаго обращенія* между нѣмцами вожаками партіи), гдѣ совершенно открыто высказывается нашъ взглядъ. Господа, значить, предупреждены и знаютъ насъ достаточно, чтобы понять, что дѣло теперь обстоитъ такъ: или склониться, или быть сломлену! Если они хотятъ скомпрометтировать себя, tant pis! (тѣмъ хуже для нихъ). *Насъ* скомпрометтировать имъ во всякомъ случаѣ не будетъ позволено. Какъ сильно парламентаризмъ низвелъ ихъ на степень ословъ, ты можешь уже видѣть изъ того, что они вѣрили Гиршу въ великое преступленіе—ты думаешь что? Что онъ немного пощипалъ въ «*Laterne*» (газета. Н. К.) Кайзера за его рѣчь касательно бисмарковского таможенного законодательства... Какъ бы то ни было, они уже такъ сильно заражены парламентарнымъ идиотизмомъ, что думаютъ, будто стоятъ *выше критики*, и громятъ критику какъ *crime de lèse-majesté* (оскорбленіе величества)» *).

Это письмо не нуждается въ особыхъ комментаріяхъ. Можно развѣ только указать на несправедливое отношеніе въ немъ Маркса

*) Ibid., стр., 163—166, passim.

къ Лассалю, котораго, впрочемъ, ни самъ Марксъ, ни Энгельсъ, послѣ первыхъ лѣтъ дружбы, не могли никогда опѣнить по достоинству и упорно продолжали считать «сектантомъ»,—что было на ихъ языкѣ очень рѣзкимъ осужденіемъ, но что глубоко несправедливо по существу, какъ это признаютъ и очень правотѣрные марксисты, въ родѣ Меринга, реабилитировавшаго Лассалю отъ нападеній Маркса и Энгельса. Точно такъ же думать, что «парламентарный идиотизмъ» развился благодаря соединенію съ лассалейцами, представляетъ большую ошибку: и среди людей, провозглашавшихъ себя самыми вѣрными, самыми ревностными учениками Маркса, было и есть не мало людей, не чуждыхъ этого грѣха чрезчуръ усерднаго культивированія парламентаризма, какъ единоспасающей политической дѣятельности социалистовъ.

Еще черезъ годъ (5-го ноября 1880 г.) Марксъ пишетъ все къ тому же Зорге длинное цѣликомъ политическое письмо, въ которомъ онъ отзывается уже гораздо мягче о нѣмецкой социаль-демократіи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ очень интересный обзоръ успѣховъ рабочаго движенія во Франціи, гдѣ идеи Маркса стали быстро распространяться съ конца 70-хъ годовъ, говоритъ любопытныя вещи относительно русскихъ революціонныхъ партій и т. д. Мы приведемъ выдержки и изъ этого письма: «Ты самъ видѣлъ, въ какой цвѣтокъ развился Джонъ Мостъ, и какъ жалко велся съ другой стороны такъ называемый партійный органъ, цюрихскій «Социаль-демократъ»... Я и Энгельсъ поэтому имѣли постоянныя письменныя объясненія съ лейпцигцами, причемъ часто дѣло очень обостряется. Но мы избѣгали выступать въ той или иной формѣ публично. Тѣмъ, которые *comparativement parlant* (сравнительно) спокойно сидятъ за-границей, не подобаетъ, на радость буржуа и правительства, еще болѣе затруднять положеніе тѣхъ, что дѣйствуютъ внутри самой страны при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ и цѣною крупныхъ личныхъ жертвъ. Либкнехтъ былъ нѣсколько недѣль тому назадъ, и во всѣхъ отношеніяхъ намъ обѣщано «улучшеніе». Партійная организація возобновлена, это могло быть исполнено только тайнымъ путемъ, т. е. «тайнымъ» отъ полиціи...

«Въ общемъ же дѣла идутъ превосходно (я разумѣю здѣсь общее европейское развитіе), равно какъ и внутри дѣйствительно революціонной партіи континента».

«Ты, вѣроятно, замѣтилъ, что «Egalite» (благодаря en première instance переходу къ намъ Гэда, а затѣмъ и работамъ моего зятя Лафарга) впервые явилась французской «рабочей газетой» въ широкомъ смыслѣ этого слова. Также и Малонъ долженъ былъ въ «Revue Socialiste»,—хотя съ неразрывно связанными съ его эклектической натурой непостѣдовательностями — высказаться за *socialisme moderne scientifique*, т. е. нѣмецкій научный социализмъ... Вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ въ Лондонъ Гэдъ, чтобы съ нами (myself,

Энгельсомъ и Лафаргомъ) выработать избирательную программу для рабочихъ въ виду предстоящихъ общихъ выборовъ».

«За исключеніемъ нѣкоторыхъ пустяковъ, которые Гэдъ не смотря на мой протестъ счелъ нужнымъ выставить для приманки французскимъ рабочимъ, какъ, напр., закономъ, установленный минимумъ заработной платы (я говорилъ ему: если французскій пролетаріатъ еще такой ребенокъ, что нуждается въ подобныхъ приманкахъ, *so is it not worth while drawing up any program whatever*,—то тогда не стоитъ выработывать какой бы то ни было программы), этотъ очень короткій документъ, кромѣ нѣсколькихъ словъ введенія, гдѣ въ немногихъ словахъ опредѣляется коммунистическая цѣль, состоитъ въ своей экономической части лишь изъ такихъ требованій, которыя реально выросли сами собой изъ рабочаго движенія. То былъ значительный шагъ — перевести французскихъ рабочихъ отъ тумана фразъ на почву дѣйствительности, но именно поэтому онъ вызвалъ сильное возбужденіе между всѣми французскими сумбуристами (*Schwindelköpfen*), которые живутъ этимъ «напусканіемъ тумана»... Это *первое дѣйствительное рабочее движеніе во Франціи*. А до сихъ поръ тамъ были только секты, которыя естественно получали *mot d'ordre* отъ основателя секты, между тѣмъ какъ масса пролетаріата слѣдовала за радикальными или радикальствующими буржуа и въ рѣшительный день билась за нихъ, чтобы на слѣдующій же день избиваться и ссылаться этими ребятами, добравшимися до кормила правленія».

Тѣмъ временемъ у насъ были и есть борцы въ лагерѣ самихъ враговъ, т. е. въ радикальномъ... Мой зять (Лонгэ. Н. К.)... сдѣлался однимъ изъ вліятельнѣйшихъ сотрудниковъ въ «Justice» Клемансо, вожака крайней лѣвой. Онъ такъ хорошо работалъ, что Клемансо, который еще въ апрѣлѣ выступилъ противъ социализма и въ качествѣ поборника американскихъ демократически-республиканскихъ взглядовъ, въ своей послѣдней произнесенной въ Марселѣ противъ Гамбетты рѣчи перешелъ къ намъ какъ съ точки зрѣнія общихъ тенденцій, такъ и по отношенію къ важнѣйшимъ частнымъ пунктамъ, содержащимся въ нашей *программѣ-минимумъ*. Сдержитъ ли онъ то, что обѣщаетъ, совершенно безразлично. Во всякомъ случаѣ онъ ввелъ нашъ элементъ въ радикальную партію, органы которой комично изумляются теперь въ устахъ Клемансо, какъ чему-то удивительному, *something wonderful*, тому самому, что игнорировалось ими или надъ чѣмъ они издѣвались, пока оно считалось лишь за слова *Parti ouvrier* (рабочей партіи)»...

«Въ Россіи — гдѣ «Капиталъ» болѣе читается и признается, чѣмъ гдѣ бы то ни было, — наши успѣхи еще больше. Съ одной стороны, у насъ тамъ есть *критики* (по большей части молодые университетскіе профессора, отчасти находящіеся въ личныхъ дружественныхъ сношеніяхъ со мною, а также *some* (кой-какіе) писатели въ журналахъ, съ другой — *террористическій центральный*

комитетъ, программа котораго, недавно только отпечатанная и распространенная въ Петербургѣ, возбудила великую ярость между русскими анархистами въ *Швейцаріи*, издающими въ Женевѣ «Die schwarze Verteilung» (это буквально переведено съ русскаго «Черный Передѣлъ»). Они — по большей части люди, добровольно оставившіе Россію — составляютъ въ противоположность несущимъ свою голову на эшафотъ террористамъ такъ называемую партію пропаганды (чтобы вести пропаганду въ Россіи — они отправляются въ Женеву! Что за quid pro quo!) Эти господа противъ всякаго революціонно-политическаго дѣйствія. Россія должна при помощи салто-мортале прыгнуть въ анархически-коммунистически-атеистическое царство милленаріевъ! Пока они готовятъ этотъ прыжокъ путемъ скучнѣйшаго доктринерства, такъ называемые принципы котораго намозолили глаза со временъ покойнаго Бакунина (послѣдняя фраза по-французски въ подлинникѣ. Н. К. *).

Это письмо нуждается лишь въ двухъ-трехъ замѣчаніяхъ. Любопытно прежде всего для занимающихся политической исторіей, мнѣніе Маркса о Клемансо, такъ блистательно доказавшемъ четверть вѣка спустя, что радикалъ въ оппозиціи и радикалъ у власти совсѣмъ не одно и тоже. Марксъ преувеличивалъ значеніе знаменитой марсельской рѣчи Клемансо (октябрь 1880 г.) въ смыслѣ «перехода» лидера крайней лѣвой къ марксизму «какъ съ точки зрѣнія общихъ тенденцій, такъ и по отношенію къ важнѣйшимъ частнымъ пунктамъ, содержащимся въ нашей программѣ-минимумъ». Самое сильное мѣсто въ рѣчи Клемансо, которое можно было бы истолковать въ духѣ «перехода», упоминаемаго Марксомъ, содержитъ въ себѣ, въ пику Гамбеттѣ, утверждавшему, будто «нѣтъ социальнаго вопроса, а лишь рядъ социальныхъ вопросовъ», заявленіе, что «соціальный вопросъ, дѣйствительно, существуетъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ обращать на себя вниманіе законодателя **). Но отсюда далеко до марксистской точки зрѣнія. Что касается до «важнѣйшихъ частныхъ пунктовъ», т. е. реформъ, предлагавшихся въ этой рѣчи Клемансо, которыя, какъ казалось Марксу, приближались къ программѣ-минимумъ рабочей партіи, то и тутъ мы встрѣчаемся съ нѣкоторымъ недоразумѣніемъ со стороны автора «Капитала». Эти реформы въ родѣ пересмотра концессій на копи, каналы и желѣзныя дороги, прогрессивнаго налога, ограниченія рабочаго дня и т. п. принадлежали къ разряду реформъ, «при помощи которыхъ, — какъ скажетъ вскорѣ самъ Клемансо въ обращеніи къ избирателямъ на лѣтнихъ выборахъ 1881 г., — республиканская партія всегда старалась подготовить то великое социальное преобразованіе, которое будетъ увѣнчаніемъ

*) Ibid., стр. 168—172, passim.

**) См. мою «Галлерею современныхъ французскихъ знаменитостей», Спб., 1906, стр. 132.

французской революціи». Онѣ входили въ программу «республиканской демократіи», выдвигавшейся еще радикалами въ послѣдніе годы Второй имперіи. Зная, съ какой добросовѣстностью Марксъ изучалъ матеріалъ, находившійся въ его рукахъ, и съ какой проиницательностью онѣ вскрывалъ настоящій смыслъ разсматриваемыхъ имъ документовъ, приходится допустить, что при оцѣнкѣ марсельской рѣчи Клемансо онѣ пользовался свѣдѣніями изъ вторыхъ рукъ, — можетъ быть, шедшими отъ того же самаго Лонгэ, который, при своей экспансивной и подвижной натурѣ и живомъ воображеніи, не всегда достаточно объективно оцѣнивалъ и излагалъ близко интересовавшія его событія. Кстати сказать, мы увидимъ ниже одинъ-два примѣра довольно крупныхъ, порою даже странныхъ неточностей о заграничѣ, которыя встрѣчаются въ письмахъ Маркса и которые должно, по всей вѣроятности, ставить въ счетъ третьимъ лицамъ, не достаточно провѣрившимъ передававшіяся ими Марксу свѣдѣнія.

Болѣе интересенъ въ идейномъ смыслѣ тотъ фактъ, что отецъ «научнаго социализма» оказался неправымъ въ своихъ возраженіяхъ Геду относительно легальнаго установленія минимума заработной платы. Это требованіе не только не является пустой приманкой для незрѣлаго пролетаріата, но чѣмъ дальше, тѣмъ съ болѣею энергіей ставится рабочимъ классамъ во всѣхъ странахъ и мѣстами успѣло даже войти въ практику жизни, несмотря на сопротивленіе имущихъ и правящихъ классовъ. Въ австралійскихъ колоніяхъ Англіи, напр. въ Викторіи и Новой-Зеландіи, введенъ законодательный минимумъ заработной платы въ тѣхъ отрасляхъ работы на дому, которыя подпали подъ особенно сильное господство системы «выпотѣванія труда» (sweating system). Во Франціи со времени декретовъ 10-го августа 1899 г. «нормальный заработокъ» включается въ контракты общественныхъ работъ и государственныхъ и коммунальныхъ подрядовъ. Съ своей стороны интернаціональные конгрессы горнорабочихъ неизмѣнно требуютъ введенія этой мѣры. И осуществленіе ея является, по всей вѣроятности, лишь вопросомъ нѣсколькихъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ нѣкоторымъ сферамъ современной промышленности.

Русскаго читателя въ комментируемомъ нами письмѣ Маркса займетъ особенно то мѣсто, гдѣ знаменитый социалистъ говоритъ о распространеніи своихъ идей въ Россіи, и въ частности о своихъ взглядахъ на Народную Волю и Черный Передѣлъ. Тутъ тоже есть у него нѣкоторыя недоразумѣнія, но подробно говорить по этому вопросу можно было бы лишь въ специальной статьѣ, посвященной отношеніямъ Маркса къ Народной Волѣ. Здѣсь укажемъ лишь на одинъ-два пункта. Марксу Народная Воля представлялась, судя по его словамъ, однимъ изъ крупныхъ проявленій торжества его идей на далекомъ востокѣ Европы: онѣ съ похвалой противопоставлялъ даже «террористическій центральный комитетъ», состоявшій изъ

борцовъ дѣйствовавшихъ въ Россіи, анархическимъ, какъ ему казалось, издателямъ «Чернаго Передѣла», проживавшимъ въ Женевѣ. Между тѣмъ руководители Народной Воли и, главное, ея теоретики далеко не считали свою партію порожденіемъ марксизма. Правда, между народовольцами были люди, желавшіе вступить въ дѣятельныя сношенія съ Марксомъ: ему Исполнительный Комитетъ адресовалъ въ 1880 г. письмо съ партійной «программой рабочихъ» и въ отвѣтъ получилъ напечатанное въ «Народной» же «Волгѣ» горячее привѣтствіе отъ стараго революціонера. Марксъ въ это же время, если не ошибаюсь, послалъ Исполнительному Комитету свой портретъ съ французской надписью «Salut et fraternité» (кстати, гдѣ этотъ портретъ, о которомъ говорилось много въ Петербургѣ зимой 1880—1881 г.?). Лица, ведшія сношенія съ Марксомъ отъ имени Народной Воли, приписывали даже его непосредственному воздѣйствію на нѣмецкихъ социаль-демократовъ перемѣну въ отношеніяхъ германской рабочей партіи къ террористамъ, перемѣну, которая сказалась на Виденскомъ конгрессѣ (20—23-го августа 1880 г.), загладившемъ выраженіями симпатіи къ русскимъ революціонерамъ злополучныя слова, произнесенныя на ихъ счетъ незадолго передъ тѣмъ Вальтейхомъ и Бебелемъ во время преній о возобновленіи закона противъ социалистовъ.

Замѣтимъ, кстати, мимоходомъ, что и Черный Передѣлъ представлялся Марксу не совсѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ это время. Во-первыхъ, собственно анархистовъ въ ту пору уже не было: чернопредѣльцы были народниками, отличавшимися отъ народовольцевъ, тоже отнюдь не отрѣшившимися въ общемъ отъ элементовъ народничества, лишь отодвиганіемъ на задній планъ политической революціонной дѣятельности и подчеркиваніемъ необходимости социальной революціи. Кромѣ того, чернопредѣльцы, если и не пользовались въ то время успѣхомъ, то не были совершенно оторванными отъ русской почвы эмигрантами. Нѣкоторые изъ выдающихся дѣятелей Чернаго Передѣла проживали, правда, за границей, но громадное большинство этой, повторяю, немногочисленной партіи жило и боролось въ Россіи, и органъ ея тоже выходилъ на родинѣ. Тутъ опять Марксъ былъ введенъ въ заблужденіе, по всей вѣроятности, свѣдѣніями изъ вторыхъ рукъ *).

*) Къ этому разряду свѣдѣній, торопливо и безъ провѣрки сообщавшихся иной разъ Марксу его заграничными друзьями, уже несомнѣнно относится слѣдующее, которое касается судьбы „Капитала“ въ Россіи и которое мы находимъ въ письмѣ Маркса къ Зорге отъ 23-го мая 1872 г.: „Въ Петербургѣ появился превосходный русскій переводъ. *Русская* социалистическая газета „Новое Время“ (это нѣмецкій переводъ: газета выходитъ по русски) напечатала недавно длинную въ пять столбцовъ и очень хвалебную передовую статью о моей книгѣ, и при томъ эта статья должна была служить лишь введеніемъ къ цѣлому ряду статей. За это газета получила предостереженіе и ей грозили закрытіемъ со стороны полиціи“ (стр. 56). Нечего говорить, что никакого социалистическаго „Новаго Вре-

Въ высокой степени любопытно письмо Маркса отъ 31 іюня 1881 г., въ которомъ онъ дѣлаетъ замѣчательно сжатую и яркую критику книги Генри Джорджа о «Прогрессѣ и бѣдности», имѣвшей необыкновенный успѣхъ въ англо-саксонскихъ странахъ. Въ виду важности этого вопроса мы приведемъ все относящееся сюда мѣсто письма цѣликомъ: «Теоретически этотъ человѣкъ совершенно антигегѣ (отсталъ). Онъ ничего не понялъ въ природѣ *прибавочной стоимости* и поэтому носится, на англійскій манеръ, и притомъ съ оставшимися даже позади англичанъ умозрѣніями насчетъ получившихъ извѣстную самостоятельность кусковъ прибавочной стоимости, т. е. насчетъ отношеній между прибылью, рентою, процентомъ и т. д. Его основная догма—это, что *все было бы въ порядкѣ*, если бы только земельная рента платилась государству. (Ты найдешь этотъ платежъ и въ числѣ переходныхъ мѣръ, указанныхъ въ «Коммунистическомъ манифестѣ»). Этотъ взглядъ первоначально принадлежалъ буржуазнымъ экономистамъ. Онъ былъ вслѣдъ затѣмъ выдвинутъ (независимо отъ подобнаго же требованія, поставленнаго въ концѣ XVIII вѣка) первыми *радикальными* приверженцами Рикардо, тотчасъ же по его смерти. По этому поводу я говорилъ въ 1847 г. въ своемъ сочиненіи противъ Прудона: «Мы понимаемъ, когда экономисты въ родѣ Милля (старшаго, а не его сына Джона Стюарта, который и это повторяетъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ), Шербюлье, Гилдитча и др. требовали, чтобы рента отдавалась государству для уплаты налоговъ. Это является откровеннымъ выраженіемъ ненависти, питаемой

мени“ въ Россіи, тѣмъ болѣе въ 1872 г., не было. Первою статьею, специально посвященною „Капиталу“ Маркса, была статья И. И. Кауфмана, появившаяся въ „Вѣстникѣ Европы“, какъ разъ въ маѣ 1872 г. Не произошло ли здѣсь смѣшенія?

Приведемъ кстаті еще другое свѣдѣніе о „Капиталѣ“, сообщаемое Марксомъ все тому же Зорге въ письмѣ отъ 21 іюня 1872 г. и которое не мѣшало бы провѣрить нашимъ историкамъ печати, такъ какъ оно довольно любопытно: „О русскомъ (образцовомъ) переводѣ моей книги мнѣ пишутъ изъ Россіи: „Въ цензурѣ два цензора занялись этимъ сочиненіемъ и представили по поводу его свои заключенія цензурному комитету. Еще до просмотра было принято въ принципѣ не задерживать книгу ради одного имени автора, но точно изслѣдовать, поскольку она дѣйствительно отвѣчаетъ своему заглавію. Вотъ резюме заключенія, принятаго единогласно цензурнымъ комитетомъ и переданнаго на благоусмотрѣніе главнаго управленія: „Хотя авторъ по своимъ убѣжденіямъ совершенный социалистъ, и вся книга носитъ вполне опредѣленный социалистическій характеръ, однако, принимая во вниманіе, что изложеніе ея никакъ не можетъ быть признано доступнымъ для каждаго, а съ другой стороны что оно принимаетъ форму строго математической научной аргументаціи, комитетъ считаетъ невозможнымъ преслѣдовать это сочиненіе судебнымъ порядкомъ“. Согласно съ этимъ ему выданъ былъ видъ на безпрепятственное обращеніе въ свѣтъ. Оно отпечатано въ количествѣ 3000 экземпляровъ. Въ Россіи оно увидѣло свѣтъ 27-го марта, а къ 15-му маю было уже продано 1000 экземпляровъ“ (стр. 60).

промышленнымъ капиталистомъ къ земельному собственнику, который представляется ему бесполезною, совершенно излишнею вещью въ общемъ строѣ буржуазнаго производства» (по французски въ подлинникѣ Н. К.). Мы сами, какъ уже было упомянуто, включили это присвоеніе поземельной собственности государствомъ въ рядъ многочисленныхъ другихъ *переходныхъ мѣръ*, которыя, какъ опять-таки было замѣчено въ «Манифестѣ», противорѣчивы сами по себѣ и должны быть противорѣчивы.

«Но сдѣлать изъ этого *desideratum'a* радикальныхъ англійскихъ буржуазныхъ экономистовъ *соціалистическую* панацею, признать эту процедуру за разрѣшеніе лежащихъ въ современномъ способѣ производства антагонизмовъ, впервые было суждено Колэну, родившемуся въ Бельгии старому наполеоновскому гусарскому офицеру, который въ послѣднія времена Гизо и въ первыя Наполеона Малаго осчастливливалъ міръ изъ Парижа своими толстыми томами насчетъ этого «открытія» и сдѣлалъ равнымъ образомъ и другое открытіе, а именно, что хотя Бога и нѣтъ, но зато есть «бессмертная» человѣческая душа, и что у животныхъ нѣтъ «никакого ощущенія». Въ самомъ дѣлѣ, имѣй, молъ, они ощущенія, слѣдовательно душу, то мы были бы каннибалами, и на землѣ нельзя было бы никогда основать царства справедливости. Его «анти-землевладѣльческая теорія» вмѣстѣ съ его душевной и другими теоріями проповѣдуется вотъ уже сколько лѣтъ ежемѣсячно въ парижской «Philosophie de l'avenir» (философіи будущаго) немногими оставшимися у него приверженцами, по большей части бельгийцами. Они называютъ себя «раціональными коллективистами» (*collectivistes rationnels*) и встрѣтили похвалами Генри Джорджа. За ними и рядомъ съ ними разблаговѣстили, между прочимъ, этотъ «соціализмъ» въ толстомъ томѣ и нѣкто Замтеръ изъ Восточной Пруссіи, банкиръ, нѣкогда владѣлецъ лоттерей, изъ разряда поверхностныхъ головъ.

«Всѣ эти «соціалисты», начиная съ Колэна, имѣютъ то общее, что они оставляютъ неприкосновеннымъ *наемный трудъ*, то есть, значить, и *капиталистическое производство*, дурача въ то же время и себя, и весь свѣтъ соображеніями, будто благодаря превращенію поземельной ренты въ налогъ, платимый государству, всѣ неурядицы капиталистическаго производства должны исчезнуть сами собою. Все это въ цѣломъ является такимъ образомъ лишь слегка опушенной соціализмомъ попыткой спасти *владѣтельство капиталистовъ* и на дѣлѣ-то вновь основать его на базисѣ еще болѣе широкомъ, чѣмъ современный.

«Это лошадиное,—въ данномъ случаѣ ослиное,—копыто торчать несомнѣнно и изъ декламаций Генри Джорджа. Для него это тѣмъ непростительнѣе, что онъ долженъ былъ бы поставить себѣ вопросъ какъ разъ въ обратномъ порядкѣ: какъ это случилось въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ относительно, т. е. по сравненію съ

цивилизованной Европой, земля была доступна и еще to a certain degree (до известной степени опять-таки относительно) осталась доступной обширнымъ массамъ народа, капиталистическое хозяйство и соответствующее ему порабощеніе рабочего класса развилось еще *скорѣе и безстыднѣе*, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ.

«Съ другой стороны, книга Джорджа, какъ и сенсация, вызванная ею у васъ, имѣютъ то значеніе, что это есть первая, хотя и неудавшаяся попытка освободиться отъ ортодоксальной политической экономіи.

«Г. Джорджъ, между прочимъ, какъ кажется, ничего не знаетъ изъ исторіи прежнихъ американскихъ противниковъ ренты, которые были скорѣе практиками, чѣмъ теоретиками. А то онъ талантливый писатель (обладающій и талантомъ американской рекламы), какъ это доказываетъ, напр., его статья о Калифорніи въ «Atlantic's». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличается и несносными претензіями и самоувѣченіемъ, неизбѣжно отличающимъ всѣхъ такихъ выживальщиковъ панацей» *).

Приведенное нами письмо Маркса о Джорджѣ заканчивается лаконическимъ, но, очевидно, выстрадааннымъ этой могучей и твердой натурой признаніемъ: «болѣзнь моей жены, между нами быть сказано, къ сожалѣнію, не излѣчима». И только. Последніе годы жизни Маркса были, дѣйствительно, омрачены цѣлымъ рядомъ личныхъ ударовъ, нанесенныхъ ему судьбой. Онъ раньше страдалъ нерѣдко отъ матеріальныхъ лишеній, выносившихся имъ и его семьей бодро и безъ унынія. Терялъ онъ раньше и друзей и близкихъ: особенно тяжела ему была, по словамъ Либкнехта (въ его известныхъ «Воспоминаніяхъ»), смерть его маленькаго сына. Но то было въ пору полного расцвѣта его физическихъ и нравственныхъ силъ, когда умственная работа и идейная борьба служили ему могущественнымъ лѣкарствомъ противъ личныхъ несчастій. Теперь же Марксъ ясно чувствовалъ упадокъ своего здоровья, надорваннаго чрезмерной, по большей части продолжавшейся далеко за полночь работой, и личное горе ощущалось имъ особенно болѣзненно. Да и самые тяжкіе удары разразились надъ нимъ именно въ эту пору: 2-го декабря 1881 г. умерла его «дорогая, незабвенная подруга жизни», какъ онъ трогательно, почти сентиментально выражается, сообщая Зорге вѣсть о кончинѣ своей жены, которую онъ даже за тяжелой болѣзнью не могъ проводить на кладбище; а 12-го января 1883 г. смерть унесла его старшую, самую даровитую и самую любимую дочь, которая была замужемъ за уже упоминавшимся въ этой статьѣ Шарлемъ Лонгѣ. Этого послѣдняго удара не могъ вынести Марксъ, въ теченіе послѣднихъ полутора лѣтъ выдержавшій цѣлый

*) Ibid., стр. 176—177.

рядъ плевритовъ, который закончился опаснымъ нарывомъ въ легкихъ: отъ него Марксъ и умеръ 14-го марта 1883 г.

Подъ впечатлѣніемъ этой смерти вѣрный другъ Маркса, Энгельсъ, писалъ Зоре слѣдующія, въ многихъ отношеніяхъ замѣчательныя строки: «Всѣ наступающія въ силу естественной необходимости событія носятъ въ себѣ и свое утѣшеніе, какъ бы ужасны они ни были. Такъ и здѣсь. Искусство докторовъ, пожалуй, и могло бы дать ему еще нѣсколько лѣтъ прозябанія, продолжить ему жизнь безпомощнаго существа, умирающаго ради торжества врачебной науки не сразу, а дюймъ за дюймою. Но этого нашъ Марксъ ни за что бы не вынесъ. Жить, имѣя передъ собой многочисленныя не оконченныя работы, жить съ жаждой Тантаала кончить ихъ и невозможностью осуществить желаніе,—это было бы ему въ тысячу разъ горше тихой смерти, которая унесла его. «Смерть отнюдь не несчастье для того, кто умираетъ, а лишь для того, кто остается»,—любилъ онъ говорить вмѣстѣ съ Эпикуромъ. И видѣть этого могучаго, гениальнаго человѣка прозябающимъ въ формѣ развалины, для вѣщей славы медицины и на посмѣище филистерамъ, которыхъ въ дни своей полной силы онъ столь часто низвергалъ въ прахъ,—нѣтъ, тысячу разъ лучше то, что случилось, тысячу разъ лучше то, что послѣзавтра мы отнесемъ его и положимъ въ могилу, гдѣ уже спать его жена.

«И судя по тому, что предшествовало этому и что сами доктора не знаютъ такъ хорошо, какъ я, оставался только этотъ въ-боръ—таково мое убѣжденіе.

«Какъ бы то ни было, но человѣчество стало короче на цѣлую голову, и на самую значительную, какая только у него была до сихъ поръ.

«Движеніе пролетаріата идетъ своимъ путемъ, но исчезъ центральный пунктъ, къ которому обращались сами собой въ рѣшительную минуту и французы, и русскіе, и американцы, и нѣмцы, чтобы всякій разъ получить ясный неопровержимый совѣтъ, который могъ давать только гений и совершенное знаніе вещей.

«Мѣстные великіе люди и маленькіе таланты,—хорошо еще если не шарлатаны,—почувствуютъ теперь свободу. Окончательная побѣда обезпечена, но уклоненія съ настоящей дороги, временныя и мѣстныя заблужденія,—всегда столь неизбѣжныя,—теперь будутъ возрастать уже совсѣмъ по иному.

«Ну—мы все же должны пробиться сквозь все это: иначе для чего же мы существуемъ? И мы еще далеко не теряемъ своего мужества» *).

Иной читатель найдетъ преувеличенія въ этой оцѣнкѣ Маркса Энгельсомъ. Но преувеличенія такъ естественны, такъ понятны въ трагически-торжественный моментъ смерти стараго идей-

*) Ibid., стр. 188—189 (письмо отъ 15-го марта 1883 г.).

наго товарища и со стороны человека, который былъ связанъ съ Марксомъ узами совершенно исключительной, «античной» дружбы, какъ выражаются люди, знавшіе отношенія ихъ обоихъ. И во всякомъ случаѣ эти преувеличенія касаются только частныхъ, но нисколько не колеблутъ вѣрности общаго мнѣнія Энгельса о Марксѣ, который былъ, дѣйствительно, однимъ изъ немногихъ—нѣсколькихъ десятковъ—первоклассныхъ мыслителей, какихъ человечество имѣло до сихъ поръ въ разныхъ отрасляхъ знанія.

Мы переходимъ теперь къ письмамъ Энгельса.

Вся вторая и большая часть книги занята главнымъ образомъ письмами Энгельса, которыя охватываютъ промежутокъ времени въ 12 лѣтъ, со смерти Маркса до смерти Энгельса (5-го августа 1895 г.) и относятся какъ разъ къ эпохѣ, когда международный социализмъ сдѣлалъ громадныя успѣхи, ставъ великой прогрессивной исторической силой и заставивъ считаться съ собой темныя силы стараго міра, міра гнета и эксплуатаціи. Разумѣется, отъ насъ далека мысль хотъ приблизительно исчерпать содержаніе этой переписки. Мы остановимся лишь на двухъ-трехъ сторонахъ, которыя имѣютъ исключительно важное,—теоретическое или практическое,—значеніе.

Первые шаги этого необыкновенно быстро растущаго рабочаго и социалистическаго движенія въ разныхъ странахъ въ концѣ прошлаго вѣка рельефно очерчены, между прочимъ, въ письмѣ Энгельса (отъ 29-го апрѣля 1886 г.), гдѣ авторъ касается вскользь Америки, но дѣлаетъ за то любопытную параллель между французами и нѣмцами... «При всемъ томъ и въ Америкѣ дѣло мощно идетъ впередъ. Впервые тамъ проявляется дѣйствительно массовое движеніе между рабочими, говорящими на англійскомъ языкѣ. Что оно происходитъ ошущью, не искусно, безъ ясности, безъ пониманія, это неизбѣжно. Все это прояснится, и движеніе будетъ и должно развиваться на собственныхъ своихъ ошибкахъ. Теоретическое незнаніе есть свойство всѣхъ молодыхъ народовъ, но имъ же свойственна и быстрота развитія на практикѣ. Въ Америкѣ, какъ и въ Англіи, не поможетъ никакая проповѣдь, пока не возникнетъ фактическая необходимость. А послѣдняя теперь въ Америкѣ налицо и приходитъ къ своему сознанію. Вступленіе туземныхъ рабочихъ массъ Америки въ движеніе является для меня однимъ изъ величайшихъ событій 1886 г...

«Вторымъ великимъ событіемъ 1886 г. является образованіе рабочей партіи во французской палатѣ двумя депутатами отъ рудокоповъ, Басли и Камелина, которые были внесены радикалами въ ихъ избирательный листъ и выбраны съ нимъ, но которые вопреки ожиданіямъ не сдѣлались слугами господъ радикаловъ, но выступили какъ рабочіе. Декалавильская стачка вызвала split (рас-

коль) между ними и радикалами—къ нимъ присоединились пять другихъ депутатовъ. Радикалы должны были теперь стать со своей политикой во враждебныя отношенія къ рабочимъ, и такъ какъ правительство держится только радикалами, то это было для нихъ ужасно, ибо рабочіе дѣлали ихъ по праву отвѣтственными за каждое дѣйствіе правительства. Короче сказать, радикалы, Клемансо и всѣ, вели себя жалко, и отсюда вышло то, чего до сихъ поръ не могъ осуществить ни одинъ проповѣдникъ: *отпаденіе французскихъ рабочихъ отъ радикаловъ*. А вторымъ результатомъ было: объединеніе всѣхъ социалистическихъ партій для общаго дѣйствія. Только жалкіе пошибилисты держались въ сторонѣ и потому съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дробятся и слабѣютъ... Словомъ, во Франціи снова идетъ славное движеніе, и, что всего лучше, теоретическими вожаками являются наши люди: Гэдъ, Лафаргъ, Девиль.

«Это не осталось безъ воздѣйствія и на Германію. Революціонный языкъ и дѣятельность французовъ впервые заставляютъ видѣть всю плоскость завываній Фирека и К^о, и такимъ образомъ во время послѣднихъ дебатовъ о законѣ противъ социалистовъ выступали только Бебель и Либкнехтъ, и оба очень хорошо. Послѣ этихъ дебатовъ мы снова можемъ показываться въ приличномъ обществѣ, что бывало далеко не послѣ всѣхъ преній. Вообще же хорошо, что руководство движеніемъ оспаривается въ извѣстной степени у нѣмцевъ, именно съ тѣхъ поръ какъ они выбрали столько филистерскихъ элементовъ (что было, конечно, неизбежно). Въ спокойныя времена въ Германіи все становится филистерскимъ; и тогда конкуренція французовъ необходима, чтобы подгонять нѣмцевъ впередъ. Французскій социализмъ внезапно изъ секты сдѣлался партіей, и лишь теперь, и лишь благодаря этому, впервые стало возможно массовое присоединеніе къ нему рабочихъ, ибо они пресытились тамъ сектантствомъ, и въ этомъ-то и лежалъ секретъ, почему они примыкали къ крайней буржуазной партіи, къ радикаламъ» *).

Вообще у Энгельса можно замѣтить двойственное отношеніе, колебаніе при сравнительной оцѣнкѣ французскаго и нѣмецкаго социализмовъ. Когда французскій столь подвижной пролетаріатъ находится въ періодѣ энтузіазма, хотя бы и частичнаго, онъ несомнѣнно вызываетъ къ себѣ болѣе живыя симпатіи Энгельса, чѣмъ нѣмецкій. Когда же имъ овладѣваетъ разочарованіе или скептицизмъ, онъ раздражаетъ Энгельса, и тотъ относится къ нему съ рѣзкой ироніей, противопоставляя ему не такія блестящія, но зато болѣе солидныя качества рабочаго класса Германіи. Этотъ дѣйствительно идетъ впередъ, все впередъ, хотя порою это шествіе принимаетъ характеръ чрезмѣрнаго легализма и такой постепен-

*) Ibid., стр. 219 - 220, *passim*.

щины, что истинно революціонныя натуры готовы въ такія эпохи 'соціального «затора» махнуть рукой на пролетаріатъ Германской имперіи въ смыслѣ серьезнаго революціоннаго фактора. Несомнѣнно, эти особенности рабочаго движенія въ двухъ странахъ должны вызывать упомянутые перемены настроенія во всякомъ живомъ человѣкѣ, который участвуетъ или, по крайней мѣрѣ, сочувствуетъ великой борьбѣ труда противъ капитала. Отражались эти колебанія и въ симпатіяхъ Энгельса, который безспорно былъ революціонеромъ по темпераменту,—революціонеромъ, можетъ быть, не въ такой степени какъ Марксъ, но, во всякомъ случаѣ въ степени достаточной для рѣзкой оцѣнки дѣятельности легалистовъ и постепенцевъ.

Къ этимъ соображеніямъ придется развѣ прибавить, что капризные зигзаги соціалистическаго движенія во Франціи и поразительные успѣхи нѣмецкой соціалъ-демократіи на выборахъ, которые показывали съ каждымъ новымъ разомъ громадный приростъ голосовъ, вотирующихъ за партію, заставили Энгельса въ послѣдніе годы его жизни больше, чѣмъ слѣдовало бы, увлекаться ходомъ дѣла въ Германіи и даже тактикой соціалъ-демократическихъ вожakovъ. Пусть припомнятъ, что надѣлавшее такого шума въ международномъ социализмѣ заявленіе Энгельса (въ предисловіи къ марксовской «Борьбѣ классовъ во Франціи») относительно того, что эра насильственныхъ столкновеній и уличной борьбы социалистовъ съ силами стараго міра навсегда кончена, было сдѣлано имъ лишь по настоянію партійныхъ лидеров для удобства предстоящей выборной агитаціи. На самомъ же дѣлѣ въ первоначальномъ видѣ предисловіе Энгельса звучало гораздо болѣе революціонно.

Сравненіе французовъ съ нѣмцами къ невыгодѣ первыхъ и къ прославленію послѣднихъ особенно ясно сформулировано въ письмѣ Энгельса 30-го декабря 1893 г. Положеніе дѣла было въ то время такое. На лѣтнихъ выборахъ этого года нѣмецкая соціалъ-демократія одержала блестящую побѣду, соединивъ на своей программѣ голоса 1.800.000 избирателей и успѣвъ провести въ рейхстагъ 44 изъ своихъ 386 кандидатовъ. Во Франціи выборы 20-го августа-3-го сентября ознаменовались тоже крупнымъ успѣхомъ для социализма, такъ какъ соціалистическая фракція въ палатѣ депутатовъ выросла до внушительной группы въ шесть десятковъ. Энгельсъ сообщаетъ Зорге подробности состава французской фракціи, не безъ проникательности указываетъ, что величина ея въ значительной степени зависитъ отъ присоединенія къ ней радикаловъ-социалистовъ типа Милльрана, которые не могутъ считаться,—по крайней мѣрѣ, всѣ,—раздѣляющими настоящую соціалистическую программу. Но затѣмъ, забывая, что и въ Германіи выборные успѣхи вводили,—какъ мы раньше слышали отъ его же самого,—немало

филистерскихъ элементовъ въ партію, возвеличиваетъ нѣмцевъ на счетъ французовъ и такъ иронизируетъ надъ послѣдними:

«Несмотря на все это господа французы, упоенные побѣдой, нова кричатъ на весь свѣтъ и желали бы опять стать во главѣ движенія. Они (Вальянъ) внесли докладъ относительно превращенія постоянной арміи въ милицію, и Гадъ хочетъ внести докладъ относительно организаціи европейскаго конгресса по разоруженію. Планъ таковъ: нѣмцы и итальянцы должны будутъ внести подобный же въ своихъ парламентахъ, при чемъ они естественно должны будутъ оказывать послѣдователями «руководительствующихъ» французовъ. Что сдѣлаютъ одинъ-два итальянца, къ тому же очень смутно понимающихъ вещи, на это наплевать (такъ приблизительно можно перевести употребленное здѣсь Энгельсомъ буршикозное выраженіе «ist wurst». Н. К.), но пойдутъ ли наши нѣмцы такъ здорово живешь на буксирѣ у французовъ, это сомнительно.

«Если ты завоеваешь себѣ важное положеніе путемъ двадцатипятилѣтней жестокой борьбы и имѣешь за собой два милліона избирателей, то ты въ правѣ присмотрѣться поближе къ scratch lot (вучкѣ всякой всячинѣ. Н. К.), которая вдругъ захочетъ тобой командовать. Тѣмъ болѣе, что господа французы сами чрезвычайно щекотливы, какъ только по отношенію къ нимъ происходитъ малѣйшее нарушеніе этикета.

«Ну, словомъ, мы подождемъ. Въ этой не поддающейся никакимъ расчетамъ заранѣе Франціи всегда возможно, что изъ такого минутнаго успѣха разовьется и постоянный прогрессъ. Но все же лучше обождать *).

Всякому не предубѣжденному читателю, стоящему на точкѣ зрѣнія революціоннаго социализма, ясно до очевидности, что Энгельсъ въ этомъ письмѣ доходитъ, критикуя французовъ, до прямой несправедливости. Прежде всего, именно тѣ законопроекты, которые, по словамъ же Энгельса, были или будутъ внесены социалистами во французскую палату депутатовъ, таковы, что дѣлаютъ честь своимъ авторамъ. И какая бы то ни была иронія тутъ не уместна. И докладъ о необходимости замѣнить армію милиціей, и проектъ организовать всеобщій конгрессъ разоруженія,—замѣтите, за пять лѣтъ до злополучной Гаагской конференціи, выродившей въ современную жалкую комедію,—являются серьезными продуктами работы социалистической мысли. Во всякомъ случаѣ не нѣмцамъ кичиться въ области этихъ вопросовъ, по которымъ они какъ разъ не блещутъ ни рѣшительностью, ни проницательностью: передъ идоломъ шовинизма и милитаризма нѣмецкая социаль-демократія боится развернуть знамя социализма во всей его широтѣ. Поучительны въ этомъ отношеніи дебаты, возникающіе внутри этой партіи всякій разъ, какъ наиболѣе послѣдовательные и энергичные члены ея,—

*) Ibid, стр. 405.

напр. въ послѣдніе годы молодой Либкнехтъ,—прямо ставятъ вопросъ о необходимости вести антимилитаристскую пропаганду въ самой казармѣ. А въ дни Энгельса дѣло обстояло ничуть не лучше, если еще не хуже. Такъ что французы могли бы по праву претендовать на руководство и инициативу въ этой сферѣ. Не лишено пикантности и то обстоятельство, что Энгельсъ здѣсь словно забываетъ, что упоминаемые имъ проекты французской социалистической фракціи исходили или отъ французскихъ марксистовъ (Гедъ), или бланкистовъ (Вальянтъ), которые уже въ ту пору были союзниками Гёда и его товарищей. Единственное въ этомъ письмѣ мѣсто, которое хоть слегка смягчаетъ рѣзкій тонъ, взятый Энгельсомъ по отношенію къ французамъ, это строки, гдѣ старый революціонеръ упоминаетъ, что когда дѣло идетъ о Франціи, никогда нельзя предвидѣть и разсчитать заранѣе, какъ сложатся обстоятельства даже въ ближайшемъ будущемъ, и не явится ли какойнибудь частный успѣхъ исходной точкой для цѣлаго ряда прогрессивныхъ явленій.

Впрочемъ, это пристрастіе Энгельса въ послѣдніе годы его жизни къ вѣщамъ не мѣшаетъ его письмамъ быть во многихъ иныхъ отношеніяхъ очень поучительными. Я остановлюсь въ заключеніи на одномъ изъ важныхъ вопросовъ, по которымъ къ мнѣнію Энгельса не мѣшаетъ прислушаться людямъ, считающимъ себя марксистами: я разумѣю вопросъ о вредѣ теоріи въ смыслѣ догмы и параллельно съ этимъ о значеніи рабочаго движенія, какъ практической школы, какъ подготовительнаго класса социализма.

Относительно начетчицкой приверженности къ буквѣ, которая характеризуетъ столь многихъ «учениковъ», Энгельсъ пишетъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ (отъ 12 мая 1894 г.) «Соціалъ-демократическая федерація» (часть тогдашнихъ англійскихъ марксистовъ съ Гайндманомъ во главѣ. Н. К.) раздѣляетъ здѣсь съ вашими нѣмецко-американскими социалистами привилегію быть единственною партіею, ухитрившеюся низвести марксовскую теорію развитія на степень застывшей ортодоксіи, до которой рабочіе не должны доработаться путемъ собственнаго классового чувства, но которую они должны проглотить сейчасъ же, помимо всякаго развитія, просто какъ одинъ изъ членовъ символа вѣры. Поэтому то обѣ онѣ и остаются лишь сектами и приходятъ, какъ говорилъ Гегель, отъ ничего чрезъ ничто къ ничему» *).

Что касается до значенія рабочаго движенія, практики классовой борьбы, то Энгельсъ неоднократно возвращается къ этому предмету въ своихъ письмахъ, и по преимуществу говоря объ Англіи, а особенно объ Америкѣ, гдѣ грандіозность экономическихъ столкновеній труда съ капиталомъ идетъ рука объ руку съ крайней незрѣлостью теоріи. Здѣсь его взгляды на тактику сознательныхъ

*) Ibid, стр. 412.

соціалистовъ становятся особенно интересными, такъ какъ онъ все время предостерегаетъ людей, исповѣдующихъ марксизмъ, не фиксировать на жизненное, хотя бы по необходимости заключающее въ себѣ крупныя ошибки движеніе съ высоты наизусть выученной догмы, но наоборотъ входить въ движеніе, участвовать въ немъ, революціонировать его и надѣяться, что время и опытъ возьмутъ свое. Изъ цѣлаго ряда мѣстъ, относящихся сюда, я возьму лишь одно, которое находится въ написанномъ по-англійски письмѣ Энгельса къ нѣмой г-жѣ Келла-Вишневецкой, переведшей на англійскій его «Положеніе рабочаго класса въ Англіи» (письмо это, помѣченное 28-мъ декабря 1886 г., приведено въ сборникѣ Зорге въ оригиналѣ и въ нѣмецкомъ переводѣ: я перевожу его съ англійскаго, чтобы точнѣе передать отгнѣныя мысли Энгельса. Н. К.).

«Гораздо важнѣе, чтобы движеніе распространялось, гармонически развивалось, укоренялось и охватывало по возможности весь американскій пролетаріатъ, чѣмъ если бы оно съ самаго начала возникало и шло по совершенно правильнымъ теоретическимъ путямъ. Нѣтъ лучшей дороги къ теоретической ясности пониманія, какъ учиться на собственныхъ ошибкахъ, *durch Schaden klug werden* (дѣлаться умнымъ, испытывая вредъ). А для цѣлаго крупнаго класса и нѣтъ никакой другой дороги, въ особенности же по отношенію къ націи, столь практической и столь презирающей теорію, какъ американцы. Великая вещь это заставить рабочій классъ двигаться *какъ классъ*; а разъ это достигнуто, онъ скоро найдетъ вѣрное направленіе, и всѣ, кто сопротивляется, Г(енри) Д(жорджъ) или Паудерли, будутъ оставлены въ сторонѣ со своими маленькими сектами. Поэтому я считаю также Рыцарей труда за чрезвычайно важный факторъ движенія, на который не должно фиксировать (*to be too-roo-ched*) извнѣ, но который должно революціонизировать изнутри; и я полагаю, что многіе изъ нѣмцевъ сдѣлали крупную ошибку, когда они старались, предъ лицомъ могучаго и славнаго движенія, не созданнаго ими, сдѣлать изъ ввезенной ими и не всегда понятой теоріи нѣчто въ родѣ «*alleinseligmachendes Dogma*» (единоспасающей догмы) и держаться вдали отъ всякаго движенія, которое не приняло этой догмы. Наша же теорія не есть догма, но есть изложеніе процесса эволюціи, а этотъ прогрессъ заключаетъ въ себѣ послѣдовательные фазисы. Ожидать, что американцы двинутся при полномъ пониманіи теоріи, выработанной въ болѣе старыхъ промышленныхъ странахъ, значитъ ожидать невозможнаго. Что должны дѣлать нѣмцы, такъ это поступать согласно своей теоріи—если только они поняли ее, какъ поняли ее мы въ 1845 и въ 1848 годахъ,—т. е. входить во всякое реальное и общее классовое рабочее движеніе, принять его фактическую отправную точку за таковую и постепенно выработать ее до высоты теоретическаго уровня, указывая, какъ всякая сдѣланная ошибка, всякая испытанная неудача была лишь необходимымъ

сѣдствіемъ теоретическихъ ошибочныхъ взглядовъ въ первоначальной программѣ; они должны, словомъ, говоря словами «Коммунистическаго манифеста», in der Gegenwart der Bewegung die Zukunft der Bewegung repräsentiren (въ настоящемъ движеніи выражать его будущность). Но прежде всего дайте движенію время окрѣпнуть, не усиливайте неизбежной смуты перваго выступленія, принуждая людей проглатывать вещи, которыхъ въ настоящее время они не могутъ понять, но которыя они скоро узнаютъ. Милліонъ или два рабочихъ голосовъ, поданныхъ въ будущемъ ноябрѣ за bona fide (подлинную) рабочую партію, теперь безконечно важнѣе, чѣмъ сотня тысячъ голосовъ, поданныхъ за совершенную въ доктринальномъ смыслѣ платформу. Самая первая попытка,—а она можетъ быть сдѣлана въ скоромъ времени, если движеніе будетъ развиваться,—попытка укрѣпить движущіяся массы на общенациональномъ базисѣ, поставить всѣхъ лицомъ къ лицу: и джорджитовъ) и рыцарей труда, и тредсъ-юнионистовъ, всѣхъ, всѣхъ; и если наши нѣмецкіе друзья тѣмъ временемъ въ достаточной степени научатся языку страны, чтобы вступить въ пренія то тогда наступитъ время критиковать взгляды другихъ и такимъ образомъ, показывая имъ несостоятельность этихъ различныхъ точекъ зрѣнія, постепенно приводить ихъ къ пониманію ихъ дѣйствительнаго положенія, положенія, созданнаго для нихъ соотношеніемъ капитала и наемнаго труда. Но все, что можетъ отсрочить или воспрепятствовать этому обще-національному объединенію рабочей партіи—какова бы ни была при этомъ платформа—я считалъ бы большою ошибкой, и потому я не думаю, что уже наступило время говорить исчерпывающимъ образомъ о Г(енри) Джорджѣ) или Рыцаряхъ труда» *).

Здѣсь Энгельсъ рисуетъ намъ не заядлымъ доктринеромъ, который готовъ утопить въ чернильницѣ всякаго изъ-за малѣйшаго отклоненія отъ догмы, но дальновиднымъ политикомъ, считающимъ съ условіями дѣйствительности и набрасывающимъ цѣлесообразный планъ, какъ добиться торжества своихъ социалистическихъ идей, опираясь на уже существующее стихійное движеніе рабочаго класса и лишь придавая ему революціонный характеръ изнутри.

Мы едва затронули богатое содержаніе переписки, и можно было бы коснуться еще нѣкоторыхъ любопытныхъ вопросовъ. Но одни завели бы насъ слишкомъ далеко, а о другихъ мы не могли бы говорить вполне опредѣленно, въ виду своеобразной «свободы» печати, которой мы теперь яко бы пользуемся. Къ числу такихъ принадлежить, напр., вопросъ о самодержавіи и революціи въ Россіи, вопросъ, который очень сильно занималъ и Маркса, и Энгельса, и къ которому оба друга возвращаются не разъ по пово-

*) Ibid., стр. 242—244.

ду разныхъ событій во внутренней жизни нашей страны или же подъ вліяніемъ различныхъ комбинацій международной политики.

Мы принуждены поэтому кончить здѣсь нашъ этюдъ, полагая, однако, что и того матеріала, который мы сгруппировали и порою сопровождали комментаріями, вполне достаточно для того, чтобы читатель убѣдился въ важности опубликованныхъ въ сборникѣ Зорге писемъ, представляющихъ, какъ уже мы хотѣли выразить самымъ заглавіемъ нашей статьи, дѣйствительно «тридцать лѣтъ рабочаго движенія и социализма». Кто изучаетъ исторію этого великаго движенія современности, и кто, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшилъ составить себѣ понятіе о подлинной фізіономіи двухъ изъ самыхъ крупныхъ представителей социализма нашихъ дней, оставаясь свободнымъ отъ преувеличенныхъ представленій «учениковъ», тотъ извлечетъ изъ чтенія этой корреспонденціи не только много положительныхъ данныхъ, но и живое эстетическое наслажденіе. Дѣйствительно, идейнымъ читателямъ свойственно стремленіе знакомиться не съ одними продуктами мысли замѣчательныхъ людей, а и съ ихъ личностію въ ея конкретной жизненной обстановкѣ: сборникъ Зорге даетъ намъ возможность войти, такъ сказать, въ домъ къ Марксу и Энгельсу, присутствовать порою при ихъ интимныхъ радостяхъ и горестяхъ, но, главное, слышать ихъ откровенную, непринужденную бесѣду о всемъ, что могло только занимать мыслящаго человѣка въ послѣднюю треть XIX-го вѣка. А что можетъ быть интереснѣе этой бесѣды, если ее ведутъ люди калибра Маркса и Энгельса?

Н. Е. Кудринъ.

Депутаты второй Думы.

(Продолженіе)

К и р н о с о в ъ.

VII.

Газеты называли Кириногова патриархомъ эсерскихъ крестьянъ. У него большая голова, волосы темные съ просѣдью и длинная, густая, полусѣдая борода. Но онъ совсѣмъ не такъ старъ дѣлами. Ему всего 49 лѣтъ отъ роду.

— Эта сѣдина пришла ко мнѣ на 23-мъ году, — рассказывалъ Кириноговъ, — отъ судебного страху и отъ думы.

— Я изъ села Баланды Аткарскаго уѣзда Саратовской губерніи, у графа Шереметева въ сосѣдяхъ. Въ 1879 году сгорѣлъ Шереметьевскій базаръ, а мы захотѣли перевести его къ себѣ на площадь. Осень была, день торговый. Приставъ заявился на торгъ и сталъ сгонять крестьянъ на барскую площадь. Я говорю: «зачѣмъ»? Онъ сейчасъ записалъ мое имя, отчество и фамилію. Я въ то время рыбу продавалъ на площади. Круги у меня были съ рыбой, осетрина, стерлядь, всякая дорогая матерія. Онъ повалялъ круги на землю, всѣ стоячіе ногами подбилъ, пошелъ дальше. Приходитъ въ овчинный рядъ, тамъ висятъ овчины на оглобляхъ, сталъ срѣзывать и рвать и бросать на землю. Люди стали собираться кругомъ: Какое диво. Приставъ идетъ и озоруется. Опять пошелъ по нашимъ рядамъ. А мы всѣ поставили на мѣсло, торгуемъ, какъ прежде. Онъ свалилъ еще одну треножку, у моего сосѣда, наступилъ сапогомъ.

— Не позволяю торговать!—Народъ сталъ напирать, онъ выхватилъ револьверъ, нацѣлился.

— Разойдитесь, а то убью!—Тутъ нашелся одинъ добрый человекъ, далъ ему въ бокъ, револьверъ почти изъ рукъ выбилъ. Тогда онъ сдѣлалъ отступленіе.

— Я былъ знаменитаго мужика зять, то меня перваго потянули. 6-го декабря 1880 года назначили дѣло къ мировому. Мировой осудилъ семь дней подъ арестъ или четвертной билетъ штрафу. Было дѣло подъ Рождество. Я сейчасъ штрафъ заплатилъ и получилъ квитанцію. Думали: окончилось. Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ слѣдователь, пустили дѣло по уголовному суду во второй разъ. Назначили судъ на 23-е апрѣля въ военно-судебной палатѣ въ Саратовѣ.

Кириосовъ остановился. Терминъ «военно-судебная палата», хотя вѣроятно не вполне точный, не былъ лишенъ живописности. Я не сталъ возражать противъ него.

— Обвинительный актъ составили такой,—продолжалъ Кириосовъ,—что самое легкое: въ Сибирь на поселеніе.

— У меня былъ мальчикъ 10 мѣсяцевъ, жена молодая и самъ не старый. Вдобавокъ неграмотный, ничего не понимаю. Какъ сталъ прощаться, даже заплакать не могъ, только въ грудяхъ сдавило. Поѣхалъ въ Аткарскъ, а оттуда въ Саратовъ. Черезъ два дня заѣхалъ у себя эту самую сѣдую голову.

— Спасибо, оправдали, отпустили домой.

— Какъ это вы были неграмотный?—спросилъ я съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Кириосовъ производилъ впечатлѣніе интеллигентнаго крестьянина и его думскія рѣчи возвышались надъ общимъ уровнемъ.

— А что жъ,—сказалъ Кириосовъ,—я научился грамотѣ отъ своихъ сыновей. У меня два сына учились въ Вольской учительской семинаріи, кончили и стипендіи получили. Теперь одинъ учи-

телемъ въ Бугурусланѣ, другой тоже былъ учителемъ, да начальство уволило. Отъ нихъ я учился въ восемьдесятъ шестомъ и седьмомъ и восьмомъ году, въ такомъ духѣ, а знаніе насчетъ политики получилъ отъ случайности; я держалъ заѣзжую квартиру шесть лѣтъ, всякіе люди заѣзжали. Самъ тоже книги читалъ. Какъ у насъ пословица говорится: читалъ Евангеліе и Библию и багацко (много) прокламацій, то и разобралъ, что отъ духа святого, а что отъ чорта.

— Про наше село вы навѣрно слышали,—продолжалъ Кирносовъ.—Называютъ: Баланда, буйное село, но оно было спокойное. Теперь, дѣйствительно, приучились попеченіемъ начальства и двухкопѣчными брошюрами, какъ говоритъ епископъ Евлогій. Но я скажу: мы отъ этихъ брошюръ свѣтъ увидѣли. Раньше къ намъ никакія вѣсти не доходили, какъ въ заколдованное царство. И еще скажу, дороже платить у насъ денегъ нѣтъ. Оставьте себѣ рублевые книги. Мы говоримъ: дай Богъ добраго здоровья хоть за двухкопѣчныя.

Изъ залы засѣданій вышелъ депутатъ Пьяныхъ и подошелъ къ намъ.

— О чемъ тамъ говорятъ, Пьяныхъ?—спросилъ Кирносовъ.

— Да все Кауфмана моютъ,—сказалъ Пьяныхъ,—за народное обученіе.

Кирносовъ махнулъ рукой.—Эхъ, Пьяныхъ, кажется не будетъ намъ при нашей жизни ничего, ни образованія, ни свободы печати. Близокъ локоть, да не укусишь. Поди, Пьяныхъ, скажи рѣчь къ святымъ отцамъ, заткни имъ ротъ ихней библией, какъ въ прошлый разъ...

— У насъ въ селѣ Баландѣ,—разсказывалъ Кирносовъ,—смѣшанный родъ, великорусскій и малорусскій. Мы малорусскіе слобожане, истаринные пришельцы къ доброму пану, Шереметеву. Тогда онъ былъ добрый за наши гроши. Въ 1802 году дѣды наши купили ему 19,000 десятинъ на свои деньги, а на его имя. То стало у него 37,000 десятинъ. Купчую дѣлали въ Пензенской казенной Палатѣ; тогда Саратовъ еще мало существовалъ. Послѣ воли сколько ни тягались, да ничего ни вытягали. А на волю насъ пустили по дарственному надѣлу. Одна десятина съ осмой на душу. Теперь у насъ 1400 дворовъ, всего населенія за 10,000 душъ, а земли 2040 десятинъ. У кого три сажени, у кого четыре. А владѣніе наше не общинное, а просто огородное. Дворъ занимаемъ, да огородъ, а выпускъ—самые пески, бугры, шиханы по нашему. Аренда 15, 16, 17 рублей за десятину. И ту не давали. Какъ же намъ не быть эсерами?..

— Я самъ почти что не партійный,—продолжалъ Кирносовъ,—но только прекрасный любимецъ народа, въ Баландѣ и кругомъ Баланды. Оттого меня выбрали въ Думу.

— А вы сами изъ богатой семьи,—спросилъ я.

— Я сынъ солдатскій,—сообщилъ Кирносовъ,—у насъ и надѣла не было. Но живу я, правду сказать, не плохо. Тестъ у меня жилъ, какъ слѣдуетъ, а я по немъ. И земля у меня есть купленная, саду десятинка. У другихъ и того нѣтъ. Раньше деньжонки были, но въ три года всѣ вышли, въ 91, 92 и 93-мъ. Посѣялъ двѣнадцать десятинъ проса, это пропало. Что было хлѣба въ амбарѣ, роздалъ людямъ, ничего назадъ не пришло. Все-таки живу добре. Два дома у меня, одинъ сдаю подъ съѣзжую квартиру, 120 рублей получаю.

— Были такіе люди, искушали меня: «Какое твое дѣло? У тебя одинъ сынъ получаетъ 700 рублей въ годъ, другой сынъ 50 рублей въ мѣсяцъ. Живи да Бога хвали». Но я имъ говорю: «Господа, жить мнѣ добре, но я знаю, что такъ нельзя. Время подходить, я учелъ себя, не сегодня завтра все это кончится. Не можетъ дольше такъ идти. Оттого я избралъ себѣ идти съ народомъ вмѣстѣ, поработать освобожденію братьевъ отъ этого рабства».

— У насъ и всѣ такіе,—продолжалъ Кирносовъ.—Нѣтъ черносотенцевъ,—которые идутъ противъ народа. У меня земли нѣтъ, отдать нечего, но есть такіе, имѣютъ десятинъ по десяти скупленныхъ, по саженькѣ, по двѣ; то всѣ люди хорошіе, готовы отдать изъ своего.

Въ Саратовской губерніи, какъ и въ Курской, народное движеніе захватило богатыхъ и бѣдныхъ. Пьяныхъ и Кирносовъ, оба принадлежатъ къ верхнему зажиточному слою крестьянства и оба готовы отдать изъ своего...

— Вотъ тоже Идрашинъ изъ села Большой Даниловки. — продолжалъ Кирносовъ,—пріятель мой, бывший староста, раньше хорошо жилъ, теперь обѣднѣлъ. Два раза выборщикомъ былъ, гоняютъ его теперь, даже дома жить не можетъ, прячется. И много другихъ.

Мнѣ вспомнилась осанистая крестьянская фигура съ широкой русой бородой и умными глазами. Идрашинъ былъ пионеромъ новаго движенія и участникомъ многихъ крестьянскихъ съѣздовъ. Держался онъ умѣренно. Говорилъ спокойно и обдуманно. Ему долго удавалось сохранять свою позицію на мѣстѣ, но теперь контръ-революція добралась и до него.

— Они думаютъ: задавили,—продолжалъ Кирносовъ,—но только снаружи. Внутри сильнѣе разгорается. Затаенная сила. Надѣются на солдатъ, на казаковъ. У насъ въ одной Баландѣ стоитъ 180 казаковъ. Но теперь и казаки перемѣняются, кумовья становятся. Какой молоденькій, бываетъ еще до коровъ, рано утромъ, выйдетъ, притулится къ забору, чтобъ ему дали какіе-нибудь свѣдѣнія. А эти башибузуки, опричники, отбросы народные, стражники, они одни не удержатъ.

— Съ помѣщикомъ нашимъ Шереметовымъ живемъ очень худо,—разсказывалъ Кирносовъ,—за то, что онъ сдѣлалъ намъ тѣсноту жизни. Ранде, когда снимали у него 37,000 десятинъ.

жили сто лѣтъ, не знали, что есть тѣснота. Потомъ завелъ четыреста плуговъ, отнялъ у насъ тысячи десятинъ, сталъ пахать низы, выперъ насъ на верхи, на песчаные бугры. Извѣстно земля бываетъ разная. Хорошая у Бога украдетъ, да тебѣ отдастъ. За нее платить не жалко. А худая козла не накормить. Пастьбу у насъ отнять, собственное наши жниво не сталъ давать.

— Это есть озорство, похабное дѣло.

— Да, можетъ, земля портится,—замѣтилъ я.

— Какъ же портится, когда онъ сдавалъ ее подъ овцы за четвертакъ десятину, а мы ему предлагали пять рублей, за сотельникъ четыре десятины, но онъ не далъ. А почему? Мы будемъ спрашивать у него. Другіе отчасти не вытерпѣли, спросили домашнимъ средствомъ. Но кто же виновать? Они сами изъ тихихъ сдѣлали буйныхъ, своими руками зажгли дымъ аграрный.

— Теперь на этомъ пожарѣ онъ самъ обжегся. Пустота у него. Сѣять боится, скотъ проданъ, а часть сгорѣла. Все бросилъ и даже во дворцѣ казаки, а самъ живетъ въ сторонѣ на Плаксиномъ хуторѣ. Теперь и низы сталъ сдавать въ аренду.

— А что вы платите?

Кирносовъ усмѣхнулся.—Какія расплаты въ военное время? Третій годъ никто не платитъ.

— Все жъ таки жить отчасти легче. Въ августѣ я былъ въ Камышинѣ, въ книжномъ складѣ сыну помогалъ, онъ складомъ завѣдывалъ. А старуха дома. Написалъ ей,—«продай корову. Трудно будетъ зимовать». А она пишетъ: «Не продамъ. Лысенка такая гладкая стала, сроду такая не бывала». Теперь степь вольная. А то пахать ѣдешь и кормъ съ собой вези. Какъ сей годъ будетъ, я не знаю. Намъ безъ шереметевской земли дышать невозможно. У него луга, лѣса, у насъ сыпучіе холмы. Распашешь, посѣешь хоть подсолнуховъ, вѣтромъ, пескомъ подрѣжетъ, какъ ножами. Мы ее называемъ *маркитетина*, яма, да бугоръ ее и туча облетаетъ, не поливаетъ, зацѣпиться не за что. Дождь бьетъ, какъ горохъ отскакиваетъ. То наша земля. А онъ свою захотѣлъ отнять.

— Быть можетъ, у него было культурное хозяйство?

— Какая культура?—презрительно возразилъ Кирносовъ.—Мы тоже видели культуру. Вотъ былъ тамбовскій богатый купецъ Поповъ, у него была культура. Плуги разные, смотря по землѣ. И когда бурьяны пашетъ, два лемеша идутъ въ одну борозду, верхній лемешъ снимаетъ соръ, зелень, корешки обрываетъ, а нижній беретъ глубоко, вершковъ на пять, то пласть разсыпается, какъ мука. Это культура, это я понимаю. У насъ вѣдь не унавоживаютъ, глубокий черноземъ. Вся причина въ пахотѣ.

Такой культурный хозяинъ, если пахать нанимаетъ, тому лучше платить, кто дольше пашетъ, по счету узкихъ пластовъ. Это даже не пашня, а почти огородъ. У Шереметева пласты широкіе, лишь бы скорѣе. Два лемеша идутъ рядомъ въ двѣ борозды. Пашетъ

наемными руками за дешевую плату. Опять же бороньба. Въ культурѣ бороны тяжеловѣсныя, зубья съ крючками; когда идетъ борона, то боронуетъ, и тутъ же прибавляетъ пашни. Сѣять пойдетъ изъ сѣялки, зерно падаетъ въ самую борозду; не сѣетъ, а садитъ. Все зерно въ землѣ, ничего не посохнетъ. Высѣетъ шестнадцать пудовъ на сотельникъ, а уродится вдвое больше, чѣмъ у Шереметева съ тридцати. Потому у Шереметева сѣялокъ нѣтъ, сѣютъ отъ руки. Что есть я, крестьянинъ, имѣю свою сѣялку. А онъ изъ руки бросаетъ, вся пшеница сверху на пласту, не заборонована, посохнетъ безъ плода. На загоняхъ плѣши. А бороны у него наши крестьянскія, допотопныя, мы ему и дѣлали.

— Этакая культура только для управляющихъ. Жили, получали пять, шесть тысячъ рублей, преобращали будни въ праздникъ и ночь въ день. Челюди куча, какъ при крѣпостномъ правѣ. Ключники, приказчики, помощники, старосты надъ бычачьими рогами, надъ шлеями да надъ мѣшками. Сѣять ѣдутъ, повезутъ тридцать пудовъ, а довезутъ двадцать два пуда. Такъ понемножку текетъ, а въ кранъ не попадаетъ. Я про это доподлинно знаю.

А уборка, Боже мой, какая безхозяйность. Колосья ногами затопчутъ въ жниво. Снопъ воруютъ, бросаютъ подъ ноги лошадямъ, воламъ. Гдѣ лежитъ, черезъ ѣдутъ, топчутъ, тутъ и обмолочено.

— Даже доходъ у него меньше сталъ. Когда мы снимали, получалъ 120,000 чистаго дохода, а къ этой культурѣ свое приходится докладывать. И Богъ его знаетъ, зачѣмъ. Мы ходоконъ посылали, спрашивали. — «Моя, говорить, земля. Что хочу, то и дѣлаю.»

Кирносонъ помолчалъ.

— Каково-то будетъ сей годъ, — вернулся онъ къ вопросу, неотвязно занимающему его мысли. — По моему Дума, какъ вберется въ бюджетъ, тутъ ей и крышка. Дадимъ, прогонять, и не дадимъ, прогонять. Хорошо было бы до земли добраться, да кажись не придется. Такая моя думка.

— А въ народѣ пока будетъ надежда на Думу и ежели хлѣба будутъ давать, то бѣды не будетъ. А то смута. Тѣхъ помѣщиковъ, которые посѣяли, станутъ бойкотировать, драка будетъ. У насъ многіе распаляются на мщеніе. Каждый видѣлъ казаковъ, курсъ университета сдавалъ подъ нагайками. Такое всеобщее училище, что никогда не забудутъ. Даже подумать страшно, особенно про Волгу.

— Былъ я на Пасху дома, — рассказывалъ Кирносонъ, — митинговъ не устраивалъ, но съ народомъ говорилъ, приходили выборщики и старики, и всякіе люди. Съ утра до вечера, какъ вѣялка, ходить.

Къ Думѣ относятся хорошо, но говорятъ одно: «дайте намъ земли».

— Ежели иначе нельзя, придется запахать, купить, чортъ съ ними. А ежели ничего не будетъ, тогда расчетъ другой. Ясно, какъ

день. У насъ нищія на улицѣ и тѣ знаютъ: такъ жить нельзя. Хоть того больше перебьютъ, народъ отъ своего не отстанетъ.

— Провожали меня торжественно: вся Балайда. Могу ли забыть и отступить, отъ чего народъ требуетъ. Голову положу. Вагонъ зеленую убрали, паровозъ тоже. Встрѣтили съ хлѣбомъ-солью, говорятъ: «передай Государственной Думѣ». А президіумъ не принимаетъ, говоритъ: такого закону нѣтъ. Богъ съ ними...

— Сплели изъ зелени носилки, посадили на носилки, понесли на вокзалъ.

— Народу тысячи. Полиція тоже тутъ, урядникъ, стражники. Я говорю: «Господа, вы молчите, а я буду говорить». Урядникъ высунулся: «Вы не имѣете права приказывать».

— Мы, говорю, не приказываемъ, мы просимъ васъ, вы наши дѣти и наши братья. А приказываемъ въ Думѣ тѣмъ кожедерамъ, которые выше васъ. А васъ просимъ, ходите подъ закономъ. Можете обыскивать, арестовывать, сажать, ежели вамъ такъ надо, но истязать не для чего.

Заковчили Кирносовъ точно такъ же, какъ и Пьяныхъ.

— Живутъ они здѣсь, за этими каменными стѣнами и желѣзными полками.

Побывали-бы въ селахъ, на мѣстахъ, поглядѣли бы, откуда идетъ бюджетъ. Всѣхъ курей продали, а министръ говоритъ: можетъ, Богъ дастъ урожай. Какой теперь урожай. Тутъ надо мужика десяти лѣтъ отмачивать, такъ его засушили.

— Ыды нѣтъ, земли нѣтъ, хлѣба нѣтъ, скота нѣтъ. У насъ черезъ сорокъ дворовъ одна лошадь. А молочка въ Питерѣ больше ѣдятъ, чѣмъ у насъ. Какъ же тутъ не будетъ революціи?

— Лошади это не лошади, скелеты облѣзлые, ни сѣрая, ни пѣгая. всѣ карія, какія-то въ родѣ чугуныя; выйдутъ весною допахивать, ѣдутъ въ поле бороны везутъ, а потомъ домой ѣдутъ за боченкомъ съ водой. Сразу поднять силы нѣтъ.

— Въ Лысыхъ Горахъ по дорогѣ встрѣтили меня, говорятъ: «Дѣлайте чего-нибудь скорѣй. Чѣмъ такъ жить, то мы готовы лучше умереть. Думайте, вы Дума. Что только можете».

— Что мы можемъ? Ничего не можемъ.

Б а р д и ж ъ.

VIII.

Въ Думѣ строевыхъ казаковъ не такъ много; Бардижъ, Карауловъ, Поляковъ и еще двое или трое. Исчезли станичные атаманы первой Думы, старые, сухіе, колючіе, увѣшанные какими-то странными допотопными медалями и сами похожіе на допотопныхъ ихтиозавровъ. Куркинъ, Васильевъ, Севастьяновъ, тѣ самые, которые выражали такую готовность и даже ура кричали на ораторской

трибунѣ. Никто изъ нихъ не былъ переизбранъ. Васильевъ служить по полиціи, а Севастьяновъ, кажется, тоже. Ихъ мѣсто заняли адвокаты, врачи, учителя, весьма партикулярнаго вида, но казачьяго званія. Изъ штатскихъ переизбраны Араканцевъ, Харламовъ, — другіе были избраны прокуроромъ Камышанскимъ и вмѣсто второй Думы попали подъ судъ. Изъ строевыхъ переизбранъ кубанскій подтесаулъ Кондратій Лукичъ Бардижъ. Онъ кажется мнѣ самымъ характернымъ изъ всѣхъ казачьихъ депутатовъ.

Казачья группа вся состоитъ изъ прогрессистовъ, но лѣвыхъ въ ея составѣ мало. Она держится и голосуетъ вмѣстѣ съ кадетами. Для людей, обязанныхъ постоянной военной службой, довольно и этого. Кромѣ того сказываются своеобразныя поземельныя отношенія. Казакъ мечтаетъ о томъ, чтобы оттягать отъ разныхъ генераловъ и ихъ наслѣдниковъ тѣ пространныя площади, которыя были для нихъ вырѣзаны изъ самаго сердца войсковыхъ земельныхъ запасовъ. Но, въ свою очередь, онъ относится съ недовѣріемъ къ пришлымъ крестьянамъ, мѣщанамъ и другимъ иногороднимъ людямъ, живущимъ на его территории, и категорически заявляетъ: «о землѣ для иногороднихъ даже мечтать нельзя». Настоящее положеніе центра. Иногородніе, однако, продолжаютъ мечтать и въ ожиданіи нарѣзки выбираютъ въ думу самыхъ что ни на есть пунцовыхъ эсдековъ и эсеровъ.

Когда я разговаривалъ съ Бардижемъ, мнѣ все вспомнились буры изъ южной Африки. Такая же упрямая, сильная, замѣнутая въ себѣ народность. Даже разговариваютъ не охотно, все соображаютъ, какъ бы не вышло какого ущерба для моей націи и для меня самого. Буры бѣжали изъ Европы, потомъ отодвинулись отъ англичанъ въ глубину степей. Но въ концѣ концовъ англичане нашли ихъ и тамъ. Украинскіе казаки ушли отъ польскаго государства на устья Днѣпра, потомъ отъ русскаго государства на рѣку Кубань. Но русское государство настигло ихъ и на Кубани, разбило ихъ на сотни и полки и прикрѣпило къ мѣсту. И въ концѣ концовъ отъ стараго бурскаго духа не много осталось. Буры носятъ свои патроны въ видѣ свободной перевязи, а у казака они пришиты на груди. Буры три года отбивались отъ всей англійской силы, а теперь у нихъ опять собственный парламентъ и отвѣтственное министерство. У казаковъ нѣтъ даже права распоряжаться собственными войсковыми капиталами, которые хранятся неизвѣстно гдѣ и Богъ знаетъ, существуютъ или нѣтъ. Изъ-за каждой ассигновки въ триста рублей нужно запрашивать главное управленіе казачьихъ войскъ, а оно даже не отвѣчаетъ. Не то переписка начнется, лѣтъ на пять.

Вмѣсто буровъ, военно-обязанные поселяне, безъ права отлучки, закрѣпощенные почти до смерти и употребляемые для усмиреній. Формула чисто російскаго вида и содержанія. За то «Новое Время»

считаетъ буровъ угнетенной колоніей, а русскихъ казаковъ причисляетъ къ метрополіи.

Кое-что отъ упорнаго бурскаго духа все же осталось. Помню, лѣтъ двадцать тому назадъ, когда я учился въ классической гимназій на казачьей территоріи въ Донской области, товарищъ мой изъ старо-казачьей семьи, упорно утверждалъ: — Я русскій только по языку, а по племени особый, казакъ.

— Я обучался въ екатеринодарской гимназій, — рассказывалъ Бардижъ, — дошелъ до седьмого класса. Заставили меня подать прошеніе объ увольненіи передъ самымъ закрытіемъ гимназій въ 1888 году. Послѣ того состоялъ на дѣйствительной службѣ 15 лѣтъ, служилъ на персидской границѣ, потомъ былъ атаманомъ станичнымъ, въ родной станицѣ Брюховецкой. Въ станицѣ всетаки живое дѣло. Теперь уже бесполезныя мечты. При настоящемъ режимѣ больше служить не дадутъ. Я даже переизбираться не думалъ, но считалъ долгомъ участвовать, чтобы не пропустить реакціонныхъ. У насъ, у казаковъ, выборы какъ происходили? Настоящихъ партій нѣтъ, а есть два теченія, реакціонное и прогрессивное. За первое, какъ водится, тянетъ начальство, но даже сѣрому казаку второе ближе. Выбираютъ по личному довѣрію. Соберемся, станемъ намѣчать кандидатовъ. Кто понимаетъ, начнетъ выяснять: теперь такое время, надо такія реформы, вотъ это, и вотъ это. — «Ну, хай ихъ благородіе идутъ въ Думу, бо вони, бачъ, понимаютъ сее дило»... Теперь все же стало больше сознательныхъ. Прежде сойдутся вмѣстѣ, станутъ прикидывать, что для казаковъ надо сдѣлать. сейчасъ зачешутъ въ затылкъ: то не наше дѣло, начальство лучше знаетъ. А теперь давленіе было на выборы, даже пробовали пугать, но не вышло ничего. Потому казакъ тоже бываетъ себѣ на умѣ, слушаетъ, соглашается: «Такъ точно, ваше высокородіе!» А потомъ возьметъ и по своему сдѣлаетъ, совѣмъ наоборотъ.

— Меня съ самаго начала намѣтили, какъ будто обрекли. А на областномъ собраніи я сказалъ одну рѣчь, развилъ программу. Теперь это наша общая казачья программа.

— Первый пунктъ. Принудительное отчужденіе отпавшей отъ насъ земли. Вы знаете: въ этихъ областяхъ осли вѣрные казаки, получили льготы и земли, какъ бы договоръ былъ между властью и войскомъ; но послѣ того масса земель были розданы изъ нашего запаса чужимъ генераламъ и перешли продажю, Богъ знаетъ, въ чьи руки.

— Пунктъ второй. Облегченіе нашего живого налога, воинской повинности. Насъ тянутъ на службу, когда угодно и какъ угодно. Надо привести это въ человѣческія нормы. Напримѣръ, первое: въ приговорительномъ разрядѣ за два года до начала службы казакъ обязанъ имѣть готовое снаряженіе, ходить на ученіе. Это несправедливо.

— Служба первоочередная и есть настоящее ученіе. Этого до-

статочно. За что же казаку служить шесть лѣтъ, когда всѣ другіе служатъ четыре, а теперь даже три года?

— Второе. Непроизводительнo и безъ пользы послѣ четырехъ лѣтъ полевой службы казаку еще четыре года приходится держать строевого коня. Если казнѣ надо запасныхъ лошадей, она можетъ найти другія средства.

— Третье. Если я отслужилъ свою полевую очередь, числите меня готовымъ на защиту родины, какъ и другихъ воиновъ, но не требуйте вѣчнаго военнаго положенія, безотлучнаго права, какъ было у крѣпостныхъ рабовъ.

— Четвертое. Казачій нарядъ, а по общему сказать наборъ, дѣлается отъ главнаго штаба, безъ всякаго соображенія съ мѣстнымъ состояніемъ. Одиннадцать полковъ, пять батарей, пластунскій батальонъ. Нынѣ даже увѣчныхъ стали брать, льготъ никакихъ нѣтъ въ предѣлахъ штатовъ.

— Все это никому не нужно, безъ пользы для казны и для государства, но съ громаднымъ вредомъ и убыткомъ для казачества.

— Пунктъ слѣдующій и самый важный. Широкое самоуправленіе. Въ старое время мы сами управляли своими дѣлами. А теперь казачье самоуправленіе пустая фикція. Все хозяйство наше зависитъ отъ начальниковъ; атаманы отдѣловъ управляютъ по своему произволу. Главнаго начальника назначаютъ намъ непременно со стороны, чужого. Есть законъ, что свои казаки не могутъ быть наказными атаманами, а назначаются изъ другихъ войскъ.

— Въ донское войско изъ кубанскаго, а въ кубанское изъ уральскаго, и такъ далѣе.

— И всѣ начальники говорятъ одно: «подай, что положено для государства. А если чего не хватаетъ, намъ дѣла нѣтъ».

— Мы хотимъ взять въ собственныя руки хотя бы хозяйство наше, помимо политики. Край нашъ богатѣйшій, все есть, все подъ руками, теплый климатъ, земля плодородная, море, лѣса, минеральныя богатства. Чего только нельзя сдѣлать. Теперь у насъ полная мерзость запустѣнія, экономическая анархія. Земства нѣтъ, даже самаго кудаго, больницъ нѣтъ, врачей нѣтъ, даже мостовъ нѣтъ. Три года войско хлопотало за медицинскій персоналъ, ничѣмъ не кончилось. Имѣемъ по одному врачу на округъ. А въ отдѣлѣ 33 станицы, въ каждой станицѣ тысячи три жителей. У врача времени не хватаетъ для однихъ судебныхъ вскрытій. Правительствомъ завело участковыхъ ветеринаровъ, но о людяхъ не позаботилось. На всю область три больницы. Сумасшедшіе бродятъ безъ призора и помѣстить ихъ некуда. Приходится сажать ихъ въ тюрьму, чтобы они не повредили чегонибудь. Не то родные посадятъ ихъ на цѣпь. Мнѣ лично пришлось одного сумасшедшаго продержать въ кутузкѣ шесть или семь мѣсяцевъ, чтобы онъ не причинилъ никому вреда.

— Спасибо, инородный былъ, полтавскій, выслали его на ро-

дину подъ конвоемъ. А казака сумасшедшаго никуда не выплешь.

— Школу станичное общество, если захочетъ, такъ поставитъ, а войску и дѣла нѣтъ. Оно на помощь не приходитъ. Мостъ ежели въ нашей станицѣ, то мы сами наместимъ, а ежели въ концѣ юрта, для общей пользы, то намъ заботы нѣтъ, и не выйдетъ никакъ. Есть, напр., Дядьковская станица, а передъ станицей рѣчка. Приходится ѣздить шести станицамъ, а моста нѣтъ и построить нельзя. Дядьковскимъ не нужно, они по ту сторону живутъ, а больше некому. Всего нужно 300 рублей, по 50 рублей со станицы, но невозможно! собрать и сдѣлать. А то еще есть Ахтари, мѣсто торговое, по дорогѣ три юрта, а дороги нѣтъ. Сегодня ѣздить, а завтра хозяева взяли да запахали. Поѣзжай обходомъ верстъ на десять. Это еще Черноморье, поблагоустроеннѣе. А въ горномъ Закубаньи на одной рѣчкѣ семь мостовъ, а ѣздить вбродъ, не то семь мѣсяцевъ сидятъ безъ сообщенія.

— Гимназія была казачья, одна единственная; взяли, закрыли въ памятномъ 1888 году. Тоже исторія примѣчательная. Былъ Андреюшкинъ, участникъ первомартовскаго дѣла 1887 года. Онъ воспитывался въ кубанской казачьей гимназіи и былъ повѣшенъ. Когда въ 1888 году проѣзжалъ государь, Александръ III, администрація додумалась: въ знакъ милостивой памяти закроемъ гимназію, во истребленіе Андреюшкинскаго духа. Взяли и закрыли. Учениковъ разсортировали, кого куда. Теперь остались гимназіи по большимъ городамъ, но въ нихъ учится очень мало казаковъ; другіе остаются не учеными.

— Такіе примѣры можно было бы приводить безъ конца.

— Самоуправленіе мы хотимъ равное для всѣхъ казаковъ, но изъ инородныхъ мыслимо считаться только съ тѣми, которые живутъ осѣдло, имѣютъ свою землю. Безъ земли человѣка нѣтъ. У насъ ихъ стало слишкомъ много, столько же сколько и казаковъ. Обуза они для насъ. Все, что выброшено изъ Россіи, идетъ къ намъ. На дешевый хлѣбъ, на легкую жизнь, искать примѣненія своимъ некрасивымъ наклонностямъ. Ибо стали на землю зариться. Не удастся-ли, можетъ, отобрать землю отъ казаковъ. Мы занимали свои земли не для разныхъ пришельцевъ, но для самихъ себя.

— Черкесы еще есть въ нашей области, несчастные люди. Земли у нихъ отобраны, сами отодвинуты въ безплодные горы. Даже депутата отъ нихъ нѣтъ въ Думѣ. О нихъ скажу съ осторожностью. Все же они аборигены. Жалобы, какія есть у нихъ, слѣдовало бы рассмотреть и что возможно, удовлетворить.

— Таковы наши казачьи нужды. Все равно считаться придется, хочешь или не хочешь. Земля уменьшается, населеніе растетъ, жизнь стала дороже и сложнѣе. Лошадь, которая прежде стояла восемьдесятъ рублей, теперь обходится въ полтораста. Раньше ни о чемъ не думали. Жили скотомъ. А со скотомъ и баба можетъ

справиться. Найметъ батрака одного, чтобы напоить да загнать. Теперь перешли на пашню. Надо хозяина дома, одна баба не справится. Дальше по прежнему жить нельзя. Я боюсь, что съ нами п церемониться не стануть. Скажутъ: «отстаньте отъ насъ совсѣмъ съ казачествомъ вашимъ» и поступать, какъ поступили съ малорусскими казаками. Ежели переходить на общее положеніе, это возможно, и обиды нѣтъ, но только чтобы наша земля осталась за нами. За это берите отъ насъ кавалерію, сколько возможно безъ ущерба для хозяйства. Все же у насъ природный военный элементъ.

— Освободительное движеніе у насъ въ области растетъ даже среди казаковъ—разсказывалъ Бардижъ,—несмотря на косность и некультурность. Но подъ влияніемъ стѣсненій принимаетъ крайнія формы, то влѣво шарахнется, то опять вправо. Напримѣръ, исторія съ Урупскимъ полкомъ. Она связана съ казацкимъ малоземельемъ и закубанскими станицами. За Кубанью къ горамъ станицы до того дошли, что у нихъ по $\frac{1}{4}$ десятины пахатной земли, а справа общая казачья. Оттого у нихъ закипать стало. «Дайте земли, не то убавьте тяжелой службы».

— Подошелъ моментъ стихійный. Полкъ закубанскій, частью изъ богатыхъ станицъ, частью изъ бѣдныхъ. Но когда покинули Екатеринодаръ, ушли въ закубанскія станицы, а для усмиренія были призваны полки изъ Черноморья, которые больше обезпечены. Усмирили, 37 человекъ подъ судъ отдали, законопатили. Но изъ-за этой исторіи вышло вродѣ земельного передѣла, даже выросла пресловутая рада, какъ фиговое древо на ладони. Начальство стало размышлять: время ненадежное, казаки нужны. Чѣмъ заткнуть дыру, чтобы меньше роптали и чтобы у своихъ не трогать? Станичные земельные запасы еще остались у черноморья и у нѣкоторыхъ другихъ. Отдадимъ это. Сперва хотѣли просто сдѣлать административное постановленіе, потомъ прислушались: говорятъ о самоуправленіи, называютъ слово: рада, — пришли къ заключенію: пусть соберутся всѣ вмѣстѣ, сами съ себя сдерутъ шкуру и подѣлятъ по-братски. Въ чемъ и успѣли.

— Ибо надо сказать прямо. Если начальникъ скажетъ ласковое слово, казакъ готовъ послѣднюю сорочку снять. Потомъ будетъ чесать голову, да вспоминать. При томъ наши люди такъ разсудили: все равно возьмутъ, нельзя удержать. Лучше сами отдадимъ. А теперь стали сердиться. Какъ же это наши станичныя земли отобрали и передѣлили, а иетербургскихъ генераловъ пальцемъ не тронули. И нѣтъ никакой рады, только по губамъ помазали.

— Полкъ Урупскій, конечно, остался на службѣ. Переименовали его. Первый линейный Вельяминовъ полкъ. И такъ ихъ уговорили, что вы, молъ, надѣлали глупостей. Теперь желаютъ загладить, и въ усмиреніяхъ участвовали, но тоже ненадежно.

— На казаковъ много нареканій, — продолжалъ Бардижъ, — но

надо войти и въ ихъ положеніе. По вольному найму идти на охрану для усмиренія почти всѣ отказались, особенно черноморскіе, которые лучше живутъ. Изъ линіи пошли побольше, но все же очень мало, а больше изъ горскихъ племенъ, изъ Терской области. Но если посылають по наряду, то какъ имъ не идти?

— Ужасная, развращающая служба, люди привыкають къ грабежу, къ произволу, къ безсуднымъ убійствамъ. Многіе ропшутъ, пока во вкусъ не войдутъ. Тутъ уклониться некуда, средняго пути нѣтъ. У войска психологія особая, у казаковъ, какъ и у русскихъ. Если выйти изъ повиновенія, то нельзя остановиться, надо идти на крайность, подъ разстрѣлъ. Кто же на это пойдетъ? Но коль скоро они поддались начальству и вышли изъ казармы, то нельзя увлекаться увѣреніемъ, что не будутъ стрѣлять. Они уже враги, лицомъ къ лицу съ толпой. Толпа не станетъ разбирать, нападаетъ, оскорбляетъ. Взаимныя обиды, мстительность. Ты меня ударилъ, а я тебя. Нервы напрягаются. Никто не спрашиваетъ, ѣли вы, устали вы, давно вы на коняхъ? Помимо прямого желанія, выходитъ кровопролитіе. Напримѣръ, 18-го октября во время манифестаціи въ Екатеринодарѣ были двѣ разныя толпы, красная и черная. Выслали взводъ казаковъ, чтобы не допускать ихъ одну къ другой. Приказа стрѣлять не было. Я знаю вѣрно. Но толпа обозлилась, стали ругаться, кидать камнями, одного—двухъ казаковъ сбили съ сѣдла, поранили лошадей. Кончилось тѣмъ, что урядникъ соскочилъ на землю и перваго человѣка, который съ revolverомъ напиралъ всѣхъ ближе, убилъ наповаль.

— Другіе тоже стрѣляли и убили. Хотя сколько мы знаемъ, въ началѣ никакого настроенія не было противъ толпы. Потомъ благоразумные люди упросили офицеровъ увести казаковъ. Казаки не виновны. Виновенъ тотъ, кто посылалъ ихъ.

— А что вы ѣздили домой на праздникъ?—перешелъ я къ послѣднему пункту.

— Какъ-же ѣздили, собиралъ въ своей станицѣ митингъ на открытомъ воздухѣ.

— Собралось человѣкъ съ тысячу или побольше. Рассказалъ имъ о Думѣ. Относятся довѣрчиво и твердо, хорошо.

— Были заявленія: понимаютъ, что Думѣ трудно сдѣлать доброе, ждать будутъ. Но если будетъ разгонъ, то будетъ мало терпѣнія. Говорили: станемъ принимать свои мѣры. Бродятъ мысли у всѣхъ народовъ, у казаковъ, у мужиковъ. Если этотъ клапанъ заткнуть, выстоитъ нѣсколько лѣтъ, а потомъ что будетъ, свѣтопредставленіе.

IX.

Федоровъ и Лопаткинъ.

Рабочіе въ Думѣ за немногими исключеніями всѣ эс-деки. Ярче другихъ тѣ, которые пришли изъ большихъ городовъ и крупныхъ рабочихъ центровъ.—Есть между ними большевики и меньшевики. У большевиковъ больше темперамента. Они ничего не забыли и ничего не отложили и желаютъ близкаго реванша и новаго выступленія. Меньшевики вдумчивѣе и шире. Они говорятъ о профессиональныхъ союзахъ, рабочихъ сѣздахъ, широкой экономической борьбѣ. Меня, впрочемъ, больше интересуютъ рабочіе изъ уѣздовъ, изъ тѣхъ глухихъ угловъ, гдѣ фабрика и деревня сходятся вмѣстѣ. Тамъ можно жить въ собственной избѣ, ѣсть не купленную картошку и ходить изъ деревни пѣшкомъ на фабричную работу. Тамъ бабы-прядильщицы втыкаютъ свои веретена въ деревенское небо, какъ въ старой сказкѣ. Еще недавно въ этихъ мѣстахъ царила густая черносотенная тѣма. Зарайскій депутатъ Федоровъ рассказывалъ мнѣ:—Когда Риманъ былъ въ Голутвинѣ, наши-же грозили меня выдать. «Вы, умники, завели, положили тысячи, хотите и насъ завести, чтобы насъ тоже перебили». Зарайскъ отъ Голутвина 35 верстъ. Я струсилъ порядкомъ. Потомъ подумалъ, что изъ за меня одного Риманъ не станетъ прѣзжать...

— Теперь ужъ такъ не скажутъ,—прибавилъ Федоровъ,—стали сознательные, поняли, что честию ничего не возьмешь. Годъ—два пройдетъ, дастъ Богъ, наши ребята будутъ не хуже другихъ...

Я думаю, что онъ правъ. Въ январѣ 1905 года, послѣ перваго русскаго разстрѣла, точно такія же рѣчи раздавались и у насъ въ Петербургѣ. Съ тѣхъ поръ прошло два года и въ минувшемъ январѣ 1907 года, несмотря на всѣ репрессіи и разочарованія среди безработной анархіи, подъ дланью «сильной власти», рабочіе выбрали уполномоченными половину эс-эровъ и половину большевиковъ. Трудно рѣшить, какая половина больше поправилась нашему конституціонному кабинету. Въ февралѣ эс-эрскіе рабочіе выборщики были «разъяснены» во усиленіе эс-дековъ. Теперь, быть можетъ, Столыпинъ предпочелъ бы вмѣсто Алексинскаго чтонибудь помягче. Я предпочитаю рабочихъ изъ захолустья, потому что они интереснѣе, проще и ближе къ жизни. Они социаль-демократы на свой собственный образецъ съ поправками и поясненіями.

— Я социаль-демократъ,—заявилъ Федоровъ,—но аграрную программу принять отъ крестьянскаго союза, а съ социаль-демократами не согласенъ вотировать.

Съ такою поправкой, пожалуй, и я, пишущій эти строки,—тоже

соціаль-демократъ, ибо аграрную программу принялъ отъ крестьянскаго союза, а съ соціаль-демократами не согласенъ вотировать...

Эти захолустные рабочіе—почти всегда меньшевики, но, такъ сказать, въ видѣ подготовительной формы.

Вольскій депутатъ Лопаткинъ признался мнѣ:—По моему большевики лучше. Въ Саратовѣ, въ городѣ, настроеніе большое, боевое. Рабочіе большевики—хорошіе ребята. Послѣ 18 октября, когда черносотенцы стали погромъ учинять, какъ они стали валять ихъ, стали брыкаться. Я бы тоже согласенъ быть большевикомъ, но по настроенію заднихъ массъ,—надо ихъ перво подвинуть къ сознанію,—съ этимъ соображаюсь...

Если жизнь дастъ время этимъ меньшевикамъ, они еще станутъ большевиками, а потомъ, пожалуй, опять меньшевиками новой формации. Но, быть можетъ, къ тому времени будетъ большая социалистическая партія и кое-какія перегородки изотрутся и исчезнутъ.

Я хочу описать именно двухъ вышеупомянутыхъ рабочихъ депутатовъ, Алексѣя Григорьевича Федорова, Рязанской губерніи, Зарайскаго уѣзда, и Ивана Андреевича Лопаткина, Саратовской губерніи, Вольскаго уѣзда. Оба попали въ Думу изъ глухого захолустья, оба живутъ въ деревнѣ, а работать ходятъ на фабрику пѣшкомъ версты за пять; оба, наконецъ, молодые, даже безбородые.

Федорову едва исполнилось 25 лѣтъ. Въ прошломъ году его тоже намѣчали въ выборщики, да возрастъ не выпелъ. Въ Думѣ человѣка три - четыре такихъ молодыхъ депутатовъ, кое-какъ натянувшихъ недостающіе мѣсяцы. Всѣ они—рабочіе или крестьяне. Это депутаты народной молодежи, которая по закону не имѣетъ права голоса, но на дѣлѣ проводить свое вліяніе даже среди стариковъ.

У Федорова, какъ водится, есть жена, двое дѣтей. Онъ токарь по металлу, получаетъ 35 рублей въ мѣсяцъ. Лопаткину 27 лѣтъ отъ роду, дѣтей у него трое, а жалованья онъ получаетъ 25 рублей. Впрочемъ, другіе рабочіе на томъ же заводѣ получаютъ 16 и 14 рублей въ мѣсяцъ.

Впрочемъ, характеръ у нихъ не совсѣмъ сходный. Федоровъ все молчитъ, но рѣчи слушаетъ внимательно и рѣдко уходитъ изъ залы засѣданій въ кулуаръ. Онъ, очевидно, учится. Лопаткинъ выступалъ на думской трибунѣ, а въ кулуарномъ залѣ часто не прочь сцѣпиться съ черносотенцами. Напримѣръ такая сценка.

У средней колонны справа сражаются двое, одинъ рыжій, маленький, плохо одѣтый, должно быть, бѣдный. У него коричневая шея черное пятно подъ кадыкомъ, тонкія злыя губы и безнадежно тупое, кирпичнаго цвѣта лицо. Другой высокій, нескладный, съ сѣрымъ лицомъ и огромными черными руками, въ родѣ небольшихъ заступовъ.

Оба они пришли одинъ справа, другой слѣва, встрѣтились и

заспорили, да такъ и остались стоять. Одинъ указываетъ рулемъ на Крушевана, другой на социаль-демократическую фракцію.

Правый наступаетъ:—Нѣтъ, ты скажи, по твоему въ четверти двѣнадцать пудовъ? Да такъ во вѣки не бываетъ. Четверть—восемь пудовъ, ну много—десять. Ты притворяешься. Ты, вѣрно, не мужикъ.

— О о?—говоритъ лѣвый, съ удивленіемъ,—кто же я такой?

— Ты переодѣтый, — заявляетъ безапелляціонно правый. Онъ слышалъ отъ своихъ лидеровъ, что лѣвые всѣ переодѣтые и прилагаетъ свои познанія къ конкретному примѣру.

— Купилъ одежду, да переодѣлся, — простодушно возражаетъ лѣвый,—а ты на руки посмотри!—И онъ потрясаетъ узловатыми кистями въ видѣ нагляднаго доказательства.

— Что руки,—возражаетъ презрительно правый,—они могутъ быть у всякаго.

Я хотѣлъ бы узнать, что движетъ имъ, почему онъ сидитъ на крайнемъ правомъ флангѣ. Я пробовалъ заговаривать съ нимъ, но добился немногаго. Онъ сказалъ мнѣ только одну понятную фразу: «Чѣмъ надѣяться земли отъ тѣхъ голодранцевъ, забастовщиковъ, и поляковъ, и жидовъ, я лучше положу мою надежду на его императорское величество».

Вездѣ и всюду земля, у лѣвыхъ, у правыхъ, у среднихъ.

Что думаютъ теперь правые крестьяне изъ бѣдныхъ о своей надеждѣ, послѣ аграрной деклараціи Столыпина?

— Четверть изъ восьми четвериковъ,—твердитъ правый.

— Чѣмъ я виноватъ,—возражаетъ лѣвый по прежнему простодушно,—когда у насъ четверть полуторная 80 гарпцевъ, а не 64.

— Нѣтъ врешь, обманываешь,—настаиваетъ правый,—четверть, аршинъ, десятина, по всей землѣ одинаковы.

— У насъ десятина семисотенная,—возражаетъ лѣвый.

Споръ разгорается. На подмогу подходятъ другіе. Кругомъ собирается толпа, бѣжавшая изъ зала засѣданій, ибо тамъ скучно. Тамъ пародируютъ обычные лицедѣи. Крушенскій взбѣгаетъ на трибуну, говорить на ходу и соскакиваетъ внизъ. Какъ будто черное затмѣніе прошло по лунной лысинѣ Головина справа налево. Родичевъ оретъ благимъ матомъ, а лѣвые поощряютъ его: «громче!» Струве, великій инквизиторъ думской скуки, струитъ свою длинную рѣчь, какъ петербургскій дождикъ. Графъ Бобъ, толстый и мужественный, напѣваетъ патріотическимъ фальцетомъ:

Послѣ драки молодецкой заслужили мы царя,
За побѣду надъ врагами Богъ даетъ царя.

Публика собѣжала оттуда сюда на кулуарный споръ.

Справа подходитъ Петроченко, у него лицо отставнаго жандарма, крѣпкій лобъ, голова круглая, темная, точеная. На темномъ фонѣ мѣстами выступаютъ широкія пятна, голыя и розовыя, какъ будто кислотой выѣденныя. Однако, почему это всѣ черно-

сотенные крестьяне въ пятнахъ, какъ испорченныя лболои? Или не испорченныхъ не осталось, а все бракъ да оборуши...

Слѣва подходитъ Семеновъ, подольскій трудовикъ, съ лукавымъ лицомъ и языкомъ, острымъ, какъ бритва. Онъ сразу переводить разговоръ на социальную почву.

— Тебя кто выбиралъ, — спрашиваетъ онъ въ упоръ праваго спорщика, — гарницы да корцы, или живые люди?

— Конечно, люди, какъ и тебя.

— А какіе люди, бѣдные или богатые?

Правый слегка запинаяется: — Всякіе, молъ; для насъ всѣ ровные.

— То то ровные. Ты думаешь, будешь вѣкъ ходить съ Володькой Пуришкевичемъ? Побъжай-ка на мѣсто. Я тебѣ скажу: получишь не доброе слово, а въ ухо камня.

— Тыфу, мара! — правый отступаетъ назадъ.

— Иди, иди, — напутствуетъ его Семеновъ, — какой ты крестьянинъ, развѣ ты отъ Креста пошелъ, ты отъ Перуна пошелъ, отъ дьявола.

Лопаткинъ тоже тутъ, онъ наслаждается диспутомъ.

— Ахъ ты, братецъ ты мой, — вставляетъ онъ соболевующимъ тономъ, — видно, еще мало тебя по шеѣ учили.

Правый вспыхиваетъ и возвращается обратно.

— Кто по шеѣ, не ты ли, — руки коротки!..

— Не я, но правительство, — терпѣливо поясняетъ Лопаткинъ.

— Можетъ, другихъ хулигановъ надо учить; насъ правительство не трогаетъ, — огрызается правый.

— Хулиганы изъ черной сотни, — возражаетъ одинъ изъ слушателей.

— А можетъ, изъ красной?..

— Самъ ты красный, — возражаетъ Лопаткинъ при общемъ смѣхѣ.

У праваго красное лицо и волосы съ рыжимъ отливомъ.

Перепадка не слишкомъ содержательная, но она помогаетъ коротать думское время.

Правые отошли слишкомъ далеко, чтобы съ ними можно было спорить по существу.

— Я въ Москвѣ работалъ у хозяина, — передаетъ Федоровъ, — восемнадцати лѣтъ ушелъ изъ ученья, съ полтинникомъ въ карманѣ, два мѣсяца былъ безъ работы, ночевалъ въ саду, у Иверской иконы, или у Пантелеймонской, по два дня не ѣвши ходилъ.

— У насъ цементный заводъ, — сообщаетъ Лопаткинъ, — страшное беззаконіе творится. Въ воскресный день у насъ двѣ смѣны, ночная и дневная, работа 12 часовъ, 1 часъ на обѣдъ; обѣ смѣны работаютъ подрядъ 18 часовъ, переходятъ изъ ночныхъ въ дневные и обратно.

— Клинкеръ, немолотый цементъ, обжигаютъ въ печахъ. Между печами 60° тепла. Испечься можно, а люди работаютъ. Четверо рабочихъ выпиваютъ ведро воды, не хуже лошадей. Работа непосильная, женщина насыпаетъ въ день 700 пудовъ, мужчина вывозитъ на тачкѣ 900 пудовъ и цѣлую тысячу, тоже, какъ лошади.

— Я обучался въ сельской школѣ, — сообщаетъ Федоровъ, — съ 11 лѣтъ много читалъ безъ разбора. Бебеля, Каутскаго и божественныя книги. Потомъ въ Москвѣ былъ въ организаціи Озерова. Ея затѣяли, чтобы отвлечь рабочихъ отъ нормальнаго пути, не находились такіе люди, которые выясняли. Въ то время я сталъ сознательнымъ.

— Я окончилъ сельскую школу, — вторитъ ему Лопаткинъ, — все читалъ, что попадалось: Ивана Златоуста и Василя Великаго, брошюры и газеты, понемногу сталъ разбираться послѣ манифеста 17 октября.

— Я живу въ селеніи Козловкѣ, — сообщаетъ Федоровъ, — въ шести верстахъ отъ города и фабрики. Тамъ мой отецъ, дѣдъ, бабушка. Своя изба, огородъ. Въ семьѣ 12 душъ, а пахотной земли 2¹/₄ десятины.

— Я живу въ селѣ Терсѣ, — рассказываетъ Лопаткинъ, — четыре версты отъ города Вольска. У меня тамъ отецъ, два брата, папуть, сѣютъ, а хуже нашего живутъ, еще я имъ помогалъ изъ своихъ 25 рублей.

— У насъ губернія смирная, — рассказываетъ Федоровъ, — стражники пьяные, ѣдутъ на разгонъ митинга, изъ сѣделъ падаютъ, но столкновений не много. Были аресты. Посадятъ и выпустятъ.

— У насъ уездъ глухой, — объясняетъ Лопаткинъ, — населеніе забитое, шапки скидаютъ уряднику, земскому начальнику, всякому, кто крикнетъ. Теперь стало подниматься сердце у простого народа, чувствуютъ себя лучше.

— Теперь сознание растетъ, — подтверждаетъ Федоровъ. — У насъ есть туфельная фабрика Редерсъ. Работаютъ 700 человекъ. Во время большой забастовки шестеро рабочихъ пошли по купцамъ собирать деньги, набрали 97 рублей, пропили. Потомъ другіе рабочие узнали, потребовали ихъ увольненія: не марай званія.

— Въ іюнѣ прошлаго года на фабрикѣ прошла забастовка. Человекъ пять уволили, они устроили артель, идетъ у нихъ, берутъ заказы.

— У насъ черносотенцевъ всего 60 человекъ, — рассказываетъ Федоровъ, — и то изъ служащихъ въ полицейскомъ управленіи и изъ приказчиковъ нѣкоторыхъ заставили записаться угрозами.

— Когда пріѣхалъ ихній организаторъ, собралъ митингъ, рабочие пришли, стали возражать. Онъ сбился, отказался, попросилъ постороннихъ выйти. Всѣ вышли вонъ съ гнѣвомъ марсельезы.

— У насъ черносотенный союзъ — одинъ пустякъ, — подтвердилъ и Лопаткинъ, — на городскихъ выборахъ не собрали 150 голосовъ,

а прогрессивныхъ—полторы тысячи. Какъ ни принуждаетъ полиція, крестьяне ихнюю литературу деруть и даже бьютъ развозчиковъ.

— У насъ избирательной борьбы почти никакой не разрѣшили,—жаловался Федоровъ.—Только, когда избрали меня, побѣдилъ, въ трехъ деревняхъ былъ, поговорилъ съ народомъ.

— Я былъ дома на праздникахъ,—какъ будто продолжилъ Лопаткинъ рассказъ Федорова,—намъ почти не разрѣшили никакихъ собраній. На своемъ заводѣ одинъ митингъ я устроилъ, отвлекли полицію въ другое мѣсто; свое родное село Терсу посѣтилъ украдкой, съ народомъ разговаривалъ. А въ городѣ пришлось такъ сдѣлать: на бульварѣ усѣлись граждане на двухъ скамьяхъ, сколько влѣзло; я же сидѣлъ между скамьями и рассказывалъ въ обѣ стороны. А полиція стояла сбоку, прислушивалась, однихъ отгоняла, другихъ понемногу окружала, но никого не забрала.

— У насъ населеніе глѣбѣтъ,—сообщалъ Федоровъ.—Насчетъ земли требуютъ сильно, на Думу пока возлагаютъ надежды, и ждать будутъ, но не очень долго.

— У насъ такое впечатлѣніе,—рассказывалъ Лопаткинъ,—что если кто бы сказалъ: «пора начинать!» и сдѣлалось бы начало, то большинство пристало бы и вышло бы крупное движеніе. Но то бѣда, что начать некому. Всѣ боятся и другъ на дружку перекалываютъ.—«Вы начните, города!»—«Нѣтъ лучше вы будьте застрѣльщиками, села!»— Но никто не смѣетъ начать.

— Многіе крестьяне организованы и ждутъ случая. Кто знаетъ, что будетъ дальше.

Дѣйствительно, перспектива запутанная и бурная. Что будетъ дальше? Хорошо успокоеніе.

Танъ.

Къ борьбѣ съ печатью.

Болѣе четверти вѣка назадъ, когда только что было «управднено» «третье отдѣленіе канцеляріи Его Величества», выскочила изъ какихъ-то таинственныхъ глубинъ своеобразная и чрезвычайно характерная для тогдашней «лорисъ-меликовской эпохи» мысль: не признать ли толки о свободѣ печати явно безсмысленными, ибо въ Россіи, слава Богу, существуетъ жандармское вѣдомство? Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ нужна печать и тѣмъ паче свободная печать? Чтобы разоблачать злоупотребленія правительственныхъ лицъ и мѣстъ? Но вѣдь для этого именно и существуютъ жандармы. Чтобы защищать «несчастныхъ и обиженныхъ»?

Но кому же неизвѣстно, какую «инструкцію» далъ Николай I первому шефу жандармовъ? Припомните ходячій анекдотъ объ императорскомъ платкѣ, врученіе коего сопровождалось всемило-стивѣйшими словами гр. Бенкендорфу: «Не упускай случая ути-рать слезы несчастнымъ и обиженнымъ—вотъ тебѣ инструкція». Или, быть можетъ, печать нужна, чтобы сообщать населенію о дѣйствіяхъ правительства и о разныхъ другихъ событіяхъ и про-исшествіяхъ? Спора нѣтъ—это нужно и важно. Необходимость этого доказалъ еще Посошковъ. Но почему же сіе важное госу-дарственное дѣло не можетъ быть выполнено жандармскимъ вѣ-домствомъ? Вѣдь стоитъ лишь открыть въ распоряженіе жандарм-скихъ чиновъ соотвѣтствующій кредитъ... И, дѣйствительно, если перешагнуть отъ предположеній, бывшихъ четверть вѣка назадъ, къ фактамъ болѣе близкаго намъ времени, то легко понять, что все затрудненіе именно въ «кредитѣ».

Откройте лишь «кредитъ», и любое вѣдомство состряпаетъ «Сельскій Вѣстникъ» для крестьянъ, «Досугъ и Дѣло» и «Русское Знамя» для солдатъ, «Русское Государство» и «Россію» для ин-теллигенціи, «Почаевскія Извѣстія» для Волынской губерніи, «Пол-тавскій Вѣстникъ» для Полтавской, «Черниговскій» для Чернигов-ской etc., etc. Жандармы сумѣютъ потрафить и на общеимперскую мѣрку, и на мѣстную, и на мужицкій вкусъ, и на дворянскій, и на солдатскій. А разъ такъ, то надлежитъ ли предоставлять «пе-чатное дѣло» частной предпріимчивости? Не благоразумнѣе ли сосредоточить его въ рукахъ государства? И кому же завѣдывать «огосударственной» печатью, если не жандармамъ? Вѣдь жандармъ особо облеченъ довѣріемъ «очи и уши» предрежащей власти...

Много воды утекло со времени лорисъ-меликовской «весны». Не слышно болѣе хвалебныхъ кликовъ по случаю упраздненія «третьяго отдѣленія». Нынѣ даже неловко объяснять, что никакого упраздненія въ сущности не произошло, что третье отдѣленіе, какъ дѣйствовало, такъ и поднесъ дѣйствуетъ, что «реформа» заключа-лась лишь въ замѣнѣ старой вывѣски, черезчуръ ужъ откровен-ной для такого, далеко не всѣми одобряемаго, рода службы, вы-вѣскою новой, болѣе осторожной. Нынѣ даже средняго калибра обыватель лишь разсмѣется надъ тѣмъ индѣ лукавымъ, индѣ просто наивнымъ восторгомъ, съ какимъ 27 лѣтъ назадъ привѣт-ствовалась перемѣна вывѣски надъ центральнымъ управленіемъ сыскною и провокаторскою частью. Разсмѣшать нынѣ даже сред-няго обывателя и попытки воспользоваться этою перемѣною съ цѣлью обновить николаевскую легенду о жандармахъ, какъ о друзьяхъ человѣчества. Самая мысль о возложеніи обязанностей печати на жандармское вѣдомство кажется дикой, каррикатурной,—не то отрывокъ изъ «Похвалы глушости», не то одна изъ блестя-щихъ пародій Щедрина. Однако, въ доброе старое время съ этою пародіей, съ этой каррикатурой приходилось считаться въ серьезъ.

И, между прочимъ, Н. К. Михайловскій посвятилъ нѣсколько страницъ на объясненіе, почему свобода печати ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть замѣнена «голубымъ мундиромъ» *).

Разными недоумѣнными вопросами богата Россія. Есть и такой вопросъ: зачѣмъ ветеринарная наука, разъ въ любое время каждый сельскій батюшка можетъ отслужить молебенъ преподобному Власію? Или: зачѣмъ агрономическія мудрствованія, разъ въ Требникѣ есть специальная «молитва надъ сѣяніемъ», и разъ никому не возбраняется, буде эта молитва не подѣйствуетъ, усугубить ее акаеистомъ? Время отъ времени о существованіи такихъ вопросовъ напоминаютъ то святѣйшій синодъ, то ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія. И еще недавно нѣкоторый скандалъ произвела нарочито рекомендованная ученымъ комитетомъ и, по газетнымъ свѣдѣніямъ, въ порядкѣ государственныхъ мѣропріятій распространяемая, брошюра, гдѣ доказывалось, что, въ концѣ-то концовъ, молитва да ежели съ акаеистомъ, куда вѣрнѣе обезпечиваетъ сельское хозяйство, чѣмъ агрономія. Чиновники по вѣдомству православнаго исповѣданія столь же самоотверженно несутъ свои обязанности, непрерывно ниспровергая «теорію Дарвина». И не будетъ удивительно, если завтра святѣйшій синодъ, соревнуя славѣ ученаго комитета, только что упразднившаго агрономію, упразднить «систему Коперника» и докажетъ полную несостоятельность астрономіи. Это, навѣрное, произведетъ впечатлѣніе чрезвычайнаго скандала, но, повторяю, никого не удивитъ. Вѣдь воюетъ же святѣйшій синодъ неустанно съ науками, «несогласованными съ истинами откровенія». Отчего же ему не объявить крестовый походъ специально противъ астрономіи? Вѣдь доказывали же высокопоставленные представители его, что народное образованіе вредно. Отчего же имъ нынѣ не доказывать вредъ астрономическихъ обсерваторій? Что, казалось бы, невозможно для лицъ и учреждений, преисполненныхъ геройскимъ духомъ?

Есть, однако, невозможное и для героевъ. Припомните, какъ обстоятельно и съ какимъ жаромъ тотъ же синодъ, въ лицѣ высшихъ его представителей, доказывалъ вредъ «логическаго мышленія». И, надо отдать справедливость представителямъ синода, они блестяще доказали, что «привычка логически мыслить» прямо-таки пагубна и для «православной церкви», и для «существующаго государственнаго строя». И казалось, вотъ-вотъ намъ будетъ предложено каждаго новорожденнаго младенца подвергать маленькой хирургической операціи, которая, не причиняя смерти, въ то же время гарантируетъ государству, что ни одинъ младенецъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, не будетъ способенъ къ логическому мышленію. Возможно вѣдь это. Ой, какъ возможно. А если меди-

*) „Литерат. замѣтки“, ноябрь 1880 г. Сочин., т. IV.

чина до сихъ поръ мало изслѣдовала этотъ вопросъ, то что мѣшаетъ теперь же, немедленно объявить конкурсъ на изобрѣтеніе легчайшихъ и вѣрнѣйшихъ способовъ денатурировать человѣческіе мозги. Выходъ какъ будто простой. А главное, единственно возможный. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, изъ-за какого-то тамъ «логическаго мышленія», существованіе коего даже законами не предусмотрено и не разрѣшено въ надлежащемъ порядкѣ, подвергать явному риску и православную церковь, и государственный строй. Тѣмъ не менѣе, самъ покойный Побѣдоносцевъ не осмѣлился указать на этотъ, повторяю, единственный выходъ. Есть, значитъ, и для героевъ невозможное.

Несомнѣнно также, что не всякій, подобно ученому комитету, дерзнетъ похѣрить агрономію. Для этого нужно большое мужество, нужна готовность пожертвовать многимъ такимъ, чѣмъ всякій вообще человѣкъ не легко жертвуетъ. Вѣдь и въ ученomъ комитетѣ не куклы сидятъ, а живые люди, коимъ всетаки свойственно соображать, что глупо, что умно, что серьезно, что смѣшно, что честно, что называется нѣсколько иначе. И разъ нашлось мужество упразднить агрономію, то, казалось бы, нѣтъ никакихъ препятствій перейти къ практическимъ выводамъ. Скорѣй въ агрономическую школу. Всѣ науки—какъ онѣ тамъ называются,—по боку. Введемъ обязательные уроки акаеистовъ, обязательные уроки «Требника», гдѣ вѣдь есть не только чинъ «молитвы надъ сѣянiемъ», но и чинъ «молитвы надъ гумномъ», «молитвы надъ пшеницею осквернишеюся или мукою или видомъ нѣкимъ», «молитвы надъ соію», «молитвы о копаніи кладезя», «молитвы надъ кладземъ», «молитвы о приносящихъ начатки овощей» и т. д., и т. д. Наконецъ, если въ садахъ червей много—кому молебень служить: преподобному Евфилу или Кирику и Улитѣ? Если капустная разсада плохо принялась, кому свѣчку ставить—великомученицѣ Варварѣ или Параскевѣ-Пятницѣ? Если луга плохи, къ кому съ молебствіемъ обращаться—къ Трифону или Нифонту?.. Такихъ специальныхъ вопросовъ нѣсть числа. Правда, съ благословенія святѣйшаго синода, изданы особыя таблицы, гдѣ вѣрующему указано, въ какихъ случаяхъ жизни надо служить молебень Пантелеймону Цѣлителю, въ какихъ—Ивану Воину, въ какихъ безсребренникамъ Космѣ и Даміану, когда Флору и Лавру, когда Борису и Глѣбу, когда Маріи Египетской, когда Утоли Моя Печали... Надо полагать, такія таблицы много вспомоществуютъ и въ домашнемъ быту, и въ сельскомъ хозяйствѣ. Но вѣдь это лишь начатки. При желаніи можно углубиться въ этотъ предметъ, создать обширную науку, радикально реформировать агрономическую школу, и самое званіе агрономъ замѣнить какимъ-либо другимъ, болѣе православнымъ. Можно, напримѣръ, вмѣсто «агрономъ», говорить «молитвословъ о плодородіи». И казалось бы, одинаковая храбрость нужна, какъ для того, чтобы агронома упразднить, такъ и для того,

чтобы «молитвослова о плодородіи» спроектировать. А вотъ, подите-жъ, есть разница. На одно хватило самоотверженія, а на другое не хватаетъ и—смѣло можно утверждать—не хватить.

Мысль о замѣнѣ литературы жандармскимъ вѣдомствомъ оказалась на одинаковомъ положеніи съ «молитвословомъ о плодородіи». Она заявила о своемъ существованіи робко, блудливо, словно озираясь по сторонамъ: а что, молъ, не слишкомъ ли ужъ я того?.. какъ бы передъ Европой не осрамиться. На нее шикнули. Она торопливо нырнула куда-то въ тѣ же таинственныя пучины, откуда выскочила. И ее никто, даже ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, не смѣетъ открыто взять подъ свою защиту. Даже это высокосамоотверженное учрежденіе не рискуетъ во всеуслышаніе высказать ее и во всеуслышаніе обосновать, хотя бы какъ идеаль, къ коему придерживающаяся власть должна неуклонно шествовать. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что такого идеала нѣтъ, и что правовое положеніе русской печати не опредѣляется, съ одной стороны, завѣтнымъ желаніемъ водворить на мѣсто литературы голубое вѣдомство, а съ другой—боязнью обнаружить это свое завѣтное желаніе.

II.

Послѣдній всероссійскій съѣздъ монархистовъ, коего близость къ высокимъ сферамъ демонстративно подчеркнута московскимъ митрополитомъ Владиміромъ, московскимъ генералъ-губернаторомъ Гершельманомъ и министерской «Россіей», между прочимъ, «потребовалъ» у правительства «создать органы печати, распространяющіе въ народѣ національныя, патріотическія чувства и понятія» *). «Рѣчь» увидѣла въ этомъ требованіи одинъ изъ «элементовъ», «взятыхъ изъ подлинной русской жизни», но, «къ счастью», жизни «прошлой», отъ которой «насъ спасъ неожиданно налетѣвшій грозный шквалъ». Къ этому замѣчанію к.-д. газеты намъ еще придется вернуться. А пока отмѣтимъ въ немъ фактическую неточность.

Попытка замѣнить органы печати печатною бумагою, рассылаемою лицами, такъ или иначе причастными къ жандармской службѣ, дѣйствительно, не новость въ Россіи. Это, дѣйствительно, «подлинный элементъ русской жизни», но отнюдь не прошлой, не «дошкавальной», если такъ можно выразиться. Наоборотъ, до «грознаго шквала» этотъ «элементъ» насаждался исподволь, съ соблюденіемъ нѣкоторой стыдливости. И лишь «послѣ шквала», сначала Витте, потомъ Горемыкинъ и Столыпинъ, вплотную и безъ стѣсненія принялись за обработку «элемента». До шквала рѣшительнѣе другихъ дѣйствовалъ въ этомъ

*) „Рѣчь“ 5 мая, 1907.

направленіи Плеве. Но даже Плеве не рѣшился на такую откровенную замѣну ежедневной прессы голубымъ мундиромъ, какая представлена позже «Русскимъ Государствомъ», «Россіей» и «Русскимъ Знаменемъ». Въ провинціи даже при Плеве сколько-нибудь замѣтныхъ голубыхъ мундировъ, выходившихъ въ свѣтъ подъ видомъ газетъ, насчитывалось не больше 10. Теперь ихъ по приблизительному подсчету свыше 80 *). Характеръ откровенныхъ листковъ этого типа болѣе или менѣе общеизвѣстенъ. Менѣе освѣдомлена широкая публика о листкахъ другого типа, которые ставятъ своею задачею имѣть приличный видъ и походить на настоящую литературу.

Въ данное время я не могу останавливаться сколько-нибудь подробно на выясненіи приемовъ, какіе пускаются въ ходъ для этой послѣдней цѣли: это специальная тема, и нуждается она въ специальномъ обзорѣ. Но чтобы дать всетаки нѣкоторое понятіе объ этихъ приемахъ, рѣшаюсь мелькомъ кое-о-чемъ напомнить.

Лѣтомъ прошлаго года—уже при Столыпинѣ—въ Тулѣ началъ выходить одинъ такой голубой мундиръ, старавшійся имѣть строго литературную внѣшность. Въ первомъ же номерѣ, статьи чрезвычайно увертливаго и даже какъ будто либеральнаго, но, несомнѣнно, голубого содержанія голубая редація снабдила подложными подписями. Подъ фельетономъ красовалась подпись: «Александръ Яблоновскій». Подъ одною статьею: «К. Пономаревъ»; подъ другою: «А. Петрищевъ». Въ объявленіи о подпискѣ значилось, что оный голубой мундиръ издается при ближайшемъ участіи какъ названныхъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ писателей. И, дѣйствительно подписи Александра Яблоновскаго, А. Петрищева и К. Пономарева красовались почти въ каждомъ номерѣ. Къ моему удовольствію, у меня лично въ Тулѣ оказался читатель-другъ, который сообразилъ, въ чемъ дѣло, и сообщилъ мнѣ. Насколько помнится, такое сообщеніе изъ Тулы было получено и А. А. Яблоновскимъ. Въ концѣ концовъ, продѣлка была обнаружена, а вслѣдъ затѣмъ нѣсколько человекъ въ Тулѣ, заподозрѣнные въ томъ, что они содѣйствовали разоблаченію этой продѣлки, оказались едва ли не «государственными преступниками» и не замедлили понести соотвѣтствующее наказаніе. Продѣлка чрезмѣрно беззастѣнчивая, но не единственная въ своемъ родѣ. Такого же рода обработкѣ подверглась, какъ извѣстно, популярная исторія Шишко: была состряпана голубая исторія, поддѣлана въ типографскомъ смыслѣ «подъ-Шишко» и распространялась подъ названіемъ «новая исторія Шишко». Та-

*) По случаю недавняго съѣзда представителей „правой печати“ газетамъ естественно пришлось подсчитать, сколько вообще сейчасъ въ Россіи насаждено періодическихъ изданій, „соотвѣтствующихъ видамъ правительства“. По подсчету „Бирж. Вѣд.“, такихъ изданій къ началу мая н. г. оказалось 165, изъ нихъ 35 объединены въ союзъ для борьбы съ прогрессивною печатью.

кой же операціи подверглась недавно брошюрка «Конекъ скакунокъ»: ее строжайше запретили, но немедленно же она была поддѣлана.

Вотъ видите, къ чему нынѣ приходится прибѣгать при чеканкѣ фальшивой монеты... Разумѣется, и во времена Плеве были голубые мундиры. И не розами отъ нихъ пахло. Были изданія откровенныя, ежедневно или еженедѣльно печатавшія варіаціи на одну и ту же тему: «Да здравствуетъ самодержавіе, и потому бей жидовъ». Не даже относительно крушевановскаго «Друга» приходится сказать, что, по сравненію со многими издѣліями временъ Витте и Столыпина, въ родѣ «Вѣча» и Почаевскихъ листковъ, онъ, при всей своей беззащитности, всетаки не доходилъ до такихъ предѣловъ огорченности.

Были и раньше голубыя изданія, рассчитанныя на чистую публику. И до шквала въ сихъ заведеніяхъ шла торговля подлогомъ и клеветой расписочно и на выносъ. И до шквала здѣсь оба эти кушанья сдабривали соусомъ того жандармскаго либерализма, неувядаемые образцы котораго созданы «Новымъ Временемъ». Не безынтересно, пожалуй, напомнить, что для первоначальнаго оборудованія такихъ заведеній въ провинціи или для реформированія ихъ нерѣдко приглашались на службу въ качествѣ руководителей именно сотрудники «Новаго Времени». И каждое такое провинціальное заведеніе обыкновенно и подражало «Новому Времени». Выходило, разумѣется, «Новое Время», такъ сказать, второго сорта, безъ того блеска, съ какимъ ученикъ г-на Суворина г. Пиленко умѣетъ симулировать безпристрастіе и независимость, безъ буренинской остервенѣлости, безъ меньшековскаго слюноточиваго душегубства, вообще безъ тѣхъ исключительныхъ талантовъ, какіе собраны преобразившимся Незнакомцемъ въ его всероссійскій питомникъ инструкторовъ для печатныхъ предпріятій преобразеннаго III отдѣленія. Питомникъ г-на Суворина и нынѣ поставляетъ инструкторовъ. Но спросъ въ такой степени превысилъ предложеніе, что уже нѣтъ физической возможности ни принять всѣ заказы, ни выполнить каждый принятый заказъ съ привычной для фирмы добросовѣстностью.

Въ результатъ невольно получаютъ нѣкоторые дефекты. Въ откровенныхъ случаяхъ—ужь слишкомъ не презентабельное «Вѣче», гдѣ хотя и блестяще воспроизведена, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превзойдена буренинская остервенѣлость, но нѣтъ того, что скрашиваетъ ее и дѣлаетъ особенно пикантной: нѣтъ умѣнья скулить о любви къ ближнему, совершая душегубство, какъ учить мастеръ нововременскаго питомника г. Меншиковъ; нѣтъ игры въ безпристрастіе, какую преподаетъ другой мастеръ того же питомника г. Пиленко. А въ случаяхъ для чистой публики получается тульскій голубой мундиръ, который, чувствуя свое безсиліе поддѣ-

латься подъ либерализмъ, считаетъ необходимымъ поддѣлать и подпись.

Что дѣлать! Нужда, какъ говорится, научить калачи ѣсть. Сами посудите: 165 изданій! И почти все это «послѣ шквала», въ теченіе какихъ-нибудь 18 мѣсяцевъ! Можно ли удивляться, что дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ дефектовъ? «И это прошлое», это «вѣкъ минувшій». Нѣтъ, это именно «вѣкъ нынѣшній», это растеніе пышно развернулось и буйно разрастается именно теперь, именно подъ солнцемъ нынѣшней «конституціи». Если замѣтна литературы изданіями жандармскаго творчества есть идеалъ, то г-да Витте и Столыпинъ съ гордостью могутъ сказать о себѣ:

— До насъ были жалкіе ростки. Въ полтора года мы преемственными трудами создали густолиственную рощу.

Да не только создали, но и поставили вѣтъ конкуренціи. И опять невольно напрашивается мысль сравнить «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій». Въ какія условія было поставлено распространеніе «вольной», настоящей литературы? Высокій тарифъ, установленный съ нескрываемымъ намѣреніемъ — убить всякую возможность появленія дешевыхъ, общедоступныхъ по цѣнѣ періодическихъ изданій, правила о библіотекахъ, правила о читальняхъ и все прочее, чѣмъ основная масса населенія, по мѣрѣ силъ, была отрѣзана отъ всякой печати вообще и отъ печати повременной въ особенности. Въ какія условія былъ поставленъ повременный голубой мундиръ? Низкій—по особому ходатайству—тарифъ, полный доступъ во всѣ библіотеки и читальни, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязательная выписка волостными правленіями и школами. Это было. Въ сущности, это и осталось. Но сверхъ того, что было, появилось и новое. И для характеристики этого новаго рѣшаюсь привести дословно нѣкій циркуляръ калужскаго губернатора г. Офросимова отъ 5 декабря 1906 г., за № 7743:

«Земскимъ начальникамъ Калужской губерніи. За послѣднее время въ нѣкоторыя волостныя правленія высылается безплатно газета «Ока». Кромѣ того, волостныя правленія могутъ сами выписывать газеты и другія періодическія изданія противоправительственнаго направленія. Вслѣдствіе этого, и *согласно распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ*, предлагаю земскимъ начальникамъ подъ личною ихъ отвѣтственностью принять самыя рѣшительныя мѣры къ прекращенію дальнѣйшей выписки волостными правленіями газетъ и другихъ періодическихъ изданій противоправительственнаго направленія. О послѣдующемъ предлагаю меня увѣдомить».

«Изданія противоправительственнаго направленія»... По буквальному смыслу, это вся вообще оппозиціонная литература, а такова, какъ извѣстно, имѣетъ честь быть почти каждое, дѣйствительно, частное изданіе, не принадлежащее къ разряду въ той или иной формѣ субсидируемыхъ за счетъ государственнаго казначейства. Но секретное «распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ» захватываетъ

гораздо большій кругъ явленій, чѣмъ можно думать, если основываться на буквальномъ смыслѣ словъ. Между прочимъ, на Пасхѣ нынѣшняго года много шума надѣлалъ арестъ депутата Подольской губ. г-на Туперко. Оказывается, этотъ членъ Государственной Думы былъ арестованъ на точномъ основаніи секретнаго министерскаго приказа: его «поймали на мѣстѣ преступленія», такъ какъ у него при обыскѣ было обнаружено «изданіе явно противоправительственнаго направленія», а именно: официальные стенографическіе отчеты Государственной Думы.

Въ концѣ прошлаго 1906 года во Владикавказѣ вынуждена была прекратить существованіе газета «Правда», руководимая мѣстными октябристами: совѣтникомъ областного правленія Вертеловымъ, купцомъ Зипаловымъ, докторомъ медицины Поляковымъ и др. Названные лица, кажется, не намѣрены принадлежать къ оппозиціи. Газета «Правда» вовсе не принадлежала къ числу оппозиціонныхъ. Но мѣстный голубой мундиръ, выходящій въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Терскія Вѣдомости», напечаталъ сенсаціонную замѣтку «объ альпенистахъ, прилетѣвшихъ въ Терскую область на воздушномъ шарѣ изъ Новой Зеландіи и спустившихся на вершину Эльбруса, при чемъ одинъ изъ нихъ погибъ въ пропасти, остальные благополучно спустились внизъ и прибыли во Владивостокъ». «Правда» отнеслась къ этому извѣстію иронически. И за ея невѣріе въ «альпенистовъ», прилетѣвшихъ на воздушномъ шарѣ изъ Новой Зеландіи, была объявлена «изданіемъ противоправительственнаго направленія». Редакторъ былъ вызванъ въ областное правленіе, гдѣ ему пригрозили «законными мѣрами», и газета исчезла *).

Есть цѣлый рядъ техническихъ брошюръ о приготовленіи чернилъ, столярнаго клея, красокъ, о плетеніи корзинъ etc. Оказывается, и онѣ могутъ быть отнесены если не явно къ разряду «изданій противоправительственнаго направленія», то, во всякомъ случаѣ, къ разряду сомнительныхъ, если на нихъ нѣтъ штемпеля «союза русскаго народа», и если полиціей замѣчено, что они продаются въ тѣхъ же книжныхъ магазинахъ, какіе торгуютъ изданіями «Знанія», «Посредника», «Донской Рѣчи» и др. **).

Недавно «Новое Время» послало «лѣвымъ» депутатамъ великолѣпный упрекъ: вотъ, молъ, только разговоры разговариваютъ, а до сихъ поръ не догадались даже организовать почтовую разсылку по деревнямъ отчетовъ о засѣданіяхъ Государственной Думы; это вѣдь не запрещается, а между тѣмъ страна была бы освѣдомлена... Дѣйствительно, не запрещается... Мнѣ лично приходилось не разъ сталкиваться въ Петербургѣ съ людьми, которымъ сами крестьяне той или иной мѣстности поручили присылать «во время Думы» газеты, и даже денегъ дали. Нѣкоторые изъ этихъ

*) «Рѣчь», 12. XII, 1906 г.

**) См., напр., корр. изъ Екатеринодара въ № 241 «Рѣчи» за 1906 г.

оригинальныхъ уполномоченныхъ были столь наивны, что поступали именно такъ, какъ совѣтуетъ «Новое Время»: напиши адресъ и сдай на почту,—вѣдь не запрещается. И...

— Можете себѣ представить,—жаловался мнѣ одинъ изъ такихъ уполномоченныхъ,—полтора мѣсяца аккуратно посылаю, и вдругъ изъ деревни письмо: гдѣ же, спрашиваютъ, наши деньги,—мы отъ тебя ни одной газеты не видимъ. Благодарю покорно—въ мошенники попалъ. Бѣгу на почту. Почему,—спрашиваю,—такъ происходитъ. А чиновникъ съ усмѣшкой, знаете ли: «Гм... вы говорите «Рѣчь», «Товарищъ», «Биржевыя Вѣдомости»... Вотъ, «Новое Время», напр., «Петербургская Газета» или «Русское Знамя»—тѣ завсегда аккуратно доходятъ»...—А если, спрашиваю, я опять «Рѣчь» сдать?—«Пожалуйста,—отвѣчаетъ,—это не запрещается»...

Конечно, не запрещается,—даже въ тѣхъ случаяхъ, когда почтовымъ чиновникамъ официально отданъ приказъ: уничтожить всѣ номера той или иной газеты, которыя адресованы волостнымъ правленіямъ или отдѣльнымъ лицамъ «крестьянскаго сословія», живущимъ въ сельскихъ мѣстностяхъ. Напомню, въ видѣ примѣра, что такому приказу былъ, между прочимъ, подвергнутъ «Кіевскій Голосъ» въ Черниговской губ. Но «Кіевскій Голосъ»—газета, совершенно легальная. Ее не запрещается сдавать на почту по какому угодно адресу. И «отдѣльныя лица» крестьянскаго сословія могутъ подписываться на нее. Вотъ и калужскій губернаторъ признаетъ, что «волостныя правленія могутъ». И каждый крестьянинъ «можетъ». Это его законное право. Но если въ газетахъ, тѣмъ не менѣе, непрерывно появляются такія, примѣрно, лапаческія извѣстія: «черезъ логавовское волостное правленіе (Псковской губерніи) не проходитъ въ деревню ни одна изъ прогрессивныхъ газетъ, адресуемыхъ крестьянамъ», то въ томъ же номерѣ «Рѣчи», откуда я заимствую эту стереотипную цитату *), есть и болѣе утѣшительное извѣстіе: городской первой части города Владимира (имя рекъ) разноситъ газету «Россія», присланную полицеймейстеру для раздачи народу. Точно такъ же, хотя почтовымъ чиновникамъ и запрещено доставлять «Кіевскій Голосъ» по адресу (да и съ какой стати, въ самомъ дѣлѣ, правительственная почта будетъ содѣйствовать рассылкѣ газеты «противоправительственнаго направленія»?), за то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черниг. и Полтавской губ. приняты мѣры, чтобы газетнымъ разносчикамъ промыселъ разрѣшался лишь въ томъ случаѣ, если разносчикъ обяжется ежедневно распространять «Кіевлянинъ», и при томъ не менѣе опредѣленнаго количества экземпляровъ.

Да, поучительно сравнить «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій». Передъ самымъ «шкваломъ», коимъ «Рѣчь» отдѣляетъ прошлое отъ настоящаго, мнѣ пришлось принимать близкое участіе во вто-

*) „Рѣчь“, 26, X, 1906 г.

ромъ изданіи «Сына Отечества». Эта «маленькая» четырехрублевая газета существовала всего 5 мѣсяцевъ, а съ перерывами и того меньше. Большая часть этого времени ушла на упорную, но—увы!—неравную борьбу съ цензурнымъ комитетомъ. Требования комитета сводились главнымъ образомъ къ тому, чтобы газета не была общедоступной по языку и, слѣдовательно, чтобы не соответствовала той аудиторіи, для которой она предназначалась. Преодолѣть это препятствіе не удалось, вплоть до октябрьской забастовки 1905 г. Тѣмъ не менѣе, «маленькій» «Сынъ Отечества» въ короткое время приобрѣлъ до 20 тысячъ подписчиковъ. Было въ этомъ числѣ много горожанъ. Но были и волостныя правленія, и сельскія общества, и отдѣльные крестьяне. Не обходилось, конечно, безъ препонъ. Получались жалобы изъ разныхъ мѣстъ: тамъ волостной писарь не отдаетъ газеты («говорить, антиправительственная»), тамъ «попъ запрещаетъ получать». Но въ общемъ, газету, адресованную подписчикамъ изъ деревни, былъ смыслъ сдавать на почту.

Потомъ «шкваль». «Сынъ Отечества» погибъ. И уже «послѣ шквала» мнѣ снова пришлось принимать участіе въ популярномъ изданіи. Теперь мнѣ была предоставлена полная возможность писать такъ популярно, какъ только я умѣю. Но—увы!—вполнѣ популярное, на мой взглядъ, изданіе на этотъ разъ могло проникнуть только въ крупные города. Отсюда ему надо было нырнуть куда-то, минуя «правительственную почту», и лишь послѣ долгихъ странствій по окольнымъ дорожкамъ, да и то по секрету, оно могло попасть въ руки настоящаго читателя. Новый подписчикъ уже жаловался на препоны; онъ просто сообщалъ о фактѣ: «на мое имя не посылайте—въ тюрьмѣ сидѣть не охота, а посылайте»... слѣдуетъ, такъ сказать, конспиративный адресъ. Новый подписчикъ, оказалось, уже привыкъ приноравливаться къ факту. Кое-гдѣ начала уже складываться своеобразная «подписка скопомъ». Эго значить, что нѣсколько человекъ въ складчину выписываютъ определенное количество экземпляровъ каждого номера на общій и обыкновенно городской адресъ, рекомендуя присылать не почтой, а «по желѣзной дорогѣ», такъ что газету, присланную, положимъ, въ Таганрогъ, приходилось окончательно доставлять по адресамъ особо приглашенному для этой цѣли разносчику. Подписчикъ, повторяю, признавалъ фактъ и мирился. Но разносчикамъ становилось круто. И отъ одного изъ нихъ (изъ крупнаго промышленнаго города) мнѣ лично пришлось получить такую жалобу: «Милостивый господамъ редакторъ!... съ вашими номерами меня замѣтилъ стражникъ и погнался. Я убѣжалъ... А онъ стрѣлялъ изъ револьвера. И хотя далъ промашку; но жизни я могъ лишиться».

И очень даже могъ лишиться жизни, собственно по той причинѣ, что несъ пачку номеровъ вполнѣ легальнаго изданія, и при томъ номеровъ, даже не конфискованныхъ по распоряженію цензуры.

Затѣмъ, преимущества желѣзнодорожнаго тракта передъ почтовымъ были учтены не только подписчиками, но и правительствомъ. Съ осени прошлаго года установлены спеціальныя жандармскія дежурства на ж. д. станціяхъ для осмотра всѣхъ поступающихъ книжныхъ «отправленій». И нынѣ, чтобы своевременно доставить прогрессивное повременное изданіе деревенскому подписчику «крестьянскаго сословія», нужны столь спеціальныя знанія, такая изобрѣтательность, что спеціалистовъ этого рода надо цѣнить прямо-таки на вѣсъ золота. «Крестьянское же сословіе», съ своей стороны, прочитавши хотя бы и вполне легальную, но не голубую газету, должно всѣ мѣры употребить, чтобы объ этомъ не провѣдало начальство, ибо иначе... Недавній фактъ. Относительно нѣсколькихъ крестьянъ с. Николаевки, Пенз. у., до становаго пристава дошло свѣдѣніе, что они «занимаются чтеніемъ» пензенской газеты «Голосъ Черноземн. Края». Становой сформировалъ отрядъ стражниковъ, нагрянулъ и всѣхъ подозрѣваемыхъ въ чтеніи «Голоса Черноз. Края» выпоролъ нагайками. Экзекуція была почему-то произведена какъ разъ во время Пасхи *).

Не буду касаться школьныхъ и народныхъ библіотекъ. Не буду говорить объ арміи, гдѣ тюками расходуются жандармскіе листки, и гдѣ, наконецъ, твердо установлено правило: за cadaго доставленнаго по начальству «вольнаго», подошедшаго къ нижнему чину съ печатнымъ произведеніемъ, «независимо отъ его содержанія» **) солдату положена награда отъ 5 до 10 руб. («не менѣе»). Не буду напоминать о такихъ, сравнительно, мелочахъ, какъ запрещеніе доставлять въ клиническій госпиталь военно-медицинской академіи газеты «Рѣчь» и «Товарищъ». Смыслъ ясенъ. Литература вообще и въ особенности литература популярная отрѣзана отъ основной массы населенія, а, стало быть, издательское дѣло лишено главныхъ рынковъ сбыта. Книга и брошюра, не взирая на спеціальныя законы отдѣльныхъ генералъ-губернаторовъ ***), не взирая на массовое закрытіе книжныхъ магазиновъ и въ столицахъ, и въ особенности въ провинціи, еще кое-какъ могутъ найти сбытъ, если, разумѣется, не имѣютъ срочнаго характера. Хотя и съ изъясномъ, но могутъ существовать интеллигентскія періодическія изданія. Но между популярными періодическими изданіями и ихъ естественнымъ читателемъ сооруженъ такой заслонъ, что сколько-нибудь прочное и обезпеченное существованіе народной газеты или народнаго журнала сдѣлано немыслимымъ. Можете писать, какъ угодно и о чемъ угодно,

*) «Рѣчь» 1. V, 1907 г.

**) См. замѣтку о циркулярѣ начальникамъ дивизіи въ № 259 «Товарища» (6. V, 1907).

***) Въ Одессѣ, напр., существуетъ особый списокъ запрещенныхъ книгъ и брошюръ, куда входятъ и совершенно легальныя. За храненіе обозначенныхъ въ этомъ списокѣ книгъ или брошюръ полагается въ административномъ порядкѣ арестъ до 3 мѣс. или штрафъ до 3.000 руб.

и даже превратить въ писаніе, въяжъ утомитъ самимъ, но не разчитывайте на поощренія или пути обогащенія, а значитъ, и на материальное вознагражденіе и читателя. Для мажоритъ читателей устанавлена масса легкаго прелестнаго писанія глубокаго вѣдомства.

Я рѣшилъ и я рѣшусь установиться на этой сторонѣ дѣла, ибо, на мой взглядъ, въ ней-то и заключается вся сила альтернативы: «литература или голубой мундиръ». Вамъ могутъ представить «важные и разнѣе разрешенія» новыхъ изданій. Кстати этимъ можно заниматься въпередъ лицомъ всей Европы готовность уважать литературу и признавать права на литературное творчество. Вамъ могутъ «даровать» очень либеральный законъ о свободѣ печати съ расчетомъ, что вы сумѣете ею пользоваться только для собственнаго вышена употребленія. На поверхности окажется жалкій налетъ литературы, въ толщѣ безпрѣлѣнно будетъ царить голубой мундиръ. И если бы эту по существу нелѣзную затѣю можно было осуществить и утвердить, если бы литературу, дѣйствительно, удалось отбѣзжать отъ ея корней, то на ней надо бы поставить крестъ. Она быстро выварилась бы въ собственномъ соку, выразилась бы въ сплошное слезоточеніе по поводу оскоминныхъ, любовныхъ и иныхъ грѣховъ, въ осужденіи инквизиціи, кондеевъ, арестантовъ и просто стиховъ, которые мы такъ читаемъ сверху внизъ и снизу вверхъ, съ праваго бока и съ лѣваго бока... Говорятъ, въ Византіи, гдѣ некогда этого рода искусство достигло цвѣтущаго состоянія, какой-то писавшій инскъ счелъ такія похвальные верши въ видѣ четырехугольника, что ихъ можно было читать не только со всѣхъ четырехъ сторонъ, но и по діагоналямъ...

Ниже мнѣ придется вкратцѣ сказать, почему я считаю нелѣзной затѣю водворить повсемѣстно голубой мундиръ, оставивъ литературу для приличія лишь въ видѣ тонкаго слоя позолоты. Но пока мы говоримъ лишь о стремленіи приблизиться къ определенной цѣли. И поскольку правительству къ этой цѣли идти, оно, несомнѣнно, сдѣлало колоссальные успѣхи. И если позволено разграничивать событія послѣднихъ лѣтъ такъ, какъ это дѣлаетъ «Рѣчь», то надо говорить прямо: «послѣ шквала» сдѣлано все возможное, чтобы положеніе «голубыхъ мундировъ» упрочилось, а положеніе литературы ухудшилось.

III.

— Позвольте,—скажутъ мнѣ,—это парадоксъ. Вспомните,—до шквала была предварительная цензура. Жалкое лицемеріе, будто въ Россіи до 17 октября были «изданія безъ предварительной цензуры». Фактически ни одна книга, ни одна газета, ни одинъ журналъ не могли попасть къ читателю безъ предварительнаго одобренія цензуры. Вспомните, какую сплошь и рядомъ комедію

разыгрывали нѣкоторые издатели, чтобы сдѣлать видимость, будто существуетъ законъ, освобождавшій оригинальныя книги въ 10, а переводныя въ 20 печатныхъ листовъ отъ предварительной цензуры. Въдѣ во многихъ случаяхъ просто книга сначала сверстывалась начерно, а потомъ, по внесеніи всѣхъ цензорскихъ поправокъ, ее сверстывали набѣло. Теперь въдѣ ничего этого нѣтъ...

И какъ будто, дѣйствительно, «этого нѣтъ». Настолько нѣтъ, что осенью прошлаго года астраханскій, напимѣрь, губернаторъ кровно обидѣлся, когда было сообщено въ газетахъ о возстановленіи въ его губерніи предварительной цензуры. Онъ даже собирался кого-то и за что-то привлечь къ судебной отвѣтственности. Былъ осенью прошлаго года и такой случай: правительство категорически отклонило мотивированное ходатайство «Кіевскаго Голоса» о возстановленіи предварительной цензуры. Объ этомъ тогда много статей появилось въ газетахъ. Печатались статьи скорбныя: положеніе печати до того ужасно, что даже во времена предварительной цензуры было легче. Печатались статьи обличительныя: зачѣмъ правительству возстановлять прежній порядокъ вещей, разъ порядокъ нынѣшній дастъ ему больше удобства и выгодъ. Но насколько помнится, существо просьбы, съ какою обращался «Кіевскій Голосъ», такъ и осталось не отмѣченнымъ.

Рѣчь шла о томъ, чтобы правительство, разъ этого изданіе пожелаетъ, признало себя обязаннымъ производить предварительную цензуру, т. е. назначить для этого дѣла опредѣленное лицо, какое должно, получая содержаніе только отъ казны, не требуя отъ газеты особаго вознагражденія за свой трудъ, въ обусловленный техникою дѣла срокъ офѣнивать представленный ему матеріалъ съ цензурной стороны. Правительство, дѣйствительно, отказалось признать для себя это обязательнымъ, по требованію того или иного періодическаго изданія. Но оно вовсе не думало отказываться отъ содержанія опредѣленныхъ лицъ для цензурованія каждаго выходящаго въ свѣтъ журнала и каждой выходящей въ свѣтъ газеты. Цензора, какъ были, такъ и есть. Число ихъ даже увеличивается. Расходы на цензурное вѣдомство сильно растутъ. По смѣтѣ 1906 г. они составляли 321 тыс. руб., по смѣтѣ 1907 г.—413 тыс. руб. Такимъ образомъ, увеличеніе въ одинъ годъ достигло 28%. И ни «Кіевскому Голосу», и никакому другому изданію не возбранено войти въ частное соглашеніе со своимъ цензоромъ. Каждый редакторъ и каждый издатель можетъ узнать, отъ кого зависитъ его судьба. Значить, установите дружественныя отношенія, и цензоръ «по дружбѣ» не откажетъ вамъ въ предварительномъ просмотрѣ матеріала, какой вы находите нужнымъ напечатать. Просмотритъ и скажетъ: сдѣлайте такъ-то и такъ-то, и тогда съ моей стороны распоряженія о конфискаціи не послѣдуетъ. Конечно, вы можете обращаться къ цензору только въ сомнительныхъ случаяхъ, но можете просить его о постоянномъ просмотрѣ всего матеріала. По-

сѣднее вѣрнѣе. Но, очевидно, что и благодарственная такса при этомъ должна быть значительно выше.

Вотъ какъ въ благоустроенномъ государствѣ такіа дѣла дѣлаются!

Отъ цензора, который обязанъ, вы въ правѣ требовать объясненій. Предъ цензоромъ, который оказываетъ вамъ дружескую услугу, можно лишь расточать знаки преданности и уваженія. Когда цензоръ обязанъ,—за номеръ, составленный, согласно его предварительнымъ указаніямъ, правительство не можетъ привлечь редактора къ отвѣтственности въ публичномъ порядкѣ, не можетъ конфисковать газету, а если конфискуетъ, то de jure должно возмѣстить матеріальные убытки. Когда цензоръ оказываетъ лишь конфиденціально дружескую услугу, это нисколько не мѣшаетъ ни конфискации, ни привлеченію редактора по какой угодно статьѣ «раздѣла о государственныхъ преступленіяхъ».

Когда правительство обязано держать предварительную цензуру, оно вынуждено сообразоваться съ техническими условіями, безъ соблюденія которыхъ не мыслимъ выпускъ изданія. Обязанный цензоръ физически не могъ приступить къ своему дѣлу, пока подлежащее его усмотрѣнію изданіе не доставлено ему. Нынѣ на этотъ счетъ свободно стало. Не только въ провинціи, но даже въ Петербургѣ, такъ сказать, на глазахъ Европы, распоряженія о конфискации и о привлеченіи редактора къ отвѣтственности можно дѣлать по знаменитому рецепту петербургскаго оберъ-полицеймейстера Рылѣва, изобрѣтенному въ царствованіе Павла I: «Объявить всѣмъ хозяевамъ домовъ съ подпискою, чтобы они заблаговременно, а именно за три дня, извѣщали полицію, у кого въ домѣ имѣтъ быть пожаръ».

Даже въ Петербургѣ относительно, напр., нѣкоторыхъ номеровъ «Народнаго Вѣстника», «Дѣла Народа», «Мысли» приказы о конфискации отдавались за нѣсколько часовъ до того момента, когда номеръ могъ быть представленъ въ цензуру. Даже въ Петербургѣ приказъ о конфискации № 12 популярнаго еженедѣльника «Щитъ» состоялся на двое сутокъ раньше, чѣмъ номеръ былъ напечатанъ и представленъ цензору. И затѣмъ, когда номеръ, наконецъ, полученъ, остается лишь въ заранѣе заготовленный приказъ вписать заднимъ числомъ мотивы и представить въ судебную палату на предметъ привлеченія редактора по такимъ-то и такимъ-то статьямъ уголовного уложенія. Въ эпизодѣ № 12 «Щита», между прочимъ, любопытно, что петербургская судебная палата не признала указанные заднимъ числомъ мотивы заслуживающими уваженія. Номеръ былъ освобожденъ отъ ареста. Но, разумѣется, цензоръ не несетъ по этому случаю ни уголовной, ни гражданской отвѣтственности. Правда, противъ саратовскаго цензора уже возбуждено на этой почвѣ дѣло, по обвиненію въ служебномъ подлогѣ. Но будетъ ли

обвиняемый обвиненъ или поощренъ за ревностное исполненіе своихъ обязанностей,—сіе вѣдомо лишь начальству.

Да, правительство не согласилось поставить себя въ рамки обязательной для него предварительной цензуры. И—будьте увѣрены—добровольно не согласится связывать себя этими рамками по требованію того или иного изданія. Другое дѣло, если, напр., газета хотя и не даетъ никакого повода наказать ее, а тѣмъ не менѣе конкурируетъ съ «голубымъ мундиромъ». Тогда есть смыслъ, не связывая себя юридическими нормами, установить обязательное для редактора представленіе матеріала на предварительный цензурный просмотръ. При такихъ условіяхъ изданію будетъ затрудненъ и аккуратный выходъ въ свѣтъ, и своевременное печатаніе срочныхъ извѣстій. Этотъ маневръ и практикуетъ, напр., вятскій губернаторъ кн. Горчаковъ. Иное опять таки дѣло, если редакторъ частнымъ образомъ попроситъ своего цензора немножко эдакъ предварительно просмотрѣть и вычеркнуть. Это можетъ быть выгодно вамъ, редактору или издателю, а правительству зачѣмъ вмѣшиваться въ такія чисто семейныя дѣла. И такъ какъ они чисто семейныя, то не будемъ и мы называть дѣлаго ряда городовъ, гдѣ предварительная цензура введена добровольно, стараніями издателей и редакторовъ, сумѣвшихъ заслужить дружеское расположеніе. Старайтесь же заслужить дружбу цензора и примиритесь съ мыслью:

Обязательной для правительства предварительной цензуры больше почти нѣтъ. Даже для брошюръ до 5 печатныхъ листовъ она имѣетъ значеніе не предварительной, а карательной.

Но этого мало, что «цензуры нѣтъ». Нѣтъ больше и знаменитой 140 статьи устава о ценз. и печ. И я вполне ясно представляю, что можетъ сказать мнѣ человѣкъ, способный излить восторгъ по случаю такихъ перемѣнъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, вотъ вы недовольны, а вспомните-ка. что было прежде, до «шквала», въ такъ называемыхъ безцензурныхъ редакціяхъ. Бывало, то и дѣло является въ редакцію полицейскій чинъ и предъявляетъ новое требованіе министра: не сообщать, что графъ Татищевъ подрался, не печатать о преступленіяхъ по должности, совершенныхъ винницкимъ исправникомъ Пенежкевичемъ, «воздержаться отъ обнародованія», что петербургская полиція беретъ взятки съ купца Шифлера, ни одного слова о слѣдствіи надъ жандармскимъ поручикомъ Бруни, о крестьянскихъ надѣлахъ, о недородѣ, о процессѣ Бѣлосельскихъ, о самоубійствѣ предсѣдателя владимірскаго окружнаго суда, о поѣздкѣ гр. Л. Н. Толстого, ни звука о забастовкахъ, никакихъ свѣдѣній о происшествіи 9 января, кромѣ опубликованныхъ въ «Правительств. Вѣстн.» и т. д. И сколько этихъ циркуляровъ сыпалось на несчастную редакторскую голову,—вспомнить страшно! И все это на основаніи статьи закона, представлявшей министру вн. д. право запрещать «оглашеніе или об-

сужденіе въ печати вопросовъ государственной важности». Да, было время, когда редакторъ въ Россіи долженъ былъ признавать буйство, учиненное граф. Татищевымъ, «вопросомъ государственной важности». И при этомъ намъ вѣдь не давали этихъ циркуляровъ. Отъ насъ требовалось лишь прочесть и дать подписку объ исполненіи. Только по особому и, такъ сказать, секретному соглашенію съ полиціей, мы имѣли возможность украдкой наскоро снять копию. Эти копии аккуратно записывались въ тетрадку, которую мы на своемъ редакціонномъ жаргонѣ называли «книгой циркуляровъ»... Приснопамятная книга циркуляровъ! Мы хранили тебя, какъ зѣницу ока. Каждая буква твоя была для насъ закономъ. И относительно каждаго распоряженія, какія въ тебѣ были записаны, министръ спокойно могъ сказать: «это—гнусная ложь! я никогда не писалъ и не стану писать такихъ приказовъ»... Увы, дѣло было оборудовано остроумно,—въ нашихъ рукахъ не оставалось никакихъ формальныхъ доказательствъ, что обязательныя для насъ распоряженія дѣйствительно воспослѣдовали... А что выдѣлывалось при помощи 140 статьи съ подцензурными изданіями!.. Они не получали циркуляровъ. Эта тайна довѣрялась только цензорамъ. И вотъ, если редакторъ угодливъ, то цензура аккуратно посвящала его въ секреты. А если редакторъ строптивъ, то ему предоставлялось «пребывать въ неизвѣстности», набирать матеріалъ, явно подлежащій изъятію на основаніи 140 ст., и среди ночи въ послѣднія минуты выпуска получать опустошенныя цензоромъ гранки. Вспомните, что бывало сплошь и рядомъ въ провинціальныхъ городахъ съ двумя газетами: строптивой и угодливой. Угодливый редакторъ по ночамъ благодушествуетъ, а номеръ выходитъ во время, статьи на злобу дня, замѣтки, хоть и второстепеннаго интереса, но срочныя. А редакторъ строптивый ночи не спитъ, а номеръ у него то и дѣло опаздываетъ, вмѣсто срочныхъ замѣтокъ—перепечатки изъ «Правительственнаго Вѣстника», вмѣсто злободневныхъ статей—переводные рассказы. Вотъ какія чудеса помогала совершать 140 статья. А теперь этого, слава Богу, нѣтъ...

Дѣйствительно, нѣтъ. Точнѣе говоря, право запрещать «оглашеніе или обсужденіе вопросовъ государственной важности» по прежнему принадлежитъ «высшему правительству» и во всякое время можетъ быть осуществлено черезъ министра внутреннихъ дѣлъ. Да оно и осуществляется. Въ видѣ примѣра рѣшаюсь привести слѣдующую выписку изъ вновь введенной при редакціяхъ «книги циркуляровъ»:

«Циркуляръ № 2708. 23 марта 1906 г. М. в. д. на основаніи отдѣла VI воспрещаетъ сообщенія: о мѣропріятіяхъ по демобилизаціи арміи, передвиженіи нашихъ войскъ, находящихся въ Манчжуріи, по устройству и организаціи нашего военнаго положенія въ

Сибири и на Дальнемъ Востокѣ, впредь до окончательной эвакуаціи Манчжуріи».

Какъ видите, «на основаніи отдѣла VI», можно писать циркуляры съ такимъ удивительнымъ редакціоннымъ проворствомъ, что, напр., острый и вовсе не военный вопросъ о положеніи сибирскаго казачества попадаетъ въ разрядъ военныхъ тайнъ, а темныя дѣлишки авантюристовъ, стряпающихъ какую-то «рѣчную флотилію» на Амурѣ, оказываются «государственнымъ секретомъ», и о нихъ въ русской печати до сихъ поръ могли появиться лишь весьма туманныя и отрывочныя свѣдѣнія. Конечно, это не такъ мелко, какъ запрещеніе печатать свѣдѣнія о буйствѣ гр. Татищева, но едва ли менѣе зловредно.

Въ интересахъ точности необходимо также напомнить, что и вообще редакторы не такъ ужъ избавлены отъ циркуляровъ, заставляющихъ вспоминать 140 статью. Екатеринославскимъ, напр., газетамъ особыми приказами запрещено: «какъ бы поощрять учениковъ къ выраженію неуваженія и оскорбленію своихъ воспитателей и наставниковъ», другими словами — сообщать «неодобрительные факты» изъ дѣятельности учителей; тѣмъ же газетамъ запрещено «повторять статьи», «подобныя письму Плеханова», и за «повтореніе подобной статьи» мѣстная «Южная Заря» была «пріостановлена на все время военного положенія», авторъ же, рискнувшій «повторить подобную статью», г. Шморгонеръ, въ административномъ порядкѣ «подвергнутъ аресту при полиціи на одинъ мѣсяцъ». Одесскимъ газетамъ запрещено сообщать фактическія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ такъ называемой «бѣлой гвардіи», подчиненной гр. Коновницину. Бакинскимъ газетамъ запрещено сообщать фактическія свѣдѣнія о забастовкѣ, въ то время, когда она была колоссальнымъ событіемъ для мѣстныхъ жителей. Въ Нижнемъ запрещалось сообщать свѣдѣнія о дѣлѣ бар. Фредерикса съ редакторомъ «Рѣчи». «Казанскій Вечеръ» жаловался, что ему запрещено высказать свои взгляды о возобновеніи экзаменовъ *). Въ Царицинѣ запрещены «неодобрительные факты» изъ дѣятельности полиціи. «Владимірцу» просто было запрещено «кадетствовать» **). Въ нѣсколькихъ городахъ ведется борьба изъ-за права печатать телеграфные отчеты правительственнаго С.-Петербургскаго агентства о засѣданіяхъ Государственной Думы...

Такого рода факты столь обильны, что ими безъ труда можно бы наполнить нѣсколько печатныхъ листовъ. Но противъ нихъ еще легче сдѣлать общій выводъ:

— Мало ли какой произволъ творятъ мѣстные сатрапы. Вы берите, такъ сказать, нормальныя условія. Вотъ въ Петербургѣ, напр.,—центральное правительство уже не рассылаетъ редакціямъ такихъ циркуляровъ, какіе рассылало прежде.

*) «Рѣчь», 15. IV, 1907.

**) «Рѣчь», 4. XI, 1906.

И, дѣйствительно,—я не знаю, какіе циркуляры теперь разсылаетъ центральное правительство цензорамъ, но редакторы уже лишены удовольствія подписываться на министерскихъ приказаніяхъ: «читалъ такой-то». Рѣшаюсь, однако, подѣлиться съ читателемъ нѣкоторыми своими личными впечатлѣніями, имѣющими отношеніе къ данному сюжету.

Въ мартѣ прошлаго года я, въ качествѣ редактора популярнаго еженедѣльника, между прочимъ, сдалъ въ типографію двѣ хроникерскихъ замѣтки — одну о крестьянскомъ союзѣ, другую очень короткую и строго фактическую о происшествіи, не совсѣмъ обыкновенномъ. Рѣчь касалась солдатъ расположеннаго въ Севастополѣ Бѣлостокскаго полка, принимавшихъ участіе въ усмиреніи памятнаго севастопольскаго бунта 15 ноября 1905 г. Объ участіи солдатъ въ такихъ усмиреніяхъ можно быть разныхъ мнѣній. Но каждому понятно, какъ нервно и мучительно воинская часть должна переживать сознаніе: «мы шли противъ своихъ братьевъ». И какъ разъ въ то время, когда солдаты переживали это мучительное сознаніе, севастопольскія барыни съ чисто птичьей беззаботностью «утѣшили» ихъ присылкою благодарственнаго письма съ приложеніемъ «100 рублей на орѣхи», а воинское начальство оказалось столь безтактно, что передало эту дамскую глупость по адресу. Легко представить, какъ возмущены были солдаты, о чемъ они послѣ нѣкотораго промедленія и заявили барынямъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ. Къ сожалѣнію, въ популярномъ изданіи не легко представить съ надлежащей ясностью, въ чемъ тутъ глупость и въ чемъ безтактность, граничащая съ прямою провокаціей. По крайней мѣрѣ, намъ въ редакціи не удалось напасть на подходящій для такой задачи тонъ. И поневолѣ пришлось ограничиться строго хроникерской замѣткой ровно въ 24 строки.

Объ замѣтки еще въ корректурѣ, прежде чѣмъ появиться въ очередномъ номерѣ, попались на глаза одному моему знакомому, литературу и чистокровному петербуржцу, который, подобно многимъ чистокровнымъ петербуржцамъ, очень увлекается политической астрологіей. Какъ извѣстно, это занятіе состоитъ въ томъ, чтобы наблюдать за движеніемъ и настроеніемъ свѣтилъ въ надзвѣздныхъ сферахъ, и сообразно съ симъ предугадывать судьбу отечества на завтрашній день. Это—особая спеціальность; есть люди, достигшіе въ ней высокаго совершенства; ихъ наблюденія и предсказанія печатаются въ газетахъ, наравнѣ съ бюллетенями биржи и метеорологической обсерваторіи. Астрологъ прочиталъ обѣ замѣтки и пришелъ въ ужасъ, такъ какъ, по его словамъ, «въ сферахъ категорически рѣшено не допускать ни одной строчки о крестьянскомъ союзѣ и ни одной строчки о такихъ острыхъ происшествіяхъ въ арміи», а буде хоть одна строчка появится, «приказано по всей строгости законовъ».

Я плохо понимаю политическую астрологію. И мало вѣрю астро-

логамъ. Обѣ замѣтки были напечатаны. Номеръ немедленно конфискованъ. Изданіе, по опредѣленію судебной палаты, приостановлено. Я преданъ суду. И въ качествѣ обвиняемаго въ тяжкомъ государственномъ преступленіи отданъ подъ особый надзоръ полиціи. Оказывается, замѣткою о крестьянскомъ союзѣ я намѣревался все гражданское населеніе призвать къ бунту, а сообщеніемъ о глупомъ и безтактномъ поступкѣ севастопольскихъ барынь взбунтовать также и армію, каковыя мои дѣянія предусмотрѣны 1 и 5 пунктами 129 ст. угол. улож. Мое дѣло рѣшено разсматривать въ ускоренномъ порядкѣ, безъ предварительнаго слѣдствія, съ замѣною семидневнаго срока на вызовъ свидѣтелей трехдневнымъ. Дѣло экстренно помчалось на всѣхъ парахъ, мчится уже больше года, а все никакъ доѣхать не можетъ. За этотъ годъ слишкомъ на моихъ глазахъ возникло нѣсколько новыхъ изданій, споткнувшихся о тотъ же самый порогъ. Чуть появится замѣтка о неизвѣстномъ изъ официальныхъ источниковъ, но «остромъ происшествіи» въ арміи, или даже не происшествіи, а просто солдатскомъ письмѣ, хотя бы только излагающемъ жалобу на ротнаго каптенармуса, моментально съ чисто автоматическою правильностью на сцену выскакиваетъ 5 п. 129 ст. Чуть появится замѣтка о крестьянскомъ союзѣ, хотя бы самая невинная, но затрагивающая программную суть,—и готовъ 1 п. 129 ст. Со времени разговора съ астрологомъ свыше года я слѣжу за такъ называемыми «прочными», «солидными» газетами, и за послѣдніе 7—8 мѣс. почти ни одного солдатскаго письма, ни одного бытового крика изъ арміи, почти ни одной статейки по существу о крестьянскомъ союзѣ, если не считать хроникерскихъ извѣстій то о судьбѣ лицъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности за участіе въ этомъ «преступномъ сообществѣ», то о думской фракціи. Нельзя, конечно, предполагать, будто исчезъ интересъ къ настроенію арміи, или къ своеобразной организаціи, называемой крестьянскимъ союзомъ. Никакого циркуляра, запрещающаго этого касаться не было. Такъ въ чемъ же дѣло? Откуда молчаніе сіе?

Вспомните также, какой громадный интересъ имѣли крестьянскіе письма и приговоры, печатавшіеся въ покойномъ «Сынѣ Отечества». Печатались они и послѣ «Сына Отечества». Затѣмъ по этому случаю на сцену вдругъ выскочила 129 статья. Возникли дѣла о политическихъ преступленіяхъ. Между прочимъ, въ число преступниковъ попалъ С. Я. Елпатьевскій, виновный въ томъ, что наиболѣе характерные изъ опубликованныхъ крестьянскіе приговоры были въ его популярномъ журналѣ собраны и систематизированы. Сподобился и я за эти самые приговоры и письма попасть подъ 129 ст. и внести судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ 2000 р. залогоу. Нынѣ одни изъ этихъ дѣлъ преданы забвенію. Мое дѣло, напр., прекращено. Другіе обвиняемые менѣе счастливы. За то посмотрите въ «солидныя, прочныя газеты»: теперь уже

крестьяне писемъ почти не пишутъ и приговоры не составляютъ, а если и составятъ иногда, то съ такими обиняками и экивоками, что ни до какой сути не доберешься.

Или возьмите новогодній рескриптъ Столыпину. Прекрасная и обязательная тема для петербургской газеты. Но послѣ того, какъ лояльная «Страна» почтительно высказала свои взгляды по этому поводу, а редакторъ ея скоростижно попалъ въ политическіе преступники,—въ «солидныхъ» газетахъ ни звука. А вѣдь документъ замѣчательный. И сколько было поводовъ вернуться къ нему и напомнить о немъ.

Еще примѣръ: указъ о роспускѣ первой Думы. На сколько помнится, «Рѣчь» въ первое время отмѣтила, что этотъ указъ, во-первыхъ, не контрассигнованъ, и во-вторыхъ, не сопровождается назначеніемъ срока созыва второй Думы, и, слѣдовательно, вышелъ безъ соблюденія законныхъ формальностей и съ явнымъ нарушеніемъ основныхъ законовъ 23 апрѣля. Послѣ невольнаго перерыва (съ 21 іюля по 9 августа 1906 г.) «Рѣчь» уже почти не возвращалась къ этой темѣ. Сдѣлавшій попытку подробнѣе остановиться на ней «Щитъ» погибъ въ началѣ августа. При тѣхъ же обстоятельствахъ въ концѣ августа погибъ «Первый Лучъ». Съ тѣхъ поръ, если не ошибаюсь, юридическіе дефекты указа о роспускѣ какъ бы окончательно преданы забвенію.

Не знаю, нужно ли ставить точки надъ і. Да онѣ уже и поставлены. Между прочимъ, въ началѣ апрѣля нынѣшняго года «Товарищъ» счелъ долгомъ заявить, что лишенъ возможности напечатать документъ, рисующій положеніе донского казачества, такъ какъ всякая искренняя попытка освѣтить казачьи нужды въ прессѣ влечетъ за собою кары со стороны полицейской и судебной администраціи. Къ этимъ многозначительнымъ словамъ могу лишь добавить, что порою чрезвычайно трудно опредѣлить, что именно вызываетъ кару. Въ нынѣшнихъ литературныхъ процессахъ, чаще всего построенныхъ согласно правилу: «кошку бьютъ, невѣсткѣ намеки даютъ», не только посторонній, но и самъ обвиняемый не всегда имѣетъ возможность понять, гдѣ зарыта собака.

Чтобъ объяснить конкретнѣе, возьму хотя бы такой примѣръ изъ собственной подсудности. Конецъ февраля прошлаго года былъ необыкновенно обилень характерными моментами: заявленіе (первые послѣ манифеста 17 октября), что самодержавіе остается неизмѣннымъ, процессъ Шмидта, положеніе о Государственной Думѣ и государственномъ совѣтѣ. Мнѣ пришлось всѣхъ этихъ событій дня коснуться въ выходившемъ тогда журналѣ: «Наканунѣ». Сверхъ того, факты, собранные мною о процессѣ Шмидта, были столь характерны, что я ихъ счелъ полезнымъ сообщить «Рѣчи», находившейся еще тогда въ періодѣ первоначальной организаціи. «Рѣчью» они были напечатаны и здѣсь не вызвали никакого «мѣропріятія» со стороны цензуры. За статью же въ «Наканунѣ» я привлеченъ

къ судебной отвѣтственности, но до сихъ поръ не знаю, за что именно обрушилась на меня эта кара. Пока мнѣ отъ «свѣдущихъ лицъ» удалось услышать лишь, что собственно наказать меня надо бы за отзывъ о «возстановленіи самодержавія», но такъ какъ къ этому отзыву трудно «прицѣпиться», то официально меня будутъ судить за сообщеніе «завѣдомо ложныхъ свѣдѣній» о процессѣ Шмидта,—тѣхъ самыхъ свѣдѣній, которыя безпрепятственно напечатаны «Рѣчью», излагались во многихъ другихъ газетахъ, подтверждены, наконецъ, рѣчью прокурора военно-морского суда, опубликованной севастопольскими газетами съ разрѣшенія военной цензуры. Судите,—какимъ остроуміемъ долженъ обладать петербургскій редакторъ, чтобы догадаться, какое именно руководящее указаніе преподало начальство, привлекая литератора Петрищева къ отвѣтственности за напечатанную въ «Наканунѣ» статью!..

Или—вспомните, какую почетную роль сыграли «Двадцатый Вѣкъ», «Русь» и «Молва» своими спеціальными разслѣдованіями о дѣйствіяхъ семеновцевъ, о дѣлѣ Спиридоновой, о прибалтійскихъ карательныхъ отрядахъ и т. д. Не мала заслуга группы литераторовъ, выполнившихъ эту трудную работу и вынесшихъ за нее не малые гоненія. Я говорю: «за нее». Но вѣдь—официально-то редакция «Молвы», редакция «Двадцатаго Вѣка», редакция «Руси» подвергнуты карамъ за женскія письма о Шмидтѣ, за фельетоны о Витте, за многія другія скоропреходящія мелочи, порою просто наивныя, порою остроумныя, но весьма далекія отъ социализма, анархизма и прочихъ «жупеловъ». Газету били, положимъ, за фельетонъ г. Амфитеатрова о «Сергѣѣ Каменноостровскомъ», а мы должны были догадываться, что, значить, правительство впредь не потерпитъ «статей, подобныхъ корреспонденціямъ г. Владимірова объ истязаніи Спиридоновой». Въ концѣ концовъ, мы и догадывались. «Подобныя статьи» уже не появляются въ «солидной» прессѣ. Но согласитесь, нужно огромное трудолюбіе, чтобы слѣдить за всѣми такими намеками начальства, и совершенно исключительный талантъ провидѣнія, чтобы понимать эти намеки, какъ слѣдуетъ. Нынѣ это—совершенно особая спеціальность. И если вы захотите организовать новую газету въ Петербургѣ, спеціалисты этого рода вамъ, навѣрное, предложатъ свои услуги:

— Знаю умонастроеніе начальства, и могу читать номеръ съ цензурной точки зрѣнія.

Иначе говоря, если вы желаете, чтобы газета стояла прочно и не погибла на первыхъ же шагахъ, вамъ необходимо имѣть въ редакціи такого спеціалиста, который хотя и не служитъ въ цензурномъ вѣдомствѣ, но умѣетъ, когда это нужно, перевоплотиться и быть alter ego вашего цензора. А если такого alter ego по близости не окажется, для васъ есть только одинъ выходъ: «дружба съ цензоромъ». Конечно, намековъ со стороны начальства такъ много, что даже обыкновенный смертный, интересующійся литера-

турными дѣлами, до нѣкоторой степени догадался. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ каждый сотрудникъ въ газетѣ безошибочно опредѣлить:

— Достоверность такого-то и такого-то чисто фактического матеріала не подлежитъ сомнѣнію, ничего противозаконнаго тутъ нѣтъ, но если мы эти факты публикуемъ, то цензурный комитетъ насъ взорветъ на воздухъ.

Но обыкновенный смертный либо, какъ «пуганая ворона—куста боится», либо не замѣтитъ дѣйствительной опасности. И только специалистъ сумѣетъ «попасть въ самую точку», не перегнуть палку ни въ ту, ни въ другую сторону. Да и нельзя обойтись безъ специальныхъ изслѣдованій въ этой области. беру для примѣра бюллетень за 8 мая (по «Рѣчи»):

Приостановлено изданіе газетъ: «Судьба Народа», «Наша Трибуна», «Извѣстія». Наложены аресты: на № 1 газ. «Наша Трибуна», редакторъ привлекается къ отвѣтственности по 3 и 5 п.п. 129 ст.; на № 2 газ. «Извѣстія», редакторъ привлекается по 1, 2 и 6 п.п. 129 ст.; на майскую книжку журнала «Русская Историческая Библіотека», редакторъ привлекается по 107 и 128 ст. ст.

Для обыкновеннаго смертнаго это—обычная хроника петербургскаго дня. Но кто-то долженъ немедленно изслѣдовать, за что, почему, просто ли новыми обстоятельствами лишь подтверждаются уже принятыя къ свѣдѣнію указанія начальства, или тутъ есть новый урокъ, который, если не примешь къ руководству, то погубишь завтрашній номеръ.

Давайте же сравнимъ «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій». Была цензура, руководимая вѣяніями съ высоты, гдѣ, какъ нѣкогда въ Версалѣ, по опредѣленію Малла-дю-Пана, «солнце не освѣщаетъ три дня подъ рядъ однихъ и тѣхъ же мнѣній». Изданіе, не считавшееся съ этой капризностью настроеній, гибло. А теперь? Или уже въ Версалѣ солнце освѣщаетъ три дня подъ рядъ одни и тѣ же мнѣнія? Были «указанія», какихъ свѣдѣній и сужденій не должно быть допускаемо. А теперь этихъ указаній нѣтъ?

— «Къ счастью», редакторы уже не подписываютъ министерскихъ циркуляровъ, основанныхъ на 140 ст.

Можетъ быть, для кого-либо это и составляетъ удовольствіе, пусть даже счастье. Но для насъ, которые замѣнили собою министерскіе циркуляры и ради такой оказіи отданы подъ судъ, объявлены подписками о невыѣздѣ, стоимъ подъ надзоромъ полиціи... смѣю увѣрить, для насъ это вовсе не счастье. Я бы понималъ такое, примѣрно, изреченіе:

— Прежде министръ дѣлалъ свои указанія на бумагѣ. А теперь, «къ счастью», онъ пользуется для этой цѣли соціалистами.

Но вѣдь наглядными пособіями служить не одни соціалисты.

Вѣдь въ число лицъ, на примѣрѣ коихъ преподаются указанія, попалъ даже редакторъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», даже редакторы «Петербургскаго Листка» и «Петербургской Газеты». Прежде я зналъ, что нельзя помѣщать фактическихъ свѣдѣній о «волненіяхъ», и чтобы постигнуть эту истину, мнѣ нужно было не болѣе 2 минутъ, ровно столько, сколько требуется для прочтенія циркуляра. Теперь «Товарищу» тоже извѣстно, что нельзя печатать нѣкоторый фактическій матеріалъ, освѣщающій казачьи нужды. Но позвольте спросить откровенно:

— Сколько литературскихъ судебъ было искалѣчено, прежде чѣмъ газета могла надлежаще понять и ясно формулировать это драгоцѣнное указаніе начальства?

Прежде правительство не рѣшалось обнаружить, что его идеаль—упраздненіе литературы, полное отсутствіе свободной печати. И теперь оно не рѣшается это обнаружить. Прежде для поврежденныхъ изданій существовалъ «порядокъ концессіонный». Нынѣ—«явочный порядокъ разрѣшенія». Это льгота, крупная льгота. Но не будь ея, на предметъ намековъ, должествующихъ замѣнить 140 ст., пришлось бы въ 1—2 дня уничтожить всю поврежденную печать. Эта—шестерня, безъ которой немислимо дѣйствіе нововозобрѣтенной машины. Прежде цензура и 140 статья служили рычагами, при помощи которыхъ правительство старалось стереть различіе между органомъ печати и голубымъ мундиромъ. Рецептъ былъ простъ: оглашать разрѣшается лишь то, что соответствуетъ видамъ власти. А нынѣшнія указанія какую цѣль преслѣдуютъ? Прежде до нѣкоторой степени имѣло силу правило: цензоръ разрѣшилъ—редакторъ въ порядкѣ публичнаго права не отвѣчаетъ. Прежде сквозь цензуру проскальзывали сообщенія, непріятныя правительству, полицеймейстеру, прокурору, градоначальнику, министру, директору департамента. Но виновать цензоръ, чиновникъ, особа часто пятаго или даже четвертаго класса, во всякомъ случаѣ «свой человѣкъ», по отношенію къ которому служебный обычай разрѣшаетъ лишь келейныя просьбы и келейныя внушенія. Особѣ пятаго или даже четвертаго класса въ такихъ случаяхъ ради служебнаго самолюбія приходилось придавать «инциденту» по возможности невинный видъ. Помню, на примѣръ, одинъ такой эпизодъ изъ дѣятельности Екатеринославскаго отдѣльнаго цензора г. Меликъ-Меграбова. Г. Меликъ-Меграбовъ разрѣшилъ мою статью. А какой-то жандармскій ротмистръ усмотрѣлъ въ ней «пропаганду» и обратилъ вниманіе, кого слѣдуетъ, на столь явный недосмотръ цензуры. Г. Меликъ-Меграбовъ вынужденъ былъ исписать не мало бумаги, чтобы доказать начальству свою служебную исправность и мою авторскую невинность. Такъ было прежде,—не далѣе, какъ въ августѣ 1903 года. Тогда страхъ возлагался на цензора. Нынѣ онъ всецѣло лежитъ на редакторѣ, на человѣкѣ «постороннемъ», «частномъ», съ которымъ никто це-

ремонтиться не станетъ. Иногда, въ видѣ изъятія изъ общаго правила, его можно вызвать для келейнаго внушенія. Такъ поступилъ, напримѣръ, владимірскій губернаторъ Сазоновъ съ издателемъ газеты «Владимірецъ» г-номъ Андреевымъ: вызвалъ и закричалъ: «Ты... революціонную газету издаешь! Даешь заработокъ лицамъ, идущимъ противъ царя! Вотъ *тебѣ* недѣлю сроку... А не то... Я напишу въ Петербургъ и представлю *тебя* въ такомъ освѣщеніи, что послѣ не прогнѣвайся» *). Точно такъ же поступилъ съ редакторомъ большой столичной газеты петербургскій градоначальникъ, недовольный замѣткою объ избіеніи рабочихъ конною полиціей (въ апрѣлѣ нынѣшняго года): вызвалъ и «разъяснилъ» (впрочемъ, насколько я знаю, не замѣняя «пустого вы сердечнымъ ты»). Но, повторяю, покрикивать: «куда лѣзешь, борода», служебный обычай повелѣваетъ лишь въ минуты благодушія, ради исключительныхъ случаевъ и какъ бы въ награду за прежнюю умѣренность и аккуратность. Обычный же порядокъ объясненія съ посторонними лицами извѣстенъ: жандармскій ротмистръ усмотрѣлъ пропаганду,—снесись по телефону, и пожалуйста въ каталажку.

Прежде цензоръ говорилъ: «своя рубашка ближе къ тѣлу». Но, въ минуты острой борьбы въ его душѣ между стыдомъ и страхомъ, онъ всетаки могъ утѣшить себя: «э, въ случаѣ чего, какъ-нибудь отпишусь». Теперь редактору предоставлено соображать, близка къ его тѣлу рубашка или не близка, и онъ навѣрное знаетъ, что «въ случаѣ чего» ему отписываться не позволятъ. Прежде между карательнымъ аппаратомъ и литературой стоялъ цензорскій стыдъ, цензорская несообразительность, цензорскій недосмотръ. Теперь эти тренія устранены. Регуляторомъ печати состоитъ редакторскій страхъ и издательскій ужасъ. И если бы содержаніе и направленіе литературы зависѣли отъ чувства страха, надлежаще внушеннаго наличному числу литераторовъ, если страхъ и ужасъ что-либо значать въ житейскомъ обиходѣ, то нынѣшняя система во много превосходнѣе системы прежней, и вѣрнѣе ведетъ правительственную власть къ ея завѣтной цѣли. Оно и случилось бы, если бы въ этой старой цѣли и въ этой новой системѣ не было все, отъ начала до конца, такъ чудовищно нелѣпо.

IV.

Въ этой системѣ все нелѣпо. Во имя чего, спрашивается, происходитъ по всей Россіи насажденіе и распространеніе голубыхъ листовъ? Государственному казначейству это предпріятіе обходится никакъ не менѣе десятка милліоновъ рублей. Чего же ради гибель сія денежная бысть? Ради насажденія и укрѣпленія православія,

*) „Рѣчь“, 28. XI, 1906.

самодержавія, «національныхъ основъ»? Но вѣдь это же покушеніе съ явно негодными средствами?

Я росъ въ мѣщанской семьѣ, которая крѣпко держалась старыхъ традицій. Съ 12 лѣтъ меня заставили торговать въ лавкѣ. Здѣсь я впервые получилъ доступъ къ газетѣ. И первую газетой, которую я сталъ читать, былъ комаровскій «Свѣтъ». И именно «Свѣтъ», искони пропагандирующій самодержавіе, внушилъ мнѣ, мальчику, мысль о преимуществѣ республиканскаго образа правленія передъ монархическимъ. Скажу больше: именно «Свѣтъ», шумно пропагандировавшій православіе и, казалось бы, въ этомъ пунктѣ находившій особую поддержку со стороны семьи, поколебалъ меня и на счетъ православный вѣры. Въ послѣднее время печатью уже обнаружено не мало такихъ автобіографическихъ черточекъ: «Сельскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости», оказывается, укрѣпляютъ людей въ крамольномъ образѣ мыслей, «Вѣче» и «День» внушаютъ отвращеніе къ «союзу русскаго народа», «Россія» формируетъ убѣжденныхъ враговъ г-на Столыпина. И, наоборотъ, извѣстны случаи, когда кричаще радикальныя статьи и брошюрки дѣйствовали на сѣраго читателя какъ разъ въ обратномъ направленіи: «нѣтъ, молъ, это чересчуръ, надо малость потише».

Тонкая это шутка—пропаганда! И не всякому дано ее постигнуть. И всего меньше этимъ даромъ могутъ обладать составители голубыхъ листковъ.

Загляните хотя бы изъ любопытства въ эти издѣлія. Кое гдѣ, какъ, напр., въ брошюрѣ г-на Иванова «о кадетахъ», вы найдете отдѣльные абзацы, въ которыхъ слышна, по крайней мѣрѣ, искренняя, убѣжденная злость. Все остальное—до истерическихъ воплей монаха Иліодора включительно—сплошной шумъ, крикъ, гвалтъ; подъ риторической горячностью чувствуется холодъ скуки, тоскливая фальшь и неискренность. Люди какъ будто все время распинаютъ себя во имя православія и самодержавія. Но чѣмъ больше они стараются себя распять, тѣмъ страннѣе поражаетъ читателя полное отсутствіе того всепобѣждающаго наѣоса, который создается убѣжденной страстностью. Невольно выносишь такое впечатлѣніе, словно поетъ хоръ государственныхъ старцевъ въ залѣ дворянскаго собранія.

И откуда ей вѣзаться, страстной-то убѣжденности? Нелѣпна мысль, будто если поднять общеимперскій гвалтъ по случаю самодержавія да уснастить для крѣпости словечками изъ курса митирогнозія, то и выйдетъ пропаганда «исконныхъ русскихъ началъ», а не трата казенныхъ милліоновъ для цѣлей совершенно обратнаго свойства,—ну, хотя бы, напр., для всенародной демонстраціи, что въ защиту самодержавія уже никто не можетъ сказать ни одного дѣйствительно горячаго, дѣйствительно властнаго слова. Но еще нелѣпнѣе предположеніе, будто литература есть нѣчто, персонально совпадающее съ кучкою литераторовъ и, слѣдовательно, могущее быть

мѣрами строгости загнано въ уголъ, а буде понадобится, то и во-все истреблено.

«Загнано въ уголъ»... Это выраженіе въ раннемъ дѣтствѣ я слышалъ отъ одного уличнаго адвоката, который любилъ увѣрять своихъ сѣрыхъ кліентовъ, что онъ противную сторону «обязательно загонитъ въ уголъ».

— Обязательно! Въ уголъ... И крышка... Понимаешь?

Отъ старичка-адвоката я впервые узналъ, что есть такая формула: «загнать въ уголъ». Потомъ, конечно, не разъ слышалъ то же выраженіе отъ другихъ людей, въ другой обстановкѣ и при другихъ обстоятельствахъ. На первоначальное впечатлѣніе, ассоціированное со словами: «загнать въ уголъ», налегали пласты впечатлѣній новыхъ. Они сплелись въ сложную сѣть представленій, которая, лишь только формула «загнать въ уголъ» произнесена, создаетъ во мнѣ опредѣленное настроеніе, и вмѣстѣ съ многими другими не менѣе сложными сѣтами представленія извѣстнымъ образомъ опредѣляетъ мой образъ мыслей и мои поступки. И если бы надо было искать виноватыхъ, почему мое настроеніе въ данномъ случаѣ складывается такъ, а не иначе, почему моя мысль приходитъ къ однимъ, а не къ другимъ выводамъ, то подстрекателей и агитаторовъ оказалось бы безчисленное множество. Среди нихъ, какъ капля въ морѣ, очутился бы и старичекъ-адвокатъ. Привлекая, примѣра ради этого, старичка къ отвѣтственности за совокупное съ другими подстрекательство литератора Петрищева къ такимъ-то и такимъ-то настроеніямъ и такимъ-то и такимъ-то мыслямъ, мы бы узнали отъ него то же самое, что могу сказать и я.

— Дѣйствительно, объяснилъ бы онъ, я произвелъ инкриминируемое мнѣ впечатлѣніе. Но это случилось потому, что у меня съ выраженіемъ «загнать въ уголъ» ассоціировалась своеобразная сѣть представленій, сложившихся по винѣ многихъ лицъ. Первоначальное же впечатлѣніе мною получено, кажись, въ раннемъ дѣтствѣ, когда я былъ крѣпостнымъ казачкомъ у нашего помѣщика Бахвалова, который постоянно игралъ на билліардѣ и часто говорилъ: «желтаго въ уголъ» и при этомъ имѣлъ видъ побѣдителя.

И опять бы мы имѣли безчисленное множество виновныхъ, среди которыхъ, какъ капля въ морѣ, свое мѣсто занимаетъ и гипотетическій помѣщикъ Бахваловъ. Привлекая, опять-таки примѣра ради, помѣщика Бахвалова къ отвѣтственности, мы лишь пришли бы къ убѣжденію, что корни даннаго дѣла теряются въ сѣдой глубинѣ временъ и поколѣній.

Относительно того лексическаго матеріала, которымъ меня наградила судьба, въ громадномъ большинствѣ случаевъ я и самъ не знаю, откуда у меня взялось то или другое слово, и почему съ нимъ въ моемъ мозгу связаны одни, а не другія представленія. Но исторію нѣкоторыхъ словъ я могъ бы, хотя и съ значительными изыянками, восстановить. И, въ качествѣ писателя, знаю,

какъ порою то или иное представленіе, связанное съ извѣстнымъ словомъ, освѣщаетъ предметъ съ неожиданной стороны, и какую громадную роль играетъ въ направленіи мыслей, въ опредѣленіи характера работы. Дѣло это столь интимное, что Богъ вѣсть,—возможно ли, напримѣръ, изложить исторію хотя бы нѣкоторыхъ личныхъ писательскихъ представленій, ассоціированныхъ съ тѣми или другими словами. Но порою жаль, что такой исторіи нѣтъ. Это было бы нагляднымъ и общедоступнымъ доказательствомъ, какими кровными нитями каждый писатель связанъ съ родной стихіей, съ родной страной, съ ея бытомъ, климатомъ, съ ея исторіей, съ ея вѣрованіями и предразсудками, горемъ и радостями... Истина очень старая, но—увы!—еще далеко не всѣми ясно понятная.

Бросьте камень въ океанъ,—ну, хотя бы около Санъ-Франциско. Разъ толчокъ произведенъ, внѣ силъ человѣческихъ помѣшать ему быть переданнымъ и въ Нагасаки, и въ Шанхай, и въ Кронштадтъ. Это физическій законъ. Бросьте идею и разъ она произвела такъ сказать социальный толчокъ, то уже никакими силами вы не помѣшаете ей найти литературное выраженіе и добрести «до множительнаго аппарата».

Въ сущности нынѣшняя система террора по отношенію къ легальной печати даже для Россіи не новинка. Въ зачаточномъ видѣ это было и раньше, — съ тѣхъ поръ, какъ въ административномъ порядкѣ, наперекоръ юридическимъ нормамъ и здравому смыслу, приостанавливаются подцензурныя періодическія изданія за «вредное направленіе». Вѣдь уже заставляли издателей жить подъ страхомъ убытковъ, а сотрудниковъ, «враговъ царя самодержавнаго», какъ выражается на своемъ жаргонѣ владимирскій губернаторъ,—подъ страхомъ, по первому мановенію начальства, очутиться безъ заработка. Ни для кого не секретъ, что изъ этого вышло. Появился странствующій литераторъ. Много его было. И любопытно онъ жилъ. Два мѣсяца обнаруживалъ «вредное направленіе» въ Екатеринославѣ; изгнанный отсюда ѣхалъ въ Баку, мѣсяца черезъ три изъ Баку въ Тифлисъ, изъ Тифлиса въ Одессу, потомъ въ Кіевъ, въ Саратовъ, въ Ростовъ на Дону и снова въ Екатеринославъ. Такого рода круговыя поѣздки порою совершались въ 2—3 года, и при томъ не только пылкими юношами, но и многосемейными людьми далеко не первой молодости. Появился также особый издатель, не предусмотрѣнный системою. Система предполагала въ немъ заранѣе обдуманное намѣреніе и тщила запугать угрозами. А у него если и были намѣренія, то совершенно не въ той плоскости, на которой угрозы могутъ имѣть силу. Характеристика русскихъ издателей—сюжетъ огромный. Останавливаться на немъ сейчасъ я не имѣю возможности. Но, въ видѣ иллюстраціи, рѣшаюсь сказать мелькомъ нѣсколько словъ объ одномъ издателѣ.

Это былъ для провинціального города крупный чиновникъ, въ воз-

растѣ около 40 лѣтъ. «Дослуживая послѣдній годъ» до очередного чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, онъ вдругъ какими-то неисповѣдимыми путями додумался до «русской идеи». И эта идея такъ захватила его, что онъ рѣшилъ весь свой «наслѣдственный капиталъ» (около 15 тыс. руб.) употребить на изданіе газеты. Идея, въ ея первоначальномъ видѣ, сводилась къ тому, что русскій народъ стремится не къ порабощенію, а къ счастью всѣхъ населяющихъ имперію національностей. Сія туманность въ первыхъ номерахъ газеты, возникшей на наслѣдственные 15 тысячъ, и оставалась туманностью. Но когда въ пылу полемики ее пришлось развернуть и выразить конкретно, будущій генералъ мужественно пошелъ навстрѣчу превратностямъ судьбы, хотя и признался откровенно:

— Вотъ ужъ не ожидалъ, знаете ли... Такая гуманитарная и, можно сказать, патріотическая идея... А между тѣмъ, къ какимъ радикальнымъ послѣдствіямъ приходишь!..

При Сипягинѣ и Плеве много оказалось такихъ людей, не ожидавшихъ, что гуманитарныя и, можно сказать, патріотическія идеи, если имъ честно служить, приводятъ къ радикальнымъ послѣдствіямъ. Въ одномъ мѣстѣ директоръ гимназіи, въ другомъ—содержатель ссудной кассы, въ третьемъ—судья, въ четвертомъ—отставной генералъ и т. д., и т. д. Все это, подчиняясь неизвѣстно откуда появившейся, но властной потребности выразить какую-то идею, несло средства, стягивало то тамъ, то здѣсь кадры кочующихъ литераторовъ, начинало туманностями, постепенно развѣтывалось и незамѣтно отъ сентиментальнаго «Коль Славенъ» переходило къ Марсельезѣ. Во имя чего одни серьезные люди метались изъ одного конца Россіи въ другой, нигдѣ не находя пристанища? Во имя чего другіе, также серьезные и болѣе степенные люди рисковали наслѣдственными и благопріобрѣтенными капиталами? А во имя чего во время японской войны нѣкоторые кіевскіе, напр., биржевые зайцы сочиняли сатиры на русскихъ генераловъ, и не только сочиняли, но и печатали и распространяли, зная, что полагается за такую явно нелегальную дѣятельность? Съ какой стати вдругъ появились деревенскія прокламаціи, напечатанныя на деревенскихъ же подпольныхъ «множительныхъ аппаратахъ»? Почему во времена того же хотя бы Плеве рептильная пресса производила гвалтъ по поводу самодержавія и прочихъ незыблемыхъ основъ? Неужели нужно доказывать, что это было отрицательнымъ выраженіемъ народившейся, наконецъ, общенародной потребности разобратся въ опредѣленныхъ вопросахъ, осмыслить «послѣдствія», къ какимъ приводитъ «гуманитарная и патріотическая идея»? Неужели нужно пояснять, что эта потребность отражалась и въ кочующемъ литераторѣ, и въ генералѣ, принесшемъ на алтарь литературы послѣднія 15 тыс. руб., и въ биржевомъ зайцѣ, распространявшемъ сатирическія про-

кламаці? Рептильная пресса въ сущности обостряла эту под-робность, подзадоривала; повторяя неустанно доводы за само-державіе она тѣмъ самымъ неустанно подсказывала доводы и противъ. Въ конечномъ счетѣ она тоже участвовала въ колоссаль-ной мозговой работѣ, какую производилъ весь народъ. Результаты этой работы отдѣльными звеньями ковались по всей странѣ. И окончательную отливку получили на литературныхъ вершинахъ, возвращаясь отсюда къ первоисточнику, какъ новый импульсъ для продолженія и углубленія уже начатой работы. Прошу понять, что литературная вершина вовсе не значить — петербургская или иная редакція. Литературной вершиной можетъ быть всемірно извѣстный писатель, и никому невѣдомый авторъ «новой» деревен-ской пѣсни, и малограмотный самарскій купецъ Сенаторовъ, напи-савшій необыкновенной силы и выразительности посланіе митро-политу Антонію, и столь же далекій отъ профессиональнаго лите-раторства священникъ Іона Брехничевъ, который вдругъ почувство-валъ властную потребность «глаголомъ жечь сердца людей» и воззвалъ:

— Встань, спящій!

Ему передъ этимъ достаточно напоминали и о ссылкахъ, и о тюрьмахъ, и о каторжныхъ работахъ. Но вѣдь въ томъ-то, повто-рая, и суть, что дѣйствіе происходитъ совсѣмъ не въ той плоско-сти, гдѣ имѣетъ силу страхъ. Да и что значить эта сила передъ стихійнымъ давленіемъ массъ, съ которыми каждый изъ насъ кровно связанъ?

Нынѣ система застраиванія во много разъ усугублена. Изда-телямъ угрожаютъ уже не просто лишеніемъ имущества, но, сверхъ того, и каторжными работами. И, какъ всегда, есть издатели, на которыхъ это дѣйствуетъ. Но, помимо такихъ, не исчезаетъ изда-тель, который «страха не страшится и смерти не боится». Редак-торамъ и сотрудникамъ угрожаютъ уже не простымъ лишеніемъ заработка, но всѣми видами тягчайшихъ наказаній, до вѣчной ка-торги и смертной казни включительно. Но «дерзкія» изданія воз-никаютъ безпрерывно. На мѣсто одного только что изувѣченнаго редактора безтрепетно становится другой. Только что привлечен-ный по шести дѣламъ, сотрудникъ пишетъ новую статью, за ко-торую его надо привлечь въ седьмой разъ, и которую онъ тѣмъ не менѣ подписываетъ полнымъ своимъ именемъ. На-те, молъ, привлекайте. Можно представить себѣ удивленіе «власти»:

— Мы усугубили терроръ, а «писакі», даже робкіе и послуш-ные, касаются такихъ предметовъ, о которыхъ даже прежде, когда страхъ былъ меньше, они и мечтать не смѣли. Изъ всѣхъ обла-стей общественной жизни мы наибольшее вниманіе обратили на литературу. Самыя рѣшительныя мѣры пресѣченія и обузданія мы направили именно противъ литературы. И тѣмъ не менѣ лите-ра-

тура оказалась наиболѣе свободной отъ нашего воздѣйствія. Откуда это? Почему?

А почему вы удесятирили число рептильныхъ изданій? Почему ваши рептиліи благимъ матомъ вопятъ о социализмѣ, объ отчужденіи помѣщичьихъ земель, о крамолѣ, о самодержавіи, о православіи etc., etc.? Развѣ это не то же, какъ и прежде, по существу, но удесатеренное по размѣрамъ отрицательное отраженіе общенародной потребности осмыслить основные вопросы общественнаго бытія? Развѣ ваша рептильная пресса теперь уже не обостряетъ эту потребность? Развѣ распространеніе ея доводовъ pro не есть вмѣстѣ съ тѣмъ и подсказываніе доводовъ contra? Мы понимаемъ, что для васъ рептиліи—насуущійшая необходимость. Безъ нихъ вамъ, дѣйствительно, жить нельзя. Но именно появленіе и удесатереніе ихъ и подчеркиваютъ нелѣпость вашей попытки «смирить литературу» страхомъ.

Поймите же, наконецъ, что худо это или хорошо, но вы, со всѣми вашими рептиліями, участвуете въ той необъятной лабораторіи, гдѣ въ процесѣ всенародной мысли и всенароднаго творчества вываривается нѣчто, называемое литературой. Участвуете даже такими, казалось бы, весьма далекими отъ литературнаго творчества дѣлами, какъ обращеніе всего судебного вѣдомства въ сплошную карательную экспедицію противъ печати. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ этимъ вы не ожесточаете потребность отъ общей «гуманитарной и патріотической идеи» о независимомъ и справедливомъ судѣ перейти къ конкретнымъ выводамъ? Развѣ не такую же роль играютъ почти всѣ ваши мѣропріятія? Вы неустанно бросаете камни въ океанъ. Это воистину ваша профессія. И, волнуя океанъ, волнуя народную совѣсть, вы хотите, чтобъ производимые ваши толчки не передавались «равномѣрно и во всѣ стороны»? Слѣпцы, вы хотите фокусами переодолѣть вѣчные законы природы.

Безсмысленная система предварительной цензуры. Но даже ея творцы умнѣе васъ. Они всетаки, пусть молчаливо, пусть безсознательно, но считались съ тѣмъ, что литература—дѣло всенародной потребности и всенароднаго творчества. Они не ныряли до корней и лишь старались не допустить появленія вѣтвей и плодовъ. И, чтобъ гильотинировать каждую могущую прорости вѣтвь, около каждаго мѣста, гдѣ предполагалась эта опасность, былъ представленъ служитель съ топоромъ. Изъ приличія его называли не служителемъ, а цензоромъ, одѣвали не въ красную рубаху, а въ мундиръ. Но по существу это былъ именно «шефъ при гильотинѣ». И свою специальную работу онъ всетаки могъ по мѣрѣ силъ выполнить. Вы на опытѣ убѣдились, что система гильотинированія при извѣстномъ напряженіи жизни не достигаетъ цѣли. Вы предприняли походъ противъ корней, въ числѣ коихъ и сами состоите. Вынужденные такъ или иначе участвовать въ опредѣленной обще-

народной работѣ, вы хотите упразднить ее страхомъ каторги. И надѣетесь на успѣхъ?

Герой одной старинной сказки старался сдѣлать такой огонь, отъ котораго не горячо. И, чтобы достигнуть этого, дулъ на него, полагая, что такимъ способомъ остудитъ жаръ. Герой вовсе не сказки, а православнаго вѣдомства, К. П. Побѣдоносцевъ, во имя государственнаго идеала, пусть при данной исторической обстановкѣ совершенно нелѣпаго, но все же вынужденнаго развивать свои нормы путемъ логическимъ, вырабатывалъ мѣры для искорененія въ странѣ «привычки логически мыслить». Вѣрить въ успѣхъ такихъ предпріятій—нелѣпость. Но еще большая нелѣпость воевать съ литературой той страны, въ которой живешь, и въ созданіи которой принимаешь пусть зловерное, пусть благотворное, но участіе,—воевать и въ то же время надѣяться на успѣхъ. При нелѣпостяхъ побѣдоносцевскаго типа человекъ воюетъ всетаки съ чѣмъ-то, для него постороннимъ. А вѣдь здѣсь идетъ война со всѣми вообще и съ самимъ собою въ частности. Эту послѣднюю и единственную въ своемъ родѣ нелѣпость продѣлывали не одинъ разъ правительства многихъ странъ, всегда съ однимъ и тѣмъ же самоубійственнымъ успѣхомъ, умѣя, однако, въ большинствѣ случаевъ во время опаматоваться. Теперь хотятъ тотъ же чужой опытъ повторить въ Россіи на собственной шкурѣ, но до послѣдняго конца. Что-жъ, если это очень нужно, пусть опытъ повторится до послѣдняго конца: кто дальше пойдетъ по пути самоубійственныхъ нелѣпостей, тому вѣрнѣе не возвращаться.

А. Петрищевъ.

Облетѣли цвѣты, догорѣли огни.

Огня не чувствовалось, но огни были и было очень много цвѣтовъ,—яркихъ пахучихъ цвѣтовъ. Была «семичленная» формула, отвѣтственное министерство, государственный земельный фондъ, если не Учредительное Собраніе, то, по крайней мѣрѣ, учредительныя функціи... Новыя гордыя слова неслись оттуда, изъ стараго дворца: «Власть исполнительная да подчинится власти законодательной» и болѣе пышныя, чѣмъ резонныя реплики пышнаго предсѣдателя о «Думѣ-правительствѣ».

Были активныя выступленія,—рѣзкое недовѣріе министерству, непарламентскіе крики, былъ даже внѣпарламентскій путь,—обращеніе къ народу, было даже: «ни одного солдата, ни копейки денегъ».

Было, и былѣмъ поросло. Цвѣты завяли, огни потухли. Молчаніемъ началась новая Дума...

Странно было слѣдить за первыми шагами новой Государственной Думы изъ-за границы, со стороны, изъ чужого мѣста. Молчала Дума на декларацію Столыпина... Остенъ-Сакенъ и Пономаревъ шагъ за шагомъ отбирали у Думы кулуары, залы комиссій, производили въ нихъ обыски, не пускали представителей прессы, дѣлали выговоры депутатамъ, журналистамъ,—было молчаніе. Министръ Столыпинъ всемѣрно присоединился къ предложенію депутата Родичева объ ограниченіи компетенціи продовольственной комиссіи собраніемъ свѣдѣній въ городѣ Петербургѣ и всемѣрно ставилъ препоны для полученія таковыхъ свѣдѣній отъ земствъ и самого министерства... Потомъ вопросъ о бюджетѣ, этотъ наиболѣе парламентскій вопросъ, этотъ оселокъ, на которомъ точатся инструменты народнаго представительства... Съ одной стороны, изъ кадетской партіи выдается авансомъ обѣщаніе утвердить бюджетъ, а съ другой стороны, министръ Столыпинъ, не удовлетворяющійся основными законами и сенатскими разъясненіями, дѣлаетъ свои разъясненія и изгоняетъ экспертовъ. Дума молчитъ... Многое еще потомъ... Со стороны казалось, будто что-то темное и тупое осаждаетъ Думу и шагъ за шагомъ отбираетъ позиціи и загоняетъ осаждаемыхъ въ тѣсную дыру, въ уголъ, гдѣ повернуться нельзя! А осаждаемые, испуганные—или вѣрнѣе сами себя напугавшіе, жмутся и всё отодвигаются, и все молчатъ, и только тревожно шепчутъ: «Берегите Думу! Берегите Думу! Они разсердятся». А внѣ Думы все продолжали вѣшать людей Гершельманы, военно-полевые суды, все двигались на сѣверъ и на востокъ поѣзда съ «политическими», все расширялись и уплотнялись тюрьмы, все развѣтывался конституціонный путь, по которому шествовалъ конституціонный министръ Столыпинъ—и сѣрый тяжелый налетъ, какъ-то ужасно быстро опускался надъ этой, болѣе чѣмъ первая, оппозиціонной Думой.

Тамъ, въ Ниццѣ, когда кругомъ толчется далекая, чужая, такая плоская и скучная жизнь, когда не глядишь въ лицо этимъ «русскимъ», «православнымъ», оказавшимся эсъ-эрами и эсъ-деками, не слышишь ихъ голоса, не обнимаетъ тебя больная, горячая и яркая русская жизнь, особенно больно, особенно трудно понять то, что происходитъ въ Россіи. Такъ хочется подыскать объясненіе, найти оправданіе...

Наиболѣе понятна для меня была тактика партіи народной свободы. Она намѣчалась еще въ предвыборную кампанію, кусокъ которой я засталъ въ Петербургѣ. Два факта опредѣленно выяснились тогда. Болѣе или менѣе неблагополучно освободившись отъ своей «гири на ногѣ каторжника»—выборгскаго воззванія партія народной свободы точно и опредѣленно отграничила для себя парламентскій путь, только парламентскій путь,—какъ един-

ственную дорогу партіи. Вторымъ фактомъ было тоже очень определенное отмежевываніе ея отъ лѣвыхъ партій. Я говорю не о тѣхъ предвыборныхъ соглашеніяхъ, когда к.-д. упорно не хотѣли давать того количества мандатовъ отъ Петербурга, которыхъ требовали лѣвыя партіи, а о той разграничительной линіи, которая висѣла въ воздухѣ декабрь и январь и которую совсѣмъ неприкровоенно проводили на собраніяхъ и въ печати к.-д. И когда я слушалъ, какъ въ Тенишевскомъ училищѣ П. Н. Милюковъ говорилъ лидеру союза 17-го октября, Милютину: «идите къ намъ»,—мнѣ не показалось это только ироническимъ отвѣтомъ на такое же предложеніе союза 17-го октября кадетамъ. Неяснымъ оставалось отношеніе къ правительству, но въ той борьбѣ на два фронта противъ октябристовъ и лѣвыхъ, которую вели тогда к.-д., быть можетъ, не оставалось времени на детальное установленіе позиціи по отношенію къ правительству. Къ тому же, казалось, слова всѣ были выговорены и позиція по отношенію къ правительству «разгона первой Думы», какъ называли его кадеты, къ правительству военно-полевыхъ судовъ, губернскихъ и уѣздныхъ самодержцевъ и прочихъ конституціонныхъ методовъ государственной жизни, казалась совершенно точной и опредѣленной.

Во всякомъ случаѣ, я понималъ ихъ гораздо больше и яснѣе, чѣмъ въ прошломъ году, когда они долго не хотѣли уступать въ Думѣ лѣвыхъ мѣстъ трудовикамъ, когда они собирались дѣлать свое знаменитое, такъ и не удавшееся, обращеніе къ народу въ отвѣтъ на не менѣе знаменитое апеллированіе къ крестьянству тогдашняго министерства, когда, наконецъ, подписывали они свое выборгское воззваніе.

Какъ политическая партія, по существу не опирающаяся на широкія народныя массы, не представляющая интересовъ трудовыхъ классовъ населенія и вводившая социальную часть своей программы только какъ реальный учетъ силотношеній въ странѣ, партія народной свободы должна была логически, неизбежно замкнуться въ парламентскій путь. Какъ таковая, она являлась естественнымъ, такъ сказать, прирожденнымъ центромъ русскаго парламента,—въ томъ видѣ, какъ сложился онъ въ Россіи, превосходнымъ центромъ, лучшимъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и, не перегруженная бременемъ социальныхъ задачъ, какъ другія оппозиціонныя партіи, она тѣмъ самымъ призывалась именно къ парламентской работѣ, къ установленію политическихъ нормъ государства. Ея признаніе возможности только парламентскаго пути понятно, какъ концепція мысли, какъ выводъ изъ русской жизни, какъ оцѣнка другихъ, внепарламентскихъ путей. Можно спорить о справедливости и логичности кадетскаго истолкованія парламентскаго пути, можно спорить о правильности учета русской жизни, но нельзя было оспаривать ихъ права самоопредѣляться такъ или иначе. Этого требовала справедливость, этого требовало прежде всего

уваженіе, которое питали къ членамъ партіи народной свободы люди, и несогласные съ ихъ программой и тактикой, люди, признававшіе прежде всего порядочность людей и честность ихъ намѣреній.

Повторяю, мнѣ были понятны первые шаги партіи народной свободы во второй Государственной Думѣ. Они предопредѣлялись категорическимъ рѣшеніемъ партіи «отмежеваться отъ лѣвыхъ» и отъ виѣ-парламентскихъ путей и внутренними условіями этого парламентскаго пути. Государственная Дума была Голгофой, на которой ежедневно распиналась идея народнаго представительства. Заушая и оплевывая, вонзая тернии въ живое тѣло и растравляя язвы гвоздиныя, казалось, говорили странѣ: «вы хотѣли конституціи и парламентаризма?—Вотъ вамъ конституція, вотъ вамъ парламентаризмъ!» Закованный расширительными законами и явными узкими беззаконіями, осаждаемый министерствомъ Столыпина, блокируемый неустанно и непрерывно Остенъ-Сакеномъ и Пономаревымъ и «агентами», это былъ удивительный парламентскій путь—жалкій и безсильный, казалось, два мѣсяца, съ заранѣе обдуманымъ намѣреніемъ, демонстрировавшійся передъ страной исключительно затѣмъ, чтобы страна поняла его фактическую невозможность, его полную безнадежность, неизбежное сведеніе его къ митингу. Если опредѣлять тактику к.-д. во второй Государственной Думѣ военнымъ терминомъ, я бы назвалъ ее «отступленіемъ». Отступленіемъ не отъ старыхъ позицій, — ихъ и не было занято, а отъ прежняго тона, отъ прежнихъ манеръ, отъ прежней позиціи по отношенію къ правительству, — отъ «наступленія» первой Государственной Думы. Это сказывалось въ ихъ встрѣчахъ съ правительствомъ въ Думѣ, въ ихъ рѣчахъ по продовольственному и бюджетному вопросамъ, въ ихъ общей позиціи въ Думѣ. Выяснялось желаніе беречь Думу во что-бы то ни стало, «всемѣрно» сотрудничать съ правительствомъ, какъ бы оно ни поступало, боязнь разсердить «ихъ». — Общее отступление чувствовалось не въ одной тактикѣ. Вдругъ изъ аграрнаго законопроекта к.-д. безшумно и таинственно исчезъ, пропалъ «государственный земельный фондъ» и такъ-же безшумно выплыло таинственное, кабалистическое «постоянное пользованіе»...

Тѣмъ досаднѣе было назойливо жужжавшее собственное опредѣленіе своей тактики, какъ «осады» правительства. Становилось неловко за нелѣпое бессмысленно-хвастливое слово, дѣлалось совѣстно за серьезныхъ, взрослыхъ, умныхъ людей. Но, повторяю, тамъ, за границей трудно разбираться въ русскихъ дѣлахъ и составлять опредѣленное мнѣніе о нихъ.

Я вернулся къ 17-му апрѣля.

Засѣданіе Государственной Думы 17-го апрѣля и все связанное съ нимъ поведеніе партіи народной свободы многихъ поразило, вызвало огромные толки. Отчеты и разговоры о немъ прокатились широкой волной по всей странѣ, и отголоски ихъ не замолкли и по сейчасъ. Все это не было по существу неожиданнымъ, не являлось какимъ то переломомъ,—тактика к.-д. 17-го апрѣля была логическимъ продолженіемъ ихъ эволюціи, симптомомъ измѣненія психологіи партіи. И все значеніе инцидента 17-го апрѣля въ томъ и заключается, что то, что было прикровенно, что являлось смутнымъ и неопредѣленнымъ, ярко вскрылось, опредѣленно выразилось, въ извѣстномъ смыслѣ психологически закончилось, — совершенно точно намѣтился парламентскій путь партіи народной свободы. Отъ этого инцидентъ 17-го октября не сдѣлался менѣе горестнымъ, менѣе печальнымъ явленіемъ русской жизни. Я боюсь предсказывать, и мнѣ было бы тяжело видѣть осуществленіе моего предсказанія, но возможно, что 17-го апрѣля будетъ служить для огромныхъ круговъ населенія оцѣнкой парламентаризма, въ смыслѣ пониженія идей народнаго представительства въ странѣ, въ смыслѣ разочарованія въ немъ. Я считаю убыткомъ для страны и уменьшеніе престижа, потерю уваженія къ партіи народной свободы, такъ какъ именно она считалась въ широкихъ слояхъ, по крайней мѣрѣ городского населенія, наиболѣе освѣдомленной, наиболѣе серьезной и компетентной носителницей идей парламентаризма.

Таинственный незнакомецъ, какимъ являлся инцидентъ 17-го апрѣля, давно уже разоблаченъ и, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ не составляетъ ни для того тайны. Давно уже всѣ знаютъ, что, составлявшая резюме рѣчи о контингентѣ, «преступная фраза» Зурбова состояла изъ двухъ частей: «пока» и «будетъ бита». Ея смыслъ не нуждается ни въ разъясненіи, ни въ оправданіи. Два года, съ Японской войны, и крестьянинъ въ деревнѣ, и отставной солдатъ, и присяжный журналистъ, и сами военные, нечатавшіе за это время свои воспоминанія и сужденія о войнѣ, — всѣ въ одинъ голосъ говорили одно, что причиной всего является старыи режимъ, гнилой порядокъ жизни, что причиной пораженія русскихъ войскъ, причиной Мукдена, Портъ-Артура и Цусимы являются не солдаты и офицеры, а правительство и его представители — всѣ эти генералы и адмиралы, министры и посланники. Вотъ сейчасъ мнѣ даже скучно приводить эту двухлѣтнюю аргументацію, — до такой степени она всѣмъ извѣстна, до такой степени она общепризнана и въ деревенской избѣ, и на столбахъ русской и заграничной печати, и, повидимому, въ сознаніи самихъ военныхъ. Это была длинная огромная рѣчь, страшно яркая и сильная, которую два года произносила Россія и конецъ рѣчи всегда и вездѣ заканчивался однимъ и тѣмъ же: пока будетъ въ государствѣ старыи строй, старыи порядокъ управленія, пока армія будетъ находиться въ рукахъ теперешняго правительства, всякія реформы будутъ

пустопорожни, всякія надежды на возрожденіе русской арміи будутъ безплодны, и армія не въ состояніи будетъ встрѣтиться съ хорошо вооруженнымъ врагомъ. И никто не обижался за армію въ этотъ долгій періодъ русскаго самоопредѣленія, никто не считалъ эту длинную рѣчь оскорбленіемъ для арміи, это былъ суровый приговоръ исторіи, строгое осужденіе русскимъ народомъ его правительства.

Длинная въ парламентскомъ смыслѣ, часовая рѣчь Зурабова насколько можно судить, не представляла ничего новаго и являлась короткимъ резюме этой длинной обвинительной рѣчи всей Россіи и заключительная фраза его была повтореніемъ того приговора, который давно вынесла Россія своему правительству. Это было совершенно точно сказано и не заключало рѣшительно ничего обиднаго для арміи. Я совершенно понимаю офицера, приходившаго на дняхъ къ близкому мнѣ челоѣку, знавшему точную редакцію фразы Зурабова,—незнакомаго офицера, который просилъ моего пріятеля повторить въ точности фразу Зурабова.

— Ну, а дальше что? Какъ же онъ оскорблялъ армію?—допытывался онъ, когда мой знакомый повторилъ цѣликомъ фразу.

Было совершенно логично и понятно, когда военный министръ и представители правительства вышли изъ залы разгнѣванными послѣ фразы Зурабова: это были люди, правильно появившіе мысли и слова Зурабова, такъ какъ въ нихъ было именно тяжкое обвиненіе правительства, а не оскорбленіе арміи, но совершенно непонятна была логика и психологія партіи народной свободы, признавшей въ этой фразѣ оскорбленіе арміи и возмутительно выражавшей свое возмущеніе противъ несуществовавшаго оскорбленія арміи. Все было кристалически ясно и было понятно всякому, что все дѣло въ первой половинѣ фразы, и что, только отнявши ее, это «пока», можно было усмотрѣть въ ней оскорбленіе арміи.

Я не понимая самаго выраженія: «оскорбленіе арміи». Не понимаю, почему можно ежедневно, въ той же Государственной Думѣ объ арміи чиновниковъ, о бюрократіи говорить, что она никуда не годится, почему можно «оскорблять» полицейскую армію,—говорить, что она не способна исполнять свои настоящіе обязанности, свое настоящее дѣло и дѣлаетъ неприличествующее ей дѣло уловленія идей и искорененіе политическихъ мнѣній и партій,—и нельзя говорить, что армія оказалась неспособной биться съ образованнымъ и хорошо вооруженнымъ врагомъ, что извратился ея истинный государственный смыслъ. Армія—не иностранная держава, къ которой обязательны особыя дипломатическія отношенія, и не автономное государство въ государствѣ, — она — собраніе русскихъ гражданъ, призванныхъ отправлять опредѣленную государственную функцію и, какъ таковая, не можетъ, не имѣетъ права оскорбляться критикой *народныхъ представителей*, какъ бы ни была сурова эта критика.

Но даже становясь на почву «оскорбленія арміи», не имѣли права оскорбляться за нее, такъ какъ никакого оскорбленія не было.

К. д., впрочемъ, не сразу и возмущились. Сначала предсѣдатель Думы совершенно здравомысляще не нашелъ въ этой фразѣ никакого оскорбленія арміи, не нашли его, повидимому и кадеты, но когда военный министръ, гнѣвный, вышелъ, когда прошелъ слухъ о гнѣвѣ правительства, только тогда началось возмущеніе, стучаніе пюпитрами и прочіе знаки «искренняго» негодованія. Это было такъ голо и неприкровенно и такъ ярко говорило о сущности негодованія.

Зурабова винили въ томъ, что онъ во второй разъ, снова въ той же редакціи, повторилъ свою фразу. Быть можетъ, съ парламентской точки зрѣнія, Зурабову слѣдовало бы развернуть свою формулу болѣе ярко и болѣе точно, разъяснить «пока», фиксировать вниманіе слушателей на первой половинѣ фразы; но съ точки зрѣнія слѣдственнаго матеріала, выясненія полной истины этого знаменитаго засѣданія, повтореніе фразы въ прежней редакціи только закрѣпило фактъ и лишить возможности и к.-д., и правительство, когда будетъ опубликовано полностью засѣданіе, использовать неопредѣленность мысли, разногласіе двухъ редакцій. Теперь остался голый фактъ, что кадеты обидѣлись за то же, за что и военный министръ, за первую половину фразы, обидѣлись съ правительствомъ и за правительство, а не за армію...

А потомъ начался «внѣпарламентскій» путь... Начался онъ, впрочемъ, еще въ стѣнахъ Думы. Предсѣдатель, г. Головинъ во время перерыва прочиталъ стенограмму, нашелъ, что онъ не понималъ сначала, и что армія дѣйствительно оскорблена, и лишилъ Зурабова слова. Состоялся извѣстный вотумъ, послѣ котораго въ половинѣ двѣнадцатаго ночи предсѣдатель Думы поѣхалъ къ Столыпину и по совѣту Столыпина—на другой день въ 8½ часовъ утра къ военному министру Редигеру,—не извиняться, говорить к.-д., а объясняться. Объясняться стенограммами, демонстрировать голосованіями к.-д. и польскаго кола... На другой день сдѣлано было въ Думѣ извѣстное заявленіе... Повидимому, парламентскій и внѣпарламентскій пути приняты были благосклонно, и дѣло кончилось къ обоюдному удовольствію. Правительство добилося того, что ему было нужно, перенесенія смысла фразы съ первой половины на вторую, замѣны обвиненія его, правительства, оскорбленіемъ арміи, а к.-д. радовались тому, что они «сберегли» Думу, что сталъ намѣчатся новый центръ безъ участія строптивыхъ и упрямыхъ лѣвыхъ, что они впили новый лавръ въ свой никогда не увядавшій вѣнокъ. Правда, пришлось поступиться истиной, пришлось принести въ жертву г-на Зурабова, но что же дѣлать: борьба жертвъ искупительныхъ просить...

Внѣпарламентскій кадетскій путь продолжался на страницахъ

«Рѣчи». Тамъ не говорилось прямо и опредѣленно объ оскорбленіи арміи Зурабовымъ, его фраза опредѣлялась глухо, какъ «грубѣйшая безтактность», «необдуманная безтактная фраза», говорилось, что Зурабовъ, «когда» говорилъ свою рѣчь, очевидно, не чувствовалъ еще этой отвѣтственности» (парламентской, депутатской), но подлинный смыслъ фразы не раскрывался, и читателю предоставлялось самому заполнять содержаніе этой «необдуманной, безтактной фразы». «Рѣчь» даже обидѣлась за сообщеніе фразы въ «Новомъ Времени», упрекала «Новое Время» за невѣрное освѣщеніе, но сама не сдѣлала ничего, чтобы возстановить настоящее освѣщеніе. По сполупутности вспоминался на страницахъ «Рѣчи» прошлогодній инцидентъ Якубсона, и не по прошлогоднему устами г-на Изгоева она опредѣлила его: «Повторилось... когда сболтнулъ глупое слово Якубсонъ, завѣдомо живо причисляемый реакціонной печатью къ кадетамъ».

Вокругъ фразы Зурабова, вокругъ самого Зурабова поведеніемъ кадетовъ въ Думѣ, шагами Головина и отношеніемъ «Рѣчи» создавалась легенда,—во всякомъ случаѣ не разрушалась она,—о чемъ то поносномъ для арміи въ томъ, что сказалъ Зурабовъ.

Что же сказать еще объ инцидентѣ 17 го апрѣля? «Такъ какъ сдѣланное засимъ предсѣдателемъ Государственной Думы Зурабову замѣчаніе и лишеніе его слова не могли быть признаны достаточными, то предсѣдатель Государственной Думы послѣ свиданія вечеромъ того же дня съ предсѣдателемъ совѣта министровъ, гофмейстеромъ П. А. Столыпинымъ, на слѣдующій же день утромъ посѣтилъ военнаго министра и выразилъ ему свое глубокое сожалѣніе по поведѣнію этого прискорбнаго случая...»—вотъ то мѣсто изъ сообщенія Освѣдомительнаго бюро, которое облетѣло всю Россію и явится новымъ вкладомъ въ начинающуюся гражданскую жизнь Россіи. Оно не было опровергнуто съ должною авторитетностью, и «Рѣчь» ограничилась увѣреніемъ, что министры отдали визитъ Головину и что происходило что-то въ родъ обмѣна взаимныхъ любезностей. И не въ томъ даже дѣло, что сообщеніе Освѣд. бюро было не опровергнуто, а въ томъ, что поведеніе к.-д. въ Думѣ и печати не могло его опровергнуть.

Я вовсе не хочу вышучивать партію народной свободы, мнѣ тяжело писать о томъ, что я пишу. Еще меньше я желаю производить судъ надъ г. Головинымъ. Я не знаю и не хочу рѣшать вопросъ, лично ли отъ себя или отъ партіи предпринималъ онъ свои шаги, но несомнѣнно онъ явился яркимъ представителемъ настроенія центра въ теперешней Думѣ, вѣрнымъ истолкователемъ того на, ламентскаго пути, на который вступилъ теперь центръ Государственной Думы. И все общественное значеніе засѣданія 17 го апрѣля заключается въ этомъ ясномъ и точномъ истолкованіи кадетскаго парламентскаго пути. Не въ томъ, что к.-д. отмежевались отъ лѣвыхъ и деликатно, повемножку раздвигали

гаютъ перегородки, отдѣлявшія ихъ отъ октябристовъ («идите къ намъ!»), а въ выясненіи того, что долго оставалось неяснымъ, — ихъ отношенія къ правительству, къ министерству.

Есть еще моральная сторона дѣла. Возложили на г. Зурабова отвѣтственность, *обвинили* его не только правительство, которому давно не вѣрятъ, но и к.-д., которымъ вѣрятъ или, по крайней мѣрѣ, вѣрили. И если что-нибудь «случится» съ Зурабовымъ, — доля отвѣтственности за это случившееся ляжетъ на кадетовъ. Этого не простить имъ ни общественное мнѣніе, ни ихъ собственная совѣсть. Есть, конечно, огромная разниа между идеей и политикой, но и для политики всетаки имѣются опредѣленные нормы *поведенія*...

Будутъ говорить объ измѣнничествѣ и предательствѣ к.-д. будутъ видѣть въ инцидентѣ 17-го апрѣля переломъ въ жизни партіи народной, новую тактику, новый путь. И это будетъ несправедливо. Не новое, а старое вскрылось 17-го апрѣля, не новый путь открыли к.-д., а возвратились къ старому, давно проторенному и лишь временно забытому пути.

Два года назадъ выступленіе на историческую сцену партіи народной свободы было однимъ изъ самыхъ, если и не горячихъ, то яркихъ, колоритныхъ явленій русской жизни. И однимъ изъ самыхъ удивительныхъ... Было удивительно наблюдать, какъ вся Россія выскочила изъ береговъ, широко-открытыми глазами смотрѣли люди на служащихъ и приказчиковъ, на «общество», на желѣзнодорожниковъ, почтальоновъ и телеграфистовъ, на крестьянъ въ крестьянскомъ союзѣ и въ трудовой группѣ, но съ меньшимъ удивленіемъ старые люди смотрѣли на кадетовъ. Казалось страннымъ, что именно они, не юноши, а взрослые люди, именно они, не переживавшіе первое крещеніе общественной дѣятельности, а люди съ общественнымъ прошлымъ, съ традиціями и навыками, съ опытомъ своимъ и чужимъ, такъ рѣзко измѣнились въ чувствахъ и дѣйствіяхъ, въ программѣ и тактикѣ, такъ «выскочили» изъ себя.

И имъ не вѣрили. Не вѣрили, несмотря на ярко демократическую программу, несмотря на составъ партіи народной свободы, вобравшій въ себя все, что было образованнаго, благороднаго, безупречнаго въ личномъ отношеніи изъ общественныхъ дѣятелей прошлаго, — не вѣрили авансомъ, — прежде, нежели они вошли въ двери Таврическаго дворца.

Въ прошлагодной іюньской книжкѣ «Русскаго Богатства» я попробовалъ разобратся въ этомъ удивительномъ недвѣріи въ статьѣ: «Почему имъ не вѣрятъ?». Я писалъ тамъ, что дѣятели партіи народной свободы — все тѣ же старые давніе знакомые, дѣятели прежняго земскаго и городского самоуправленія, всегда такъ безропотно подчинявшіеся правительственнымъ окрикамъ, усиленію губернаторской власти, тому удивительному опредѣленію

правительства, по которому вопросы о расширеніи крестьянскаго представительства въ мѣстномъ самоуправленіи, объ освобожденіи крестьянъ отъ опеки земскихъ начальниковъ, даже отъ тѣлеснаго наказанія, объ освобожденіи народнаго образованія отъ попечительнаго надзора дворянства, органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, министерства народнаго просвѣщенія и святѣйшаго синода и проч. и проч.—признавались выходящими изъ сферы мѣстныхъ интересовъ; что это все тѣ же либералы и прогрессисты,—тихо и скромно мечтавшіе объ «увѣичаніи зданія» и тщательно, слишкомъ тщательно отмежевывавшіе себя отъ лѣвыхъ, отъ революціонеровъ, для которыхъ у нихъ были традиціей установленные термины, въ доисторическія времена: «злѣдѣи» и «изверги», а потомъ «крамола» и «внутренніе враги», прозвучавшіе еще наканунѣ 17-го октября въ устахъ незлобиваго С. Н. Трубецкого и поборника высоконравственныхъ принциповъ превосходнаго идеалиста Е. Н. Трубецкого; что это все тѣ же профессора, которые безмолвно и смиренно взирали, какъ студентовъ отдавали въ солдаты, какъ били ихъ нагайками подъ окнами храмовъ науки; что это все тѣ же «люди общества», которые такъ долго безмолвно и смиренно наблюдали, какъ ихъ дѣтей калѣчили въ учебныхъ заведеніяхъ, томили въ тюрьмахъ, ссылали въ ссылки... Но рѣчи были другія и люди казались другими. Они несли въ ту первую Думу «чашу народнаго гнѣва», они говорили министрамъ: «мы не вѣримъ вамъ, уходите», они кричали: «долой! вонъ, палачи!» Они отказались выразить порицаніе «злѣдѣямъ и извергамъ», они чуть-чуть побаивались лѣвыхъ, но дружили съ ними и голосовали за одно, и въ серьезный моментъ приняли формулу перехода, предложенную отъ трудовой группы депутатомъ Жилинымъ. И изрѣдка слово *требуемъ* звучало въ ихъ рѣчахъ. Партія жила, говорила и дѣйствовала.

Въ слѣдующей, іюльской книжкѣ я писалъ:

«Когда они входятъ на кафедру,—эти великіе знатоки русской жизни, мнѣ все кажется, что вотъ-вотъ они расскажутъ свою долгую трудную жизнь, борьбу за дорогое имъ общественное культурное дѣло, борьбу, не знавшую побѣды, а только одни поражения»...

«Расскажутъ, что они устали жить и извѣрились въ жизнь, что ихъ душа полна негодованіемъ, и что они всѣмъ сердцемъ жаждутъ новаго будущаго Россіи, но что они не могутъ освободиться отъ старыхъ методовъ борьбы, отъ изученія вѣтровъ, отъ тѣхъ осторожныхъ оглядывающихся шаговъ, что у нихъ, у людей старой жизни, нѣтъ новыхъ методовъ для новой борьбы, что они безсильны, не вооружены добыть это новое будущее».

А дни шли, прошелъ и второй мѣсяцъ, а рѣчи были все тѣ же и люди, казалось, все больше и больше высказывали изъ себя, они рѣшили даже выйти изъ стѣнъ парламента и обратиться непосредственно къ народу, а когда Думу распустили, они, хотя и съ

чужого мѣста, крикнули: «ни одной копѣйки, ни одного солдата!».

Потомъ прошли семь долгихъ мѣсяцевъ бездумья, и когда к.-д. вошли въ новую Думу и стали работать въ ней, люди спрашивали себя: гдѣ же они, тѣ шумные, говорливые, яркіе, гнѣвные?

Облетѣли цвѣты, догорѣли огни... Тѣ люди не измѣнили себѣ, не вступили на новый путь, они только вернулись домой. Они пришли опять на то мѣсто, изъ котораго вышли. Они прошли и долгій и короткій 18-ти мѣсячный путь съ 17-го октября до 17-го апрѣля. Они были во временной отлучкѣ, странствовали по чужимъ краямъ, плавали по нездѣшнимъ морямъ, одѣтые въ костюмы, которые приняты тамъ, за границей, въ хорошихъ заграничныхъ домахъ, говорили на языкѣ тѣхъ странъ и усвоили манеры и красивые жесты тѣхъ странъ, а потомъ вернулись домой, пришли въ свое мѣсто. Сняли съ себя чужестранную одежду, заговорили на своемъ родномъ языкѣ, и мистеръ Джонъ сталъ опять тѣмъ же Иваномъ Ивановичемъ, котораго мы хорошо помнимъ, котораго мы хорошо знаемъ. Люди вернулись къ своей исконной старой психологii, къ своимъ прежнимъ чувствамъ, къ старому методу дѣйствій. Только и всего. И ихъ сразу охватила та родная, близкая, давно знакомая обстановка въ этомъ междугубернскомъ земствѣ, которое называется Государственной Думой. То же увеличеніе губернаторской власти, читай,—министерской, съ удаленіемъ третьяго элемента,—экспертовъ. Такъ же приставленъ приставъ на случай «тащить и не допускать» публику. Люди взглянулись въ существо русской конституціи и Государственной Думы и убѣдились, что, какъ въ прежнемъ земствѣ самые насущные земскіе вопросы оказывались вопросами, выходящими изъ сферы мѣстныхъ интересовъ, такъ и въ Государственной Думѣ самые думскіе, самые парламентскіе вопросы оказались выходящими изъ сферы думскихъ интересовъ,—и вопросъ о довѣріи къ министерству, и бюджетъ, и контингентъ. И какъ раньше подчинились они... Устанавливаются тѣ же полудружественныя отношенія съ «губернаторомъ», то же непреодолимое желаніе сотрудничать со Столыпинымъ. Я не помню случая, но, вѣроятно, они были и въ старомъ земствѣ, когда земскій предсѣдатель въ 8½ часа утра являлся къ губернатору не извиняться, а объясняться—и понемножку восстанавливались старыя привычныя отношенія. Ходатайства, соглашенія,—парламентскій путь и только парламентскій путь и опять робкая мечта объ увѣнчаніи зданія... И по немножку, стыдливо и неуверенно начинаютъ к.-д. отгораживать себя въ парламентѣ и въ прессѣ отъ лѣвыхъ, которые какъ раньше, въ земствѣ, «мѣшаютъ правильной работѣ» и увѣнчанію зданія. Пока еще это только «неблагонадежные»,—не понимающіе правильной кадетской политики и пока ни «красмола» ни «внутренній врагъ», ни, тѣмъ болѣе, «злodeи и изверги» не носятся въ воздухѣ.

Всё по старому. И, когда называют к.-д. правительственной партией, совершают грубую несправедливость. Они по прежнему оппозиция,—прошлогодній штурмъ они замѣнили осадой, но они остаются оппозиціей, г. Изгоевъ такъ и пишетъ на другой день послѣ 17-го апрѣля въ «Рѣчи»: «Кадеты совершаютъ теперь бесспорно большое творческое дѣло, они создаютъ *государственную демократическую оппозицію*». И, чтобы читатель не ошибся и не впалъ въ сомнѣніе, послѣднюю фразу онъ пишетъ курсивомъ. И это совершенно справедливо. Въ большинствѣ случаевъ и въ прежнее время, въ старомъ земствѣ, они не были губернаторской партией и составляли оппозицію. И также производили «осаду»... Старались расширить область вопросовъ, выходящихъ изъ сферы мѣстныхъ интересовъ, стремились отмѣнить тѣлесное наказаніе, добивались даже новаго права,—права непосредственного ходатайства передъ государемъ, равнаго съ правомъ дворянства. И еще недавно на рубежѣ двухъ эпохъ, въ послѣдніе дни жизни Плеве они придумали тонкій дипломатическій ходъ,—устроили общеземскую организацію на фонѣ японской войны.

Правда, ихъ осада была не особенно успѣшна. Въ свое время, когда это показалось полезнымъ правительству, старое земское положеніе было «распущено», разломано на куски и замѣнено дворянскимъ земствомъ, уничтоженъ мировой судъ, введены земскіе начальники, и русская жизнь была отодвинута далеко назадъ къ временамъ крѣпостного права. Ну что же изъ этого? Какъ молчали они тогда и молча вошли въ новое земство, такъ, надо думать, промолчатъ они и въ ближайшемъ будущемъ, когда теперешняя Дума замѣнится сословной дворянской Думой. Но и тамъ они по прежнему будутъ оппозиціей, старой русской оппозиціей, съ старыми чувствами, съ прежними методами дѣйствія, съ лозунгами «бей, но выслушай!»

О! я совѣмъ не хочу смѣяться, не смѣшливое теперь время и ни у кого не смѣшно на душѣ. И эволюція партіи народной свободы, этой партіи, наиболѣе учитывающей реальное отношеніе силъ въ странѣ, серьезный и важный общественный симптомъ. Мы не думаемъ, чтобы свѣтъ на Россію свѣтилъ только изъ кадетскаго окошка, чтобы учетъ русской дѣйствительности, дѣлаемый партией народной свободы, былъ точенъ и вѣренъ, но считаться съ нимъ необходимо каждому, кто признаетъ значеніе отношеній реальныхъ силъ въ странѣ.

И предъ каждымъ русскимъ гражданиномъ встаетъ серьезный и важный вопросъ: правильно-ли учитываютъ русскую жизнь к.-д.? Моральная сторона инцидента 17-го апрѣля отъ этого не измѣнится, но сужденія о политикѣ, о тактикѣ, принятой партией народной свободы, и о тактикѣ Государственной Думы вообще опредѣляются совершенно точно, въ зависимости отъ рѣшенія этого вопроса. «Побѣдителей не судятъ», и, можетъ быть, стародавняя тактика к.-д. и есть самый

настоящій путь къ завоеванію, по крайней мѣрѣ, гражданскаго устройства русской жизни?

«Берегите Думу!..» Робкій шепотъ, громкій крикъ, сознанный и не сознанный, этотъ лозунгъ сдѣлался центральнымъ лозунгомъ второй Государственной Думы. И не только партіи народной свободы но, повторяю, сознанный или полусознанный, онъ является директивой въ большей или меньшей степени для всѣхъ партій, кромѣ крайнихъ правыхъ. Даже тѣхъ партій, которыя *говорятъ*, что Дума—только трибуна, которой нужно воспользоваться, чтобы сказать должныя слова народу. Такъ говорятъ они, но не такъ они чувствуютъ и не такъ поступаютъ они.

«Берегите Думу!» Этотъ лозунгъ звучитъ особенно странно послѣ разгона первой Думы, такъ ярко демонстрировавшей невозможность устроить новую русскую жизнь парламентскимъ путемъ. Условія ухудшились, а не улучшились. Сенатскія разъясненія выбросили изъ ряда избирателей огромное количество русскихъ гражданъ. Министерскія, генераль-губернаторскія, губернаторскія разъясненія и дѣйствія «независимой» судебной власти устранили многихъ нежелательныхъ кандидатовъ. Говорятъ «о ста тысячахъ изъятыхъ». Сто тысячъ людей, сто тысячъ гражданъ, разсаженныхъ по тюрьмамъ, сосланныхъ въ ссылки, состоящихъ «подъ статьей», обезкровили бы въ парламентскомъ смыслѣ и гораздо болѣе богатую гражданскими странами, осада правительствомъ народного представительства сдѣлалась тѣснѣе и уже, звѣрство и беззаконность бесконечно далеко опередили времена Дурново и Витте—Дума, несмотря на яркіе ярлыки, вышла блѣдной и малокровной, парламентскій путь болѣе безнадеженъ и, тѣмъ не менѣе, ярко и опредѣленно поставлена директива: «берегите Думу!» Почему это?

Быть можетъ, лѣтъ черезъ сто будущій историкъ великой русской революціи скажетъ о переживаемомъ нами моментѣ, что революція въ 1907-мъ году шла правильно. Правильно въ томъ смыслѣ, что логично, что иначе не могла идти. Быть можетъ, онъ скажетъ, что высоко поднявшейся волнѣ общественной психологіи въ 1906-мъ году и переоцѣнкѣ революціонныхъ силъ соответствовало паденіе волны въ 1907-мъ и пессимистическая оцѣнка этихъ силъ. Быть можетъ, онъ спокойно и объективно скажетъ свое слово о реальномъ отношеніи силъ и значеніи лозунга «берегите Думу», какъ о послѣдней попыткѣ народа мирнымъ парламентскимъ путемъ устроить русскую жизнь... И, несомнѣнно, отмѣтитъ особенности русской жизни, роковымъ образомъ предопредѣлявшія именно тотъ, а не иной путь общественнаго переустройства Россіи.

Ихъ много, этихъ особенностей. ... Измѣнились техническіе приемы, и старые западно европейскіе методы оказались не примѣнимыми... Связываніе въ одинъ узелъ соціальной и политической

задачи разорвало, вѣрнѣе, не допустило образованіе естественнаго блока всѣхъ оппозиціонныхъ группъ въ странѣ. Малая культурность, великая тьма, долгое рабство и многое, многое другое.... Но впереди всего нужно поставить совершенно осбенную, не встрѣчавшуюся въ такомъ видѣ въ Западной Европѣ централизованность страны, значеніе центра, Петербурга въ Россіи. Въ долгой исторіи Россіи не было борьбы, не было яркаго, дѣйствннаго столкновенія классовыхъ интересовъ, не было, слѣдовательно, традицій, навыковъ борьбы,—съ одной стороны; съ другой стороны, въ Россіи не было *учреждений*, фиксированныхъ общественныхъ организацій, мѣстныхъ и профессиональныхъ органовъ. Земство таковымъ не являлось, такъ какъ оно не сумѣло или не смогло сдѣлаться таковымъ для широкихъ массъ населенія, которыя нерѣдко до послѣдняго времени смѣшивали земство съ казной.

Былъ только одинъ центръ—казна, правительство, власть, чиновникъ. На длинномъ пути отъ крестьянской избы до петербургской «казны» не было никакихъ этаповъ, никакихъ промежуточныхъ станцій, гдѣ бы могъ отдохнуть, собрать силы путникъ изъ избы въ Петербургъ, гдѣ бы народное сознаніе и гражданское чувство могли бы отстаиваться и оформливаться; гдѣ бы проявлялось народная воля и копились привычки и навыки. Былъ міръ, «общество», изъ двадцати или двухсотъ избы, но между нимъ и Петербургомъ не было ничего. «Ходоками», старыми вѣковѣчными ходоками явились депутаты въ первую Государственную Думу—такими же ходоками явились они и во вторую Государственную Думу. Перемѣстился центръ, они пришли въ другую улицу Петербурга, но пришли въ центръ, въ свое привычное мѣсто. Тѣ первые были очарованные, наивные, думавшіе скоро возвратиться домой съ землей и волей, эти вторые пришли разочарованные, сомнѣвающіеся, невѣрующіе, но пришли, потому что имъ некуда больше идти, пришли, несмотря на невѣріе и сомнѣніе, — съ лозунгомъ «беречь Думу». Психологія и методъ дѣйствованія народныхъ массъ, выработывавшіеся вѣками и поколѣніями, не могутъ измѣняться такъ же быстро, какъ политическіе лозунги, и складываться вновь, какъ пишутся партійныя программы. И если справедливо выраженіе Достоевскаго, что всякій человѣкъ долженъ имѣть мѣсто, куда онъ можетъ придти то народъ, и въ особенности русскій народъ, особенно нуждается въ центрѣ, въ мѣстѣ, куда бы онъ могъ придти съ своими нуждами, желаніями, рѣшеніями. Пускай это будетъ новое мѣсто, пускай это будетъ новый центръ, но лишь бы центръ, лишь бы узловой пунктъ, куда бы онъ могъ придти. Наиболѣе — русскій народъ, такъ какъ русскій человѣкъ наименѣе индивидуаленъ, наиболѣе привыкъ дѣйствовать толпой, міромъ, наиболѣе подчиненъ массовой психологіи. И въ долгіе годы своей исторической жизни онъ проникся смутной и не оформленной идеей массоваго государственнаго строительства.

«Берегите Думу!» есть крикъ отчаянія, послѣдняя попытка государственнымъ путемъ, черезъ центръ, рѣшить вопросы своей жизни,—послѣдняя передъ тѣмъ, какъ перейти къ новымъ, чуждымъ, не желательнымъ ему, потому что новыя—«своимъ средствомъ». Ни одна изъ существующихъ политическxъ партій не успѣла сдѣлаться центромъ, стянуть къ себѣ народныя силы и ни одна не оказалась на высотѣ задачи въ Государственной Думѣ. Одни потому, что хотя и выработали на долгомъ опытѣ земской дѣятельности до извѣстной степени политическое воспитаніе, но пришли на дѣло переустройства государства съ старой психологіей и оказались ниже задачъ историческаго момента; другіе всю жизнь провели въ подпольѣ и вышли на общественную широкую трибуну съ той же подпольной психологіей,—съ сильной волей и горячей душой, но безъ навыковъ веденія общественныхъ дѣлъ, съ отсутствиемъ политическаго воспитанія.

Но,—быть можетъ,—революція кончается, и Россія, какъ и к.-д., возвращается на то мѣсто, откуда вышла,—къ старой психологіи, къ старымъ методамъ дѣйствія?

Говорятъ о контръ-революціи, о поворотѣ къ старому, о реакціи въ земствахъ, о крѣпнущей и расширяющейся организаціи союза русскаго народа, о глухой стѣнѣ, встающей въ широкихъ слояхъ населенія навстрѣчу революціоннымъ волнамъ. Да, это все такъ, но именно характеръ контръ-революціи и доказываетъ, что революція не кончилась, что люди не идутъ къ старому мѣсту. Съ 17-го октября совершается разслойка Россіи, люди рассаживаются по своимъ мѣстамъ, по своимъ идейнымъ и классовымъ позиціямъ. Эта разслойка идетъ все глубже и знаменуетъ углубленіе и расширеніе революціи. Меньше всего стоитъ говорить о чисто административномъ органѣ—союзѣ русскаго народа, но въ земствѣ идетъ настоящая работа, вскрывается его классовая сущность. Жизнь—строгая и повелительная русская жизнь, связавшаяся однимъ огромнымъ узломъ, политическимъ и социальнымъ,—повелительно требуетъ отъ русскаго жителя опредѣленнаго мѣста, опредѣленнаго стула въ жизни: «иди направо, иди налѣво, занимай свое мѣсто, не думай балансировать въ серединѣ!» таковъ лозунгъ дня,—и люди идутъ къ своему мѣсту, занимаютъ опредѣленные позиціи. Эта разслойка идетъ все дальше и глубже, проникаетъ въ самыя нѣдра Россіи, въ самую толщу народной жизни. Молодые противъ стариковъ, бѣдные противъ богатыхъ, насилуемые противъ насильниковъ. Кристаллизуется давній кисель русской жизни, и двѣ стѣны, двѣ Россіи встаютъ въ опредѣленныхъ очертаніяхъ завтрашняго дня. Революція идетъ «правильно». И правильность хода неизбежно опредѣляетъ въ Россіи неправильность методовъ. Не введенная въ гражданскія нормы жизни, совершающаяся подъ свистъ нагаекъ и блескъ штыковъ и драгунскихъ сабель, борьба должна неизбежно принять анархическія формулы «своихъ средствъ».

Молодые противъ стариковъ, бѣдные противъ богатыхъ, насилуемые противъ насильниковъ—поджогами, браунингами, бомбами, драками стѣнка на стѣнку... При безвластной Думѣ, при немогущести теперешняго парламентскаго пути трудно даже сказать, до какихъ формъ «своихъ средствъ» дойдетъ эта борьба. Можно считать это положеніе вещей горестнымъ, тревожнымъ симптомомъ, серьезной угрозой для правильнаго рѣшенія соціальныхъ и политическихъ задачъ ближайшаго будущаго, но нужно признать, что не замиреніе, не успокоеніе страны идетъ въ Россіи, а накопленіе злобы, ненависти, опредѣляется непримиримость позицій. И выборы во вторую Государственную Думу съ «русскими, православными», с.-р. и с.-д. не говорятъ о замиреніи, объ уходѣ отъ революціи, и начинающееся измѣненіе формулы «земля и воля» въ «воля и земля» говорятъ опять таки объ углубленіи революціи, о томъ, что она идетъ «правильно».

И рядомъ идетъ раздумье, глубокое и серьезное раздумье. Повидимому, совершается пересмотръ стараго, переоцѣнка прошлаго, раздумье надъ будущимъ!.. Странные слухи доносятся изъ разныхъ мѣстъ. Говорятъ, что значительно потеряли престижъ ораторы прошлагодняго типа, со всесокрушающими фразами, съ несомнѣвающимися опредѣленіями. Говорятъ, что старыя фразы, вызывавшія годъ назадъ бурю восторговъ, съ раздраженіемъ выслушиваются теперь той же толпой. Говорятъ, что бывали случаи отказа выслушивать прежнихъ любимцевъ, пускать на собранія прежнихъ агитаторовъ. И тяга къ рабочему съѣзду, безпартійному съѣзду, внѣ руководства партійныхъ главарей, говорятъ, все шире и шире распространяется въ средѣ рабочихъ. Говорятъ объ уменьшеніи престижа партіи с.-д. и о глубокой разелойкѣ въ нѣдрахъ самой партіи. Поднимается сомнѣніе, идетъ раздумье, вырисовывается страстная потребность у людей, — самимъ серьезнѣе и глубже разобраться въ положеніи вещей. Переживается кризисъ съ брошюрами и, говорятъ, поднимается спросъ на книгу. Всѣ въ голосъ утверждаютъ, что толпа неудержимо идетъ на всякіе курсы, публичныя лекціи—и никогда не хватаетъ тамъ мѣстъ,—страстно рвется къ знанію, къ наукѣ, не къ брошюрочной, не къ партійно-газетной, а къ большой, къ толстой наукѣ. Говорятъ, то же движеніе идетъ среди интеллигентной молодежи, —та же тоска по знанію, по наукѣ, желаніе, какъ и тамъ, вооружиться знаніемъ, разобраться самимъ. Можно говорить о большей или меньшей вѣроятности всероссійскихъ выступленій, можно говорить о разочарованіи въ старыхъ методахъ, объ усталости отъ старыхъ словъ и лозунговъ, можно говорить о глубокой переоцѣнкѣ прошлаго и о серьезномъ раздумьи надъ будущимъ, но нельзя говорить объ одномъ,—о томъ, что возвращаются старыя чувства и вновь оживаютъ старыя иллюзіи, что заростають только что протоптанныя тропы, и люди возвращаются на старый проложенный исторіей трактъ, къ старому

центру, что люди идутъ назадъ, къ тому мѣсту, откуда вышли. Несомнѣнно одно, что изъ трехъ ходячихъ поговорокъ послѣдняго времени: «дальше идти некуда», «такъ жить дольше нельзя» и «къ прошлому возврата нѣтъ» безусловно справедлива только послѣдняя.—Дальше идти можно еще довольно далеко вправо и очень далеко влѣво; такъ мы жили и раньше, и не такъ будемъ жить дальше только потому, что вѣрно третье—къ прошлому возврата нѣтъ. Нѣтъ, потому что порвалась желѣзная цѣпь, связывавшая насъ съ Петербургомъ, центръ съ периферіей, потому что нѣтъ старыхъ чувствъ, погибли старыя иллюзіи, на которыхъ—на чувствахъ и иллюзіяхъ—держалось старое. Несомнѣнно одно, что Россія не возвратилась и не возвратится на то мѣсто, откуда вышла, и въ этомъ отношеніи психологія к.-д. рѣзко расходится съ психологіей Россіи.

Если въ этомъ смыслѣ партія ошиблась и невѣрно учла настроеніе Россіи, то еще большую ошибку сдѣлала она въ учетѣ правительства, въ пониманіи позиціи его, его настроенія, его психологіи. И, прежде всего, въ самомъ опредѣленіи понятія правительства. Бахвальныя слова «о полнотѣ власти» такъ и остались только бахвальными словами, и все, что совершалось за истекшіе десять мѣсяцевъ, говоритъ только объ отсутствіи власти у тѣхъ, въ чьихъ рукахъ официально она находится. Въ той же июльской книжкѣ «Русскаго Богатства» мнѣ приходилось говорить объ этомъ... «Тутъ замѣшаны огромные классовые интересы, и въ правительство втянуто огромное количество представителей этихъ классовыхъ интересовъ. Правительство, какъ таковое, конечно, продолжаетъ существовать, но рядомъ съ нимъ въ непрерывной диффузіи, въ колеблющихся, трудно учитываемыхъ предѣлахъ близости и содружества сформировалось другое правительство, и это новое нелегальное правительство въ настоящее время—не отдѣльные люди, не камарилья, не звѣздная палата, оно—политическая партія. Въ нее вошли всѣ тѣ слои, центральные и периферическіе, которые кормились около престола и самодержавія, люди, связавшіе себя со старымъ строемъ, для которыхъ онъ является вопросомъ жизни и смерти»...

Истекшій годъ только подтвердилъ это опредѣленіе, оформилъ его, наполнилъ фактическимъ содержаніемъ и окончательно закрѣпилъ въ сознаніи Россіи. Простодушное заявленіе дворянина Зыбина, откровенная тактика генерала Каульбарса, самодержавныя дѣйствія уѣздныхъ и губернскихъ правителей,—вся исторія отношеній министерства Столыпина къ союзу русскаго народа—только демонстрировали понятіе настоящаго правительства и опредѣляли полноту власти формальнаго юридическаго правительства. Опредѣлилась и его позиція. Временно напуганное, сбитое съ толку, теперь оно оправилось и подобралось. Неудача «активныхъ выступленій», *мирный* разгонъ Государственной Думы, безпрепят-

ственное семимѣсячное конституціонное шествіе конституціоннаго министра Столыпина,—все это «образумило» правительство, и оно заняло опредѣленную позицію. Оно также вернулось домой, къ старому, на то мѣсто, откуда оно вышло,—къ старой психологіи и тактикѣ. И, чтобы не оставалось сомнѣнія, оно подчеркнуло это возвращеніе и странѣ, и собравшейся новой Думѣ,—подчеркнуло сохраненіемъ полностью обстановки русской жизни въ бездумный періодъ до военно-полевыхъ судовъ, массовыхъ административныхъ арестовъ и высылковъ включительно,—подчеркнула новой обстановкой работы Государственной Думы, всѣми этими мелочными ограниченіями внутренняго распорядка, вполне бессмысленными и получающими смыслъ, только какъ демонстрація возвращенія старой психологіи и старой тактики.

Я не хочу этимъ сказать, что правительство отрицаетъ въ цѣломъ Думу и конституцію и признаетъ невозможнымъ сотрудничество съ народнымъ представительствомъ и съ партіей народной свободы. Государственная Дума нужна ему. Правительство желаетъ получить отъ Думы прежде всего деньги, такъ какъ денегъ нѣтъ, а Европа безъ Думы не дастъ. Потомъ ему нужно утишить революцію, съ которой оно одно не можетъ справиться, и поэтому оно требуетъ черезъ свой лейбъ-органъ «Новое Время» и чрезъ своихъ поддужныхъ въ Думѣ и въ союзѣ русскаго народа осужденія политическихъ убійствъ (точнѣе «политическихъ преступленій») народными представителями, оно требуетъ заткнуть глотку голоднымъ мужикамъ и «сознательному» пролетариату. Правительству нужно, для полнаго возвращенія на старыя позиціи, возстановить и укрѣпить пошатнувшійся моральный авторитетъ, и оно желаетъ, чтобы Дума подвела новый фундаментъ подъ шатающееся зданіе государственнаго механизма, и чтобы при юридической фикціи у него осталась фактическая полнота власти и цѣлостность государственнаго механизма. Оно за конституцію, только безъ парламентаризма, за политическую свободу, только безъ принудительнаго отчужденія правъ тѣхъ слоевъ, которые составляютъ сейчасъ правительство, оно за социальныя реформы, только безъ нарушенія интересовъ частной собственности. Въ этомъ его программа, въ этомъ—условія, на которыхъ оно согласно сотрудничать съ к.-д. на парламентскомъ пути.

Взаимоотношенія опредѣлились. И правительство, и к.-д. воротились на старыя позиціи по отношенію другъ къ другу. Но въ ихъ позиціяхъ и въ психологіи есть значительная разница. Для того правительства, о которомъ мы говорили, рѣшается вопросъ жизни и смерти,—осуществленіе кадетской программы смететъ съ исторической сцены ихъ, какъ политическую и социальную силу; для партіи народной свободы вопросъ о принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель, объ измѣненіи положенія рабочихъ и вообще социальный вопросъ—не вопросъ жизни и смерти.

У нихъ—у партіи въ цѣломъ—нѣтъ опредѣленнаго міросозерцанія, философскаго обобщенія, которое бы освѣщало всѣ ихъ политическія и соціальныя перспективы, у нихъ есть платформа и нѣтъ программы, а изъ платформы, какъ практика показала, довольно легко происходятъ выемки и отступленія. За правительствомъ стоитъ сила огромной организованности, за к.-д., отмежевавшимися отъ лѣвыхъ и отъ внѣпарламентскихъ путей, нѣтъ силъ и есть только надежда, что правительство уступитъ. И правительство помнить психологію старой либеральной оппозиціи и учитываетъ ее, а партія народной свободы, повидимому, забыла психологію стараго правительства.

Кто отступить изъ двухъ осаждающихъ другъ друга армій, предсказать не трудно. Правительству *нельзя* отступать. Я беру для примѣра два законопроекта: аграрный вопросъ и вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи, который, въ виду отмѣченныхъ мною особенностей русской жизни и психологіи народа, я считаю важнѣйшимъ послѣ аграрнаго: ни въ томъ, ни въ другомъ правительство уступить и отступить *не можетъ*, такъ какъ именно тутъ ждетъ его смерть.

Трудно сказать, какъ дальше будетъ развѣртываться эволюція партіи народной свободы, насколько велики будутъ выемки, вродѣ государственнаго земельного фонда, какъ далеко будетъ идти отступленіе, насколько близко подойдетъ Магометъ къ горѣ, которая не хочетъ идти къ Магомету. И нѣтъ интереса особенно углубляться въ эти предсказанія. Нужно думать, что въ «домашній старый споръ» вмѣшается въ видѣ судьбы такъ или иначе страна, народъ, который не вернулся и не хочетъ вернуться къ старой психологіи, на старыя позиціи, къ которымъ вернулись правительство и к.-д.

Если къ старому строю возврата нѣтъ, новый придетъ. Никто не можетъ опредѣлить день, «въ онъ же придетъ», никто не можетъ предсказать, явится ли онъ въ свѣтлый, солнечный день, или темной ночью, «въ грозу и бурю», приблизится ли онъ къ намъ широкой дорогой или извилистыми проселочными путями; но онъ будетъ, онъ придетъ, потому что къ прошлому возврата нѣтъ.

И нечего особенно тревожиться за эволюцію психологіи партіи народной свободы. Какъ бы ни отмежевывались она отъ революціоннаго пути,—она цѣликомъ и рабски зависитъ отъ него. Только революція продвинула ее на то мѣсто, гдѣ она сейчасъ стоитъ, она подняла ее на своемъ гребнѣ и опредѣлила ея первоначальную психологію и тактику. Волна опустила, опустилась и партія на дно своей старой психологіи и тактики. Поднимется опять волна... Чуткая и добросовѣстная Эолова арфа всегда вѣрно и точно отражаетъ всѣ звуки, несущіеся и съ горъ, и съ моря, и съ тихихъ долинъ. Теперь долинныя звуки, и она поетъ, какъ робко шепчетъ

тростникъ и слабо шуршитъ осока... Но придетъ время, завоюетъ буря съ горъ, сорвется могучій вѣтеръ съ широкаго моря,—и арфа запоетъ, что идетъ сердитый борецъ съ высокихъ горъ, идетъ девятый валъ, который смететъ плотины на берегу. И будутъ люди опять «пламенно» краснорѣчивы, опять сорвутся съ губъ ихъ слова высокихъ горъ, шумные окрики широкихъ морей. Снова явятся у нихъ красивые жесты и—почему знать—быть можетъ, они отыщутъ заброшенную въ камыши и занесенную иломъ чашу народнаго гнѣва.

Они снова вернутся къ своему «штурму», но только не вернуть себѣ того, что потеряли въ эти два мѣсяца, чего лишило ихъ 17-е апрѣля,—своего моральнаго авторитета...

С. Елпатьевскій.

Случайныя замѣтки.

Полковникъ Думбадзе — ялтинскій уѣздный «генераль-губернаторъ». 12 ноября 1906 г. съ правами чрезвычайной охраны въ рукахъ полковникъ Думбадзе воцарился надъ несчастной Ялтой и Ялтинскимъ уѣздомъ. Въ этотъ же печальный день Думбадзе заставилъ мѣстную газету—«Крымскій Курьеръ» напечатать «Приказъ», обращенный ко всему населенію «ввѣреннаго края». Эта насиліе надъ частной газетой было учинено (какъ увидимъ ниже) не въ первый и не въ послѣдній разъ.

Упоминаемый «Приказъ» длиненъ, малограмотенъ, заключаетъ въ себѣ изумительныя по недомыслию мѣста и кончается угрозою слушникамъ военно-полевыми судами...

Въ немъ Думбадзе объявляетъ, во-первыхъ, что онъ призванъ «бороться съ *разбойниками*, старающимися погрѣшить *въковы* устои государства». Ниже мы увидимъ, что Думбадзе—открытый сторонникъ «союза русскаго народа», то есть «революціонеровъ справа», и потому понятно, что онъ врагъ «новыхъ устоевъ», объявленныхъ 17-го октября 1906 г., каковыя, конечно, считаетъ для себя необязательными, а тѣхъ, кто ихъ признаетъ, считаетъ «разбойниками», которымъ въ концѣ «Приказа» сулится полевой судъ...

«Толпа болѣею частью дѣйствуетъ,—философствуетъ далѣе полковникъ,—по совѣту нѣкоторыхъ образованныхъ лицъ, *вроде* *промышленныхъ*, то есть подкупленныхъ врагами Россіи, старающихся поддержать смуту, развратить нашу армію, чтобы выш-

нимъ врагамъ легче и удобнѣе было разодрать въ клочки нашу родину».

Это—«впрочемъ, продажныхъ» превосходно и по смыслу, и по стилистическому построенію. Г. Думбадзе, «*впрочемъ*», является здѣсь только подголоскомъ доблестнаго международного человѣка, извѣстнаго не только читателямъ газетъ, но и слѣдственнымъ властямъ Черепъ-Спиридовича, съ его «японскими милліонами». Les beaux esprits se rencontrent...

«Ищите свѣта въ совѣтахъ людей, не измѣнившихъ русскимъ *възовымъ върованіямъ*. Выбирайте и дайте въ Думу достойныхъ людей, *истинно-русскихъ*, чтобы новая Дума оказалась бы дѣловой и трудовой, а не болтливой и, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, *переполненной хриstopродавцами*, какъ прежняя».

Свое право издавать «приказы» полковникъ Думбадзе, очевидно, понимаетъ очень широко: въ числѣ прерогативъ своей почти сказочной власти онъ, повидимому, считаетъ также право—«приказывать» избирателямъ выбирать въ Думу своихъ «истинно-русскихъ друзей».

Что касается до названія «хриstopродавцевъ» по адресу членовъ первой Думы,—то одна изъ русскихъ газетъ («Товарищъ» № 171) называетъ это «недомыслиемъ»...—«Недомыслие» отъ Бога, и всякій, конечно, имѣетъ право быть недомыслящимъ, но... можно ли предоставлять всякому право въ такой степени злоупотреблять этимъ свойствомъ?

«Напоминаю всѣмъ охотникамъ до безобразій,—продолжаетъ Думбадзе свой «Приказъ»,—уходить изъ Ялты, какъ можно скорѣе и подальше, иначе я ихъ найду и спасибо имъ не скажу. Кстати, надо всѣмъ знать, что военно-полевой судъ уже существуетъ».

«Вамъ же, гг. полицейскіе чины и городовые, съ вашимъ *лигимъ* и безстрашнымъ исправникомъ, приношу сердечную благодарность... Богъ вамъ на помощь и съ завтрашняго дня—къ дѣлу!»

И вотъ «лихіе» принялись «водворять законность», то есть приступили къ разгрому совершенно мирныхъ либераловъ и къ заключенію союза съ явными черносотенцами.

Посмотримъ теперь, въ наказаніе за какія событія отданы были Ялта и уѣздъ въ безконтрольное распоряженіе армейскаго полковника Думбадзе?

Лѣтомъ 1906 г. въ Ялтѣ дѣйствительно взорвались три бомбы: одной бомбой былъ убитъ человѣкъ, съ ней бѣжавшій; другая бомба убила двухъ парней, которые ее несли, а третья взорвалась во время снаряженія, поразивъ работавшаго надъ нею аптекаря. Такимъ образомъ, отъ ялтинскихъ бомбъ пострадали только сами революціонеры, не причинивъ никакого вреда постороннимъ лицамъ. Тѣмъ не менѣе, тогда же среди лицъ, которымъ выгодно

усиленіе ихъ власти, возникла идея, что въ Ялтѣ и въ уѣздѣ можно добиться чрезвычайной охраны. Однако эта мысль испугала дачевладѣльцевъ и они чрезъ предсѣдателя земской управы г. Винберга убѣдили таврическаго губернатора не вводить ни военнаго положенія, ни чрезвычайной охраны, чтобы не спугивать «сезона» и ограничиться лишь усиленной охраной. Такъ и вышло. Губернаторъ не пожелалъ раззорять ялтинцевъ, и «сезонъ» окончился благополучно. Наступила осень. О бомбахъ всѣ стали забывать, никакихъ новыхъ выступленій не происходило, но вдругъ, какъ снѣгъ на голову—и чрезвычайная охрана, и Думбадзе... Видимо, возобладало мнѣніе тѣхъ лицъ, которымъ нужна была особенная власть; видимо, побѣдило мстительное чувство за ялтинскій либерализмъ, да пріятно было надѣяться, что Думбадзе проведетъ въ Думу «истинно-русскихъ» черносотенцевъ.

Между тѣмъ, и безъ чрезвычайной охраны, при одной лишь усиленной охранѣ, въ Ялтѣ безнаказанность произвола всѣхъ возмущала. Лѣтомъ среди бѣлаго дня на людной улицѣ приставъ Чижевскій задержалъ мальчика 16 лѣтъ Малафѣева и подъ предлогомъ, что тотъ вознамѣрился убѣжать, прострѣлилъ ему печень, отъ чего мальчикъ и умеръ. Преступный пересоль былъ всѣмъ очевиденъ и, тѣмъ не менѣе, «лихой» исправникъ, накричавъ на Чижевскаго, все же выгородилъ его, и дѣло объ убійствѣ Малафѣева отложено до страшнаго суда. Ялтинцы послали коллективную жалобу на Чижевскаго таврическому губернатору, но въ результатѣ Чижевскаго никто не тронулъ, а жалобщиковъ стали перебирать Думбадзе, какъ «христопродавцевъ».

Въ концѣ лѣта, когда пронеслись первые слухи о чрезвычайной охранѣ, было упомянуто и имя полковника Думбадзе, какъ вѣроятнаго «ялтинскаго уѣзднаго генераль-губернатора». Но тогда этому слуху никто не повѣрилъ и вотъ почему. 19-го августа подчиненные Думбадзе, офицеры 16-го стрѣлковаго полка заставили «Крымскій Курьеръ» напечатать «письмо», въ которомъ угрожаютъ, что, въ случаѣ «какого бы то ни было поползновенія (!?) на кого-нибудь изъ членовъ полковой семьи, *ответятъ жизнью* тѣ, которые въ этомъ виновны въ самомъ обширномъ смыслѣ этого послѣдняго слова. Пояснимъ это: «виновниками считаются у насъ (?) не слѣпые исполнители, на которыхъ падаетъ жребій, по большей части *фальшивый*; они получаютъ возмездіе по закону, если... только доживутъ до разбирательства дѣла. Виновниками мы считаемъ руководителей и представителей соотвѣствующихъ партій. Лица эти извѣстны намъ уже въ числѣ 27-ми, остальные не замедлятъ пополнить списокъ... Заранѣе извиняемся за причиненіе *безпокойства* тѣмъ, которые можетъ быть къ этому именно дѣлу не причастны».

Это *письмо* въ свое время обошло почти всѣ русскія газеты и было даже переведено на иностранные языки, повсюду вызы-

вая изумленіе, возмущеніе и жалость. Ялта послѣ этого небывалаго письма ждала, что пріѣдетъ какое-нибудь высшее начальство и накажетъ и офицеровъ, и Думбадзе за такое паденіе дисциплины въ его части. Карьера Думбадзе казалась многимъ благодушнымъ ялтинцамъ проваленной: не могутъ же повышать чело-вѣка, не сумѣвшаго воспитать законности въ небольшой, ввѣрен-ной ему войсковой части!..

Эту оптимистическую увѣренность поддерживали и нѣкоторые личные «выступленія» Думбадзе («Тов». №171). На похоронахъ околоточнаго Романова онъ «оборвалъ» одну даму, стоявшую на балконѣ, за будто бы не достаточно грустное выраженіе лица. Грубый окрикъ испыталъ директоръ об-ва вз. кредита Рыбицкій за то, что выглянулъ изъ своего банка съ сигарой въ зубахъ. Въ городской управѣ Думбадзе накричалъ и нашумѣлъ до такой степени, что, по жалобѣ головы, было произведено дознаніе. Всѣмъ казалось, что неблаговоспитанная необузданность Думбадзе доста-точно выказалась, и что вполне выяснилось его неумѣніе «во-дворять законность».

Но вышло наоборотъ. Во первыхъ, пріѣхалъ въ Ялту «самъ» Каульбарсъ, генералъ, столь хорошо очерченный Куропаткинымъ, и администраторъ, озаменовавшійся союзомъ съ одесскими чер-носотенцами.

Каульбарсъ «дѣло разобралъ» и постановилъ «выразить пол-ковнику Думбадзе и офицерамъ 1-го батальона 16-го стр. полка *сердечную благодарность*»!..

Какъ только воцарился въ Ялтѣ Думбадзе и какъ только онъ пригласилъ «лихого» исправника «дѣйствовать», такъ немедленно начались повальные обыски и массовые аресты съ высылкой.

Въ Ялтѣ много докторовъ и, какъ извѣстно, почти всѣ они въ большей или меньшей мѣрѣ чахоточные: именно эта болѣзнь сюде-нихъ и согнала. Высылка, такимъ образомъ, для ялтинскихъ врачей сугубо тяжела и часто равносильна медленно приводимому въ исполненіе смертному приговору. Но «истинно-русскому» Думбадзе все это ничего, и врачи отправились въ изгнаніе.

Однимъ изъ первыхъ поплатился врачъ В. И. Салтыковский, и это неудивительно: его имя стояло на жалобѣ губернатору по по-воду безнаказаннаго убійства Чижевскимъ мальчика Малафѣева. Надо помнить окрикъ Сквозника-Дмухановскаго по адресу кун-цовъ: «А... вы жаловаться!» Да, жалобщиковъ у насъ не любятъ и до сихъ поръ. За Салтыковскимъ идетъ женщина-врачъ А. С. Гурьянъ; затѣмъ врачъ П. П. Розановъ — человѣкъ пожилой, вла-дѣлецъ двухъ дачъ въ Ялтѣ, хромою отъ туберкулеза и мирный членъ кадетской партіи... Врачъ К. В. Волковъ, зубной врачъ Вит-ковская, врачъ Островскій, врачъ Рукинъ, врачъ Лалидусъ, врачъ Менчинскій, женщ.-врачъ В. С. Коссовичъ, врачъ А. О. Артемовъ, старшій врачъ земской больницы Алексинъ и др. Смѣло можно ска-

занъ, что это изумительное гоненіе на врачей обрушилось на людей совершенно мирныхъ, отнюдь не революціонеровъ, по большей части пожилыхъ и жившихъ въ Ялтѣ свободно даже при Плеве. Но въѣдъ изъ писаній Думбадзе видно, что онъ признаетъ за хорошихъ людей лишь «истинно-русскихъ», а всѣхъ лѣвѣе стоящіе— «разбойники», «продажные» и «хриstopродавцы».

За докторами въ изгнаніе пошли всякаго рода другіе жители Ялты и окрестностей: жена врача Лапидуса, жена Розанова, дочь врача Рукина—гимназистка 8-го класса и такая же гимназистка—г-жа Шуфъ—выслана съ матерью. Обѣ гимназистки должны были держать выпускной экзаменъ. Высланъ завѣдующій редакціей «Крымскаго Курьера» Устиновъ, а предшественникъ его Первухинъ самъ бѣжалъ изъ Ялты, не дождавшись неминуемой высылки. Изгнаны: портной А. М. Конторовичъ, секретарь горнаго клуба Пракоитисъ, чахоточный авторъ «Путеводителя по Крыму» Безчинскій, много лѣтъ жившій въ Ялтѣ; высланы: В. М. Гринблатъ, священникъ Щукинъ, С. Б. Левинъ, Л. У. Засловскій, Л. И. Бердичевская, студентъ Л. А. Ивановъ, дворянка Попова, г.г. Гороховъ, Микрюковъ, Тереховъ, Бендюкъ, Грипенко, Ходосовъ, акцизные чиновники И. Д. Сно и В. В. Вошининъ, владѣлецъ кондитерской Зарудневъ, провизоръ М. Коппъ, гг. Осмаковъ, Прошкинъ, Хилько, Кондаковъ, Лазаревъ; Кукинъ, Альто-Пармакъ, Вагоновъ, дочь сторожа городского сада Анна Степаненко, акушерка Х. Ц. Меліиновская, Солодукинъ, канд. богословія Г. И. Драсоховъ, Эберъ, Кекшинъ, Герасимовъ, Рязанцевъ, Шеншель, Бродскій, Меліиновскій и многіе другіе. Изъ Ливадіи всего выслано около 30 человекъ служащихъ и рабочихъ, изъ Массандры—около 10. Общее число высланныхъ, не считая евреевъ, «водворенныхъ въ черту осѣдлости», очень велико для маленькой уѣздной Ялты: оно уже перевалило за сотню.

Я. Е. Когутъ за храненіе револьвера оштрафованъ на 1500 р., а мот. поч. гражд. И. И. Косякъ—на 500 р. Многіе оштрафованы за промедленіе въ пропискѣ паспортовъ.

Конечно, отъ людей, «сочувствующихъ погромамъ», евреямъ нечего было ждать справедливости. Ихъ погнали изъ Ялты, не взирая ни на полъ, ни на возрастъ, ни на то, что люди пріѣхали сюда въ надеждѣ избавиться отъ чахотки *). Высланы, напр., въ черту осѣдлости еле живой Гореликъ и больной, полустѣпой старикъ Гершовъ. Больной Шупманъ умеръ на рукахъ выселявшихъ его «истинно-русскихъ» людей. Среди этихъ драмъ и трагедій иногда попадаются и водевили, въ которыхъ Думбадзе играетъ главную роль вмѣстѣ съ «лихимъ» исправникомъ. Такъ, напр., рѣшено было выслать инженера Русанова, а онъ оказался давнымъ давно

*) «Тов.» № 146.

живущимъ въ Парижѣ... Неправда ли, какъ это характеризуетъ ятинскія «лихія» дознанія...

Въ № 7 «Русск. Вѣд.» напечатано письмо Думбадзе. «Красный флагъ»,—говоритъ онъ,—я очень не уважаю, а кто имъ увлекается, того изъ Ялты выдворяю». Извольте понять, какое именно преступленіе караетъ ятинскій владыка... Если разумѣть — хожденіе по улицамъ съ краснымъ флагомъ въ рукахъ, то безошибочно можно сказать, что 95 изъ ста изгнанныхъ Думбадзе изгнаны напрасно: они съ красными флагами не ходили. Но, можетъ быть, полковникъ похъ словами: «увлеченіе краснымъ флагомъ» понимаетъ лишь увлеченіе идеями, символомъ которыхъ является красное знамя. Если да, то безъ ошибки можно сказать, что не Думбадзе и не «лихому неправнику» разобраться въ этихъ вопросахъ. Оба они — полные лѣвѣжды въ области общественныхъ вопросовъ и теченій и совершенно не способны разбираться въ партійныхъ программахъ.

Далѣе въ своемъ письмѣ Думбадзе указываетъ, что «одна высокопоставленная особа» признала всѣ его дѣянія правильными и законными и даже выразила пожеланіе болѣе суровыхъ каръ. «Этимъ дѣломъ, то есть пересмотромъ прежнихъ рѣшеній и ихъ усугубленіемъ, я теперь и займусь дополнительно. Высылки будутъ замѣнены ссылками. Подлежащія ссылкѣ лица будутъ немедленно арестовываться въ ожиданіи распоряженій. Это, *кажется*, будетъ немного чувствительнѣй, чѣмъ высылка изъ предѣловъ края».

Проходя мимо издѣвательства въ словѣ «*кажется*», мы остановимся надъ ссылкой Думбадзе на авторитетъ «высокопоставленной особы». Здѣсь ссылка довольно явно указываетъ на Каульбарса — мукденскаго героя, цѣну которому подвелъ Куропаткинъ...

Полковнику Думбадзе кажется, повидимому, что онъ отлично знаетъ всякіе воззванія, приказы, письма и возраженія. Это какая-то графоманія. Вотъ передъ нами еще письмо полковника. Оно адресовано въ «Русь» и гласитъ, между прочимъ:

«Я — солдатъ старой школы, — трижды раненъ, прослужилъ въ войско безотлучно 37 лѣтъ, имѣю дѣло только со стрѣлками и съ винтовкой, а это далеко не то, чтобы изощряться въ писаніи. Съ этой стороны у меня мало практики, и потому я, что называется, «пасъ» передъ вашими сотрудниками».

«Раньше, чѣмъ быть ко мнѣ нелюбезнымъ, — продолжаетъ «солдатъ старой школы» по адресу «Руси», — слѣдовало бы обратиться къ *господину* таврическому губернатору и навести *вѣрный* и *справки*... Нехорошо разжигать толпу... Развѣ не правъ я буду, что лучшіе государственные люди пали отъ руки убійцъ-злодѣевъ, только благодаря подстрекательству большинства газетъ... Лично я себѣ не безпокоюсь и не утруждаю васъ, г-нъ редакторъ. Рѣшительно *никого и ничего не боюсь*, пощады виновнымъ не дамъ, и «товарищамъ» въ Ялтѣ не позволю *шататься* по улицамъ съ краснымъ флагомъ... Прочь колебанія, будемъ дѣйствовать друж-

нѣе и не дадимъ христопродавцамъ оскорблять царя-батюшку, осквернять нашу вѣру и расчленять нашу родину».

Къ моменту выборовъ Думбадзе, конечно, все сильнѣе и сильнѣе развелъ черносотенные пары. Изъ № 7 «Рѣчи» мы узнаемъ, что «въ Ялтинскомъ курзалѣ состоялся митингъ союза русскаго народа. Присутствовали: Думбадзе, офицеры, «лихой» исправникъ, пристава, жандармскій ротмистръ и др. Предсѣдательствовалъ отставной генералъ Михайловъ. Говорили «крушевскія» рѣчи: протоіерей Терновскій, Поповъ и Думбадзе, которому союзъ поднесъ почетный значекъ. Провозглашали здоровье Думбадзе, лихого исправника и пристава Чижевскаго, того самаго, который лѣтомъ безъ всякой нужды убилъ мальчика Малафѣева.

— Да здравствуетъ Думбадзе!.. Ура!.. Да здравствуетъ Гвоздевичъ! Ура! Да здравствуетъ Чижевскій! Ура! Долой жидавъ! Смерть жидамъ!

Эти «любяльные» крики долго раздавались въ городскомъ саду. Потомъ «виновниковъ торжества» качали. Потомъ черносотенцы съ флагами и военной музыкой устроили шествіе по ялтинскимъ улицамъ «на страхъ врагамъ и жидамъ».

Итакъ, мы видимъ, что Думбадзе публично, такъ сказать, официально слился съ союзомъ черносотенцевъ, маршировалъ съ ними по городу, получилъ ихъ значекъ, говорилъ рѣчь въ ихъ токъ.

Въ № 121 «Сегодня» шествіе Думбадзе съ черносотенцами по Ялтѣ обрисовано съ очень пикантной стороны. Оказывается, что ялтинскіе «истинно-русскіе» люди почти сплошь состоятъ изъ татаръ-фруктовщиковъ и дамскихъ проводниковъ, тоже татаръ. Съ ними маршируетъ «истинно-русскій» грузинъ Думбадзе...

И всетаки выборы дали ярко-лѣвые результаты. Какъ только это обнаружилось, «водворители законности» бросились на квартиру выборщика Жарова съ цѣлью обыска. Не квартира оказалась пустой и хозяинъ ея въ изгнаніи... Тогда законники бросились и обыскали земскую школу, гдѣ Жаровъ былъ учителемъ. Но опять ничего не нашли.

Въ № 23 «Рѣчи» сказано: «Въ «Крымскомъ Курьерѣ» — газетѣ несомнѣнно прогрессивной, на первой страницѣ печатаются воззванія «Союза 17 октября» и «Союза истинно-русскихъ людей». Очевидно, газета это дѣлаетъ не по доброй волѣ».

Такъ оно и было. Насадитель законности совершенно противозаконно заставлялъ газету печатать черносотенныя гадости. Редакція понимала, что отказъ помѣщать воззванія союзовъ, равно какъ отказъ помѣщать писанія самого полковника, немедленно поведетъ къ закрытію. И газета шла на компромиссъ ради спасенія свей жизни. Но, какъ это всегда бываетъ, упиженіе оказалось бесполезно.

12-го февраля Думбадзе закрылъ «Крымскій Курьеръ» за «вредное направленіе». Придиркою послужило слѣдующее обстоятельство

«Нов. Вр.» № 11.108). Въ «Крымскомъ Курьерѣ» отъ 7 февраля ~~снять~~-таки, конечно, не добровольно, появилось длинное писаніе Думбадзе, который счелъ нужнымъ опубликовать, что имъ получено угрожающее письмо отъ крымской социаль-демократической организаціи. Черезъ два дня редакція «Крымскаго Курьера» получила не почтъ и напечатала возраженіе отъ крымской социаль-демократической организаціи, которая заявила, что подметнаго письма съ угрозами полковнику Думбадзе не посылала, и что, стало быть, это сдѣлано кѣмъ-нибудь самозванно и подложно.

Этотъ отвѣтъ и повлекъ за собой смертный приговоръ для газеты... Извѣстно, однако, что газеты постоянно печатаютъ такія совершенно непреступныя объявленія подпольныхъ организацій. Даже въ дни Сипягина и Плеве «Гражданинъ», «Московскія Вѣдомости» и «Новое Время» нерѣдко оглашали получаемыя «разъясненія». Но для Думбадзе самаго факта появленія въ газетѣ совершенно невиннаго и даже полезнаго разъясненія социалистической организаціи показался полковнику глубоко-преступнымъ. Газеты не стало...

Въ № 38 «Рѣчи» полковнику Думбадзе посвященъ очень большой и очень интересный фельетонъ. Въ этой статьѣ, между прочимъ, говорится, что не слѣдуетъ думать, будто Думбадзе своимъ умомъ доходить до всѣхъ этихъ ссылокъ, изгнаній и т. д. Нѣтъ, главную роль тутъ играетъ «лихой» исправникъ Гвоздевичъ, который сумѣлъ забрать полковника въ руки. Гвоздевичъ—человѣкъ малограмотный, но хитрый; онъ началъ свою карьеру съ должности урядника и всѣ свои науки и всю свою нравственность почерпнулъ въ полицейской кардегардіи и въ полицейскомъ правленіи. Этого алмазата, и можно себѣ представить, какой багажъ оттуда получить. Гвоздевичъ уже давно собираетъ ялтинскіе «корни и нити», но всѣ его доносы разсѣивались предъ свѣтомъ не только суда, но даже мало-мальски приличнаго административнаго дознанія. Гвоздевичу нуженъ былъ именно Думбадзе—человѣкъ съ громадной властью и съ убогой подготовкой «солдата старой школы»... Съ 12 ноября 1906 года Гвоздевичъ понялъ, что на его улицѣ праздникъ, и двинулъ онъ предъ очи Думбадзе всѣ свои старые узоры, бывшіе уже на разсмотрѣніи начальства и суда и отвергнутые въ качествѣ неосновательныхъ. Думбадзе всему вѣрилъ и каралъ, и каралъ...

Спрашивается: что говорить по этому поводу таврической губернаторъ? Въ недавнее время онъ въ этой же губерніи служилъ прокуроромъ окружного суда и, конечно, знаетъ и Ялту, и гонимыхъ ялтинцевъ, и «солдата старой школы» Думбадзе, и «лихого» Гвоздевича, и его узоры. По мнѣнію автора статьи въ «Рѣчи», таврической губернаторъ все это отлично знаетъ, и потому съ полнымъ участіемъ, привѣтливо и съ благорасположеніемъ относится къ жертвамъ ялтинскаго террора. И всетаки губернаторъ ничего не можетъ сдѣлать, такъ какъ боится Гвоздевича. Дѣло въ томъ,

что въ Ялту, въ Массандру, въ Ливадію и во многія другія дачи южнаго берега постоянно наѣзжаютъ очень вліятельныя особы. «Лихой» исправникъ сумѣлъ здѣсь «заручиться». Этимъ и объясняется по мнѣнію корреспондента «Рѣчи» то, что губернаторъ боится исправника. Старый ялтинскій исправникъ Зефиропуло тоже имѣлъ «заручки» и былъ несмѣняемъ. Недавно въ Ялтѣ прошелъ слухъ, что скоро «будетъ признано неблагонадежнымъ» такое лицо, что всѣ ахнутъ». И ялтинцы стали думать о губернаторѣ и его участливомъ отношеніи къ жертвамъ Гвоздевича-Думбадзе. Иными словами, даже губернатору страшны доносы исправника, хотя, по словамъ корреспондента «Рѣчи», въ Ялтѣ за послѣднее время стали находиться бомбы при очень странной и подозрительной обстановкѣ, страннаго состава и со странными оговорами. Безъ этого, впрочемъ, трудно было бы поддерживать чрезвычайную охрану.

По словамъ «Руси», № 36, «весь зимній сезонъ Ялта пологительно пропустовала». «Рѣчь», № 38, говоритъ еще опредѣленнѣе: она прямо доказываетъ, что Думбадзе и Гвоздевичъ своимъ терроромъ раззоряютъ Ялту. Мирнѣйшіе жители южнаго берега провели всю зиму въ угнетенномъ настроеніи: всѣ видѣли, что полицейскій произволъ достигъ геркулесовыхъ столповъ, и всѣ понимали, что кого-нибудь это доведетъ до отчаянія, и пойдутъ покушенія и еще худшія репрессіи.

Такъ оно и вышло. 26-го февраля на Ливадійскомъ шоссе изъ дачи Новиковой въ проѣзжавшаго Думбадзе была брошена бомба. «Думбадзе легко контуженъ, преступникъ застрѣлился», — гласятъ телеграммы официального агентства и къ этому прибавляютъ, что «дача Новиковой горитъ». Первоначально приходило въ голову, что дача загорѣлась или отъ взрыва бомбы, или отъ поджога, съ цѣлью скрыть какіе-нибудь слѣды преступленія. Вскорѣ, однако, выяснилось, что дача сожжена полковникомъ Думбадзе. Въ № 213 «Товарища» это преступленіе описано подробно. Думбадзе вызвалъ изъ Ливадіи стрѣлковъ и приказалъ имъ разгромить все имущество во всѣхъ квартирахъ и во всѣхъ комнатахъ не только той дачи Новиковой, изъ которой была брошена бомба, но и сосѣдней дачи, отдѣленной отъ первой садомъ.

Надо замѣтить, что жильцы обѣихъ дачъ Новиковой ничего общаго съ бомбометателемъ не имѣли и даже не знали его. Оказывается, что этотъ молодой человѣкъ пріѣхалъ въ Ялту незадолго до покушенія, нанялъ комнату въ дачѣ Новиковой и ничѣмъ не обращалъ на себя вниманія. Тѣмъ не менѣе, по приказанію Думбадзе, солдаты прикладами выгнали всѣхъ жильцовъ изъ обѣихъ дачъ и не позволили даже женщинамъ и дѣтямъ взять хотя бы свои шляпы. Затѣмъ все имущество было уничтожено, порвано, побито, поколото. Въ низшемъ этажѣ держала лавочку одна бѣдная женщина. Она на колѣняхъ умоляла Думбадзе и Гвоздевича

пощадить и не разворять ее. Но ничто не помогло, а солдатам было приказано разгромить лавку. Затѣмъ принесли керосину и дачу подожгли, а садъ съ его стройными кипарисами вырубili...

Новикова опредѣляетъ свои убытки въ 68.000 р., а бѣдные жильцы въ 20.000 р.

Въ № 54 ялтинской газеты «Крымскій Курьеръ», только что разрѣшенной къ выходу послѣ долгой пріостановки, напечатано:

«Вслѣдствіе предложенія главноначальствующаго полковника Думбадзе, переданнаго чрезъ наблюдающаго за повременными изданіями въ Ялтѣ пом. исправника Титова, помѣщаемъ ниже слѣдующую статью изъ № 54 «Московскихъ Вѣд.», присланную въ редакцію при оффиціальномъ письмѣ г. Титова».

Дальше перепечатана самая статья, принадлежащая перу извѣстнаго «дворянина» Павлова, полная угрозы либераламъ и полная похвалъ полковнику Думбадзе... Такимъ образомъ, тщеславный полковникъ насильно заставляетъ хвалить себя.

Впрочемъ... «За отличіе по службѣ полковникъ Думбадзе произведенъ въ генераль-маіоры»... 8.

„О томъ же предметѣ“—Въ предыдущей замѣткѣ данъ общій сводъ извѣстій объ общественной и литературной дѣятельности неограниченнаго ялтинскаго владыки. Намъ приходится дополнить характеристику нѣсколькими позднѣйшими чертами.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ газетахъ появились извѣстія, что здоровье полковника Думбадзе улучшается. Останется или не останется полковникъ Думбадзе на своемъ посту?—этотъ вопросъ, разумѣется, очень волновалъ ялтинскихъ жителей... Сначала казалось, что непременно останется, и при томъ не по иной какой-нибудь причинѣ, какъ только для того, чтобы досадить А. А. Суворину, редактору газ. «Русь». Такъ можно было заключить изъ любопытной переписки, которую храбрый полковникъ затѣялъ съ редакторомъ тотчасъ послѣ того, какъ на него было произведено покушеніе. Эпистола полковника гласитъ тако:

«Поздравляю съ успѣхомъ вашей травли: я раненъ взрывомъ бомбы, со мной нѣсколько человѣкъ. Но на зло вамъ и вамъ подобнымъ я съ полкомъ сумѣю послужить царю и родинѣ. Полковникъ Думбадзе».

«Травлей» полковникъ называлъ, очевидно, оглашеніе газеты его необыкновенныхъ дѣйствій. Есть много людей, которые полагаютъ, что дѣлать извѣстныя вещи можно, и онѣ будутъ даже очень хороши, пока не оглашены во всеобщее свѣдѣніе. Но когда оглашены—то немедленно является соблазнъ... И соблазнъ истекаетъ отнюдь не отъ дѣйствій, а отъ ихъ оглашенія. У этихъ простодушныхъ «начальниковъ» живо представленіе о Ноѣ и его сыновьяхъ. Они—добродѣтельные Нои, нѣсколько опьяненные ви-

номъ власти, пресса—непочтительный сынъ, обнажающій патриархальныя неприличія...

Однако,—это только къ слову... А. А. Суворинъ, получившій эту замѣчательную «поздравительную телеграмму», тотчасъ же помѣстилъ ее въ своей газетѣ (вѣроятно, въ интересахъ выясненія типичной фizioноміи ялтинскаго владыки) и снабдилъ ее съ своей стороны слѣдующимъ комментариемъ:

«Мы искренно поздравляемъ полк. Думбадзе съ избавленіемъ отъ смертельной опасности и глубоко сожалѣемъ о пострадавшихъ около него адъютантѣхъ и кучерѣхъ. Но тѣмъ рѣшительнѣе утверждаемся въ мысли, что полковника Думбадзе необходимо освободить отъ непосильныхъ ему административныхъ обязанностей. Какой же уравновѣшенный администраторъ, только что уцѣлѣвъ отъ бомбы, станетъ разсылать по редакціямъ подобныя телеграммы, читать которыя трудно безъ жалости и къ автору, и къ той административной системѣ, которая всю и всякую вину готова переносить на газеты. Во всемъ газеты виноваты!.. Даже и тѣ, что отрицаютъ, какъ мы, всякую кровь. Полк. Думбадзе желаетъ продолжать «на зло» намъ. Было бы лучше—на пользу ялтинскому населенію. А пока онъ вмѣсто пользы сжегъ домъ, откуда произошло покушеніе на него, хотя виновникъ покушенія самъ съ собой покончилъ...

«Во всякомъ случаѣ, желаемъ полк. Думбадзе успѣшно лѣчиться и выздоровѣть».

Вскорѣ послѣ этого въ газетахъ появились извѣстія, что полковникъ Думбадзе на свой постъ, хотя бы даже на зло А. А. Суворину, уже не вернется. Основывались эти предположенія на одномъ разговорѣ полковника съ врачомъ. Полковникъ спросилъ, какъ идетъ его выздоровленіе. Врачъ отвѣтилъ: «Дѣло идетъ отлично. Вы скоро будете въ состояніи вернуться къ исполненію своихъ обязанностей». На это полковникъ Думбадзе замѣтилъ, яко-бы, съ задумчивымъ видомъ:

— Полковникъ Думбадзе къ исполненію обязанностей болѣе не вернется...

«Задумался»,—говорили по этому поводу обыватели. Повидимому, этотъ новый признакъ свѣдущіе люди считали необычнымъ и ждали отъ него практическихъ послѣдствій. Дѣйствительно, «задуматься» въ положеніи полковника Думбадзе, послѣ всего, что онъ надѣлалъ безъ оглядки... это вѣдь своего рода душевная трагедія. Оказалось, однако, что толкователи впади въ ошибку. Полковникъ Думбадзе вовсе не задумывался. За процессъ рефлексіи они приняли процессъ нѣкоего пророческаго наитія. Полковникъ Думбадзе, повидимому, просто провидѣлъ, что его, за искусную бомбардировку дома, скоро сдѣлаютъ генераломъ. Такъ и вы-

шло. Онъ повышенъ въ чинъ и къ должности вернулся уже не *полковникъ*, а *генераль-майоръ* Думбадзе.

И вотъ, «на зло А. А. Суворину», генераль Думбадзе объявляетъ, что онъ вновь вступилъ въ должность и намѣренъ по прежнему «служить царю и родинѣ». Дальнѣйшую программу своихъ дѣйствій онъ излагаетъ съ ясностью, способною повергнуть въ трепетъ и домовладѣльцевъ, и жильцовъ.

«Установить строгій надзоръ на нѣкоторые дома (обыкновенно, надзоръ, по правиламъ русской грамматики, устанавливаются за домами), въ коихъ вожаки боевыхъ дружинъ и анархисты-террористы имѣютъ гостепріимство. Предупреждаю хозяевъ домовъ, что виновныхъ въ пріемѣ кого-либо изъ числа злодѣевъ-враговъ порядка, желающихъ превратить этотъ курортъ въ гнѣздо разбоевъ, безпощадно буду наказывать, а дома ихъ, служащіе жилищемъ и складомъ оружія и боевого запаса, на подобіе дома Новиковой, уничтожать безъ остатка. На улицахъ требую соблюденія порядка и тишины и ни подъ какимъ видомъ не позволяю сбирища. Совѣтую гг. «освободителямъ-товарищамъ» сбросить съ себя широкіе пояса и особый костюмъ боевой дружины (?), въ которыхъ, оказывается, опять нѣкоторые изъ нихъ за время моей болѣзни начали щеголять и бравировать ихъ ноской. Мальчишекъ и шатающихся по улицамъ съ красными тряпками, на подобіе флаговъ, *драть за уши* и подъ расписку передавать ихъ родителямъ, при повтореніи брать подъ стражу.

«При возникновеніи гдѣ-либо безпорядковъ, приказываю исправнику дѣйствовать рѣшительно и въ тотъ же моментъ давать мнѣ знать по условленному шифру телефономъ для своевременной высылки ротъ стрѣлковъ для подавленія безпорядковъ. Васъ же, мирныхъ жителей города и уезда, увѣряю, что я со своими стрѣлками и полиціей не будемъ дремать и безъ всякой усталости постараемся оберегать ваше спокойствіе. Въ этомъ мое назначеніе и вполне ручаюсь.

«И. д. главноначальствующаго, командиръ 16-го Стрѣлковаго Императора Александра III полка, генераль-майоръ Думбадзе» *).

Перспектива для «мирныхъ жителей» необыкновенно успокоительная! Вы пріѣхали въ Ялту лѣчиться, но прежде всего должны тщательно шпионить за сосѣдами, которые отвѣтятъ вамъ полной взаимностью. Стоитъ оказаться въ одномъ домѣ съ вами «анархисту-террористу», и—генераль Думбадзе не дремлетъ: домъ, въ которомъ вы живете, будетъ, подобно дому Новиковой, уничто-

*) „Русь“. Цитируемъ изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ 18 апрѣля (веч. вып.) № 9856.

женъ безъ остатка... Спать вамъ, на всякій случай, лучше всею одѣтымъ, багажа имѣть поменьше, такъ какъ недремлющій генералъ уничтожитъ его тоже безъ остатка.

Намъ кажется, однако, что ялтинскій генералъ-губернаторъ недостаточно послѣдователенъ: по его мнѣнiю, лица, виновныя въ недосмотрѣ за анархистами, должны подвергаться бомбардировкѣ жилищъ и уничтоженiю имущества. Допустимъ, хотя и трудно допустить такую нецѣлостность. Но тогда, — спросимъ мы, — кто же всѣхъ болѣе обязанъ «слѣдить» и не допускать въ городѣ разныхъ «противообщественныхъ проявленiй»: партикулярныя лица и случайныя прiѣзжіе или — власти даннаго города? Отвѣтъ ясенъ: болѣе всѣхъ виновны въ такихъ недосмотрахъ именно власти. Отсюда логически слѣдуетъ, что въ случаѣ обнаруженія «недосмотровъ», — вмѣсто погромовъ партикулярныхъ лицъ, генералу Думбадзе надлежало бы бомбардировать квартиры подчасковъ, помощника пристава, пристава, полицеймейстера, самого генералъ-губернатора!..

Исторiя знаетъ примѣры подобной героической неуклонности. Извѣстно, напримѣръ, что въ средніе вѣка люди, которые не недосмотру и недостатку бдительности допускали нечистой силѣ овладѣть своими душами, — подвергали истязанiямъ, а порой и казни. И вотъ однажды, главный судья одного округа, нѣкто Ремигій (имени-отчества и чина припомнить не могу), оглянувшись на себя самого и строго взвѣсивъ состояніе своей души, рѣшилъ, что онъ-то, главный стражъ чужой осмотрительности, — самъ провинился въ недосмотрѣ... Тогда онъ сказалъ себѣ: «Ремигій! Ты, какъ лицо официальное, поставленное на стражѣ, несомнѣнно повиненъ всѣхъ болѣе». И потому... онъ нарядилъ судъ, заставивъ пытать себя, постановить приговоръ и сжечь на кострѣ... Вотъ это былъ человекъ неуклонной послѣдовательности, хотя многие и считаютъ его сумасшедшимъ.

Не такъ давно Л. Ф. Пантелѣевъ привелъ изъ Готскаго альманаха справку объ образѣ правленія въ нашемъ отечествѣ. Оказалось, что этотъ образъ правленія есть самодержавно-конституціонный. Всѣхъ особенностей этого строя, разумѣется, «не поймешь и не опѣнить гордый взоръ иноплеменный». Ну, а мы, рускіе самобытные люди, отлично понимаемъ въ чемъ дѣло.

Въ Таврическомъ дворцѣ — конституція... Въ остальной Россіи генералы Думбадзе.

Къ Таврическому дворцу приставлены поручики Пономаревы, какъ классныя дамы къ институткамъ, чтобы конституція не входила за предѣлы дворца и не совалась куда не надо.

За генералами Думбадзе никто не смотритъ, и только отъ времени до времени ихъ повышаютъ въ чинахъ.

Депутаты въ Таврическомъ дворцѣ поговариваютъ, генералы Думбадзе пострѣливаютъ, и такимъ способомъ водворяется гармонія властей...

Только обыватели спать одѣтыми, часто вскакиваютъ, кричать и поднимаютъ тревогу, не зная, откуда имъ ждать полнаго благополучія: снизу, сверху, справа или слѣва.

На нашемъ выразительномъ языкѣ это называется—не житье, малина!

Въ одномъ можно быть увѣреннымъ твердо: что углѣветъ отъ бомбы, то генералъ Думбадзе разрушить «безъ остатка».

О. Б. А.

Слова министровъ и комментаріи „Новаго Времени“. По словамъ «Новаго Времени», «дѣла нашей имперіи очень плохи» *). И если вѣрить высоко-официальнымъ заявленіямъ, то не просто плохи, а прямо-таки ужасны. Не взирая на необходимость, въ интересахъ очередной финансовой комбинаціи, поддерживать среди иностранныхъ кредиторовъ возможно болѣе оптимистическіе взгляды на положеніе дѣлъ въ Россійской имперіи, самъ предсѣдатель совѣта министровъ, а вслѣдъ за нимъ и министръ юстиціи вынуждены публично обнаружить рядъ прискорбнѣйшихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что «наша имперія», собственно, виситъ на волоскѣ и ни малѣйшимъ образомъ не заслуживаетъ кредита.

Изъ рѣчи П. А. Столыпина, произнесенной 7 мая въ Государственной Думѣ, открывается, напр., что существуетъ «военно-революціонная организація, поставившая своею цѣлью вызвать возстаніе въ войскахъ». Правда, изъ общей литературы намъ извѣстно, что существуетъ не одна, а нѣсколько военныхъ организацій, и цѣль свою онѣ опредѣляютъ не совсѣмъ такъ, какъ утверждаетъ г. Столыпинъ, и, во всякомъ случаѣ, значительно шире и глубже. Но на этотъ разъ попытаемся слѣдовать только «официальнымъ источникамъ». Итакъ, цѣль — взбунтовать армію «противъ начальства» (слова министра юстиціи). И цѣль едва не достигнута. Если армія еще не взбунтована, то лишь потому, что своевременно принятыми мѣрами правительству удалось «по найденной (случайно) перепискѣ арестовать» «въ Петербургѣ и въ провинціи около 60 лицъ» **)... Понимаете: «соберутся» 60 лицъ въ Петербургѣ и въ провинціи, и если департаментъ полиціи оплешаеть (а вѣдь съ нимъ это случается), то на томъ мѣстѣ, гдѣ по штату полагается армія, окажется «бунтъ». Впрочемъ, и 60 лицъ не нужно. По отзыву министра юстиціи, настроеніе арміи таково, что невозможно допустить даже простое «участливое отношеніе къ нижнимъ чинамъ» со стороны «народныхъ представителей». Участливое отношеніе къ солдатамъ со стороны Думы до того опасно и недопустимо, что слухъ о немъ, по объясненію того же министра юстиціи, послужилъ одною изъ причинъ для тщательнаго

*) „Нов. Вр.“ 10. V.

**) Ibid.

«быска въ помѣщеніи парламентской социаль - демократической фракціи.

Двѣсти лѣтъ назадъ Петръ Великій опредѣлилъ, что у «потентанта двѣ руки»: армія и флотъ. Нынѣ одна рука отрѣзана японцами и погребена въ Цусимѣ. Другая, армія... Впрочемъ, какая же это армія. Это пороховой погребъ, это динамитный складъ, пироксилиновая бомба, а не армія. Какая, въ самомъ дѣлѣ, армія, разъ она можетъ взорваться даже отъ «сочувственнаго отношенія»? И это говорятъ не социалисты, не безсмысленные мечтатели, не потрясатели основъ. Это говорятъ министры, публично, во время и безъ того весьма не удающихся переговоровъ о займѣ!..

Да, «дѣла нашей имперіи очень плохи».

Скверныя дѣла! По отзыву П. А. Столыпина, «русскій министръ въ русской Государственной Думѣ» уже вынужденъ говорить только такимъ образомъ («иначе не можетъ»): письма депутатовъ къ избирателямъ, порицающія правительство и его политику, «среди сельскихъ обывателей» «вызываютъ возмущенія», такъ что «можно предвидѣть наличность новыхъ попытокъ пріобрѣтенія земли силою и насиліемъ», — попытокъ, иначе называемыхъ аграрнымъ возстаніемъ. И хоть, съ одной стороны, «наличность», лишь предвидимая — «въ настоящее время опасность еще далеко», — но, съ другой стороны, г. Столыпинъ «не могъ не заявить» Государственной Думѣ, «что въ настоящее время опасность... возрастаетъ» *). Развѣ это не ужасно? «Писать письма избирателямъ» — неотъемлемое право депутата. Во всѣхъ Европахъ и Америкахъ депутаты этимъ своимъ правомъ пользуются. Во всѣхъ Европахъ и Америкахъ оппозиція агитируетъ противъ правительства и его политики. Какъ хорошо извѣстно кредиторамъ «нашей имперіи», иногда такая агитация сбиваетъ правительство съ его позицій, а иногда, наоборотъ, укрѣпляетъ. Во всѣхъ кредитоспособныхъ странахъ это лишь обыкновенная и повседневная борьба, въ которой немислима политическая жизнь. А у насъ — написалъ депутатъ письмо — вотъ вамъ и деревенскій миръ, деревенская благодать. «Пригорки и мурава шелкова»... Какіе тамъ пригорки! Это сплошь адскія машины, а не пригорки.

Итакъ, вмѣсто арміи, динамитный складъ; вмѣсто 90 милліоновъ «мирныхъ пахарей», 90 милліоновъ адскихъ машинъ. Этотъ грандіозный складъ взрывчатыхъ матеріаловъ ждетъ лишь толчка, — и, замѣчательно, толчка съ одной и той же, если такъ можно выразиться, стороны. Стоитъ законодательному собранію «сочувственно отнестись къ нижнимъ чинамъ», и армія вспыхнетъ. Противъ кого? По заявленію министра юстиціи, «противъ начальства». Намъ не

*) Рѣчь Предсѣдателя совѣта министровъ въ Государственной Думѣ 10-го мая.

говорять, что армія стремится къ «анархическому строю». Да и нельзя этого сказать, ибо указаніе на ту роль, какую можетъ сыграть «сочувствіе» представительнаго государственнаго учрежденія, ясно свидѣлствуетъ, что дѣло тутъ вовсе не въ «анархическомъ образѣ мыслей». Рѣчь идетъ объ опредѣленномъ начальствѣ, объ опредѣленныхъ лицахъ X, Y, Z. На какой почвѣ необыкновенно легко вызвать крестьянское возстаніе? По свидѣтельству председателя совѣта министровъ, на почвѣ политики тѣхъ же опредѣленныхъ лицъ X, Y, Z. Выходитъ, что сама по себѣ русская армія была бы такъ же нелегко воспламеняема, какъ и прочія арміи. Русское крестьянство само по себѣ было бы такъ же склонно къ мирному разрѣшенію конфликтовъ, такъ и крестьянство прочихъ странъ. И если объ эти социальныя силы готовы вспыхнуть по весьма ничтожному поводу, то причина заключается именно въ X, Y, Z. Это благодаря имъ, благодаря тѣмъ чувствамъ, которыя они возбуждаютъ, благодаря тѣмъ цѣлямъ, которыя они преслѣдуютъ, страна оказывается, какъ на вулканѣ. И они же сами, въ лицѣ высоко уполномоченныхъ представителей своихъ, въ лицѣ председателя совѣта министра и министра юстиціи, всходятъ на думскую кафедру и говорятъ:

— Армія питаетъ къ намъ такія чувства, что если вы обнаружите сочувствіе къ солдатамъ, то выйдетъ бунтъ. Правда, направленный противъ насъ, но вѣдь вы сами понимаете, что военный бунтъ—дѣло сложное, могущее создать весьма неожиданные эффекты. Крестьянство также столь настроено противъ насъ, что можетъ вспыхнуть отъ клочка бумаги, на которомъ депутатъ написалъ письмо. Правда, вспышка будетъ направлена, собственно, противъ насъ. Но вы сами понимаете, что и крестьянскій бунтъ—дѣло сложное...

Заявленіе, если хотите, не отличается, по существу, новизной. Намъ уже не разъ говорили, будто «неслыханную смуту» въ странѣ производитъ «ничтожная кучка агитаторовъ». Этими многократными заявленіями уже достаточно указывалось, что, значить, есть въ странѣ источникъ такого глубокаго и остраго раздраженія массъ, при которомъ даже «ничтожная кучка агитаторовъ» можетъ произвести всеобщую кутерьму. Памятное сообщеніе святѣйшаго правительствующаго синода въ январѣ 1905 г. о 18 японскихъ милліонахъ уже достаточно ярко подчеркивало мысль, что Россія находится въ состояніи крайне неустойчиваго равновѣсія. Какой, въ самомъ дѣлѣ, противникъ не воспользуется возможностью всего лишь за 18 милл. вызвать внутреннія волненія въ воюющей съ нимъ странѣ? И что это за государство, разъ оно предоставляетъ противнику такую возможность? Повторяю, оффиціальныя указанія на чрезвычайную неустойчивость равновѣсія, на постоянное присутствіе какого-то глубокаго источника раздраженія народныхъ массъ дѣлались многократно. Но, на-

сколько помнится, еще ни разу этотъ источникъ раздраженія не былъ названъ такъ опредѣленно, какъ это сдѣлали теперь гг. Столыпинъ и Щегловитовъ. И еще ни разу неустойчивость равновѣсія не рисовалась правительственными лицами и учреждениями такъ обнаженно, какъ это сдѣлано теперь. Даже крайне неосторожное сообщеніе синода не шло столь далеко. Тамъ все-таки указывалось на иностранное вмѣшательство, на нѣчто во всякомъ случаѣ произвольное, ненужное и злоумышленное. Но «сочувственное отношеніе законодательнаго учрежденія къ нижнимъ чинамъ», но критика правительственныхъ дѣйствій, хотя бы и очень рѣзкая, но связь между депутатомъ и населеніемъ,—вѣдь все это вещи, вполне естественныя, безусловно необходимы въ государственномъ обиходѣ; онѣ необходимы даже правительству; отсутствіе ихъ знаменовало бы, что страна впала въ состояніе старческаго безсилія, одержима смертельнымъ недугомъ. Увы! намъ говорятъ нынѣ, что при нынѣшнемъ неустойчивомъ равновѣсіи «власть» не доведетъ государство до катаклизма лишь въ томъ случаѣ, если страна упадетъ именно въ старческое безсиліе и будетъ одержима смертельнымъ недугомъ.

«Власть»!.. Да какая же это власть? По объясненію того же «Новаго Времени», сейчасъ въ Россіи «нѣтъ власти, достойной этого имени». Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ та социальная сила, органомъ и выраженіемъ коей можно считать нынѣшнюю власть? Армія? На это отвѣтили гг. Столыпинъ и Щегловитовъ. Крестьянство? На это отвѣтилъ г. Столыпинъ. Города? Смотри списокъ мѣстъ, объявленныхъ на положеніи усиленной и чрезвычайной охраны. Духовенство? «Со священнымъ саномъ,—говоритъ святѣйшій синодъ,—неразрывно связано уваженіе къ существующей государственной власти и государственному строю». Казалось бы, это догматъ. Но взгляните въ недавно вышедшее положеніе о церковномъ соборѣ. Повидимому, новый синодскій догматъ не очень далеко ушелъ отъ возвышенныхъ 2 года назадъ японскихъ милліоновъ. Бѣдному духовенству правительство рѣшилось предоставить на соборѣ лишь «вмѣшательный голосъ». И разъ бѣдое духовенство лишено «существующей государственной властью» права участвовать въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ, «уваженіе», о которомъ говоритъ синодъ, по меньшей мѣрѣ, сомнительно. Или, можетъ быть, социальной силой, органомъ которой должна являться власть, надо считать 130,000 помѣщиковъ, коихъ интересы г. Столыпинъ клялся защищать, излагая свою «аграрную декларацию»? Но, во-первыхъ, 130,000 среди 140 милліоновъ называются не социальной силой, а 0,09%. А во-вторыхъ, значительная часть этихъ 0,09% едва ли не кадеты. Или, можетъ быть, искомая социальная сила рекрутируется изъ всѣхъ общественныхъ слоевъ маленькими кусками, скопляю-

*) Указъ синода отъ 12 мая с. г. Цитую по „Товарищу“, 13 мая.

нимися вокругъ правительства въ грозную политическую группу? Но гдѣ же эта группа?

Какъ разъ передъ заявленіями министровъ 7 и 16 мая съ думской каѳедры, въ Москвѣ происходилъ съѣздъ «объединенныхъ русскихъ людей». Вѣрнѣе—смотриль силъ, подведеніе итоговъ той игры за счетъ авторитета высшей власти въ странѣ, которую велъ «Союзъ русскаго народа», въ милліонахъ экземпляровъ своихъ прокламацій увѣрявшій, что именно эта власть зоветъ всѣхъ «русскихъ людей» къ объединенію подъ знаменемъ «Союза». И даже «Новое Время» вынуждено было признать, что игра совершенно не удалась *). А «Новое Время» весьма близко къ «симъ сферамъ». И вовсе не склонно преуменьшать «заслуги» организаторовъ «союза русскаго народа».

До послѣдняго времени, хотя и съ нѣкоторой натяжкой и вопреки очевидности, но все-таки можно было считать сильною политическою группою, стянутою вокругъ правительства, «союзъ 17 октября». Въ началѣ мая произведенъ смотръ и этой организаціи. Первое засѣданіе съѣзда октябристовъ началось при самыхъ лучшихъ предзнаменованіяхъ. «Новое Время» восторженно умилялось согласію, съ какими делегаты пропѣли «Боже, царя храни». На послѣднее засѣданіе явилась едва пятая часть делегатовъ. «Товарищъ» далъ этому обстоятельству фактическое объясненіе: на съѣздѣ обнаружались непримиримыя принципиальныя разногласія, и союзъ, въ сущности, рассыпался. «Новое Время», до сихъ поръ старательно бравшее октябристовъ подъ свое покровительство, посмотрѣло на дѣло съ точки зрѣнія цѣлесообразности: г. Меньшиковъ просто констатировалъ, что организація подъ флагомъ «союза 17 октября» не удалась, а г. Суворинъ, свидѣтельствуя о томъ же, послалъ по адресу организаторовъ жестокое слово укорины:

— Эхъ вы, молъ, а туда же взялись партію устраивать. «Какая это партія, это скука, а не партія» **).

Итакъ, гдѣ же социальная сила, выразителемъ которой надо считать нынѣшнюю власть? Мы знаемъ, что отвѣтить на это к.-д. Знаемъ, что скажутъ социалисты. Не секретъ и то, какъ дѣло обстоитъ въ дѣйствительности. Но, повторяю, для насъ въ данномъ случаѣ интересенъ отвѣтъ самой власти, или, по крайней мѣрѣ, лицъ, завѣдомо ей близкихъ и явно къ ней расположенныхъ. Пусть это будетъ отвѣтъ пристрастный, односторонній. Пусть онъ будетъ напоминать того одинокаго старика, который, услышавъ ночью возлѣ своей хаты подозрительный шорохъ, про себя сказалъ: «Господи, даже полѣна нѣтъ», а вслухъ закричалъ:

*) См. № отъ 10 мая.

**) «Новое Время» 10 V.

— Эй, Васька, неси топоръ. Митька, тащи ружье. Никитка, заряжай пушку.

Но это ужъ наше дѣло—сосчитать дѣйствительныя силы Столыпинныхъ и К°. А сейчасъ намъ интересно, что они сами о себѣ думаютъ, или, по крайней мѣрѣ, что хотятъ внушить противнику. Оказывается, мы дошли до такого предѣла, что даже «Новое Время», вопреки обычаю многихъ лѣтъ, ничего не внушаетъ. И лишь горестно «констатируетъ», что, за крушеніемъ союза русскаго народа и союза 17 октября, въ Россіи нѣтъ ни одной реальной силы, на которую могла бы опереться существующая власть. Не только констатируетъ, но и разрабатываетъ новый планъ организациі силъ возлѣ правительства... Впрочемъ, на этомъ планѣ не лишне, пожалуй, нѣсколько остановиться, ибо онъ еще болѣе характеренъ, чѣмъ откровенное признаніе собственной безпомощности.

На сей разъ разрабатывается проектъ «великорусской партіи». «Новое Время» не скрываетъ, что эта организациа по духу должна представлять собою, такъ сказать, переизданное «русское собраніе» и переизданный «союзъ русскаго народа». Не скрываетъ и того, что въ основу «великорусской партіи» кладется та же аргументація, которую развивалъ 5—6 лѣтъ назадъ г. Сыромятниковъ, и которая лежитъ во главѣ угла «русскаго собранія». Суть въ томъ, чтобы начать неудавшееся предпріятіе сызнова, но подойти къ нему съ новыми методами. Организаторы русскаго собранія и союза русскаго народа допустили роковую ошибку. Они на первый планъ выдвигали моментъ политическій: самодержавіе. Между тѣмъ, долженъ быть выдвинутъ только моментъ національный: «Россія для русскихъ»; «великороссы—государственная народность, которая управляетъ всѣми, а всѣ остальные народности, населяющія Россію, должны быть управляемы». Вы спросите: а социальная программа? Но вѣдь вамъ же говорятъ: «великороссы управляютъ», и могутъ, значить, управлять, вплоть до полного освобожденія себя отъ налоговъ и до установленія, подъ тѣмъ или инымъ соусомъ, дань съ «инородцевъ» въ свою пользу. Вотъ и социальная программа: объединеніе въ цѣляхъ совмѣстнаго грабежа. То же и на счетъ политической программы. Къ чему преждевременно спорить? У каждого свои взгляды на образъ верховнаго правленія. Вы—монархистъ. въ русскомъ смыслѣ этого слова. Я конституціоналистъ. Онъ—республиканецъ. Но разъ мы одинаково великороссы, объединимся во имя безбѣднаго существованія на чужой счетъ. И когда мы этой основной нашей цѣли достигнемъ, тогда видѣо будетъ, при какомъ государственномъ устройствѣ существованіе на чужой счетъ вѣрнѣе обезпчивается. Можетъ быть, при «конституціи», можетъ быть, при «монархіи», а, можетъ быть, понадобится республика. Но, разумѣется, это аргументація для профановъ. Каждому же «просвѣщенному человѣку» хорошо извѣстно, что

націоналистическая партія, буде таковая сложится, можетъ стремиться только къ имперіализму. И «просвѣщенному человѣку» не трудно предвидѣть, что великорусскій имперіализмъ, по причинѣ племенного многообразія Россіи и значительности нѣкоторыхъ не великорусскихъ народностей, въ родѣ украинцевъ и поляковъ, потребуетъ скорорѣшительной центральной власти, со всѣми вытекающими изъ нея государственно-правовыми послѣдствіями, до нынѣ дѣйствующей паспортной системы включительно. Паспортная система, во всякомъ случаѣ, останется: ибо какъ же иначе отличить представителя управляющей народности отъ представителя народности управляемой? Такимъ образомъ, мы получимъ организацію, которая силою вещей должна будетъ принять программу «русскаго собранія», съ небольшими развѣ измѣненіями. И въ то же время не будемъ запугивать людей этою программю съ самаго начала.

Мысль, какъ видите, тонкая. Изошренная мысль. Потерпѣвшіе крушеніе организаторы русскаго собранія и союза русскаго народа могутъ даже стукнуть себя по лбу и воскликнуть: «вотъ ужъ по истинѣ русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ». Но—увы!—на сей разъ «руссскій человѣкъ» оказался просто до крайности растерянъ и чрезмѣрно забывчивъ. Мысль, развиваемая нынѣ «Нов. Вр.», безспорно-тонкая мысль. Но ее уже развивалъ въ томъ же «Новомъ Времени» г. Сыромѣтниковъ. И она уже, по весьма основательнымъ причинамъ, оставлена безъ послѣдствій. Великорусскій націонализмъ! Это не только изгнаніе гг. Гершельмана и Джунковскаго изъ Москвы, не только «экспроприація» ф. Доррера въ Курской губерніи, не только ликвидація $\frac{3}{4}$ помѣщичьихъ хозяйствъ въ великорусскихъ губерніяхъ, это прямо-таки катастрофа для всѣхъ «инородческихъ элементовъ», входящихъ въ составъ центрального правительства. Великорусскій націонализмъ безспорно не обновитъ существующаго строя. Но личный составъ «предержащей власти» подвергнется такой пертурбации, о размѣрахъ которой извинительно забыть лишь въ состояніи отчаянія и растерянности. Я лично сомнѣваюсь, что теперь въ сердцахъ великороссовъ можно раздуть пламя племенной нетерпимости. Но затѣя раздуть это пламя въ надеждѣ найти опору для гг. Гершельмановъ, Дорреровъ, Меллеръ-Закомельскихъ, Клейгельсовъ, Каульбарсовъ... Это нѣсколько больше, чѣмъ фантазированіе. Это вопль утопающаго, у котораго нѣтъ подъ руками даже соломинки. Сочиненіе столь противонатуральныхъ проектовъ гораздо выразительнѣе свидѣтельствуешь о полной изолированности нынѣшней власти, чѣмъ признанное крушеніе пріемовъ, коими были вооружены организаторы «союза русскаго народа».

Гг. Столыпинъ и Щегловитовъ объявили, какую роль играетъ правительство по отношенію къ арміи, стараясь оправдать обыскъ и арестъ въ помѣщеніи с.-д. парламентской фракціи. Г. Столыпинъ объявилъ, какую роль играетъ правительство по отношенію къ

крестьянамъ, во время «аграрной деклараціи», косвенно оправдывая установленный имъ полицейскій надзоръ за депутатами. Можно бы объяснить, что, увлекаясь нѣсколько специальной цѣлю, оба министра сказали гораздо больше, чѣмъ для нихъ самихъ выгодно было сказать, по пословицѣ: «языкъ мой—врагъ мой». Можно бы предположить также, что откровенности и вопли «Новаго Времени» выражаютъ самочувствіе лишь нѣкоторой части правительственныхъ круговъ. Но когда вопли и рѣчи раздаются одновременно... Что ужъ тутъ предполагать и объяснять. Шила въ мѣшкѣ не утаишь: «Дѣла нашей имперіи очень плохи».

А. Петрищевъ.

Господа дуэлянты. Въ одномъ современномъ «дѣлѣ», въ которомъ шла рѣчь о разныхъ «столкновеніяхъ людей» вооруженныхъ съ людьми безоружными, пишущему эти строки пришлось натолкнуться на одно колоритное показаніе. «Онъ повалилъ меня на полъ,—повѣствовалъ одинъ злополучный обыватель о стражникѣ,—и сталъ кричать товарищу: давай сюда кинжалъ! Я ему покажу запорожскую храбрость!»..

Этотъ небольшой эпизодъ вспоминается мнѣ всякій разъ, когда я читаю въ газетахъ извѣстія о вызовахъ на дуэли, столь частыхъ въ послѣднее время. Много ли нужно, въ самомъ дѣлѣ, «запорожской храбрости», чтобы ткнуть кинжаломъ безсильнаго и безоружнаго человѣка? И дѣйствительно ли запорожская храбрость состояла въ такого рода дѣйствіяхъ?.. Много ли также нужно было храбрости, напримѣръ, поручику Смирнскому, который стремился во что бы то ни стало прострѣлить, проколоть или изрубить «въ честномъ бою» депутата первой Думы г. Якубсона, завѣдомо не умѣющаго держать въ рукахъ ни сабли, ни пистолета. Депутатъ Якубсонъ взялъ назадъ свои слова, подавшія поводъ къ шумному выступленію поручика, и печатно разъяснилъ ихъ въ такомъ смыслѣ, что, казалось, не остается даже тѣни основаній для дуэли. Но поручикъ Смирнскій не принималъ никакихъ резоновъ и рвался въ бой. Газеты оповѣщали о тактическихъ ходахъ, коими онъ, Смирнскій, стремился вывести миролюбиваго депутата на «поле чести», а многіе зрители любовались этой стратегіей: г. Смирнскій получалъ въ печати же коллективные и индивидуальныя поощренія, выраженія адмиращіи и привѣтствія. На одно изъ нихъ (присланное въ формѣ поздравленія) онъ отвѣтилъ съ величавою скромностью, что поздравленія будутъ умѣстны, когда онъ доведетъ свое дѣло до конца. Иначе сказать, если-бы вооруженному человѣку удалось, съ надлежащаго разрѣшенія, прострѣлить, проколоть или изрубить человѣка, не умѣющаго владѣть никакимъ оружіемъ, кромѣ слова,—то въ этомъ былъ бы поводъ для публичныхъ поздравленій и овацій, а человѣкъ, это сдѣлавшій, попалъ бы въ герои.

Въ старину происходили дуэли, но не происходило такихъ публичныхъ вызововъ, потому что за нихъ по головкѣ тогда не

гладили... Въ Николаевское время людей, одержимыхъ избыткомъ «запорожской храбрости», посылали на Кавказъ, гдѣ они имѣли возможность помѣряться съ разными противниками. Этотъ порядокъ, признаюсь, кажется мнѣ лучшимъ, чѣмъ теперешнее поощреніе дуелей въ военной средѣ. Въ самомъ дѣлѣ: человекъ считаетъ, что честь дороже ему жизни—своей и чужой. Но передъ рискомъ чужой или своей жизнью—что значить отвѣтственность передъ судомъ, что значить личное спокойствіе и карьера? И потому въ цѣпи нелогичностей, изъ коихъ по самой своей природѣ состоитъ такъ называемое «дуэльное право»,—было всетаки менѣе нелогичнымъ то обстоятельство, что, на пути къ дуэльному барьеру, стоялъ еще барьеръ законной отвѣтственности и риска, хоть до извѣстной степени сдерживавшій безцѣльное бреттерство.

Дуэли всетаки бывали—порой, конечно, и бессмысленныя. Это былъ предразсудокъ общества, но и регулировался онъ самимъ же обществомъ. Теперь дуэль въ извѣстныхъ случаяхъ является чуть не служебной командировкой. И разъ «общество гг. офицеровъ» признаетъ поводъ достаточнымъ, то дуэль часто является своего рода спортомъ: вызывающій не рискуетъ ничѣмъ. Служебное положеніе его не пошатнется, пожалуй, даже укрѣпится... А «скрестить шпагу» или обмѣняться выстрѣлами со штатскимъ человекомъ, завѣдомо не умѣющимъ стать въ дуэльную позу и взять на прицѣлъ,—рискъ болѣе, чѣмъ ничтожный.

Въ прежнее время гораздо легче удовлетворялись извиненіями или разъясненіями... За то въ прежнее время на вызовъ въ родѣ того, какой былъ посланъ «безъ надлежащаго разрѣшенія» поручику Смирнскому человекомъ, лучше Якубсона владѣющимъ оружіемъ,—обыкновенно отказами не отвѣчали...

Какъ всякое явленіе, выросшее на исторической бытовой почвѣ, дуэль не поддается пересадкѣ на почву официальныхъ уставовъ и начальственныхъ распоряженій. Пересаженная такимъ образомъ,—она явно теряетъ свою нелогичную, нераціональную, но когда-то всетаки живую рыцарскую подкладку и вырождается въ турниръ, завѣдомо безопасный для одной и очень опасный для другой стороны.

Прежде, если случалось столкновеніе, «задѣвающее честь»,—обиженный обращался къ своимъ близкимъ друзьямъ приблизительно съ слѣдующимъ совершенно конфиденціальнымъ разговоромъ:

— Я понимаю, что моя просьба сопряжена съ личными для васъ неудобствами. Вамъ грозить отвѣтственность по суду, исключеніе со службы, заключеніе въ крѣпости, можетъ быть, ссылка на Кавказъ въ солдатской шинели. Но дѣло настолько серьезно, что я ставлю на карту собственную жизнь и жизнь другого...

«Друзья» такъ же серьезно принимались за дѣло и, прежде всего, вмѣстѣ съ секундантами противника обсуждали вопросъ о степени необходимости дуэли и возможностяхъ примиренія... Если

примиреніе не удавалось,—переходили къ техническимъ вопросамъ, стараясь избѣгать огласки и вмѣшательства властей. Вызововъ съ благосклоннаго разрѣшенія начальства, при посредствѣ широкой гласности, люди того времени не знали, а если бы кто-нибудь сказалъ тогдашнимъ дуэлистамъ, что наступитъ время, когда «личный вызовъ или картель» будетъ замѣненъ анонимными объявленіями въ «Новомъ Времени», то, навѣрное, они заранѣе изломали бы въ куски свои дуэльныя рапиры *).

Теперь все это дѣлается иначе. Въ случаѣ личнаго вызова къ штатскому человѣку являются въ одинъ прекрасный день секунданты въ военныхъ мундирахъ и говорятъ (если не буквально, то по смыслу) приблизительно такъ:

— Милостивый государь. Такъ какъ начальство благосклонно разрѣшило нашему товарищу, отлично владеющему оружіемъ, вызвать васъ на единоборство, то не угодно-ли вамъ назначить часъ, когда вы пожалуете къ барьеру, чтобы испытать силу его руки и мѣткость глаза. Мы, конечно, знаемъ, что вы оружіемъ не владеете вовсе и, кромѣ того, такъ какъ законъ о дуэляхъ къ вамъ не относится, то вы подвергаетесь законной отвѣтственности. Но успокойтесь: вы почти навѣрное будете уничтожены нашимъ другомъ, и отвѣчать вамъ едва-ли придется. Впрочемъ, сабли у васъ будутъ одинаковой длины...

И если штатскій человѣкъ отказывается отъ столь великодушнаго предложенія,—то въ газетахъ появляются извѣстія о храбрости одной стороны и малодушіи, а иной разъ открывается даже нѣчто въ родѣ охоты.

Съ открытіемъ второй Государственной Думы случаи такихъ вызововъ участились, и начальство сочло даже нужнымъ принять соотвѣствующія мѣры, чтобы не дать имъ обратиться въ массовое явленіе.

«Какъ намъ сообщаютъ,—писали недавно въ газетахъ—*), начальникамъ дивизій предписано сдѣлать по ввѣреннымъ имъ войскамъ особыми приказами напоминаніе чинамъ офицерскаго состава, что они не имѣютъ права безъ разрѣшенія начальства выступать въ органахъ періодической печати съ какими бы то ни было личными или коллективными заявленіями по поводу различныхъ явленій общественной или политической жизни; нарушеніе этого предписанія будетъ преслѣдоваться по 111 ст. военного устава. Точно такъ же и вызовы на дуэль, совершенные лично заинтересованнымъ офицеромъ, по какому бы то ни было поводу, безъ предварительнаго обсужденія возможности поединка въ судѣ обще-

*) „Товарищъ“, 27 апрѣля, № 252.

**) Неизвѣстный господинъ прислалъ депутату Зурабову анонимный вызовъ. Отвѣтъ предлагалъ послать по почтѣ „предъявителю кредитнаго билета за такимъ-то №!“

ства офицеровъ, будутъ признаваться дѣянiями незаконными, съ отвѣтственностью по общимъ уголовнымъ законамъ. Начальству частей войскъ предписано всѣми мѣрами не допускать нарушенiя высочайше установленныхъ правилъ о поединкахъ среди военно-служащихъ, строго требуя отъ подчиненныхъ, чтобы всякій разъ, въ необходимомъ случаѣ, они входили съ соотвѣтствующими ходатайствами о разрѣшенiи поединка».

Приказъ, по существу разумный, направленный отчасти на обузданiе излишней ревности гг. дуэлянтовъ. Въ газетахъ сообщаютъ о десяткахъ вызововъ, которые получили депутаты Церетели и Зурабовъ, и скоро, пожалуй, по поводу каждой рѣчи въ Думѣ такіе вызовы будутъ сыпаться дождемъ. Однако,—такъ какъ самая почва, на которой выросло это явленiе, нездорова, то даже и такіе приказы производятъ странное впечатлѣніе... «Входитъ всякій разъ съ ходатайствами о разрѣшенiи поединка»... Но какое же дѣйствительно живое чувство оскорбленной чести считается съ приказами и разрѣшенiями? Чувство чести—есть чувство по преимуществу индивидуальное, интимно-личное, съ волею начальства сообразоваться неспособное. Самое большее, что оно допускаетъ,—это рѣшенiе свободно избранныхъ посредниковъ, считающихся не съ военно-уголовными статьями, а съ исторически складывавшимся совершенно автономнымъ «кодексомъ чести» и его традиціями. Такіе приказы указываютъ лучше всего, что дуэль, какъ историческое явленiе, совершенно выродилась. Теперь, согласно приказу за № такимъ-то, дуэлянты изъ военной среды могутъ или выступать чуть не колоннами по поводу каждаго инцидента и каждой рѣчи въ новомъ общественномъ собраніи, или... такъ же стройно отступать по командѣ начальства: «отбой!»

Правда, кромѣ «разрѣшенiя начальства» требуется еще предварительное разсмотрѣніе со стороны общества гг. офицеровъ. Но что же представляетъ эта инстанція? Во-первыхъ, она совершенно корпоративна и отражаетъ специфическіе взгляды одной только военной среды. Въ прежнія времена вопросы о томъ, есть-ли поводъ для дуэли, рѣшались посредниками, которые свободно избирались сторонами. Это было своего рода предварительное третейское разбирательство, обязанное, по «кодексу и по традиціи», исчерпать всѣ способы примиренiя. Теперь это замѣнено одностороннимъ рѣшенiемъ корпорации, для другой стороны не имѣющимъ никакой нравственной обязательности.

Но и въ этихъ узкихъ предѣлахъ,—есть ли рѣшенiе общества офицеровъ нѣчто совершенно автономное? Очевидно нѣтъ. «Сегодня,—читали мы, напримѣръ, въ «Русск. Вѣдомост.»*),—слушается дѣло 9 офицеровъ Нѣжинскаго полка по 111 ст. 22 книги свода воен-

*) 1 мая, 1907.

ныхъ постановленій за напечатаніе въ «Русскомъ Словѣ» письма поручику Смирнскому, вызвавшему на дуэль депутата первой Думы, Якубсона. Всѣ обвиняемые въ настоящее время уже отчислены отъ Нѣжинскаго полка и прикомандированы къ рязанскому уѣздному воинскому начальнику, при чемъ *содержаніе ихъ сокращено на половину*».

Это было до суда. Теперь судъ уже состоялся, и офицеры Нѣжинскаго полка, не согласные съ поручикомъ Смирнскимъ во взглядахъ на честь и достоинство арміи, начиная съ полковника и кончая врачомъ,—присуждены къ разнымъ степенямъ наказаній. Судъ, конечно, былъ не гласный, и мы не знаемъ, что говорили на этомъ судѣ офицеры, позволившіе себѣ имѣть свои собственные взгляды по вопросу о чести арміи и ея защитѣ. Допускаемъ, конечно, что въ этомъ приговорѣ все согласовалось съ военной дисциплиной и съ высочайше установленными правилами о поединкахъ. Но тѣмъ знаменательнѣе этотъ приговоръ, въ которомъ взгляды на честь выравниваются въ ранжирѣ дисциплины. Формальная, съ точки зрѣнія уставовъ, правильность приговора не устранить, конечно, внутреннего противорѣчія. Поручикъ Смирнскій понимаетъ извѣстнымъ образомъ честь арміи и способы ея защиты. И онъ демонстрировалъ это свое пониманіе гласнымъ и очень шумнымъ выступленіемъ. Офицеры Нѣжинскаго полка достоинство арміи понимаютъ иначе и считаютъ, что выступленіе поручика Смирнскаго ихъ, какъ офицеровъ, только компрометируетъ. Если согласиться съ азбучной истиной, что чувство чести есть дѣло личной автономіи, а не служебныхъ предписаній, то оба эти взгляда автономны одинаково. Въ прежнія времена это могло бы повести, быть можетъ, между обѣими сторонами къ нѣкоторымъ счетамъ, въ которые начальство если бы сочло возможнымъ вмѣшаться официально, то развѣ съ точки зрѣнія закона, карающаго дуэли вообще. Теперь и это выходитъ по иному. Поручикъ Смирнскій выступаетъ въ «вопросѣ чести» гласно и получаетъ одобреніе. Офицеры Нѣжинскаго полка позволяютъ себѣ то же съ нѣсколько иной точки зрѣнія—и... прежде всего переводятся на половинное содержаніе. Итакъ, на воззрѣніяхъ поручика Смирнскаго положенъ начальническій штемпель... Еще шагъ по этому пути и интимнѣйшее чувство, дорогое каждому *свое личное* пониманіе чести превратится въ исполненіе простого начальственного предписанія отъ такого-то числа, за № такимъ-то...

Дальше въ этомъ направленіи идти уже некуда, и мы перейдемъ отъ военныхъ дуэлей къ дуэлямъ чисто штатскимъ.

11 апрѣля въ газетѣ «Русь» появилось слѣдующее любопытное письмо *):

«Покорнѣйше прошу васъ не отказать помѣстить въ ува-

*) Цит. изъ „Русск. Вѣд.“, 11 апрѣля 1907, № 83.

жаемой газетѣ вашей слѣдующее: въ рѣчи, произнесенной въ засѣданіи Думы 30-го марта, депутатъ Наливкинъ бросилъ судебному вѣдомству тяжкое и незаслуженное оскорбленіе, обвиняя его въ продажности. 4-го апрѣля я предложилъ г. Наливкину заявить въ печати, что оскорблять русскій судъ онъ не имѣлъ ни нравственного права, ни оснований. вмѣстѣ съ тѣмъ г. Наливкинъ былъ предупрежденъ о послѣдствіяхъ, которыя вызоветъ неисполненіе моего требованія. По истеченіи указаннаго въ моемъ письмѣ срока секунданты К. И. Савичъ и В. Н. Крестьяновъ передали г. Наливкину мой вызовъ на дуэль. 9-го апрѣля письмомъ на имя К. И. Савича г. Наливкинъ отказался принять вызовъ, сообщивъ при этомъ, что считаетъ себя отвѣтственнымъ только передъ фракціей, къ которой принадлежитъ, и что подобно товарищамъ своимъ дуэли не признаетъ. Воздерживаясь отъ всякихъ комментаріевъ къ приведеннымъ фактамъ, предаю огласкѣ образъ дѣйствій г. Наливкина, дабы общество само могло оцѣнить его по достоинству. Товарищъ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда И. Рубанъ».

Слѣдуя любезному приглашенію автора письма, попробуемъ «оцѣнить по достоинству» это эффектное событіе, въ которомъ военные мундиры г.г. вызывающихъ замѣнены мундирами министерства юстиціи. Прежде всего мы должны сказать, что съ принципиальной стороны отвѣта г. Наливкина мы не исполнѣ согласны. «Отвѣтственность только передъ фракціей», о которой приходится слышать во второй или третій разъ,—едва ли замѣняетъ болѣе широкую и болѣе общую отвѣтственность передъ всей Думой, передъ судомъ, передъ общественнымъ мнѣніемъ, передъ здравымъ смысломъ. «Крайніе правые» въ Думѣ тоже вѣдь фракція, но едва ли одобреніе ея, напр., выходокъ г-на Шульгина или дебашей г-на Пуришкевича можетъ замѣнить сужденіе болѣе широкихъ и болѣе здравомыслящихъ общественныхъ категорій... И, во всякомъ случаѣ, оно не имѣетъ для третьихъ лицъ нравственной обязательности... Рѣшеніе фракціи это вѣдь то же самое, что рѣшеніе офицерскаго суда для невоенныхъ...

Однако если не ограничиться предѣлами сужденія, отводимыми намъ г-мъ Рубаномъ, то возникнетъ вопросъ,—каково значеніе того «суда», къ коему взываетъ самъ г-нъ Рубанъ, передъ лицомъ хотя бы такой широкой категоріи, какъ простой и элементарный здравый смыслъ. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что призывъ г-на Рубана возымѣлъ послѣдствіе, и г-нъ Наливкинъ, депутатъ, испытала на себѣ всю силу «запорожской храбрости» г-на Рубана, товарища прокурора. Вотъ онъ лежитъ бездыханенъ на «полѣ чести» или повергнутъ, въ бинтахъ и повязкахъ, на больничную койку. И третьи лица, не участвующія въ этомъ ги-

бельномъ столкновѣніи, обсуждаютъ вытекающія изъ него послѣдствія. Что они могутъ сказать по существу сего спора, т. е. о добродѣтеляхъ и порокахъ современной Ѳемиды?

— Однако,—скажетъ, вѣроятно, одинъ,—этотъ г. Рубанъ, даромъ что товарищъ прокурора,—а дерется, повидимому, не хуже самого поручика Смирнскаго. Посмотрите, какъ онъ обработалъ бѣднягу Наливкина. Что-же касается до этого послѣдняго, то приходится признать, что въ фехтованіи онъ едва ли искуснѣе Якубсона.

— Да,—отвѣтитъ, пожалуй, другой.—Однако, вопросъ, изъ-за котораго произошло увѣче,—ни въ какой зависимости отъ «запорожской храбрости» не стоитъ. И для меня теперь, при семъ горестномъ зрѣлищѣ, онъ остается столь же мало разъясненнымъ, какъ если-бы результатъ былъ обратный, т. е. если бы г. Наливкинъ повергъ храбраго г-на Рубана на поле чести или на болѣзненную койку.

Это разсужденіе—сама логика. Къ этому присоединяются еще слѣдующія соображенія. Профессія поручика Смирнскаго требуетъ искусства въ нанесеніи и отраженіи ударовъ. Значитъ, его побѣда надъ г. Якубсономъ, бесполезная для достоинства арміи,—явила бы (правда, въ слабой степени) его профессиональное искусство. Въ дѣлѣ г. Рубана нѣтъ и этого эфемернаго утѣшенія. Профессія товарища прокурора требуетъ болѣе логики и знанія законовъ, чѣмъ искусства въ стрѣльбѣ изъ пистолета и фехтованіи. Трудно представить, чтобы г. Рубанъ, даже въ самомъ простомъ дѣлѣ и даже въ крайней степени обвинительнаго вдохновенія, рѣшился предложить своему противнику, адвокату, оставить почву логической аргументаціи и вступить съ нимъ въ физическое единоборство въ судебной залѣ передъ зеркаломъ и передъ «составомъ суда»... «Божіи суды» давно осуждены въ курсахъ уголовного права. Почему-же, выступая на защиту Ѳемиды, т. е. въ вопросѣ очень сложномъ, г. Рубанъ считаетъ этотъ способъ полемики убѣдительнымъ и умѣстнымъ? Неужели,—скажетъ въ недоумѣніи публика, дѣло кліентки г. Рубана такъ плохо, что ей остается только положиться на силу мышцъ товарища прокурора такого-то окружнаго суда...

Въ самые уже послѣдніе дни г. Гурко, бывшій товарищъ министра, вызвалъ на дуэль Ѳ. И. Родичева депутата. Совершилось это опять таки при благосклонномъ участіи гласности. Г. Гурко обратился къ г. Родичеву и одновременно въ «Новое Время» съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь,

Федоръ Измайловичъ.

Вчера въ Государственной Думѣ вы позволили себѣ утверждать, что мною совершены такія дѣянія, которыя въ сильнѣйшей степени затрагиваютъ мою честь. Утвержденія ваши, какъ явно

противорѣчащія тому, что установлено судебнымъ слѣдствіемъ по дѣлу, о которомъ вы говорили, и что вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, являются вполне сознательной грязной клеветой.

«Если бы вы не принадлежали по рожденію къ русскому дворянству, то я бы ограничился привлеченіемъ васъ за этотъ гнусный поступокъ къ суду. Но видя въ васъ русскаго дворянина, я ранѣе, чѣмъ прибѣгнуть къ этому средству, предлагаю вамъ отвѣтить за ваши слова тѣмъ единственнымъ способомъ, которымъ отвѣчаютъ въ подобныхъ случаяхъ порядочные люди, а именно, принявъ мой вызовъ (Слѣдуетъ указаніе мѣста пребыванія уполномоченныхъ и времени, въ теченіе коего они будутъ ожидать уполномоченныхъ, г. Родичева).

Владиміръ Гурко.

12 мая 1907 г..

Отвѣтъ Ѳ. И. Родичева напечатанъ 14 мая въ официальномъ органѣ партіи народной свободы. Онъ гласитъ:

«М. Г. Владиміръ Іосифовичъ!

«Вы прислали мнѣ вызовъ на дуэль, усмотрѣвъ въ моихъ словахъ, сказанныхъ въ Государственной Думѣ по поводу вашихъ дѣйствій въ роли товарища министра,—сознательную грязную клевету и гнусный поступокъ.

«Не касаясь въ настоящую минуту значенія словъ моихъ и не обсуждая допустимости и вашихъ выраженій, долженъ замѣтить Вамъ, что вы состоите подъ судомъ за преступленіе, не только караемое закономъ, но и противное правиламъ чести. Пока надъ вами тяготѣетъ обвиненіе въ томъ, что вы завѣдомо сообщали неправду о тѣхъ дѣйствіяхъ своихъ, за осужденіе коихъ вы призываете меня къ отвѣту, до тѣхъ поръ за вами не можетъ быть признано право требовать за такія сужденія удовлетворенія путемъ поединка.

«Поэтому, помимо другихъ соображеній, я отклоняю вашъ вызовъ.

Федоръ Родичевъ».

На мѣстѣ г. Гурко я началъ бы съ того, чѣмъ онъ намѣренъ кончить. Дворянинъ или не-дворянинъ г. Родичевъ, это до характера дѣяній г-на Гурко не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія. Дуэль вообще есть старая безсмыслица, дуэль до суда представилась бы безсмыслицей сугубой даже съ точки зрѣнія гг. Шатовилляра и Круарбона, серьезно обсудившихъ въ объемистыхъ трактатахъ la science du point d'honneur... Вѣдь судъ можетъ и расширить предѣлы разсмотрѣнія поступковъ г-на Гурко... И вотъ, г. Родичевъ могъ бы понести или нанести увѣче, а судъ все-таки нашелъ бы тѣ самыя дѣянія, въ которыхъ Родичевъ обвинялъ бывшаго товарища министра.

Да, на мѣстѣ г. Гурко, я, вмѣсто воинственнаго вызова, написалъ бы г-ну Родичеву слѣдующее: «Милостивый государь. Въ засѣданіи Государственной Думы вы обвинили меня въ дѣяніяхъ прстивныхъ чести. Судъ, который меня ожидаетъ, — слишкомъ

исключителенъ, и я, быть можетъ, слишкомъ мало самъ шелъ ему навстрѣчу. Тѣмъ не менѣе, я надѣюсь, что онъ дастъ мнѣ возможность, при условіи полной гласности, снять съ себя хоть ту часть вины, которая касается не моихъ служебныхъ дѣйствій, а моей личной чести. Во всякомъ случаѣ, если этого будетъ недостаточно,—я приглашу васъ къ обычному суду, рассматривающему дѣянія не однихъ бывшихъ министровъ, а всѣхъ простыхъ смертныхъ. Тамъ вы будете въ состояніи представить тѣ дополнительные обвиненія, которыя не вошли въ обвинительный актъ по моему дѣлу, но которыя широко распространились, благодаря моимъ «прискорбнымъ ошибкамъ», въ печати и обществѣ. А я получу возможность ихъ опровергнуть»...

Но г. Гурко настаиваетъ на своемъ, и «Новое Время» огласило новое письмо, въ коемъ г. Гурко еще разъ пытается доказать свое право до суда подраться съ дворяниномъ-депутатомъ...

Газеты говорятъ, будто секундантомъ г-на Гурко явится... баронъ Фредериксъ... Вѣроятно — выдумка. А впрочемъ, почему бы барону Фредериксу не считать себя «до суда» вполне правомочнымъ арбитромъ въ «дѣлахъ чести»...

В. Кор.

Мнѣ пріятно закончить эту замѣтку слѣдующимъ извѣстіемъ.

«Общество офицеровъ 132-го пѣхотнаго Бендерскаго полка, въ собраніи 15 апрѣля 1907 г., рассмотрѣвъ заявленіе члена Госуд. Думы г. Церетели, въ засѣданіи послѣдней 2 апрѣля 1907 года о незаконныхъ дѣйствіяхъ отряда, подъ начальствомъ подполковника Приходько въ селеніи Лаючхуты, выслушавъ объясненіе назначеннаго штабъ-офицера, постановило: ходатайствовать отъ имени общества офицеровъ, черезъ командира полка, о назначеніи *строжайшаго разслѣдованія* о дѣйствіяхъ карательнаго отряда въ селеніи Лаючхуты, дабы дать возможность обществу офицеровъ привлечь члена Госуд. Думы г. Церетели къ отвѣтственности за клевету» *).

«Строжайшее разслѣдованіе», а затѣмъ обращеніе къ суду, на которомъ г. Церетели получилъ бы возможность представить съ своей стороны доказательство правильности своего сообщенія,—это именно тотъ путь, которымъ всего лучше и полнѣе восстанавливается всякая честь. Если г. Церетели правъ,—общество офицеровъ избавится отъ г-на Приходько. Если не правъ,—то судъ восстановитъ репутацию «этого штабъ-офицера» лучше, чѣмъ всякая «запорожская храбрость».

Разумѣется, въ интересахъ и общества офицеровъ Бендерскаго полка, и г-на Церетели полная гласность судебного разбирательства.

В. Кор.

*) Цитируемъ изъ „Слова“, отъ 18 мая, № 151.

На очередныя темы.

Аграрный законопроект с.-р.

3 мая социалисты-революционеры внесли въ Государственную Думу свой аграрный законопроектъ. Принципіальныя основы его тѣ же, что и прошлогодняго законопроекта 33-хъ. Первые параграфы послѣдняго почти дословно воспроизведены въ новомъ проектѣ. Я говорю: почти... Разница всетаки есть.

«Проектъ основнаго земельного закона», внесенный въ первую Думу, начинался такъ:

«Всякая *частная* собственность на землю въ предѣлахъ Россійскаго государства отнынѣ совершенно уничтожается».

Теперь этотъ параграфъ имѣетъ такой видъ:

«Всякая собственность на землю въ предѣлахъ Россійскаго государства отнынѣ и *навсегда* отмѣняется».

Вставлено новое слово: «навсегда». Авторы законопроекта какъ будто получили увѣренность, что ими найдена вѣчная форма земельныхъ отношеній. Съ другой стороны, выпущено слово «частная». Такимъ образомъ, подлежащей отмѣнѣ признается уже *всякая* собственность на землю. «Да,—читаемъ мы въ партійномъ комментарий,—всякая: не только частная, но и государственная, и корпоративная и всякая иная» *),—не исключая, прибавимъ, общенародной. Послѣднее ясно видно изъ той поправки, какая внесена въ редакцію второго параграфа. Въ проектѣ 33-хъ онъ былъ изложенъ такъ:

«Вся земля съ ея нѣдрами и водами объявляется общою *собственностью* всего населенія Россійскаго государства».

Теперь слово «собственность» замѣнено другимъ:

«Вся земля съ ея водами и нѣдрами объявляется *достояніемъ* всего населенія Россійскаго государства».

Еще болѣе замѣтную разницу приходится констатировать въ изложеніи 3-го параграфа. Въ прошлогоднемъ проектѣ онъ имѣлъ такую редакцію:

«Всѣ россійскіе граждане и гражданки имѣютъ равное право на пользованіе: а) землею для занятія сельскимъ хозяйствомъ; б) участками для постройки жилыхъ домовъ, хозяйственныхъ построекъ, а также фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ и т. д. в) всѣмъ матеріаломъ, необходимымъ для постройки и отопленія. *Примѣчаніе.* Всѣ граждане и гражданки имѣютъ одинаковое, рав-

*) „Извѣстія“, 6 мая (№ 1).

ное право принимать участіе въ рѣшеніи, какъ добывать и распределять между гражданами и всѣ другія богатства земли».

Въ новомъ проектѣ этотъ параграфъ изложенъ въ болѣе сжатой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ болѣе общей формѣ:

«На пользованіе этимъ достояніемъ (т. е. землею съ ея водами и нѣдрами) всѣ граждане и гражданки имѣютъ равное право».

Такимъ образомъ, «равное право на пользованіе» проектируется теперь по отношенію ко всему «достоянію», а не къ отдѣльнымъ только видамъ «общей собственности».

Въ общемъ получается такое впечатлѣніе, что новымъ проектомъ предлагается болѣе радикальное рѣшеніе аграрнаго вопроса, чѣмъ прежнимъ. Насколько это впечатлѣніе основательно, мы увидимъ ниже. Сначала же постараемся уяснить себѣ самые принципы социализаціи въ ихъ новѣйшей формулировкѣ.

I.

Итакъ, всякая собственность на землю отмѣняется... Надо сказать, что формула эта такъ нова, что сродниться съ нею не успѣли, повидимому, даже сами с.-р. По крайней мѣрѣ, членъ Думы Мухенко, внесившій и обосновавшій законопроектъ, вовсе не отмѣнилъ въ своей рѣчи то, что такъ энергично подчеркнули «Извѣстія». Больше того: онъ все время говорилъ объ уничтоженіи частной собственности, противопоставляя ей и отстаивая собственность общенародную и общественную.

«Для насъ,—говорилъ онъ,—вопросъ: быть ли землѣ частной собственностью отдѣльныхъ лицъ, или быть ей *собственностью* общественной—самый важный, самый коренной вопросъ въ предстоящей аграрной реформѣ... Мы утверждаемъ и требуемъ, чтобы вся земля была передана въ *собственность* всего народа».

Если мы обратимся къ партійной литературѣ, то увидимъ, что до самаго послѣдняго времени слова «собственность» и «достояніе» употреблялись въ ней, какъ равнозначія, и, во всякомъ случаѣ, не противопоставлялись другъ другу. Въ частности, если мы возьмемъ одну изъ самыхъ раннихъ статей, посвященныхъ аграрной программѣ, то увидимъ, что социализація противопоставлялась въ ней индивидуализаціи (но отнюдь не націонализаціи), при чемъ опредѣлялась какъ «организація уравнительнаго землепользованія на основѣ общественной поземельной *собственности*» *).

П. А. Вихляевъ, который, повидимому, первый задался вопросомъ, не слѣдуетъ ли «отмѣнить» собственность, годъ тому назадъ, послѣ нѣкотораго раздумья, отвѣтилъ на него отрицательно.

*) „Социализація земли и кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ“ „Революціонная Россія“, № 15.

«Кто будетъ собственникомъ земли?» — спрашивалъ онъ, изложивъ свою теорію земельного права. «Не исчезаетъ ли при этомъ самое понятіе собственности? Если смотрѣть на собственность съ точки зрѣнія частнаго права и тѣмъ болѣе приписывать ей квалификацію абсолютнаго права, какъ это, на примѣръ, дѣлаетъ французскій Code Civil, то такой видъ собственности на землю неизбежно исчезаетъ. Но если разсматривать понятіе собственности въ ея болѣе общемъ значеніи, то оказывается, что это понятіе свойственно всякому извѣстному въ исторіи порядку, и только содержаніе этого понятія мѣняется вмѣстѣ съ преобразованиемъ экономическихъ отношеній. Поэтому, нельзя не признать извѣстной степени справедливости за утвержденіемъ А. Менгера, что «собственность есть вѣчное понятіе, которое никогда не исчезнетъ въполнѣ изъ соціальной жизни человѣчества». Оговариваюсь — пояснилъ г. Вихляевъ — «до извѣстной степени», въ виду категоричности приложенія абсолютнаго понятія вѣчности къ чисто правовому понятію... Поэтому — продолжалъ онъ — болѣе правильнымъ было бы, согласно Штамлеру, опредѣлить собственность, какъ понятіе, свойственное всякому мыслимому правовому состоянію общества» *).

Въ результатъ этихъ размышленій и изысканій г. Вихляевъ на вопросъ, кто же будетъ собственникомъ при проектируемой имъ конструкціи земельного права, отвѣтилъ: «собственность на землю становится народною»...

Укажу, наконецъ, вышедшій уже въ настоящемъ году сборникъ «Соціализація земли». Л. Э. Шишко, ссылаясь на статьи В. М. Чернова, печатавшіяся въ «Народномъ Вѣстникѣ», указываетъ въ немъ **) на необходимость измѣнить «юридическое опредѣленіе собственности», внести въ него «поправку», но о такой радикальной поправкѣ, какая предложена въ новомъ законопроектѣ, онъ не упоминаетъ.

Наклонъ въ эту сторону, несомнѣнно, былъ, и самыя соображенія, которыми онъ обусловленъ, не новы: они имѣлись въ виду уже при составленіи прошлагодняго законопроекта. Поэтому, между прочимъ, я и вижу въ видоизмѣненной теперь редакціи не новый принципъ, а лишь новую формулу. Но и за всѣмъ тѣмъ приходится признать, что до «отмѣны всякой собственности» авторы новаго законопроекта скатились нѣсколько неожиданно, — и нѣтъ ничего мудренаго, если таковая застала врасплохъ даже тѣхъ, кто долженъ былъ провозгласить ее съ думской трибуны.

Да и что значить отмѣнить *всякую* собственность? Въ мірѣ, несомнѣнно, есть «вещи» — на примѣръ: звѣзды или солнце на небѣ —

*) П. Вихляевъ. «Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія», стр. 47.

**) Л. Шишко. «Что такое соціализація», стр. 33.

которыя никому не принадлежатъ, по отношенію къ которымъ нѣтъ мѣста собственности. Несомнѣнно, что и вся земля съ ея нѣдрами и водами находилась когда-то въ такомъ же положеніи. И теперь найдутся острова, быть можетъ, цѣлые материки, на которыхъ еще никто не поднялъ своего флага. Но громадная часть земной суши и довольно большая часть водной поверхности уже подѣлены между государствами и находятся въ ихъ «исключительномъ и неограниченномъ» обладаніи. Если «собственность преимущественно выражаетъ особность, отдѣльность, исключительность права» *), то государства, несомнѣнно, имѣютъ ее по отношенію къ занимаемымъ имъ территоріямъ. Мы горячо вѣримъ, что будетъ время, когда эта «особность» исчезнетъ, когда международныя границы будутъ стерты и флаги будутъ сняты, уступивъ мѣсто общему флагу всего человѣчества. Но сниметъ ли эти флаги проектируемая нынѣ отмѣна «всякой» собственности, социализація—то-жъ? Нѣтъ! Международныя границы останутся: всякая собственность на землю отмѣняется лишь «въ предѣлахъ Россійскаго государства»...

Больше того: внутри этихъ предѣловъ авторы новаго законопроекта предлагаютъ узаконить цѣлый рядъ разноцвѣтныхъ флаговъ. Упомянувъ о тѣхъ поправкахъ, которыя внесены въ первую статью, я не упомянулъ еще объ одной. Въ новомъ законопроектѣ къ ней сдѣланы два примѣчанія, которыхъ не было въ проектѣ 33-хъ, а именно:

«Примѣчаніе 1. Финляндія, какъ обладающая политическою автономіею, изъымается изъ дѣйствія этого основного закона».

«Примѣчаніе 2. То же будетъ относиться и къ другимъ частямъ Россійской Имперіи, при полученіи ими аналогичнаго съ Финляндіей государственнаго устройства (Польша)».

Эта поправка тѣмъ выразительнѣе, что отмѣна всякой собственности проектируется, какъ мы видѣли, «навсегда». Авторы законопроекта, какъ пояснилъ въ своей рѣчи г. Мушенко, глубоко убѣждены, что «его основныя начала примѣнимы на всѣхъ ступеняхъ селскаго хозяйства», и что онъ «допускаетъ всевозможныя формы разселенія и культуры». Дѣло, стало быть, не въ мѣстныхъ особенностяхъ. Съ другой стороны, какъ мы знаемъ изъ той же рѣчи. «это не проектъ полюбовнаго соглашенія», рассчитанный на то или иное соотношеніе общественныхъ силъ. «Составляя нашъ проектъ,—говорилъ г. Мушенко,—мы хотѣли дать трудовому народу, стремящемуся перестроить земельные порядки въ Россіи, точный и ясный отвѣтъ на вопросъ: какіе земельные порядки наиболѣе удовлетворяютъ его потребности». Выдѣленіе при такихъ условіяхъ Финляндіи, Польши и вообще частей, обладающихъ «политическою автономіею», основывается, очевидно, на признаніи за ними «особ-

*) Слова В. Лешкова, на которыя ссылается, между прочимъ, въ цитируемой ниже статьѣ В. М. Черновъ («Народное Знамя», 19 апрѣля 1907 г.).

ности» права распорядиться землей, на признаніи за ними, какъ за государственными организаціями, «неограниченной власти надъ вещью». Такъ или иначе, но собственность въ этомъ смыслѣ — въ смыслѣ «верховнаго обладанія» — законопроектомъ въ дѣйствительности не отмѣняется.

Можно, далѣе, представить себѣ, что въ опредѣленныхъ предѣлахъ — «въ предѣлахъ Россійскаго государства», напримѣръ — земля не принадлежитъ никому въ особенности, то есть, говоря языкомъ нынѣшнихъ русскіихъ законовъ, «ни частнымъ лицамъ, ни сословіямъ лицъ, ни дворцовому вѣдомству, ни удѣламъ, ни установленіямъ» и даже не состоитъ «въ вѣдомствѣ казны». Представить себѣ это тѣмъ легче, что въ прошломъ, какъ мы знаемъ, земля находилась именно въ этомъ положеніи, была «ничья», «Божья», память о чемъ до сихъ поръ сохранилась въ сознаніи массъ. Характеризуя эту форму отношеній къ землѣ, когда «последняя играетъ роль земли божьей или ничьей въ самомъ широкомъ смыслѣ народныхъ представленій на этотъ счетъ», одинъ изъ изслѣдователей народнаго права пишетъ:

«Каждый разъ послѣ того, какъ человѣкъ воспользуется тѣмъ или другимъ даромъ природы, остальные непотребленные дары остаются и принадлежатъ всѣмъ другимъ людямъ. Землю и ея произведенія люди пользуются такъ же, какъ воздухомъ, и никому въ голову не приходитъ, что она можетъ быть обращена въ исключительное пользованіе и тѣмъ болѣе въ завладѣніе. Связи съ землей не закрѣплены еще постоянствомъ отношеній и регулярнымъ приложеніемъ къ ней труда. Строго говоря, подобнымъ образомъ живутъ даже птицы, звѣри, и человѣческая жизнь на этихъ ступеняхъ отличается лишь признаками болѣе осмысленнаго и сознательнаго единства людей» *).

Усиленные ссылки комментаторовъ новаго законопроекта на «правосознаніе трудовыхъ массъ» не только позволяютъ намъ, но и заставляютъ насъ задаться вопросомъ: не это ли первобытное или, лучше сказать, до-правовое состояніе земельныхъ отношеній является цѣлью проектируемой отмѣны всякой собственности на землю? Ставя этотъ вопросъ, я, конечно, вовсе не думаю отрицать того, что партія не только можетъ, но и должна использовать возрѣнія на землю, какъ на «ничью», «Божью», поскольку такія возрѣнія сохранились въ крестьянскихъ массахъ. Но, какъ я себѣ представляю, эти возрѣнія должны быть использованы съ отрицательной ихъ стороны: партія должна посмотреть на нихъ, какъ на пробѣлы въ народномъ правосознаніи, и воспользоваться этимъ свободнымъ мѣстомъ, которое не успѣло захватить право частной собственности, чтобы шире раздвинуть и прочіе укрѣпить общенародное право на землю. Но, можетъ быть, авторы

*) Ф. Щербина. „Займочное право“ (Сборникъ XI-й. Народно-соціалистическое Обозрѣніе, стр. 30).

законопроекта ставить себѣ другую цѣль? Можетъ быть, они надѣются использовать указанныя воззрѣнія въ положительной формѣ и желаютъ земельныя отношенія, память о которыхъ сохранилась въ народѣ, возсоздать, какъ живой фактъ дѣйствительности?

Долженъ сказать, что у нѣкоторыхъ социалистовъ-революціонеровъ мнѣ приходилось въ свое время встрѣчать такое именно пониманіе социализаціи. Они разумѣли подъ нею пользованіе землею внѣ какихъ бы то ни было правовыхъ нормъ,—такое же свободное пользованіе, какъ пользованіе ягодами въ лѣсахъ, владѣльцы которыхъ не додумались еще до ягодныхъ билетовъ.

— «Гдѣ побольше ягодъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ собесѣдниковъ,—тамъ и бабъ толчется много; нѣтъ ягодъ,—ни одна не остановится. Такъ и съ землею будетъ: стоитъ только отмѣнить право собственности, и уравнительность землепользованія сама собой будетъ достигнута. Въ тундрѣ, гдѣ можно только оленей водить, люди будутъ жить на нѣсколько верстъ другъ отъ друга; на черноземѣ—тѣсниться будутъ. Въ результатѣ же получится полное уравненіе: законъ убывающаго плодородія почвъ свое дѣло сдѣлаетъ. Когда земля свободна и люди свободны, то ренты—ни абсолютной, ни дифференціальной—быть не можетъ»...

На это можно было бы, конечно, отвѣтить словами П. А. Вихляева (если бы, конечно, они въ то время были написаны): «во всякомъ случаѣ мыслимо, если не въ реальной дѣйствительности, то въ представленіи послѣдователей опредѣленнаго ученія такое социальное состояніе общества, въ которомъ всякое право замѣняется свободнымъ договоромъ заинтересованныхъ лицъ» *). Другими словами: только будучи „послѣдователемъ опредѣленнаго ученія“, можно такъ рѣшать аграрный вопросъ.

Но авторы новаго законопроекта не анархисты. Въ до-правовое состояніе они возвращаться не желаютъ и черезъ правовое государство,—какъ мнѣ писалъ когда-то г. Новоторжскій **),—перепрыгнуть не надѣются. И землю они вовсе не желаютъ сдѣлать «ничьей», оставить безъ хозяина. Они спѣшатъ указать его «въ первыхъ же строкахъ своего письма» — въ четвертомъ параграфѣ законопроекта:

«Верховнымъ распорядителемъ всей земли, съ ея водами и нѣдрами, въ предѣлахъ, устанавливаемыхъ настоящимъ основнымъ закономъ, является собраніе народныхъ представителей; мѣстными распорядителями на тѣхъ же основаніяхъ являются органы мѣстнаго самоуправленія»...

Правда, этого хозяина они желаютъ ограничить «настоящимъ основнымъ закономъ». Я не стану говорить о томъ, что и этотъ законъ кто-то долженъ установить. Допустимъ, что основной законъ установленъ, что власть надъ землею ограничена. Значить

*) „Аграрный вопросъ съ правой точки зрѣнія“, стр. 47.

**) См. „Русское Богатство“, 1905 г. августъ.

ли это, что собственность исчезла? Въдѣ только по очевидному недоразумѣнію г. Мушенко могъ сказать, а «Извѣстія» подтвердить, что собственность «это—неограниченная власть надъ вещью». Таковъ лишь одинъ видъ собственности.

Собственность вообще понятіе условное. Г. Вихляевъ, какъ мы видѣли, полагаетъ, что «содержаніе этого понятія мѣняется вмѣстѣ съ преобразованіемъ экономическихъ отношеній». Я скажу больше: при одномъ и томъ же экономическомъ строѣ оно бываетъ различно.

Для примѣра откройте хотя бы X томъ нынѣшняго свода российскихъ законовъ. Въ статьѣ 420-й (изд. 1887 г.) вы найдете опредѣленіе права *частной* собственности: это—«власть, въ порядкѣ, гражданскими законами установленномъ, исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться имуществомъ вѣчно и потомственно, доколѣ не передастъ сей власти другому». Замѣьте: «въ порядкѣ, гражданскими законами установленномъ» (не напоминаетъ ли это: «въ предѣлахъ, устанавливаемыхъ настоящимъ основнымъ закономъ»).... Въ сущности, наше законодательство даже не знаетъ «неограниченной» власти надъ вещью и тѣмъ болѣе надъ землею; оно знаетъ лишь власть «независимую отъ лица посторонняго», но не отъ законодателя. Таково право *полной* собственности. Но есть еще «право собственности *неполное*». «Право собственности—говорится въ 432 ст.—бываетъ неполнымъ, когда оно ограничивается въ пользованіи, владѣніи или распоряженіи другими посторонними, такъ же не полными на то же самое имущество правами». Права пользованія, владѣнія и распоряженія, составляя въ своей совокупности право собственности, могутъ быть и отдѣлены отъ послѣдняго, при чемъ право собственности всетаки остается. Въ частности, согласно ст. 515, «когда по распоряженію правительства отводятся казенныя земли или угодья въ надѣленіе, тогда право собственности на сіи земли сохраняется казнѣ, а тѣмъ, кому тѣ земли и угодья отведены, принадлежитъ одно право владѣнія». Кромѣ полного и неполнаго, есть еще «право собственности *общее*» (ст. 543). Есть еще «право собственности въ заповѣдныхъ наслѣдственныхъ имѣніяхъ» (ст. 485 и слѣд.). Есть еще «право собственности въ имѣніяхъ, жалуемыхъ подъ именемъ майоратовъ» (ст. 500 и слѣд.). Есть право собственности, ограниченное «правомъ участія общаго» и ограниченное «правомъ участія частнаго»... Однимъ словомъ, не напрасно въ прошлогоднемъ законопроектѣ было сказано, что отмѣняется «всякая» частная собственность. Какъ видятъ читатели, даже частная собственность имѣется разная.

Между тѣмъ, согласно 421 ст., «отъ права частной собственности отличается право собственности *государственной*, состоящее въ верховномъ обладаніи государственными имуществами, въ коль-

зованіи или распоряженіи оными». Изъ государственныхъ имуществъ, «поколикую они состоятъ въ вѣдомствѣ казны», выдѣляются въ особый видъ еще имущества *казенныя* (ст. 406).

Я перечислилъ, да и то не всѣ, виды собственности, установленные въ X томѣ. Между тѣмъ, сколько еще узаконено ихъ особыми «учрежденіями», «положеніями» и «приложеніями». Есть собственность удѣльная и собственность кабинетская. Надѣльные земли считаются «собственностью» крестьянъ съ момента выхода ихъ на выкупъ, и мнѣ нечего, конечно, напоминать, что это право собственности имѣетъ свое особое содержаніе. Есть право собственности войсковой и право собственности казачьей,—съ разнымъ опять-таки содержаніемъ... Однимъ словомъ, видовъ собственности, въ особенности поземельной, много.

Я ее берусь, конечно, судить, могъ ли какой-либо изъ существующихъ видовъ собственности удовлетворить тѣмъ цѣлямъ, какія ставятся социализации. Можетъ быть, для этого понадобилось бы создать новый видъ, наполнить понятіе собственности новымъ содержаніемъ. Но до отмѣны всякой собственности—до отмѣны власти надъ землею—авторы законопроекта дошли, какъ я думаю, по недоразумѣнію. Увлечшись преслѣдованіемъ ненавистнаго «квиритскаго права», они, повидимому, упустили изъ виду, что имѣютъ дѣло съ «понятіемъ, свойственнымъ всякому мыслимому правовому состоянію общества». Но выскочить изъ правовыхъ рамокъ нельзя, и такой задачи авторы законопроекта, конечно, себѣ не ставили. Поэтому, отмѣнивъ «власть надъ вещью», они сами же немедленно ее возстановили.

Отмѣна свелась, въ сущности, къ замѣнѣ,—менѣ звучнаго слова болѣе звучнымъ, юридическаго термина литературнымъ выраженіемъ, «собственности», «достояніемъ». Такую замѣну, если бы она осуществилась, я готовъ даже привѣтствовать: мнѣ лично слово «достояніе» тоже больше нравится, чѣмъ «собственность». Боюсь только, что не такъ легко осуществить эту замѣну.. Наглядный примѣръ на этотъ счетъ далъ намъ г. Мушенко.

Какъ бы то ни было, право частной собственности должно быть похоронено. Если для этого обязательно нуженъ гробъ и такимъ гробомъ можетъ быть только слово, которымъ это право при своей жизни пользовалось, то останавливаться передъ трудностями не приходится. Закопавъ этотъ гробъ глубже и вобьемъ, какъ любить выражаться въ такихъ случаяхъ свящ. Григорій Петровъ, осиноый колъ,—крѣпко вобьемъ,—чтобы не всталъ ненавистный, много натворившій зла на своемъ вѣку, покойникъ.

Долженъ, однако, признаться, что эта обрядовая сторона вопроса представляется мнѣ не особенно важной. Для меня, какъ для социалиста, принципъ важнѣе формулы, содержаніе понятія важнѣе его словеснаго выраженія. И если я позволилъ себѣ за-

держатъ вниманіе читателей на данномъ вопросѣ, то только потому, что онъ связанъ съ другимъ, несравненно болѣе важнымъ.

II.

Итакъ, «власть» надъ землею—власть въ формѣ «права»—останется. Кому должна принадлежать эта власть? Другими словами: кто долженъ считаться субъектомъ права на землю? Отвѣтъ получить не трудно.

«Соціализація земли есть обращеніе земли изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ или группъ въ общественное достояніе. Другими словами, земля изымается изъ-подъ власти частныхъ лицъ и становится объектомъ воли всего народа».

Этотъ отвѣтъ я заимствую изъ упомянутого выше сборника «Соціализація земли» *). Слова, напечатанные курсивомъ, взяты цитируемымъ мною авторомъ изъ программы партіи социалистовъ-революціонеровъ; данный имъ къ этимъ словамъ комментарий мы находимъ въ изданіи, несомнѣнно, партійнаго происхожденія.

Итакъ, отвѣтъ ясенъ. Земля должна стать объектомъ народной воли, власть надъ землею должна принадлежать народу.

Но... «Воля народа есть понятіе юридическое... Тѣ правополюженія, на основаніи которыхъ возникаетъ юридическая воля народа, предполагаютъ извѣстную организацію, и эту организацію даетъ государство» **). Проще говоря: выразить и осуществить свою волю народъ можетъ только при посредствѣ государства. Поэтому сказать, что власть надъ землею должна принадлежать народу, значитъ, въ сущности, сказать, что она должна принадлежать государству.

Но государство уже имѣетъ власть надъ своею территоріею въ качествѣ верховнаго обладателя, повелителя и управителя. Изъ-земля землю изъ-подъ власти отдѣльныхъ лицъ и группъ, оно получаетъ новую власть надъ нею—ту, которая принадлежала частнымъ собственникамъ. Спрашивается: та и другая власть должны ли слиться въ одномъ институтѣ, или должны существовать и осуществляться раздѣльно? Должна ли новая власть, которую получитъ государство, отлиться въ публично-правовую форму, или она можетъ сохранить нынѣшній частно-правовой характеръ?

Чтобы пояснить вопросъ, возьму примѣръ изъ другой области. Государство собираетъ налоги и получаетъ доходы; налоги оно собираетъ принудительнымъ путемъ, доходы можетъ получать лишь

*) Л. Закъ. «Соціализація земли и мѣстное самоуправленіе». Страницы 44—45.

**) Ib.

въ результатѣ добровольныхъ сдѣлокъ; въ первомъ случаѣ оно дѣйствуетъ въ качествѣ повелителя, во второмъ—въ качествѣ хозяина. Не всегда, конечно, эти два права можно разграничить. Въ частности, можно указать винную монополію, которая при частно-правовой оболочкѣ имѣетъ несомнѣнно публично-правовую сущность.

По отношенію къ нынѣшнимъ государственнымъ имуществамъ власть государства принимаетъ то двойственную, то слитную форму. Казенные лѣса и земли въ значительной ихъ части эксплуатируются казною на частно-правовыхъ основаніяхъ, хотя, конечно, государство сохраняетъ и нерѣдко осуществляетъ по отношенію къ нимъ свою власть публично-правового характера. Съ другой стороны, по отношенію къ такимъ государственнымъ имуществамъ, какъ морскіе берега, озера, судоходныя рѣки, большія дороги, если не исключительно, то преимущественно государство осуществляетъ свою власть въ публично-правовой формѣ.

То обстоятельство, что нынѣшнее государство по отношенію къ своимъ имуществамъ охотно пользуется «властью» въ частно-правовыхъ ея формахъ, заставляетъ многихъ не только недоувѣрчиво, но и опасливо относиться къ націонализаци. Въ самомъ дѣлѣ: изъятіе земли изъ подъ власти отдѣльныхъ лицъ и группъ и подчиненіе ея государственной власти не сведется ли въ концѣ концовъ къ тому, что вмѣсто множества частныхъ собственниковъ получится одинъ въ лицѣ государства? Вся земля вмѣсто народнаго достоянія не сдѣлается ли просто-на-просто казенною землею, эксплуатируемою на частно-правовыхъ основаніяхъ? Безправные по отношенію къ землѣ граждане окажутся тогда лицомъ къ лицу съ частнымъ собственникомъ, но собственникомъ-монополистомъ, собственникомъ, располагающимъ помимо того принудительною по отношенію къ этимъ гражданамъ властью, которою онъ, конечно, не упуститъ случая воспользоваться, разъ это выгодно будетъ въ его собственническихъ интересахъ. Вѣдь и теперь казна, ведя частное хозяйство, нерѣдко пользуется недоступною остальнымъ частнымъ хозяевамъ властью, хотя бы, напримѣръ, въ формѣ безспорнаго взысканія слѣдуемыхъ ей платежей. Положеніе трудового народа при такой реформѣ не только не улучшится, но ухудшится.

Представьте, въ самомъ дѣлѣ, себѣ, что государство пользуется правомъ суда, какъ частный собственникъ: оплатитъ гражданъ его услуги—оно судить, не въ силахъ заплатить—оставляетъ въ безсудномъ положеніи. Представьте себѣ, что оно такъ же пользуется полицейскимъ правомъ во всѣхъ его видахъ и охраняетъ, лѣчитъ, учитъ и т. д. только тѣхъ, кто вопелъ съ казною на этотъ счетъ въ добровольную сдѣлку...

Нужно сказать, что такая тенденція несомнѣнно имѣется въ современномъ государствѣ и сказывается не только въ такихъ сферахъ, какъ учебное дѣло, но и въ такихъ, какъ судъ. Въ былыя

же времена даже военною силою государство позволяло себѣ пользоваться, какъ частною собственностью, и нѣкоторые владѣтели, какъ мы знаемъ, пополняли свою казну тѣмъ, что отдавали свои войска въ наемъ. Съ другой стороны, несомнѣнно, что въ жизни имѣется и, какъ можно думать, усиливается совершенно обратная тенденція, а именно не только функции, издавна осуществляемыя государственною властью, но и многія изъ тѣхъ, которыя всецѣло входили въ сферу частнаго хозяйства, выполнять въ публично-правовыхъ формахъ. Въ качествѣ примѣра укажу медицину. На западѣ медицинская помощь это—товаръ, врачебная практика это—частное комерческое предпріятіе. Во Франціи, на примѣръ, отношенія между больнымъ и врачомъ имѣютъ «обнаженно-комерческій» характеръ.

«Всюду, какъ правило,—говорить по этому поводу г. Бердичевскій,—установлена точно плата за визитъ къ врачу и за посѣщеніе на дому, оцѣниваемое соотвѣтственно разстоянію. Каждое вспрыскиваніе, вырваніе зуба, мелкая операція, акушерская помощь—все подвергнуто точной расцѣнкѣ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ цѣна устанавливается по взаимному соглашенію. Плата за лѣченіе обыкновенно вносится по полученіи пациентомъ счета; счета свыше 10 франковъ подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ» *).

Медицина здѣсь отлилась уже въ строго выработанныя частно-правовыя формы. Prix fixe (для крупныхъ заказчиковъ особое соглашеніе), уплата за товаръ по предъявленіи счета; ведется торговая книга, и «ссылка на эту книгу даетъ врачу въ руки документальныя основанія для вчинанія иска»; практику можно продать, какъ «продается фирма, расмѣлающаяся опредѣленнымъ рынкомъ сбыта»; «въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужна помощь спеціалиста... роль постоянного врача принимаетъ характеръ выгоднаго посредничества,—и обычай здѣсь выработалъ такъ называемую дихотомію, т. е. дѣлежъ гонорара пополамъ между двумя коллегами»...

Совершенно иную постановку получила медицина у насъ въ земствѣ. Взявъ это дѣло въ свои руки, земство могло, конечно, поставить его на частно-правовой основѣ, оторвавъ торговлю по вольной цѣнѣ медицинской помощью. Въ дѣйствительности, однако, сложились совершенно иные отношенія. Нанявъ врачей, построивъ больницы и купивъ лѣкарства, земство предоставляетъ за тѣмъ пріобрѣтенныя имъ такимъ путемъ—въ данномъ случаѣ, частнымъ путемъ—договорныя и вещныя права населенію. Граждане получаютъ медицинскую помощь не въ силу частныхъ сдѣлокъ, которыя могли бы заключить они, хотя бы съ тѣмъ же земствомъ, а въ силу публичнаго права, предоставляемаго имъ общественною властью. Я говорю: предоставляемаго имъ общественною властью,

*) Г. Бердичевскій. «Перспективы русской общественной медицины» «Русское Богатство», 1907 г., февраль.

такъ какъ отъ послѣдней—въ данномъ случаѣ отъ земства—всецѣло зависятъ предѣлы и формы этого права. Отъ земства зависитъ, лѣчить ли всѣхъ больныхъ или только опредѣленные ихъ категоріи, лѣчить ли ихъ на дому, въ амбулаторіи или въ больницѣ и т. д.

Въ данномъ случаѣ для насъ важно отмѣтить, что и на Западѣ, при всей прочности тамъ частно-правовыхъ формъ, наблюдается несомнѣнная тенденція къ обращенію медицины въ общественную службу. Теченіе это является результатомъ, какъ отмѣчаетъ г. Бердичевскій, двоякаго давленія: съ одной стороны, общественнымъ учрежденіямъ приходится считаться съ потребностями трудовыхъ массъ, которыя не въ состояніи частнымъ путемъ обезпечить себѣ медицинскую помощь; съ другой стороны, въ данномъ случаѣ называется развитіе самой медицины, требующей клиникъ и больницъ съ кабинетами и лабораторіями, со сложными приборами и приспособленіями, со спеціализаціей труда и т. д., каковыя крупныя учрежденія, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, «почти повсюду составляютъ общественное достояніе и только въ относительно немногихъ случаяхъ принимаютъ характеръ частнаго владѣнія».

Оглядываясь, я вижу, что сдѣлалъ довольно большое отступленіе отъ своей основной темы. Вопросъ, который я вынужденъ былъ затронуть на послѣднихъ страницахъ, крайне сложенъ, такъ какъ сочетаніе частнаго и публичнаго права въ различныхъ общественныхъ институтахъ до нельзя прихотливо, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы находимъ не механическую только смѣсь ихъ, но и какъ бы химическое ихъ соединеніе,—что, быть можетъ, указываетъ на возможность нѣкотораго новаго правообразованія. Не задаваясь цѣлью подвергнуть тотъ или иной изъ этихъ институтовъ анализу, я считалъ не лишнимъ всетаки привести нѣсколько примѣровъ, чтобы пояснить значеніе формулированной мною выше дилеммы: какой же характеръ должна получить изъятая у отдѣльныхъ лицъ и группъ и перешедшая къ народу власть надъ землею? Должна ли она осуществляться въ публичныхъ или частныхъ правовыхъ формахъ?

Съ социалистической точки зрѣнія отвѣтъ можетъ быть только одинъ. Доказывая, что право на землю должно быть публичнымъ, В. М. Черновъ въ своемъ комментаріи къ разсматриваемому нами законопроекту ссылается, между прочимъ, на Менгера и указываетъ, что «будущее трудовое народное государство постепенно поглотитъ въ публичномъ правѣ право частное, сольетъ ихъ, превративъ удовлетвореніе всѣхъ важнѣйшихъ потребностей человѣческой жизни въ основную государственную заботу. Буржуазное право, напротивъ, своею сущностью полагаетъ тщательное отграниченіе частнаго права отъ публичнаго. Удовлетвореніе важнѣйшихъ человѣческихъ матеріальныхъ потребностей она оставляетъ въ области частнаго права, предоставляя въ этомъ отношеніи cadaquo чело-

вѣка его собственнымъ вѣдамъ и «борьбѣ за существованіе» съ себѣ подобнымъ» *).

Но для законодателя важны не только историческія перспективы, открываемыя научною мыслью, но и то, можетъ ли право на землю, въ качествѣ публично-правового института, найти себѣ опору въ правовыхъ воззрѣніяхъ даннаго народа въ данную эпоху. Въ этомъ отношеніи представляются крайне важными результаты анализа тѣхъ общинныхъ воззрѣній на землю, какія сохранились въ русскомъ народѣ и въ которыхъ люди нашего направленія всегда стремились найти опору своей аграрной программѣ.

В. М. Черновъ напоминаетъ въ своей статьѣ, что уже В. Лешковъ близко подошелъ къ пониманію правового характера общины, какъ зародыша публично-правового института. «Общинное владѣніе,—писалъ онъ,—сообщаетъ общинѣ полнѣйшую власть на ея земли и не только право собственности, но господство, *dominium*, и даже хотя частью *imperium* въ формѣ управленія посредствомъ *сходовъ*». Общинное владѣніе, по мнѣнію Лешкова, подобно «праву государства и народа на ихъ землю» и выражается такъ, что въ опредѣленныхъ территоріальныхъ границахъ «общины осуществляютъ право своего народа на землѣ».

Два года тому назадъ, указывая на страницахъ «Русскаго Бюлетеня» такое именно происхожденіе общиннаго права на землю и напоминая, что община составляла когда-то «органическую часть государства», «имѣла характеръ территоріальнаго союза, правоспособнаго выполнять государственныя фракціи», я отмѣтилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ту двойственность положенія, въ какую поставила ее исторія. «Теперь она представляетъ,—писалъ я—нѣчто промежуточное между общественно-принудительнымъ союзомъ и частно-правовымъ,—и въ этомъ, какъ я думаю, заключается одна изъ главныхъ причинъ ея довольно фальшиваго положенія въ жизни. Съ одной стороны, члены общины объединены между собою по территоріальному признаку, и она располагаетъ въ извѣстной мѣрѣ принудительной властью. Съ другой стороны, она охватываетъ уже не все населеніе, находящееся на данной территоріи, и, заслоненная сельскимъ обществомъ, утратила уже значительную часть своихъ политическихъ функцій. Такой же двойственный характеръ имѣютъ и отношенія общины къ землѣ: съ одной стороны, члены ея являются какъ бы только товарищами въ общемъ имуществѣ, съ другой—община въ цѣломъ какъ будто имѣетъ такія права на землю, какихъ не имѣютъ эти товарищи въ отдѣльности» **).

*) Викторъ Черновъ „Соціализація земли и община“. „Народное Знамя“, 19 апрѣля (№ 1).

**) См. кн. „Аграрная проблема въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ“, стр. 124—125.

«Публично-правовая сущность общины,—пишетъ теперь В. М. Черновъ,—пробилась наружу сквозь толщу законодательства. Хотя община и была *de jure* какъ будто превращена въ обыкновенное частно-правовое соединеніе земледѣльцевъ, но фактически это не удалось. То же самое начало—хотя бы право постановленія о передѣлахъ по большинству голосовъ (хотя и повышенному закономъ до $\frac{2}{3}$) или хотя бы право общины до истеченія срока передѣла совершать частные передѣлы, т. е. скидки и накладки тяголы—осталось въ рѣзкомъ противорѣчій со всѣми основаніями дѣйствія частно-правовыхъ договоровъ. Въ немъ воплотилось общее демократическое начало *самоуправленія*, въ область вѣдѣнія котораго вошло и заведываніе земельнымъ имуществомъ на началѣ равенства правъ членовъ коллективности. Но эта публично-правовая сущность общины, пробившаяся наружу, была затемнена и со всѣхъ сторонъ урѣзана началомъ *сословности*, а не безсословной территоріальности» *).

Изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что нынѣшнюю общину, публично-правовая сущность которой такъ долго была затемнена и урѣзана началомъ сословности, непременно нужно «взять за центральную ось реформы». По крайней мѣрѣ, я лично утверждать это столь категорически не рѣшился бы. «Въ нынѣшнемъ неопредѣленномъ положеніи—писалъ я въ только что цитированной статьѣ—русская земельная община остаться не можетъ и должна будетъ эволюционировать въ ту или другую сторону. Она должна или сдѣлаться частно-правовымъ, добровольнымъ союзомъ, или же возродиться въ качествѣ территоріальнаго союза, войти въ составъ государства въ качествѣ его органической части. Возможно, что судьба общины не во всѣхъ случаяхъ будетъ одинакова». Такимъ образомъ я допускалъ и допускаю возможность разной роли для нынѣшней общины въ земельной реформѣ. Несомнѣнно, и В. М. Черновъ понимаетъ, что не такъ просто будетъ эту «ось» вставить въ колеса реформы. «Современная община—говорилъ онъ—не въ такомъ положеніи, чтобы она могла дольше оставаться въ томъ же видѣ, какъ теперь. Напротивъ, какъ правовое, такъ и хозяйственное положеніе ея до такой степени запутано, что всякій планъ поземельной реформы долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и планомъ распутыванія этой путаницы».

Какъ бы то ни было, но въ данномъ случаѣ это не такъ важно **).

*) „Народное Знамя“, № 1.

**) Позволю себѣ, впрочемъ, сказать нѣсколько словъ *pro domi suo*. В. М. Черновъ упоминаетъ о „людяхъ, искренно считающихъ себя друзьями общины и, тѣмъ не менѣе, готовыхъ превратить ее въ простой *хозяйственный союзъ, освободивъ ее отъ довольно тяжелой для нея, какъ хозяйственнаго союза, обязанности быть носителемъ коллективнаго права на землю*—обязанности, которая *вносила элементъ принужденія въ ея жизнь*. Но превратить общину въ такой союзъ,—говоритъ онъ,—значитъ признать, вѣдѣть за

Дѣло вѣдь не въ Ивановкахъ и другихъ конкретныхъ общинахъ, какія имѣются въ Россійскомъ государствѣ и которыя могутъ найти то или иное себѣ мѣсто въ новомъ аграрномъ строѣ, а въ наличности въ народной средѣ возрѣвнѣй, которыя могли бы послужить основой публичнаго права на землю. Но мы имѣемъ нѣчто большее, чѣмъ одни возрѣвнѣя,—мы имѣемъ прообразъ самаго института въ лицѣ общины. Пусть это недоразвитая и даже исковерканная форма, но и за всѣмъ тѣмъ вопросъ—первый вопросъ, который мы встрѣтили, какъ только уяснили себѣ, что передать власть надъ землею народу значитъ передать ее государству,—представляется вполне возможнымъ рѣшить согласно съ принципами социализма и правосознаніемъ народа. Новая власть надъ землею, которую получитъ государство съ изытіемъ ея изъ-подъ власти частныхъ лицъ, можетъ и должна слиться съ его прежнею властью въ одномъ институтѣ,—и этотъ институтъ В. М. Черновъ, какъ я думаю, указалъ совершенно правильно: таковымъ можетъ и должно быть *самоуправленіе*.

Но этимъ еще не устраняется возможность другихъ осложнений. И они дѣйствительно оказались на пути къ «соціализаціи».

Столыпинимъ, ея переходъ на положеніе общей собственности съ правомъ выдѣла отдѣльныхъ участковъ». Напечатанныя курсивомъ слова взяты изъ моеѣ статьи, на что и ссылается авторъ. Читателямъ, послѣ сдѣланныхъ мною выдержекъ изъ той же статьи, не трудно догадаться, что эти слова относятся къ тому случаю, если общинѣ предстоить превратиться въ „хозяйственный союзъ“, въ „товарищество“. О томъ, что права на землю должны при этомъ, какъ я указывалъ, перейти къ другой коллективности, но уже государственнаго характера, а также о другой возможности, которую я предусматривалъ, а именно, что нынѣшняя община сама можетъ возродиться въ качествѣ такого государственнаго союза, В. М. Черновъ не упомянулъ, что ему и дало возможность пожалѣть „А. В. Пѣшехова, который здѣсь невольно поддается вліянію либерально-индивидуалистическихъ реформаторовъ общины“, а за одно ужъ и отправить этого самого Пѣшехова, хотя бы „невольно“, по стопамъ Столыпина... И бы не сталъ, пожалуй, даже упоминать объ этомъ эпизодѣ, если бы въ связи съ нимъ я не имѣлъ возможности отмѣтить одну изъ особенностей и при томъ довольно важную особенность законопроекта, которому посвящена настоящая статья. Въ § 5 „Мѣръ по введенію закона“ въ немъ сказано: „Въ мѣстностяхъ съ общиннымъ хозяйствомъ: а) въ тѣхъ случаяхъ, когда территоріальная община по составу населенія приблизительно совпадаетъ съ бывшей владѣнной общиной, они сливаются, при чемъ права и обязанности послѣдней переносятся на первую; б) въ тѣхъ случаяхъ, когда территоріальная община охватываетъ двѣ или нѣсколько бывшихъ владѣнныхъ общинъ, имъ предоставляется или образовать одну общину и слиться съ общиной территоріальной, или перейти на положеніе земельного товарищества"... Такимъ образомъ авторы законопроекта не рѣшились нынѣшнюю („владѣнную“) общину просто-на просто „взять за центральную ось реформы“, а предпочли предусмотрѣть возможность двухъ выходовъ; а именно: или превращеніе нынѣшней общины въ территоріальную (въ смыслѣ „муниципаліи“, какъ я указывалъ въ своей статьѣ и какъ поясняетъ теперь В. М. Черновъ), или же переходъ ея на положеніе „товарищества“ (т. е. „хозяйственного союза“).

III.

«Собственность» мы глубоко закопали. Памятуя объ этомъ, я въ предыдущей главѣ пользовался всякими другими, можетъ быть, не всегда подходившими выраженіями, но ни разу, за исключеніемъ цитаты изъ Лешкова, не употребилъ отмѣннаго «навсегда» слова. Но теперь мнѣ придется хотя бы на время вырыть его изъ могилы. Намъ предстоитъ осмотрѣть ту наклонную плоскость, о которой я упоминалъ выше и по которой авторы законопроекта дошли до отмѣны «всякой» собственности. Въ самомъ дѣлѣ, не за словомъ же они гнались. Очевидно, у нихъ имѣлись другія, болѣе серьезныя соображенія, которыя привели ихъ къ этому пункту. Съ этими соображеніями намъ и предстоитъ теперь ознакомиться. Впрочемъ, не только съ самыми соображеніями, но и съ исторіей ихъ происхожденія.

Передать власть надъ землею народу значить, какъ мы видѣли, передать ее государству. «Власть надъ вещью», о которой въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь,—это право собственности, и передать ее государству значить обратить землю изъ частнаго достоянія въ государственную собственность.

Но современное государство—это же вѣдь организація классового господства, господства буржуазіи, тѣхъ же частныхъ собственниковъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ марксисты. Передать землю при такихъ условіяхъ государству не значить ли въ сущности передать ее классу тѣхъ же собственниковъ, изъ-подъ разрозненной власти которыхъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, она только что изъята? Самой собою понятно, что примѣсъ феодальныхъ остатковъ къ буржуазному государству не только не умаляетъ, но и увеличиваетъ еще притекающую отсюда опасность. «Нѣмецкіе социаль-демократы,—читаемъ мы въ упоминавшейся уже статьѣ въ «Революціонной Россіи»,—естественно, считаютъ при данныхъ политическихъ условіяхъ огосударствленіе (Verstaatlichung) земли слишкомъ опасной мѣрой (см. Каутскаго «Die Agrarfrage»)». И Вандервельдъ, въ своемъ послѣднемъ трудѣ, также признаетъ, что если власть въ государствѣ слишкомъ въ большой мѣрѣ сосредоточивается въ рукахъ монарха или правящей олигархіи, то въ такомъ классовомъ, полу-абсолютистскомъ и милитаристскомъ государствѣ социалисты всегда первые будутъ воставать противъ огосударствленія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ народнохозяйственныхъ отраслей, такъ какъ оно можетъ быть использовано въ исключительныхъ интересахъ суверена или господствующаго класса» *).

*) „Соціализація земли и кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ“. „Революціонная Россія“, № 15.

Ссылка въ этомъ случаѣ на «данныя политическія условія» такъ же, какъ и на «суверена», въ сущности лишь затуманиваетъ основное соображеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если государство есть организація классового господства и если господствующимъ классомъ впредь до «полной побѣды» неизбежно останется буржуазія, то и при демократическомъ строѣ «огосударствленіе» земли является крайне опасной мѣрой, какъ всякое усиленіе государственной власти, т. е. власти буржуазіи. Правда, бельгійскіе, голландскіе и англійскіе соціалъ-демократы, повидимому, уже убѣдились, что государство можетъ осуществлять волю не только буржуазіи. Если они въ чемъ и расходятся между собою, то только въ опредѣленіи ступени, на которой государственная власть перестаетъ быть опасной для трудящихся классовъ. Такъ или иначе, но все они уже ввели— правда, на разныхъ ступеняхъ и въ разныхъ размѣрахъ—огосударствленіе земли въ свои программы. Убѣдились въ этомъ, повидимому, и русскіе соціалъ-демократы, включившіе въ свою программу муниципализацію. Очевидно, они признаютъ, что уже на областной ступени государственной организаціи пролетаріатъ можетъ успѣшно состязаться съ буржуазіей и вырвать изъ ея рукъ въ свою пользу хотя часть ренты... Но изложенное мною возраженіе противъ огосударствленія земли и до сихъ поръ продолжаетъ выдвигаться, раньше же оно выдвигалось съ особою настойчивостію.

По существу съ этимъ возраженіемъ мнѣ уже приходилось имѣть дѣло въ прежнихъ статьяхъ. Въ данномъ же мѣстѣ для меня важно лишь напомнить,—это я отмѣчалъ уже и раньше,— что партія соціалистовъ-революціонеровъ складывалась и росла подъ сильнымъ давленіемъ марксизма, и вліяніе марксистской аргументаціи, несомнѣнно, сказывалось и до сихъ поръ сказывается въ ея программныхъ построеніяхъ. Недовѣріе къ государству, опирающееся въ конечномъ счетѣ на классовую теорію, таковъ одинъ изъ элементовъ, съ которыми намъ придется имѣть дѣло въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Но намъ придется имѣть дѣло и съ другимъ. Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между личностію и коллективностію—вообще трудный, а для нашего направленія въ особенности жгучій—далеко не всегда выдержанно рѣшался въ средѣ с.-р. Перегибъ въ сторону личности и, въ частности, въ сторону «захвата» въ ущербъ «праву» особенно часто приходилось наблюдать въ аграрномъ вопросѣ. Уже два года тому назадъ я счелъ долгомъ отмѣтить, что «среди друзей по направленію появилась струя аполитизма», и энергично подчеркнуть мысль, что «мы еще долго должны будемъ оставаться государственниками» *). То было подцензурное время, и я долженъ былъ проявлять особую деликатность въ выраженіяхъ. Теперь ту же струю я безъ обиняковъ могу назвать струей анар-

*) См. „Аграрная проблема“, стр. 39.

хизма. Быне я уже привелъ примѣръ, какою подѣ этимъ вліяніемъ представлялась нѣкоторымъ с.-р. социализація.

Таковы два давленія, подѣ которымъ складывалась и продолжаетъ складываться исторія с.-р. Марксизмъ давилъ извнѣ, проникая, конечно, и внутрь партіи какъ въ формѣ невольно усвоившихся аргументовъ, такъ и въ лицѣ выросшихъ подѣ марксистскимъ вліяніемъ членовъ. Анархизмъ давилъ изнутри, вырываясь подчасъ съ шумомъ наружу въ формѣ максимализма или незамѣтно питая многочисленныя уже ручьи анархизма. Слѣды этихъ вліяній не трудно найти и въ исторіи аграрной программы.

Прежде всего самый терминъ. Теперь социализація понимается, какъ нѣчто болѣе высшее и совершенное, чѣмъ націонализація. Но было время, когда социализація разсматривалась какъ своего рода этапъ на пути къ націонализаціи. «Если дальнѣйшее политическое развитіе, — говорится въ только что цитированной мною статьѣ пойдеть не путемъ крутыхъ переломовъ, а путемъ медленнаго перерожденія монархической олигархіи въ конституционную, то, можетъ быть, еще долго русскимъ социалистамъ придется отстаивать самостоятельность общины отъ регулирующаго вліянія государства, хотя въ принципѣ, конечно, самымъ раціональнымъ представлялся бы контроль высшихъ органовъ народнаго самоуправления надъ низшими, контроль, цѣль котораго — уравнивать естественныя преимущества и неравенство между отдѣльными мѣстными группами населенія. Теперь будетъ понятно, почему въ программѣ крестьянскаго союза партіи социалистовъ-революціонеровъ стоитъ не популярное слово *націонализація земли*, а болѣе общее *соціализація*, не предрѣшающее передачи всѣхъ собственническихъ и распорядительныхъ правъ въ руки именно центральной власти».

Итакъ, «въ принципѣ» самымъ раціональнымъ представлялась бы націонализація, но тогда — это писалось во времена Плеве — нельзя еще было рассчитывать на «крутой переломъ», и потому признано было за лучшее положить въ основаніе программы «болѣе общее» понятіе — социализацію. Но самая социализація понималась тогда въ очень тѣсномъ смыслѣ: «изъ трехъ типовъ *)

*) Чтобы читателямъ ясно было, о какихъ трехъ типахъ говорится здѣсь, приведу характеристику ихъ изъ той же статьи. „Основное требованіе социализаціи земли можетъ измѣняться и дѣйствительно измѣняется въ аграрныхъ программахъ социалистическихъ партій различныхъ европейскихъ государствъ. Такъ, напримѣръ, *государственный* элементъ шире всего представленъ въ аграрныхъ требованіяхъ англійской Соціалъ-демократической Федерациі (ортодоксально-марксистская фракція англійскихъ социалистовъ), которая выставляетъ какъ одинъ изъ пунктовъ своей программы-минимумъ націонализацію земли. Бельгіяцы уравниваютъ въ своей программѣ оба момента — государственный и коммунальный, требуя, съ одной стороны, возстановленія и развитія общинныхъ имуществъ, съ другой — прогрессивнаго выкупа земли государствомъ или

земельно-соціализаторской политики къ нашимъ условіямъ всего болѣе будетъ подходить—говорилось далѣе—голландскій типъ, при которомъ на первый планъ выдвигается *коммунализациа земли*. Если имѣть въ виду только форму владѣнія (но не хозяйства), то социалисты-революціонеры въ своей аграрной программѣ стояли въ то время на той точкѣ, до которой дошли теперь социаль-демократы со своей «муниципализаціей». И въ основѣ лежало въ сущности то же опасливое отношеніе къ «государству» (хотя бы въ смыслѣ только центральныхъ его органовъ), которымъ руководятся социаль-демократы.

Послѣ того «политическія условія» измѣнились, и авторы новаго законопроекта, напримѣръ, несомнѣнно рассчитываютъ на возможность «крутыхъ переломовъ» въ политической исторіи Россіи. Вполнѣ естественно поэтому, что «общее» понятіе социализація должно было видоизмѣнить свое содержаніе. «Коммунализациа», казалось бы, должна была уступить мѣсто «націонализации». Произошло, однако, видоизмѣненіе нѣсколько иного рода, но прежде, чѣмъ говорить о немъ, не лишне будетъ упомянуть, что въ промѣжуткѣ были и другія видоизмѣненія.

Съ однимъ изъ нихъ пришлось имѣть дѣло и нашему журналу. Статья, посвященная «общинѣ и государству», на которую я ссылался въ предыдущемъ изложеніи, была помѣщена въ немъ, какъ отвѣтъ на открытое письмо Новоторжскаго ко мнѣ, въ которомъ онъ отстаивалъ ту мысль, что власть надъ землею должна быть передана общинѣ, а не государству (въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ отстаивалъ я, и въ узкомъ—въ смыслѣ центральной власти,—какъ понималъ онъ). Другими словами: онъ защищалъ коммунализацию и оспаривалъ націонализацию, противопоставляя эти два понятія. При этомъ подъ общиной, какъ выяснилось въ этой полемикѣ, онъ разумѣлъ «союзъ дѣйствительныхъ земледѣльцевъ», «товарищество непосредственныхъ производителей», а не все населеніе

общинами. Голландцы становятся на исключительно коммунальную, общинную точку зрѣнія, и отъ государства требуютъ лишь законодательнаго акта, расширяющаго права общины по обложению, выкупу и экспроприаціи земли. Таковы два крайнихъ и одинъ средній типъ, по которымъ и распредѣляются наличныя аграрныя программы социалистическихъ партій, при чемъ большинство тяготеетъ къ среднему типу“.

Считаю не лишнимъ отмѣтить, что „государство“ здѣсь понимается, очевидно, въ смыслѣ центральной государственной власти, такъ какъ въ этомъ только смыслѣ „государственный“ элементъ можно противопоставлять „коммунальному“. Во избѣжаніе недоразумѣнія считаю нужнымъ прибавить къ этому, что на протяженіи всей статьи я употребляю терминъ „государство“ въ болѣе широкомъ смыслѣ, а именно какъ общественную организацію, построенную по территоріальному признаку и обладающую принудительною властью. Въ этомъ случаѣ коммуны или муниципіи не только нельзя противопоставлять государству, но и необходимо разсматривать ихъ, какъ составную часть послѣдняго.

той или иной территоріи, объединенное въ союзъ государственнаго характера. Нужно сказать, что проектъ программы партіи социалъ-стовъ-революціонеровъ (утвержденной программы тогда еще не было), а также и тѣ комментаріи, какія помѣщались въ «Революціонной Россіи», до извѣстной степени давали ему право на такое пониманіе. Въ проектѣ говорилось слѣдующее: «партія будетъ стоять за социализацію всѣхъ частновладѣльческихъ земель, т. е. за изыятіе ихъ изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и переходъ въ общественное владѣніе и въ распоряженіе демократически организованныхъ общинъ и территоріальныхъ союзовъ общинъ на началахъ уравнительнаго пользованія». Такимъ образомъ, говорилось о социализаціи только «частновладѣльческихъ» земель, при чемъ вводились какіе-то «союзы общинъ», хотя и территоріальные, но какъ бы стоящіе внѣ остальной государственной организаціи. Въ комментаріяхъ дѣлались усиленные ссылки на нынѣшнюю общину, но не указывалось на необходимость вернуть ей государственное значеніе, ввести ее, какъ часть, въ общую систему государственной организаціи. Нынѣшняя же община, если ее не разсматривать какъ сословный союзъ, легко можетъ быть принята за «союзъ дѣйствительныхъ земледѣльцевъ», а при нѣкоторой идеализаціи и за «товарищество непосредственныхъ производителей».

Нашему журналу пришлось тогда рѣшительно высказаться противъ смѣшенія частно-правовыхъ союзовъ съ общественно-принудительными и за необходимость собирать общественныя права (въ томъ числѣ и право на землю) около «муниципій», а не около «коопераціи». Программа с.-р. при утвержденіи была исправлена и возможность указаннаго недоразумѣнія изъ нея устранена. И въ комментаріяхъ къ ней теперь усердно—множествомъ опредѣленій—подчеркивается, что въ основѣ должна лежать «мельчайшая самоуправляющаяся территоріальная единица, сосѣдская, безсословная (ибо сословныя грани должны быть стерты съ лица земли) община (въ смыслѣ французской commune, сельской муниципіи), включающая въ себя одно или нѣсколько сосѣднихъ поселеній» *). Вообще это эпизодъ минувшаго. Но вспоминая его, не лишне, какъ я думаю, задаться вопросомъ, откуда взялась въ средѣ с.-р. склонность къ такому именно пониманію социализаціи, какое обнаружилъ г. Новоторжскій?

Въ соображеніяхъ послѣдняго невольно бросаются въ глаза слѣды или—правильнѣе будетъ сказать—послѣдствія марксистской аргументаціи. Въ общинѣ, какъ въ «союзѣ дѣйствительныхъ земледѣльцевъ», г. Новоторжскій, несомнѣнно, желалъ найти оплотъ противъ государственной власти, какъ власти «господствующихъ классовъ». Но этотъ оплотъ онъ надѣялся создать не тѣмъ, чтобы ввести общину, какъ составную часть въ государство и тѣмъ самымъ

*) „Народное Знамя“, № 1.

обеспечить наибольшую его демократичность. На демократію онъ не особенно полагался и, можетъ быть, потому именно, что ясно представлялъ себѣ ея организацію лишь въ верхахъ государственной жизни. «У насъ нѣтъ—писалъ онъ—основанія думать, чтобы въ Россіи, въ особенности въ первое время по введеніи народнаго представительства, государственная власть была бы особенно демократична... Опытъ всѣхъ западно-европейскихъ странъ показываетъ черезчуръ медленный, а не скорый ростъ голосовъ, подаваемыхъ за демократическія партіи. Тяжелое наслѣдство вѣковъ невежества, безправія и угнетенности народу не легко сбросить съ плечъ» *).... Оплоть, при помощи общины, онъ надѣялся получить инымъ путемъ. Союзы дѣйствительныхъ земледѣльцевъ и союзы такихъ союзовъ ему рисовались, повидимому, въ видѣ широко раскинутой и всероссійски-объединенной профессиональной или классовой организаціи, которая и явится силой, способной отстоять трудовые интересы въ борьбѣ съ господствующими классами.

Съ другой стороны, болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ указанномъ пониманіи социализаціи сказалось и другое теченіе, а именно стремленіе, можетъ быть, даже безсознательное, найти рѣшеніе аграрнаго вопроса внѣ государственно-правовыхъ формъ. «Разъ мы усматриваемъ—писалъ г. Новоторжскій—въ концѣ пути сельскохозяйственнаго развитія товарищество непосредственныхъ производителей, то зачѣмъ разрушать тѣ ячейки, которыя уже сложились и которымъ нужны только благопріятныя условія для такого развитія». «Товарищество непосредственныхъ производителей» — въ этомъ слышится какъ бы отзвукъ того анархизма, для котораго будущій строй представляется въ видѣ ряда такихъ добровольныхъ товариществъ—тоже «общинъ»,—если и объединенныхъ въ союзъ, то не иначе какъ въ такой, который въ силу «благопріятныхъ условій для такого развитія» вырастаетъ самъ собой, снизу. Соціалистъ на счетъ конечнаго пунета выразился бы иначе и сказалъ бы вѣроятно, что мы видимъ тамъ не «товарищество непосредственныхъ производителей», а общественное хозяйство.

Такимъ образомъ, это была уже другая попытка (одну мы видѣли въ «коммунализаціи») создать оплотъ противъ государства. (Отъ этого оплота, какъ я уже упомянулъ, пришлось отказаться, но попытки найти его продолжаются и доселѣ.

Вернемся, однако, отъ исторіи къ современности и прежде всего къ той статьѣ В. М. Чернова, согласіемъ съ которой по одному изъ основныхъ вопросовъ аграрной реформы я закончилъ предыдущую главу.

Итакъ, власть надъ землею должна отлиться въ форму публично-правового института, при чемъ, если слѣдовать Леинову,

*) „Русское Богатство“ 1906 г., августъ.

те въ этомъ институтѣ должны слиться и право собственности, и *dominium* и *impregium*—всѣ виды власти надъ территоріей. Но...

Но такъ какъ Лешковъ—говоритъ въ своей статьѣ В. М. Черновъ—писалъ до того времени, когда и въ публично-правовой области были провозглашены *неотъемлемыя права личности*, субъективныя или индивидуальныя публичныя права, то для нею коллективность (государство, община) являются неограниченными владыками, а члены общины отъ нея получаютъ свои права, какъ нѣчто производное, вторичное или созданное. Онъ далекъ отъ той точки зрѣнія, что необходимо огражденіе *отъ произвола самой коллективности* нѣкоторыхъ основныхъ личныхъ правъ путемъ регулирующаго дѣйствія коллективности *основного закона*.

Долженъ признаться, что первую часть этой цитаты я просто не понимаю. Подъ «неотъемлемыми правами личности» въ данномъ мѣстѣ разумѣются такъ называемыя «естественныя права», — права человека и гражданина. Насколько я знаю, таковыя были «провозглашены» уже во время борьбы Соединенныхъ Штатовъ за независимость и затѣмъ съ еще большимъ шумомъ во время великой французской революціи. Теорія естественнаго права впервые сложилась на много вѣковъ раньше; въ это время она заняла видное мѣсто въ юридической наукѣ. Правда, потомъ въ теченіе долгаго періода эта теорія оспаривалась и возродилась уже въ наши дни—почти наканунѣ русской революціи—съ новымъ обоснованіемъ. Можетъ быть, В. М. Черновъ имѣетъ въ виду это новое обоснованіе, можетъ быть, ему просто нужно было авторитету Лешкова противопоставить въ данномъ вопросѣ авторитетъ г. Изгоева или, правильно, авторитетъ перваго дополнить авторитетомъ второго. (Дѣло въ томъ, что г. Изгоевъ «юридическимъ стержнемъ» общины считаетъ «правомочіе отдѣльнаго лица», но отрицаетъ его публичный характеръ; Лешковъ же признаетъ публичный характеръ, но не видитъ личнаго права). Но въ данномъ случаѣ это не важно, и мое недоразумѣніе, какъ я думаю, не сыграетъ роли въ дальнѣйшемъ. Допустимъ, что Лешковъ не слыхалъ про неотъемлемыя права личности или же не признавалъ ихъ.

Для насъ важно другое. Комментаторъ къ законопроекту с.-р. находитъ необходимымъ въ аграрной сферѣ «огражденіе» нѣкоторыхъ основныхъ правъ личности отъ «произвола самой коллективности». Это я и имѣлъ въ виду, сказавъ выше, что поиски оплота противъ государства продолжаются. Если бы все дѣло сводилось къ «основному закону», то сказать противъ этого у меня не нашлось бы ни одного слова. Я тоже стою на той точкѣ зрѣнія, что аграрный вопросъ долженъ быть рѣшенъ учредительнымъ собраніемъ, и это рѣшеніе въ основныхъ своихъ чертахъ должно, конечно, войти въ учредительную или конституціонную хартію. Но въ этомъ «основномъ законѣ, не подлежащемъ отміну или измѣненію въ обычномъ законодательномъ порядкѣ», я вижу гарантію

противъ случайностей государственной жизни, но не противъ самого государства.

Надо кромѣ того сказать, что въ основныхъ законахъ или въ конституціяхъ оговариваются отнюдь не одни только «неотъемлемыя права личности»; въ нихъ заносятся права коллективности и всякія иныя. Я не стану, конечно, ссылаться на русскіе основные законы,—тоже «не подлежащіе отмѣнѣ или измѣненію въ обычномъ законодательномъ порядкѣ»,—которые, какъ извѣстно, если и ограждаютъ что, то больше всего права самодержавнаго правительства. Воспользуюсь указаніями одного изъ тѣхъ, кто право на землю относитъ къ числу личныхъ правъ и ставитъ это въ связь со внесеніемъ ихъ въ основные законы. П. А. Вихляевъ ссылается на конституціонныя хартіи отдѣльныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. По его словамъ, эти хартіи «стремятся, напри- мѣръ, урегулировать управленіе такимъ имуществомъ штата, какъ каналы и дороги, стремятся дать подробныя указанія по администраціи долга штата; опредѣляютъ размѣры и виды частной собственности, не подлежащей аресту за частные долги; дѣлаютъ постановленія относительно потребленія, напр., запрещаютъ продажу спиртныхъ напитковъ и т. д.» *). Едва ли все это относится къ «неотъемлемымъ правамъ личности». Вообще вопросъ о томъ, въ какіе законы—въ основные или обыкновенные будутъ—внесены нормы земельного права, какъ я думаю, не имѣетъ принципиальнаго значенія, такъ какъ онъ не предрѣшаетъ собою содержанія самаго права. И этотъ вопросъ мы можемъ поэтому оставить въ сторонѣ.

Несравненно важнѣе для насъ то, что право на землю комментаторы законопроекта относятъ къ числу «неотъемлемыхъ правъ личности». Такой именно смыслъ и имѣетъ третій параграфъ законопроекта, который, какъ мы уже видѣли, читается такъ:

«На пользованіе этимъ достояніемъ всѣ граждане и гражданки имѣютъ равное право».

Такимъ образомъ ясный, какъ казалось намъ, и почерпнутый изъ литературы с.-р. отвѣтъ, что власть надъ изъятой изъ частной собственности землею должна перейти къ народу, въ дѣйствительности имѣетъ другую, прямо противоположную редакцію: право на землю принадлежитъ не коллективности, а личности,—не народу, а гражданину.

Эта двойственность даваемого на одинъ и тотъ же вопросъ отвѣта и сдѣлала неизбежной отмѣну всякой собственности. Кому, въ самомъ дѣлѣ, будетъ принадлежать земля: народу, какъ коллективности, или гражданамъ, какъ отдѣльнымъ личностямъ? Лучше ужъ объявить ее ничьею... Выручило, какъ мы видѣли, слово «достояніе», не имѣющее никакого юридическаго содержанія.

А. Пѣшеоновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) „Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія“ стр. 46.
Май. Отдѣлъ II.

НОВЫЯ КНИГИ.

Георгій Чулковъ „Тайга“. Драма. Издательство „Оры“. С.-Петербургъ. 1907.

«Тайга!» Прежде всего,—что такое тайга? Читатель, даже не бывавшій въ Сибири, знаетъ, что тайгою называютъ по мѣстному лѣсъ, а такъ какъ въ Сибири лѣса преимущественно лиственничныя, то значить тайга есть сибирскій лиственничный лѣсъ. Дѣло какъ будто просто, для г. Георгія Чулкова даже слишкомъ просто. Поэтому, при «переосмыслѣ» ясныхъ понятій съ декадентской точки зрѣнія, онъ считаетъ нужнымъ дать тайгѣ свои собственныя «новыя опредѣленія». Въ его драмѣ нѣкто Юрій, недавній житель «тайги», спрашиваетъ у доктора, живущаго «въ тайгѣ» 13 лѣтъ: «Скажите, докторъ, что собственно значить слово тайга? Этотъ густой лѣсъ, что раскинулся вокругъ?» И докторъ отвѣчаетъ:— «Нѣтъ, тайгой называется и лѣсъ, и земля вмѣстѣ». Юрій (полагая съ недоумѣніемъ). И лѣсъ и земля вмѣстѣ? Докторъ. «Да; и лѣсъ, и земля, и при томъ въ ихъ священной пустынности».— Мало вразумительно и едва ли правильно, но кто докажетъ, что правильность и вразумительность—нужны для всякихъ опредѣленій? Вѣдь вотъ и слово металлъ даетъ понятіе, какъ будто довольно ясное. Но въ этомъ простомъ видѣ оно совсѣмъ не интересно. А скажите его особеннымъ образомъ, да еще прибавьте къ нему «жуцель»,—и замоскворѣцкія купчихи, по свидѣтельству Островскаго,—станутъ впадать въ истерику. Это значить, что къ простому понятію прибавлено «настроеніе», столь интенсивное, что для нервныхъ замоскворѣцкихъ дамъ оно становится даже нестерпимымъ... Повидимому, и тайга даетъ г. Чулкову «настроеніе» лишь тогда, когда она является не тѣмъ, что она есть въ дѣйствительности, а только съ прибавленіемъ къ ней «земли въ священной пустынности» и разныхъ небывалыхъ жуцеловъ. По счастливой случайности, это маловразумительное опредѣленіе мы можемъ дополнить еще нѣкоторыми чертами, заимствованными у того же автора. Одновременно съ «Драмой» г. Чулкова мы прочитали его поэтическое произведеніе, напечатанное въ газетѣ «Товарищъ» (№ 249) и озаглавленное «Въ Тайгѣ». Изъ него мы узнаемъ, что г. Чулковъ «сквозь чащу-дрему тайги вечерней съ невѣрнымъ сердцемъ бродилъ во снѣ»... Во время этой интересной прогулки, по «таинному, нѣжному и страшному пути», «хранимый словомъ напѣвно-ярнымъ», поэтъ сдѣлалъ нѣсколько открытій даже, можно сказать, откровеній, чрезвычайно интересныхъ не только для гео-

графовъ, но и для исконныхъ сибиряковъ, всю жизнь проводящихъ въ тайгѣ. А именно, онъ узналъ, что:

... тамъ въ глубинахъ, забытыхъ Богомъ,
Гдѣ клетъ орлиный заглохъ въ глуши,
И звѣрь сердитый съ *могучимъ рогомъ*
Мохъ черный топчетъ въ ночной тиши...
... Тамъ *лебедь бѣлая* въ сѣдомъ туманъ
Поетъ о смерти, зоветъ, зоветъ.
И я несмѣло, во снѣ обманъ
Пою, какъ лебедь, *зеркальность водъ...*

Если оставить въ сторонѣ самаго поэта, который, очевидно, составляетъ въ тайгѣ явленіе совершенно исключительное и случайное, — вѣроятно, даже ~~никогда~~ ^{никогда} небывалое, то все же окажется, что въ той тайгѣ, которую «позналъ» г. Чулковъ въ своемъ видѣніи, водятся, во-первыхъ, носороги, во вторыхъ, зимой на озерахъ сохраняется «зеркальность водъ» и, въ третьихъ, на этой зеркальности поютъ лебеди...

Въ этой-то интересной тайгѣ происходитъ нѣкое таинственное «дѣйство» между проживающими тамъ людьми, столь же экзотическаго происхожденія, какъ таежные носороги и лебеди. Это, во-первыхъ, Юрій, личность безъ опредѣленной физіономіи, къ коему пріѣзжаетъ невѣста («сестра Любовь»). Она, конечно, не просто пріѣзжаетъ, а таинственно слѣдуетъ къ жениху, и всѣ чувствуютъ задолго ея приближеніе (точь въ точь, какъ «Intruse» Метерлинка). Волосы у ней «темночервоннаго» цвѣта. Ничемъ больше не замѣчательна. Впрочемъ, дѣлаетъ видъ, что знаетъ о «тайгѣ» какой-то секретъ. На вопросъ, что именно, — отвѣчаетъ: «она сгоритъ на солнцѣ вмѣстѣ съ землей». Должно быть, читала популярныя статьи по космографіи и геологіи. Затѣмъ — докторъ. Онъ матеріалистъ, играетъ на скрипкѣ, при чемъ во время игры держится въ самомъ темномъ углу (точь въ точь какъ «Нѣкто въ сѣромъ» у Леонида Андреева). Кромѣ того, онъ шаманитъ съ якутами. Какъ мыслитель и врачъ, занять вопросомъ: слѣдуетъ ли уничтожать лихорадку. Выводъ — не слѣдуетъ: «сейчасъ лихорадка сѣрая и скучная, а ее нужно сдѣлать золотой. Пусть она соперничаетъ съ солнцемъ» (стр. 33). Влюбивъ. Когда къ Юрію пріѣзжаетъ его невѣста, — докторъ сразу какъ будто слегка обалдѣваетъ и ни съ того ни съ сего обращается къ ней съ заявленіемъ: «Ваши волосы, какъ осенніе листья. Или нѣтъ... нѣтъ! Какъ волокнистыя червленныя облака»... Женатъ на якуткѣ Сулусъ, но готовъ, повидимому, предпочесть ей «сестру Любовь», тѣмъ болѣе, что Юрій, насколько можно догадываться по намекамъ автора, въ свою очередь начинаетъ безнадежно влюбляться... въ «тайгу». Въ концѣ концовъ докторъ застрѣливаетъ свою жену-якутку, по причинамъ необъясненнымъ и таинственнымъ. Положимъ, авторъ намекаетъ какъ будто, что ему-то, г. Георгію Чулкову, причины сего преступленія не безъ-

извѣстны. Виновна, дескать, въ подстрекательствѣ на женоубійство никто иной, какъ... опять-таки «Тайга», которая къ тому же «сама женщина, быть можетъ, даже она единственная настоящая женщина» (стр. 20). Смутно намѣчается слѣдующая уголовная гипотеза: «Тайга» влюбилась въ доктора и потребовала убійства соперницы, очевидно, еще не зная, что почтенный эскулапъ заглядывается уже на «червленныя волосы» сестры Любви и начинаетъ продѣлывать передъ ней разныя декадентскія штучки, въ родѣ игры на скрипичѣ «въ самомъ темномъ углу»... Едва ли, однако, какой бы то ни было судъ, даже военно-полевой,—придалъ бы значеніе этимъ извѣстямъ г. Георгія Чулкова. Помилуйте,—сказалъ бы навѣрное защитникъ невинно-обвиняемой—развѣ можно вѣрить наблюденіямъ гг. декадентовъ вообще, а г. Георгія Чулкова въ частности? Какой г. Чулковъ свидѣтель,—объ этомъ вы можете судить хотя бы изъ газеты «Товарищъ», въ коей онъ всенародно утверждаетъ, будто, бывая въ гостяхъ у «единственной настоящей женщины» Тайги, встрѣчалъ у нея носороговъ (или единороговъ?) и лебедей, «поющихъ на зеркальности водъ», при томъ еще зимою, когда воды, какъ извѣстно замерзаютъ?! Вы скажете, что всѣ эти несообразности онъ могъ видѣть во снѣ. Но тогда, гг. судьи,—можно ли полагаться на слово человѣка, который не только видитъ ни съ чѣмъ несообразныя сны, но и оглашаетъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе посредствомъ печати? Не очевидно ли вамъ, что г. Чулковъ никогда у моей кліентки не бывалъ, и что его показанія объ ея причастности къ этому дѣлу такъ же облыжны, какъ показанія о носорогахъ и лебедяхъ. Ни въ какого доктора она не влюблялась (да едва ли и существуютъ такіе доктора), а значитъ—не было причины къ подстрекательству на убійство почтенной докторши. И если есть здѣсь какое бы то ни было преступленіе, то развѣ—издѣвательство надъ здравымъ смысломъ бѣднаго русскаго читателя.

На страницѣ 30-й «драмы» есть небольшой діалогъ, который представляется какъ бы символическимъ и характернымъ. Юрій спрашиваетъ у своей невѣсты, «сестры Любви»: «Вѣдь ты ѣхала одна»? Сестра Любовь отвѣчаетъ: «Да, я и тайга». Выходитъ какъ будто, что и тайга г-на Георгія Чулкова тоже ѣхала... Вѣроятно, тѣмъ же способомъ, какъ ѣдутъ андроны?

Николай Рудинскій. Записки земскаго врача. Спб. 1906 г. Ц. 1 руб.

Этиграфомъ къ своей книжкѣ г. Рудинскій поставилъ изреченіе: «пошла душа въ рай, хвостомъ завилыла». Въ чемъ заключается соль этого изреченія, понять довольно трудно. Но оно до извѣстной степени подходит къ содержанію книжки. Пробѣжавъ ее, читатель тоже остановится въ недоумѣніи предъ вопросомъ: въ чемъ же соль всей этой болтовни, пересыпанной прибаутками, пословицами, тех-

ническими выраженіями и проч. словечками въ кавычкахъ,—болтовни, почему-то озаглавленной «Записки земскаго врача».

Вотъ, примѣръ, въ разсказѣ «Народники», авторъ рисуетъ предъ нами интересную картину амбулаторнаго приѣма въ деревенской больницѣ, когда передъ взоромъ новичка доктора появляются цѣлыхъ 72 бабы! При видѣ этой «массы материн, не получившей своей идеи и формы... массы мускуловъ, костей и другихъ органовъ... мяса, мяса и мяса...», ошеломленному доктору приходится на умъ и Новый Заветъ съ его нагорной проповѣдью, и «Іегова, приводящій въ должный порядокъ доисторическій хаосъ», и ему, бѣдному, приходится «напрягать мускулы рта», чтобы удержать готовую вылиться «вдохновенную, изящную, молодую рѣчь»... И на 8 страницахъ г. Рудинскій описываетъ волнующія его героя въ это время чувства, мысли, проносящіяся вереницей въ его головѣ: о неудачныхъ попыткахъ его предшественниковъ, о желаніи «завить и развить прямые извилины бабьяго мозга»—и яркія картины поворота его, бѣднаго доктора, «пятками назадъ» (любимое выраженіе г. Рудинскаго) предъ этой самой бабьей аудиторіей въ томъ случаѣ, если его проповѣдь имъ не по сердцу придется. А читателю рисуется, если не такая яркая, то не менѣе занимательная картина: передъ 72 бабами въ маленькой переполненной амбулаторіи ошальтый докторъ «напрягаетъ мускулы рта», открывая и закрывая его, а онѣ вмѣстѣ съ фельдшеромъ, недоумѣвая, смотрятъ на него «во всѣ бѣлья», по его выраженію.

Одинъ изъ четырехъ разсказовъ, содержащихся въ книжкѣ, относится къ студенческимъ годамъ автора. И разсказъ этотъ, состоящій на $\frac{3}{4}$ изъ словъ въ кавычкахъ, трактуетъ главнымъ образомъ о томъ, какъ студенты переѣзжали изъ комнаты въ комнату. Что же касается наблюденій г. Рудинскаго на поприщѣ земскаго врача, то они ограничиваются чуть ли не исключительно изображеніемъ крестьянскаго «невѣжества». Изъ опыта г. Рудинскаго читатель узнаетъ, что бабы лѣчатъ болячки сифилиса слюнями, по совѣту знахарокъ, и больше вѣрятъ послѣднимъ, чѣмъ врачамъ; что деревенскіе больные принимаютъ часто прописанное на недѣлю лѣкарство—въ одинъ приѣмъ, и отъ этого иногда умираютъ. Узнаетъ читатель, какъ лѣчатъ колдуны, знахари, заговорщики разныя болѣзни—и въ частности сибирскую язву. Но онъ узнаетъ и то, какъ докторъ (отъ имени котораго ведется разсказъ), удивленный словами бабы о болѣзни сердца, тогда какъ она указываетъ на желудокъ, и не зная, какъ ему выйти изъ непріятнаго положенія и показать, что онъ знаетъ, что у нея за болѣзнь, прописываетъ какое-то придуманное имъ лѣкарство «quid-quid»,—и этимъ отдѣлывается не отъ одной только, а отъ 72 бабъ. И онъ же, этотъ докторъ, возмущается потомъ обманомъ знахарей и заговорщиковъ...

В. В. Сиповскій, прив.-доц. Исторія литературы, какъ наука. („Свободное знаніе“ изд. Тов. М. О. Вольфъ). Спб., безъ года. Стр. 60. Ц. 30 коп.

Бываютъ гимназисты, которые кое-какъ справляются съ заданнымъ имъ сочиненіемъ; только вступленія или заключенія написать не могутъ. Въ предѣлахъ конкретнаго заданія ихъ мысль движется довольно свободно; они безсильны только поставить самый вопросъ на болѣе общую почву, освѣтить его связью съ другими вопросами. Бываютъ и ученые того же типа. Отдѣльныя задачи изслѣдованія, опредѣленныя и узенькія, они исполняютъ вполне благополучно; полезные лабораторныя или архивныя чернорабочіе, они необходимы наукѣ своимъ элементарнымъ, но весьма почтеннымъ трудомъ. Они даже курсы пишутъ, толстые и годные для справокъ. Тамъ, однако, гдѣ необходимо обобщить данныя и результаты ихъ дисциплины не съ механическою послѣдовательностью, но съ философскимъ охватомъ, гдѣ надо рѣшать не отдѣльную задачу, а цѣлую совокупность методологическихъ вопросовъ, тамъ силы имъ отказываютъ. Г. Сиповскій принадлежитъ къ этому типу полезныхъ изыскателей микроскопическихъ истинъ, которые слишкомъ многимъ рискуютъ, когда пытаются воспарить къ методологическимъ высотамъ, да еще не безъ притязаній сказать здѣсь нѣкоторое новое слово. Такую попытку представляетъ собою названная въ заголовкѣ брошюра. Просто жалко видѣть, какъ авторъ, имѣя необходимость ввести начинающихъ въ область извѣстной науки, безсильно барахтается въ безспорныхъ трудностяхъ ея методологіи, комкаетъ важѣйшіе вопросы, не имѣя никакой возможности не только рѣшить, но и поставить ихъ и, наконецъ, предлагаетъ свои выходы, которые способны лишь создать еще худшую путаницу въ этомъ лабиринтѣ. Пока дѣло касается «исторіи нашей науки», еще куда ни шло: можно брать цитаты и имена изъ третьихъ рукъ, располагать ихъ въ какой-нибудь хронологіи и, не переводя духа, «стрѣлять пачками» именъ: «За Ламбекомъ и Гейманомъ слѣдовали многочисленныя ученые, занимавшіеся разработкой литературной исторіи (Моргсфъ, Фабрицій, Штоллъ, Бертрамъ, Йохеръ, Мейзель, Йорденсъ, Вальдъ, Бужине, Бланкенбургъ)». Въ дальнѣйшемъ меньше именъ, но не больше самостоятельности. Кромѣ статей А. Н. Веселовскаго, едва ли авторъ видѣлъ многія изъ тѣхъ сочиненій, которыя онъ охотно называетъ: такъ абстрактны и «осторожны» внѣшнія характеристики, которыя они у него получаютъ. Но не все же заимствовать и поражать воображеніе читателей темными именами: слѣдуетъ самобытная теорія.

Самобытная теорія заключается въ смѣломъ различеніи исторіи и эволюціи. Различеніе это ясно: эволюціонная теорія «приступаетъ къ объясненію фактовъ съ болѣе или менѣе готовой схемой, провѣренной на длинномъ рядѣ аналогичныхъ явленій. Исторія изучаетъ и объясняетъ факты; эволюціонная теорія болѣе

интересуется той связью, которая соединяетъ факты, тѣми процессами, которые претворяютъ одинъ фактъ въ другой». До сихъ поръ мы думали, что «изучать и объяснять факты» значитъ именно опредѣлять соединяющую ихъ связь; теперь оказывается, что это изученіе возможно безъ интереса къ «процессамъ, которые претворяютъ одинъ фактъ въ другой». Точно бывають другіе процессы. «Второе отличіе эволюціоннаго метода отъ историческаго заключается въ томъ, что для перваго важно не столько выясненіе связи явленій съ эпохой и писателемъ, важны не столько хронологическія данныя, сколько *фазисы* развитія извѣстнаго факта, та внутренняя хронологія, которая ставитъ рядъ явленій въ послѣдовательную генетическую преемственность». До сихъ поръ казалось, что это просто двѣ формы работы историка; *plus avons changé tout cela*. Отнынѣ оказывается, что «для историка, напримѣръ, появленіе въ печати «Руслана и Людмилы» и «Кавказскаго Плѣнника» — это факты, связанные прежде всего (?) съ Пушкинымъ и опредѣленными годами его жизни; для эволюціониста, — это только (!) звенья въ длинной цѣпи развитія произведеній и героев опредѣленнаго типа». Чудеса въ рѣшетѣ: эволюціонная теорія можетъ объяснять такіе случаи въ литературѣ, когда «исторія» должна будетъ признать свое безсиліе»; «мало того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ эволюціонная теорія можетъ даже не справляться съ данными хронологіи»; оказывается также, что эволюція греческой поэзіи — «единственная, кажется, эволюція, которая совпадаетъ съ исторіей». Невозможно привести всѣ примѣры этой эволюціонной каши, эти разговоры объ отдѣльномъ литературномъ явленіи, «не связанномъ съ эпохой», о «коренномъ различіи поэтическаго матеріала — *устнаго, письменнаго и печатнаго*», гдѣ авторъ устатриваетъ «три формы творчества», о «могучемъ воздѣйствіи индивидуализма, вносящаго элементъ *случайности* въ исторію». «Справедливо сказано, что стиль отражаетъ индивидуальность писателя, — но прежде, чѣмъ сдѣлаться принадлежностью одного писателя, стиль разрабатывался его предшественниками»: неужто автору неизвѣстна разница между индивидуальнымъ стилемъ и развитіемъ литературнаго языка? Чей стиль «разрабатывался предшественниками»? Если это стиль, скажемъ, Пушкина, то почему онъ «отражаетъ его индивидуальность»? «Жизнь каждого отдѣльнаго человека — это повтореніе эволюціи того народа, къ которому принадлежитъ этотъ человекъ»; нѣсколько смѣло въ столь общей формѣ, но авторъ примѣняетъ это положеніе къ литературѣ: когда-то взрослые зачитывались романомъ авантюръ — «теперь только гимназистъ средняго класса зачитывается Кулеромъ, Жюль-Верномъ и Дюма» и такъ далѣе. Очень хорошо: но почему же русскія дѣти, «повторя эволюцію своего народа», не зачитываются «Моленіемъ Даніила Заточника» или проповѣдями Серапіона? Неужто Дантъ по плечу итальянскимъ подросткамъ?

Въ заключеніе авторъ даетъ опредѣленіе изящной литературы ея исторіи и ея теоріи; отказываемся отъ права процитировать эти образцы безсильной «словесности», схоластической по формѣ и безнадежно безсодержательной. «Строгая научность при доступномъ изложеніи»—таковы черты, которыя редакторы и издатели «Свободнаго Знанія» общають въ предисловіи придать этому изданію. Мы удивились бы редактору литературнаго отдѣла, принявшему статью г. Сиповскаго, если бы этимъ редакторомъ не былъ—г. Сиповскій. Это простительно: въ своемъ дѣлѣ никто не судья.

«Письма темныхъ людей»—перев. Н. А. Куна подъ ред. Д. Н. Егорова („Источники по исторіи Реформаціи“. Изд. Высш. Женск. Курс. Вып. II). Москва, 1907. Стр. XIII+306. Ц. 1 р. 50 к.

Биографъ самаго выдающагося изъ авторовъ «Писемъ темныхъ людей», Д. Ф. Штраусъ, въ своей книгѣ объ Ульрихѣ фонѣ-Гуттенѣ объявилъ совершенно непереводаемымъ знаменитое произведеніе сатирической литературы гуманистовъ. Однако, соблазнъ попытать свои силы въ борьбѣ съ чрезвычайными трудностями схоластической латыни такъ великъ, а желаніе познакомить широкіе слои образованныхъ читателей съ любопытнѣйшимъ европейскимъ памфлетомъ такъ законно, что понемногу за переводъ писемъ обскурантовъ берутся то тамъ, то здѣсь. Эти попытки, при всемъ ихъ вполнѣ понятномъ несовершенствѣ, можно только приветствовать. У насъ «Письма темныхъ людей» вышли подъ ауспиціями ученаго учрежденія, въ качествѣ одного изъ выпусковъ «Источниковъ по исторіи Реформаціи»,—и нельзя не признать, что если бы за «Письмами» не было въ наши дни иного значенія, они могли спокойно остаться въ оригиналѣ достояніемъ специалистовъ. Нѣтъ, «Письма» не только «источникъ по исторіи» и не будутъ только таковымъ до тѣхъ поръ, пока не кончена гуманитарная борьба, въ котрой они составляютъ одинъ изъ яркихъ и интересныхъ эпизодовъ. Совершенно основательно отгнѣяетъ въ своемъ предисловіи редакторъ перевода, что, вопреки ходячему мнѣнію, злой памфлетъ просвѣтителей шестнадцатаго вѣка далеко не былъ «побѣдной пѣснью» надъ мракобѣсіемъ «темныхъ людей». «Въ самихъ письмахъ нерѣдко чувствуется не увѣренность, а надежда, смѣшанная съ опасеніемъ; Письма нерѣдко превращаются въ воинственный кличъ, въ призывъ къ общественнымъ силамъ противъ тьмы и «темныхъ людей». И въ этомъ ихъ громадое общественное значеніе. Въ письмахъ мы предъ собой имѣемъ одинъ изъ самыхъ раннихъ документовъ обращенія группы, убѣжденной въ своей правотѣ, къ широкой общественной поддержкѣ. Письма знаменуютъ собой не только существованіе общественнаго мнѣнія, но и признанное его значеніе».

Печально думать, что черезъ четыреста лѣтъ послѣ своего по-

явленія «Письма» встрѣчаютъ тѣхъ же враговъ, противъ которыхъ они были направлены. Живы «темные люди», по прежнему красуются «Письма» въ папскомъ Index'ѣ—и въ чужой странѣ, столь далеко ушедшей отъ Германіи XVI вѣка, имъ предстоитъ дѣлать ту же необходимую работу воспитанія общественнаго мнѣнія, предстоитъ вести ту же борьбу съ людьми тьмы.

Русскій переводъ, конечно, не сохранилъ и малой доли тѣхъ великолѣпныхъ, поражающе забавныхъ прелестей кухонной латыни, которыми блещетъ подлинникъ. Языкъ дѣлаетъ «Письма темныхъ людей» первокласснымъ художественнымъ произведеніемъ, и не только языкъ. Удивительна сила характеризующаго творчества, съ которымъ авторы говорятъ отъ имени своихъ враговъ, вкладывая въ ихъ наивно-гнусныя исповѣди всю грязь ихъ помысловъ, все невѣжество ихъ схоластическихъ умствованій, всю неповоротливость ихъ макаронического языка. Конечно, воспроизвести этотъ языкъ теперь немислимо; но кой-что, думается, можно сдѣлать, и потому намъ кажется не вполне справедливымъ отзывъ редактора о нѣмецкомъ переводѣ. Быть можетъ, работа Биндера, дѣйствительно, «не вполне безупречна», но въ ней есть яркость; нѣмецкій переводчикъ умѣло строить неуклюжую фразу, умѣло орудуетъ архаизмами—и потому въ общемъ даетъ впечатлѣніе подлинника. Русскій переводъ гладокъ и какъ-то слишкомъ литературенъ; надо думать, что старый русскій языкъ представилъ бы переводчику нѣкоторые ресурсы, если бы онъ хотѣлъ быть нѣсколько художественнѣе.

Но и въ этомъ видѣ работа г. Куна, конечно, представляетъ необходимый вкладъ въ русскую переводную литературу и, вѣроятно, найдетъ многихъ читателей. «Письма темныхъ людей» стоятъ этого, независимо отъ ихъ историческаго значенія. Они такъ божественно наивны, такъ стихійно непосредственны въ своемъ грубомъ, чудовищно непристойномъ издѣвательствѣ надъ распутными врагами и въ то же время такъ тонки въ ученыхъ деталяхъ литературной насмѣшки, что едва ли ихъ превосходитъ какое-либо изъ позднѣйшихъ произведеній европейской сатиры, или памфлета, или пародіи: здѣсь—въ гармоніи коллективнаго творчества цѣлой группы умныхъ и образованныхъ борцовъ—слились всѣ жанры, объединяя высокое искусство и боевую публицистику.

Должно пожалѣть, что для широкой публики слишкомъ многое въ «Письмахъ» остается мало понятнымъ безъ обширныхъ объясненій, которыя не счелъ возможнымъ дать переводчикъ, ограничившись слишкомъ краткими примѣчаніями. Было бы желательно, чтобы онъ получилъ возможность исправить этотъ недостатокъ во второмъ изданіи.

Карль Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства. Переводъ подъ ред. и съ предисловіемъ прив.-доц. І. М. Кулишера. Изданіе книжнаго склада В. С. Соловьевой и В. Г. Никольской. Вып. І. Спб. 1907. Стр. X+196. Ц. 1 р.

Сочиненіе Бюхера составило, несомнѣнно, событіе въ экономической наукѣ. Ново-историческая школа въ области политической экономіи, которая въ теченіе почти четверти вѣка занималась собираніемъ матеріала и изученіемъ первоисточниковъ, здѣсь впервые подвела итоги своей предшествующей работѣ въ видѣ новой теоріи экономической эволюціи, построенной на изученіи дѣйствительной жизни какъ настоящаго, такъ и предыдущихъ эпохъ. Прежнее расплывчатое дѣленіе хозяйственной жизни на натуральную и денежную эпоху, на докапиталистическій и капиталистическій періоды замѣнена была Бюхеромъ ясной и строго научной классификаціей исторіи экономическаго быта на періоды домашняго, городского и народнаго хозяйства. Эта новая періодизація весьма скоро вошла въ науку; спорили только противъ возможности отнесенія всей хозяйственной жизни древняго міра къ эпохѣ замкнутаго домашняго хозяйства. Однако, какъ доказалъ И. М. Гревсъ въ своей работѣ о землевладѣніи въ древнемъ Римѣ, эти возраженія совершенно не выдерживаютъ критики. Наравнѣ со статьей о развитіи народнаго хозяйства стоитъ по своему значенію и другой очеркъ, содержащійся въ первомъ выпускѣ русскаго перевода, о развитіи формъ промышленности. Въ особенности болѣе раннія системы производства—работа на дому и на заказъ въ ихъ различныхъ формахъ подробно изслѣдованы Бюхеромъ. Болѣе краткими замѣчаніями и онъ ограничивается относительно новѣйшихъ формъ промышленности—кустарнаго и мануфактурнаго производства. Большого вниманія заслуживаетъ и статья Бюхера о хозяйственной жизни современныхъ нецивилизованныхъ народовъ. Бюхеръ доказываетъ полную несостоятельность господствующей и до сихъ поръ системы развитія, согласно которой народы переходятъ отъ охоты къ скотоводству и отъ скотоводства къ земледѣлію. Изслѣдованія въ области этнографіи приводятъ къ тому выводу, что скотоводство не только не составляетъ необходимаго фазиса въ развитіи хозяйственной жизни народовъ, но что оно вообще играетъ у большинства народовъ весьма ничтожную роль, и скотъ является гораздо болѣе потребляющимъ элементомъ въ хозяйствѣ, нежели средствомъ пропитанія.

Кромѣ этихъ трехъ статей, въ книжкѣ содержатся еще два очерка: о паденіи ремесла и о первобытной хозяйственной эпохѣ. Въ цѣломъ она представляетъ, несомнѣнно, большой интересъ для русскаго читателя и является цѣннымъ пособіемъ для изученія политической экономіи. До сихъ поръ на рускомъ языкѣ появлялись лишь отдѣльныя статьи изъ этой книги, но и то, что было переведено, уже давно успѣло разойтись. Между тѣмъ потребность

въ русскомъ переводѣ Вюхера, въ особенности среди учащейся молодежи, была весьма велика. Переводъ совершенно удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ.

Словарь для всѣхъ. Общеизвестная энциклопедія. Подъ ред. Невзорова и Рыжова. Изд. „Полезное Знаніе“. Спб., 1907 г. стр. 464 Ц. 2 р. 50 к.

По замыслу издателей, ихъ словарь «долженъ послужить «Общедоступной Энциклопедіей», главнымъ образомъ соціально-политическихъ знаній, и придти на помощь широкому, народившемуся за послѣднее время слою читателей, стремящихся пополнить свои знанія и обосновать свое міровоззрѣніе путемъ самообразованія; онъ долженъ послужить для нихъ справочной, настольной книгой».

Кой что у насъ сдѣлано для этого—есть, напримѣръ, словарь Павленкова; онъ, правда, далеко не удовлетворителенъ. Но онъ составлялся тогда, когда у насъ не было трехъ большихъ энциклопедій; темеръ требованія сильно повышены,—а отвѣтственность предъ новымъ читателемъ заставляетъ повысить ихъ еще болѣе. Для него нѣтъ ничего слишкомъ хорошаго,—и дѣлать предназначенную для него работу, спустя рукава, поистинѣ стыдно. Именно такъ составленъ лежащій предъ нами трудъ, уже встрѣченный похвальными отзывами со стороны тѣхъ, кто хвалилъ въ кредитъ, не потрудившись хоть перелистать словарь.

Мы не поставимъ ему въ укоръ то, что онъ стоитъ на партійной точкѣ зрѣнія. Разъ мы недостаточно культурны для того, чтобы быть объективными или достаточно широкими даже въ пособіи для самообразованія, то тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Въ словарь есть статьи о Гансѣ Гассенпflugѣ, Августѣ Виллихѣ, Францѣ Геккерѣ, Эдуардѣ Давидѣ, Фредерикѣ Курнѣ, Арманѣ Марра, Вельфорѣ Баксѣ, но нѣтъ статей, напримѣръ, о Тютчевѣ, о Мальбраншѣ, о Лессингѣ, о законахъ Ману, о Грильпарцерѣ, объ Арт. Серг. Матвѣевѣ и т. д. Конечно, первые—все люди почтенные, и о нихъ есть упоминанія въ партійной литературѣ, но умѣстно ли такое неравномерное распредѣленіе вниманія въ словарь, который изъясняетъ притязаніе быть пособіемъ для образованія, а не для натаскиванія на соціаль-демократическую программу.

Конечно, здѣсь не все умыселъ; едва ли былъ умыселъ въ томъ, что въ словарь нѣтъ, напримѣръ, статей о вѣротерпимости, о Кейрѣ Гарди, о Ж. Гэдѣ, о Гаагской конференціи и т. д. Это совершенно случайные примѣры—изъ сотни. Въ словарь объяснены слова, которыхъ нѣтъ въ живомъ русскомъ языкѣ, какъ напр., «шартрезцы — см. картезіанцы» или «семинарій — курсъ практическихъ занятій студентовъ подъ руководствомъ профессора». Но за то нѣтъ множества словъ, о которыхъ должно было сообщить энциклопедическія свѣдѣнія или которыя хотъ слѣдовало

объяснить. Напримѣръ, «Страсбургскіе пироги—знам. паштеты изъ гусиной печени съ трюфелями». Предположимъ, что это свѣдѣніе, необходимое для читателя. Однако ни «паштетовъ», ни «трюфелей» въ словарь нѣтъ: что пойметъ простой читатель изъ объясненія? Въ статьѣ о лунатикахъ сказано, что они «реагируютъ» на лунный свѣтъ; пусть читатель, не понявшій этого иностраннаго слова справится о его значеніи въ словарь; онъ найдеть, что реагировать значитъ: «1) измѣниться благодаря воздѣйствію со стороны; 2) отвѣчать на чьи либо слова, дѣйствія и пр.; 3) оказывать противодѣйствіе; давать отпоръ». Какъ послѣ этого объясненія представить себѣ простой читатель отношеніе лунатика къ лунному свѣту? О Смайльсѣ говорится, что онъ написалъ «рядъ монографій по вопросамъ буржуазной морали («Самодѣятельность», «Бережливость», Характеръ»). Неужто это вопросы морали—и непременно буржуазной? Или въ будущемъ стрѣхъ не будетъ нужды въ характерѣ и самодѣятельности? Впрочемъ, мы не знаемъ, что есть мораль для составителей словаря: подъ этимъ словомъ мы находимъ ссылку на статью о нравственности, которой въ словарь тоже нѣтъ. Многочисленные пропуски словаря получаютъ особенно своеобразное освѣщеніе, если ихъ сопоставить съ тѣми статьями, которыя включены въ словарь. Безъ преувеличенія можно сказать, что почти на каждое слово, нашедшее мѣсто въ словарь, приходится другое, имѣвшее на это такое же право, но почему то исключенное. Есть «гамэнъ» и нѣтъ «ладцарони», есть Термопилы и нѣтъ Марафона, есть Лаго-Маджіоре и нѣтъ Онежскаго озера, есть Енисей и нѣтъ Лены, есть Лувель и Равальякъ и нѣтъ Рысакова, есть Кюи и нѣтъ Рубинштейна, есть «транскрипція» и нѣтъ ни «контрапункта», ни «партитуры», есть «Пантеонъ» и «Колизей» и нѣтъ ни Альгамбры, ни Пареннона, есть Л. О. Пантелѣвъ и нѣтъ Солдатенкова. И такъ далѣе безъ конца. Причина намъ кажется простой: въ редакціи словаря не было хозяина, не было твердой руки, не было системы, не было смѣлости самоограниченія, не было образованнаго человѣка, не было знаній. Его составляли недоучки. Самое характерное для нихъ—обывательскія опредѣленія, въ высшей степени неточныя, и потому ничего не объясняющія. «Кокотка—женщина легкаго поведения». Развѣ всякая? Развѣ проститутка изъ ночлежнаго дома называется кокоткой? «*Транскрипція*—переложеніе какого-либо музыкальнаго произведенія для фортепьяно». Почему же непременно для фортепьяно, а не для всякаго другого инструмента?—«*Интервью*—бесѣда съ высокопоставленнымъ лицомъ» и т. д. Развѣ непременно съ высокопоставленнымъ?—«*Некрологъ*—краткая біографія недавно умершаго дѣятеля». Развѣ не бываетъ некрологовъ безъ біографіи?—«*Миссъ*» и «*Мистеръ*» опредѣляются, какъ англійскія «слова обращенія»; но развѣ за глаза не говорятъ «миссъ» и «мистеръ»?

Это типичныя мелочи. Чтобы работать для словаря, мало

имѣть передъ собой нѣсколько словарей. Казалось бы: такъ легко взять изъ нихъ то, что нужно. Но этого мало: надо имѣть способность къ особой, словарной точности выраженія и мысли; даже для того, чтобы заимствовать, надо знать, что и какъ брать изъ чужихъ рукъ. Надо умѣть провѣрять себя и не полагаться на свои общія неопредѣленные представленія. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

«Фондъ литературный—общество взаимнаго вспоможенія литераторамъ, основанное въ 1860 г.» Оффиціальное названіе литературнаго Фонда - «Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» не указано. Затѣмъ, во-первыхъ, въ Фондѣ нѣтъ взаимопомощи: членомъ его можетъ быть и не писатель; во-вторыхъ, онъ помогаетъ также ученымъ; въ третьихъ, онъ основанъ въ 1859-г. Что осталось отъ свѣдѣній, сообщенныхъ словаремъ?—Статья о Катковѣ сообщаетъ, что «травля евреевъ» нашла въ немъ «яркаго выразителя»; на самомъ дѣлѣ именно этого грѣха среди многихъ грѣховъ Каткова не было.—О знаменитомъ редакторѣ «Берега» проф. П. П. Цитовичѣ сообщается, что онъ «въ настоящее время ректоръ кievскаго университета». «Прошу не смѣшивать»,—могъ бы сказать Н. М. Цитовичъ. Но тотъ или иной буржуй—не все ли равно? О Крюгерѣ говорится, что онъ умеръ въ Голландіи, тогда какъ онъ умеръ въ Кларанѣ.—В. Г. Короленко не основатель «народно-соціалистической партіи», Крестовскій - псевдонимъ никогда не назывался Всеволодомъ Крестовскимъ.

Въ полномъ согласіи съ этой систематической и разудалой неточностью--цѣлый рядъ открытій и изобрѣтеній. Положительно нѣтъ области знанія, которую «Словарь для всѣхъ» не обогатилъ бы какой-нибудь нелѣпостью.

Математика: «Диаметръ—линія, проходящая черезъ центръ и соединяющая двѣ точки окружности». То есть, — на примѣръ, дуга?..

Естествознаніе: «Хининъ или хина—вещество... добываемое изъ коры хиннаго дерева». Это не вѣрно: хина есть хинное дерево, а хининъ—алкалоидъ хинной корки. Здѣсь особенно характерно, что словарь вмѣсто того, чтобы вести образовательную борьбу съ неточностями повседневной рѣчи, вытекающими изъ незнанія, закрѣпляетъ ихъ,—ибо «никто не можетъ дать больше, чѣмъ самъ имѣетъ».

«Магнитъ—по мнѣнію составителей—стальная пластинка, обладающая свойствомъ притягивать металлическіе предметы». Но, во-первыхъ, магнитъ притягиваетъ очень не многіе металлы; во-вторыхъ, вѣдь стальной магнитъ—искусственный; не умѣстнѣе ли здѣсь было сказать, что естественный магнитъ это желѣзная руда

извѣстная подъ названіемъ магнитнаго желѣзняка, а въ обиходѣ употребителенъ искусственный, стальной?

Офортъ, по указанію словаря, готовится «посредствомъ вытравливанія крѣпкой водкой (селитряной кислотой). Статьи о послѣдней въ словарѣ, конечно, нѣтъ, ибо по-русски говорить азотная кислота.

Техника: «*Phototypia*—полученіе печатныхъ копій съ фотографическихъ снимковъ». Это не вѣрно: далеко не всѣ многочисленные способы полученія такихъ копій называются фототипіей, подъ которой разумѣютъ совершенно опредѣленный способъ печатанія ризунковъ посредствомъ желатинныхъ клише, полученныхъ при помощи свѣта. «Длиннѣйшій изъ тунелей—Сень-Готардскій». Къ свѣдѣнію географовъ словаря: Симплонскій тунель—длиннѣйшій въ мірѣ—открытъ полтора гда тому назадъ.

Словесность: «*Ода*—лирическое произведеніе въ восторженной формѣ, написанное по поводу какого-нибудь выдающагося событія». Что такое восторженная форма? Не относится ли восторгъ болѣе къ содержанію, не умѣетъ ли было напомнить о стихотворной формѣ и, наконецъ, по поводу какого выдающагося событія написана ода «Богъ»? Во избѣжаніе такихъ непріятныхъ вопросовъ сонетъ опредѣленъ просто: «лирическое стихотвореніе». Коротко, но ясно ли? *Цезура*, по мнѣнію составителей словаря, есть «остановка при чтеніи стиха, подчеркивающая правильность размѣра». Можно подумать, что цезуру дѣлаетъ не авторъ, а чтець, тамъ гдѣ онъ захочетъ. Мы узнаемъ также, что въ «Донъ-Кихотѣ» «осмѣяно выродившееся рыцарство». Пожалуй, даже «самообразующіеся читатели напоминаютъ авторамъ, что никакого рыцарства не было въ эпоху Сервантеса,—были только вырождающіеся рыцарскіе романы.

По психологической эстетикѣ мы узнаемъ слѣдующее: «Человѣческій глазъ настолько привыкъ къ симметріи, что нарушеніе ея часто вызываетъ непріятное чувство». Это непріятное чувство, конечно, обусловлено не общей привычкой къ симметріи, но ея обманутымъ ожиданіемъ въ опредѣленномъ случаѣ; глазъ столько же привыкъ къ симметріи лица en face сколько къ ассиметріи профиля. Къ свѣдѣнію музыкантовъ: «*тактъ въ музыкѣ*—счетъ времени, опредѣляющій скорость исполненія музыкальнаго произведенія». Какіе пустяки! Скорость исполненія опредѣляется темпомъ; тактъ же дѣлитъ движеніе тоновъ на равномерные промежутки.

Перлъ юридическаго мышленія въ статьѣ объ обратной силѣ закона. Основное правило (что законъ обратной силы не имѣетъ) «теряетъ силу—говорится здѣсь—въ случаѣ глубокихъ общественныхъ преобразованій въ родѣ отмѣны крѣпостного права... и т. п. Революціонное законодательство естественно не можетъ считаться съ этимъ юридическимъ правиломъ; оно часто прибѣгаетъ къ

экспроприациямъ, конфискаціямъ, отмѣнѣ привилегій и т. п., т. е. нарушаетъ установившіяся правоотношенія, придавая законамъ обратное дѣйствіе». Такимъ образомъ, отмѣна закона есть обратное дѣйствіе. Интересно знать, какой законъ имѣетъ обратную силу при экспроприации: не старый—ибо онъ отмѣненъ; не новый—ибо если его дѣйствіе называется обратнымъ, то что есть прямое дѣйствіе? Остается прибавить, что законы, имѣющіе обратную силу, есть: такими бываютъ, напримѣръ, новыя формы судопроизводства. На революцію въ словарь вообще ваять не мало нелѣпостей. Такъ, несмотря на то, что диктаторъ опредѣляется, какъ «лицо, облеченное неограниченными полномочіями», въ примѣръ диктатуры, созданной революціей, приводится «диктатура пролетаріата»—то есть диктатура большинства... На эту нелѣпость, впрочемъ, составители словаря не имѣютъ авторскаго права: она повторялась и до нихъ,—правда, больше въ видѣ хлесткаго лозунга, чѣмъ научнаго термина...

Все это случайные примѣры, взятые не при глубокомъ изученіи, но при простомъ просмотрѣ «Словаря», сдѣланномъ не спеціалистомъ. Что же было бы, если бы «Словаремъ», раздѣленнымъ на спеціальности, занялись ученые, детально знакомые съ необходимыми отраслями знаній? Что осталось бы тогда отъ «Словаря»?

«Отдавая свой «Словарь для всѣхъ» на судъ читающей публики, издатели просятъ читателей сообщать обо всѣхъ замѣченныхъ ими недосмотрахъ, ошибкахъ и пробѣлахъ... для того, чтобы эти указанія могли быть использованы при дальнѣйшихъ изданіяхъ «Словаря». Одинъ такой недосмотръ мы можемъ указать издателямъ: они поручили составленіе словаря лицамъ, совершенно для этого непригоднымъ. Желаетъ успѣха «дальнѣйшимъ» изданіямъ словаря», если это—полагаемъ, обоснованное—указаніе будетъ «использовано» въ достаточной мѣрѣ.

А. С. Пругавинъ. Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ. Второе, дополненное, изданіе «Посредника».

Изъ книги г. Пругавина, выпущенной первымъ изданіемъ въ концѣ 1904 г., большинство читающей публики впервые узнало о существованіи своего рода шлиссельбургской крѣпости въ духовномъ вѣдомствѣ и ознакомилось съ порядками этого духовнаго Шлиссельбурга, съ тѣхъ поръ кое-что здѣсь измѣнилось. Изъ предисловія автора мы узнаемъ, что вскорѣ послѣ изданія его брошюры послѣдовалъ цѣлый рядъ распоряженій объ освобожденіи изъ Суздальской монастырской тюрьмы лицъ, сидѣвшихъ въ ней; распоряженія эти печать ставила въ прямую связь съ появленіемъ работы г. Пругавина. Но освободивъ изъ Суздальской и Соловецкой монастырскихъ тюремъ лицъ, заключенныхъ въ нихъ въ то время, правительство не уничтожило эти узники. Суздальская тюрьма существуетъ и до-

нынѣ со всѣми ея атрибутами: архимандритомъ-комендантомъ и военнымъ карауломъ. Такимъ образомъ, появленіе второго изданія книги г. Пругавина болѣе, чѣмъ своевременно. Авторъ выпустилъ ее въ значительно дополненномъ видѣ: добавлены двѣ новыхъ статьи: «Предполагавшееся заточеніе графа Л. Н. Толстого въ Суздальскій монастырь» и «Одинъ изъ Суздальскихъ узниковъ (священникъ Гер. Ив. Цвѣтковъ)». Въ первой изъ этихъ статей авторъ рассказываетъ о попыткѣ графа Д. А. Толстого, бывшего тогда оберъ-прокуроромъ св. синода, добиться у Александра III приказа о заточеніи Л. Н. за его еретическія сочиненія въ монастырь, «безъ права писать». Говорятъ, что только заступничество родной тетки великаго писателя графини А. А. Толстой помѣшало совершиться этому преступленію. Александръ III, подготовленный графиней Толстой, отклонилъ докладъ Д. А. Толстого: «Прошу васъ Толстого не трогать» — сказалъ царь. — «Я нисколько не намѣренъ сдѣлать изъ него мученика и обратить на себя всеобщее негодованіе. Если онъ виноватъ, тѣмъ хуже для него».

Но особенно цѣннымъ дополненіемъ книги г. Пругавина являются напечатанныя въ приложеніи донесенія и черновики рапортовъ архимандрита Суздальскаго монастыря о заключенныхъ въ монастырской крѣпости. Этими замѣчательными документами, впервые появляющимися въ печати, вскрывается вся безосновательность тѣхъ мученій, которымъ подвергало духовное вѣдомство своихъ плѣнниковъ. Разсматривая «краткія вѣдомости арестантамъ Спасо-Ефиміева монастыря» и списки заключенныхъ, сообщавшіеся владимирскому губернатору, трудно найти среди многихъ десятковъ узниковъ хоть одно лицо, преступленіе котораго хоть сколько нибудь соотвѣтствовало бы тягости наложеннаго на него наказанія. «Ослушаніе къ начальству», «самовольная отлучка и другіе не свойственные духовному лицу поступки», «безиравственная жизнь», «склонность къ пустымъ доносамъ и кляузамъ, безпокойный нравъ, злонамѣренныя дѣйствія и нарушеніе порядка и тишины въ монастырѣ», «ложныя и противныя догматамъ христіанской вѣры мысли», «распространеніе сектаторскихъ дѣйствій», обнаруженныя въ прошеніяхъ на высочайшее имя и въ св. синодѣ сужденія, «не сообразныя со здравымъ разсудкомъ и даже опасныя при нахожденіи его узника на свободѣ», «религіозная мечтательность» и т. п. — вотъ тѣ преступленія, за которыя томилось большинство заключенныхъ *всю жизнь*, въ монастырскихъ казематахъ. Тягчайшія преступленія сводились къ принятію за границей епископскаго сана, распространенію тамъ-же «лже-каедръ», къ ложному толкованію священнаго писанія и т. п. Многие заключенные томились въ тюрьмахъ даже не за преступленія, а «по разстройству ума», «по нездравомыслію», «по ненормальности разсудка» и т. п.

Первое изданіе книги г. Пругавина вызвало «возраженія» со

стороны духовнаго цензора о. Александра. Можетъ быть, «смирненныя иноки» будутъ возражать и противъ своихъ собственныхъ документовъ?

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ списокѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ, котора не принимаетъ на себя комиссіи по приобретенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. Ф. Павленкова. *Искандеръ* (А. И. Герценъ). Съ того берега. Спб. 1906. Ц. 40 к.—*Его же*. Кн. Екатерина Романовна Дашкова. Ц. 20 к.—*Его же*. Русскій народъ и социализмъ. Ц. 10 к. Спб. 1906 и 1907.

Изд. „Знаніе“. Спб. 1907: *Т. Г. Шевченко*. Кобзарь. Ц. 1 р.—*Августъ Бебель*. Шарль Фурье. Его жизнь и ученіе. Ц. 50 к.—*С. Гусевъ-Оренбургскій*. Разказы. Т. II. Ц. 1 р.—Сборники XIV—XVI за 1907 г. Ц. 1 р.—*П. Кропоткинъ*. Идеалы и дѣятельность въ русской литературѣ. Ц. 1 р.—*Шелли*. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Ц. 2 р.—*П. Кампф-гейеръ*. Проституція, какъ общественно-классовое явленіе и общественная борьба съ нею. Ц. 20 к.—*А. Серафимовичъ*. Томъ II. Разказы. Ц. 1 р.—*С. Юшневичъ*. Томъ IV. Очерки дѣтства. Ц. 1 р.

Семенъ Юшневичъ. Человѣкъ. Изд. „Знаніе“. 1907. Ц. 30 к. Изд. „Миръ“. М. 1907. *В. Бельше*. Происхожденіе человѣка. Ц. 50 к.

Изд. И. Д. Сытина. М. 1907. *В. П. Вахтеровъ*. Сборные вопросы образованія. Ц. 25 к.—*Его же*. Предметный методъ обученія. Ц. 50 к.

Изд. „Право“. Спб. 1907. Подъ ред. *Н. И. Лаваревскаго*. Законодательные акты переходнаго времени. Ц. 1 р. *Антонъ Менгеръ*. Народная политика. Ц. 25 к.

В. Чарнолуцкий. Социализмъ и народное образованіе. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Изд. „Равенство“. М. 1906. *Михаилъ Бакунинъ*. Богъ и государство. Ц. 50 к.

Д. А. Деворъ. Слѣпое поклоненіе—безуміе. Трагикомедія въ 3 дѣйств. Спб. 1907. Ц. 20 к.—*Его же*. Выборная кампанія. I. Блокъ. Трагикомическія сценки въ 2 дѣйств. Ц. 30 к.

Изд. „Новое Товарищество“. Спб. 1907. *Ө. Тищенко*. Кормилецъ въ

тюрмѣ. Ц. 5 к.—*В. Муйжель*. Аренда. Ц. 15 к.—*В. Дмитриева*. Пчелы жужжатъ. Ц. 20 к.

Изд. Саблина. М. 1907. *Танъ*. Мужики въ Государственной Думѣ. Ц. 10 к.

Изд. „Молодое Крестьянство“. М. 1907. Ц. 12 к. *Страдная пора*. Сборникъ статей для крестьянъ. Ц. 12 коп.

„Библиотека Свѣточа“. Спб. 1907. *Д. Н. Овсянко-Куликовскій*. Гоголь. Ц. 1 р.

А. Ульянова. Дружба въ мірѣ животныхъ. Разказы для дѣтей младшаго возраста. Ц. 30 к.

Изд. „Свободная Россія“. М. 1906.

Е. А. Звягинцевъ. Какъ нужно преобразовать наши Городскія Думы и управы. Ц. 10 к.—*В. П. Алексеевъ*. Первый русскій парламентъ. Ц. 15 к.—*Е. А. Звягинцевъ*. О земствѣ. Ц. 10 к.—*А. Пругавинъ*. Вопиющее дѣло. Ц. 10 к.—*В. Г. Короленко*.

Трагедія генерала Ковалева и нравы военной среды. Ц. 10 к.—*А. Н. Максимовъ и С. Ф. Фортунатовъ*.

Одна или двѣ палаты? Ц. 10 к.—*И. А. Петровский*. Всеобщее избирательное право. Ц. 10 к.—*П. Н. Миллюновъ*. Демократизмъ и вторая палата. Ц. 10 к.—*И. Н. Игнатовъ*. Изъ исторіи рабочаго движенія во Франціи. Ц. 10 к.—*Его же*. Печать во Франціи въ прошломъ и настоящемъ. Ц. 20 к.—*С. Ф. Фортунатовъ*.

Права гражданина въ Англіи и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Ц. 6 к.—*Его же*. Основныя начала англійской конституціи. Ц. 10 к.—*М. Богословскій*. Конституціонное движеніе 1730 г. Ц. 10 к.—*Его же*. Бытъ и нравы русскаго дворянства. Ц. 15 к.—*Его же*. Изъ исторіи верховной власти въ Россіи. Ц. 10 к.—*М. Н. Андреевъ*. Германія въ 48-году. Ц. 20 к.—*А. Е. Джигилевъ*. Крестьяне въ революціяхъ 48 года. Ц. 10 к.—*В. П. Алексеевъ*. На-

чало и конецъ самодержавія въ Рос-
си. Ц. 15 к.—**А. И. Чупровъ**. Къ
вопросу объ аграрной реформѣ. Ц.
15 к.—**Его же**. Агрономическая по-
мощь населенію въ Италіи. Ц. 15 к.—
Его же. Реформа земледѣлія въ Ита-
ліи. Ц. 15 к.—**Его же**. Мелкое земле-
дѣліе въ Россіи и его основныя нужды.
Ц. 15 к.—**Его же**. Аграрная рефор-
ма. Ц. 10 к.—**Ю. Подвинскій**. Кон-
ституція царства Польскаго и ея судь-
ба. Ц. 15 к.—**Л. Родіоновъ**. Право-
вое государство. Ц. 35 к.—**В. Якуш-
кинъ**. Крестьянская реформа 1861 г.
и русское общество. Ц. 10 к.—**А. О.
Вилевскій**. Земельный вопросъ и
национализация земли. Ц. 20 к.—Къ
исторіи декабристовъ. Ц. 10 к.—**Вл-
лоруссовъ**. Изъ пережитаго. Ц.
20 к.—**Давидъ Самойловъ**. Револю-
ція 48 года во Франціи. Ц. 15 к.—
И. Соболевъ. Экономическіе интере-
сы и группировка политическихъ пар-
тій въ Россіи. Ц. 10 к.

Изд. „Посредникъ“. М. 1907. **Ад.
Шиманскій**. Тоска по родинѣ. Ц.
2 к.—**Θ. Поступаевъ**. Жена рабо-
чачо. Ц. 3 к.—**Н. Тимковскій**. Пе-
редъ судомъ. Ц. 2 к.—**Ив. Нажи-
винъ**. На высотѣ. Ц. 2 к.—**Его же**.
Благодѣтели. Ц. 2 к.—**И. Горбу-
новъ-Посадовъ**. Братская кровь. Ц.
3 к.—**Н. Телъный**. Наслѣдство. Ц.
3 к.—**Θ. Поступаевъ**. У земли и у
котла. Ц. 20 к.—**Джонъ Дьюи**.
Школа и общество. Ц. 30 к.—**Л. Н.
Толстой**. Божеское и человѣческое.
Ц. 25 к.

Я. М. Бѣлый. Изъ недавней ста-
рины. Воспоминанія земскаго врача
70-хъ годовъ. Новгородъ. 1907. Ц. 75 к.

Физика для народа. Теплота въ
восьми лекціяхъ. Б. Розинга. Изд. Сы-
тина. Ц. 50 к.

Изд. Другъ Народъ. Спб. 1907.
Г. Конг. Всеобщая забастовка въ Фин-
ляндіи. Ц. 25 к.

Б-ка „Общественной Пользы“. Спб.
1907. **Н. Н. Полянскій**. Стачки
рабочихъ и уголовный законъ. Ц. 1 р.
50 к.

Анатомій Каменскій. Разказы.
Томъ I. Г. М. Попова. Спб. Ц. 1 р.

Библиотека перваго драматическаго
передвижнаго театра за первый годъ
дѣятельности передвижнаго театра. Се-
рія 1905 г. выпускъ 5. Ц. 20 к.

А. А. Сахаровъ. На пути къ
братству народовъ. Сборникъ статей
о международномъ языкѣ эсперанто.
Ц. 60 к. 1907.

Книгоиздательство „Сотрудничество“.
Соціализация земли. Сборникъ статей.

Выпускъ первый. Москва. 1907. Ц.
80 коп.

Викторъ Стражевъ. О печали
свѣтлой. К-во Заратустра. М. 1907.
52 стр. Ц. 60 к.

В. Башикинъ. Стихотворенія (Гра-
жданскіе мотивы. Лирика). Книгоизда-
тельство „Дѣло“. Спб. (безъ года). Ц.
50 к.

„Письма темныхъ людей“. Пер.
Н. А. Куна и р. Д. Н. Егорова. (Исто-
чники по исторіи реформациі изд. выпш.
женскъ курсовъ. Вып. II). Москва. 1907.
Ц. 1 р. 50 к.

Словарь для всѣхъ. Общедо-
ступная энциклопедія. Подъ ред. Не-
взорова и Рыжова. Изд. „Полезное
Знаніе“. Спб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

К. Чуковский. Поэты-анархисты
Уотъ Уитманъ. Пер. въ стихахъ и ха-
рактеристика. Изд. „кружка молодыхъ“.
Спб. (безъ года). 85 стр. Ц. 50 к.

Эмиль Верхарнъ. Обезумѣвшіе
деревни. Пер. Н. Васильева. Изд. Ка-
зан. Ком. общ. помощи голодающимъ.
Казань. 1907. Ц. 60 к.

Артуръ Шницлеръ. Діалоги: 1.
Анатолий. 2. Хороводъ. Пер. съ нѣм.
Изд. Пирожкова. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Карлъ Бюхеръ. Возникновеніе
народнаго хозяйства. Публичныя лек-
ціи и очерки. Пер. съ 5 нѣм. изд. подъ
ред. и съ предисловіемъ прив.-доцента
І. М. Кулишера. Изд. книжнаго склада
„Новая Жизнь“. Вып. I. Спб. 1907.
Ц. 1 р.

Сергій Еречетовъ. Алая книга.
Стихотвореніе. Книг-ство „Грифъ“.
М. 1907. Стр. 88. Ц. 50 к.

**Ежегодникъ вѣтшинольнаго об-
разованія**. Вып. I. Подъ ред. В. И.
Чарнолусскаго. Изд. И. Д. Сытина.
М. 1907. Ц. 1 р.

Изабелла Гриневская. Право
книги. Спб. 1907. Стр. 69. Ц. 1 р.

Модестъ Чайновскій. Катерина
Сіенская. Мистерія. М. 1907.

Тардье. Скука. психологическое
изслѣдованіе. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Др. В. Бентовинъ. Торгующія
тѣломъ. Изд. Л. Крумбюгеля. М. 1907.
Ц. 80 к.

Федоръ Сологубъ. Истлѣвающія
личины. Книга разказовъ. К-во
„Грифъ“. М. 1907. Стр. 108. Ц. 1 р.

Метерлинкъ. Томъ II. Пер. Л. Виль-
кинов. Изд. Пирожкова. Спб. Ц. 2 р.
Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1907.

Е. Аничковъ. Побѣдоносцевъ. Ц.
50 к.—**Алексій Ремизовъ**. Мор-
щинка.—**С. Рафаловичъ**. Отвергну-
тый Донъ-Жуанъ. Ц. 60 к.—**Лордъ
Байронъ**. Каинъ.—Бердслей.—**Гю-**

беръ Лягарделль. Революционный синдикализмъ. Ц. 40 к.—Литературно-художественные альманахи. Изд. „Шивонникъ. Книга первая. Ц. 1 р.

Изд. „Донская Рѣчь“. Ростовъ на Дону. 1907. Андрей Ивановичъ Желябовъ и Софья Львовна Перовская. Ц. 10 к.—Первое вооруженное сопротивление, —первый военный судъ. Ц. 8 к.—**А. В. Тырновъ.** Къ событію 1-го марта 1881 г. Ц. 8 к.—Александръ Дмитриевичъ Михайловъ. Ц. 6 к.—**Н. Павловъ Сильванскій.** Декабристъ Пестель предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ. Ц. 70 к.—**О. В. Антенманъ.** Изъ исторіи революціоннаго народничества. „Земля и Воля“ 70-хъ годовъ. Ц. 85 к.—**Н. Фальковъ.** Шесть мѣсяцевъ военно-полевой юстиціи. Ц. 15 к.—Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1902 г. Ц. 50 к.—Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 г. Ц. 30 к.—Литература партіи народной воли. Подъ ред. В. Базилевскаго. Вып. I и II. Ц. по 1 р.—Революціонная журналистика семидесятихъ годовъ. Ц. 1 руб. Государственные преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ. Томъ первый (1825—1876 г.). Ц. 1 р. 50 к.; томъ второй (1877 г.). Ц. 1 р.; томъ третій (продѣсь 193-хъ. Ц. 1 р.—Былое, журналъ, издававшийся заграницею подъ ред. **В. Л. Бурцева.** Вып. I и II. Ц. по 50 к.—Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ гг. Ц. 75 к.—Процессъ шестнадцати террористовъ (1880 г.). Ц. 60 к.

Изд. „Просвѣщеніе“. Спб. 1907: **Карлъ Марксъ.** Восемнадцатое броюра Луи Наполеона. Ц. 30 к.—**Роза Люксембургъ.** Соціальная реформа или революція? Ц. 30 к. **Фр. Энгельсъ.** Анти-Дюрингъ. Ц. 1 р.—**Г. Ленъ.** Интернаціональ. Ц. 80 к.

Изд. И. Д. Сытина. М. 1907 г.: **Л. Добрынинъ** и **Ө. Валуинъ.** Прикаспійскія степи. Ц. 40 к.—**Т. Л. Хитрово.** Уралъ. Ц. 40 к.—**А. Левинъ.** Финляндія. Ц. 45 к.—**Н. Дилевская.** Черноморскія степи. Ц. 40 к.—**Ив. Озеровъ.** Земское обложение, и въ чемъ должна состоять его реформа. Ц. 10 к.

Изд. „Посредникъ“. М. 1907. **Генри Джорджъ.** Земельный вопросъ, его сущность и его единственное рѣшеніе. Ц. 10 к.

Изд. „Міръ“. М. 1907. **К. Марксъ** и **Фр. Энгельсъ.** Литературное наследство. Т. I. Ц. 2 р. 25 к.

Изд. „Ключъ“. Спб. 1907. Полити-

ческая энциклопедія подъ ред. Л. З. Слонимскаго. Т. I. Вып. 4.

Изд. „Библиотека декабристовъ“. М. 1907. Вып. 3-й. **Е. Ө. Рытеевъ.** Томъ второй. Ц. 80 к.

Проф. **П. П. Мишулинъ.** Настоящее и будущее русскихъ финансовъ. Харьковъ. 1907.

Изд. „Общественная Польза“. Спб. 1907. **А. Я. Ефименко.** Исторія Украины и ея народа. Ц. 50 к.

Изд. „Юнаго Читателя“. Спб. 1907. **А. Алтаевъ.** Раззоренная гнѣзда. Ц. 80 к.—**Э. Пименова.** За океаномъ. Ц. 30 к.

„Задачи социалистической культуры“. Спб. 1907. **М. Мауренбрехеръ.** Социализмъ и международныя отношенія.

Изд. „Fraternite“. М. 1907. **М. Бакунинъ.** Кнута-германская имперія и социальная революція. Ц. 65 к.

Изд. „Самоуправленіе“. М. 1907. **Ачадовъ.** Государственная власть и мѣстное самоуправленіе. Ц. 10 к.

Изд. „Жизнь и Правда“. М. 1906. **Е. Муромскій.** Быть и нужды торгово-промышленныхъ служащихъ. Ц. 10 к.

Изд. „Вѣрный Путь“. Спб. 1907. **В. Василевичъ.** Записки депутата второй Госуд. Думы. Ц. 4 к.—**Л. Николаевъ.** Народная газета. Ц. 4 к.—**А. Зиминъ.** Церковь и государство. Ц. 7 к.

Изд. „Трудовой союзъ“. Спб. 1907. **В. Севинъ.** Правильный передѣлъ земли. Ц. 10 к.—**Вас. Вовчокъ.** Какъ земля обогатитъ народъ. Ц. 12 к.—**А. Бичъ.** Крестьянская дума въ тюрьмѣ. Ц. 7 к.

Изд. „Свободный Трудъ“. Спб. 1907. Д-ръ **Н. В. Васильевъ.** Восьмичасовой рабочей день и его культурное значеніе. Ц. 8 к.

Изд. „Трудъ и борьба“. Спб. 1907. **Веніаминъ Марновъ.** Личность въ правѣ. Ц. 25 к.

Изд. „Другъ Народа“. Спб. 1906. **Э. Лабуле.** Принцъ-Собачка. Ц. 30 к.—**Б. С-тъ.** Въ сумеркахъ. Эскизъ. Ц. 2 к.—**В. Моррисъ.** Какъ я сталъ социалистомъ. Ц. 2 к.—Дневникъ шпіона. Съ польскаго Ф. Кона. Ц. 15 к.—**Ю. Гарденинъ.** Что дѣлать въ крестьянствѣ. Ц. 10 к.—Въ подпольѣ. Очерки изъ жизни русскихъ революціонеровъ 70—80 гг. Пер. съ франц. Ц. 30 к.—**В. Чернезовъ.** Предтечи интернаціонала. Ц. 30 к.—**Б. Шоарце.** Семь лѣтъ въ Шлиссельбургѣ. Ц. 25 к.—Софья Иларіоновна Бардина. Ц. 5 к.

Изд. „Знаніе“. Спб. 1907. **Шелли.**

Ченчи. Трагедія. Пер. съ англ. Бальмонта. Ц. 50 к.—**С. Гуревичъ**. Радикальная буржуазія и профессиональные союзы. Ц. 20 к.—**Карлъ Каутский**. Эрфуртская программа. Ц. 30 к.—**І. Шпернъ**. Государство будущаго. Ц. 8 к.

Изд. „Движеніе“. М. 1907. Ц. 40 к.
В. Мечъ — **Череванинъ**. — **Вл. Горнъ**. Борьба общественныхъ силъ въ русской рволюціи. Ц. 40 к.

Изд. „Фугасъ“. Гельсингфорсъ. 1907.
С. А. Цюонъ. Три дня возстанія въ Свеаборгѣ. Ц. 65 к.

Изд. „Дѣло“. Спб. 1907. **И. Чернышевъ**, **А. Лосицкій**, **П. Малосъ**. Крестьянское право и община предъ Государственной Думой. Ц. 25 к.—**П. А. Берлинъ**. Политическія партіи въ Западной Европѣ. Изд. Башмаковыхъ. Спб. 1907. **Л. Я. Пясецкій**. Алгебра для среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 35 к.

А. Гидони. Въ мавсардахъ. Драма. этюдъ. Спб. 1907. Ц. 25 к.

Ив. Генишинъ. Зарницы. Рига. 1907. Ц. 45 к.

Петръ Коваловъ. „Экзерсисы“. Вологда. 1907.

Никола Роничъ. Ночь слезъ. Черноморская быль. Ц. 15 к.

С. Горяиновъ. Босфоръ и Дарданеллы. Спб. 1907. Ц. 2 р.

П. И. Люблинскій. Право амнистїи. Спб. 1907. Ц. 2 р.

С. Герцъ. Разгромъ средней школы. М. 1906. Ц. 35 к.

Гельдъ. Соціальная исторія Англіи. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Петръ Гордиенко. Протестъ противъ раззорительныхъ дѣйствій россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Екатеринодаръ. 1906. Ц. 75 к.

С. Заварянъ. Экономическія условія Карабага и голодъ 1906—1907. Ц. 30 к.

Вал. Свенцицкій. Религіозный смыслъ Бранда. Спб. 1907. Ц. 10 к.

И. С. Бѣляевъ. Слѣдственное дѣло объ убїеіи Димитрія царевича. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Dr. Stanislaw Garski. System Filozofii Tom I. Warszawa. 1907.

Диллетантъ. Попытка сказать правдивое слово о земельномъ вопросѣ. М. 1907. Ц. 25 к.

А. Ю. Венгеръ. Пенсія престарѣлымъ или страхованіе на случай старости? Харьковъ. 1907. Ц. 40 к.

П. Коутка. Опытъ программы аграрной реформы. Семипалатинскъ. 1907. Ц. 75 к.

О. Блюменталь. „Стекланный домъ“. Ком. въ 3-хъ дѣйств. Спб. 1907. Ц. 40 к.

С. Бондаревъ. Тактика трудовой группы. **И. Субботинъ**. Роспускъ первой Государственной Думы. Спб. 1907. Ц. 10 к.

Ив. Озеровъ. На борьбу съ народной тьмой. М. 1907. Ц. 10 к.

Алфъ. Похвала пьянству и письма о немъ деревенскихъ людей. Pamфлетъ. Спб. 1907. Ц. 25 к.

Н. Бычковъ. Государственные расходы на народное образование. М. 1907. Дисциплинарное дѣло о присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощникахъ, пытавшихся въ октябрѣ 1905 г. прекратить занятія въ Киевскомъ окружномъ судѣ. Киевъ. 1907.

Матеріалы по выборамъ члена Государ. Думы по гор. Кишиневу въ январѣ 1907 г. Кишиневъ 1907.

Обзоры текущей популярной литературы. Вып. I. Киевъ 1907. Ц. 15 к.

Статистическій ежегодникъ Московской губ. за 1906 г., части первая и вторая. М. 1907.

Труды первого всероссійскаго съѣзда фельдшеровъ, фельдшерницъ и акушеровъ въ г. Москвѣ. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к. Сборникъ свѣдѣній по саратовской губ. за 1906 годъ. Вып. I.

Извѣстія Московской городской думы. Мартъ. М. 1907.

Акты царствованія Екатерины. II. Подъ ред. Г. М. Шмелева. М. 1907. Ц. 60 к.

Изд. „Научное Слово“. М. 1907. Проф. **Д. М. Петрушевскій**. Очеркъ изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. Ц. 1 р. 70 к.

Библіотека для дѣтей И. Горбунова-Посадова. Черезъ рѣчку. Ц. 40 к.—Снѣгурка. Ц. 30 к.—Шалуны. Ц. 30 к.—Желѣзная дорога. Разказы и стихи. Ц. 40 к.—Любимая книжка. Ц. 40 к.—Другъ за дружкой. Разказы В. Лукьянской для маленькихъ дѣтей. Ц. 40 к.—Теремокъ мышки.—Сказка. Ц. 30 к.—Лѣсные звѣри. Ц. 40 к.—Друзья-прїятели. Разказы и стихи для маленькихъ дѣтей. Ц. 25 к.—Рождественскій подарокъ. Разказы для дѣтей. Ц. 15 к.—Первые цвѣточки. Разказы и стихи для маленькихъ дѣтей. Ц. 12 к.

2 р.; отъ Е. Д.—10 р.; отъ Л. А.—1 р. 50 к.; отъ А—выхъ
1 р.; отъ М. К.—50 к.; отъ Ю. К.—25 к.; отъ Д. Г.—25 к.

Итого 231 р. 49 к.

А всего съ прежде поступившими 546 р. 68 к.
Послано Е. Е. Серебровскому въ Нижегородскую губ . 300 р.

Остается въ конторѣ 246 р. 68 к.

Въ пользу дѣтскихъ столовыхъ въ голодающ. губ.: отъ
В. Кандіано—2 р.; отъ у-въ Сторожевскаго уч-ща, Полтавскаго
уѣзда—3 р. 50 к.

Итого 5 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 44 р. 25 к.

Въ пользу жены машиниста Ухтомскаго: отъ К . . . ь—5 р.;
отъ У.—5 р.; отъ О. В. и Н. Н. С., изъ Харькова—5 р.

Итого 15 р.

Въ пользу нуждающ. бывшихъ депутатовъ первой Го-
сударств. Думы: отъ М. К. А-ой—1 р.

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ Н. Тахчогло,
изъ Одессы—35 р.; отъ „Я. Г.“—2 р.; отъ М. М. Тр.—15 р.;
отъ Н—25 р.; отъ Ново-Ушицкой интеллигенціи—20 р.; отъ
подписчицы изъ Ломжи—5 р.; отъ Б., Ш. и Р.—10 р.; черезъ
редакцію газ. „Волжское Слово“—110 р.; отъ М. К. А-ой—2 р.;
отъ Е. Львовой—3 р.; „изъ Шлиссельбурга“—25 р.; отъ
Н. М. Г. 4-й взносъ—10 р.; изъ Калиша—3 р.; отъ В. Егоро-
вой—3 р.; отъ Н. Н.—10 р.; отъ Н. Рентельнъ, изъ г. Велижа—
4 р. 80 к.; отъ Е. Коренёва—3 р. 60 к.

Итого 286 р. 40 к.

Въ пользу шлиссельбургскаго комитета: отъ М. М.
Тр.—5 р.

Въ пользу безработныхъ: отъ Мойсеенко, изъ Ростова на
Дону—6 р.

Продолжается подписка на 1907 годъ

(XV-ый ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Вл. Гал. КОРОЛЕНКО

и при ближайшемъ участіи Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокиевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшихонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—9 р.; на 6 мѣс.—4 р. 50 к.; на 4 мѣс.—3 р.; на 1 мѣс.—80 к.

Безъ доставки: на годъ—8 р.; на 6 мѣс.—4 р.

Съ наложеннымъ платежемъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к.

За границу: на годъ—12 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 1 мѣс.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, *Никитскія вор., д. Гагарина.*

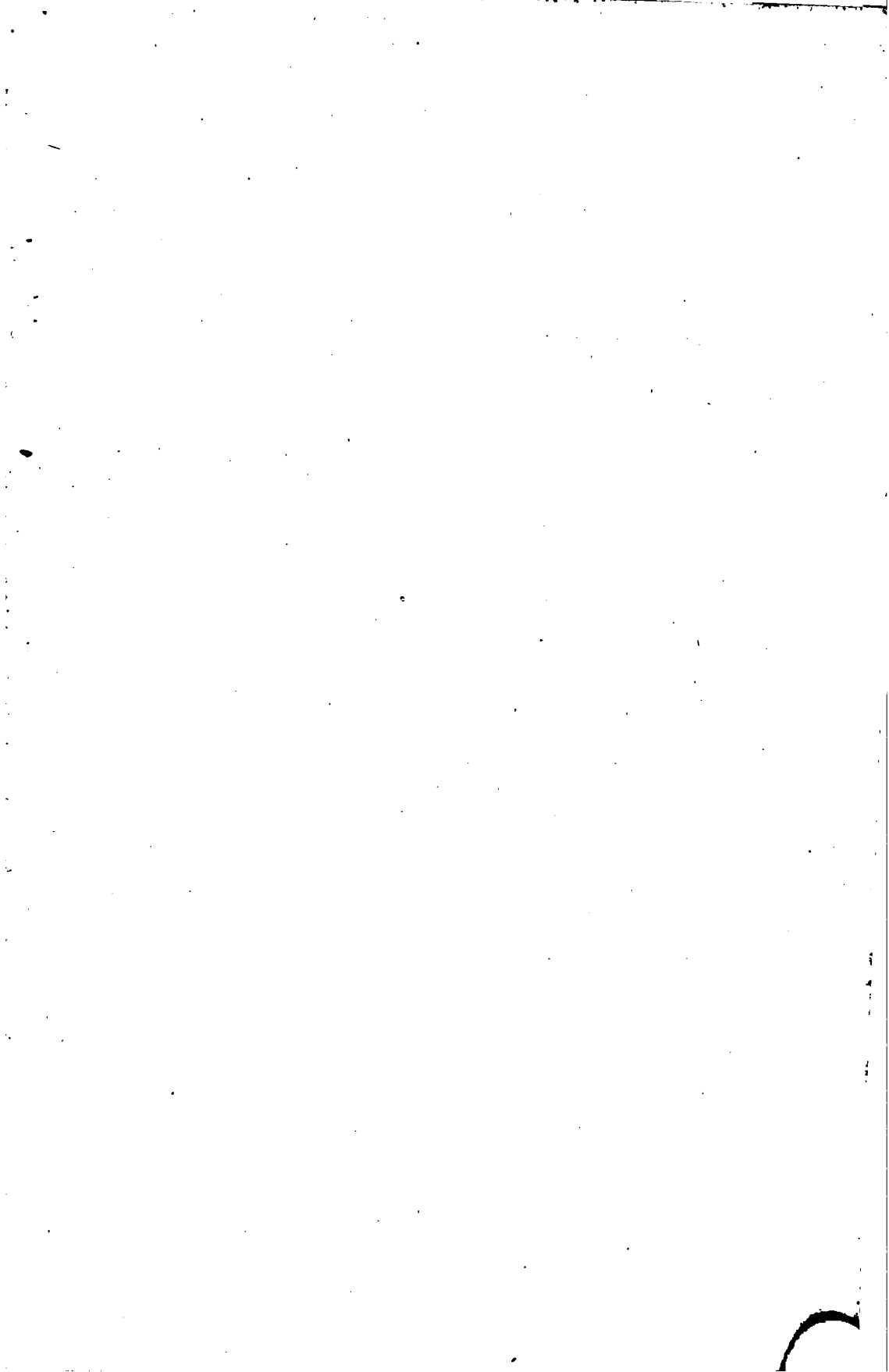
Въ Кіевѣ — въ отдѣленіи конторы — *Крещатикъ, 42.*

Въ Одессѣ — въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго, — *Пассажъ *).*

Доставляющіе подписку **КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛИОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРИЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ** могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ cadaго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп., **ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ ЕСРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ!**

Подписка въ разсрочку или не вполне оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства“.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.**

Please return promptly.

